ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

2
2020

ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2020 №2

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2020

2 (12)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Периодическое издание
DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Драконовы деревья — символ острова Сокотра (*фото М. С. Булах*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2020

2 (12)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 2 (12). — М.: ИВ РАН, 2020. — 374 с.

ISSN 2618-7302
DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

Опубликованные в журнале «Вестник Института востоковедения РАН» статьи прошли процедуру анонимного рецензирования и экспертного отбора. Научное содержание публикаций, наименование и содержание разделов соответствуют требованиям к рецензируемым научным изданиям Высшей аттестационной комиссии при Министерстве образования и науки Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты на соискание ученой степени доктора наук и кандидата наук по следующей группе научных специальностей:

07.00.00 Исторические науки и археология

07.00.03 Всеобщая история (соответствующего периода)
07.00.06 Археология
07.00.09 Историография, источниковедение и методы исторического исследования
07.00.15 История международных отношений и внешней политики

10.00.00 Филологические науки

10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
10.01.08 Теория литературы, текстология
10.02.20 Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание
10.02.22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки

23.00.00 Политические науки

23.00.01 Теория и философия политики, история и методология политической науки
23.00.02 Политические институты, процессы и технологии
23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития
23.00.05 Политическая регионалистика. Этнополитика
23.00.06 Конфликтология

СОДЕРЖАНИЕ

От редакции 11

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

К ЮБИЛЕЮ В. В. НАУМКИНА

Белокреницкий В. Я., Романова Н. Г. 75 лет академику РАН Виталию Вячеславовичу Наумкину, главному редактору журнала «Вестник Института востоковедения РАН» 12

Яковлев А. И. Неутомимый Наумкин 15

Алаев Л. Б. Всемирная и локальные истории как объекты историософии 17

Аникеева Т. А. Два путешествия и один текст: Е. Э. Картавцев и И. А. Бунин в Каире 29

Белокреницкий В. Я. Долина Инда в современную эпоху — от редкого населения к перенаселенности 37

Бабкин С. Э. Антитеррористическая операция «Синай–2018»: некоторые итоги 51

Горбунова Н. М., Иванова И. И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы 64

Дубровская Д. В. Трагедия на краю Великого Шелкового пути: неоднозначные причины и непредвиденные последствия Янчжоуской (760 г.) и Гуанчжоуской резни (879 г.) 80

Матросов В. А., Кривошеева М. В. Между джинн и шайа̄т̣ӣн: недосказанное 96

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

ДРЕВНИЙ ЕГИПЕТ

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть III 109

Малых С. Е. Египетские рельефные фляги греко-римского времени в Гизе 128

Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних путешественников (XII–XVIII вв.) 146

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ХОРЕЗМ

Гончаров Е. Ю., Армарчук Е. А. Монеты средневекового Садвара в Южном Хорезме 160

Тимохин Д. М. «Тарих-и Алфи» как источник по истории Хорезма и государства Гуридов 175

Тишин В. В. Рецензия на книгу: Тимохин Д. М. «‘Ала’ ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг.» 187

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СВИДЕТЕЛЬСТВА О ВОСТОКЕ

Дробышев Ю. И. Чингисхан о власти (по материалам «Сокровенного сказания монголов») 198

Курникова О. М. Город Кефе в письменных свидетельствах путешественников XVI–XVII вв. 209

Прудников В. В. Кто отнял у арабов Сицилию? Термины для обозначения социальных общностей у норманнов в хронике Гауфреда Малатерры (конец XI в.) 218

Сибгатуллина А. Т. «Черкешенки» турецкой литературы 232

РОССИЯ И ВОСТОК

Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть II. Переговоры, прекращение восстания и его последствия 246

Цвижба Л. И. 1859 год. Ссылка пленных натухайцев в Самарскую губернию 263

Досовицкая В. В. Южно-Маньчжурская железнодорожная компания в первой половине XX в. 277

Анайбан З. В. Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве 284

ФАЛЕРИСТИКА ВОСТОКА

Захаров А. О. Новые награды Китая и Монголии: возврат к средневековью, авторитарный поворот и маргинализация масс (к портрету современной цивилизации) 294

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Головачёв В. Ц. «Конечно, я все же был “другой”». Памяти китаеведа Георгия Васильевича Мелихова (1930–2019) 313

ПЕРЕВОДЫ И КОММЕНТАРИИ

Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Моя родина — Мадхопур (глава из автобиографии «Обрубленное дерево») 324

Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток VI (Перевод и комментарии). Часть II 334

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

LINGUAE ORIENTALES

Васильева Л. А. Английский язык в Пакистане как vis-a-vis урду 347

Рудницкая Е. Л. Наречия, обозначающие промежуток времени, в эвенкийском языке 358

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКИ КОНФЕРЕНЦИЙ

Болдырев А. В., Ульченко Н. Ю. Современные тенденции политического и экономического развития Турции 370

CONTENTS

Editorial 11

HISTORICAL AND POLITICAL STUDIES

TO THE ANNIVERSARY OF V. V. NAUMKIN

Belokrenitsky V. Y., Romanova N. G. 75th Anniversary of Academician Vitaly V. Naumkin, Editor in Chief of the Journal of the Institute of Oriental Studies RAS 12

Yakovlev A. I. Naumkin the Indefatigable 15

Alaev L. B. World History and Local Histories as Objects of Historiosophy 17

Anikeeva T. A. Two Journeys and One Text: Evgeny E. Kartavtsev and Ivan A. Bunin in Cairo 29

Belokrenitsky V. Y. Indus River Valley in Modern Times — From Sparsely Inhabited to Overpopulated 37

Babkin S. E. Anti-Terrorist Operation “Sinai-2018”: Some Results 51

Gorbunova N. M., Ivanova I. I. Rivalry over the Gas Deposits in the Eastern Mediterranean: Results and Prospects 64

Dubrovskaya D. V. The Tragedy on the Edge of the Great Silk Road: Mixed Causes and Unforeseen Consequences of the Yangzhou (760) and Guangzhou Massacre (879) 80

Matrosov V. A., Krivosheeva M. V. The Unsaid: Between the Djinn and the Shayāṭīn 96

HISTORICAL STUDIES AND ARCHAEOLOGY

ANCIENT EGYPT

Proussakov D. B. Hypothesis of the “Land of Outpouring of the River”: On Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part III 109

Malykh S. E. Egyptian Relief Flasks of Graeco-Roman Times in Giza Necropolis 128

Lebedev M. A. “Grottos”, “Catacombs”, and “Caves”: Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12th–18th Centuries) 146

MEDIEVAL KHWARAZM

Goncharov E. Yu., Armarchuk E. A. Coins from Medieval Sadvar in Southern Khwarazm 160

Timokhin D. M. Tarikh-i Alfi As a Source for the History of Khwarazm and the State of Ghurids 175

Tishin V. V. Book Review: Dmitry M. Timokhin. ‘Ala‘ al-Din Muhammad and the Rise of the Khwarazm State: 1200–1220 A.D. 187

HISTORY OF THE EAST IN LITERARY SOURCES

Drobyshev Yu. I. Genghis Khan on Power (Based on The Secret History of the Mongols) 198

Kurnikova O. M. The City of Kefe in Travelers' Notes (XVI–XVII Centuries) 209

Prudnikov V. V. Who Took Sicily from the Arabs? Norman Terms, Denoting Social Communities, in the Chronicle of Gottfried Malaterra (Late 11th Century) 218

Sibgatullina A. T. "Circassian Girls" of Turkish Literature 232

RUSSIA AND ORIENT

Kuzmin S. L. The Rebellion of 1928 in Barga. Part II: Negotiations, Finale, and Aftermath 246

Tsvizhba L. I. The 1859 Exile of Natukhay Prisoners to the Samara Province 263

Dosovitskaia V. V. South Manchurian Railway Company in the First Half of the 20th Century 277

Anayban Z. V. The dynamics of Ethno-Demographic Processes Development in Post-Soviet Tuva 284

PHALERISTICA ORIENTALIA

Zakharov A. O. New Orders and Decoration of China and Mongolia: New Middle Ages, Authoritarian Turn and Mass Marginalization: A Sketch of Modern Civilization 294

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN ORIENTAL STUDIES

Golovachev V. Ts. "Of Course, I Still Was 'Different'". To the Memory of Sinologist Georgy V. Melikhov (1930–2019) 313

TRANSLATIONS AND COMMENTARIES

Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. Merī janmbhūmi — mādhopur (Chapter from Chāṅgiā rukh / Against the Night) 324

Polkhov S. A. Ōta Gyūichi. "Shinchō-kō ki". Book VI (Commented Russian Translation). Part II 334

PHILOLOGICAL STUDIES

LINGUAE ORIENTALES

Vasilyeva L. A. The English Language in Pakistan as vis-a-vis of Urdu 347

Rudnitskaya E. L. Adverbs Denoting a Time Period in Evenki 358

ACADEMIC EVENTS

CHRONICLES OF CONFERENCES

Boldyrev A. V., Ulchenko N. Yu. Current Trends in Political and Economic Development of Turkey 370

ОТ РЕДАКЦИИ

Востоковедение на карантине

Этот выпуск «Вестника Института востоковедения РАН» готовился в беспрецедентных условиях для всего мира и для отечественной науки. Востоковеды — ученые, опирающиеся в своих исследованиях на материалы экспедиций, на работу в архивах и библиотеках, на беседы с информантами, на живые конференциальные дискуссии, как и все работники умственного труда, оказались запертыми в башнях из слоновой кости наедине с компьютерами, горами накопленного материала и личными библиотеками. Весна 2020 г. стала плодотворным временем подведения итогов полевых сезонов, разбора накопленных материалов, возвращения к неосуществленным планам. Подобно Марко Поло, надиктовавшему Рустичелло Пизанскому свою «Книгу» в генуэзском заключении, и Мигелю Сервантесу, написавшему «Дон Кихота» в севильской тюрьме, востоковеды сумели воспользоваться вынужденной изоляцией с максимальной продуктивностью, о чем и свидетельствует предлагаемый читателю номер «Вестника».

Мы особенно гордимся рубрикой, посвященной 75-летию главного редактора журнала — академика РАН В. В. Наумкина. Этот букет статей был специально написан к знаменательной дате маститыми учеными института — арабистами, индологами, тюркологами и китаистами, осмыслившими восточную тематику в контексте собственных исследований.

Мы желаем Виталию Вячеславовичу Наумкину самого плодотворного личного нового года, а всех читателей и авторов «Вестника Института востоковедения РАН» призываем продолжать интересные исследования, расширять личные научные горизонты, сохранять спокойствие и заниматься наукой.

Будьте здоровы и берегите себя, дорогие коллеги!

С любовью,
ваша редакция «Вестника Института востоковедения РАН»

75 ЛЕТ АКАДЕМИКУ РАН ВИТАЛИЮ ВЯЧЕСЛАВОВИЧУ НАУМКИНУ, ГЛАВНОМУ РЕДАКТОРУ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН»

Огромный научный талант и весь блестящий творческий путь действительного члена Российской Академии наук, доктора исторических наук, профессора Виталия Вячеславовича Наумкина отличают, как нам кажется, две основные черты — с одной стороны, удивительная разносторонность научных интересов, а с другой — их органическая целостность, неразделенность.

Виталий Вячеславович с первых шагов в жизни, а родился он в Екатеринбурге, тогда Свердловске, в победном мае 1945 года, выделялся своими способностями — золотая медаль по окончании школы, диплом с отличием по завершении учебы в Московском госуниверситете. Он — арабист, что называется, от Бога, один из лучших переводчиков-синхронистов. В Йемене с его суровым климатом он провел пять лет, выполняя фактически функции советника высшего южнойеменского руководства и не забывая при этом о научных штудиях. По возращении в Москву он издает комментированный перевод средневекового трактата знаменитого Аль-Газали.

В 36 лет В. В. Наумкин защищает докторскую диссертацию и, перейдя по приглашению академика Е .М. Примакова в Институт востоковедения, в скором времени становится руководителем Арабского отдела, а затем — заместителем директора. Размах его научно-преподавательской деятельности поражает: подготовлены более 50 кандидатов, 7 докторов наук, среди них много иностранцев.

После распада СССР Виталий Вячеславович еще в большей степени, чем раньше, занимается острыми современными проблемами, связанными прежде всего с внутритаджикским конфликтом, становится сопредседателем авторитетнейшей российско-американской Дартмутской конференции, издает много книг за рубежом на арабском, английском и других языках о радикальном исламе и этнических проблемах в Центральной Азии. Ислам и связанные с ним острые этноконфессиональные проблемы послужили тем мостиком, который соединил два региона научных интересов В. В. Наумкина — арабский Ближний Восток и бывшую советскую Среднюю Азию.

Новый этап в его деятельности начался с избрания на пост директора Института востоковедения РАН в 2009 г. Встав во главе Института, В. В. Наумкин уделил главное внимание не контролю за соблюдением внутренних норм и правил, а расширению значимости и востребованности выполняемой коллективом научной и научно-аналитической работы. И ему самому, и Институту удалось, на наш взгляд, добиться на этом пути впечатляющих результатов.

И во время директорства (до 2015 г.) и в дальнейшем, став Научным руководителем ИВ РАН, В. В. Наумкин определял главные направления научного поиска, заботился о пополнении Института молодыми и опытными научными кадрами. Его интересы не ограничиваются арабским миром, но во многом благодаря ему,

ближневосточное направление и исламская проблематика остаются «визитной карточкой» Института.

Сам Виталий Вячеславович сделал за последние годы невероятно много. И в том, что он написал и издал, отчетливо проявились уже отмеченные нами органическое единство и разносторонность его научных интересов. Продолжая исследования по Йемену, В. В. Наумкин возглавил творческий коллектив по изучению истории, культуры и языка жителей островов архипелага Сокотра, принадлежащего Йемену. Экспедиции на острова, в которых он принимал непосредственное участие, привели к открытиям мирового значения. Изданные издательством *Brill* тома по устному творчеству сокотрийцев создали ему и его коллегам славу крупнейших в мире специалистов в области сокотрийской этнолингвистики. Книга В. В. Наумкина «Острова архипелага Сокотра (экспедиции 1974–2010 гг.)» была отмечена премией имени академика С. Ф. Ольденбурга.

Арабист-международник по призванию и незаурядному таланту, Виталий Вячеславович оказался незаменим для Министерства иностранных дел России в процессе организации и проведения международных встреч по решению сирийской проблемы. Высокую оценку получила его работа старшим политическим советником Спецпосланника Генсека ООН по Сирии.

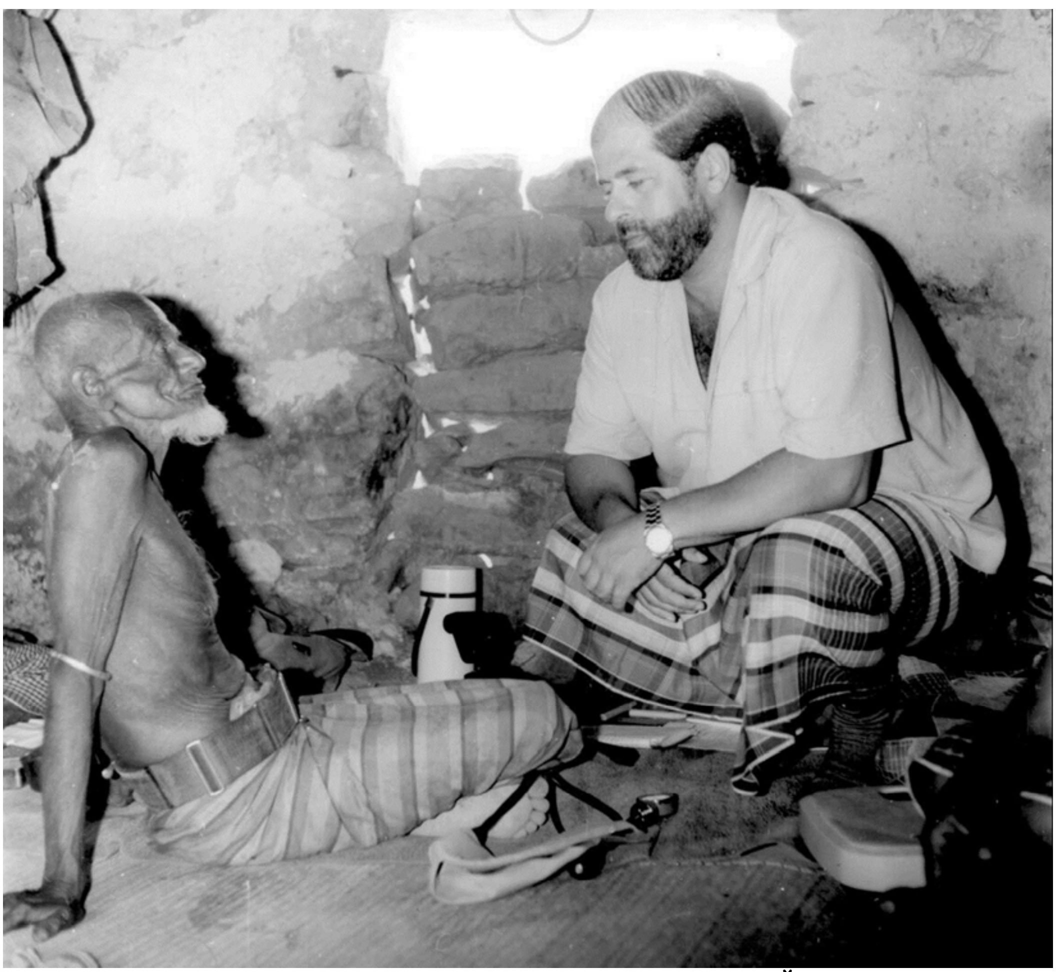
Остается поражаться, что при огромной загруженности текущими делами, активно участвуя в работе Совета по внешней и оборонной политике РФ, международного дискуссионного клуба «Валдай», возглавляя кафедру Факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, будучи деканом восточного факультета ГАУГН (Государственного академического университета гуманитарных наук) и главным редактором журналов «Восток», «Вестник Института востоковедения РАН», «Восточная аналитика» и ряда других, В. В. Наумкин находит время для подготовки совершенно новых для себя академических трудов. В 2018 г. увидела свет его прекрасно изданная книга «Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия и Саудовская Аравия между мировыми войнами». В монографии раскрылась новая грань таланта Виталия Вячеславовича — увлеченность архивными исследованиями, изысканиями в области недавней истории, в том числе и истории нашей страны. В предисловии к книге автор упоминает о желании написать новую монографию, посвященную теме царской дипломатии и политике дореволюционной России в отношении святых для мусульман мест на Аравийском полуострове. Им уже опубликованы статьи на эту тему, и читаются они с большим интересом. Специалисты по современным проблемам международных отношений и ситуации на Ближнем Востоке с не меньшей заинтересованностью встречают появление его теоретических статей и коллективных монографий, выходящих под его редакцией и при авторском участии.

Хорошо известно, что авторитет и обаяние ученого способствовали тому, что осенью 2018 г. Институту востоковедения РАН удалось широко отметить свой 200-летний юбилей. В московском Центре международной торговли в течение двух дней проходил Международный конгресс с участием видных российских и иностранных востоковедов, общественных деятелей и дипломатов. В рамках Конгресса состоялись тематические научные конференции, семинары и круглые столы. Конгресс стал признанием мировых заслуг отечественного востоковедения, и огромную роль в этом сыграл Научный руководитель Института академик В. В. Наумкин.

В заключение хочется искренне поздравить Виталия Вячеславовича со знаменательным юбилеем, еще раз поздравить его с Государственной премией в области науки, которой он был удостоен в прошлом году, и пожелать ему доброго здоровья, долгих лет плодотворной работы, счастья и благополучия родным и близким. Будем надеяться, что под его научным руководством наш Институт преодолеет все сложности нынешнего момента и добьется заметных новых успехов в своей многогранной деятельности.

доктор исторических наук, профессор,
заведующий Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока
Института востоковедения РАН
В. Я. БЕЛОКРЕНИЦКИЙ

кандидат исторических наук,
заместитель директора Института востоковедения РАН,
заместитель главного редактора журнала «Вестник Института востоковедения РАН»
Н. Г. РОМАНОВА

В. В. Наумкин в гостях у старого бедуина. Сокотра, первые годы Йеменской экспедиции
(*фото из архива В. В. Наумкина*)

НЕУТОМИМЫЙ НАУМКИН

Впервые я услышал имя Виталий Наумкин в конце 1970-х гг. Мой коллега Василий Озолинг приехал в отпуск из Адена, где год проработал переводчиком в Партийной школе. Он рассказывал и о городе, и о трудном климате Южного Йемена, и о работе.

— …А после работы мы все собираемся, отдыхаем хорошо, от души… и расходимся. Но есть у нас один… Так он работает — как все, отдыхает — как все. А после, вечерами садится и еще переводит несколько страниц средневекового текста.

— Кто же это?

— Виталий Наумкин.

Скоро в Москве мы увидели плоды такой работы. В издательстве «Наука» в 1980 г. вышла книга Абу Хамида ал-Газали «Воскрешение наук о вере. Избранные главы. Перевод с арабского, исследование и комментарий В. В. Наумкина». А чуть позднее вышла монография Наумкина «“Красные волки” Йемена. Национальный фронт в революции», переработанный текст его докторской диссертации.

Что говорить, такому упорству и трудолюбию можно было только позавидовать.

Спустя несколько лет В. В. Наумкин пришел в Институт востоковедения, последовательно переходя с должности заведующего сектором на должность заведующего Отделом арабских стран, заместителя директора Института, а потом был избран директором. Да, во всех этих перемещениях он оказывался на своем месте, то есть работал сам и предлагал всем остальным выполнять положенные обязанности.

Но востоковедение — наука сложная. Востоковед — это человек не только знающий и понимающий Восток, но также Восток любящий.

В этом я смог убедиться в одной из поездок с Наумкиным в Саудовскую Аравию. Ехали в компании известных специалистов на конференцию о российско-саудовских отношениях.

Едва вышли из здания аэропорта, как на нас пахнул жаркий аромат Аравии. Редкие пальмы по дороге вскоре сменили высоченные здания из стекла и желтого камня. На проспекте короля Фахда машина свернула, и мы въехали во двор огромного центра Фейсалийя, включающего деловые конторы, мечеть, торговый центр и гостиницу, в которой мы разместились и где в течение двух дней проходили заседания конференции.

Приятно было убедиться воочию в высоком авторитете нашего Наумкина, который естественно стал центром заседаний. Его слов ожидали и внимательно слушали, с ним вели отдельно переговоры саудовские дипломаты и чиновники. В свободное время мы съездили на высоченную башню, посмотрели на эр-Рияд сквозь дымку песчаной завесы, конечно, закупили фиников для подарков дома…

— Давайте съедим на верблюжий рынок! — предложил Наумкин.

Большого энтузиазма предложение не вызвало. Жара была не слишком велика, по постоянно висящий в воздухе мелкий песок раздражал, да и так уже отзаседали полдня… Востоковеды устало промолчали.

— Давайте съездим! — с напором повторил Наумкин. — Машина есть. Рынок на окраине города, я знаю, не так далеко.

Мы переглянулись, ожидая, кто первым скажет «да» или «нет».

— Да вы что, не хотите? — с недоумением спросил Наумкин. — Как можно быть в Аравии и не посмотреть на верблюдов?

В общем, мы покорно поехали.

Дорога оказалась относительно недолгой, минут сорок. Выйдя из машины, мы оказались вне города, даже зданий не было видно. Налево и направо виднелись деревянные загоны, в которых бродили коричные и черные одногорбые верблюды. На дороге стояло несколько джипов, а их хозяева прохаживались вдоль загородок, видимо, выбирая достойное животное.

Кроме верблюдов смотреть было не на что. Грязная земля, песок, кучки мусора. А верблюды оказались разными: были драчливые, задиравшие товарищей, были усталые, прилегшие на песок и вытянувшие длинную шею, иные меланхолично жевали что-то. Самыми симпатичными оказались белые верблюжата, очаровательно грациозные, трогательно рассматривавшие все вокруг большущими темными глазами. Трудно было оторвать от них взор.

— Так, — громко произнес Наумкин. — Будем пить верблюжье молоко?

Востоковеды промолчали.

— Не хотите? — удивленно спросил Наумкин. — А я буду.

Он зашел в невзрачное строение, и вскоре оттуда вынесли таз. Большой таз, почти доверху наполненный пенящимся белым молоком.

— Ну, кто? — спросил Наумкин. Затем недоуменно пожал плечами, взял в руки таз и с видимым удовольствием сделал несколько глотков. Эстафету таза принял Леонид Сюкияйнен, и честь спутников Наумкина была соблюдена.

Конечно, Наумкин был прав: как же можно побывать в Аравии и не посмотреть на верблюдов.

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института востоковедения РАН
А. И. ЯКОВЛЕВ

Народный поэт и лекарь Тануф Салим Нух ди-Кишин рассказывает В. В. Наумкину истории из сокотрийского фольклора. В центре шейх Иса Амер аль-Даархи. Сокотра, 2014 г. (*фото К. МакНира*)

С древностями йеменской столицы. Сана, 2010 г. (*фото А. В. Сарабьева*)

В. В. Наумкин в племени даархо. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Традиционное разбивание козьих костей перед трапезой. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Утро в горах. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Шейх Иса Амер аль-Даархи поет молитву-благословение перед жертвоприношением. Почетный гость из России сидит рядом, держа рога животного. Сокотра, 2013 г. (*фото К. МакНира*)

Один из сокотрийских информантов экспедиции, Иса Гумаан аль-Даархи, перечисляет названия внутренностей козы, предназначенной для пира в честь гостей. Сокотра, 2013 г. (*фото К. МакНира*)

Горная долина. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Драконовы деревья или драцена киноварно-красная — символ острова Сокотра (*фото М. С. Булах*)

Мечеть в селении племени даархо. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

В. В. Наумкин в селении племени даархо. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Стервятник на крыше мечети. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Утро в горах. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

В. В. Наумкин во время поездки в горы. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

Горная дорога. Сокотра, 2017 г. (*фото М. С. Булах*)

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-17-28

ВСЕМИРНАЯ И ЛОКАЛЬНЫЕ ИСТОРИИ КАК ОБЪЕКТЫ ИСТОРИОСОФИИ

Л. Б. Алаев*

Автор предлагает рассматривать историю отдельной страны (популяции, цивилизации) и историю человечества в целом как две различные исследовательские задачи со своими методами изучения. Отдельные субъекты мировой истории имеют собственные пути эволюции и не обязаны преодолевать одинаковые ступени развития. История человечества — слишком сложный процесс, чтобы подчиняться элементарной логике роста какого-то единого показателя, например, уровня экономического развития или смены способов производства. Духовные процессы имеют не меньшее значение для судьбы человечества, чем технологические революции. Особенно важно избавиться от европоцентрического подхода к всемирной истории. Страны и народы не следует представлять как находящиеся на разных ступенях единой эволюционной лестницы, каждая страна переживает свою «древность» и свое «средневековье». Но в то же время просматриваются значимые рубежи всемирной истории: возникновение Homo sapiens; приручение огня; возникновение отраслей присваивающего хозяйства (собирательство, рыболовство, охота); позднепалеолитическая «революция», верхнепалеолитическое искусство, возникновение религиозных представлений; «неолитическая революция», производящее хозяйство, оседлость; «железная революция», плужное земледелие, стойловое животноводство, появление массовых армий; духовный прорыв I тыс. до н. э.; возникновение моральных религий и философских систем «Осевого времени» (зороастризм, буддизм, Джайнизм, Конфуцианство, Даосизм, учения пророков в Палестине, античная философия) и Античной цивилизации в целом; научный, эстетический и духовный прорыв Запада в позднее Средневековье (Возрождение, Реформация, Просвещение, географические открытия); появление механического двигателя, период индустриализма; начало периода постиндустриализма.

Ключевые слова: всемирная история, локальные истории, методология исторического исследования, востоковедение.

Для цитирования: Алаев Л. Б. Всемирная и локальные истории как объекты историософии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 17–28. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-17-28

WORLD HISTORY AND LOCAL HISTORIES AS OBJECTS OF HISTORIOSOPHY

Leonid B. Alaev

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAEV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3514-7622

The author proposes that the history of a single country (or its population or civilisation) and the history of mankind as a whole be treated as two different research tasks with their own methods of study. Individual subjects of world history have their own paths of evolution and are not required to go through the same stages of development, and the history of mankind is too complex a process to be tracked by the dynamic of a single indicator, for example, level of economic development or change in modes of production. Spiritual processes are no less important for the fate of mankind than technological revolutions. It is essential, therefore, to get rid of Eurocentric approach to world history, as there is no common evolutionary ladder for all countries and peoples to climb; each country runs through its own Antiquity and its own Middle Ages. But at the same time several meaningful watersheds, common to all of human history, can be discerned. They are: the appearance of Homo sapiens; the taming of fire; the appearance of appropriative economy with its branches (gathering, fishing, hunting); the late-Paleolithic "revolution", upper-Paleolithic arts, arrival of religious notions; "Neolithic revolution", productive economy, settled way of life; "Iron revolution", plough agriculture, stalling livestock, arrival of mass armies; the spiritual breakthrough of the 1st century B.C.; emergence of moral religions and philosophical systems of "the Axis time" (Zoroastrianism, Buddhism, Jainism, Confucianism, Taoism, teachings of the Bible prophets, ancient philosophy) and the Ancient civilisation as a whole; scientific, aesthetic and spiritual breakthrough of the West in the Late Medieval and Early Modern time (Renaissance, Reformation, Enlightenment, geographical discoveries); invention of power-driven motor and the period of industrialism; beginning of the postindustrial period.

Keywords: world history, local history, historical research methodology, Oriental studies.

For citation: Alaev L. B. World History and Local Histories as Objects of Historiosophy. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 17–28. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-17-28

Кризис, переживаемый человечеством (впрочем, когда оно не переживало кризис?), многоаспектен. В частности, он выражается в распаде принятых некогда теорий истории, в явной неразберихе мнений о том, как она проходила, и что от нее можно ждать в будущем. Я долгое время пытался привести в порядок свои мысли по этому вопросу, менял понимание исторического процесса (не потому что меня тянуло к теоретизированию; просто мне хотелось определить место в нем моей любимой Индии. Да и России тоже).

История как европейская наука

Все существующие (или актуальные сейчас) теории истории европоцентричны, ориентированы на историю Западной Европы [Алаев, 2018а]. Это понятно и объяснимо. Во-первых, то, что мы называем исторической мыслью, возникло в Европе, получило там пространство для цветения, в русле стремления к упорядочению бытия и любознательности, характерного для европейского человека. Во-вторых, история человечества в громадной мере определяется Европой уже в течение лет пятисот. Взросло мировоззрение, что весь мир крутится вокруг Европы.

Христианство, распространявшееся в Европе, диктовало представление об изначально заложенном в историю божественном смысле и плане (*Провидение*) и о *конце* истории, когда божественный план исполнится. Линейное понимание времени стало

сакральным. «*По кругу человека водит бес, устрояемая Богом “священная история” идет по прямой линии*»[1].

Истоки такого понимания истории можно видеть еще в трудах Аврелия Августина (354–430), проповедовавшего неизбежность окончательной победы христианства. Иероним Стридонский (342–419/420) представил свое видение исторического процесса как смену четырех империй — Вавилонской, Персидской, Македонской и Римской, которая — согласно Божьему замыслу — ведет род человеческий ко все бо́льшему единству. Когда Римская империя разрушится, наступит светопреставление, а следом — Царство Божие на Земле. Иоахим Флорский (конец XII в.) делил всю историю на три периода, используя концепцию Троицы. Сменяющие друг друга периоды — время Бога-Отца; время Бога-Сына и время Святого Духа — ведут человечество от рабства к свободе. В период Святого Духа людей будет сплачивать не страх наказания, как в период Бога-Отца, и не необходимость повиновения, как в период Бога-Сына, а любовь.

Интересно, что эти два идейных комплекса (провиденциализм и эсхатология) позже слились в один и продолжали доминировать в западной исторической мысли и в Новое время, когда она оторвалась от опоры на Библию и даже потеряла связь с религией. Я имею в виду, конечно, прежде всего, Маркса, но отнюдь не только его.

Магическая цифра *три* продолжала царствовать в представлениях об истории и в период Возрождения, хотя и с более реалистичным наполнением. Флавио Бьондо (1392–1463) представлял историю как смену Античности Средним («*темным*») веком, и затем Новым временем, возрождением идеалов Античности. Исходя из тех же периодов, Ж. Б. Боссюэ (1627–1704) продолжал рассматривать их как осуществление замысла Божьего. Кристоф Келлер (он же Х. Целлариус, 1638–1707) следовал той же схеме: Античность, Средневековье и Новое время. Эти периоды, вполне адекватные действительности, если иметь в виду только Западную Европу, выдвигались как всемирно-исторические вехи. Теория Келлера надолго *заперла* европейскую историческую мысль в рамках европоцентризма.

В Новое время предлагавшиеся схемы стадий стали в большей мере опираться на распространенные в то время представления о хозяйственном развитии. А. Смит (1723–1790), А. Фергюссон (1723–1816), А. Р. Тюрго (1727–1781), С. Е. Десницкий (ок. 1740–1789), А. Барнав (1761–1793), придерживались концепции четырех стадий:
- охотничье-собирательская;
- скотоводческая;
- земледельческая;
- промышленная (или коммерческая) стадии.

Существовали в Европе и другие представления, из которых впоследствии выросли концепции цикличности или цивилизационный подход. Джамбаттиста Вико (1668–1744) развивал идеи о ряде обществ, которые развиваются самостоятельно и со временем гибнут. Жан-Жак Руссо (1712–1778) считал, что цивилизации, подобно индивидам, проходят стадии детства, юности, зрелости и старости. Правда, старость, до которой, по его мнению, дошла Европа, все еще довольно бодра.

[1] Цит. по: [Аверинцев, 1975, с. 55]. Краткий обзор европейской исторической мысли в части ее отношения к линейности истории и ее этапности составлен на основе сводных трудов: [Семенов, 1999; Теория и методология истории, 2014; Гринин, 2018].

Но типологический подход не победил. Наиболее подробно до Гегеля и Маркса концепция стадиальности, *заточенная* на идее прогресса (постепенное уменьшение эксплуатации работников; постепенное возрастание их свободы; постепенное повышение производительности труда), была представлена в работах К. А. Сен-Симона (1760–1825). Она была в полной мере использована К. Марксом в его концепции смены формаций.

Даже такой принципиальный сторонник фактографии, как Леопольд фон Ранке (1795–1886), не избежал идеологического воздействия господствовавших в середине XIX в. идей о некоей заданности истории, устремлении ее к определенной цели.

Завершителями этого направления мысли стали Г. В. Гегель (1770–1831) и Карл Маркс (1818–1883). Первый видел апофеоз истории в Прусском королевстве и победе Мирового духа, а второй — в победе пролетариата и установлении коммунизма.

Самые новые, уже постмарксистские заявки на всеобщую теорию истории остаются в прежней парадигме трех ступеней. Даже И. Валлерстайн (1930–2019), одно время воспринимавшийся как новатор в сфере всемирной истории, лишь переименовывает три ступени в соответствии с его концепцией *Мир-Системы*. Он выделяет три способа производства и три типа социальных систем:

1) реципрокатно-линиджные *мини-системы*, основанные на отношениях взаимообмена;
2) редистрибутивные *мир-империи*;
3) *мир-экономики*, основанные на товарно-денежных отношениях.

Этот обзор показывает, что формационная концепция Маркса выросла из контекста европейской историософской мысли — и в ней мало нового — и унаследовала заложенную в ней большую ложь: этапы **западноевропейской истории** подавались как этапы **всемирной истории**. У Маркса этой лжи было меньше, чем у других, поскольку он не собирался распространять свою концепцию на весь мир. Для него истории за пределами Западной Европы просто не существовало. Это уже его ученики стали обнаруживать марксовы формации по всему миру. Можно спорить по поводу того, ***что думал*** К. Маркс, но давайте не спорить по поводу того, что он ***писал***. Он:

- зачислил весь Восток в первобытную стадию (которую называл по-разному, однажды назвал ее *азиатским способом производства*);
- не считал «историческими» восточноевропейские, в частности славянские, народы;
- в том числе русскую крепостную сельскую общину считал первобытной[2].

В этих обстоятельствах распространять формационную теорию на весь земной шар по меньшей мере невежливо в отношении великого мыслителя.

Надо осознать, что история человечества не может сводиться к формам общества, возникшим сравнительно недавно на небольшом полуострове огромного континента Евразии, чье бытие составляет мизерную часть всеобщей истории. (Имею в виду не только историю прожитую, но и предстоящую).

А есть ведь и иные континенты! Даже если исходить из того, что, начиная с периода античности, Западная Европа служила «передовым отрядом» всего человечества, *центром* цивилизации, а весь остальной мир был его *периферией*, то и в этом

[2] Эти сюжеты подробно рассмотрены в моих работах [Алаев, 2009, с. 211; 2013, с. 78–96; 2016, с. 21–68; 2018б, с. 162–170; 2019, с. 45–46]. Читателей, интересующихся вопросом о взглядах Маркса на Восток, прошу обращаться к этим сочинениям, ну, и к работам других авторов тоже.

случае нельзя полностью игнорировать «обратное влияние» огромной «периферии» на «центр». Впрочем, концепцию постоянного центра цивилизации и неизбывной периферийности всего остального мира никто и не будет отстаивать, поскольку перемещение «лидерства» (как его ни понимать) в течение веков хорошо изучено и признано.

Логично предположить, что мировую историю *создает* не конкретная популяция или группа обществ, а все населяющие Землю популяции — разными способами и в разном масштабе.

Дорога есть, но кто по ней идет?

Следует преодолеть глубоко укоренившееся представление, что путь развития (к прогрессу или к Страшному суду — разница в данном случае несущественна) един для всех, и каждый народ по нему двигается с некоторыми особенностями и, конечно, с разной скоростью. Воображается некая широкая лестница, на ступенях которой располагаются все народы. Задача теоретика истории (историософа) эту лестницу обнаружить и всем на нее указать (например, утверждать, что ступени означают *способы производства*, или еще что-нибудь, столь же фундаментальное), а историку остается расставить общества (этносы, популяции, цивилизации — наименование выбрать по вкусу) по ступеням, изобретенным историософом.

Если же *практикующий* историк сопротивляется такой примитивизации истории, он объявляется *фактологом*, отрицающим исторические закономерности, пытающимся отбросить науку истории на 300 лет назад. Речь идет просто о том, что процесс движения человечества очень сложен. Этносы поставлены в столь разные условия существования, и их психика настолько разнообразна, что они не могут дружно проходить одни и те же этапы, существующие в качестве социальных моделей у нас в головах.

Об этом не надо забывать, но на этом не следует и останавливаться. Проведя анализ, необходимо приступить к синтезу, т. е. попытаться понять, как эти разные траектории взаимодействуют и пересекаются. Потому что эволюция человечества в целом на протяжении его короткой жизни не подлежит сомнению. Так что дорога есть. Осталось только выяснить, кто же и как по ней идет.

Многообразие стимулов и критериев движения

Надо также отказаться от поисков единого, все определяющего фактора, якобы позволяющего выстроить все социумы в колонну по одному, приписать истории ***логичность***. Между тем, попытки создать «*стройную, логичную, непротиворечивую теорию*» продолжаются [Гринин, 1995, с. 10–11; Гринин, Коротаев, 2009, с. 97]. Многие уверены, что при объяснении исторического процесса следует пользоваться элементарной (в смысле формальной) логикой. Нет никаких оснований соглашаться с таким подходом. Сложный поток, в котором струи разных консистенций и цветов переплетаются и создают собственную реальность, которую трудно понять. Но трудности какой-нибудь проблемы никогда не приводили к отказу от ее решения.

Для отечественного обществоведения основным препятствием для понимания сложности жизни является гипертрофированное внимание к экономическому фактору с

умалением значения всех остальных: духовных, идеологических, обобщенно говоря — культурных. Для советского и постсоветского человека кажется непреложным, что «*бытие определяет сознание*». Но что такое ***бытие***? Идеи и мировоззрения тоже существуют объективно и составляют наше *бытие*. Материальная сторона жизни, конечно, фундаментальна, но она не существует отдельно от других сторон. Другой фундаментальной истиной является то, что прежде, чем то-то **сделать**, человек должен об этом **подумать.** Надо обстругать человека до желудочно-кишечного тракта, чтобы затем заявить, что он больше ни о чем и не думает, кроме как пожрать. Таким обстругированием К. Маркс и занимался в своих многочисленных трудах.

Я не вижу никаких оснований придавать экономике более важное значение при характеристике общества, чем, например, свободе обмена мнениями или инициативности большей части населения. Утверждать, что все это зависит от экономики, — удивительное унижение Homo Sapiens. Исходить из того, что машины воспитывают людей— по меньшей мере смешно.

Материалистическое понимание истории страдает существенным недостатком: оно не может объяснить *развитие,* совершенствование, ***прогресс*** (не настаиваю на этом понятии, вставил его для тех, кто так называет последствия постоянного стремления человека к чему-то новому). Казалось бы, предельно ясно, что камни, а затем железки, а затем чипы (или как там они называются) не могут совершенствоваться самостоятельно. Нужна воля. Человека. Это **он** должен совершенствоваться, чтобы шла история. В том числе и история орудий труда.

КАЖДОМУ СВОЕ, А ВСЕМ – ОБЩЕЕ

Чтобы понять сложность процесса истории, в качестве первого шага нужно разъединить, если хотите, — разорвать периодизацию всемирную и локальную. Фокусирование на одной делает размытой другую. Это проблема масштабов места и времени.

В результате окажется, что:

- «древность» у каждого своя (или ее нет совсем);
- «средневековье» охватывает **разные** века в эволюции разных культур;
- современная эволюция членов Организации Объединенных Наций не сводится к глобализации, модернизации, «развитию капитализма» или распространению постиндустриализма.

Т. е. у каждой нации, или государства, или региона (комплекса политий) есть **своя** история. Каждый идет своим путем, но при этом контактируя с соседями. Образно говоря, толкаясь и проталкиваясь.

Мои предложения близки теории так называемой социально-экономической или культурной эстафеты, но эта теория слишком красива, чтобы служить адекватной метафорой того, что произошло в течение известной (и неизвестной) истории. Общества, перехватывающие эстафету, не просто *возглавляют* процесс, *ведут* иные популяции за собой, но *контактируют* с ними. *Центр, полупериферия, периферия* (по И. Валлерстайну) образуют историческую статику и историческую динамику **совместно!**

Прогресс не сам собой разумеется, он отнюдь не неизбежен, не *естественен*. Его в каждом случае необходимо доказывать (или отказывать в его наличии). Любое

общество стремится к упорядочению, организованности, уравновешенности. Но в одних эта уравновешенность все время нарушается и приходится постоянно заботиться о балансе, тратить на это усилия — и общество формируется как динамичное. А другим удается установить баланс надолго, он почти не нарушается, не надо все время маневрировать — и получается застойное общество.

Доказать наличие прогресса, конечно, не просто. **Технический прогресс** наиболее нагляден, но и наиболее спорен с точки зрения его благотворности.

(Заметим в скобках, что переиначивание *идеи прогресса*, а именно *идея регресса*, ничего не меняет, по сути, играет ту же роль в оформлении теории истории).

Духовный прогресс человечества, напротив, не может вызвать возражений как критерий развития, но гораздо более неуловим. Мне кажется, что его тоже можно доказать, но я понимаю, что всегда найдется сколько угодно фактов из современной действительности, иллюстрирующих сохранение дикости и варварства в самых развитых странах.

(В свете эволюции культурной атмосферы в нашей стране в последние годы надо уточнить, что под *духовностью* я не подразумеваю *религиозность*. Эти понятия не совпадают по значению, а иногда противостоят друг другу).

Кажется, что надежным показателем прогресса могло бы служить совершенствование моральных сдерживающих факторов, однако именно этот вектор эволюции вызывает у многих особенно большие сомнения. *Гипотеза техно-гуманитарного баланса*, выдвинутая А. П. Назаретяном (1948–2019), предлагает луч света. Доказательством нравственного прогресса, по Назаретяну, служит уже то, что человечество себя до сих пор не истребило. А это неизбежно случилось бы, если бы совершенствование орудий убийства (несомненное) не сопровождалось бы выработкой и усвоением сдерживающих моральных норм [Социально-исторический прогресс, 1999; Назаретян, 2008].

Действительность последних десятилетий, по-моему, красноречиво доказала, что человечество **идет** (и, следовательно, **шло** с момента своего возникновения) к некоему ранее небывалому состоянию. Оно либо тотально исчезнет в результате ядерной и /или экологической катастрофы, либо принципиально изменит образ жизни.

Прогресс идет через прорывы в новое состояние отдельных народов, к которым присоединяются со временем некоторые другие, а третьи **не присоединяются.** Человечество идет вперед, на каждом этапе оставляя на обочине часть себя.

Где во всей этой мозаике обществ разного уровня место неевропейских стран? Они выбираются из своих тупиков каждая своей дорогой. Вернуться назад, к развилке, и начать — с опозданием на века — преодолевать известную дорогу, пройти по западноевропейскому пути — не получится. Надо идти по бездорожью, ища, конечно, *свой путь*, но при этом желательно было бы осознать, что этот путь не совсем *свой*. Он диктуется не только внутренними потребностями, но и внешним давлением.

Постоянное блуждание между стремлением прийти к общим закономерностям и осознанием того, что ни одна из них не охватывает разнообразные *исключения*, объясняется, возможно, несовпадением антропологического (этнологического) и исторического подходов к изучению процессов и явлений. Антропология исходит из того, что все культуры равноправны и одинаково имеют право на существование. Историк же видит, что не все культуры могут сохраняться в процессе жестокого

исторического отбора. Антропология *дает* всем народам свободу жить по своим представлениям о добре и зле, но *история* предоставляет ее далеко не всем. Да, есть народы и цивилизации, или, если хотите, *пути развития*, бесперспективные, обреченные на исчезновение.

Размышления о едином историческим процессе, о закономерностях истории, о **смысле** истории возможны только при изучении **человечества в целом**, и такого рода подход **не должен** приводить к пониманию эволюции конкретных **частей** этого человечества (стран, этносов, цивилизаций — какую бы единицу мы ни взяли). Эволюции отдельных обществ тоже, конечно, проходят по своим закономерностям, но вскрыть их чрезвычайно трудно, потому что они испытывают многочисленные зигзаги под влиянием внешних воздействий и случайностей.

Мировая история происходит в мировом масштабе, а в ином масштабе, — а именно, в масштабах страны или цивилизации, — происходить **не может**. Она объективна, безлична, ее нельзя представить в виде череды конкретных событий. **Событийная** же **история** происходит, если можно так выразиться, **рядом** с мировой, в популяциях. Если бы даже мы были в состоянии окинуть единым взглядом **все** человеческие популяции на Земле, то и тогда мы не смогли бы из их анализа вычленить мировой процесс. В каждой из них свои личности, свои обстоятельства, каждая вносит в мировой процесс какую-то частичку, а остальное безжалостно отбрасывается. Опять поясню: это если говорить о мировой истории. А для конкретной популяции все **ее** события и все **ее** люди совсем не отбрасываются, а **живут** — в памяти народа, в особенностях его мышления, в конечно счете — в ее судьбах.

Конкретная история не является *осуществлением* закономерности. «Законы» исторического развития, если они существуют, могут относиться только к **глобальной истории,** о которой можно сказать, что:

- у нее не существует внешнего фактора;
- она неостановима;
- человечество в целом пока не позволяло себе полностью исчезнуть.

Чтобы понять эволюцию человечества, нужно его историю периодизировать. Выдвину мнение, которое может показаться ненаучным. Считается, что любая классификация, в том числе и периодизация, должна подчиняться законам формальной логики: производиться по единому критерию. Я предлагаю при рассмотрении исторического процесса отказаться от такого принципа, считать возможным и более полезным (т. е. более способствующим пониманию процесса и обществ, которые его составляют) пользоваться **разными** критериями или **несколькими** критериями при выделении этапов. Это откровенное нарушение правил и законов логики, но следует исходить из того, что история слишком причудливый процесс, чтобы подчиняться придуманным людьми логическим правилам. Отчасти в пользу моей позиции говорит то, что пока что никому не удавалось выстроить **все** существовавшие в прошлом общества в единую лестницу.

Переломные моменты, точки перехода с этапа на этап, совершенно необязательно связывать с политическими революциями. Я думаю, что одной из серьезных вульгаризаций, которую допустили классики марксизма с самого начала выработки своей теории, стало то, что диалектический закон перехода количества в качество был применен к истории крайне не философски. Количественные изменения

почему-то стали пониматься как изменения только в **экономике**, а качественный скачок — только как изменение **политического** строя.

Между тем, кроме так называемых *буржуазных*, никаких иных революций история просто не знает: ни «*азиатских*», ни *рабовладельческих*, ни *феодальных*. Сталин пытался и в этом вопросе навести *большевистский порядок*, выдумав «*революцию рабов и колонов*», но об этой историографической новации советские историки постарались забыть еще при его жизни. Что касается *пролетарской революции*, то она вообще была введена в теорию вопреки всякой диалектике: согласно кустарной советской «*теории*», она сначала совершается, и лишь затем “подводит под себя” базис.

Буржуазные революции, в отличие от всех прочих, — это реальность. Но ни одна из них **не начинает** становления капитализма и **не заканчивает** формирование этого строя. По-видимому, определение момента перехода в новое качество — задача гораздо более сложная, чем нахождение некоего политического катаклизма, которому можно было бы приписать роль *диалектического скачка*.

Даже эпохальные события происходят на ограниченной территории. Приобретут ли они глобальное значение, первоначально предугадать совершенно невозможно. Переход от одного состояния к другому нельзя зафиксировать с точностью до века, а тем более года. Специалисты, конечно, понимают, что и принятые сейчас даты окончания Древности (476 г.) и Средневековья (Английская — или любая другая — буржуазная революция) — не более, чем условны. Но *условный* рубеж доминирует в сознании, на него ориентируются при изучении разных стран. Ведь надо же каким-то образом делить историю между школьными уроками и вузовскими курсами, а специалистов-историков — между *секторами* и *центрами* в академических Институтах!

Однако понятно, что подобные соображения не могут находиться в основе исторического мышления. Разные дороги, по которым идут общества, и множество показателей этого движения, которые надо учитывать одновременно — все это определяет значительную *размытость* рубежей эпох. Некая общность может обгонять другие по степени развития культуры, или по развитию государственности. В разные периоды роль *ведущего звена* в историческом процессе может взять на себя политика (государственность), экономика или религия. И мы не должны, оставаясь в плену наших субъективных представлений о том, какому фактору придавать решающее значение, этого не замечать (кстати, очень красноречиво то, что никто не может обогнать другие цивилизации по уровню развитию техники и технологии, уступая им в культурном развитии).

Итак, главное — сбросить все искусственные ограничения, которые мы на себя обычно накладываем при рассмотрении исторической реальности: соображения о само собой разумеющихся этапах, о подчинении исторического процесса неким законам (которые будто бы нам известны), о сравнительной важности и фундаментальности (*базисности*, если снова вспомнить марксистский словарь) тех или иных сторон жизни. Стремиться **наблюдать**, следовать **за извивами** процесса. Осознать, что мы имеем дело с очень сложным, противоречивым, неоднозначным, не прямолинейным процессом.

Изложу мои представления о пройденных человечеством этапах.

Начать надо с появления **уродливой обезьяны**, которая, чтобы выжить, вынуждена была обзаводиться орудиями. Это самый яркий пример того, что локальное явление может иметь глобальное значение. Homo sapiens sapiens появился на

ограниченной территории в Восточной Африке, но затем заселил всю сушу, истребив других полуобезьян и много иных зверей. С этим первым этапом связано освоение ***каменной индустрии***. Хочется назвать этот рубеж — по аналогии с последующими этапами инструментальной истории человечества — *палеолитической революцией*.

Следующим шагом мировой истории было освоение и приручение **огня**. По-видимому, против признания этого этапа одним из важнейших никто не будет возражать. Правда, его обычно теоретики истории забывают.

Первый этап человеческой истории антропологи назвали *присваивающим хозяйством* и видят его в трех формах — собирательство, охота, рыболовство. Уже на этом этапе антропологии приходится уходить от концепта **ступеней** развития и теоретически осмысливает **пути,** идущие в разных направлениях.

С точки зрения стадий мировой истории загадкой служит так называемое позднепалеолитическое искусство (35 –12-10 тыс. лет назад). Можно ли считать его и связанное с ним появление религиозных представлений **этапом** в человеческом освоении мира, или же это *боковая ветвь* духовной эволюции, окончившаяся тупиком, которых было немало на пути человечества? Широкое его распространение (от Пиренеев до Байкала) указывает на то, что это могло быть явлением общечеловеческого масштаба, и пока неясно, что от него «*осталось*» в культурной копилке человечества, а что было лишь ярким цветком на стволе эволюции.

Признанный рубеж в истории человечества — ***неолитическая революция.*** Это переход к производящему хозяйству, оседлому образу жизни, формированию сельских общин. Связь этих преобразований с природными условиями (похолоданием и аридизацией) делает их всемирный характер бесспорным.

Следующим технологичным прорывом было изобретение железа и его распространение по ойкумене. Но дело было не только в железе. Рубеж I тысячелетия до н. э. отмечен еще несколькими событиями мирового значения. Это:

- возникновение моральных мировых религий (зороастризма, буддизма, конфуцианства, даосизма, джайнизма, пророческих движений в Иудее и др.), объединенных К. Ясперсом в понятие *Осевое время*;
- как сказано выше, широкое распространение железа;
- возникновение империй как основного типа государственности;
- появление уникальной цивилизации, положившей начало той ветви мировой истории, которая со временем (пока что) стала основной.

Л. С. Васильев называл возникновение античности *социальной мутацией*. Я в ряде своих работ присоединился к такому словоупотреблению[3]. Нас в данном случае интересует то, что мы видим характерный практический *метод* формирования мировой истории: локальная социальная мутация привела к всемирным переменам.

Духовный переворот *Осевого времени* настолько значим в процессе становления человечества, что его обязательно надо счесть рубежом между двумя периодами истории. Даже те ученые, которые (по традиции) называют *Древностью* весь период от возникновения первых государств до падения Западной Римской империи (476 г.),

[3] Нужно только понимать, что *мутацией* в генетике называют *случайный* сбой в генах. Таким образом, термин означает, что мы **не можем** это явление объяснить.

вводят понятия *Ранняя древность* и *Поздняя древность*, осознавая, что в I тыс. до н. э. наступил некий перелом[4]. Однако они не поясняют, какие явления имеют в виду.

Я бы еще хотел добавить, что античность кончилась, по моему мнению (даже условно), не в 476 г., а несколько раньше — с установлением имперской государственности и принятием христианства. Демократия и язычество — вот *габаритные огни* античности. Они были задавлены не позже V века.

Так или иначе, с тех пор меньшая часть человечества пошла по пути совершенствования *права* и развития *личности*, а другая, бо́лее многочисленная, нашла свой путь в совершенствовании *государственного* (управленческого) *аппарата* и /или в упрочении своей связи с потусторонним миром.

Следующее событие **мировой истории — прорыв Запада.** Продуктивно объединить — в качестве единого рубежа нового этапа — события, протяженные во времени и относящиеся (по нашему нынешнему пониманию) к разным сферам деятельности, такие, как Великие географические открытия (XV–XVIII вв.), Возрождение (XV–XVI вв.), Реформацию (XVI–XVI вв.), Просвещение (XVIII в.), создание мирового рынка (XVI–XVII вв.). Продолжаю настаивать, что прорывы в духовной сфере имеют для мировой истории не меньшее значение (а может быть, и большее), чем факторы технического прогресса. Последние немыслимы без первых.

Следующий рубеж мировой истории — **появление механического двигателя**, т. е. фабрик и заводов, начало индустриального периода. Это еще один пример локального явления, приобретшего глобальный характер.

Экономическая характеристика периода индустриализма ясна: свободный наемный труд, рынок и капитализм. Хорошо знакомы мы и с политическими, и с социальными признаками данного этапа. Упомяну лишь, что соперничество *Запад — Восток*, характерное для средневекового этапа и имевшее более или менее равноправный (если хотите — цивилизационный) характер, на этапе индустриализации перерастает в противостояние *Север — Юг,* т. е. в дихотомию *развитость — отсталость.* История снова пытается выстроиться в струнку.

Что касается перехода к индустриальному обществу, а затем также и к постиндустриальному, то этот процесс мы, можно сказать, наблюдали и наблюдаем воочию. Совершенно неоспоримо, что он произошел на ограниченной территории нескольких стран Западной Европы (Англия, Северная Франция, Нидерланды, Западная Германия, Северная Италия), и затем стал распространяться по миру. Понятно, что **генезис** капитализма в «первичных» странах происходит по иным законам, чем **перенимание** его результатов другими странами.

Период наступления индустриализации ставит перед изучающими историю Востока новые задачи. Происходит ли синтез западного и восточного путей развития? Или же просто подтягивание Западом к себе отсталых стран и обществ? Или мы становимся свидетелями *схлопывания* западноевропейского пути под грузом наступающих на *Запад* неисчислимых масс *варваров*?

Схему **мировой истории** можно дать лишь пунктирно, и в этом я не вижу ущербности, поскольку она на самом деле такова. История, конечно, длится беспрерывно, но она *варится* в котле многочисленных переплетенных локальных

[4] Так построен I том «Всемирной истории», озаглавленный «Древний мир», вышедший в 2011 г.

историй и выступает видимыми нам вершинами лишь в самые переломные моменты. При этом ставит перед нами конкретные задачи по изучению этих локальных историй, которые, конечно, общая теория исторического процесса немного подсвечивает, но которые, в свою очередь, либо встраиваются в тот общий процесс, либо не встраиваются.

Литература / References

Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. *Античность и Византия*. М., 1975. [Averintsev S.S. The Order of Cosmos and the Order of History in World-outlook of Early Mediaeval Ages. *Antiquity and Byzantine*. Moscow, 1975 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Востоковедение, европоцентризм, ориентализм и цивилизационные ценности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018a. № 1. С. 30–37 [Alayev L. B. Oriental Studies, Euro-centrism, Orientalism and Civilizational Values. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018a. 2. Pp. 30–37 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Всеобщая история от Леонида Сергеевича. *Восток*, 2009. № 2. С. 209–220 [Alaev L. B. World History from Leonid Sergeevich. *Vostok (Oriens)*. 2009. 2. Pp. 209–220 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Историография истории Индии*. М., 2013. [Alaev L.B. *Historiography of Indian History*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Алаев Л. Б. Марксизм и востоковедение. *Восток (Oriens)*. 2018б. № 4. С. 162–170 [Alaev L. B. Marxism and Oriental Studies. *Vostok (Oriens)*. 2018б. 4. Pp. 162–170 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Проблематика истории Востока*. М., 2019 [Alaev L. B. *Problems of the History of the East*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Алаев Л. Б. *Сельская община: «Роман, вставленный в историю». Критический анализ теорий общины, исторических свидетельств ее развития и роли в стратифицированном обществе*. М., 2016 [Alaev L. B. *Rural Community: "A Novel Inserted into History". The Critical Analysis of Theories of Communities, Historical Evidences of Its Development and Its Role in a Stratified Society*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Гринин Л. Е. *От Конфуция до Конта: Становление теории, методологии и философии истории*. М., 2018 [Grinin L. E. *From Confucius to Comte. Formation of Theory, Methodology and Philosophy of History*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Гринин Л. Е. *Философия и социология истории: некоторые закономерности истории человечества*. Ч. I. Волгоград, 1995 [Grinin L. E. *Philosophy and Sociology of History: Some Regularities in History of the Mankind*. Part I. Volgograd, 1995 (in Russian)].

Гринин Л. Е., Коротаев А. В. *Социальная макроэволюция: Генезис и трансформация Мир-Системы*. М., 2009 [Grinin L.E., Korotayev A. V. *Social Macroevolution: Genesis and transformation of World-System*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Назаретян А. П. *Антропология насилия и культура самоорганизации: Очерки по эволюционно-исторической психологии*. М., 2008 [Nazaretyan A. P. *Anthropology of Violence and Culture of Self-Organization: Sketches in Evolutionary-Historical Psychology*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Семенов Ю. И. *Философия истории от истоков до наших дней. Основные проблемы и концепции*. М., 1999 [Semyonow Yu. I. *Philosophy of History from Its Beginnings to Present Days. The Main Problems and Concepts*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Социально-исторический прогресс: мифы и реалии (Материалы дискуссии). М., 1999 [*Socio-Historical Progress. Myths and Realities (Proceedings of Discussion)*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Теория и методология истории. Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград, 2014 [*The Theory and Methodology of History*. Ed. by V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A. V. Korotaev, L. T. Grinin. Volgograd, 2014 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-29-36

ДВА ПУТЕШЕСТВИЯ И ОДИН ТЕКСТ:
Е. Э. КАРТАВЦЕВ И И. А. БУНИН В КАИРЕ

 Т. А. Аникеева*

Статья посвящена образу Каира в двух абсолютно разных произведениях русской беллетристики и художественной литературы второй половины XIX — начала XX в. Е. Э. Картавцев (1850–1932) совершил путешествие в Египет и Палестину в 1889 г., а его путевые заметки спустя два года были опубликованы в нескольких номерах «Вестника Европы», а затем и в виде книги. Очерк Е. Э. Картавцева о Каире и его окрестностей весьма подробен, фиксирует решительно все — в поле зрения автора попадают ослы, *саисы*, широкие улицы центра города, местные драгоманы, нравы городских жителей; он приводит исторические экскурсы, рассказывает о посещении пирамид, театра, сада Эзбекие, мечетях, гробницах, различных районах города, пути в Каир из Александрии и многом другом. Весной 1907 г. И. А. Бунин отправляется в путешествие на Восток, в Египет и на Святую Землю; результатом этого странствия стал цикл так называемых «путевых поэм» «Тень птицы», куда вошел и рассказ о Каире «Свет Зодиака». «Свет Зодиака», представляющий собой совершенно иной литературный жанр, порой следует путевым заметкам Е. Э. Картавцева, едва ли буквально не воспроизводит их. Очерки Е. Э. Картавцева о путешествии в Египет, напечатанные в журнале, выходившем большим тиражом и пользовавшимся значительной популярностью, и вышедшие в виде книги, стали своего рода основой, неким заданным планом необходимых к описанию пунктов путешествия И. А. Бунина.

Ключевые слова: Каир, Египет, русские путешественники, путевые очерки, Иван Бунин, Ближний Восток, Северная Африка.

Для цитирования: Аникеева Т. А. Два путешествия и один текст: Е. Э. Картавцев и И. А. Бунин в Каире. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 29–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-29-36

TWO JOURNEYS AND ONE TEXT:
EVGENY E. KARTAVTSEV AND IVAN A. BUNIN IN CAIRO

Tatiana A. Anikeeva

The article looks at the image of Cairo in two completely different works of Russian fiction and literature of the second half of the 19th — early 20th centuries. Evgeny E. Kartavtsev (1850–1932) made a trip to Egypt and Palestine in 1889, and his travel notes were published two years later in several issues of the *Bulletin of Europe* (“Vestnik Evropy”), and then as a separate book. Evgeny Kartavtsev’s essay about Cairo and its environs is very detailed and captures everything the traveler saw: donkeys, *saises*, wide streets of central Cairo, local dragomans, characters of city residents; he gives

* Татьяна Александровна АНИКЕЕВА, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; tatiana.anikeeva@gmail.com

Tatiana A. ANIKEEVA, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; tatiana.anikeeva@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-0653-3970

historical excursions, speaks about visiting the pyramids, the theater, the Ezbekiyeh garden, mosques, tombs, various areas of the city, describes the way to Cairo from Alexandria, and much more. In the spring of 1907, Ivan A. Bunin also went on a journey to the Middle East, to Egypt and the Holy Land; the result of this journey was the cycle of so-called "travel poems" named *The Bird's Shadow*, which included the story about Cairo — *The Light of the Zodiac* ("Svet Zodiaka"). This story, which represents a completely different literary genre, sometimes follows the travel notes of E. E. Kartavtsev, almost literally reproducing them. Kartavtsev's essays about the trip to Egypt, published both as a book and in a widely circulated magazine that enjoyed considerable popularity, became here a kind of basis, a set plan for describing the points of Bunin's travel to Cairo.

Keywords: Cairo, Egypt, Russian travelers, travel essays, Ivan Bunin, Middle East, North Africa.

For citation: Anikeeva T. A. Two Journeys and One Text: Evgeny E. Kartavtsev and Ivan A. Bunin in Cairo. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 29–36. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-29-36

Евгений Эпафродитович Картавцев[1] (1850–1932, Париж) — известный российский чиновник, экономист, управляющий Крестьянским поземельным банком, с 1885 г. — управляющий Дворянским банком в составе Министерства финансов. В 1889 г. он совершил путешествие в Египет и Палестину, а его путевые заметки («путевые дневники», как он их назвал) спустя два года были опубликованы в нескольких номерах журнала «Вестник Европы» (май, июнь, декабрь 1891 г., см.: [Картавцев, 1891а; 1891б; 1891в]), а затем и в виде книги («По Египту и Палестине», в Санкт-Петербурге в 1892 г. [Картавцев, 1892], куда частично вошли и уже опубликованные в журнале очерки).

Журнал «Вестник Европы» выходил в России ежемесячно с 1866 по 1918 гг. Материалы, публиковавшиеся в журнале, охватывали весьма широкий круг общественных тем (и лишь первые два года он представлял собой исторический научный журнал) — в нем были отделы литературы (где в свое время публиковались И. А. Гончаров, И. С. Тургенев, А. Н. Островский, и др., а также литературная критика), внутренней и внешней политики, беллетристики и хроники. Журнал был «трибуной российского либерализма, центром научной и общественно-политической мысли России второй половины XIX века» [Козьминых, 2012]. Круг постоянных читателей (и, судя по очерку Картавцева, некоторых авторов) журнала представлял собой в основном среду чиновников и профессуры, занимавших «высокое положение в административно-управленческой иерархии России» [Козьминых, 2012].

Маршрут Е. Э. Картавцева пролегал через Египет в Палестину (от Хиоса по морю в Александрию, затем — в Каир, откуда была также совершена поездка в Луксор). Сам он в предисловии к упомянутой книге писал о своем путешествии следующим образом: «Ни археологическими, ни экономическими, ни политическими, да и никакими вообще "вопросами" мы не задавались; поэтому и книга эта представляет собой былые заметки о том, что видел, слышал, думал и чувствовал я в пути по Египту, Палестине и сопредельным с ними частям Средиземного моря» [Картавцев, 1892, с. 1].

Впечатления Е. Э. Картавцева (в частности, восприятие им иноверцев [2]), изложенные в путевых заметках, опубликованные на страницах журнала и, вероятно,

[1] Иногда встречается написание «Картавцов».

[2] См., например: «Что греха таить! когда я осмотрел европейскую часть Каира, я должен был сказать, что на Руси нет ни одного города, который по чистоте, по красоте отделки и по нарядности мог бы

пользовавшиеся определенной популярностью, вполне могут являться предметом отдельного научного исследования[3]. Нас же интересуют прежде всего его заметки о каирской архитектуре и некоторых — самых известных — достопримечательностях[4].

Например, именно такой Картавцев увидел знаменитую каирскую мечеть Каит-бея[5]: «…*Ветер гонит пески и засыпает остатки, бренные остатки прежнего величия. Охраняется и чистится только одна мечеть Каит-бея. В ней, в усыпальнице ее основателя, лежат камни, принесенные им из Мекки: один серый — на нем следы обеих ног Магомета; другой розоватый — на нем выдавалась одна из ступней пророка; не мало благочестивых мусульман приходит облобызать священные следы эти...*[6] Сама мечеть — один из лучших памятников арабского зодчества. Только в Испании, говорят, можно видеть такую чистоту и красоту линий арабского искусства. Минарет мечети считается самым изящным из сохранившихся в Европе, Азии и Африке. Мечеть, к сожалению, почти со всех сторон облеплена домиками, очень мешающими насладиться общей красотой здания. В мечети этой сохранилось одно из чудес арабского искусства — окна усыпальницы Каит-бея. Проделаны они в верхней части стен и в основании купола; все они очень узки, высоки и забраны стеклянной мозаикой; эта мозаика — чудо искусства. …*Вся красота — в комбинации цветов, а комбинации эти самые необыкновенные и поразительные. Красные, синия, желтые, зеленые, белые, фиолетовые, розовые, черные и всяких других цветов стеклышки подобраны друг к другу удивительно. Смотришь на любой из них и поражаешься: один горит ярким яхонтом, другой светится чудным изумрудом, третий переливает всеми цветами чистого алмаза… Красота этих мозаичных окон не поддается описанию*» [Картавцев, 1891a, с. 499].

При мамлюках в Каире было воздвигнуто несколько десятков мечетей. Самые известные сооружения мамлюкского периода в Каире — мавзолей, мечеть и медресе султана Хасана, построенные в 1356–1363 гг. Главный фасад мечети Хасана имеет протяженность 150 м, он разделен вертикальными нишами со сталактитами в верхней части[7]. В центре всего сооружения находится большой открытый двор с фонтаном для

сравниться с этой частью египетской столицы. Прототипом ей послужили, говорят, западные новейшие кварталы Парижа. Но в Каире нет сундуков-домов Парижа, так однообразящих лучшие его улицы, а есть в Каире то, чего нет в Париже — жгучее солнце; оно при помощи поливки вытягивает из земли чудные растения, замечательно красящие его улицы. Объезжаешь город и не можешь надивиться. На материке Африки, едва ли в десяти верстах от безбрежных сыпучих песков Сахары, под самым Макотамским кряжем, пустынным, скалистым и диким, среди черномазых негров, хищных арабов и забитых, тысячелетиями задавленных феллахов — в этой обстановке раскинулся город, могущий соперничать по опрятности, красоте и изяществу с лучшими частями величайших центров европейской цивилизации. Не странно ли это?» [Картавцев, 1891a, с. 497].

[3] В целом, Е. Э. Картавцев более известен своей административной деятельностью в финансовой сфере и службой на посту управляющего банком (см. [Бугров, 2011, с. 64-68]), а также и как супруг писательницы М. В. Крестовской, но собственные его очерки о путешествиях привлекали относительно мало внимания исследователей.

[4] Во всех приведенных цитатах мы сохраняем орфографию и пунктуацию автора.

[5] Мавзолей Каит-бея входит в комплекс султана Каит-бея, состоящий из целого ряда разнообразных построек (мечетей, мавзолеев и т. д.) на территории так называемого каирского «города мертвых» — некрополя. Мавзолей и мечеть Каит-бея (строилась с 1472 по 1474 гг.) возникли во время интенсивной застройки Каира при мамлюкском султане Каит-бее (1416/1418–1496). Этот комплекс по праву считается одним из лучших памятников мамлюкской архитектуры на всем Арабском Востоке.

[6] Здесь и далее курсив в цитатах мой. — *Т. А.*

[7] Известно, что при сооружении мечети султана Хасана были использованы также и остатки известняковой облицовки пирамиды Хеопса.

омовений, над которым находится купол, поддерживаемый арками, опирающимися на мраморные колонны. С четырех сторон к открытому двору примыкают сводчатые айваны, каждый из которых отведен одному из толков ислама: в айванах занимались ученики медресе в соответствии с богословским толком. Е. Э. Картавцев назвал эту мечеть «лучшим зданием Каира»: «Мы прежде всего хотели видеть мечеть Гассана, лучшее здание Каира. Мы проехали по двум улицам: одна, называемая Муски — прямая, не особенно широкая, вся переполненная лавками и магазинами и чрезвычайно оживленная; другая, под прямым углом к первой, шире и длиннее, но несколько менее торговая. Подъехали к мечети, представили разрешение на право осмотра, поднялись ступеней на двадцать и вошли в притвор. Притвор этот имеет вид коридора огромной высоты и кончается закруглением; в этом закруглении султан Гассан, строитель мечети, чинил публично суд по делам, доходившим до его разбирательства. Отсюда мы прошли довольно темным коридором, поднялись на несколько ступеней и очутились на переднем дворе мечети. Все мечети, выстроенные самими мусульманами, а не те, в которые обращены христианские храмы, имеют две главные части. Первая — вроде двора, обнесенного высокими стенами; в двух, трех саженях от них внутрь двора идет ряд колонн; в этой части покрыто кровлей только пространство между наружными стенами и колоннами; в середине двора — большой фонтан для омовений; пол обыкновенно каменный, иногда мраморный. Вторая часть мечети под куполом и сводами — собственно святилище, место не только молитвы, но и богослужения.

Двор мечети Гассана носит явные следы запущения; внутренняя часть мечети хотя и содержится в несколько большем порядке, но все же видимо приходит в упадок. А здание между тем великолепное как по размерам и красоте форм, так и по первоначальной отделке. Длинна его более 65 сажен, толщина стен от трех до четырех сажен, высота большого минарета сорок сажен» [Картавцев, 1891a, с. 489].

Как следует из приведенного примера, очерк Е. Э. Картавцева о Каире весьма подробен. Путешественник фиксирует решительно все — в его поле зрения попадают уличные ослы, *саисы*[8], широкие улицы центра города, местные драгоманы; он приводит исторические экскурсы (о Мухаммаде Али, мамлюках, персидском царе Камбизе и т. д.), рассказывает о посещении театра, сада Эзбекие и о многом другом. Путешествие Е. Э. Картавцова после выезда из Египта, как уже говорилось, продолжилось в Палестине, а очерки о практически всех остальных пунктах маршрута также были в дальнейшем опубликованы.

Почти 17 лет спустя, весной 1907 г., И. А. Бунин вместе с женой отправляется в путешествие на Восток, в Египет, Сирию. Результатом этого и других путешествий Бунина на Восток[9] стал цикл «Тень птицы»[10], в число которых вошли и небольшие

---

[8] *Саисы* — скороходы, сопровождавшие выезд; они бежали впереди экипажа, извещая о нем криками и тем самым расчищая путь на каирских улицах. Почти все путешественники той эпохи отмечают *саисов* как необходимую и непременную принадлежность почти любого экипажа.

[9] С 1903 г. (когда И. А. Бунин впервые посещает Константинополь) по 1911 г., когда им было совершено путешествие на Цейлон.

[10] Известно, что в «Полном собрании сочинений» И. А. Бунина 1915 г. этот цикл рассказов был напечатан под заглавием «Храм Солнца». Они были изданы под тем же названием в 1917 г. вместе со стихами на темы Востока, а в 1931 г. вышли в Париже как отдельная книга «Тень Птицы», куда был включен и рассказ о столице Цейлона, Анарадхапуре, «Город Царя Царей». «В первом томе Собрания

рассказы «Иудея», «Геннисарет», «Пустыня дьявола», «Свет Зодиака», «Дельта» и другие — так называемые «путевые поэмы», по его собственному определению жанра. Эти рассказы публиковались с 1908 по 1915 гг. в различных журналах и альманахах. «Свет Зодиака» и «Дельта», посвященные, соответственно, Каиру и дельте Нила (пути из Александрии в Каир), в Полном собрании сочинений И. А. Бунина 1915 г. входили в состав одного рассказа «Зодиакальный свет».

По всей видимости, именно подробнейший очерк Е. Э. Картавцева о Каире послужил (отчасти!) непосредственным источником для вдохновения Ивана Бунина, равно как и сам Каир, увиденный писателем, — его поэтичный «Свет Зодиака», представляющий собой совершенно иной литературный жанр, порой следует путевым заметкам Е. Э. Картавцева, едва ли не буквально воспроизводит их.

Так, красота цветной мозаики гробницы Каит-бея описана следующим образом: «В пустыне, сзади цитадели, раскинуты среди песков мечети гробницы халифов. *Они всеми забыты, приходят в ветхость. Там в усыпальнице Каид-Бея окна горят такой цветной мозаикой, равной которой нет на земле. Там есть два камня из Мекки — один сиреневый, другой розовый — и на них следы Магомета*» [Бунин, 2006, с. 404].

У Е. Э. Картавцева приводится довольно много подробностей о климате Египта и об истории Древнего Египта; изложение фактов, по сути, напоминает путеводитель: «Есть наконец ветер, научно совсем еще не исследованный, потому что дует он в десять, двенадцать лет раз. *Арабы называют его "семусин". Это бесспорно одно из ужаснейших явлений природы, как бы соединение хамсина с семумом, т.-е. ветер, несущий такие же массы песку и пыли, как "семум"*, и в то же время такой же жгучий, как "хамсин". История человечества представляет пример того, что может сделать "семусин". Персидский завоеватель Египта Камбиз двинул более 200.000 человек в Нубию; для сокращения пути армия у главной излучины Нила пошла не по берегу реки, а наискосок, пустыней; большая часть дороги была пройдена и передовые отряды были уже в виду Нила, когда вдруг налетел "семусин" и в несколько минут пожрал войско Камбиза; в живых осталась едва двадцатая часть. …Исследованных поныне усыпальниц аписов в Серапеуме 24; всех же до сих пор открытых гробниц аписов всего 64… *Камбиз, после погибели войска его под жгучим дыханием "семусина", распорядился выкинуть мумии аписов из гробов их и разрушить храм*» [Картавцев, 1891a, с. 501, 523]. В «Свете Зодиака» мы встречаем такую же — но поэтически переосмысленную — историю о персидском царе Камбизе, аписах и *семусине*[11]: «Черны были Аписы Мемфиса. Черным гранитом лоснились скаты пирамиды Хуфу. *"Семусином" — черно-пламенным ураганом песков — прошел по Египту Камбиз*, до основания разрушив и Он и Мемфис, и это в его полчищах семусин пожрал в один день полтораста тысяч жизней на пути к черной Нубии! И вот тогда-то и дохнуло на Египет дыхание смерти, и "помутилось солнце его от пыли сражений и от курений жрецов, и прибег он к идолам и чародеям и к вызывающим мертвых". ...В Ливийской пустыне сонные змеи песков бегут и бегут во входы пирамид, уже давно пустующих. *Мумии из гробниц и пирамид Саккара выкинул еще Камбиз*» [Бунин, 2006, с. 405].

сочинений (1935) Бунин восстановил прежнее название, "Храм Солнца", но, готовя том для нового издания в июле 1953 года, зачеркнул это заглавие и написал: "Тень Птицы"» [Бунин, 2006, примечания].

[11] Семусин — «очень сильная, редко встречающаяся желтая буря в Малой Азии ("смесь" самума и хамсина)» [Прох, 1983].

Весьма подробно Картавцев описывает посещение театра («арабской оперы»), произошедшее вечером, после экскурсии к Серапеуму, в Саккару; в поле зрения путешественника попадает и общее убранство театра внутри, и ложи для «гаремных дам» («В бельэтаже более половины лож, а в первом ярусе добрый десяток их закрыты белыми занавесями из тончайшей проволоки. Одни из них редкие, с узорами в роде филейных вышивок; другие погуще, как частые узорчатые гардины; сквозь первые легко различать сидящих; сквозь вторые можно что-нибудь увидеть, только внимательно и долго всматриваясь в одну точку, да и то тогда только, когда сидящие в ложе придвинутся к самой занавеске. Завешенные ложи — абонированные богачами-мусульманами для их гаремов»), и сами эти дамы и их нравы, и само представление, и непривычная для автора очерка манера исполнения: «Трудно определить, к какому роду искусства относится представление, на которое попали мы. Главные действующие лица пели свои роли, остальные их говорили, хора не было. Содержание пьесы странное, постановка наивная. Сын халифа влюблен в бедную девушку, дочь его кормилицы; она же не отвечает ему и заинтересована каким-то бедным юношей... Партию его [сына халифа. — *Т. А.*] поет шейх Саламе[12], лучший арабский тенор, очень видный мужчина. …*Арабское пение сначала раздирает европейские уши. Судя по тем местам, которые пользовались особым одобрением публики, верхом искусства считается у арабов, чтоб певец вокализировал носовыми и горловыми сдавленными звуками как можно долее, пока у него остается хоть капля воздуха в груди. Шейх Саламе (играющий сына халифа) пел, гнуся неистово, хрипел — и тем не менее публика аплодировала ему, как бешеная.* В первом акте мы не в состоянии были понять, есть ли в арабском пении какая-нибудь гармония и ритм; оно звучало нам странно, диво, неприятно… Арабская опера в Каире не постоянная. Те же Лёля и шейх Саламе поют и в Алжире, и в Константинополе, и в Александрии. Попасть на нее приезжему — дело случая» [Картавцев, 1891а, с. 530].

Вечерним посещением некоего театрального представления в Каире после осмотра пирамид завершается и день лирического героя «Света Зодиака». Особо подчеркнута и теснота, и духота театра, и ложи для гаремов, которым особое внимание уделено в очерке Картавцева, и «наивность» и безыскусность представления, и манера пения: «Я кончил этот вечер в театре, на площади, сплошь занятой табуретами и столиками, шумной и людной, как ярмарка. Двери театра были открыты настежь, но в партере, усеянном фесками, стояла одуряющая духота. *Что же было в решетчатых ложах, где помещаются гаремы?* Подняли под музыку занавес — и в глубине сцены открылся плакат: лиловая ночь и пребольшая луна над лиловым силуэтом города, состоящего из одних пальм и мечетей и четко отраженного в бледно-лиловой реке. На полу среди сцены стояло ярко-зеленое дерево, а под деревом — араб в пышной старинной одежде и громадном тюрбане. *Страстно завыл и загудел оркестр, и араб, приложив одну руку к сердцу, а другую, дрожащую, вытянув, разразился такими гнусавыми воплями, что весь партер затрепетал от рукоплесканий. Араб жаловался на несчастную любовь и прозакладывал кому-то душу, лишь бы увидеть свою милую. Затем он смолк, закрыл лицо руками и затрясся от беззвучных рыданий.* А наплакавшись, глубоко вздохнул, снял темный широчайший халат, положил его

[12] Видимо, Е. Э. Картавцеву в Каире посчастливилось стать свидетелем выступления театральной труппы Саламы Хегази. Салама Хегази (1852–1917), известный также как Шейх Салама, — знаменитый певец и родоначальник египетского музыкального театра. Впоследствии его творчество служило вдохновением для таких известнейших арабских композиторов XX в., как Сайед Дарвиш и Мухаммад Абд эль-Ваххаб.

подушкой под деревом и, оставшись в другом, бледно-розовом, лег спать. Музыка под сурдинку запиликала что-то осторожное, хитрое. И тогда из-за кулис бесшумно выпорхнули черти в красных балахонах с белыми изображениями черепов на груди. Радостно подвывая и взвизгивая, они закружились над своей добычей И вдруг ухнул барабан — и, подхватив спящего, черти бросились за кулисы...» [Бунин, 2006, с. 405–406].

Даже описания пути к пирамидам ранним утром на восходе солнца у обоих путешественников до какой-то степени схоже: «Мы выехали к Нилу. С него потянуло ветерком — стало очень прохладно. Переехали великолепный железный мост с разводною частью для пропуска судов, украшенный громадными бронзовыми львами, и повернули на юго-запад по шоссе, идущему сначала берегом Нила, а потом наискось к горе высокой дамбой, обсаженной с обеих сторон большими деревьями. Неспешно бегут лошади в темноте, изредка прерываемой светом фонарей, стоящих то на правой, то на левой стороне дороги, за половину притом прикрытых деревьями. Ни звука в воздухе, ни одного встречного существа» [Картавцев, 1891a, с. 503]. У И. А. Бунина: «Верхушки пальм розовеют, небо легко и жемчужно-бирюзово. Экипаж быстро катится по гладким мостовым. Едем к пирамидам. Вот мост с бронзовыми львами через Нил. Свет утреннего солнца ослепительно блещет над розово-голубым морем пара, в котором тонут и острова, и вся долина Нила... Нил под мостом дымится, и в дыму медленно идут серые паруса барок» [Бунин, 2006, с. 406].

В так называемых «путевых поэмах» И. А. Бунина, представляющих цикл «Тень птицы», Восток предстает крайне разноплановым — не только в отношении разнообразия культур и традиций, но и исторических эпох, которые наблюдает лирический герой-путешественник [13]. Исследователями творчества писателя подчеркивается и определенный «библейский хронотоп» текстов Бунина о путешествиях на Восток — как «основная пространственно-временная структура… цикла» [Ковалева, 2015], так как большая часть «путевых поэм» этого цикла относится все же к Палестине и Святой земле — традиционными объектами паломничества российских христиан, что связывает «Тень Птицы» с жанром «хождений» русской литературы XVI–XVIII вв. [14] В то же время с некоторыми текстами-описаниями паломников в какой-то мере — вольно или невольно — связаны и очерки и книга Е. Э. Картавцева о путешествии на Восток. Подобно Василию Григоровичу-Барскому и другим паломникам прошлого времени (см.: [Кириллина, 2010, с. 434–435]), автор эмоционально восхищается памятниками мусульманской старины в Каире, детально сравнивает этот чуждый ему город с Москвой (и европейским Парижем — см. прим. выше) и т. д. В этом смысле и путевые дневники Картавцева, и «путевые поэмы» Бунина располагают некоторым общим прообразом в русской словесности.

Многие исследователи отмечают фотографическую точность описаний И. А. Бунина; в то же время (лишь отчасти!) ее источником и основой — подобно фотоснимкам в альбоме или путеводителе — наряду со зрительными воспоминаниями становятся уже вышедшие некогда очерки из путевого дневника Е. Э. Картавцева о

[13] «В своем стремлении к тотальному знанию и опыту, идеальный путешественник [у Бунина] должен посетить не только другие страны, но и другие эпохи; он должен покорить время, так же, как и пространство…» [Richards, 1974, p. 522].
[14] Об этом см. подробнее: [Латухина, 2004].

поездке, совершенной в тот же город более 17 лет назад. Главные достопримечательности, значимые объекты Каира и его окрестностей того времени — гробница Каит-бея, утренний путь к пирамидам Гизы, театральное представление местной труппы и др., детально и обстоятельно описанные в «Вестнике Европы», в журнале, выходившем большим тиражом и пользовавшемся значительной популярностью, — становятся неким планом для дальнейшего поэтического описания и переработки. На примере рассказа «Свет Зодиака» и очерка «В Каире» можно увидеть, как текст очерка о путешествии у одного автора преображается в литературное произведение, «путевую поэму» у другого.

Литература / References

Бугров А. В. «Марат Крестьянского банка». Очерк жизни и деятельности Е. Э. Картавцова (1850–1932). *Деньги и кредит*. 2011. № 4. С. 64–68 [Bugrov A. V. “Marat of the Peasant Bank”. An Outline of the Life and Work of E. E. Kartavtsov (1850–1932). *Money and Credit*. 2011. 4. Pp. 64–68 (in Russian)].

Бунин И. А. Свет Зодиака. *Полное собрание сочинений в 13-ти томах*. Т. 3. Повести, рассказы (1911–1914); Тень Птицы (1907–1911). М., 2006. С. 401–410 [Bunin I. A. The Light of The Zodiac. *Complete Works in 13 vols*. Vol. 3. *Novels, stories* (1911–1914); *The Bird's Shadow* (1907–1911). Moscow, 2006. Pp. 401–410 (in Russian)].

Картавцев Е. Э. В Каире (1889 г.). *Вестник Европы*. 1891а. № 12. С. 485–536 [Kartavtsev E. E. In Cairo (1889). *Vestnik Evropy*. 1891. 12. Pp. 485–536 (in Russian)].

Картавцев Е. Э. Поездка в стовратные Фивы (1889 г.). *Вестник Европы*. 1891б. № 5. С. 113–135 [Kartavtsev E. E. A Trip to the Hundred-Gated Thebes (1899). *Vestnik Evropy*. 1891б. 5. Pp. 113–135 (in Russian)].

Картавцев Е. Э. Поездка в стовратные Фивы (1889 г.). *Вестник Европы*. 1891в. № 6. С. 596–630 [Kartavtsev E. E. A Trip to the Hundred-Gated Thebes (1899). *Vestnik Evropy*. 1891в. 6. Pp. 596–630 (in Russian)].

Картавцев Е. Э. *По Египту и Палестине. Путевые заметки*. СПб., 1892 [Kartavtsev E. E. *In Egypt and Palestine. Travel Notes*. St. Petersburg, 1892 (in Russian)].

Кириллина С. А. *Очарованные странники: арабо-османский мир глазами российских паломников XVI–XVIII столетий*. М., 2010 [Kirillina S. A. *Charmed Wanderers: The Arab-Ottoman World through the Eyes of Russian Pilgrims of the 16th–18th cc.* Moscow, 2010 (in Russian)].

Ковалева Т. Н. Библейский хронотоп в «путевых поэмах» И. А. Бунина «Тень Птицы». *Проблемы исторической поэтики*. 2015. № 13. С. 507–526 [Kovaleva T. N. Biblical Chronotope in “Travel Poems” by Ivan A. Bunin “The Bird's Shadow”. *Problems of Historical Poetics*. 2015. 13. Pp. 507–526 (in Russian)].

Козьминых Е. С. Либеральный журнал «Вестник Европы» и российское общество в период реформ Александра II. *Вопросы исторической науки: материалы I Международной научной конференции*. М., 2012. С. 56–59 [Kozminykh E. S. Liberal Magazine “Vestnik Evropy” and Russian Society during the Reforms of Alexander II. *Problems of History: Materials of the 1st Int. Academic Conference*. Moscow, 2012. Pp. 56–59. (in Russian)].

Латухина А. Л. *Цикл «путевых поэм» И. А. Бунина «Тень птицы»: проблема жанра*. Автореферат дисс. … канд. филол. наук. Н. Новгород, 2004 [Latukhina A. L. *The Cycle of “Travel Poems” by I. A. Bunin “The Bird's Shadow”: The Problem of Genre*. PhD (Philology) Theses Abstract. Nizhny Novgorod, 2004 (in Russian)].

Прох Л. З. *Словарь ветров*. Л., 1983 [Prokh L. Z. *Dictionary of Winds*. Leningrad, 1983 (in Russian)]

Richards D. J. Comprehending the Beauty of the World: Bunin's Philosophy of Travel. *The Slavonic and East European Review*. Vol. 52. No. 129 (Oct., 1974). Pp. 514–532.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-37-50

ДОЛИНА ИНДА В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ — ОТ РЕДКОГО НАСЕЛЕНИЯ К ПЕРЕНАСЕЛЕННОСТИ

 В. Я. Белокреницкий*

В статье выявляется исторически сложившийся тренд возрастающего увеличения численности людей в ареале великой реки Инд, в границах небольшого по площади (ок. 900 тыс. кв. км) нынешнего Пакистана. Засушливый климат долины способствовал тому, что в начальный для современной эпохи предколониальный период регион отличался редким населением. Колониальное правление англичан стимулировало рост населения благодаря масштабным ирригационным работам и перемещению земледельцев из восточных (ныне индийских) округов Панджаба (северного сегмента региона) в западные. Период независимого развития (с 1947 г.) автор подразделяет на три этапа — секулярно-модернизационный (до 1970-х гг.), исламистский (до середины 2010-х гг.) и текущий, постисламистский. На первом этапе работы по орошению продолжились и получили мощный толчок после заключения Договора с Индией о разделе вод Инда в 1960 г. В значительной мере экстенсивное (направленное на увеличение производительности земли, а не труда) развитие аграрного сектора способствовало высоким темпам роста населения, а попытки властей уменьшить их мерами по планированию семьи и усилению прав женщин натолкнулись на жесткий отпор влиятельных исламистских сил. Пакистан вышел на одно из первых мест в мире по величине населения (более 220 млн. человек), оторвавшись далеко за последние два столетия от своих соседей по региону Ближнего и Среднего Востока – Афганистана, Ирана, Турции и Египта. Стремительный рост населения ставит перед страной трудноразрешимые задачи, усугубляемые перспективами неблагоприятного изменения глобального климата и обострением экологических проблем.

Ключевые слова: река Инд, демография, ирригация, перенаселенность, этапы развития Пакистана.

Для цитирования: Белокреницкий В. Я. Долина Инда в современную эпоху — от редкого населения к перенаселенности. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 37–50. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-37-50

INDUS RIVER VALLEY IN MODERN TIMES — FROM SPARSELY INHABITED TO OVERPOPULATED

Vyacheslav Y. Belokrenitsky

The article reveals the historical trend of population growth in the region of the Indus River valley that corresponds to the relatively small area (around 900 000 sq km) that is the present-day Pakistan. The arid climate of the valley explains why the advent of modern times, the pre-colonial

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Y. BELOKRENITSKY, D.Sc.(History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0001-8471-928X

period, saw the region being sparsely populated. British colonial rule stimulated demographic growth by introducing large-scale irrigation projects and encouraging the movement of farmers from the eastern (now Indian) districts of Punjab (northern segment of the area) to the west. The region's independent development (beginning in 1947) is divided by the author into three stages — secular-modernisational (up to the 1970s), Islamist (till the mid-2010s) and the current post-Islamist phase. During the first stage, work on irrigation projects intensified and got a powerful boost from the Indus Water Treaty signed with India in 1960. Largely extensive (aimed at increasing land rather than labor productivity) agricultural development was an underlying factor behind high population growth. Attempts by the government to reduce it by measures of family planning and empowering women have met with strong rebuff by influential Islamist forces. As a result, Pakistan has emerged as one of the world's largest countries in terms of population (more than 220 million), breaking away in the last two centuries from its Middle Eastern neighbors Afghanistan, Iran, Turkey and Egypt. The rapid growth of population poses grave challenges for the country, compounded by the prospect of adverse global climate changes and the exacerbation of environmental problems.

Keywords: river Indus, demographics, irrigation, overpopulation, stages of Pakistan's development.

For citation: Belokrenitsky V. Y. Indus River Valley in Modern Times — From Sparsely Inhabited to Overpopulated. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 37–50. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-37-50

Долина Инда притягивает к себе ныне внимание многих авторов. Среди них специалисты как в точных (гидрологии, ирригации, экологии), так и в гуманитарных науках, прежде всего, историки, интересующиеся и древней — Индской, или Хараппской — цивилизацией, и последующей судьбой ареала вплоть до нашего времени, когда он стал «несущей конструкцией» Пакистана, одной из крупнейших по населению стран мира. Ограничив себя здесь историко-демографическими тенденциями, начнем с уточнения основных понятий. Долину Инда мы отличаем от бассейна реки Инд, т .е. от охвата ею и ее притоками приречной территории (catchment area). По авторитетным оценкам, бассейн равен в настоящее время примерно 1,2 млн. кв. км. и разделен между четырьмя государствами. На Пакистан приходится 47 % площади, на Индию — 39 %, на Китай — 8 % и на Афганистан — 6 % [1]. В специальной литературе встречаются и другие цифры: в пределах Пакистана находится 61 % площади бассейна, Индии — 29, Афганистана — 8, Китая — 2 % [2]. Но и при достоверности приведенных выше первыми оценок значение бассейна для Пакистана многократно превосходит его роль для Индии. На бассейн приходится около 65 % всей территории и 95 % орошаемой площади. В масштабах Индии доля бассейна Инда (фактически, ее главного восточного притока — реки Сатледж) невелика: она равняется 10 % территории и образует западную часть Ганго-Джамнского междуречья, продлеваясь, благодаря позднейшим ирригационным сооружениям, на юг, вплоть до Раджастхана.

Под долиной Инда в данной статье имеется в виду территория современного Пакистана, иначе говоря, основной сегмент бассейна с включением в него гористых и горных районов запада и северо-запада страны. Современную эпоху мы определяем как

[1] Indus River Basin. Irrigation in Southern and Eastern Asia in figures. *AQUASTAT Survey-2011*. P. 1. URL: http:aquastat.fao.org (дата обращения 14.04.2020).

[2] *Water Information Site 'Indus River Basin'*. URL: http:www.org/nr/water/aquastat/basins/Indus/indezx.htm (дата обращения 14.04.2020).

отрезок времени от втягивания долины Инда в орбиту колониализма до начальных десятилетий нынешнего столетия.

Несколько предваряющих слов заслуживает и демографическая проблематика. Нельзя считать, что ее не замечали в отечественных работах по этому региону и шире по Индии или странам Ближнего и Среднего Востока. Но из-за отсутствия массива проверенных фактических данных она оставалась, как правило, на обочине главного потока исторической литературы. На работах советского периода, кроме того, сказывалось второстепенное значение демографии в комплексе общественных наук, индифферентность к ней формационного подхода. Между тем, динамика численности населения, его структура и базовые характеристики служат важнейшими параметрами локальных цивилизаций, как древних, так и современных.

Предколониальный период

Нижней границей этого периода можно считать вторую половину XVII в., когда европейцы укоренились как торговцы на Индийском субконтиненте, прежде всего на его западном, Малабарском побережье, относительно недалеко от долины Инда. В 1635 г. Британская Ост-Индская компания открыла факторию в Татте, на юге области Синд (или Синдху — название исторической области совпадает с названием реки), входившей в состав державы Великих Моголов. Однако в середине того века Синд стал ареной военных действий между претендентами на престол братьями Дара Шикохом и Аурангзебом[3] и после победы последнего пришел в запустение. Закрытую в 1662 г. факторию, занимавшуюся вывозом тканей из хлопка и красителя-индиго, попытались вновь открыть спустя почти век (в 1758 г.) и вновь неудачно — местные правители из рода Кальхоров не поощряли промыслы и старались оградить себя от влияний извне. Ту же политику проводили сменившие их в конце века белуджи Тальпуры. Земледелие в Синде зависело от немногих каналов паводкового заполнения и поддерживало существование крайне редкого населения.

Центральная и северная части долины Инда в предколониальный период также отличались малой заселенностью. Равнина, по которой медленно несла свои воды с севера на юг река Инд и ее главные западные притоки — реки Кабул, Джелам, Чинаб и Рави, отличалась засушливым климатом. Население тяготело к предгорным районам, где выпадали муссонные осадки, и было возможно богарное (неполивное) земледелие. Расцвет цивилизации на северо-востоке Панджабской равнины пришелся на вторую половину XVI в., когда могольский император Акбар перенес свою столицу (военную ставку) в Лахор, расположенный на стыке долины Инда с междуречьем Джамны и Ганга. Пробыв в городе 14 лет, покорив Кашмир и отобрав у Персии афганский Кандагар, Акбар вернулся в Агру. И хотя его наследник, Джехангир, много сделал для Лахора и похоронен там, центр тяжести империи с первой трети XVII в. вновь переместился на восток, в Ганго-Джамнскую долину. Построенные императорами ирригационные сооружения пришли в негодность. Это оставляло земледелие по большей части неполивным.

[3] На стороне первого, кстати, воевал отряд вооруженных мушкетами европейцев во главе с Н. Мануччи [Sorley, 1968, p. 161–162].

Возрождение Панджаба связано с подъемом сикхов во второй половине XVIII в. Сторонники учения Гуру Нанака из мирной секты постепенно превратились в воинское братство и установили контроль над Панджабом, распадаясь на конкурирующие между собой территориальные конфедерации. В 1799 г. лидер главной западной конфедерации Ранджит Сингх начал объединение сикхов под своей властью и основал сильное Панджабское государство со столицей в Лахоре [Семёнова, 1958].

Достигнутые при Ранджит Сингхе военные и административные успехи способствовали притоку населения в долину Инда и обеспечили заметный хозяйственный подъем. Он охватил не только северо-восточные, но и центральные области равнины (с центром в Мултане). Однако ведение затяжной войны с пуштунскими правителями Кандагара и Кабула, необходимость содержать большое войско, оснащенное современным по тому времени оружием, в частности, артиллерией, щедрые пожалования офицерам-европейцам подрывали экономический потенциал державы. После смерти основателя в 1839 г. она просуществовала 10 лет и пала под ударами англичан, установившими к тому времени контроль над всей Индией, кроме ее северо-западного угла.

Население всей Индской долины (в границах современного Пакистана) накануне колониального завоевания, т. е. в 1830–1840-е гг., равнялось, по нашим подсчетам, ориентировочно 4–5 млн. человек [Белокреницкий, 1988, с. 21]. Это совсем не мало, если учесть, что в Афганистане в середине XIX в. насчитывалось, как полагают, от 2,5 до 3,5 млн. человек, в Иране от 6 до 7 млн., в Турции — 7–7,5 млн., а в Египте с похожим на роль Инда значением Нила численность населения, согласно одной из оценок, равнялась в 1840 г. 4,3 млн. человек, увеличившись до 4,8 млн. в 1850 г. [McCarthy, 1977, p. 33–34; McEvdy, Jones, 1978, p. 137, 153, 155][4].

Колониальная эпоха

Новый этап в истории долины Инда ознаменовался заметным ускорением демографического роста. Его вызвали энергичные действия англичан по преобразованию административной системы и хозяйственной жизни. Южная часть долины попала под юрисдикцию Бомбейского президентства, будучи завоеванной в 1843 г. войсками посланного оттуда генерала Нэйпира [Агеев, 1979]. Северный сегмент долины после присоединения Панджаба в результате двух англо-сикхских войн (1845–1846 и 1848–1849 гг.) попал под контроль столичного для всей империи, созданной Ост-Индской торговой компанией, Бенгальского президентства. Понимая, что доблестно сражавшееся многочисленное сикхское войско представляет опасность, если ему не предоставить средства для существования, временная английская администрация Панджаба без промедления приступила к расчистке старых и сооружению новых оросительных каналов и наделению сикхов новоорошенной землей[5].

Согласно переписи населения Панджаба, проведенной в ночь с 31 декабря 1854 г. на 1 января 1855 г., население пяти западных административных областей (Лахора, Джелама, Мултана, Лейа и Пешавара) оказалось равным 8,3 млн. человек.

[4] Historical demographical data of the whole country (Afghanistan, Iran, Turkey). URL: http://www.populstat.info/1999-2002 (дата обращения 18.01.2016).

[5] Подробнее см: [Демичев, 2011, с. 193–218].

Самой населенной из областей была Лахорская (3,5 млн.), разделенная почти пополам притоком Инда рекой Рави. На восточном, ныне индийском, берегу реки находился второй по населенности город области, священный для сикхов Амритсар. Можно предположить, что на его окрестности и все верхнее левобережье Рави приходилось в середине XIX в. не менее двух третей жителей области. При таком допущении в западной (в настоящее время пакистанской) части Панджаба насчитывалось немногим более 6 млн. человек [Andrew, 1976, p. 141; Thornton, 1857, p. 793].

Население Синда, согласно проведенной годом позже переписи, составило 1,9 млн. человек [Chablani, 1951, p. 127]. В сумме численность жителей равнинного и низменного сегментов Индского региона насчитывала, таким образом, немногим больше 8 млн. человек. Если к ним добавить немногочисленное население белуджских и пуштунских, кочевых и горных племен, то общая цифра превышала, по всей видимости, 9 млн.

Итак, уже на этот начальный момент втягивания областей нынешнего Пакистана в процессы экономического и демографического подъема на Ближнем и Среднем Востоке выявляется их достаточно плотная населенность. Очевидно, это явилось следствием политических и экономических преобразований на последнем предколониальном этапе и в первые десятилетия колониального правления.

В 1850-е и 1860 гг. Карачи превратился в крупный по тем временам порт, через который транспортировали хлопок, спрос на который вырос из-за Гражданской войны в Америке (1861–1865 гг.). Доля хлопка, вывозимого из Карачи, превысила в тот период половину всей стоимости экспорта [Hyder, 1975, p. 33]. Причем вывозимый хлопок производился главным образом в Панджабе, что фактически превращало всю долину Инда в хинтерланд Карачи. Именно в этот период строились планы объединения Синда и Панджаба в одно президентство, но осуществить их не удалось вследствие противодействия как Калькутты, так и Бомбея. К тому же, оживление, связанное с экспортом хлопка, довольно быстро кончилось, а значение Панджаба как житницы Северной Индии возросло.

Тем не менее население Синда в течение всей второй половины XIX в. неуклонно росло. По переписи 1872 г. оно равнялось 2,3 млн., а к 1901 г. достигло 3,4 млн. человек (прирост в год на 1,4 %) [Chablani, 1951, p. 127].

Вслед за первым периодом ирригационного строительства в Панджабе в 1850–1870-х гг., когда главное внимание уделялось каналам паводкового (сезонного) орошения, в частности обнесению их валом от наводнений, последовал второй, характеризующийся возведением новых плотин на Инде и ее притоках и прорытием каналов всесезонного постоянного заполнения. Первый крупный канал в западной части Панджаба, Нижнечинабский, был завершен в конце 1880-х гг., а с 1892 г. началось освоение орошенных им земель, заселение первой большой переселенческой колонии, Чинабской с новым городским центром Лаялпур (ныне Фейсалабад). В начале XX в. началось освоение земель, орошенных Нижнеджеламским каналом (колония Шахпур, современная Саргодха). Тогда же вступили в строй каналы в населенной по преимуществу пуштунами Северо-Западной пограничной провинции (образована в 1900 г.) и в Синде (канал Джамрао), а в 1910–1920-е гг. происходило освоение территории, орошенной так называемым «Тройным каналом» и всей Нижнебаридоабской системой в Панджабе (ныне это центральные и юго-восточные

округа пакистанской провинции). В 1930-40-е гг. орошаемая площадь существенно выросла в Синде после вступления в строй плотины Ллойд (ныне Суккур) и на юго-западе Панджаба, прежде всего в княжестве Бахавалпур, с завершением строительства ирригационной системы на реке Сатледж [Белокреницкий, 1988, с. 64–65; Michel, 1967, p. 85–93; Gilmartin, 2015, p. 159–164].

На рубеже веков территория современного Пакистана оказалась существенно более плотно населена, чем соседние с ней территории Ирана, Афганистана, Турции и Египта. В Пакистане, по официальным данным, в 1901 г. проживало 16,6 млн. человек [Белокреницкий, 1982, с. 10], а по оценкам Я. Лахмейера — 19 млн. Ближе к официальным прикидки К. Макивди и П. Джонса. Для 1850 г. они приводят цифру в 11 млн., для 1875 г. — 12 млн., а для 1900 г. — 16 млн. человек [McEvdy, Jones, 1978, p. 186].

При безусловной приблизительности всех этих подсчетов очевидна связь между площадью орошаемого земледелия и плотностью населения. Довольно медленное увеличение числа жителей в Синде в первой половине XX в., между 1901 и 1941 гг., объясняется скромными темпами освоения ирригированных площадей и ранним проявлением таких последствий искусственной ирригации, как засоление и заболачивание почвы. Сказались в то же время и другие факторы, такие, как эпидемия гриппа (испанки), приведшая к сокращению населения, прежде всего в Карачи, между 1911 и 1921 гг. Доля Синда в составе «пакистанского» населения за первые 40 лет прошлого столетия снизилась, поскольку общий прирост равнялся 1,3 % против 0,9 % в Синде [Белокреницкий, 1982, с. 10; Chablani, 1951, p. 127].

Очевидно, что при замедленном росте числа жителей в южном сегменте долины Инда (Синде и прилегающих к нему белуджских районах), более высокими темпами росло население северного сегмента — западного Панджаба и Северо-западной пограничной провинции (СЗПП). Доля жителей западнопанджабских округов во всем населении колониальной провинции Панджаб по переписи 1891 г равнялась 39,6 %. За два последующих десятилетия она выросла до 45,8 %. (рассчитано по: [Census, 1941, p. 8–14]. Именно в это время (в особенности до 1911 г.) шло интенсивное освоение новоорошенных земель. Из восточных областей провинции в западные устремился поток людей. Отчасти это было результатом организованного властями переселения, отчасти же — стихийным процессом.

Согласно переписи 1941 г. удельный вес жителей западных областей составлял уже 49,7 %. А на момент раздела колониальной Индии на пакистанскую часть приходилось, по авторитетным оценкам, 58 % жителей Панджаба. Смещение демографического и экономического центра тяжести провинции на запад привело к тому, что на Западный Панджаб приходилось 72 % орошаемой земли и 61 % уборочной площади прежней провинции [Vakil, 1950, p. 29–30, 146].

Первый постколониальный период

Этот период отличается попытками местной элиты, пришедшей к управлению возникшей в 1947 г. страной, следовать в русле модернизации, продолжая политику колониальных властей в том, что касается развития материально-технической сферы. При этом она делала несколько больший акцент на социальных секторах (образовании и здравоохранении), поощряя также частную инициативу в области

предпринимательства и формирования таких капиталистических институтов, как фондовый рынок, коммерческие банки, страхование жизни и имущества и т.п. Следование по пути «свободного мира» сложилось в Пакистане без большой внутренней борьбы. Англичане передали власть, что называется, из рук в руки, сохранив символический сюзеренитет на девять лет, вплоть до 1956 г., когда Пакистан из независимого доминиона превратился в республику. Оппозиция разрозненных прокоммунистических элементов была к тому времени подавлена, а главной внешней опорой стали США. В течение первого периода, который можно назвать светским (по меркам мусульманского государства) и модернизационным, Вашингтон помогал, как мог, сохранению территориальной целостности страны (не добившись, впрочем, своих целей, поскольку в 1971 г. оно распалось на собственно Пакистан и Бангладеш), и осуществлению ее правящей верхушкой консервативной социально-экономической политики капиталистического типа[6].

Перепись 1951 г. оценила население Западного Пакистана в 33,8 млн. человек. Демографический прирост в среднем за год между 1941 и 1951 гг. оказался равен 1,7 %. Таким же, или даже чуть больше, он был между 1931 и 1941 гг. Между тем, в ходе раздела 1947 г. из пакистанских территорий выехало, по относительно недавним и, видимо, уточненным сведениям, 4,7 млн. сикхов и индусов, а в Пакистан из Индии перебрались 6,5 млн. человек [Hasan, 2012, p. xxvii]. Положительный баланс составил 1,8 млн. и был, очевидно, нивелирован условиями Второй мировой войны (уходом в армию молодых мусульман из Панджаба), людскими потерями в ходе отягченного столкновениями и мародерством раздела, а в результате — увеличением количества неполных семей.

Зато в 1950-е гг. начинается демографический бум. Согласно переписи 1961 г., число жителей достигло 42,9 млн. (прирост 2,2 % в год). Плановая комиссия после проведения переписи 1972 г., поправила показатели предшествующей переписи, увеличив численность населения на 7,5 %, до 46,1 млн. человек. Согласно переписи 1972 г., число пакистанцев выросло до 65,4 млн., увеличившись в среднем за год на 3,9 % без учета поправки и на 3,2 % с ее учетом. Можно считать, что в 1950–1960-х гг. наблюдалась первая волна роста пакистанского населения, которое выросло за два десятилетия (грубо говоря, жизнь одного поколения) на 31,6 млн. человек, или в год в среднем на 3,1 % [Пакистан, 1977, с. 23; Pakistan Economic, 1978; Pakistan Economic Survey 1977–78, p. 4, 1978].

Между тем, пакистанское правительство по существу с самого начала объявило о проведении политики планирования семьи, т. е. сдерживания роста населения. Особенно энергично действовало в этом отношении военное правительство М. Айюб Хана, находившееся у власти с 1958 по 1969 г. (с 1962 г. под прикрытием парламентской демократии). В марте 1961 г. президент Айюб издал Указ о семейном законодательстве (Family Laws Ordinance), которым предусматривался запрет распространенного в стране многоженства и вводилось повышение возраста вступления в брак для девушек с 14 до 16 лет. [Malik, 1997, p. 145] Указ не мог, разумеется, ликвидировать полигамию, но улучшил правовое положение и статус женщин из городских обеспеченных слоев.

[6] Подробнее см: [Белокреницкий, 1988, с. 131–238].

Правительственный курс столкнулся с ожесточенным сопротивлением консервативных исламских кругов, которые сумели запугать правительство, заставив его фактически отказаться от эффективных мер по планированию семьи. Число клиник и консультаций, особенно для бедных и малообеспеченных семей, с середины 1960-х гг. уменьшалось, пропаганде ограничения рождаемости не придавалось значения. Ни одно правительство после военного кабинета Айюб Хана не решалось пойти на открытую конфронтацию с клерикалами, хотя даже при генерале-исламисте Зие уль-Хаке делались шаги, которые можно было принять за попытки решить проблему повышения статуса женщин, усиления их прав и возможности иметь право голоса в вопросе о желаемом количестве детей [Malik, 1997, p. 150–151].

Особенностью первого периода, во многом объясняющей стремительный рост населения, был акцент на гидроэнергетическом и ирригационном строительстве. Перехватив эстафету у колониальных властей, правящие круги Пакистана, как впрочем и Индии, продолжили сооружение дамб и плотин на Инде и его притоках. Индия соорудила уже к началу 1960-х гг. современный Бхакро-Нангальский гидроэнергетический и ирригационный комплекс [Michel, 1967, p. 205–209]. В 1950-х — начале 1960-х гг. Пакистан построил две крупные плотины в Синде (Котри и Гудду), что позволило обеспечить стабильное орошение 2,5 млн. га (половина этой площади ранее не обрабатывалась) [Haines, 2013, p. 126–127]. Ирригационные работы велись на начальном этапе и в Панджабе, главным образом в пустыне Тхал, в междуречье Инда и Джелама.

Еще более масштабное гидроэнергетическое и ирригационное строительство развернулось в Пакистане после заключения в 1960 г. Договора с Индией о разделе вод Инда. По нему Пакистан получал в свое распоряжение воды Инда, Джелама и Чинаба, а благодаря переброске воды с помощью соединительных каналов мог использовать и строить заново головные сооружения и отводные каналы также и на реках Рави и Сатледже там, где они протекали по его территории. Не вдаваясь в детали поистине эпохального для Пакистана договора, заключенного под эгидой Международного банка реконструкции и развития и при участии десятка государств во главе с США[7], отметим, что в конце 1960-х гг. была введена в строй действующих плотина Мангла на реке Джелам, а в середине 1970-х гг. — крупнейшая в мире насыпная дамба Тарбела на Инде [Энциклопедия Пакистана, 1998, с. 400, 403]. Помимо большой роли в энергетике (в 1990-х гг. — свыше половины электроэнергетических мощностей) эти сооружения позволили оросить большие площади земли на севере и в центре Панджаба, окончательно превратив Пакистан в крупнейший в мире ирригационный ареал в бассейне одной реки [Gilmartin, 2015, p. 4–5, 306].

Ирригационное строительство подтолкнуло процессы демографического роста, обеспечив пропитанием миллионы сельских и городских семей. Тому же способствовала развернувшаяся с 1960-х гг. «зеленая революция» — использование улучшенных сортов семян, удобрений и пестицидов, меры по борьбе с эрозией почвы, ее засолением и заболачиванием, а также применение тракторов и артезианских (трубчатых) колодцев.

[7] Подробнее см: [Michel, 1967, p. 254–265].

Второй этап независимого развития

Кризис секулярно-модернизационного пути, на котором Пакистан добился заметных успехов, претендуя одно время войти в число «азиатских тигров», начался, по общему мнению, с войны против Индии в 1965 г. Она ослабила государство, увеличила трения между Западным и Восточным Пакистаном, что сыграло роковую роль в расколе страны 1971 г. Подоплекой внутреннего кризиса явился демографический бум. Рост населения способствовал увеличению безработицы среди городской молодежи и осознанию угрозы потерять виды на работу у получающих университетское образование молодых людей.

В середине-конце 1970-х гг. Пакистан вступил в фазу исламистской политико-идеологической эволюции. Разросшиеся численно ряды исламских священнослужителей и проповедников помогли выхолостить леводемократическое содержание реформ, которые начал осуществлять поставленный военными во главе государства после поражения в войне с Индией в декабре 1971 г. З. А. Бхутто, лидер созданной в 1967 г. Пакистанской народной партии. Ориентирующиеся на опыт КНР и идеи председателя Мао левые элементы партии продержались в составе ее руководства до 1974 г. Правые деятели в партии и происламские оппозиционные силы, опираясь на прямую поддержку со стороны Саудовской Аравии, начали разворот в сторону исламизма как господствующей идеологии. Он завершился после военного путча в июле 1977 г. и прихода к власти армии во главе с М. Зия уль-Хаком. Исламистский курс, проводившейся вплоть до гибели Зия в 1988 г., затронул практически все области общественно-политической, экономической, и культурной жизни [Talbot, 2012, p. 126–131].

Не останавливаясь на содержании исламистских мероприятий[8], отметим, что они прямо способствовали росту населения. Большое влияние в этом смысле имел указ Зия уль-Хака 1979 г. о введении традиционного исламского права *худуд,* дискриминационного в отношении женщин, приравнивающих их свидетельские показания к половине мужских, и сурово карающих за супружескую измену (*зина*), за которую часто выдавалось изнасилование [Malik, 1997, p. 147–148].

Несмотря на это, общество менялось под воздействием общего информационного фона и принятых ранее законов. Согласно данным демографического обследования 1989 г., средний возраст вступления в брак с 17 лет для женщин в 1950–1960-х гг. поднялся до 20 лет, для мужчин он увеличился с 22 до 25 лет, а общий коэффициент рождаемости снизился с 52 до 41 [Pakistan Demographic Survey, 1993, p. 37, 40].

Однако имевшие место демографические подвижки оказались незначительными. Перепись 1981 г. зафиксировала население в 84,2 млн. человек. В период между переписями 1972 и 1981 гг. прирост составил 3,1 %. В начале 1990-х гг. перепись по политическим причинам провести не удалось. Она состоялась лишь в начале 1998 г. За 17 лет население возросло на 48 млн. человек при среднегодовом приросте в 2,7 %.

Исламистская политика властей, продолжавшаяся и после окончания военного правления Зия уль-Хака, сыграла в этом немалую роль. Дискриминация женщин

[8] См.: [Каменев, 1982, с. 100–104; Pakistan Economic Survey 1982–83, 1983, p. 1–12].

вызывала протест в обществе, но он были слишком слабым, как и само гражданское общество. Женские и правозащитные организации могли лишь обозначить недовольство, но не способны были повлиять на власть, хотя и состояли в основном из представителей среднего и высшего класса. Не помогло и то, что Пакистан стал первым мусульманским государством, где женщина заняла пост премьер-министра. Беназир Бхутто, дважды в 1988–1990 и 1993–1996 гг. возглавлявшая правительство, занимала двойственную и в целом нерешительную позицию. Она, разумеется, выступала на стороне женщин, но, будучи реалистом в политике, считалась с патриархальными традициями, и сама была фактически их «порождением» как дочь казненного в 1979 г. премьера, продолжающая его миссию (см: [Суворова, 2017, с. 132–156]).

Сказалось также отсутствие прогресса в области индустриализации, что было связано с начавшимся в конце 1970-х гг. выездом квалифицированных рабочих за рубеж, в первую очередь в разбогатевшие на экспорте нефти государства Аравии. Неуклонно нараставший приток средств от работающих за границей имел разного рода последствия, в том числе положительные (повышение уровня жизни многих семей, рост вложений в недвижимость, малый и средний бизнес). Вместе с тем, он задерживал социальные преобразования, укреплял институты большой многодетной семьи.

В 2000-х гг. открытость пакистанского рынка рабочей силы пришла в соприкосновение с новым феноменом, усилившим радикальный исламизм, — присутствие на его северо-западных окраинах сотен тысяч беженцев из Афганистана. Это были оттесненные в Пакистан талибы и их семьи. Двусмысленная позиция по отношению к ним пакистанского военного режима во главе с генералом П. Мушаррафом (1999–2008 гг.) и неудачи американцев и их союзников по НАТО в боях с оставшимися в Афганистане вооруженными формированиями движения Талибан способствовали усилению исламских экстремистов в среде пакистанских пуштунов, что привело к новому кризису в стране, сорвав назревшие реформы.

Ценой немалых усилий и потерь лишь к 2015 г. армии, полувоенным частям и полиции удалось навести порядок в северо-западных округах страны, в непосредственной близости от столичного Исламабада. К этому времени определенный перелом произошел и в господствующих в обществе настроениях. Участие Пакистана в борьбе с террором стало восприниматься не только как уступка США, но и как жизненно необходимая для страны задача.

На исламистском этапе истории Пакистана круто затормозились вложения в ирригационное строительство. За всю последнюю четверть прошлого и начало нынешнего века не было завершено ни одного крупного проекта в этой области. Между тем, в печати и, очевидно, в аппарате министерств и ведомств шли горячие обсуждения этой темы. Вопрос о распределении ограниченных водных ресурсов страны стал камнем преткновения в отношениях между провинциями — Панджабом, с одной стороны, Синдом и Хайбер-Пахтунхва, с другой. Давно дискутируемый план сооружения на Инде дамбы Калабагх (на выходе реки из теснин Соляного хребта) неоднократно отвергался, но окончательно не похоронен. Проблема сооружения масштабных водохранилищ с места не сдвинулась, хотя определенной заменой им стала реконструкция плотины Мангла, существенно увеличившая размеры ее водохранилища[9].

[9] Mangla becomes country's largest reservoir. *Dawn.com.* 26.08.2013. URL: https://www.dawn.com/news/1038404 (дата обращения 26.08.2013).

Начало текущей фазы

Представляется, что у исламизма, как и у всякого общественного явления, есть свое начало и свой конец. Существуют основания полагать, что в середине 2010-х гг. в истории Пакистана наступила новая стадия. Ее подготовило осознание бремени, которое вызывают идеология и практика радикального ислама, сопровождающая их религиозная и этническая нетерпимость, обострение в отношениях с соседними государствами и, как следствие, — отставание в экономике, образовании, здравоохранении.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения, было нападение боевиков-исламистов в декабре 2014 г. на престижную школу в Пешаваре, где обучались дети военнослужащих. В результате атаки погибли свыше 140 учащихся и преподавателей и около двухсот были ранены [Замараева, 2015, с. 325]. «Пакистанский Беслан» вызвал волну негодования и привел к принятию парламентом специального антитеррористического плана действий и поправки к Конституции, по которой на время учреждались военные суды для быстрого рассмотрения дел, связанных с террором. С тех пор крупные вылазки вооруженных исламистов прекратились, а ситуация с соблюдением закона и порядка в целом улучшилась.

Определенную лепту в начало пост-исламистской фазы внесло и проведение в 2017 г. шестой переписи населения. Она неоднократно откладывалась и была проведена спустя почти два десятилетия (19 лет) после пятой. Согласно публиковавшимся до нее оценкам местных и международных демографических организаций, в Пакистане, как и в других странах Азии, шел процесс снижения рождаемости. Впрочем, неофициальные итоги переписи домовладений 2011 г., предостерегали против преувеличения скорости этого процесса. И действительно, по переписи 2017 г. население Пакистана увеличилось по сравнению с 1998 г. на 76 млн. человек, до 208 млн. Среднегодовой прирост составил 2,4 %, что намного превосходит показатели Ирана, Турции, Египта, а также соседей по Южной Азии — Индии и Бангладеш. Если же считать, что в Пакистан фактически входят некоторые территории, принадлежавшие в колониальное время княжеству Джамму и Кашмир, то общая численность его населения на год переписи превосходила 210 млн., а к началу нынешнего десятилетия приблизилась к 225 млн. (ежегодный прирост — около 5 млн. человек).

Результаты переписи на время всколыхнули общественность. Главный судья Пакистана выступил с инициативой разобраться в ситуации с демографической политикой и принять меры к ограничению рождаемости. К тому же призвали видные общественные и политические деятели, влиятельные журналисты и телеведущие. Казалось, что новое правительство страны во главе с известным в прошлом спортсменом-крикетистом популярным среди молодежи Имран Ханом (пришло к власти по итогам парламентских выборов в июле 2018 г.) прислушается к общему мнению и усилит внимание к программам планирования семьи. Но до последнего времени о каких-либо подвижках в этой области не сообщалось, что вызвано, по всей видимости, общей кризисной экономической обстановкой, не позволяющей сосредоточиться на широких и долговременных, стратегических целях и задачах.

К их числу относится также тесно связанная с демографией проблема гидроэнергетики и ирригации. Появившийся взамен Калабагху проект строительства в бывшей кашмирской области Гилгит-Балтистан плотины Даймер-Бхаша на Инде повис

в воздухе, хотя, казалось, он мог бы стать одним из ключевых в широкомасштабной инвестиционной программе Китайско-пакистанского экономического коридора (КПЭК). Одобренная в 2015 г. Пекином и Исламабадом программа, ставшая частью важнейшей для КНР «Инициативы пояса и пути» уже начала осуществляться, но до новой дамбы дело не дошло. К тому же, после смены правительства в Исламабаде и обнаружившегося вслед за тем острого валютно-финансового кризиса, интерес к КПЭК в Пакистане заметно снизился. Однако гидроирригационные работы ведутся, но в основном на горных реках путем строительства небольших дамб, запруд и миниэлектростанций.

Заключение

Считается, что для таких засушливых регионов, как долина Инда и территория Пакистана в целом, вода имеет неизмеримо большее значение, чем земля. Поэтому демографическая динамика в современную эпоху в решающей степени зависела от масштабов орошения, от количества воды, используемой для полива. Хотя запасы воды в Пакистане за время его независимого существования сократились примерно в пять раз (с 5 до менее 1 тыс. куб. м. на душу населения в год), они все же пока не достигли того уровня, которое непосредственно ведет к катастрофе. Но такой момент может наступить в самом недалеком будущем[10].

Пакистанские ученые и общественные круги давно бьют тревогу по поводу опасностей, которые несут изменения глобального климата, вызывающие хронический дефицит воды. В отличие от других объективных процессов, рост населения остается переменной, на которую можно влиять. Между тем, повторим, о проведении целенаправленной политики в демографической области не поступает пока никаких сигналов.

При взгляде на макроэкономическую и социальную статистику очевидное беспокойство вызывает медленно снижающаяся доля сельского населения, растущие ножницы между ней и удельный весом аграрного сектора в структуре ВВП. Если в 2000 г. последний показатель превышал 26 %, то ныне он снизился до менее 20 %. Между тем, вне городов проживает две трети населения и находит занятость около половины рабочей силы. Обнищание деревенского населения, прежде всего в простирающихся к западу от Инда скотоводческих регионах страны, создает условия для нового демографического всплеска, поскольку известно, что чем беднее семья, тем, как правило, больше в ней детей.

Поразительно, как стремительно Пакистан по демографическим параметрам оторвался от окружающих ее стран. Если в 1950 г. он обгонял, скажем, Турцию примерно в полтора раза (34 и 20 млн. человек соответственно), то ныне почти втрое (225 и 80 млн.). Те же соотношения наблюдаются между Пакистаном и Ираном. Пакистанское население давно перегнало быстро растущее население Египта, где недавно с тревогой встретили появление 100-миллионного гражданина. Семикратной стала разница между Пакистаном и Афганистаном. Ныне в Карачи проживает больше

---

[10] Pakistan likely to become water scarce in five years. *The Express Tribune.* 04.03.2020. URL: https://tribune.com.pk/story/2168957/1-pakistan-likely-become-water-scarce-five-years/ (дата обращения 04.03.2020).

пуштунов, чем в Кабуле. Если после раздела Индии Пакистан отставал от нее по количеству жителей примерно в 10 раз, то сегодня — менее чем в 6 раз. Согласно многим мировым справочникам, Пакистан уже передвинулся с шестого места на пятое по величине населения и может выйти на четвертое к середине века.

На примере Пакистана видно, как кардинально за исторически достаточно небольшой срок в два столетия могут изменяться абсолютные и относительные демографические параметры. Эти перемены нельзя не учитывать при анализе геоэкономического и геополитического будущего, возьмем мы Азию, Ближний и Средний Восток или мир в целом.

Литература / References

Агеев В. Ф. *Английское завоевание Синда.* М, 1979 [Ageev V. F. *English Conquest of Sind.* Moscow, 1979 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Капитализм в Пакистане. История социально-экономического развития (середина XIX — 80-е годы XX в.* М., 1988 [Belokrenitsky V. Y. *Capitalism in Pakistan. History of Socio-Economic development (middle of the 19th — 80s of the 20th Century).* Moscow, 1988 (in Russian)].

Белокреницкий В. Я. *Пакистан. Особенности и проблемы урбанизации.* М, 1982 [Belorkrenitsky V. Y. *Pakistan. Specific Features and Problems of Urbanization.* Moscow, 1982 (in Russian)].

Демичев К. А. *Британский лев в Пятиречье: политика Великобритании в Панджабе в XIX в.* Нижний Новгород, 2011 [Demichev K. A. *The British Lion in the Region of Five Rivers: Great Britain Policy in the Punjab in the 19th Century.* Nizhny Novgorod, 2011(in Russian)].

Замараева Н. А. Армия и демократические институты в современном Пакистане. *Нации и национализм на современном Востоке.* М., 2015. С. 465-493 [Zamaraeva N. A. Army and Democratic Institutions in the Today's Pakistan. *Nations and Nationalism in the Contemporary East.* Moscow, 2015. Pp. 465-493 (in Russian)].

Каменев С.Н. *Государственные финансы и экономическое развитие.* М.,1982.

Пакистан. Справочник. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1977 [*Pakistan. A Reference Book.* Ed. Y. V. Gankovsky. Moscow,1977 (in Russian)].

Семёнова Н. И. *Государство сикхов. Очерки социальной и политической истории Пенджаба с середины XVIII до середины XIX в.* М., 1958 [Semyonova N. I. *The State of Sikhs. Essays in Social amd Political History of Panjab from the Middle of the 18th to the Middle of the 19th Century.* Moscow, 1958 (in Russian)].

Суворова А. А. *Дочери и вдовы. Гендер, происхождение и власть в Южной Азии.* М., 2017 [Suvorova A. A. *Daughters and Widows. Gender, Origin and Power in South Asia.* Moscow, 2017 (in Russian)].

Энциклопедия Пакистана. Отв. ред. Ю. В. Ганковский. М., 1998 [*Encyclopedia of Pakistan.* Ed. Y. V. Gankovsky. Moscow, 1998 (in Russian)].

Andrew W. P. *The Indus and its Provinces, Their Political and Commercial Importance.* Lahore, 1976 [Reprint. Originally published in 1859].

Census of India. Vol. VI. Punjab. Tables. Delhi, 1941.

Chablani S. P. *Economic Conditions in Sind, 1592–1843.* Calcutta, 1951.

Gilmartin D. *Blood and Water. Indus River Basin in Modern History.* Berkeley, 2015.

Haines D. *Building the Empire, Building the Nation. Development, Legitimacy, and Hydro-Politics in Sind, 1919–1969.* Karachi, 2013.

Hasan A. *The Unplanned Revolution Observations on the Processes of Socio-Economic Change in Pakistan.* Karachi, 2012.

Hyder A. *Economic History of the Region Constituting Pakistan from 1825 to 1974.* Karachi, 1975.

Malik I. H. *State and Civil Society in Pakistan*. London, 1997.
McCarthy J. A. Nineteenth-century Egyptian population. *The Middle Eastern Economy Studies*. London, 1977. Pp. 1-40.
McEvdy C., Jones R. *Atlas of World Population*. London, 1978.
Michel A. *The Indus Rivers. A Study of the Effects of Partition*. New Haven, 1967.
Pakistan Demographic Survey, 1989. Karachi, 1993.
Pakistan Economic Survey 1977–78. Islamabad, 1978.
Pakistan Economic Survey 1982–83. Islamabad,1983.
Talbot I. *Pakistan. A New History*. Karachi, 2012.
Thornton E. *Gazetteer of the Territories under the Government of the East India Company*. London, 1857.
Sorley H. T. *Gazetteer of West Pakistan. The Former Province of Sind.* Lahore, 1968.
Vakil C. U. *Economic Consequences of Divided India. A Study of the Economy of India and Pakistan*. Bombay, 1950.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Historical demographical data of the whole country (Afghanistan, Iran, Turkey). URL: http://www.populstat.info/1999-2002 (дата обращения 18.01.2016).
Indus River Basin. Irrigation in Southern and Eastern Asia in figures. *AQUASTAT Survey-2011*. URL: http:aquastat.fao.org (дата обращения 14.04.2020).
Mangla becomes country's largest reservoir. *Dawn.com*. 26.08.2013. URL: https://www.dawn.com/news/1038404 (дата обращения 26.08.2013).
Pakistan likely to become water scarce in five years. *The Express Tribune*. 04.03.2020. URL: https://tribune.com.pk/story/2168957/1-pakistan-likely-become-water-scarce-five-years/ (дата обращения 04.03.2020).
Water Information Site 'Indus River Basin'. URL: www.fao.org/nr/water/water/aquistat/basins/indus/indezx.htm (дата обращения 14.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-51-63

АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ОПЕРАЦИЯ «СИНАЙ–2018»: НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ

С. Э. Бабкин*

В статье подводятся некоторые итоги операции египетских силовиков «Синай–2018» против формирований «Провинция Синай Исламского государства» (организация «Исламское государство» запрещена в РФ), анализируются другие проблемы региональной безопасности и их последствия для Египта. Представлены условия, которые предшествовали операции «Синай–2018», и, в частности, всплеск активности джихадистских формирований после низложения военными в 2013 г. избранного президента-исламиста Мохаммеда Морси, действия военной верхушки по подавлению протестных движений во всех их проявлениях. Показано, при каких обстоятельствах новое руководство Египта в лице его президента Абдель Фаттаха ас-Сиси сделало ставку на силовое решение конфликта на севере Синайского полуострова при одновременном принятии ряда мер, направленных на снижение остроты социально-экономического кризиса, поразившего эту страну. В статье представлены особенности операции «Синай–2018» — широкая география, не ограниченная только полуостровом, ее межвидовой характер с участием привлекавшихся сил и средств со стороны всех видов и родов войск египетской армии, а также ее очевидная незавершенность. Автор статьи является специалистом в области современных процессов в странах Северной Африки, в течение продолжительного времени проводившим полевые исследования в зоне Сахеля и Египте.

Ключевые слова: Египет, ас-Сиси, Синай, джихадизм, антитеррористическая операция, Морси, Россия.

Для цитирования: Бабкин С. Э. Антитеррористическая операция «Синай–2018»: некоторые итоги. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 51–63. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-51-63

ANTI-TERRORIST OPERATION “SINAI-2018”: SOME RESULTS

Sergei ‘E. Babkin

The article summarises some results of “Sinai-2018”, a military operation carried out by Egyptian security forces against formations of the “Sinai Province of the Islamic State” (Islamic State is banned in the Russian Federation), and analyses regional security problems. The author describes key conditions preceding “Sinai-2018”, and in particular, the surge in jihadist activity after elected Islamist President Mohammed Morsi was in 2013 deposed by the military elite, which then acted to suppress protest in all its manifestations. It is shown what circumstances led the new leadership of Egypt, headed by President Abdel Fattah el-Sisi, to rely on a forcible solution to the conflict in the north

* Сергей Эдуардович БАБКИН, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; sbab@mail.ru

Sergey ‘E. BABKIN, DSc (Political Science), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; sbab@mail.ru

ORCID ID: 0000-0003-4555-6515

of the Sinai Peninsula, while taking a number of measures aimed at reducing the severity of the socio-economic crisis that hit the country. Specific features of the operation are also shown and discussed — its broad geography not limited to the peninsula, its mixed nature resulting from the participation of different branches of the Egyptian army, and its apparent incompleteness. The author is an expert in the field of modern processes in the countries of North Africa, a long-time field researcher in the zone of Sahel.

Keywords: Egypt, el-Sisi, Sinai, jihadism, anti-terrorist operation, Morsi, Russia.

For citation: Babkin S. 'E. Anti-Terrorist Operation "Sinai-2018": Some Results. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 51–63. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-51-63

В 2013 г. египетские военные во главе с тогдашним министром обороны генералом Абдель Фаттахом ас-Сиси, воспользовавшись недовольством вышедших на улицы миллионов египтян, возмущенных правлением представителя «Братьев-мусульман» (эта организация формально запрещена в РФ) избранного президента Арабской Республики Египет Мохаммеда Морси, отстранили последнего от власти.

Египетская военная верхушка управляла страной в период между уходом от власти Хосни Мубарака в начале 2011 г. и избранием М. Морси в июне 2012 г. Уже в августе 2012 г. Морси избавился от влиятельного министра обороны АРЕ маршала Мохаммеда Хусейна Тантауи, назначив на его место генерала ас-Сиси. Новый министр использовал ситуацию хаоса в стране, чтобы напомнить об особой роли армии в Египте. Первоначально либералы посчитали его близким к исламистам, однако затем лидеры оппозиции приветствовали его заявления о роли армии. В частности, 1 июля 2013 г. он поставил ультиматум М. Морси, предупредив, что армия вмешается в события, если требования народа (главным из них была отставка М. Морси) не будут удовлетворены в течение 48 часов.

Вечером 3 июля ультиматум был приведен в исполнение — военные сместили М. Морси с поста. Страну формально возглавил временный президент Египта Адли Мансур, тут же объявивший, что президентские выборы пройдут в начале 2014 г.

«Братья-мусульмане» немедленно попытались организовать протестные акции, но их действия были подавлены военными на корню. Не обошлось без жертв. Как результат, в Египте появились новые действующие лица — две радикальных исламистских группировки. Одна из них сейчас называется «Провинция Синай Исламского государства» («Исламское государство, ИГ, запрещено в РФ), вторая — «Хасп» — считается вооруженным крылом «Братьев». Обе тут же обратились к террору как средству достижения их целей.

Тем временем север Синайского полуострова все больше превращался в кризисную точку. В июле 2013 г. джихадисты то и дело осуществляли там нападения на солдат и полицейских, убив до 30 военнослужащих. Последовал ответ со стороны военных, 7 августа отрапортовавших об уничтожении в период с 5 июля по 4 августа 60 «террористов».

Самые большие потери на Синае с момента отставки М. Морси египетские полицейские понесли 19 августа 2013 г. В тот день джихадисты обстреляли из РПГ два микроавтобуса, перевозившие стражей порядка в Рафах. В результате нападения погибли по меньшей мере 24 полицейских.

23 сентября 2013 г. египетская юстиция запретила деятельность «Братьев» и конфисковала их имущество, в частности, недвижимость. Понятно, что это решение могло вынудить исламистов вспомнить недавнее прошлое и уйти в подполье, поскольку оно не оставляло им никакого пространства в политической жизни страны. Однако это не означало, что быстро уменьшится их влияние на египетское общество. Поняв, что в любом случае они теряют позиции, представители руководства «Братьев» тут же заговорили о том, что они могут принять низложение М. Морси в обмен на гарантии освобождения их арестованных соратников. Но, похоже, новые власти не были намерены идти на какие-либо компромиссы с «Братьями». В этих условиях рос риск того, что многие их сторонники пополнят ряды радикальных джихадистов.

23 ноября 2013 г. глава МВД Египта Мохаммед Ибрагим сообщил об аресте свыше 50 «экстремистов», участвовавших в нападениях на силы безопасности. Выступая на пресс-конференции в Каире, он обвинил «Братьев-мусульман» в том, что они через одноименную международную структуру финансируют близкие к «Аль-Каиде» джихадистские группировки. По данным министра, некоторые из числа арестованных были ранее помилованы режимом М. Морси. Остальные состояли в группировках «Ансар Бейт эль-Макдис» (обосновалась на Синайском полуострове) и «Ансар аш-Шариа» (обосновалась в Ливии). Наиболее заметная фигура среди арестованных — Мохаммед аз-Завахири, брат главаря «Аль-Каиды». Он был арестован еще в середине августа.

25 декабря 2013 г. египетские власти официально назвали «Братьев-мусульман» террористической организацией, что автоматически влекло за собой запрет любых массовых акций с их участием, а также уголовное преследование за принадлежность к этой организации.

В тот же день прозвучал очень тревожный сигнал, свидетельствовавший о том, что в события в Египте на стороне «Братьев» пытаются вмешаться близкие им внешние силы. В тот день египетские военные объявили, что предотвратили попытку теракта на Синае с участием боевиков палестинского движения ХАМАС.

25 января 2014 г. стало известно о катастрофе военного вертолета на Синайском полуострове, в результате которой погибли пять военнослужащих. Группировка «Ансар Бейт эль-Макдис» тут же взяла на себя ответственность за уничтожение вертолета. В коммюнике джихадистов утверждалось, что он был сбит с помощью переносного зенитно-ракетного комплекса.

26 января 2014 г. временный президент Египта Адли Мансур объявил, что в ближайшие три месяца в Египте пройдут президентские выборы, и лишь затем будут организованы выборы парламентские. Тем самым была снята неопределенность в вопросе о последовательности выборов.

День спустя генералу ас-Сиси было присвоено воинское звание «фельдмаршал» — самое высокое в египетской армии, крайне редко присваивавшееся ранее. Среди обладателей этого звания значился, в частности, предшественник ас-Сиси на постах министра обороны и Высшего совета Вооруженных сил Хусейн Тантауи, который возглавлял переходные власти после ухода Х. Мубарака и до избрания М. Морси.

В феврале 2014 г. стало очевидным, что деятельность «Ансар Бейт эль-Макдис» все больше распространяется на Каир, поскольку в гигантском мегаполисе намного

проще вести партизанские действия, чем на Синае.

16 февраля 2014 г. объектом деятельности экстремистов впервые со времени низложения М. Морси стали иностранные туристы. В тот день боевик-смертник подорвал на Синайском полуострове близ пограничного города Таба автобус, перевозивший южнокорейских туристов-христиан. В результате теракта погибли четыре человека, в том числе египтянин — водитель автобуса, пятнадцать получили ранения. Ответственность за теракт взяла на себя «Ансар Бейт эль-Макдис». В коммюнике организации утверждалось, что теракт был совершен в рамках экономической войны против властей; были обещаны новые атаки против «экономических интересов» Египта.

После низложения М. Морси в Египте шло двухуровневое противостояние между властями этой страны и исламистами. На первом уровне — относительно мирном — сошлись участники периодически проводившихся манифестаций сторонников бывшего президента-исламиста и полиция, на втором — вооруженном — боевики радикальных исламистских группировок и египетские силовики, причем эпицентр их противостояния постепенно начал смещаться с Синайского полуострова в сторону Каира.

18 марта 2014 г. ответственность за серию нападений на силовиков в Каире взяла на себя новая джихадистская группа, назвавшая себя «Ансар аш-Шариа». Одноименные группы в других странах не скрывают, что они тем или иным образом связаны с «Аль-Каидой». В общей сложности египетская «Ансар аш-Шариа» взяла на себя ответственность за гибель 28 египетских силовиков.

29 марта 214 г. была названа цена развязанного исламистами террора — с момента низложения М. Морси 3 июля 2013 г. в результате их действий погибли 496 человек, главным образом солдат и полицейских.

В апреле 2014 г. появились подтверждения того, что и сами «Братья» постепенно берутся за оружие. 11 апреля было объявлено, что в перестрелке с полицейскими к северу от Каира были убиты двое вооруженных «Братьев». Инцидент произошел, когда неустановленное число исламистов попыталось атаковать полицейский блокпост на автодороге между городами Танта и эль-Махалла эль-Кубра. В ходе боя были убиты двое из числа нападавших, один ранен, остальным удалось скрыться.

18 апреля 2019 г. малоизвестная прежде джихадистская группировка «Аджнад Миср» («Солдаты Египта») взяла на себя ответственность за серию терактов в Египте. По ее данным, с ноября 2013 г. боевики группировки совершили восемь терактов в Каире. Группировка пригрозила и дальше наносить удары по египетским силам безопасности.

3 июня 2014 г. Избирательная комиссия Египта объявила окончательные данные состоявшихся 26–28 мая президентских выборов. Как и ожидалось, победил на них бывший министр обороны страны ас-Сиси, до этого де-факто правивший страной в течение 11-ти месяцев после свержения президента — исламиста М. Морси. Новый глава Египта получил 96,9 % голосов. За него проголосовали почти 24 млн. египтян. Его единственный соперник на выборах, представитель египетских левых Хамдин Саббахи получил почти 758 тыс. голосов. В выборах приняли участие 47,45 % египтян, имевших право голоса. «Братья-мусульмане» бойкотировали голосование. В любом случае ас-Сиси собрал на 10,5 млн. голосов больше, нежели М. Морси в 2012 г.

3 июля 2014 г. исполнился год со времени отстранения от власти президента-исламиста М. Морси и фактически год нахождения у власти ас-Сиси, который за это время превратился из «теневого» руководителя страны и главы военного ведомства в реального президента. В течение всего этого года Египет был вынужден противостоять радикальному исламизму во всех его проявлениях. Цена этой борьбы — свыше 1400 сторонников М. Морси были убиты, по меньшей мере 15 тысяч — арестованы. Египетские суды вынесли исламистам несколько сотен смертных приговоров. Организация «Братья-мусульмане» была признана «террористической» и запрещена. Погибли также свыше 500 полицейских и солдат. Ради победы в этой борьбе египетские власти были вынуждены прибегнуть к определенному ограничению свобод и подавлению не только исламистов, но и бывших попутчиков по борьбе с М. Морси — либералов.

31 января 2015 г. президент Египта ас-Сиси на встрече с командованием египетской армии признал, что борьба против джихадистов на севере Синая будет «долгой и трудной». Одновременно он объявил о создании «единого военного командования», которое займется исключительно «борьбой против терроризма» на севере Синайского полуострова. Как отмечалось, в его распоряжение будут направлены дополнительные силы и средства. «Борьба будет трудной, тяжелой, безжалостной и долгой», — заявил ас-Сиси. Он дал понять, что следует ожидать новых атак джихадистов, «но мы не оставим Синай в этой борьбе». Президент вновь обвинил «Братьев-мусульман» в том, что они стояли за терактами. При этом он утверждал, что Египет противостоит «самой мощной секретной организации в мире»[1].

Как представлялось, к началу 2015 г. Египет сделал ставку на чисто военное подавление исламистского движения в стране. Насколько эффективным могло быть это решение — трудно сказать. Слишком долго прежние египетские власти терпимо относились к исламистам.

1 марта 2015 г. египетская армия подвела итоги боевых действий против джихадистов на Синайском полуострове за февраль. По ее данным, военным и полиции всего за месяц удалось уничтожить по меньшей мере 172 боевика. Еще 229 подозреваемых в принадлежности к джихадистским формированиям были арестованы. За месяц были уничтожены 85 складов с оружием[2].

2 апреля 2015 г. в пяти боестолкновениях погибли по меньшей мере 32 человека (в том числе 15 солдат и двое гражданских лиц), до 20 солдат получили ранения. Во всех пяти случаях в роли атакующей стороны были джихадисты, напавшие на пять армейских блокпостов. Все нападавшие принадлежали к группировке «Провинция Синай ИГ». Данные о потерях сторон были представлены силовиками, проверить их из независимых источников не представляется возможным.

С июня 2015 г. отмечалось значительное расширение ареала действий джихадистских групп, большинство операций которых ранее осуществлялось на севере Синайского полуострова, в Каире, а также в дельте Нила. Заметно выросла также интенсивность боевых действий.

---

[1] El-Sissi: Egypt faces a long fight against extremists. *DW.com*. URL: https://www.dw.com/en/el-sissi-egypt-faces-a-long-fight-against-extremists/a-18228043 (дата обращения 02.04.2020).

[2] Куделев В. В. Ситуация в Египте: март 2015 г. *Iimes.ru*. 15.04.2015. URL: http://www.iimes.ru/?p=24232 (дата обращения 02.04.2020).

К 2 июля 2015 г. — второй годовщине начала боевых действий на Синайском полуострове между египетской армией и джихадистами — у аналитиков были все основания полагать, что египетские военные к тому времени не справились с задачей вытеснения боевиков ИГ с севера Синайского полуострова, где действиям исламистов благоприятствовали гористый рельеф местности и поддержка со стороны части мирного населения. Как выяснилось, простые призывники оказались не очень способны справиться с хорошо подготовленными профессиональными террористами. Считалось, что ИГ на тот момент располагало на Синае по меньшей мере 2,5 тысячами боевиков, большинство из которых — египтяне, в то время как годом ранее их было не больше тысячи. Понятно, что такой прирост произошел за счет египтян, воевавших в составе формирований ИГ в Сирии и Ираке. У них не было недостатка в вооружениях, поступавших через «черные рынки» Судана, Чада и Нигера.

В июле 2015 г. эксперты предупредили, что начавшееся в 2006 г. соперничество за лидерство в исламистском движении между ИГ и «Аль-Каидой» могло привести к поражению последней. Этому способствовало то обстоятельство, что ИГ стало первой джихадистской группой, сумевшей установить контроль над обширными территориями в Ираке и Сирии. Кроме того, для новобранцев джихада было намного легче вступить в ряды ИГ, чем добраться до пакистано-афганского пограничья. Судя по всему, на тот момент у ИГ было больше средств, чем и объяснялся переход под его «знамена» ряда формирований и полевых командиров в Египте, Ливии, Алжире, Йемене, Нигерии, России и Саудовской Аравии, ранее причислявших себя к «Аль-Каиде»[3].

31 октября 2015 г. противостояние на севере Синая напрямую затронуло Россию — в небе над Синайским полуостровом исчез с экранов радаров авиалайнер А-321 российской авиакомпании «Когалымавиа», выполнявший рейс по маршруту Шарм эш-Шейх — Санкт-Петербург. В результате теракта погибли 224 человека, в том числе 217 пассажиров.

Несмотря на то что ответственность за гибель авиалайнера с ходу взяла на себя египетская ветвь ИГ, ни Каир, ни Москва долго не хотели признавать этого. С первым все понятно, да и со второй тоже — ведь эксперты давно предупреждали, что север Синайского полуострова к тому времени уже свыше двух лет являлся такой же зоной боевых действий, как и Донбасс. И кто-то по идее должен был ответить за то, что не осведомленные по большей части в ближневосточных реалиях российские туристы упорно доставлялись на Синайский полуостров. Тем более что ИГ заранее предупредило о своих планах нанести удар по египетской индустрии туризма, уничтожив один из самолетов, направлявшийся в (из) Шарм эш-Шейха.

4 августа 2016 г. с громким заявлением выступило командование египетской армии, согласно которому военным удалось ликвидировать главаря группировки «Провинция Синай ИГ» Абу Дуаа эль-Ансари (боевой псевдоним), а также его наиболее значимых заместителей. В коммюнике не уточнялась дата проведения этой операции.

По данным военных, всего в результате «точечных ударов» к юго-западу от города эль-Ариша были уничтожены свыше 45 «террористов». В нанесении этих ударов

[3] Куделев В. В. Ситуация в Египте: июль 2015 г. *Iimes.ru.* 30.08.2015. URL: http://www.iimes.ru/?p=25774 (дата обращения 02.04.2020).

участвовали ВВС и армейский спецназ[4].

19 февраля 2017 г. ИГ распространило видеоролик с угрозами в адрес египетских христиан, живущих на Синайском полуострове. 22 февраля джихадисты начали исполнять эти угрозы. В тот день в эль-Арише были обнаружены тела двух коптов. Один был убит с использованием огнестрельного оружия, второй — сожжен живым. 23 февраля в эль-Арише был застрелен выстрелом в затылок на выходе из дома еще один копт. Его дом был сожжен. В связи с этими атаками, по данным представителей коптской церкви, десятки христиан были вынуждены покинуть Синайский полуостров.

26 мая 2017 г. в провинции Минья к югу от Каира в результате нападения вооруженных лиц на автобус, перевозивший коптов, погибли 29 египетских христиан, 25 получили ранения. Среди погибших было много детей. Автобус направлялся в монастырь Святого Самуила (Дейр эль-Каламун), в 200 км от столицы. Нападавшие открыли огонь по нему из трех пикапов. Это нападение было совершено накануне начала месяца мусульманского поста рамадан — излюбленного времени для совершения терактов джихадистами.

27 мая ответственность за нападение на автобус с коптами взяло на себя ИГ. «Подразделение безопасности ИГ совершило атаку вчера в Минье на автобус, перевозивший коптов», — говорилось в коммюнике ИГ, распространенном через подконтрольное ему пропагандистское агентство «Амак»[5].

26 июля 2017 г. в Каире было объявлено о формировании Национального совета по борьбе с терроризмом и экстремизмом. Одна из его задач — принять «глобальную национальную стратегию» по борьбе с терроризмом. Совет возглавил президент страны. В него вошли, в частности, глава парламента, премьер-министр, министры обороны, внутренних дел, социальной солидарности, министры по делам молодежи и спорта, главы университета «Аль-Азхар» и коптской церкви.

24 ноября 2017 г. неизвестные вооруженные лица атаковали верующих в ходе пятничной молитвы в одной из мечетей в деревне Бир эль-Абд в 40 км к западу от города эль-Ариша. Мечеть ар-Равда почитаема адептами суфизма, которых ИГ рассматривает как еретиков. В момент нападения в мечети находились также солдаты. В результате нападения, по первоначальным данным, погибли 235 человек, 109 получили ранения. В Египте был объявлен трехдневный траур по погибшим. К 25 ноября речь шла уже о 305 погибших. По данным египетской прокуратуры, в нападении приняли участие до 30 боевиков ИГ. Ранее сторонники суфизма подвергались атакам везде, где действовали формирования ИГ.

29 ноября 2017 г. ас-Сиси дал египетским силовикам три месяца на восстановление безопасности на севере Синайского полуострова. Этот своего рода ультиматум был адресован начальнику генштаба египетской армии и главе МВД страны. Именно тогда началась подготовка к операции «Синай – 2018».

[4] ЦРУ подтвердило ликвидацию террориста, причастного к взрыву на А321. *Ria.ru*. 04.08.2016. URL: https://ria.ru/20160804/1473643710.html (дата обращения 02.04.2020).

[5] IS Claim Responsibility for Massacre of Egyptian Christians. *Alaraby.co*. 27.05.2017. URL: https://english.alaraby.co.uk/english/news/2017/5/27/is-claim-responsibility-for-massacre-of-egyptian-christians (дата обращения 02.04.2020).

Похоже, молчание главарей ИГ относительно бойни в Бир эль-Абде было связано с тем, что они осознали, что эта группировка начнет терять сторонников среди населения Северного Синая, ранее нередко поддерживавшего джихадистов. Показательно, что все другие джихадистские группировки, действующие в Египте, включая связанную с «Аль-Каидой» «Джунд эль-Ислам», осудили этот теракт.

О группировке «Провинция Синай Исламского государства»

Считается, что джихадистская группировка «Ансар Бейт эль-Макдис» сформировалась в 2011 г. сразу после того как ушел в отставку Х. Мубарак. До падения режима президента-исламиста М. Морси эта группировка специализировалась на нападениях на Израиль и газопровод, по которому египетский газ поставлялся в эту страну. Затем ее боевики совершили подавляющее большинство терактов, зафиксированных в Египте после низложения М. Морси.

В 2013 г. в группировке произошел раскол, в результате которого от «Ансар Бейт эль-Макдис» отпочковалась группировка «Аджнад Миср». Поводом для раскола, как представляется, стало противоборство сторонников ИГ и «Аль-Каиды» в первой группировке.

К февралю 2014 г. можно было сделать вывод, что после серии атак «Ансар Бейт эль-Макдис» превратилась в реальную угрозу для стабильности Египта, хотя до того времени структура организации и способы ее финансирования являлись двумя большими неизвестными. Было установлено однако, что отдельные ее бойцы ранее прошли через Афганистан, Сирию и Боснию.

15 марта 2014 г. «Ансар Бейт эль-Макдис» объявила о смерти одного из основателей группы Тауфика Мохаммеда Фареджа, погибшего в результате срабатывания подготовленного им взрывного устройства при его перевозке. Про погибшего известно, что он руководил попыткой вооруженного вторжения в Израиль 18 августа 2011 г. По словам главы МВД Египта Мохаммеда Ибрагима, Фаредж якобы был главарем «Ансар Бейт эль-Макдис». При этом Ибрагим не подтвердил факт его гибели.

Новые египетские власти постоянно обвиняли прежнее руководство страны и стоявших за ним «Братьев-мусульман» в том, что те негласно поддерживали действия «Ансар Бейт эль-Макдис». Как утверждало следствие, в его распоряжении были доказательства того, что М. Морси, находясь у власти, связывался с главарями этой организации.

23 мая 2014 г. египетские силы безопасности объявили об уничтожении главаря группы «Ансар Бейт эль-Макдис» Шади эль-Менеи и трех ее боевиков. Эти данные не были подтверждены независимыми источниками. Инцидент имел место на Синае, когда полицейские открыли огонь по автомобилю, проигнорировавшему их требование остановиться. По другой версии происшедшего, эль-Менеи и пятеро его боевиков были убиты «неизвестными». Последняя версия может говорить о том, что власти использовали некое подобие «эскадронов смерти» с тем, чтобы расправляться с исламистами без судебных проволочек. 25 мая 2014 г. «Ансар Бейт эль-Макдис» опровергла информацию о гибели эль-Менеи, равно как и утверждения о том, что он являлся главарем этой организации.

2 сентября 2014 г. на Синайском полуострове на фугасе подорвалась машина с

полицейскими. В результате теракта погибли 11 стражей порядка. Ответственность за совершение этого теракта взяла на себя группа «Ансар Бейт эль-Макдис», незадолго до этого заявившая о поддержке «Исламского государства» (ИГ, запрещено в РФ). Группа распространила в Интернете видеозапись теракта. На ней видно, как мощный взрыв разорвал на куски бронированную машину полицейских. Джихадисты продемонстрировали уцелевшие после взрыва документы убитых, а также их оружие.

Переход «Ансар Бейт эль-Макдис» под «крыло» ИГ сразу сделал ее более «открытой». Джихадисты стали раз за разом брать на себя ответственность за совершение терактов, пропагандировать свои действия путем распространения видеороликов, на которых были сняты их деяния. Они также переняли многие приемы ИГ — в частности, широкое использование смертников и публичные казни.

22 сентября 2014 г. с двумя коммюнике, непосредственно касавшимися Египта, выступило ИГ. В одном из них содержался призыв к джихадистам на Синайском полуострове увеличить число атак на египетских «силовиков» посредством ведения минной войны, атак блокпостов и военных городков, во втором сторонникам ИГ в Египте предлагалось убивать граждан стран, вошедших в антиджихадистскую коалицию, прежде всего — американцев и французов.

10 ноября 2014 г. группировка «Ансар Бейт эль-Макдис» «официально» присягнула на верность ИГ. Как посчитали египетские политологи, переход «Ансар Бейт эль-Макдис» под «знамена» ИГ был призван привлечь большее число египтян в ряды этой джихадистской группировки в условиях, когда военные в ходе боевых действий на Синайском полуострове постоянно обескровливали ее. Они же предупредили, что подобный переход может означать появление среди целей группировки гражданских объектов и иностранцев.

По состоянию на конец 2016 г. Египет стал четвертой по счету страной после Ирака, Сирии и Ливии, где проявилось ИГ. В результате действий формирований этой организации погибли несколько сотен военных и полицейских. Однако джихадистам так и не удалось занять какие-либо обитаемые территории. Единственная попытка такого рода — атака на маленький город Шейх Зувейд в июле 2015 г. — была отбита египетской армией. В таких условиях можно было понять египетские власти и их действия, включая определенные ограничения свобод — любая их слабость могла повлечь непредсказуемые последствия. В любом случае успехом египетских силовиков можно считать то, что им в целом удалось ограничить район действий формирований ИГ Северным Синаем. Но там шли настоящие боевые действия, и говорить о возможном возвращении российских туристов в Египет, как представляется, было тогда более чем преждевременно, несмотря на очевидную политизированность этого вопроса.

Об операции «Синай–2018» и некоторых ее итогах

9 февраля 2018 г., за 20 дней до завершения трехмесячного срока, отведенного египетским силовикам для решения проблемы безопасности на севере Синайского полуострова, египетские военные объявили о начале «антитеррористической» операции «Синай–2018», проводившейся в ряде регионов страны, включая Синайский полуостров, дельту Нила и Западную пустыню, где действовали джихадистские формирования группировки «Провинция Синай ИГ». Как заявил представитель египетской армии

Тамер ар-Рифаи, цель операции — «усилить контроль пограничных зон, решить поставленные задачи по зачистке районов, где находятся базы террористов». В указанных зонах армейские гарнизоны и полицейские формирования были приведены в состояние максимальной боевой готовности. Сроки завершения операции при этом названы не были.

К операции были привлечены корабли ВМС Египта с задачей блокировать морские границы и пресечь подпитку террористов людьми и оружием. Самолеты ВВС Египта тут же нанесли ракетно-бомбовые удары по районам, где скрывались джихадисты на севере и западе Синайского полуострова. 9 февраля Египет закрыл границу с сектором Газа.

Параллельно МВД Египта объявило о начале полицейской операции против джихадистской группировки «Хасп». Согласно коммюнике МВД, целью полицейской операции было предупредить возможные теракты, готовившиеся в преддверии президентских выборов, назначенных на 26 марта 2018 г.

Уже 11 февраля египетские военные отрапортовали, что на севере и в центральной части Синайского полуострова в ходе операции «Синай–2018» были уничтожены 16 «такфиристов», 34 — арестованы. К тому времени были уничтожены 66 схронов террористов, 11 внедорожников и свыше 30 мотоциклов и мопедов. Были также обнаружены и уничтожены мастерская по производству самодельных взрывных устройств, «Информационный центр», а также шесть полей каннабиса и опиумного мака.

В сводке египетской армии от 12 февраля сообщалось об уничтожении 28 джихадистов и аресте 126. 13 февраля число убитых джихадистов выросло до 38, арестованных — до 526. К 19 февраля первые потери понесли и военные. В тот день было объявлено о гибели трех солдат. К тому дню военные сообщили об уничтожении 60 «такфиристов» и аресте свыше 1500. 22 февраля счет погибших вырос до 71 джихадиста и 7 военнослужащих[6].

Подводя предварительные итоги операции «Синай–2018», можно утверждать, что она стала «большой уборкой», призванной обеспечить безопасность проведения президентских выборов. Она же показала, что предыдущие аналогичные операции не привели к радикальному изменению ситуации в стране в плане безопасности — число убитых в них террористов неуклонно росло. В этой связи вряд ли можно было ожидать многого и от операции «Синай–2018» с учетом того, что у Египта практически не осталось безопасных границ. В любом случае, можно было констатировать, что силовики не справились с задачей, поставленной им ас-Сиси 29 ноября 2017 г.

О ходе операции «Синай–2018» приходилось судить исключительно по сводкам египетского военного командования. Доступ в зону боевых действий для представителей СМИ и правозащитников был закрыт. Тем не менее сам факт того, что египетская армия несла там потери, говорил об определенной ожесточенности противостояния.

По оценкам наблюдателей, быстрая победа над «Провинцией Синай ИГ» была маловероятна, хотя в межвидовой операции, по данным военных, участвовали до 60 тысяч человек. В любом случае эту операцию от аналогичных предыдущих отличало

[6] United States Top Diplomat Endorses Egypt's Military Operation in Sinai. *Africanews.com.* 12.02.2018. URL: https://www.africanews.com/2018/02/12/united-states-top-diplomat-endorses-egypt-s-military-operation-in-sinai/. Дата обращения 02.04.2020.

интенсивное пропагандистское обеспечение, большая численность участников, налаженное сотрудничество с союзными племенными формированиями, тесное тактическое и операционное взаимодействие с Израилем. В ответ ИГ пообещало заняться объектами, связанными с проведением президентских выборов, а также «удвоить» усилия по организации атак на иностранных туристов.

1 марта 2018 г. президент АРЕ ас-Сиси выступил с резким предупреждением в адрес СМИ, предостерегая их от публикации информации, которую можно расценить как клеветническую по отношению к египетской армии, проводившей с 9 февраля масштабную антитеррористическую операцию на севере Синайского полуострова. По его словам, такие публикации будут приравнены к «измене». Изначально журналисты были лишены возможности доступа в зону проведения операции. Заявление прозвучало на церемонии открытия «Нового города» в Эль-Аламейне на северо-западе Египта на фоне критики со стороны египетских властей в адрес иностранных и египетских СМИ в части, касающейся освещения боевых действий на севере Синайского полуострова. При этом глава государства признал, что власти должны разрешать представителям СМИ чаще бывать в этом районе, с тем чтобы они видели, «как умирают полицейские и солдаты». «Неприемлемо, чтобы на них клеветали, и мы этого не позволим, — сказал он. — Я надеюсь, что СМИ помогут нам делать это, причем без напоминаний об этом моем требовании»[7].

Ас-Сиси не назвал СМИ, которым адресовалась его критика, однако его заявление прозвучало сразу, после того как правозащитная организация «Международная амнистия» обвинила египетскую армию в предположительном использовании на Синае кассетных боеприпасов. Некоторые СМИ также сообщали, что армейская операция создала проблемы с доставкой в регион продуктов питания. Последнее косвенно говорило о том, что в ходе операции египетские военные — говоря военным языком — прибегли к приему изоляции района боевых действий.

4 марта 2018 г. египетские военные сообщили, что в ходе операции «Синай–2018» уничтожены 10 джихадистов, погибли 4 солдат. Это довело число убитых экстремистов до свыше 100. В ходе операции к тому дню погибли по меньшей мере 16 полицейских и солдат. В дальнейшем этот мартиролог с двух сторон только пополнялся.

11 марта военные сообщили об уничтожении еще 16 джихадистов. 19 марта было объявлено, что за пять предыдущих дней уничтожены 36 джихадистов, погибли 4 солдата. К тому времени с начала операции были арестованы свыше 2 тысяч человек, уничтожены десятки схронов террористов и их оружия[8].

1 апреля 2018 г. представитель египетской армии Тамер ар-Рифаи сообщил, что в ходе очередного боевого инцидента в рамках операции «Синай–2018» уничтожены 6 джихадистов. В боестолкновении погибли 2 военнослужащих. По данным египетских военных, за предшествовавшую неделю были арестованы свыше 500 «разыскивавшихся

[7] Куделев В. В. Ситуация в Египте: март 2018 г. *Iimes.ru.* 16.04.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=43560 (дата обращения 02.04.2020).

[8] 16 Jihadists Killed in Egypt's Sinai Military Operation. *Africanews.com.* 11.03.2018. URL: https://www.africanews.com/2018/03/11/16-jihadists-killed-in-egypt-s-sinai-military-operation/ (дата обращения 02.04.2020).

преступников», была пресечена инфильтрация 169 человек «различной национальности» из Ливии в Египет[9].

По официальным данным, к 1 апреля в ходе операции «Синай–2018» были уничтожены свыше 100 джихадистов, погибли по меньшей мере 22 военнослужащих. К 8 апреля число уничтоженных джихадистов выросло, по данным египетских военных, еще на 4 человека, 14 апреля — еще на 27. В последнем по времени сообщении объявлялось об аресте 114 человек в тренировочном лагере, где они находились. В тот же день список убитых пополнился еще 14 джихадистами и 8 египетскими солдатами. Как оказалось в этом случае, джихадисты подорвали себя вместе с солдатами, штурмовавшими тренировочный лагерь[10].

28 апреля 2018 г. президент ас-Сиси пообещал жителям северного Синая, что военная операция в этом районе будет завершена «сразу, как только это будет возможно». К этой дате в ходе операции были уничтожены около 200 джихадистов, погибли по меньшей мере 33 военнослужащих.

3 октября 2018 г. в Каире было объявлено, что в двух эпизодах на севере Синая были уничтожены 16 джихадистов. Среди убитых значился видный полевой командир группировки «Провинция Синай ИГ» палестинец по происхождению Абу Хамза эль-Макдеси (боевой псевдоним). Его гибель в результате авиаудара ВВС Египта была подтверждена ИГ. По данным египетских спецслужб, этот джихадист отвечал в «Провинции Синай ИГ» за планирование атак и подготовку новых боевиков. В момент гибели Абу Хамза эль-Макдеси находился в районе населенного пункта Шейх Зувейд на севере Синая.

По официальным данным, на 31 октября 2018 г. с момента начала операции «Синай–2018» были уничтожены около 450 джихадистов. При этом погибли до 30 военных. В любом случае приходилось констатировать, что египетские силовики не выполнили указание от 29 ноября 2017 г. президента АРЕ ас-Сиси уничтожить «Провинцию Синай ИГ» в трехмесячный срок.

2 февраля 2019 г. египетские военные, проводившие уже год, начиная с 9 февраля 2018 г., антитеррористическую операцию «Синай–2018», сообщили, что на этот раз в Западной пустыне в результате серии авиаударов уничтожены 8 джихадистов. Еще несколько человек были арестованы, что говорило о том, что были задействованы и подразделения сухопутных войск[11].

11 марта 2019 г. египетские военные объявили, что в ходе операций против формирований «Провинции Синай ИГ» за предыдущие дни на севере и в центральной части Синайского полуострова были уничтожены 46 «террористических элементов». В боях с ними погибли 3 солдат. При этом название операции — «Синай–2018» — впервые не приводилось. Это дало основания полагать, что она формально завершена. По официальным данным, за время проведения операции «Синай–2018» были уничтожены около 600 джихадистов, погибли до 40 солдат.

---

[9] Куделев В. В. Ситуация в Египте: апрель 2018 г. *Iimes.ru.* 11.05.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=44245 (дата обращения 02.04.2020).

[10] Куделев В. В. Ситуация в Египте: апрель 2018 г. *Iimes.ru.* 11.05.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=44245 (дата обращения 02.04.2020).

[11] Куделев В. В. Ситуация в Египте: апрель 2018 г. *Iimes.ru.* 11.05.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=44245 (дата обращения 02.04.2020).

В целом, очевидно, что хотя перед началом операции «Синай–2018» перед египетскими военными была поставлена задача разгромить джихадистские формирования, эта задача не была решена ни в 2018, ни в 2019 гг. И хотя в 2019 г. в СМИ исчезли упоминания о ней — операция явно не может быть бесконечной — ход событий заставляет предположить, что она продолжается, возможно, под каким-либо другим условным наименованием.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Куделев В. В. Ситуация в Египте: апрель 2018 г. *Iimes.ru*. 11.05.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=44245 (дата обращения 02.04.2020).

Куделев В. В. Ситуация в Египте: июль 2015г. *Iimes.ru*. 30.08.2015. URL: http://www.iimes.ru/?p=25774 (дата обращения 02.04.2020).

Куделев В. В. Ситуация в Египте: март 2015 г. *Iimes.ru*. 15.04.2015, URL: http://www.iimes.ru/?p=24232. 06.01.2019 (дата обращения 02.04.2020).

Куделев В. В. Ситуация в Египте: март 2018 г. *Iimes.ru*. 16.04.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=43560 (дата обращения 02.04.2020).

Куделев В. В. Ситуация в Египте: февраль 2019 г. *Iimes.ru*. 11.05.2018. URL: http://www.iimes.ru/?p=44245 (дата обращения 02.04.2020).

ЦРУ подтвердило ликвидацию террориста, причастного к взрыву на А321. *Ria.ru*. 04.08.2016. URL: https://ria.ru/20160804/1473643710.html (дата обращения 02.04.2020).

16 Jihadists Killed in Egypt's Sinai Military Operation. *Africanews.com*. 11.03.2018. URL: https://www.africanews.com/2018/03/11/16-jihadists-killed-in-egypt-s-sinai-military-operation/ (дата обращения 02.04.2020).

El-Sissi: Egypt faces a long fight against extremists. *DW.com*. URL: https://www.dw.com/en/el-sissi-egypt-faces-a-long-fight-against-extremists/a-18228043. 31.01.2015 (дата обращения 02.04.2020).

IS Claim Responsibility for Massacre of Egyptian Christians. *Alaraby.co*. 27.05.2017. URL: https://english.alaraby.co.uk/english/news/2017/5/27/is-claim-responsibility-for-massacre-of-egyptian-christians (дата обращения 02.04.2020).

United States Top Diplomat Endorses Egypt's Military Operation in Sinai. *Africanews.com*. 12.02.2018. URL: https://www.africanews.com/2018/02/12/united-states-top-diplomat-endorses-egypt-s-military-operation-in-sinai/ (дата обращения 02.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79

БОРЬБА ЗА ШЕЛЬФ ВОСТОЧНОГО СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ: ИТОГИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Н. М. Горбунова, И. И. Иванова*

Статья посвящена исследованию одной из ключевых проблем, вокруг которых в наше время происходят знаковые события на Ближнем Востоке, в Турции и Северной Африке: борьбе за богатый углеводородами шельф восточной части Средиземного моря. С историей этой проблемы мы ознакомили читателей в нашей предыдущей статье [Горбунова, Иванова, 2019]. В продолжающей тему второй статье этого небольшого цикла мы делаем акцент на нынешнем состоянии дел в области освоения газовых богатств региона, показываем риски, которые сопровождают активность таких средиземноморских стран, как Турция, Греция, Израиль, Египет, Кипр и Ливан. Каждая из них отстаивает свои права на бурение скважин и добычу газа и нефти с помощью военной силы, международной дипломатической деятельности и переговорного процесса. Балансируя между демонстрацией военной силы и введением в строй все новых проектов бурения скважин и прокладки трубопроводов, эти государства в постоянном режиме решают вопросы войны или мира, при этом в целом учитывая реальную ситуацию на Ближнем Востоке, расстановку сил на международной арене, поддержку своих более мощных союзников. Это касается, в первую очередь, конфликта между Турцией и Кипром, между Израилем и Ливаном. Авторы приходят к выводу, что в настоящий момент в результате борьбы за шельф Восточного Средиземноморья Израилю и Египту уже удалось достичь полного обеспечения газом внутреннего рынка и экспорта его в другие страны.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, месторождения, газ, нефть, шельф, трубопроводы, региональные конфликты, Турция, Ливан, Израиль, Египет, Кипр.

Для цитирования: Горбунова Н. М., Иванова И. И. Борьба за шельф Восточного Средиземноморья: итоги и перспективы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 64–79. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79

* Наталья Максовна ГОРБУНОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nigorbunov@mail.ru

Natalia M. GORBUNOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nigorbunov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3949-0700

Инесса Ильинична ИВАНОВА, кандидат исторических наук, доцент МГИМО ГУ МИД РФ, Москва; INIV2016@mail.ru

Inessa I. IVANOVA, PhD (History), Assistant Professor, Moscow State University of Foreign Affairs, Moscow; INIV2016@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3696-2290

RIVALRY OVER THE GAS DEPOSITS IN THE EASTERN MEDITERRANEAN: RESULTS AND PROSPECTS

Natalia M. Gorbunova, Inessa I. Ivanova

The article looks at a key problem overshadowed by other significant events taking place in the Middle East, Turkey and Northern Africa — the struggle for offshore hydrocarbons in the Eastern part of The Mediterranean Sea. We introduced our readers to the history of this problem in our previous article [Gorbunova, Ivanova, 2019]. In this second article we emphasise the current situation around the development of the gas riches of the region; we show the risks posed by the activities of Mediterranean countries like Turkey, Greece, Israel, Egypt, Cyprus and Lebanon. Each of them protects its rights to drill the wells and develop gas and oil deposits both with military force and international diplomacy and negotiations. They constantly balance between war and peace, demonstrating military force and introducing new drilling and pipeline projects, all the while having to factor in the overarching situation in the Middle East, alignment of forces in the international arena, and support of their more powerful allies. This applies above all to conflicts between Turkey and Cyprus, but also to Israel and Lebanon. As a result of this struggle for the Eastern Mediterranean offshore, Israel and Egypt completely satisfy their domestic demand for natural gas, and export it abroad.

Keywords: Eastern Mediterranean, oil deposit, gas, shelf, pipelines, regional conflicts, Turkey, Lebanon, Israel, Egypt, Cyprus.

For citation: Gorbunova N. M., Ivanova I. I. Rivalry over the Gas Deposits in the Eastern Mediterranean: Results and Prospects. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 64–79. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-64-79

В первой статье [Горбунова, Иванова, 2019], посвященной анализу событий, развивавшихся вокруг добычи газа на морском шельфе Средиземного моря, начиная со времени открытия месторождений, авторы предположили, что действия заинтересованных сторон будут идти либо по сценарию роста напряженности между государствами региона, либо в русле переговорного процесса и освоения сопредельными странами нефтегазовых богатств. Прошел год, и сейчас можно убедиться, что оба варианта развития событий вокруг этой темы получили дальнейший импульс к практическому воплощению.

К узлу проблем на Ближнем Востоке, связанных с сирийским кризисом, миллионами беженцев и многому другому, добавились новые кризисные ситуации — в Ливане, Ираке и Иране. На этом фоне продолжился рост напряженности между государствами региона по поводу дележа месторождений Левантийского осадочного бассейна и их освоения.

Очаги столкновений, начавшихся со второй половины 2019 г., обозначились более четко после того как власти Республики Кипр в одностороннем порядке назвали 13 районов шельфа своими Исключительными экономическими зонами (ИЭЗ). В ИЭЗ было разрешено работать международным нефтяным и буровым компаниям[1]. Вслед за этим недовольство Турции активным бурением шельфа греческим Кипром переросло в прямые враждебные действия, направленные против ее буровых платформ. Турция в

[1] Турция может отстаивать свои интересы в Средиземном море вместе с Ливаном? *Вестник Кавказа*. 26.11.2019. URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/Turtsiya-mozhet-otstaivat-svoi-interesy-v-Sredizemnom-more-vmeste-s-Livanom.html (дата обращения 21.04.2020).

очередной раз заявила о защите прав Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК) на прилегающую часть шельфа. Анкара направила к Кипру турецкое буровое судно «Фатих», заявив, что бурение продлится до 3 сентября. 10 июня 2019 г. власти Республики Кипр санкционировали арест экипажа корабля. 4 июля Турция направила второе судно, «Явуз», для проведения геологоразведочных работ на шельфе. Эти действия повысили ставки в конфликте вокруг спорных газовых месторождений у берегов Кипра, ставших «едва ли не главной угрозой ее [Турции] совместному с Россией проекту "Турецкий поток"» [2]. Комментируя эту акцию, президент Реджеп Тайип Эрдоган заявил о готовности страны защищать права турок-киприотов на шельфовые месторождения, в том числе с применением вооруженных сил [3]. Турецкое дипломатическое ведомство заявило, что «разведывательные и буровые работы будут продолжены в соответствии с утвержденным графиком», а гендиректор государственной нефтяной компании *Turkish Petroleum Corporation* (TRAO) Мелих Хан Бильгин сообщил, что его компания, владеющая судном «Явуз», начнет бурение в июле, «цели работы судна исключительно научные» и являются «продолжением начатых 5–6 лет назад сейсмических исследований» на шельфе Кипра[4].

Одним из аспектов вопроса о геологоразведке в регионе, по мнению турецкого специалиста по стратегии Абдуллы Агара, является поиск морских месторождений газогидратов. В пользу этого соображения он приводит следующие сведения: «Дело не только в 3,5 триллионах кубометров природного газа и двух миллиардах баррелей нефти, которые… находятся в Восточном Средиземноморье. Даже эти запасы оцениваются примерно в триллион долларов. Главное в Восточном Средиземноморье — газогидраты. Одна единица газогидрата равна 30 единицам природного газа. Теперь представьте масштабы борьбы за деньги. Газогидрат в море — то же самое, что сланцевый газ на суше». В качестве пояснения эксперт сообщает: Газогидраты — это кристаллические твердые вещества, которые состоят из легких природных газов, таких, как метан, этан и пропан, заключенных в молекулу воды, и образуются преимущественно на морском дне и определенных участках суши… Проведенные за последние 30 лет исследования показали, что один кубометр газогидрата может содержать 164 кубометра природного газа… В силу этой особенности газовые гидраты считаются источником энергии ближайшего будущего. В заключение Ени Акит, опираясь на данные турецких ученых, пишет: «Прежде всего, Черное, а также Средиземное и Мраморное моря обладают большим газогидратным потенциалом. В будущем эти запасы могут решить нашу проблему зависимости от импорта энергоресурсов»[5].

Отвечая на действия Анкары на кипрском шельфе под прикрытием военных кораблей, главы МИД Евросоюза, собравшиеся в Брюсселе в июле 2019 г., одобрили

[2] Субботин И. Турция берет кипрский шельф силой. *Независимая газета.* 08.07.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-07-08/1_6_7617_cyprus.html (дата обращения 05.10.2019).
[3] Евросоюз одобрил санкции против Турции за геологоразведку на шельфе Кипра. *News.ru.* 15.07.2019. URL: https://www.newsru.com/world/15Jul2019/turkeycyprsnct.html (дата обращения 05.10.2019).
[4] Субботин И. Турция берет кипрский шельф силой. *Независимая газета.* 08.07.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-07-08/1_6_7617_cyprus.html (дата обращения 05.10.2019).
[5] Yeni Akit (Турция): природный газ и нефть — это не главное. Вот важнейшее вещество Средиземного моря! *Иносми.ру.* 13.12.2019. URL: https://inosmi.ru/economic/20191213/246433882.html (дата обращения 29.03.2020).

введение санкций против Турции, проводящей геологоразведку в территориальных водах Кипра. Согласно принятому ими документу, ЕС сократит финансовую поддержку Анкары на 146 млн. евро из 400 млн., которые планируется выделить в 2020 г. на различные проекты — от политических реформ до модернизации сельского хозяйства. Эти ежегодные финансовые вливания имеют целью приблизить Турцию к европейским стандартам для дальнейшей интеграции в ЕС. Однако в последнее время этот вопрос из-за обострения отношений Турции с Европой теряет свою актуальность[6]. Страны ЕС заявили о готовности принять различные ограничительные меры, если Турция продолжит нарушать суверенные права Кипра. Они пригрозили санкциями против компаний и физических лиц, причастных к бурению. «Провокационные действия Турции неприемлемы для всех нас. Мы стоим на стороне Кипра», — обозначил позицию Германии ее государственный министр по делам Европы в МИД Михаэль Рот[7]. В то же время руководство Евросоюза, опасаясь усугубления ситуации и новой волны мигрантов с Ближнего Востока, не решилось сразу вводить против Турции более жесткие санкции.

В противовес Турции семь средиземноморских стран, заинтересованных в освоении шельфовых богатств, поэтапно предпринимали шаги по консолидации усилий в этом направлении. Они решили сформировать единый газовый рынок, или энергетический хаб, на пороге Европы и создали новую региональную структуру, в которую пока не вошли Сирия и Ливан. 15 января 2019 г. по итогам встречи в Каире Египет, Израиль, Кипр, Греция, Италия, Иордания и Палестина объявили о создании Газового форума стран Восточного Средиземноморья (*East Mediterranean Gaz Forum*, EMGF) в сфере добычи природного газа, который позволит участникам управлять газовой политикой в регионе и предлагать конкурентоспособные цены. Помимо торгового аспекта этот форум имел также политическую и военную подоплеку. В качестве целей новой организации были заявлены:

- поддержка создания регионального газового рынка Восточного Средиземноморья;
- обеспечение сбалансированного спроса и предложения по конкурентоспособным ценам;
- совершенствование системы торговли газом;
- поддержка стран-производителей газа путем расширения сотрудничества со странами-потребителями и транзитерами;
- использование преимуществ существующей инфраструктуры и разработки новых инфраструктурных проектов с учетом существующих и перспективных ресурсов;
- координирование газовой политики в регионе для установления устойчивого партнерства между всеми участниками процессов добычи, транспортировки и потребления газа.

[6] Евросоюз одобрил санкции против Турции за геологоразведку на шельфе Кипра. *News.ru.* 15.07.2019. URL: https://www.newsru.com/world/15Jul2019/turkeycyprsnct.html (дата обращения 05.10.2019).

[7] Евросоюз одобрил санкции против Турции за геологоразведку на шельфе Кипра. *News.ru.* 15.07.2019. URL: https://www.newsru.com/world/15Jul2019/turkeycyprsnct.html (дата обращения 05.10.2019).

Штаб-квартирой Газового форума стал Каир[8]. Анкара, не сделавшая никакого официального заявления по поводу форума, провела несколько военных учений в регионе. Египет также решил увеличить свои военно-морские возможности и договорился об ускорении процесса демаркации морских границ с Грецией и Кипром, а затем заключил торговый альянс с Израилем и некоторыми странами ЕС через компании *Eni*, *Total* и *Exxon Mobil*. Оценивая вклад Египта в борьбу партнеров по коалиции с Турцией, египетский эксперт Махмуд аль-Алайли, изящно заключает: «Он [Египет] участвует в шахматной партии, позволяя противнику по мере необходимости продвигаться вперед, в то время как все важные фигуры защищены от любой возможной атаки»[9].

Намерение Турции заняться бурением скважин в этом районе встретило со стороны ЕС противодействие в виде принятия дополнительных санкций. В результате обсуждения этого вопроса на заседании Совета ЕС 14 октября 2019 г. в Люксембурге было решено ввести против Турции два пакета санкций. Турцию призвали к диалогу и к переговорам с Кипром о делимитации исключительных экономических зон и континентального шельфа в соответствии с международным правом[10]. Беспокойство ЕС настойчивостью Турции в освоении шельфа ТРСК в этот раз было вызвано сообщением турецкого МИДа, что судно «Явуз» сопровождают и охраняют корабли Военно-морских сил Турции[11].

В начале декабря 2019 г. на фоне многомесячного противостояния с Кипром и Грецией по этому поводу турецкий МИД опубликовал карту с обозначением вод Средиземноморья, на которые претендует Турция. А турецкое издание *Hurriyet Daily* пояснило: «На графике… отражены внешние границы континентального шельфа Турции и ИЭЗ, обозначенные в соглашении 2011 г. между Турцией и ТРСК, линии между Египтом и материковыми районами Турции и недавним меморандумом с Ливией»[12]. Таким образом, Анкара расширила претензии, связанные с турецкой оккупацией Северного Кипра в 1974 г.

Нефтегазовые месторождения на шельфе у восточных берегов Средиземного моря были обнаружены в 2010 г. американской нефтяной компанией *Noble Energy*, оценившей ресурсы в 453 млрд. кубометров. Суммарный объем разведанного газа в последующие два года был оценен примерно в 800 млрд. кубометров, а неразведанного — в несколько триллионов кубометров. Среди больших месторождений газа, найденных в Исключительной экономической зоне Кипра,

---

[8] Алифирова Е., Бахтина О. Энергетический хаб на пороге Европы. 17.01.2019. *Neftegaz.ru*. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195485-energeticheskiy-khab-na-poroge-evropy-strany-vostochnogo-sredizemnomorya-formiruyut-edinyy-gazovyy-r/ (дата обращения 05.10.2019).

[9] Аль-Алайли М. Шахматная доска в Восточном Средиземноморье. Аль-Масри аль-Яум (Almasry Alyoum), Египет. *Иносми.ру*. 14.05.2019. URL: https://inosmi.ru/politic/20190514/245067946.html (дата обращения 29.03.2020).

[10] ЕС готовит санкции против Турции из-за бурения в Исключительной экономической зоне Кипра. *News.ru*. URL: https//www.newsru.com/world/ 04oct2019/7thsector.html (дата обращения 05.10.2019).

[11] Савосин Д. Р. Эрдоган предложил Ливии совместно с Турцией вести геологоразведку в Средиземном море. *Neftegaz.ru*. URL: https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/512617-r-erdogan-predlozhil-livii-sovmestno-s-turtsiey-vesti-geologorazvedku-v-sredizemnom-more/ (дата обращения 07.03.2020).

[12] Турция заявляет о праве собственности на половину Восточного Средиземноморья. 05.12.2019. *MK-Turkey.ru*. URL: https://mk-turkey.ru/blog/vesti-ekonomika/2019/12/05/moaa-turciya-zayavlyaet-o-prave-sobstvennosti.html (дата обращения 20.02.2020).

крупнейшим является «Афродита», запасы которой оцениваются в 140 млрд. кубометров. Второе по значению месторождение назвали «Калипсо». На израильском шельфе крупнейшими запасами газа обладают месторождения «Левиафан» и «Тамар». Соответственно, в настоящее время Кипр, Греция и Израиль образовали «газовый треугольник» государств, ведущих совместную разработку месторождений в Восточном Средиземноморье. Экспорт газа с «Афродиты» в Европу согласован с европейскими столицами. На разработку технико-экономического обоснования (ТЭО) газопровода *EastMed* Евросоюз выделил, по одним данным, 34,5 млн. евро, а по другим — 100 млн. долларов. Председатель совета директоров инжиниринговой компании «2К» Иван Андриевский еще в 2017 г. заявлял: «У Израиля и Кипра есть идея организовать мощный экспорт газа в Евросоюз через Грецию. Турция не может этому потворствовать своим бездействием и тоже хочет заработать как деньги, так и политические очки»[13].

Для разработки и добычи этого и других месторождений Кипр, Греция и Израиль в присутствии госсекретаря США Майкла Помпео в начале 2019 г. подписали соглашение о строительстве 1900-километрового трубопровода. Трубопровод, проект которого получил название *EastMed*, будет проходить через подводный магистральный газопровод от морских месторождений газа в территориальных водах Израиля до греческого острова Крит и материковой части Греции, а затем в Италию. Его пропускная способность оценивается в 12 млрд. кубометров в год, а предполагаемая стоимость — в 6 млрд. евро (6,4 млрд. долларов). Новый проект должен удовлетворить 10 % потребностей ЕС в природном газе. Сообщается, что Италия присоединится к сделке позднее. Этот проект создает прямой конфликт интересов с российско-турецким проектом «Турецкий поток», также рассчитанном на Европу[14].

Исследования месторождения газа «Левиафан» показали, что под ним на глубине почти 6 км находятся примерно 3 млрд. баррелей нефти. Как раз это месторождение оказалось на спорной границе шельфовых интересов Ливана и Израиля[15]. Еще в начале 2017 г. Израиль начал получать первую прибыль по заключенным ранее контрактам на добычу газа в этом районе морского шельфа. Покупателями стали иорданские компании *Arab Potash* и *Jordan Bromine*. Израильские власти пошли на этот шаг после провала переговоров с представителями Ливана.

По поводу этой проблемы израильский политолог Авигдор Эскин заявил: «Ни одна международная экспертиза не поставила под сомнение право Израиля добывать там газ, поскольку это его особая экономическая зона. Из ООН не поступило ни одного сигнала, что действия страны противоречат международному праву. А что касается

---

[13] Башкатова А. Турция взялась за углеводородные тайники Кипра. *Независимая газета*. 04.09.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-09-04/1_4_7303_turkey.html (дата обращения 29.03.2020); Карабьянц А. EastMed превратится в Nabucco. *ПРАЙМ*. 21.03.2019. URL: https://1prime.ru/energy/20190321/829825554.html (дата обращения 29.03.2020).

[14] Редин П. Кипр, Греция и Израиль анонсировали газопровод. *ИА Красная Весна*. 23.12.2019. URL: https://rossaprimavera.ru/news/39424ecd (дата обращения 20.02.2020.); Ливан выступил против газопровода EastMed. Бейрут. 13.03.2019. *Neftegaz.ru*. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/193902-livan-vystupil-protiv-gazoprovoda-eastmed/ (дата обращения 20.04.2020).

[15] Пустовойтова Е. Ливан под прицелом США. Шансы Левиафана. *Панорама / Геополитика*. 21.02.2018. URL: http://voskhodinfo.su/panorama/geopolitika/35998-livan-pod-pricelom-ssha-shansy-leviafana.html (дата обращения 20.02.2020).

Ливана, то понятно, что после того, как были обнаружены месторождения и начата их разработка, он хочет на этом заработать». С юридической точки зрения вопрос принадлежности спорных вод по-прежнему остается открытым, полагает эксперт по международному праву Евгений Корчаго. Он пояснил, что, поскольку между Израилем и Ливаном не существует мирного договора, и Ливан не признает Израиль, решение о морских границах может принять только ООН в соответствии со строго установленными критериями. «Вполне вероятно, — считает он, — что решение в итоге будет принято в пользу Израиля, поскольку Ливану до этого неоднократно предлагали урегулировать вопрос, однако сделано это так и не было»[16].

9 февраля 2018 г. Ливан подписал соглашение с итало-франко-российским консорциумом о разведке и добыче газа на оспариваемом 9-м блоке шельфа. Ряд российских и американских обозревателей связали с этим резкое обострение военных действий в Сирии. Притушить дальнейшее ухудшение ситуации был призван срочный вояж Рекса Тиллерсона в Бейрут. «Глава американской дипломатии прибыл с кратким визитом в средиземноморскую страну на фоне разрастающегося конфликта между Ливаном и Израилем вокруг нефтяных и газовых запасов», — сообщало американское аналитическое интернет-издание *Global Security*, разъясняя, что президент Ливана Мишель Аун призвал Вашингтон «поработать над тем, чтобы воспрепятствовать Израилю продолжать посягать на ливанский суверенитет» на земле и в море. В ответ Тиллерсон заявил, что все дело в «Хизбалле», «представляющей угрозу безопасности Ливана». «Мы вынуждены признать, что “Хизбалла” стала частью политического процесса в Ливане», — оговорился он позднее[17].

Опасения США относительно спорного вопроса объяснял специалист по проблемам геополитики Уильям Энгдаль: «…главные действующие лица, в дополнение к правительствам Израиля и Ливана, включают Россию, ливанскую“Хизбаллу”, Сирию, Иран и держащиеся в тени Соединенные Штаты… Сложившаяся ситуация потенциально может вести к безобразно большой войне, которую никто не хочет, как минимум почти никто… Это не будет война за простой контроль над энергоресурсами в ливанских прибрежных водах, — считает Энгдаль.— Реальной целью станет ливанская “Хизбалла”, поддерживаемая Ираном шиитская политическая партия, и ее ополчение как главный участник на стороне Башара Асада и России в сирийской войне. Если Ливан успешно освоит энергоресурсы на шельфе, это откроет широкую дорогу к стабилизации ливанской экономики, снижению уровня безработицы и, как это видит Нетаньяху, дальнейшему укреплению проиранской “Хизбаллы” в качестве фактора стабильности во власти». Приведя эти слова Энгдаля, обозреватель Елена Пустовойтова делает вывод: «Важность месторождения Левиафан для Ливана с Израилем трудно переоценить. Никогда прежде они не получали возможностей, сравнимых с этой»[18].

---

[16] Онтиков А. Израиль поставил точку в газовом споре с Ливаном. *Известия*. 22.03.2017. URL: https://iz.ru/news/672621 (дата обращения 20.02.2020).

[17] Пустовойтова Е. Ливан под прицелом США. Шансы Левиафана. *Панорама / Геополитика*. 21.02.2018. URL: http://voskhodinfo.su/panorama/geopolitika/35998-livan-pod-pricelom-ssha-shansy-leviafana.html (дата обращения 20.02.2020).

[18] Пустовойтова Е. Ливан под прицелом США. Шансы Левиафана. *Панорама / Геополитика*. 21.02.2018. URL: http://voskhodinfo.su/panorama/geopolitika/35998-livan-pod-pricelom-ssha-shansy-leviafana.html (дата обращения 20.02.2020).

Некоторые российские обозреватели утверждают, что «Сирия, после завершения войны с боевиками ИГИЛ (запрещенной в РФ), с помощью России активно возрождает нефтегаз страны, в том числе шельфовый, и вскоре вновь может стать одним из основных игроков нефтегазового рынка Восточного Средиземноморья…»[19].

Широкое окно возможностей для своей экономики также получил Египет, после того как вслед за «Левиафаном» в этом районе Средиземного моря, в его ИЭЗ было обнаружено еще более крупное месторождение углеводородов «Зохр». В период нахождения у власти в Египте сторонника радикального движения «Братья-мусульмане» Мухаммеда эль-Мурси страна теряла репутацию надежного торгового партнера из-за частого подрыва египетского трубопровода, поставлявшего газ в Израиль. После президентских выборов 2014 г. правительство Абдул-Фаттаха ас-Сиси, решительно подавив деятельность мусульманских радикалов, начало переговоры с Израилем о поставках газа «Левиафана» в оба египетских терминала для сжиженного природного газа (СПГ). Запасы «Зохра» позволили Египту удовлетворять спрос на газ как на внутреннем рынке, так и на внешнем[20].

Разработку месторождений в Восточном Средиземноморье, однако, осложняют политические риски и соперничество между странами; есть и экономические препятствия. Эксперты отмечают, что мировой рынок наводнен дешевым газом из России, США и других стран. И все же окупаемость проектов Кипра и Израиля будет зависеть от возможностей экспорта газа. В декабре 2017 г. четыре страны — Израиль, Кипр, Египет и Греция подписали предварительное соглашение о совместной разработке проекта и ввода в действие газопровода к 2025 г. Его длина составит около 2000 км, он должен проходить на глубине до 3 км, из-за чего станет одним из самых сложных проектов такого рода. Более дешевым вариантом мог бы стать трубопровод через Турцию, но ее конфликтные отношения с арабскими государствами делают такой проект нереализуемым[21].

Израиль и Кипр, как считает эксперт в области газа и нефти Эндрю Уорд, также могли бы поставлять газ на египетские СПГ-терминалы по более коротким трубопроводам. В докладе Европарламента в 2017 г. было сказано, что это наиболее реалистичный вариант. В том же году Министр нефтяной промышленности Египта Тарек эль-Молла рассказал *Financial Times*, что его страна готова сотрудничать с соседями над созданием энергетического хаба: «Мы готовы получать этот газ, сжижать его и продавать на международный рынок»[22]. Эти планы в 2020 г. в значительной степени осуществились. Израильская компания *Delek Drilling* и американская *Noble Energy*

---

[19] Алифирова Е., Бахтина О. Энергетический хаб на пороге Европы. 17.01.2019. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195485-energeticheskiy-khab-na-poroge-evropy-strany-vostochnogo-sredizemnomorya-formiruyut-edinyy-gazovyy-r/ (дата обращения 05.10.2019).

[20] Марцинкевич Б. Геоэнергетический пасьянс вокруг Средиземного моря. *Геоэнергетика.ру.* 4.09.2017. URL: http://www.geoenergetics.ru/2017/09/04/geoenergeticheskij-pasyans-sredizemnogo-morya/ (дата обращения 05.10.2019).

[21] Уорд Э. Геополитика мешает добыче газа в Средиземном море. *Ведомости.* 12.01.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/12/747635-geopolitika-dobiche-gaza-sredizemnom (дата обращения 05.10.2019).

[22] Цит по: Уорд Э. Геополитика мешает добыче газа в Средиземном море. *Ведомости.* 12.01.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/12/747635-geopolitika-dobiche-gaza-sredizemnom (дата обращения 05.10.2019).

подписали контракт стоимостью 15 млрд. долларов на поставку египетской компании *Dolphinus Holdings* 64 млрд. кубометров газа в течение 10 лет, начиная с 2020 г.[23]

Очевидно, что Израиль наиболее активно переносит в практическую плоскость утвержденные проекты прокладки трубопроводов, обеспечивая их безопасность с помощью международных договоров и, при необходимости, с помощью армии. За счет введения в строй трубопроводов к собственной территории Израиль смог полностью удовлетворить внутренний спрос на газ из месторождений «Левиафан» и «Тамар». Часть газа идет на экспорт в страны Ближнего Востока.

Что касается планов Анкары поучаствовать в добыче углеводородов, разведанных в Восточном Средиземноморье, то они не ограничиваются кипрским шельфом. Они простираются и на африканский берег, а именно — в Ливию. Это вытекает из ряда заявлений президента Эрдогана. В частности, 10 декабря 2019 г. он пообещал ввести контингент на территорию Ливии, если соответствующий запрос поступит от признанного международным сообществом Правительства национального единства (ПНЕ), возглавляемого Фаизом Сараджем. «Национальный представитель Ливии — не Хафтар, а Сарадж», — подтвердил свою позицию Эрдоган[24]. Он пошел на открытый конфликт с арабскими лидерами, поддерживающими Хафтара, и речь тут идет не столько о политических, сколько об экономических целях, а именно, о нефти и газе. Этот интерес закреплен в пакете договоренностей между Турцией и ПНЕ, подписанном 27 ноября 2019 г. в Стамбуле. Соглашение о военном сотрудничестве между ними предполагает помощь в обучении лояльных ПНЕ сил и укрепление отношений между армиями Триполи и Анкары. Вскоре после этого, по сообщениям арабских СМИ, Анкара направила на помощь Сараджу воинский спецназ и боевую технику. Другим подписанным Эрдоганом и Сараджем документом был меморандум о признании ливийской стороной права Турции на оспариваемые ею морские территории (Меморандум об ограничении юрисдикции на море и Конвенция о континентальном шельфе), что вызвало обеспокоенность Греции, Кипра и Египта и не было поддержано Россией[25].

Согласно меморандуму о взаимопонимании по морским зонам, значительная часть греческой экономической зоны (ИЭЗ) должна отойти к Турции. 2 декабря 2019 г. Турция опубликовала карту морских зон с учетом турецко-ливийского меморандума, а 5 декабря 2019 г. он был ратифицирован турецким парламентом. Опубликованные тезисы Р. Т. Эрдогана относительно содержания соглашения и меморандума свидетельствуют о его решимости проводить их в жизнь. Они звучат следующим образом:

«- это соглашение определяет наши территории в море. Мы признаем права на их использование Ливией, а Ливия — наши права;

- мы будем защищать и наши права. И права турок-киприотов и не дадим никому сделать односторонние шаги;

---

[23] Карабьянц А. EastMed превратится в Nabucco. *Прайм.* 21.03.2019. URL: https://1prime.ru/energy/20190321/829825554.html (дата обращения 29.03.2020).

[24] Субботин И. Война в Ливии сталкивает лбами Россию и Турцию. *Независимая газета.* № 272. 11.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-10/1_7748_libya.html (дата обращения 20.02.2020).

[25] Мустафин Р. Турция направила спецназ на выручку Сараджу. *Независимая газета.* 17.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-17/7_7754_libya.html (дата обращения 20.02.2020).

- сейчас у нас есть собственные корабли по геологоразведке. И у нас есть право этим заниматься. Мы можем вести эти работы вместе с Ливией;
- Турция собирается приобрести еще одно буровое судно и продолжать ГРР не только в Средиземном море, но и в Черном море, и даже в международных водах;
- Турция информировала ООН о заключенном с Ливией меморандуме;
- мы готовы к переговорам со всеми странами-соседями по морю, предлагаем всем найти выход в рамках права. Но на наш призыв к диалогу Греция не откликнулась положительно, выслала ливийского посла. Хотя это не тайное соглашение, мы открыто его подписали. Греция, высылая посла, вызвала международный скандал»[26].

Официальный представитель МИД Турции Аксой пояснил позицию своей страны следующим образом: «У Турции самая длинная континентальная береговая линия в Восточном Средиземноморье. Острова на противоположной стороне от срединной линии между двумя материками не могут создавать районы морской юрисдикции за пределами своих территориальных вод. Во внимание необходимо принимать длину и направление побережья при определении границ морской юрисдикции»[27].

Однако общественное мнение Турции восприняло подобные шаги своих властей неоднозначно. В турецкой экспертной среде превалирует мнение, что у противников силового сценария в Ливии не так много рычагов воздействия. «Ситуация складывается так, что оппозиция выступает против того, чтобы Турция участвовала в конфликте на чьей-либо стороне, — заявил эксперт Центра политических исследований в Анкаре Орхан Гафарлы. — Анкара, с точки зрения оппозиционеров, должна быть нейтральной, играть роль модератора, а не отправлять военных для операции по поддержке центрального правительства. Безусловно, противодействие со стороны оппозиционеров будет сохраняться, но законодательно Турция уже сделала шаг к военным операциям. Соответствующий законопроект уже принят. На этом фоне оппозиция может только обращаться к общественному мнению»[28].

Комментируя подписанный между Турцией и Ливией меморандум, декан инженерного факультета Кипрского научного университета, профессор Ата Атун заявил: «Это соглашение станет примером для других стран региона. Считаю, что аналогичное соглашение будет подписано и с Египтом в ближайшие пять лет. Ранее греческая община Кипра подписала соглашение с Египтом о делимитации морских границ. Но в соответствии с этим документом Египет теряет четверть своей территории. Уверен, что этот вопрос актуализируется после ухода ас-Сиси, после чего Египет подпишет аналогичное соглашение с Турцией». По мнению А. Атуна, Турция важна для Израиля в Восточном Средиземноморье. «Несмотря на то что Израиль подписал соглашение с греческой общиной Кипра, он все еще рассматривает вариант поставок

---

[26] Цит. по: Савосин Д. Р. Эрдоган предложил Ливии совместно с Турцией вести геологоразведку в Средиземном море. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/512617-r-erdogan-predlozhil-livii-sovmestno-s-turtsiey-vesti-geologorazvedku-v-sredizemnom-more/ (дата обращения 07.03.2020).

[27] Турция заявляет о праве собственности на половину Восточного Средиземноморья. 05 декабря 2019. *MK-Turkey.ru.* URL: https://mk-turkey.ru/blog/vesti-ekonomika/2019/12/05/moaa-turciya-zayavlyaet-o-prave-sobstvennosti.html (дата обращения 20.02.2020).

[28] Субботин И. Эрдоган готов устроить «вторую Сирию». *Независимая газета.* 16.01.2020. URL: http://www.ng.ru/world/2020-01-16/1_7770_subbotin.html (дата обращения 07.03.2020).

своего газа в Европу через Турцию, так как это будет более реалистично по сравнению с проектом *EastMed*. Известно, что Израиль ведет переговоры с крупной турецкой компанией по данному вопросу. После президентских выборов в США 2020 года Израиль может полностью изменить свою позицию», — утверждал профессор[29]. Его мнение в данном случае подкрепляет непрочную юридическую позицию официальной Турции.

Отвечая на действия Турции, греческое правительство заявило, что права Греции на морские зоны ее островов установлены международным правом и не подлежат обсуждению. Официальный представитель МИД Греции А. Генниматас указал на то, что Турция и Ливия не имеют общих границ, подписанный ими меморандум не имеет законной силы и поэтому не влечет никаких последствий[30].

Поскольку на ливийском фронте военных действий интересы Турции вступили в явное противоречие с российскими, это потребовало дополнительных договоренностей между Турцией и Россией. Переговоры проходили на фоне вооруженных столкновений в сирийской провинции Идлиб, где Турция и сирийские войска понесли ощутимые потери. Встреча Р. Т. Эрдогана и В. В. Путина состоялась 16 января 2020 г. в Москве. Причем ливийский аспект переговоров, как считает эксперт В. Мухин, может представлять для Анкары и Москвы в основном экономический интерес, «связанный с добычей и транспортировкой углеводородов в Европу. Договор Турции с ПНС дал ей шанс попытаться завладеть углеводородными богатствами, на которые претендуют другие страны Восточного Средиземноморья. Если Турция и правительство Фаиза Сараджа станут владельцами газопроводов из Восточного Средиземноморья в Европу, то российский «Турецкий поток» Анкаре почти не будет нужен». Поэтому Россия всячески будет препятствовать такому развитию событий[31]. Турецкий политолог Али Озкок, затрагивая тему переговоров в Москве относительно Сирии и Ливии, отметил: «Российская Федерация играет хитро, поддерживая параллельно отношения с ПНС. С учетом американских санкций против «Северного потока-2» и напряженности в Украине Турция могла бы использовать проект «Турецкий поток» и доброжелательные отношения [с РФ] в Сирии в качестве разменной монеты, чтобы напомнить Москве, что она может потерять, ведя опосредованную войну против Анкары [в Ливии]. РФ может победить только вместе с Турцией, потому что Анкара также ведет все более автономную и независимую от Запада политику»[32].

На стороне Халифы Хафтара стоят Россия, Египет, Саудовская Аравия и ОАЭ. Их разногласия с турецким руководством зашли настолько далеко, что они поддержали позицию Кипра в его территориальных спорах с Анкарой. Как отметил обозреватель «НГ» Игорь Суботин, фактически это привело к «формированию целого политического

---

[29] Yavuz T., Asgarli A. Турция имеет право на буровые работы в Восточном Средиземноморье. *Aa.com.* 14.12.2019. URL: https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-имеет-право-на-буровые-работы-в-восточном-средиземноморье-/1673673 (дата обращения 07.03.2020).

[30] Савосин Д. Р. Эрдоган предложил Ливии совместно с Турцией вести геологоразведку в Средиземном море. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/512617-r-erdogan-predlozhil-livii-sovmestno-s-turtsiey-vesti-geologorazvedku-v-sredizemnom-more/ (дата обращения 07.03.2020).

[31] Мухин В. Москва и Анкара никак не поделят Ливию. *Независимая газета.* 19.12.2019. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2019-12-19/3_7757_kartblansh.html (дата обращения 20.02.2020).

[32] Субботин И. Эрдоган убеждает Россию «сдать» Хафтара. *Независимая газета.* 23.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-23/6_7759_subbotin.html (дата обращения 07.03.2020).

блока государств в лице Саудовской Аравии, ОАЭ, Греции и Израиля, которые вступились за Кипр»[33].

Сближение Египта, Израиля, Греции и Кипра по поводу морских границ между прибрежными государствами в Восточном Средиземноморье было поддержано Соединенными Штатами. Они пытаются отодвинуть Турцию к ее берегам, при этом, как считает сама Турция, «лишив ее прав, которыми она обладает в рамках международного права». «Эти государства, — по словам турецкого ученого Левента Йылмаза, — вынудили Турцию действовать более активно. Однако Анкара, обладая выгодной позицией, должна спокойно защищать свои права и продолжать размеренную внешнюю политику вместо того, чтобы отвечать на каждый шаг. Остается множество разногласий в отношении Исключительных экономических зон, определенных странами, которые дают им право использовать морские ресурсы и заключать международные сделки». Он отметил также, что Турция должна расширять диалог с любыми международными организациями и развивать сотрудничество с такими странами региона, как Ливан и Ливия[34].

Другое мнение по поводу турецкой внешней политики высказал главный редактор турецкой газеты *Ahval* Явуз Байдар. По его словам, «конфликты, расколы и разочарования доминируют в турецкой повестке дня, в которой настойчивое стремление Анкары к максимализму ведет к ответным реакциям или тупику за тупиком… Эскалация из-за углеводородного вопроса в Восточном Средиземноморье и многослойный конфликт в Эгейском море держали Грецию и Кипр на грани»[35].

Нынешний кризис в отношениях между Анкарой и Вашингтоном, а также европейскими партнерами по НАТО, по оценке главного редактора журнала «Вопросы истории» Петра Искандерова, побуждает Турцию идти на обострение ситуации по вопросам поставок новейших вооружений и судьбы американских военных баз. Такими методами Анкара хочет добиться уступок по проблемам Кипра и Восточного Средиземноморья, с тем чтобы контролировать сами месторождения. Эксперт предположил, что прямое вооруженное столкновение между Афинами и Анкарой не произойдет из-за сдерживающих механизмов внутри НАТО, а сложившаяся ситуация является своего рода прологом для нового торга в контексте проблемы беженцев. Он пояснил: «Скорее всего, Эрдоган ожидает, что ЕС предоставит ему финансовую помощь и откажется от каких-то обвинений в нарушении прав человека в обмен на обещание Турции не доводить дело до регионального конфликта»[36].

В последние годы к напряженности между Анкарой и греческим Кипром добавился еще один конфликт, уже в юго-восточной части Средиземного моря, а именно, между Ливаном и Израилем. Давний спор между ними по поводу границ морского шельфа до сих пор не нашел своего разрешения. Ливанское правительство

---

[33] Субботин И. Война в Ливии сталкивает лбами Россию и Турцию. *Независимая газета*. № 272. 11.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-10/1_7748_libya.html (дата обращения 20.02.2020).

[34] Турция может отстаивать свои интересы в Средиземном море вместе с Ливаном? *Вестник Кавказа*. 26.11.2019. URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/Turtsiya-mozhet-otstaivat-svoi-interesy-v-Sredizemnom-more-vmeste-s-Livanom.html (дата обращения 21.04.2020).

[35] Явуз Б. Эрдоган «застрял» в Сирии. *MK-Turkey.ru*. 10.09.2019. URL: https://mk-turkey.ru/blog/yavuz-baydar/2019/09/10/mopn-erdogan-zastryal-v-sirii.html (дата обращения 07.03.2020).

[36] Селимова Ф. Турции не хотят отдавать богатства Средиземноморья. *Независимая газета*. 19.06.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-06-19/7_7601_turk.html (дата обращения 05.10.2019).

вступило в консорциум с французской *Total*, итальянской *Eni* и российской «Новатэк» относительно разведки и начала бурения скважин в январе 2020 г., в том числе на 9-м блоке, одном из двух оспариваемых Тель-Авивом. Турция также предполагает сотрудничать с Ливаном в этой области[37]. 4-й блок, расположенный на прибрежном ливанском мелководье, считается перспективным на природный газ, а 9-й блок, находящийся гораздо южнее, — на нефть[38]. Ливану добыча собственных углеводородов помогла бы удовлетворить внутренний спрос на них, а также повысила бы экспортный потенциал страны.

Поэтому Ливан с самого начала рассматривал проект газопровода *EastMed* как противоречащий его интересам. В марте 2019 г. власти страны выступили с заявлением, что этот проект не должен нарушать ее морские границы, и что они против его реализации. Ливан призвал своих средиземноморских союзников поддержать его заявление, поскольку *EastMed* может создать очаг нестабильности в его территориальных водах. Неразрешенный пограничный спор с Израилем касается не только морской, но и сухопутной границы между двумя странами. Каждая из них может претендовать на 200 морских миль от своих берегов в качестве своей Исключительной экономической зоны (ИЭЗ). Вначале им следовало бы найти равноудаленную точку и договориться о создании такой зоны по примеру Израиля и Кипра, которым разделить воды удалось[39].

В 2018 г. Ливан принял новый энергетический закон, который открыл дорогу к проведению геологоразведочных работ. При этом он не ратифицировал соглашение 2007 г. с Кипром, а представил ООН свое собственное предложение, вызвавшее недовольство Израиля, заявившего, что ливанцы уж слишком опускают свою морскую границу на юг, и представил свои предложения США. Но ни США, ни ООН не хотят ссориться с ливанцами и в ответ молчат. По сведениям портала *Neftegaz.ru*, дело может быть передано в Международный трибунал по морскому праву, учрежденный Конвенцией США 1982 г., хотя Израиль ее и не подписал.

Отметим, что из всех стран Восточного Средиземноморья Израиль наиболее активно переносит в практическую плоскость утвержденные проекты прокладки трубопроводов, обеспечивая их безопасность с помощью международных договоров и, при необходимости, с помощью армии. За счет введения в строй трубопроводов к собственной территории Израиль смог полностью удовлетворить внутренний спрос на газ из месторождений «Левиафан» и «Тамар». Часть газа, как было сказано, идет на экспорт в страны Ближнего Востока. Последним по времени осуществленным проектом является введенный в строй газопровод между Ашкелоном в Израиле и эль-Аришем в Египте. В середине января 2020 г. после многочисленных отсрочек с началом поставок газа, месторождение «Левиафан» было введено в коммерческую эксплуатацию. Проект

---

[37] Турция может отстаивать свои интересы в Средиземном море вместе с Ливаном? *Вестник Кавказа*. 26.11.2019. URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/Turtsiya-mozhet-otstaivat-svoi-interesy-v-Sredizemnom-more-vmeste-s-Livanom.html (дата обращения 21.04.2020).

[38] Ливан выступил против газопровода EastMed. *Neftegaz.ru*. Бейрут. 13.03.2019. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/193902-livan-vystupil-protiv-gazoprovoda-eastmed/ (дата обращения 20.04.2020).

[39] Ливан выступил против газопровода EastMed. *Neftegaz.ru*. Бейрут. 13.03.2019. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/193902-livan-vystupil-protiv-gazoprovoda-eastmed/ (дата обращения 20.04.2020).

реализуется консорциумом в составе *Delek Drilling* (45,34 %), *Noble Energy* (39,66 %) и *Ratio Oil Exploration* (15 %). Добычная инфраструктура месторождения включает стационарную платформу, четыре скважины и два газопровода[40].

По словам обозревателя издания *Neftegaz.ru* Е. Алифировой, «Египет, наращивающий собственную добычу газа и уже полностью обеспечивающий собственные потребности в газе, в израильском газе формально не нуждается. Однако Египет формирует мощный газовый хаб, который аккумулирует газ "Зохра", "Афродиты", "Левиафана" и "Тамара". После сжижения газ египетского хаба будет поставляться танкерами-газовозами в Европу. А в перспективе газ месторождений Восточного Средиземноморья будет поступать в Европу напрямую по газопроводу *EastMed*… Межгосударственное соглашение по МГП *EastMed* Греция, Кипр и Израиль подписали 2 января 2020 г., предстоит еще подписание документов с Италией… Ожидается, что строительство газопровода протяженностью 1900 км займет около 7 лет»[41].

Анализ различных точек зрения на важную проблему освоения энергетического потенциала Восточного Средиземноморья позволили нам выявить некоторые перспективы дальнейшего развития ситуации. С одной стороны, происходит обострение отношений между региональными государствами, дипломатическое и военное давление при отстаивании права на добычу сырья. С другой стороны, ряд стран (Израиль, Греция, Египет и Кипр) приступили к практическому освоению месторождений газа и прокладке трубопроводов. Вероятно, обе эти тенденции сохранятся и в будущем. А какая из них будет превалировать в то или иное время, определит общая расстановка сил в регионе и в мире, в целом, а также спрос на углеводородное сырье на мировых рынках.

Литература / References

Горбунова Н. М., Иванова И. И. Газ в Восточном Средиземноморье как причина новых конфликтов стран региона. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2019. № 2. С. 226–234 [Gorbunova N. M., Ivanova I. I. Natural Gas in the Eastern Mediterranean as a Trigger of New Conflicts Between the Countries of the Region. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2019. 2. Pp. 226–234 (in Russian)].

[40] Алифирова Е. Левиафан поплыл. На проблемном израильском месторождении началась добыча газа. 17.01.2020. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/dobycha/519531-leviafan-poplyl-na-problemnom-izrailskom-mestorozhdenii-nachalas-dobycha-gaza/ (дата обращения 07.03.2020).

[41] Алифирова Е. Левиафан поплыл. На проблемном израильском месторождении началась добыча газа. 17.01.2020. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/dobycha/519531-leviafan-poplyl-na-problemnom-izrailskom-mestorozhdenii-nachalas-dobycha-gaza/ (дата обращения 07.03.2020).

Электронные ресурсы / Electronic sources

Алифирова Е. Левиафан поплыл. На проблемном израильском месторождении началась добыча газа. 17.01.2020. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/dobycha/519531-leviafan-poplyl-na-problemnom-izrailskom-mestorozhdenii-nachalas-dobycha-gaza/ (дата обращения 07.03.2020).

Алифирова Е., Бахтина О. Энергетический хаб на пороге Европы. 17.01.2019. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/195485-energeticheskiy-khab-na-poroge-evropy-strany-vostochnogo-sredizemnomorya-formiruyut-edinyy-gazovyy-r/ (дата обращения 05.10.2019).

Аль-Алайли М. Шахматная доска в Восточном Средиземноморье. Аль-Масри аль-Яум (Almasry Alyoum), Египет. *Иносми.ру.* 14.05.2019. https://inosmi.ru/politic/20190514/245067946.html (дата обращения 29.03.2020.)

Башкатова А. Турция взялась за углеводородные тайники Кипра. *Независимая газета.* 04.09.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-09-04/1_4_7303_turkey.html (дата обращения 29.03.2020).

Евросоюз одобрил санкции против Турции за геологоразведку на шельфе Кипра. *News.ru.* 15.07.2019. URL: https://www.newsru.com/world/15Jul2019/turkeycyprsnct.html (дата обращения 05.10.2019).

ЕС готовит санкции против Турции из-за бурения в Исключительной экономической зоне Кипра. *News.ru.* 04.10.2019. URL: https//www.newsru.com/world/04oct2019/7thsector.html (дата обращения 05.10.2019).

Карабьянц А. EastMed превратится в Nabucco. *Прайм.* 21.03.2019. URL:https://1prime.ru/energy/20190321/829825554.html (дата обращения 29.03.2020).

Ливан выступил против газопровода EastMed. *Neftegaz.ru.* Бейрут. 13.03.2019. URL: https://neftegaz.ru/news/transport-and-storage/193902-livan-vystupil-protiv-gazoprovoda-eastmed/ (дата обращения 20.04.2020).

Марцинкевич Б. Геоэнергетический пасьянс вокруг Средиземного моря. *Геоэнергетика.ру.* 04.09.2017. URL: http://www.geoenergetics.ru/2017/09/04/geoenergeticheskij-pasyans-sredizemnogo-morya/ (дата обращения 05.10.2019).

Мустафин Р. Турция направила спецназ на выручку Сараджу. *Независимая газета.* 17.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-17/7_7754_libya.html (дата обращения 20.02.2020).

Мухин В. Москва и Анкара никак не поделят Ливию. *Независимая газета.* 19.12.2019. URL: http://www.ng.ru/kartblansh/2019-12-19/3_7757_kartblansh.html (дата обращения 20.02.2020).

Онтиков А. Израиль поставил точку в газовом споре с Ливаном. *Известия.* 22.03.2017. URL: https://iz.ru/news/672621 (дата обращения 20.02.2020.).

Пустовойтова Е. Ливан под прицелом США. Шансы Левиафана. *Панорама / Геополитика.* 21.02.2018. URL: http://voskhodinfo.su/panorama/geopolitika/35998-livan-pod-pricelom-ssha-shansy-leviafana.html (дата обращения 20.02.2020).

Редин П. Кипр, Греция и Израиль анонсировали газопровод. *ИА Красная Весна.* 23.12.2019. URL: https://rossaprimavera.ru/news/39424ecd (дата обращения 20.02.2020).

Савосин Д. Р. Эрдоган предложил Ливии совместно с Турцией вести геологоразведку в Средиземном море. *Neftegaz.ru.* URL: https://neftegaz.ru/news/Geological-exploration/512617-r-erdogan-predlozhil-livii-sovmestno-s-turtsiey-vesti-geologorazvedku-v-sredizemnom-more/ (дата обращения 07.03.2020).

Селимова Ф. Турции не хотят отдавать богатства Средиземноморья. *Независимая газета.* 19.06.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-06-19/7_7601_turk.html (дата обращения 05.10.2019).

Субботин И. Война в Ливии сталкивает лбами Россию и Турцию. *Независимая газета*. № 272. 11.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-10/1_7748_libya.html (дата обращения 20.02.2020).

Субботин И. Турция берет кипрский шельф силой. *Независимая газета*. 08.07.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-07-08/1_6_7617_cyprus.html (дата обращения 05.10.2019).

Субботин И. Эрдоган готов устроить «вторую Сирию». *Независимая газета*. 16.01.2020. URL: http://www.ng.ru/world/2020-01-16/1_7770_subbotin.html (дата обращения 07.03.2020).

Субботин И. Эрдоган убеждает Россию «сдать» Хафтара. *Независимая газета*. 23.12.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-12-23/6_7759_subbotin.html (дата обращения 07.03.2020).

Турция заявляет о праве собственности на половину Восточного Средиземноморья. *MK-Turkey.ru*. 05.12.2019. URL: https://mk-turkey.ru/blog/vesti-ekonomika/2019/12/05/moaa-turciya-zayavlyaet-o-prave-sobstvennosti.html (дата обращения 20.02.2020).

Турция может отстаивать свои интересы в Средиземном море вместе с Ливаном? *Вестник Кавказа*. 26.11.2019. URL: https://vestikavkaza.ru/analytics/Turtsiya-mozhet-otstaivat-svoi-interesy-v-Sredizemnom-more-vmeste-s-Livanom.html (дата обращения 21.04.2020).

Уорд Э. Геополитика мешает добыче газа в Средиземном море. *Ведомости*. 12.01.2018. URL: https://www.vedomosti.ru/business/articles/2018/01/12/747635-geopolitika-dobiche-gaza-sredizemnom (дата обращения 05.10.2019).

Явуз Б. Эрдоган «застрял» в Сирии. 10.09.2019. *MK-Turkey.ru*. URL: https://mk-turkey.ru/blog/yavuz-baydar/2019/09/10/mopn-erdogan-zastryal-v-sirii.html (дата обращения 07.03.2020).

Yavuz T., Asgarli A. Турция имеет право на буровые работы в Восточном Средиземноморье. *Aa.com*. 14.12.2019. URL: https://www.aa.com.tr/ru/турция/турция-имеет-право-на-буровые-работы-в-восточном-средиземноморье-/1673673 (дата обращения 07.03.2020).

Yeni Akit (Турция): природный газ и нефть — это не главное. Вот важнейшее вещество Средиземного моря! *Иносми.ру*. 13.12.2019. URL: https://inosmi.ru/economic/20191213/246433882.html (дата обращения 29.03.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-80-95

ТРАГЕДИЯ НА КРАЮ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ: НЕОДНОЗНАЧНЫЕ ПРИЧИНЫ И НЕПРЕДВИДЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ЯНЧЖОУСКОЙ (760 Г.) И ГУАНЧЖОУСКОЙ РЕЗНИ (879 Г.)

Д. В. Дубровская[*]

На закате империи Тан (618–907), общепризнанного «золотого века» императорского Китая, страна вступила в длинную полосу социально-политических и этнических кризисов. В исторической науке широко известен комплекс проблем, связанных с восстанием Ань Лушаня (755–763), знаменовавшим перелом в поступательном развитии династии, — эта цивилизационная катастрофа, затронувшая все аспекты функционирования дотоле мощной империи, стала началом угасания танского Китая. Однако практически не исследованными остаются несколько кризисов арабо-персидских сообществ, обосновавшихся на юге Китая и ставших жертвой отголосков восстаний Ань Лушаня и Хуан Чао (878–884), также ставившего целью положить конец династии Тан. Поэтому в «поверхностном востоковедении» и общественном сознании трагедии, происшедшие в Янчжоу и Гуанчжоу с разницей чуть более века и выразившиеся в крупномасштабной резне иноземных купцов арабского и персидского происхождения, зачастую бывают вырваны из контекста и экстраполируются на всю систему взаимодействия Китая с иноземцами (в частности, с мусульманами из Передней Азии, прибывавшими в порты Танской империи). Трудность исследования проблемы во многом связана с отсутствием свидетельств о гуанчжоуской резне в китайских источниках, за счет чего она известна науке только по сообщениям арабских авторов. Статья рассматривает предпосылки указанных инцидентов и показывает, что арабо-персидские коммерсанты были не только жертвами насилия со стороны восставших и местного населения, но и сами совершили рейд на Гуанчжоу в самом начале описываемых событий. Автор также предостерегает от упрощений, связанных с конфликтами в прибрежных городах Китая, так как эпизоды времен заката династии Тан не распространяются на дальнейшую историю.

Ключевые слова: ислам в Китае, династия Тан, морская торговля, конфликтология, власть и насилие, Гуанчжоуская резня.

Для цитирования: Дубровская Д. В. Трагедия на краю Великого Шелкового пути: неоднозначные причины и непредвиденные последствия Янчжоуской (760 г.) и Гуанчжоуской резни (879 г.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 80–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-80-95

[*] Динара Викторовна ДУБРОВСКАЯ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; distan@gmail.com

Dinara V. Dubrovskaya, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; distan@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-9372-6553

THE TRAGEDY ON THE EDGE OF THE GREAT SILK ROAD: MIXED CAUSES AND UNFORESEEN CONSEQUENCES OF THE YANGZHOU (760) AND GUANGZHOU MASSACRE (879)

Dinara V. Dubrovskaya

At the end of the Tang Empire (618–907), the universally recognized "golden age" of imperial China, the country entered a long period of socio-political and ethnic turmoil. The broader set of problems associated with the An Lushan uprising (755–763) is widely known — this civilizational catastrophe marked a turning point in the development of the dynasty and, by impacting all aspects of a powerful empire, caused the sun to start setting on Tang China. Still, many episodes remain relatively unexplored, among them the crises that befell Arab-Persian communities in southern China, which fell victim to the echoes of the An Lushan and Huang Chao uprisings (878–884), which also aimed to put an end to the Tang Dynasty. In layman's Asian studies and public consciousness, the tragedies that occurred in Yangzhou and Guangzhou a little more than a century apart and took the form of large-scale massacres of foreign merchants of Arab and Persian descent are often taken out of context and extrapolated to the entire system of interactions between China and foreigners — in particular, Muslims from West Asia arriving in the ports of the Tang Empire. This article seeks to place these dramatic events in a tighter historical context. Part of the difficulty here lies in the absence of Chinese sources about the Guangzhou massacre, known to researchers only from reports by Arab authors. The article aims to consider some of the pre-requisites of these incidents, showing the role of Arab-Persian merchants not only as victims of violence by rebels and locals alike, but also by analyzing their own raid on Guangzhou at the very beginning of the events in question. The author also warns against simple projections around conflicts in China's coastal cities because these sunset episodes of the Tang Dynasty do not extrapolate well to later history.

Keywords: Islam in China, Tang Dynasty, maritime trade, conflict management, power and violence, Guangzhou massacre.

For citation: Dubrovskaya D. V. The Tragedy on the Edge of the Great Silk Road: Mixed Causes and Unforeseen Consequences of the Yangzhou (760) and Guangzhou Massacre (879). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 80–95. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-80-95

Был в горах. Сейчас вожусь с большим букетом.
Разыщу большой кувшин, воды налью им…
Как в Кантоне, милый Чао, — или где там?
Неужели до сих пор еще воюем?[1]

По ряду причин три насильственных инцидента, происшедших в танском Китае на краю Великого Шелкового пути в VIII и IX вв., не привлекли большого внимания востоковедной науки, хотя самый вопиющий из них — гуанчжоуская резня арабских и персидских купцов — насчитывает по сообщениям арабских источников до 200 тысяч жертв. Объясняется это во многом тем, что в китайских династийных историях редкие случаи взаимодействия общества и

[1] Статья была специально написана к 75-летию академика РАН, главного редактора журнала «Вестник Института востоковедения» В. В. Наумкина. Для придания тексту праздничности автор позволила себе включить в материал несколько не вполне научных цитат из хорошо известных произведений русской литературы.

государства со сравнительно небольшими группами арабов и иранцев-мусульман, прибывавших торговать в морские порты, освещались крайне скупо. Поэтому и случаи эти, в отличие от столкновений империи с северной кочевой периферией или с тюркским или монгольским миром, известны в большей степени по свидетельствам арабских мореходов. Именно последние оставили описания и самих этих купеческих анклавов — своего рода Ганзейской лиги, оперировавшей на юго-восточном побережье Китая, и трагедии, их постигшей. Казалось бы, урок истории, который нам предстоит рассмотреть, дает аналитику почву для вполне однозначных выводов о конфессиональной ситуации в Китае (как традиционном, так и современном). Но при более пристальном изучении может оказаться, что позиция, распространенная среди исследователей трагедий в Янчжоу и Гуанчжоу, излишне политизирована и не учитывает всех факторов, приведших к эскалации насилия на побережье китайских морей.

Ислам достигает Китая: Западный край и сообщество *хуэй-хуэй*

К Танскому времени в Китае исторически сложились два типа исламских сообществ: так называемые *хуэй-хуэй* (или *хуэй, хуэйцзу*; 回族) и мусульмане нынешнего Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и других регионов северо-западного Китая. Последние принадлежат к тюркской этнолингвистической группе, не имеющей никакого отношения к сообществу *хуэй*. В Западный край ислам пришел через сухопутный Великий шелковый путь в середине X в., когда его принял хан династии каракитаев Сатук Богра (922–955); к XVI в. территория нынешнего СУАР была практически полностью исламизирована [Mi, You, 2004, p. 46].

История сообщества *хуэй*, в свою очередь, не имеет ничего общего с историей мусульманства Западного края (см., например: [Дубровская, 1998, с. 23; Камалов, 2017; Xue, 1992]). Многие исследователи ислама отмечали особенности этнической (само)идентификации мусульман-*хуэй*. В начале пребывания в Китае *хуэй* представляли собой вполне гомогенную группу, ведшую происхождение от сообществ мусульманских купцов, послов и прочих путешественников, прибывавших в Китай из Персии и арабских стран в VII–VIII вв., во времена правления династии Тан [2]. Эта волна мигрантов из мусульманского мира включала в себя людей различного этнического происхождения, но в основном арабов и персов. В свою очередь, Таны знали Аравию как Дуоши（多食；多氏）[Zhang, 1992, p. 144–145] и затем Даши（大食）и распространили этот этноним на всех арабоязычных пришельцев — так, послов аббасидского халифа к танскому двору в 758 г. обозначили как *хэйи даши* (黑衣大食; *даши* в черных одеяниях [Israeli, 2002, p. 291]). Людей же, прибывавших в Поднебесную с торговыми целями, называли «иностранными купцами» (*фаньшан;* 番商), и именно персидские и арабские негоцианты вели самые успешные коммерческие операции. В

[2] Новая волна мусульман из Западной и Центральной Азии достигла берегов Великого канала во времена династии Юань (1271–1368). По большей части то были воины, ремесленники, ученые, рабы и торговцы, в массе своей передислоцированные в юаньский Китай монголами для оказания помощи в управлении завоеванной страной. Новые мигранты, рассеянные по всей стране (особенно в северо-западном и юго-западных регионах) в форме небольших изолированных поселений-анклавов, существенно увеличили мусульманское население Поднебесной.

годы правления танского императора Дэцзуна в начале 780-х гг. Сыма Гуан упоминает в «Цзычжи Тунцзянь», что в одной лишь столичной Чанъани было четыре тысячи таких иностранных купцов [ЦЧТЦ, 1956, цз. 232]. На тот момент *фаньшан* обитали в столице уже около полувека, были женаты на китаянках и обзавелись имуществом. Вполне вероятно, что они оказали значительное влияние на торговлю в таких крупных коммерческих центрах на Великом Канале, как Янчжоу (в нынешней провинции Цзянсу), Цюаньчжоу (в нынешней провинции Фуцзянь) и, конечно, Гуанчжоу, имевший во времена Тан статус полупограничного форпоста.

Проживание значительного числа инородцев в массе китайцев, на виду у которых они накапливали богатство, при этом соблюдая мусульманские ритуалы и ведя привычный образ жизни, вызывало озабоченность конфуцианской бюрократии, использовавшей для этой категории населения и другое название — *маньляо* (蠻獠; южные варвары). Сановники опасались загрязнения китайского общества посредством смешанных браков; боялись, что приобретение чужестранцами земель нанесет удар по отлаженной как часы танской системе землевладения; да и способ, которым новоприбывшие наживали богатство — торговля — был непопулярен в конфуцианском обществе, ориентированном на аграрные и чиновнические ценности. Китайские соседи завидовали заморским гостям и не доверяли им, создавая тем самым естественную почву для вспышек насилия.

Описанный ход мысли объясняет, почему при определении причин трагических происшествий VIII и IX вв. вполне оправдано желание исследователя поставить во главу угла именно традиционную китайскую ксенофобию, а также и общечеловеческую нелюбовь к чужим успехам. Попытаемся выяснить, не было ли у двух разделенных столетием всплесков насилия по отношению к китайским мусульманам более конкретных причин.

Ария персидского гостя: собирательный портрет «Язд Бозеда» с жемчужиной

В танских династийных историях — как в «Цзю Тан-шу», так и в «Синь Тан-шу» — обнаруживается всего лишь два (пусть важных) блока упоминаний арабского присутствия в юго-восточном Китае. Первый описывает захват арабами и персами Гуанчжоу в рамках совершенного ими набега 758 г. [ЦТШ, 1987, цз. 10, л. 253; цз. 15, л. 5313; СТШ, 1975, цз. 6, л. 161; цз. 221, л. 6259]. Второй же повествует об избиении разошедшимися правительственными войсками, захватившими и разграбившими город Янчжоу, «нескольких тысяч» арабских и персидских купцов в 760 г. [ЦТШ, 1987, цз. 110, л. 3313; цз. 124, л. 3533; СТШ, 1975, цз. 141, л. 4655; цз. 144, л. 4702]. Но где же ужасающая количеством жертв гуанчжоуская резня? Именно о ней китайские источники молчат.

Отдельный интерес вызывает тот факт, что династийные истории объединяют персов и арабов в единую монолитную группу. Скорее всего, это объясняется обычной для китайцев (которых, кстати, с эпохи Тан называли в остальном мире «танцами») неразборчивостью в иностранцах; *босы* (персы) и *даши* (арабы; этот уже упоминавшийся этноним произошел от того же названия аравийского племени, что и слово «таджик» [Dillon, 2013, p. 13]) в их восприятии путались — ведь эти слова относились к людям,

обитавшим в далеких странах, а не к соседям, жившим и торговавшим среди местного населения[3].

В нашу коллекцию именований иноземных купцов в танском Китае следует добавить и термин *ху* (胡), под которым обычно понимали персов (но и тибетцев, и тюрков, и других степных кочевников). По-прежнему имело хождение и слово *фань*, передававшееся тремя взаимозаменяемыми иероглифами (番, 蕃 или 藩 — с ключом «вода»), использовавшееся для обозначения варваров — иностранцев, иноземцев, обнаруживаемых в портовых городах, и вообще чужаков. Из этих терминов складывались и слова-портманто: «гости-*фань*» (*фанькэ*; 番客) и "купцы-*ху*" (*хушан;* 胡商) [Schafer, 1951, p. 413; Abramson, 2008, p. 18–19; 130–131], включавшие в себя купцов из Западной Азии, торговавших в китайских портах[4].

Этнонимической путанице способствовало и то, что персы и арабы занимались в Китае одним и тем же — международной морской торговлей. Кроме того, в течение века, последовавшего за победой арабов-Аббасидов над иранцами-Сасанидами в середине VII в., в Иране был запущен процесс исламизации, и к середине IX в. подавляющее большинство персов уже обратились в ислам [Bulliet, 1979, p. 16–32]. Торговлей по морю активно занималось и вассальное государство Аббасидов в восточном Иране — мусульманская империя Саманидов (819–999) [Schafer, 1951, p. 404–405; Hasan, 1928]. Свидетельства симбиоза между арабами и иранцами мы получаем с самого начала аббасидского периода: автор знаменитой энциклопедии «Тундянь» Ду Ю пишет, что «в Даши (зд. Аббасидском халифате. — *Д. Д.*) арабы и персы перемешаны и живут вместе» (大食波斯參雜居止)[5]. На практике это означало, что, отправляясь в Китай по морю, арабские и персидские купцы путешествовали на персидских кораблях [Hall, 1985]. Таким образом, количество арабов в Китае, безусловно, росло — в рамках монолитного арабо-иранского сообщества.

Совершенно иное описание купцов-мусульман в Кантоне дают авторы «Описания Китая и Индии» («Акбар аль-Син ва-ль'Хинд») [Abu Zayd, 2017]. Труд представляет собой собрание трех работ разных авторов, в 916 г. объединенных в одно «описание» мореплавателем и автором травелога Абу Зайдом ас-Сирафи. В одной части, например, рассказ идет от лица безымянного купца, побывавшего в Индии и в лучших традициях арабских сказок передающего слушателям рассказ о Китае другого торговца по имени Сулейман: «Купец Сулейман рассказал, что в Каньфу (Khānfū[6]), где встречаются купцы, существовал мусульманин, назначенный правителем Китая для урегулирования разногласий, возникающих между мусульманами, приезжающими в эти края, и китайский царь не допускал иного» [Abu Zayd, 2017, p. 31].

---

[3] Не стоит думать, что путаница царила лишь в головах средневековых китайских обывателей. Как показывает в своем блестящем выступлении американский сатирик иранского происхождения Маз Джобрани, схожие сложности испытывают и современные американцы. Jobrani M. Persian Cat. *Youtube*. URL: http://www.youtube.com/watch?v=WwHOBJoASsM (дата обращения 09.05.2020).

[4] Существовали и другие этнонимы, использовавшиеся для обозначения иностранных купцов, включавшие слог «мань» (蠻), означавший неханьское население южного Китая ([южные] варвары наньмань — 南蠻) и «ляо» (獠), относившийся к населению стран Юго-Восточной Азии.

[5] [Ду Ю (杜佑)]. *Тундянь* (通典; «Свод сочинений обо всем»). Цз. 193. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/通典/卷 193 (дата обращения 08.05.2020).

[6] Так арабы называли Гуанчжоу (Кантон). См., например: [Chaffee, 2018, p. 18].

Отметим, что сам факт наличия торговли между танским Китаем и Аббасидским халифатом поразителен. Опасный и сложный морской путь, связывавший Басру с Гуанчжоу, насчитывал более 10 тыс. км, однако при Аббасидах этот маршрут не только существовал, но и процветал, чему не в последнюю очередь способствовало существование арабского корабля дау (иначе: дхау; доу), известного в Юго-Восточной Азии как «куньлуньский корабль». Вплоть до XI в. дау был единственным видом морского судна, способного на подобные путешествия [Manguin, 1993, p. 253–280]. В 1998 г. у берегов острова Белитун между Суматрой и Борнео были обнаружены останки кораблекрушения дау (т. н. Белитунское кораблекрушение), датированного 826 г. и, с учетом преобладающе китайского груза, явно направлявшегося из Китая [Flecker, 2000, p. 199–217]. В 2013 г. весьма хорошо сохранившийся дау был найден в тайской провинции Самутсакхон на северной оконечности Сиамского залива (т. н. Пханом-Суринское кораблекрушение) [Guy, 201, p. 179–196]. Корабль с уцелевшими до наших дней деревянным каркасом, обшивкой, канатами и шпаклевкой, позволившими датировать находку VIII в., обнаружили в мангровом болоте. Карго судна в основном состояло из керамики, происходившей из Гуандуна, Таиланда и с побережья Персидского залива. Обнаруженное на одном персидском сосуде личное имя «Язд-бозед», принадлежавшее либо кому-то из купцов, либо производителю керамики, — самая ранняя надпись, выполненная пехлевийским письмом, зафиксированная на юге, юго-востоке и востоке Азии, своего рода символ иранской торговли и всего персидско-китайского обмена в этих регионах [Guy, 2017, p. 179–196][7].

Благодаря таким образом налаженной торговле персидские купцы в танском Китае считались (во многом заслуженно) богачами, а также ассоциировались с поисками ценного жемчуга, которому обе культуры приписывали магические свойства (вспомним устойчивую ассоциацию перс → маг) [Schafer, 1951, p. 415].

Аллегория доброго и злого правления города Гуанчжоу

К сожалению, мы не располагаем инструментами для определения объема и оценки торговли между китайскими портами и Персидским заливом в танские времена; известны лишь некоторые «кейсы». Так, глава (с 769 г.) администрации Гуанчжоу Ли Мянь (李勉; 715–786) решительно заявил, что таможня взяток не берет, после чего количество прибывающих в порт кораблей немедленно увеличилось от четырех-пяти в год до более сорока [ЦТШ, 1987, цз. 81, л. 3635; СТШ, 1975, цз. 81, л. 4507–4508]. Интересно, что этот взлет произошел во времена, когда Гуанчжоу все еще не до конца оправился от последствий арабо-персидского налета 758 г., о котором пойдет речь ниже.

Даже хотя теоретически центральные власти и не имели официальной юрисдикции над *реальной* внешней торговлей (той, что не проходила по линии даннических отношений), Тан следила за торговлей в значительно большей степени, чем центральные власти Ближнего Востока. В развитии международного обмена через южные моря большее значение имели действия губернаторов Гуанчжоу; сношения же с

[7] См. также: A visit to the Phanom Surin Shipwreck site, Samut Sakorn Province. *SEAArch (Southeast Asian Archaeology)*. URL: https://www.southeastasianarchaeology.com/2015/03/16/a-visit-to-the-phanom-surin-shipwreck-site-samut-sakorn-province/ (дата обращения 09.05.2020).

Кореей и Японией проходили по большей части через Янчжоу. Конкретно морскую торговлю курировали «ответственные за торговлю с иностранными судами» (*шибо ши;* 市舶使), чаще всего относившиеся к сословию евнухов [Wang, 1991, p. 25–37; Schottenhammer, 2016, p. 153–154]. Евнухи представляли императорский двор, заинтересованный в прибывающих морем предметах роскоши, и были печально известны вымогательствами и коррумпированностью [Schafer, 1967, p. 77]. Вовлеченность евнухов в торговые дела была столь велика, что Абу Зайд называет их «правителями Гуанчжоу» наряду с официальными сановниками [Abu Zayd, 2017, p. 45–47].

Тем не менее импорт товаров в Китай морем представлялся иностранцам хорошо организованным, а режим торговли благоприятным. Это подтверждает описание того же Абу Зайда: «Как только морские купцы прибывают в гавань, китайцы берут на себя ответственность за их товар и перевозят его в склады, давая гарантию сохранности на срок до шести месяцев... Затем три десятых забирают натурой как пошлину, а остальное возвращается купцам. Если правителю нужен какой-то товар, он забирает и его, но дает высочайшую цену и платит немедленно, то есть не приносит убытка торговцу. К покупаемым товарам относятся камфара, стоящая пятьдесят *факкуджей* (*fakkūj*) за маунд[8], *факкудж* же равен тысяче медных монет. Та же самая камфара, если бы ее не купил правитель, стоила бы на открытом рынке лишь половину этой цены» [Abu Zayd, 2017, p. 45–47].

При этом китайские свидетельства того времени более критично настроены к местным властям и евнухам. Так, указ императора Вэньцзуна (文宗; 809–840, правил в 827–840 гг.) от 834 г. гласит: «Иностранные корабли из Южных морей прибывают из отдаленных стран, ожидая от нашего государства благожелательного отношения. Поэтому иностранцы должны, конечно же, получать добрый прием, чтобы они могли испытывать к нам благодарность. Мы слышим, напротив, что в последние годы местные власти склонны накладывать на них избыточные пошлины, и… в других странах раздаются голоса отторжения. Что и говорить: мы настаиваем на экономной жизни, полной воздержания. Зачем нам желать забавных иноземных вещиц? Мы испытываем глубокое сожаление, что иноземцы так огорчены, и даже чувствуем, что нынешний объем налогообложения для них слишком тяжел. Мы должны проявить к ним снисходительность, чтобы вызвать в этих народах добрые чувства. Иноземцам, живущим в Линнани[9], Фуцзяни и Янчжоу, наместники этих провинций обязаны предложить утешение и не должны налагать дополнительных поборов сверх установленных анкерных пошлин, дворцовых закупок и обычных подарков, позволяя им свободно заниматься торговлей»[10].

Обоснованные сомнения в том, что даже столь взвешенный взгляд на ситуацию из центра вряд ли мог заставить чиновников на «фронтире» брать под козырек, подтверждаются конкретными свидетельствами. Так, военный губернатор Линнани Ван Е (王鍔) «по прибытии торговых судов из западных и южных морей скупал все товары,

[8] Традиционная индийская мера веса, равная около 11,3 кг.

[9] Линнань (岭南) — историческое название юго-восточного Китая, областей нынешних провинций Гуандун, Гуанси и северного Вьетнама.

[10] Цит. по: [Jitsuzō, 1928, p. 13].

приносящие прибыль, за счет чего собственность его семьи превосходила официальную казну. Каждый день он посылал более десяти лодок, заполненных рогом, слоновой костью, жемчугом и раковинами, которые он покупал под видом казенного товара на протяжении всех сезонов без остановки» [ЦТШ, 1987, цз. 151, л. 4060].

Иностранцы, пускавшие корни в Кантоне, жили в специально отведенном для них квартале. Но вступавшие в смешанные браки мигранты отнюдь не были в восторге от жизни в гетто. В биографии того же бессовестного Ван Е говорится, что «гуанчжоуцы и иностранцы (*и-жэнь;* 夷人 — «восточные варвары») вместе обитали [в иностранном квартале]. [Но] по причине того, что земля была нехорошей, они стремились жить в окрестностях рынка на реке» [ЦТШ, 1987, цз. 151, л. 4060; СТШ, 1975, цз. 170, л. 5169].

Однако не все следовали примеру Ван Е. В «Цзю…» и «Синь Тан шу» содержится мало отличающаяся в деталях биография чиновника Люй Цзюня (盧鈞), прибывшего в Гуанчжоу на пост военного губернатора в 836 г., через поколение после Ван Е. Хроники рассказывают, что поначалу Люй покончил с коррупцией и правил по совести, чем быстро завоевал симпатию иностранных негоциантов. Но через некоторое время он счел ситуацию в Гуанчжоу неприемлемой: китайцы здесь жили бок о бок с иностранцами, были распространены смешанные браки, иноземцы скупали в окрестностях рисовые поля и строили дома, а при попытке начальства вмешаться смешанные сообщества единым фронтом поднимали восстания. Поэтому в ответ Люй ввел законы, принуждавшие иностранцев селиться отдельно в специальном «чужом» квартале (*и-чу*; 異處), и запретил им брать в жены китаянок (что не возбранялось на общегосударственном уровне[11]), приобретать землю и строить дома [ЦТШ, цз. 177, л. 4591–4592; СТШ, цз 182, л. 5367].

Гуанчжоу, 758 г.: «Я список кораблей прочел до половины»

Как следует из вышеописанного, ситуация в портовых областях Китая была далека от идиллической. В отличие от Янчжоу, речь о котором пойдет ниже, Гуанчжоу был далек от бушевавших восстаний, а основные чаяния центрального правительства фокусировались именно на возвращении столицы (при помощи тибетских и уйгурских войск). Поэтому и рейд арабо-персидских налетчиков в 758 г. не вызвал сколько-нибудь заметной реакции помимо кратких упоминаний в обеих «Тан шу».

В конце сентября 758 г., в первый год правления танского императора Суцзуна (肅宗) под девизом Цяньюань (乾元), на Гуанчжоу совершили налет сводные отряды персов и арабов. Согласно все тем же двум официальным хроникам, рейдеры разграбили город, сожгли склады и запасы и ушли назад морем [ЦТШ, 1987, цз. 15, л. 5313; СТШ, 1975, цз. 221, л. 6259]. «Цзю Тан шу» представляет нападавших как войска уже знакомых нам *даши* (大食; Аравии) и *босы* (波斯; Персии) и уточняет, что налет произошел, после того как градоначальник Вэй Лицзянь (韋利見) исчез в неизвестном направлении: "[Чиновники из] Гуанчжоу вспомнили, что солдаты из стран Аравии и

[11] Напротив, указ императора Тайцзуна (598–649) от 628 г. гласил, что всем иностранным послам разрешено жениться на китаянках (*хань фунюй*; 漢婦女), но нельзя увозить их с собой на родину [Ван Пу, 1968, цз. 100, л. 1796].

Персии осадили город, а… Вэй Лицзянь оставил город и скрылся» [ЦТШ, 1987, цз. 10, л. 253–254]. Из менее информативных анналов «Синь Тан шу» мы просто узнаем, что арабы и персы разграбили (*коу;* 寇) Гуанчжоу [СТШ, 1975, цз. 6, л. 161]. Далее источник уточняет, что в набеге (*си;* 襲) персы последовали за арабами [СТШ, 1975, цз. 15, л. 5313; цз. 221b, л. 6259]. Все записи сходятся на том, что это был именно набег, а не целенаправленный захват города.

Кем же были люди, в десятках тысяч километров от далекой родины сумевшие взять штурмом один из крупнейших городов танского Китая, пусть и ненадолго? Историки и источники видят в них, например, далекую проекцию недавно образованного Аббасидского халифата — предполагается, что халиф мог послать арабские войска в помощь проигравшему битву при Таласе Го Цзы-и (697–781), чтоб помочь подавить восстание в Центральной Азии, те же каким-то образом добрались до восточных берегов Китая; или побочный эффект увеличившейся торговой активности, последовавшей за конституированием Багдада как столицы халифата в 750 г. [ЦТШ, 1987, цз. 10, л. 253]. Оба эти предположения, однако, малообоснованны, ибо не отвечают на главный вопрос: каким образом агрессоры могли добраться до китайского побережья. Маловероятна и третья версия, предполагающая, что набег осуществили местные окитаившиеся иноземцы в рамках некоего городского бунта: рейд был именно целенаправленным грабежом, а не погромом. Эта версия полагает нападавших сообщниками оперировавшего с юга острова Хайнань независимого военачальника, пиратского главаря Фэн Жофана (馮若芳), баловавшегося захватом и порабощением персидских мореходов [Шефер, 1981, с. 31, прим. 77]. Однако неизвестные налетчики могли быть и простыми купцами, которых разъярили притеснения местных властей или другие несправедливости в отношении их «бизнеса» (отсюда поджоги складов). Этот инцидент представляет собой **первое** упоминание арабов в танских официальных источниках, некий флажок, отмечающий начало бурной и противоречивой эпохи грандиозного коммерческого обмена между странами Западной и Восточной Азии.

Впрочем, каким бы ни было происхождение налетчиков, рейд положил начало кризису, которому суждено было охватить торговлю в Гуанчжоу. Благословенные времена губернатора Ли Мяня (при котором количество кораблей доходило до сорока в год) были исключением из куда менее радужной закономерности, подтверждаемой, например, событиями 763 г., когда евнух, владевшей комиссией по морской торговле, избавился от военного губернатора провинции и отдал город на разграбление своим головорезам [Wang, 1958, p. 81]. Через десять лет, в 773 г., его преемника убил подчиненный офицер, после этого три года безраздельно хозяйничавший в городе. Порядок восстановили, лишь когда генерал Лу Сыгун (路嗣恭) во главе восьмитысячного отряда вернул Кантон под юрисдикцию центрального правительства и казнил 10 тысяч «друзей-предателей» самозванца. Не забыл генерал и о купеческом сообществе, повелев казнить членов экипажей торговых кораблей (*шанбо чжи ту*; 商舶之徒), помогавших бунтовщикам, и конфисковав оцененное в несколько миллионов связок монет имущество купцов (деньги эти генерал присвоил, а не отправил в столицу, чем вызвал недовольство императора, в наказание *никак не наградившего* победителя за военные успехи) [ЦТШ, 1987, цз. 122, л. 3500; СТШ, 1975, цз. 138, л. 4624; Wang, 1958, p. 81].

Совсем не удивительно, что подобные эксцессы не пошли на пользу реноме Гуанчжоу как порта, открытого иностранной торговле, в результате чего «центр силы» переместился в Аннань (Ханой), также входивший в тогдашние пределы империи и ставший любимым портом заморских купцов. В 792 г. последовала переписка между губернатором Гуанчжоу, просившим императора закрыть рынки Анняня и распорядиться вернуть торговлю в Кантон, и императором. Поначалу государь склонялся к тому, чтоб согласиться с инициативой губернатора, но под влиянием министра Лу Чжи (陸贄), сочинившего редкую для китайской государственной мысли оду свободной торговле, отказался дискриминировать «молодой» вьетнамский портовый город [ЦЧТЦ, 1956, цз. 234, л. 7532–7533]. Судьба Аннаньского порта того времени в подробностях неизвестна, но Гуанчжоу уцелел; как свидетельствует Абу Зайд, еще долгое время сохранялись и приумножались его доходы.

Затем случилась резня 879 г.

Янчжоу, 760 г.: «…по торговым он делам сюда приплыл, а не за этим»

Итак, времена поздней Тан в истории мусульманских сообществ в Китае выделяются особенным драматизмом. Мы имеем дело с тремя откровенно травматичными происшествиями: с описанным выше арабо-персидским рейдом в Гуанчжоу (758 г.), с резней персов и арабов, происшедшей в городе Янчжоу (до 625 г. — Гуанлин, 廣陵; в нынешней провинции Цзянсу, почти в 100 км к северо-востоку от Нанкина) в 760 г. и с крупномасштабным избиением мусульман, христиан и зороастрийцев в Гуанчжоу в 879 г. Несмотря на то, что ощутимой связи между событиями 758 и 760 гг. не наблюдается, оба они имели место во время знаменитого восстания генерала Ань Лушаня (安祿山; 703–757; в китайской историографии часто «Ань Ши»; 安史), сотрясавшего империю Тан с 755 по 763 гг. и представлявшего реальную угрозу обрушения династии. Конечно же, основной ареной восстания был север Китая, пик же пришелся на захват в 755 г. столицы — Чанъани — и на побег императора Сюаньцзуна (玄宗; 685–762; правил в 712–756 гг.) с двором в Сычуань. Эхо войны прокатилось по всей империи, с готовностью погрузившейся в хаос: восстание Ань Ши дало толчок множеству локальных выступлений, в особенности после убийства мятежного генерала, и все эти социальные встряски, конечно, не могли не ослабить центральное правительство и страну на всех мыслимых уровнях [Schafer, 1951, p. 403; Wang, 1958, p. 60; 124–127].

Резня в Янчжоу стала результатом описанного веера восстаний, ибо произошла, когда так называемые правительственные войска, высланные для подавления очередного возмущения, под руководством Лю Чжана (劉展) заняли Янчжоу и, захватывая город, устроили грабеж и резню персидских и арабских купцов [Peterson, 1979, p. 482; Chaffee, 2018, p. 31].

В четырех существующих отчетах, обнаруживаемых в биографиях двух танских военачальников, руководивших подавлением местного восстания, присутствуют заметные расхождения. В содержащейся как в «Старой», так и в «Новой истории [династии] Тан» биографии одного из них, Чжэн Цзиншаня (鄭景山), сказано, что «были убиты несколько тысяч арабских и персидских купцов» [ЦТШ, 1987, цз. 110,

л. 3313; СТШ, 1975, цз. 141, л. 4655; цз. 144, л. 4702]. В обеих же биографиях другого генерала — Ма Шэнгуна (馬神功) говорится, что погибли лишь персидские купцы [ЦТШ, 1987, цз. 141, л. 3533; СТШ, 1975, цз. 144, л. 4702]. Куда же подевались арабы? Судя по всему, источники отражают устоявшуюся особенность персидского сообщества Янчжоу, куда арабы добавились лишь незадолго до описываемых событий.

Как бы то ни было, в 760 г. выходцы из Ирана получили удар в самое сердце своего поселения. Однако уже в IX в. мы располагаем свидетельством о скромном продолжении существования персидского сообщества в Янчжоу. Японский буддийский монах Эньнин (или по-китайски «Юаньжэнь!; 圓仁), описывает в дневнике путешествие в Китай и сообщает, что в 839 г. «Персидское государство» (Босыго; 波斯國) пожертвовало 1 тысячу связок монет (из 10 тысяч необходимых) в ответ на официальную просьбу о выделении фондов на ремонт балкона в янчжоуском буддийском храме [Ennin, 1955, p. 69–70][12].

Итак, острие случившегося конфликта было направлено на иностранных торговцев. Войска, по замыслу призванные расправиться с повстанцами, вторгшись в процветающую торговую область, решили расправиться заодно и с пришельцами, виноватыми в двух неоспоримых прегрешениях: они были варварами и имели деньги. Но и у местных жителей был счет к «народам моря»: арабо-персидские купцы не просто развернули операции в торговых факториях вдоль всего Великого канала, но и стали доминировать в коммерческой деятельности этой важнейшей деловой артерии страны. Неудивительно, что местное население с готовностью присоединилось к избиению заморских гостей.

Гуанчжоу, 879 г.: «Столько мертвецов вне дома бросить могут только персы»

Прошло чуть более ста лет, и ситуация на Великом Канале постепенно вернулась к первоначальному состоянию. Разве что ренессанс коммерческой активности пришельцев с Ближнего Востока ассоциировался теперь с процветающим портом Гуанчжоу, но и тут снова задавали тон арабские и персидские торговцы, финансово господствовавшие в этом золотом регионе, издавна открытом заморским кораблям и экзотическим товарам.

Китайцы не без основания полагали, будто династию Тан ослабил наплыв иностранцев, но взгляд их был направлен не в ту сторону: гораздо большую опасность, чем купцы из Ирана и арабских стран, представляли другие по профессии выходцы из «варварских» народов. К ним относился и упоминавшийся Ань Лушань, согдиец по происхождению, и десяток других военачальников-тюрок, которых Тан использовала на высоких должностях региональных военных губернаторов-*цзедуши*, и тысячи их воинов — все они сыграли в истории династии приблизительно такую же роль, как Аттила и его гунны в судьбах Римской империи. Однако ксенофобия, безусловно, присутствовавшая в отношении всевластных согдийских и тюркских *цзедуши* и их конников, не имела простого насильственного выхода, в отличие от легко представлявшейся возможности тиранить мирных негоциантов.

[12] Использование японским монахом иероглифа 國 не должно нас смущать: речь, конечно же, не шла о «государстве» Иран, скорее всего, имелось в виду персидское «комьюнити» Янчжоу в целом.

Подобно 758 и 760 гг., резня снова пришлась на времена общенационального кризиса, вызванного восстаниями Ван Сяньчжи (王仙芝; восстание в 874–878 гг.) и Хуан Чао (黄巢; восстание в 878–884 гг.), вознамерившегося наконец-то отобрать у династии Тан Небесный мандат на правление. При этом Гуанчжоу стал чуть ли не случайной жертвой восставших: когда Хуан Чао приблизился к городу в начале лета 879 г., пройдя огнем и мечом весь Китай с севера на юг, его войска находились в конце долгого пути, и их преследовали превосходящие правительственные силы, в течение девяти месяцев гнавшие повстанцев на юг от Хэнани. После того как Ли Тяо (李迢), военный губернатор Гуанчжоу, отказался сдать город, Хуан взял Кантон приступом и пустил на поток и разграбление. Ворвавшись в город и заручившись поддержкой местного населения, головорезы Хуан Чао принялись грабить и убивать и истребили тысячи арабских, персидских, еврейских и зороастрийских (парсов и маздаистов) торговцев и христиан несторианского толка, успевших значительно обогатиться за годы торговых операций в процветающем портовом городе (см., например, [Кузнецов, 1996, с. 50]), попутно уничтожая их товары и имущество. Знакомый нам Абу Зайд Ас-Сирафи доводит количество уничтоженных в гуанчжоуской резне до 200 тысяч. Удивительно, что как «Старая», так и «Новая история [династии] Тан» умалчивают об этом кровопролитии, хотя и упоминают, что Хуан Чао занял Гуанчжоу в 978 г. и отступил оттуда на следующий год по причине эпидемии чумы [Shapiro, 2001, p. 8]. Судя по всему, риторика Хуан Чао снова совпала с популярными представлениями о том, что упадок Тан и сопутствующие невзгоды вызывались присутствием на китайской земле алчных иноземцев.

Записи об этих трагических событиях обнаруживаются всего у четырех средневековых арабских авторов, из них наиболее ценные свидетельства принадлежат перу Абу Зайда и Аль-Масуди (896–956). Документ Абу Зайда написан раньше (около 914 г.) и более подробен [Levy, 1961, p. 109–121]. Рассказав о Хуан Чао и причинах восстания, Абу Зайд продолжает: «Со временем, когда его военная мощь, размер войск и жажда власти выросли, он проследовал к великим городам Китая, среди которых оказался Ханьфу (Гуанчжоу. — *Д. Д.*): этот город — место прибытия арабских купцов, он лежит в нескольких днях пути от моря на большой реке, где течет пресная вода. Поначалу жители Ханьфу держались против него, но он обложил их длительной осадой, было это в 264 году [Хиджры], пока, наконец, не взял город и не предал его жителей мечу. Знатоки китайских дел сообщали, что число мусульман, евреев, христиан и зороастрийцев, вырезанных им, помимо местных китайцев, составило 120 тысяч; все они некогда поселились в этом городе и были в нем купцами. Сколько в этих четырех группах было жертв, известно только потому, что сами китайцы вели учет их количества. Хуан Чао также срубил все деревья в Ханьфу, включая тутовник (об этом дереве мы упоминаем отдельно, потому что китайцы используют его листья как фураж для шелковичного червя); в результате шелковичные черви погибли, а это уже привело к тому, что шелк пропал из арабских земель» [Abu Zayd, 2017, p. 67–69; Levy, 1961, p. 113–114].

Аль-Масуди пишет практически то же, но доводит количество погибших до «потрясающего количества» — 200 тысяч. Повторяет он и свидетельство об

уничтожении Хуан Чао шелковичных плантаций — мере, нацеленной на разрушение китайской торговли шелком с «мусульманскими странами»[13].

Большинство историков не подвергают сомнению число погибших, приведенное Абу Зайдом (120 тысяч), — возможно, потому что источник ссылается на китайский ценз. Однако и эта цифра, и еще большая цифра, приводимая Аль-Масуди, скорее всего, сильно завышены. Во-первых, ни из каких современных источников не следует, что в Гуанчжоу проживало в тот период такое количество переселенцев с Запада. Во-вторых, на рассматриваемом нами временном отрезке подобные цифры сопоставимы с населением крупнейших мировых городов. В-третьих, единственная доступная нам статистика танского периода — упомянутое выше вековой давности свидетельство о ежегодном прибытии в Гуанчжоу сорока кораблей (что, как мы указывали, было скорее исключением из правила). Даже если прибавить к количеству людей, приплывавших на этих сорока кораблях, некоторое количество мигрантов, пустивших корни в Китае и проживавших в соответствующих кварталах, набрать из них 120–200 тысяч достаточно сложно.

Сказанное отнюдь не отменяет грандиозного размаха трагедии, случившейся по (не)милости Хуан Чао и его головорезов. Абу Зайд описывает, что китайские власти безуспешно обратились за помощью в подавлении восстания к правителю тюрок Тагазгазу, и вновь возвращается к проблемам международной торговли «Тогда [китайцы] протянули руки… чтобы притеснять тех [иностранных] купцов, которые совершали путешествия, чтобы с ними торговать. И в этом была тирания и насилие по отношению к арабским капитанам и владельцам судов. Они принудили купцов [делать вещи], не предполагавшиеся [законом], и насильно лишили их имущества. Они узаконили то, что до сих пор не разрешалось в рамках их деятельности. Тогда Бог, да возвеличится имя Его, полностью лишил их своего благословения. И море отказало в своих берегах [путешественникам], и по повелению Всемогущего, да будет благословенно имя Его, запустение постигло капитанов кораблей и водителей [купеческих отрядов до] Ширафа[14] и Омана» [Levy, 1961, p. 115].

Заключение: «мы, оглядываясь, видим лишь руины»

Итак, мы не располагаем возможностью соотнести показания арабских источников с показаниями источников китайских. Однако первых достаточно, чтобы сполна осознать чувства ужаса и утраты (в том числе материальной, весьма ощутимой для торгового человека), испытанные заморскими купцами. В результате трагедии и арабо-персидские, и многие другие негоцианты перенесли свои торговые операции в порты Юго-Восточной Азии. Избиение арабских купцов положило начало долгому переходному периоду, в результате которого статус и форма мусульманских сообществ в Китае решительно переформулировались, породив совершенно иные практики и параметры существования. Торговля из Передней Азии снова вернулась на

[13] Абуль-Хасан Али ибн аль-Хусейн аль-Масуди. Золотые копи и россыпи самоцветов (*Muruj al-dhahab wa-ma'adin al-jawahir)*. Vol. I. P. 302–305. Цит. по: [Schottenhammer, 2016, p. 135–136].

[14] Шираф, или Сираф — несуществующий ныне порт в Иране в 200 км к югу от Шираза. См. [Шефер, 1981, с. 26; Whitehouse, 1970, p. 141–158].

многоступенчатые сухопутные маршруты, количество кораблей, пересекавших моря, чтобы достичь берегов Китая, практически сошло на нет.

Роль купцов из Западной Азии в период Тан в целом представляется совершенно особой. Будучи основными посредниками в приносящей огромные выгоды торговле, поставлявшей на китайский рынок (в особенности ко двору) основные экспортные предметы роскоши и поддерживая спрос на китайский фарфор и керамику, они до поры пользовались достаточно благосклонным отношением правительства, что предоставило им возможность осесть в Гуанчжоу и процветать не только там, но и в городах вроде Янчжоу. Однако это процветание всегда было в заложниках у волюнтаризма и коррумпированности местных сановников, и зачастую иноземные коммерсанты становились объектами (а порой и проводниками) насилия со стороны тех или иных вооруженных отрядов, к которым было не прочь примкнуть и местное население. Корни подобной ситуации были и во «фронтирном», полуколониальном статусе Кантона в рамках империи Тан: с одной стороны здесь бесчинствовали представлявшие императорский дом евнухи, главные потребители импортных предметов роскоши, с другой — велика была вероятность военизированных эксцессов, метастазов как антиправительственных восстаний, так и перегибов в реакциях на них.

Как видно, антипатия, вызванная богатством и инакостью многочисленных торговцев из-за моря, оставалась одним из решающих факторов; каким бы поликультурным ни был ландшафт портовых городов южного Китая, ксенофобии и неприязни к «варварам» он не отменял, а, наоборот, упрощал выбор жертвы при любом мощном возмущении, неизбежно сопровождающем цепь событий, ведущих к закату династии и грядущей передаче Небесного мандата. Но экстраполировать описанную ситуацию на всю историю приморской торговли средневекового Китая и тем более на всю китайскую историю, сколь бы она ни была полна насилия и драматизма[15], не стоит: ситуации, возникавшие на закате Тан, в последовавший период династии Сун (960–1279) уже не воспроизводились, и побережья Китая уже не видели подобных вспышек насилия против иностранных купцов.

Литература / References

Ван Пу. *Тан хуэйяо* (唐會要; *Собрание важнейших сведений о [династии] Тан*). Тайбэй, 1968 [*Tang huiyao* (Institutional History of Tang *Dynasty*). Taibei, 1968 (in Chinese)].

Дубровская Д. В. *Судьба Синьцзяна. Обретение Китаем «Новой границы» в конце XIX в.* М., 1998 [Dubrovskaya D. V. *The Destiny of Xinjiang. China Acquires the "New Frontier" at the End of the 19th Century*. Moscow, 1998 (in Russian)].

Камалов А. *Тюрки и иранцы в Танской империи*. Алматы, 2017 [Kamalov A. *Turks and Iranians in the Tang Empire*. Almaty, 2017 (in Russian)].

[15] Как это делал, например, в 1869 г. некий «мистер Нолтон» (Knowlton), в письме в журнал *The Missionary Magazine*, писавший, что: «иностранцы селились в Китае в разное время, но *прожив там некоторое время, становились жертвами резни* (курсив наш. — *Д. Д.*). Так, мусульмане и другие [представители иных конфессий] поселились в Кантоне в IX в., а в 880 г., по сообщениям, были вырезаны 120 тысяч иностранных поселенцев» [Eastern China Mission, 1869, p. 385].

Кузнецов В. С. *Ислам в политической истории Китая.* Ч. 1. *VIII в. — 60-е гг. XIX в.* М., 1996 [Kuznetsov V. C. *Islam in the Political History of China.* Part 1. *8th C. — the 60th of the 19th C.* Moscow, 1996 (in Russian)].

СТШ — *Синь Тан шу* (新唐書; Новая история династии Тан). Сост. Оуян Сю (歐陽修). Beijing, 1975 [*Xin Tang Shu (New History of the Tang Dynasty).* Ouyang Xu (Comp.). Beijing, 1975 (in Chinese)].

ЦТШ — *Цзю Тан шу* (舊唐書; *Старая история династии Тан*). Сост. Лю Сюй (劉煦) et al. Beijing, 1987 [*Jiu Tang Shu. Old History of the Tang Dynasty.* Liu Xu et al (comp.) Beijing, 1987 (in Chinese)].

ЦЧТЦ — *Цзычжи тунцзянь* (資治通鑒; *Всеобщее зерцало, управлению помогающее*). Сост. Сыма Гуан (司馬光). Пекин, 1956 [*Zizhi Tongjian*; *Comprehensive Mirror in Aid of Governance.* Sima Guang (Comp.). Beijing, 1956 (in Chinese)].

Шефер Э. *Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан.* М., 1981 [Schafer E. *The Golden Peaches of Smarkand.* Moscow, 1981 (in Russian)].

Abramson M. S. *Ethnic Identity in Tang China.* Philadelphia, 2008.

Abu Zayd al-Sirafi. *Accounts of China and India.* Ed. and tr. byT. Mackintosh-Smith. New York, 2017.

Bulliet R. W. *Conversion to Islam in the Medieval Period: An Essay in Quantitative History.* Cambridge, London, 1979.

Chaffee J. W. *The Muslim Merchants of Premodern China. The History of a Maritime Asian Trade Diaspora, 750–1400.* Cambridge, 2018.

Dillon M. *China's Muslim Hui Community: Migration, Settlement and Sects.* London, 2013.

Eastern China Mission. Letter from Mr Knowlton. *The Missionary Magazine.* 1869. 49. Pp. 384–387.

Ennin. *Ennin's Diary: The Record of a Pilgrimage to China in Search of the Law.* Reischauer E. O. (trans). New York, 1955.

Flecker M. A Ninth-Century Arab or Indian Shipwreck in Indonesian Waters. *International Journal of Nautical Archaeology.* 2000. 29. Pp. 199–217.

Guy J. The Phanom Surin Shipwreck, a Phalavi Inscription, and Their Significance for the History of Early Lower Central Thailand. *Journal of the Siam Society.* 2017. 105. Pp. 179–196.

Hall K. R. *Maritime Trade and State Development in Early Southeast.* Honolulu, 1985.

Hasan H. *A History of Persian Navigation.* London, 1928.

Israeli R. *Islam in China.* Washington, 2002.

Jitsuzō K. On P'u Shou-keng, a Man of the Western Regions, Who was the Superintendent of the Trading Ships' Office in Ch'üan-chou towards the End of the Sung Dynasty. *Memoirs of the Research Department of the Tōyō Bunko.* 1928. 2. Pp. 1–79.

Levy H. S. *Biography of Huang Ch'ao.* Oakland, 1961.

Manguin P.-Y. Trading Ships of the South China Sea. *Journal of the Economic and Social History of the Orient.* 1993. Aug. Pp. 253–280.

Mi Shoujiang, You Jia. *Islam in China.* Beijing, 2004.

Peterson Ch. A. Court and Province in Mid- and Late T'ang. D. Twitchett (ed.). *The Cambridge History of China.* Vol. 3. *Sui and T'ang China, 589–906.* Part 1. Cambridge, 1979. Pp. 468–486.

Schafer E. Iranian Merchants in Tang Dynasty Tales. *Semitic and Oriental Studies: A Volume Presented to William Popper.* Vol. XI. Berkeley, 1951. Pp. 403–422.

Schafer E. *The Vermilion Bird: T'ang Images of the South.* Berkeley, 1967.

Schottenhammer A. Guangzhou as China's Gate to the Indian Ocean: The Importance of Iranian and Arab Merchant Networks for Long-Distance Maritime Trade during the Tang-Song Transition (c. 750–1050). Part 1: 750–c. 900). *Harvard Journal of Asiatic Studies.* 2016. 76. Pp. 135–179.

Shapiro S. (ed.). *Jews in old China: Studies by Chinese Scholars.* New York, 2001.

Wang Gungwu. The Nanhai Trade: A Study of the Early History of Chinese Trade in the South China Sea. *Journal of the Malayan Branch of the Royal Asiatic Society.* 1958. 31(2). Pp. 1–135.

Wang Zhenping. T'ang Maritime Trade Administration. *Asia Major*. 1991. 4.1. Pp. 25–37.
Whitehouse D. Siraf: A Medieval City on the Persian Coast. *Archaeology*. 1970. 2. Pp. 141–158.
Xue Zongzheng (薛宗正). *История тюрок* (*Туцзюэ-ши;* 突厥史). Пекин, 1992 [Xue Zongzheng. *The History of Turks*. Beijing, 1992 (in Chinese)].
Zhang Guangda (張廣達. "Dashi (大食)" in Zhongguo da baike quanshu (中國大百科全書). *Zhongguo lishi* (中國歷史). Vol. 1. Beijing – Shanghai, 1992). Pp. 140–154

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ду Ю (杜佑). *Тундянь* (通典; «Свод сочинений обо всем»). Цз. 193. URL: https://zh.wikisource.org/wiki/通典/卷 193 (дата обращения 08.05.2020).
A visit to the Phanom Surin Shipwreck site, Samut Sakorn Province. *SEAArch (Southeast Asian Archaeology)*. URL: https://www.southeastasianarchaeology.com/2015/03/16/a-visit-to-the-phanom-surin-shipwreck-site-samut-sakorn-province/ (дата обращения 09.05.2020).
Jobrani M. Persian Cat. *Youtube*. URL: http://www.youtube.com/watch?v=WwHOBJoASsM (дата обращения 09.05.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-96-108

МЕЖДУ *ДЖИНН* И *ШАЙА̄ТИН*: НЕДОСКАЗАННОЕ

© 2020 **В. А. Матросов, М. В. Кривошеева**[*]

В рамках арабской демонологии обычно различаются два класса сверхъестественных существ — джинны и шайтаны. Джинны рождены из чистого пламени, они разумны, невидимы (когда захотят) и отличаются схожей с человеком натурой, обладая возможностью выбора между добром и злом. Шайтаны, порождения коптящего дыма, неразумны, отвратительны с виду и не способны творить добрые поступки. Казалось бы, такое логичное разделение позволит развести в разные категории всю нечисть, ставшую порождением доисламского бедуинского фольклора. Однако оставалось множество существ, которые могли быть отнесены и в ту, и в другую категорию, исходя из разных критериев. В XIII в. Закария аль-Казвини выделил шесть из них в особую прослойку — *муташайтина*, то есть, «ведущие себя подобно шайтанам». Несмотря на краткость изложения, посвященного *муташайтина* раздела в его космографии «Чудеса творений» достаточно, чтобы получить представление о некоторых общих принципах выделения этих существ в целый биологический класс. Данное исследование посвящено характеристике *муташайтина*; помимо выделенной аль-Казвини «шестерки» затрагиваются сведения и о других подобных существах. Основной фокус делается на критериях, позволяющих выделить, что в них от шайтанов, а что — от джиннов; это позволяет, в конце концов, определить специфические черты, присущие *муташайтина* как классу. Кроме того, в статье приводится полный перевод соответствующего отрывка «Чудес творений» аль-Казвини, давая читателю возможность прикоснуться к жизни удивительных созданий, «ведущих себя подобно шайтанам».

Ключевые слова: арабская демонология, бедуинская мифология, исламская космография, джинны, шайтаны, ислам, Закария аль-Казвини.

Для цитирования: Матросов В. А., Кривошеева М. В. Между *джинн* и *шайа̄т̄ӣн*: недосказанное. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 96–108. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-96-108

THE UNSAID: BETWEEN THE *DJINN* AND THE *SHAYĀTĪN*

Valeriy A. Matrosov, Mariia V. Krivosheeva

Arabic demonology usually divides supernatural demonic creatures into two categories: genies and shaitans. Genies are born from pure flame, they are capable of reason, remain invisible if they wish,

[*] Валерий Анатольевич МАТРОСОВ, преподаватель Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ и Восточного факультета ГАУГН, Москва; vam_179@mail.ru

Valeriy A. MATROSOV, Lecturer of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics" and Faculty of Oriental Studies, State Academic University for the Humanities, Moscow; vam_179@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3316-0444

Мария Васильевна КРИВОШЕЕВА, студентка Школы востоковедения факультета мировой экономики и мировой политики НИУ ВШЭ, Москва; krivvosh@mail.ru

Mariia V. KRIVOSHEEVA, Student of the School of Asian Studies, Faculty of World Economy and International Affairs, National Research University "Higher School of Economics", Moscow; krivvosh@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7505-0470

and by nature seem to be very close to humankind, as they possess the freedom to choose between good and evil. Shaitans, on the other hand, are mindless spawn of sooty smoke, described as incredibly ugly and incapable of virtuous deeds. This typology seems to allow us to categorise rather neatly all the wondrous creatures of Bedouin pre-Islamic folklore, but there remained many beings that could be assigned to both categories based on different criteria. In the 13th century Zakariya al-Qazwini joined six such creatures in a new branch that he called *mutashaitina*, meaning "those that act like shaitans". Although the part dedicated to *mutashaitina* in his treatise "The Wonders of Creation" is rather laconic, it is enough to extract some understanding of the common principles that put them in the same biological class. This research is devoted to the specific features of the *mutashaitina*; and, besides the six creatures distinguished by al-Qazwini, touches upon information about similar beings. The focus is mainly on the criteria peculiar to genies or shaitans, which in the end allows to discern the specific characteristics of the *mutashaitina*. The article also contains a full translation of the relevant passage from al-Qazwini's "The Wonders of Creation", providing the reader with the possibility to get in touch with the life of the wonderful creatures that "act like shaitans".

Keywords: Arabic demonology, Bedouin mythology, Islamic cosmography, Djinn, Shaitans, Islam, Zakariya al-Qazwini.

For citation: Matrosov V. A., Krivosheeva M. V. The Unsaid: Between the Djinn and the Shayātīn. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 96–108. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-96-108

С давних пор в среде арабских племен складывались легенды и предания, персонажами которых оказывались не только люди, но и демонические существа. Джинны, шайтаны и всевозможные формы нечисти представляли собой часть повседневной реальности и впоследствии перекочевали из фольклора в поэзию, научную и богословскую литературу. Некоторые из них были даже увековечены в Коране и хадисах.

Однако священные тексты, на которых базируется доктрина ислама, подтверждали существование далеко не всех мифических тварей. Они канонизировали классы *джинн* и *шайāтӣн* (далее — джинны и шайтаны, т. к. термины устоялись в русском языке), но последующее развитие коранической традиции и различных жанров литературно-научного характера, направленных на пояснение изложенных в Коране и сунне реалий, повлекло закрепление за джиннами и шайтанами четких критериев.

При этом остались существа, не вписавшиеся в классификацию — по одним критериям они оказывались ближе к джиннам, по другим к шайтанам, а по третьим — и вовсе к животным или людям. Самым известным из них стал *гӯль*, существование которого отрицалось религиозной доктриной (согласно хадисам, пророк Мухаммад прямо говорил, что *гӯль* не существует), но несмотря на это, он не только прочно закрепился в сознании арабов, но и вместе с сопутствующими легендами вышел за пределы региона. Что касается арабского общества, то *гӯль* встречается, например, у публицистов, которые сравнивают его облик с образом государства, пугающего их не меньше, чем в детстве — сказки о страшных обитателях пустыни[1]. В свою очередь, в масштабах мировой массовой культуры, *гӯля* можно встретить и в курганах в «Хрониках Нарнии» Льюиса, и даже на чердаке семейства Уизли из «Гарри Поттера», не говоря уже о фильмах ужасов и компьютерных играх. И хотя другие демонические создания

[1] Shukri M. *Dhikra sura wa hatira*, 2015. URL: http://www.oujdacity.net/national-article-101160-ar/ذكرى-صورة-و-خاطرة.html (дата обращения 30.04.2020).

оказались не столь популярны, чтобы выйти за пределы арабской культуры, они оставили свой след в фольклоре, письменной литературной традиции и, наконец, в самом менталитете ближневосточных народов.

Пытаясь в далеком XIII в. решить дилемму о том, как поступить с подобными тварями, арабо-персидский ученый Закария аль-Казвини (1203–1283), излагая свое видение мира в космографии «Чудеса творений и диковинки существующего» (*‘Аджа̄’иб аль-махлӯка̄т уа-гара̄’иб аль-мауджӯда̄т*, зачастую несправедливо воспринимаемом как набор небылиц, хотя по сути, он представляет собой колоссальный научный труд), обособил между джиннами и животными новую прослойку — *муташайтина*. Туда вошли шесть созданий: *гӯль*, *си‘ла̄*, *шикк*, *гадда̄р*, *дильха̄с* и *музхаб*. Несмотря на явные различия не просто в облике и повадках, но и в самой природе этих созданий, их объединяет несколько черт, к выделению которых будет подведена данная работа.

Само слово «*муташайтина*» по модели построения должно обозначать «подобные шайтану», «ведущие себя, подобно шайтану» или «принимающие природу шайтана, *шайтанизирующиеся*». Помимо обозначенных шести существ, к этой категории можно было бы отнести еще несколько созданий, и в рамках данной работы будет дана очень беглая характеристика *кутруба*, *насна̄с* (собирательное, не склоняется), *сатӣха*, базовые сведения о которых были почерпнуты из других источников, и, в первую очередь, «Большая книга о жизни животных» египетского энциклопедиста Камаль ад-Дина ад-Дамири (1341–1405), однако подобная классификация достаточно сложна, и основной фокус по-прежнему сохранится на «казвиниевской шестерке».

Таким образом, основной задачей настоящего небольшого исследования ставится определение новой группы существ в рамках исламской демонологии — отрасли, изучению которой в отечественной науке отводится меньше места и внимания, чем она того заслуживает. Но прежде чем перейти непосредственно к тексту аль-Казвини и к описанию характеристик упомянутых существ, необходимо поставить два предварительных вопроса. Во-первых: не придумал ли аль-Казвини *муташайтина* с нуля, а арабская научная традиция до него их не зафиксировала? Во-вторых: каковы определяющие различие джиннов и шайтанов критерии, в которые не вписываются *муташайтина*?

Муташайтина **в арабской науке**

Даже если опустить область художественной литературы — например, творчество доисламского поэта Та’аббата Шарран, получившего свое имя (букв., «Нес зло под мышкой») за то, что, выхватив (из-под мышки?) меч, зарубил злого *гӯля*, или же злую *гӯль* (но о вопросе гендера чуть ниже), — и не учитывать колоссальный пласт народного творчества, начиная со знаменитого свода «1001 ночь», окажется, что *муташайтина* упоминались и в трудах вполне серьезного, научного характера[2].

Острее всего стоял «гендерный» вопрос: так, *гӯль* фигурирует в творчестве великого ученого и популяризатора Абу ‘Усмана аль-Джахиза (ум. 869), причем в качестве существа женского рода. Эту мысль позднее развил в «Книге о мужском и женском роде» лексикограф Са‘ид б. Ибрахим ат-Тастури (ум. 971), он же добавил, что *гӯль* — это джинн.

[2] Подробнее об историографии вопроса см.: [Al-Rawi, 2009a, p. 292–298].

Здесь надо сделать обещанную оговорку касательно гендера. Слово «*гӯль*» (غول) может восприниматься и как имя единственного числа, и как имя собирательное. В первом случае его принадлежность к категории женского рода существенна, поскольку формальных родовых показателей в этом слове нет — собственно, это и предопределяет то, что интерес ранних ученых затрагивал, в первую очередь, вопрос пола. Во втором случае, обозначение *гӯля* как слова исключительно женского рода прямо указывает на его природу: в арабском языке собирательные и множественные имена согласуются только по формам женского рода, если под ними подразумеваются неразумные объекты. При этом к «разумным» относятся три категории: ангелы, джинны и люди [Ислам, 1991, с. 66], и попытка однозначного присуждения слову «*гӯль*», если его считать собирательным, гендерного ярлыка, может означать либо что эти существа представлены лишь особями женского пола, либо что это никакие не джинны, поскольку не относятся к разумным объектам.

Так или иначе, в случае *гӯля* именно вопрос пола определял его вовлеченность в научную традицию: так, незадолго до ат-Тастури, филолог Абу Бакр б. Дурайд (ум. 933) утверждал, что те могут быть и мужского, и женского рода, а младший современник ат-Тастури, Абу-ль-Вафа’ аль-Бузджани (ум. 988) относил к *гӯлям* только особи мужского пола, тогда как женских — сугубо к *си‘ла̄* [Al-Rawi, 2009a, p. 292]. Последнее примечательно уже в силу того, что Абу-ль-Вафа’ был скорее математиком, чем филологом.

В XI–XII вв. в арабской науке сместились акценты, и *муташайтина* стали (помимо отрывочных упоминаний, например, о том, что некий человек был рожден от союза женщины и *шикка*) фигурировать в географических и исторических трудах, а позднее в космографиях, словарях и энциклопедиях. Тяга к отражению картины мира во всех подробностях, проявившаяся еще в творчестве аль-Джахиза и достигшая апогея к XIII–XIV вв., когда эпоха накопления знаний сменилась этапом их систематизации и переработки, привела *муташайтина* на страницы трактатов аль-Казвини и ад-Дамири, где им была дана самая внятная характеристика. Примерно в то же время появляются и крупнейшие работы по природе джиннов и шайтанов, например, «Россыпи жемчуга в учении о джиннах» Бадр ад-Дина аш-Шибли (ум. 1367/68), однако попытки ввязать *муташайтина* в эти работы не происходило. Чтобы понять, что выделяет их среди джиннов и шайтанов, необходимо кратко охарактеризовать эти две категории существ.

Коротко о разнице между *джинн* и *шайа̄тин*

Джинны и шайтаны прочно закрепились в верованиях арабов задолго до прихода ислама. Они формировали то, что применительно к мифологиям традиционных обществ обычно называют «миром духов» (*илл. 1*); после же «переселения» в мусульманскую традицию эти сущности разошлись на две отдельные категории.

Наряду с ангелами и людьми джинны являются разумными существами, сотворенными Аллахом из чистого пламени [Ислам, 1991, с. 66]. Как и люди, они обладают категорией души (*нафс*), что позволяет им выбирать между добром и злом, между правильными и неправильными поступками: словом, они могут встать на праведный путь, или же отречься от Всевышнего [Налич, 2002, с. 227]. Обитая рядом с людьми, джинны остаются невидимыми для них и формируют нечто вроде

Илл. 1. Мир духов («Книга чудес», рукопись XV в.) (по: *Makhtut Kitab al-Bulhan*. URL: https://dlscrib.com/queue/jinns-arabic-demonology_58aca7576454a71057b1e974_pdf?queue_id=596c6b3fdc0d609826a88e76 (дата обращения 11.05.2020))

«параллельного мира». Сам исходный глагол *джанна*, от которого образован термин, означает «скрывать, покрывать», и джинн является человеку только тогда, когда сам этого захочет, зато и сам выбирает себе облик и может изменять его[3]. Кроме того, джинны способны предсказывать будущее, периодически допуская «утечку информации»: нашептывают колдунам и прорицателям из рода человеческого прогноз грядущих событий, при этом ничего не перевирая [Налич, 2002, с. 186].

Шайтаны — категория сугубо злых духов, сотворенных из коптящего дыма, они относятся враждебно как к Аллаху, так и ко всем людям, стремясь улучить любой удобный момент, чтобы устроить человеку какую-нибудь каверзу [Ислам, 1991, с. 289]. Коран подтверждает (2:102), что это неверные создания, причем на основе этого утверждения, арабы порой обозначали термином *шайа̄т̣ӣн* (множественное число для шайтана) «любое существо из числа людей, джиннов или животных, не покорившееся Аллаху», тем самым расширяя границы семантики термина [Al-Firuzabadi, 2005, p. 1209].

Будучи сугубо отрицательными созданиями, шайтаны относятся к неразумным существам. Все согласования с множественным числом *шайа̄т̣ӣн* в арабских текстах имеют форму женского рода. При этом, многие их повадки напоминают человеческие — так, шайтаны, совсем как люди, живут в домах и даже передвигаются на верблюдах[4].

Правда, остальное в них отвратительно — начиная с внешнего обличья и заканчивая привычкой сбивать людей с пути посреди пустынь, выискивая своих жертв после захода солнца[5]. С учетом того, что по ночам шайтаны гуляют на свободе, следует запирать все двери — злобные твари не смогут их открыть[6].

---

[3] Sahih al-Bukhari. Hadith 3423. URL: https://sunnah.com/bukhari/60 (дата обращения: 30.04.2020).
[4] Sunan Abi Dawud. Hadith 2658. URL: https://sunnah.com/abudawud/15 (дата обращения 30.04.2020).
[5] Sahih Muslim. Hadith 2013. URL: https://sunnah.com/muslim/36 (дата обращения 30.04.2020).
[6] Sahih al-Bukhari. Hadith 3280, 3304. URL: https://sunnah.com/bukhari/59 (дата обращения 30.04.2020).

Упоминание внешнего облика не случайно: в отличие от джиннов, шайтаны видны человеческому глазу (и здесь очень важно не путать шайтанов в их узком, демоническом, значении, с шайтанами в значении «всякой не покорившейся Аллаху злой нечисти»: в последнюю входят и невидимые джинны). Еще одним важным отличием является то, что шайтаны перевирают предсказания[7] — правда, они сами не обладают способностью предвидеть будущее, но подслушивают беседующих на небесах ангелов, за что однажды и поплатились: были опалены огнем и низвергнуты с небес.

Если резюмировать вышесказанное, основных различий между джиннами и шайтанами четыре: джинны разумны, невидимы, могут быть как праведными, так и неправедными, не перевирают предсказания, шайтаны же оказываются неразумными, видимыми, сугубо отрицательными; передавая людям прорицания, они всегда врут.

Муташайтина у аль-Казвини

Аль-Казвини помещает *муташайтина* между джиннами и животными, выделяя для них среди творений Аллаха целый класс. Примечательно, во-первых, что он вовсе не выделяет шайтанов как таковых, а во-вторых, что несмотря на компиляционный характер, текст аль-Казвини лаконичен и достаточно четок — по крайней мере, по сравнению, например, с более поздними описаниями ад-Дамири.

Ниже приводится полный перевод соответствующего раздела, а после перевода будет дана попытка на основе данного текста и ряда других источников сделать вывод о природе каждого из существ [Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie*, 1848, p. 370–371].

Раздел, [в котором содержится] упоминание некоторых *муташайтина*. Самый известный из них — *гӯль*. Считалось, что *гӯль* — это необычное изувеченное животное, над которым не властна [сама] природа. Он живет в одиночку, не может быть приручен, ведет дикий образ жизни и держится пустыни. *Гӯль* родствен как человеку, так и зверю. Он предстает перед теми, кто путешествует в одиночку в ночи, и, представляясь [издали] человеком, сбивает путника с дороги. Некоторые говорили, что шайтаны, пожелав подслушать [ангелов], были поражены небесным огнем. Одни были опалены, другие упали в море и превратились в крокодилов, третьи упали на сушу и стали *гӯлями*. Аль-Джахиз говорил, что *гӯли* — из числа джиннов, они предстают перед путниками в разных образах и обличьях. Ка‘аб б. Зухайр сказал:

«Все, что ни происходит [в этом мире], // так же изменчиво, как облик *гуля*».

[Также] среди них *си‘ла̄*; это [тоже] *муташайтина*, но она отлична от *гуля*.

‘Убайд б. Айюб сказал:

Она смотрела на меня с такой издевкой, будто ее глаза //
Высмотрели ужас, с которым я столкнулся, но скрыл его, —
[И который, даже когда] я боролся с *си‘ла̄* и *гӯлем* в пустыне //
И [наступала] ночь, таившая во [тьме] джиннов, я открыто выказывал.

Чаще всего *си‘ла̄* водится в кустах, где поджидает человека, а [затем] вовлекает его в танец, играя с ним, будто кошка с мышкой. Я знал одного человека из земель *Асфахӯд*,

[7] Sahih al-Bukhari. Hadith 3288. URL: https://sunnah.com/bukhari/59 (дата обращения 30.04.2020).

он упоминал, что в их краях таких [тварей] — множество. Говорили также, что волк, изловив в ночи *си‘ла̄*, ест ее, и когда он жует ее, то она кричит: «Помогите мне, меня ест волк!», а иногда: «Кто спасет меня, тот заберет сотню динаров, что со мной!». Но люди знают, что это кричит *си‘ла̄*, поэтому никто не спасает ее, и волк пожирает ее.

[Также] среди них есть *гаддā̄р*. Он — из *муташайтина*, и он обитает в йеменских краях, а иногда [попадается] в солончаках и холмах Египта. Он преследует человека, подзывает его к себе, а потом набрасывается на него, и то, удается ли ему совокупиться с человеком, зависит, как говорят жители тех мест, от того, девственник тот или нет. Если нет, то [для человека] тем хуже, поскольку половой орган [*гадда̄ра*] подобен рогу быка, и он убивает человека, вспарывая его изнутри. Если же тот чист, то [*гадда̄р*] смиряется и отдается человеку, но тот, увидев это, валится на землю в обмороке. Может быть и так, что [*гадда̄р*] не овладевает [человеком], если тот храбр.

[Также] среди них есть *дильха̄с*, это еще одна разновидность *муташайтина*, он водится на морских островах, имеет человечий облик, ездит верхом на страусе и ест мясо людей, выброшенных морем. Некоторые упоминали, что *дильха̄с* может вынырнуть прямо перед лодками на море, и когда хочет схватить [лодочников], а те отбиваются, он оглушительно ревет им прямо в лицо, а затем утаскивает.

[Также] среди них есть *шикк*; это еще одна разновидность *муташайтина*, он похож на половину человека. Полагали, что *насна̄с* сочетает в себе [черты] *шикка* и человека. Они [т. е., *шикки*] появляются перед человеком во время путешествия[8].

Так, упоминалось, что ‘Алькама б. Сафван б. Умаййя отправился однажды ночью в путь и оказался в месте, известном как Хуман. Вдруг перед ним возник *шикк* и сказал: «‘Алькама, поистине, я убит, и мое мясо изъедено; я рублю мечом, и когда взошел месяц, был убит один парень». ‘Алькама ответил: «Скажи мне, какое нам дело друг до друга? Убери свой меч: он [может] убить лишь того, кто не [может] убить тебя». *Шикк* сказал ему: «Вот же тебе! Прими то, что для тебя предрешено». Каждый из них ударил другого и оба упали замертво. Хорошо известно, что ‘Алькама был убит *джинном*, а Аллах лучше знает.

[Также] среди них есть *музхаб*; некоторые из подвижников упоминали, что есть у них такой *шайтан*, которого они называют *музхаб*, и он прислуживает им и творит для них чудеса. Упоминалось, что у некоторых подвижников поселился гость и прожил у них несколько дней. В одной из келий он не встречал никого из людей, однако видел каждую ночь перед рассветом, как в ней загорались светильники и лампы и появлялся стол с едой. Гость подивился этому и спросил [об этом] подвижника. Тот попытался уклониться от ответа, но гость настоял на своем, и он сказал: «Знай, что так происходит уже некоторое время, и это — от *шайтана*, который желает, чтобы я чествовал его; но я знаю с самого начала, что *это* от *шайтана*, когда зажигается светильник и появляется еда».

А Аллах лучше знает.

«Настоящие» *муташайтина*

По крайней мере, две твари из шести описанных выше действительно скорее попадают под категорию «подобных шайтану»: это *гӯль* и *си‘ла̄*.

[8] См. о *наснас* подробнее в: [Кривошеева, Матросов, 2020].

Гӯль — существо неразумное, что следует из грамматических особенностей использования его множественного (*гӣлāн*) числа и имени собирательного [Al-Farahidi, 2003, p. 295]. Кроме того, точно известно, что он видим человеку: правда, с оговоркой, что он не только уродлив (*илл. 2*), но и способен бесконечно менять обличье [Al-Rawi, 2009a, p. 295]. Возможное описание *гӯля*, восстановленное по стихотворению уже упомянутого Та'аббата Шарран[9] и другим авторам, непритязательно.

Илл. 2. Халиф ʻАли сражает *гӯля* (современная обработка иранской лубочной картинки) (по: Shukri M. *Dhikrā sūra wa hātira*. 2015. URL: http://www.oujdacity.net/national-article-101160-ar/ذكرى-صورة-و-خاطرة.html (дата обращения 30.04.2020))

Его голова напоминает кошачью, на лице два глаза (возможно, с продолговатыми зрачками, как у джинна), нос, язык и клыки от кота, но язык раздвоенный. Ноги *гӯля* схожи с ногами верблюда, осла и страуса, а вместо ступней — копыта. Кожный покров — как у собаки. Одеждой ему служат лохмотья и шерстяной плащ. При виде этого существа люди могут упасть в обморок от отвращения, хотя, при желании, он может на время обернуться и красивой девушкой [Al-Rawi, 2009, p. 294–296].

Что касается повадок, то *гӯли* представляются сугубо отрицательными существами: хитрые и коварные, способные заманивать путников, прикидываясь человеком, или имитируя голоса их близких (матери или сестры), они взывают к путнику по имени, после чего убивают попавшего в эту западню и сжирают его плоть [Lebling, 2010, p. 8, 75], и тот, кто был убит, непременно становится *гӯлем* сам[10].

Что касается *сиʻлā* (множ. *саʻāлā*), то ученые сошлись на том, что это подвид или женский аналог *гӯля*, причем среди *гӯлей* эти существа самые опасные. Помимо гендерных различий, ад-Дамири указывает, что *саʻāлā* предстают перед человеком днем, а *гӣлāн* — ночью[11]. Половая принадлежность *сиʻлā* однозначна — это существо женского пола. В разных уголках Ближнего Востока *сиʻлā* носила разные имена (впрочем, все сводились к одному корню) — например, у племени банӯ ханаджра в Палестине она была зафиксирована как *саʻлавийя*, на севере Аравии как *саʻāлу*, в Ираке как *сʻилува* [Lebling, 2010, p. 116, 128].

---

[9] Ta'abbata Sharran. *Al-ghoul* [Ta'abbata Sharran. *The Ghoul*]. URL: http://konouz.com/ar/الأبداع-الأدبى/الأدب-العربى/الشعر/العصر-الجاهلي/تابط-شرا/الغول/p.1.1.1.137.10168/ (дата обращения 30.04.2020).

[10] Ad-Damiri K. *Hayat al-hayawan al-kubra*. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения 30.04.2020).

[11] Ad-Damiri K. *Hayat al-hayawan al-kubra*. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения 30.04.2020).

В зависимости от региона разнится и внешний облик *си‘ла̄*, однако можно однозначно заключить, что это существо везде остается видимым человеческому глазу. Люди из племени ханаджра описывали ее как полуженщину, полуослицу. Обитатели аравийской местности эль-Джауф добавляли, что у *си‘ла̄* светящиеся глаза. В Ираке ее знали как водного демона с женскими чертами: длинные волосы до колен, обнаженная женская грудь, реже — рыбий хвост [Lebling, 2010, p. 116, 128]. Как и *гӯль*, *си‘ла̄* имеет возможность изменять облик: может предстать как в виде ребенка, так и в обличье женщины, прекрасной, но с клыками и ослиными копытами [Al-Rawi, 2009a, p. 294].

Си‘ла̄ обладает отвратительным характером: зная имя любого встречного мужчины, она подзывает его, заигрывает с ним, вовлекает в танец, а затем убивает и съедает. Некоторые авторы отмечали, что *са‘а̄ла̄* (множ. для *си‘ла̄*) выходили замуж за мужчин, рожали детей, а потом сбегали. Это существо смертно и, как и джинн, боится железа — правда, аль-Джахиз указывал, что если не отрубить *си‘ла̄* голову одним ударом, то понадобится целая тысяча ударов, чтобы добить ее [Al-Rawi, 2009a, p. 296].

Помимо указанных существ, к «настоящим» *муташайтина* можно отнести и не описываемого аль-Казвини *кутруба*. В некотором плане он отличается от *гӯля* и *си‘ла̄*, по грамматическим показателя; это разумное существо. Однако его родство с двумя предыдущими созданиями отмечалось и арабами — так, андалусский лексикограф Абу эль-Хасан б. Сида (ум. 1066) утверждал, как писал ад-Дамири, что это мужская особь *си‘ла̄*.

Кутруб безобразен и видим для человеческого глаза. Ад-Дамири указывает, что он может предстать в образе мыши или безволосого волка, под термином «*ката̄риб*» (множ. число) обычно подразумевают стаю мелких собак[12]. В ночное время *кутруб*, оставаясь всегда «на ходу», похож на ходячий разлагающийся труп. Его поступки отвратительны: если человек встречает в пути *кутруба*, то или может набраться храбрости и прогнать его, или *кутруб* совершает с ним акт соития, от которого сам же и погибает — правда, человека, который встретил *кутруба*, также спрашивают, был ли он обесчещен, и если да, то племя бросает его на произвол судьбы, но если нет, то помогает ему восстановиться.

Итак, какие выводы можно сделать в отношении трех описанных существ? По большинству характеристик они максимально близки к шайтанам — видимы людям, сугубо отрицательны; кроме того, *гӯль* и *си‘ла̄* относятся к неразумным существам. В то же время, способность менять обличье на свое усмотрение («расширенный» функционал джиннов), как и дикий образ жизни, сближающий их с животными, не позволяют однозначно причислить их к шайтанам. Вместе с очень близким к ним по качествам *кутрубом*, *гӯля* и *си‘ла̄* могут быть названы «настоящими» *муташайтина*.

А НЕ ДЖИНН ЛИ?

На первый взгляд, смертоносный *шикк*, скачущий по пустыне, очень похож на того же *кутруба*, но это ошибочное впечатление. Главная его отличительная особенность состоит в том, что он представляет собой «отколотую» половину человеческой фигуры (да и сам исходный глагол *шакка*, от которого произведен термин,

[12] Ad-Damiri K. *Hayat al-hayawan al-kubra*. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения 30.04.2020).

значит «раскалывать»), причем, судя по грамматическим показателям, эта половина — разумная и мужского пола.

В отношении внешнего облика *шикка* известно, что его тело было разделено по продольной линии, так что осталась только одна часть: половина туловища, одна рука, одна нога, один глаз (*илл. 3*); также упоминалось, что «*шикк*» значит «видна одна половина» — то есть, другая половина существует, но невидима для людского глаза [Al-Rawi, 2009b, p. 54].

Илл. 3. Шикк читает стихи перед поединком с ‘Алькамой (по: Al-Qazwini Z. *‘Ajā’ib al-makhlūqāt wa-gharā’ib al-mawjūdāt*. URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100023586788.0x000001 (дата обращения 11.05.2010))

Повадки у шикка не лучше, чем у выше описанной троицы: он выжидает одиноких путников в пустыне, внезапно предстает перед ними, и те теряют сознание или даже умирают от страха; также он может зарубить мечом, который носит в единственной руке. Как и *наснас*, *ашикка̄’* (множ. число для *шикка*) вредят людям и поджигают их дома[13]. Однако интересно, что *шикк* может предсказывать будущее, не перевирая его — так, лахмидский царь Ибн Наср призвал к себе, в числе прочих прорицателей, *шикка* и *сут̄ӣха*, чтобы те открыли ему грядущее, и они напророчили, что вскоре проявятся великие знамения (землетрясения, морозы), а затем появится человек, который поведет на север племена арабов-‘аднанитов (очень условно —

[13] Omidsalar M. *Genie*. URL:http://www.iranicaonline.org/articles/genie- (дата обращения 30.04.2020).

североаравийские племена) и станет пророком. Знамения сбылись, а затем родился пророк Мухаммад, так что *шикк* и *сут̄ӣх* не наврали[14].

Ввиду ряда причин относить *сут̄ӣхов* и *насна̄с* к *муташайтина* проблематично и стоит ограничиться лишь кратким пояснением относительно их природы. *Сут̄ӣх* — круглое плоское создание, не имеющее головы, шеи, костей и конечностей; его лицо расположено на груди, и он может сворачиваться подобно циновке[15]. *Насна̄с* похожи на *ашикка̄'* и обликом (также половинка от всего), и повадками (агрессивны), однако их социальная жизнь весьма развита, их следует отнести к животным или очень эволюционировавшим родичам людей.

Вернемся к *шикку*. Казалось бы, *шикк* похож на *кутруба* или *г̣ӯля*, но в то же время, при его внешности и сугубо злом характере, он обладает еще более ярко выраженными чертами джиннов — разумен (и даже сочиняет стихи — подобные тому, что приведен в переводе аль-Казвини), верно предсказывает будущее, возможно, обладает невидимой половиной тела. Но все же даже такой набор джинновых повадок не позволяет не признать в нем *муташайтина*.

Илл. 4. Дильха̄с «имеет человечий облик, ездит верхом на страусе и ест мясо людей» (по: Al-Qazwini Z. *'Ajā'ib al-makhlūqāt wa-gharā'ib al-mawjūdāt.* URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100023586788.0x000001 (дата обращения 11.05.2010))

Прочие существа

Об остальных трех видах существ информации слишком мало, чтобы судить об их природе; более того, если о *гадда̄ре* еще можно найти отрывки сведений (впрочем, не дающих ничего нового), то в случае с *дильха̄сом* (*илл. 4*) и *музхабом*, приходится и вовсе ограничиться трактатом аль-Казвини.

Гадда̄р — однозначно существо мужского пола, видимое и отрицательное, этимологически он связан со словом «*гадра*» (ар. «зло»); слово *дильха̄с*, вероятно, напрямую связано с «*дальхас*» (ар. «лев, хищник»); *музхаб* упоминается, в том числе, и в качестве «шайтана омовений», что делает его родственным упомянутому во введении *вальха̄ну*, но гораздо услужливее и, возможно, добрее [Al-Firuzabadi,

[14] Ad-Damiri K. *Hayat al-hayawan al-kubra*. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения 30.04.2020).

[15] Ad-Damiri K. *Hayat al-hayawan al-kubra*. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения 30.04.2020).

2005, p. 86, 129, 448]. Принцип, по которому аль-Казвини относит их к *муташайтина*, без дополнительной информации остается не вполне очевидным.

Заключение

По крайней мере, трое из «казвиниевской шестерки» (*гуль*, *си‘ла̄*, *шикк*), а также задействованный по аналогии *кутруб*, обладают неоднозначной природой, не позволяющей отнести их к джиннам или шайтанам, тем более — к людям или животным. Выделение аль-Казвини отдельной прослойки *муташайтина* представляется оправданным и важным для понимания стройной системы мира, типологизацию в рамках которой определяли принципы исламской космологии.

И все же существует ли что-то, объединяющее всех *муташайтина*? Даже если не принимать во внимание *гадда̄ра*, *дильха̄са* и *музхаба*, сведений для классификации которых явно недостаточно, картинка остается разной. *Гӯль* и *си‘ла̄* неразумны, *кутруб* и *шикк* — разумны; у *шикка* не видна половина тела, тогда как *гӯль* и *си‘ла̄* меняют обличье по собственному усмотрению, а принцип подбора внешнего вида *кутрубом* (по крайней мере, в дневное время суток, ночью он однозначно представляет собой гниющий труп) неизвестен; относительно способности предсказывать можно судить только о *шикке* (впрочем, это не уберегло его в бою с ‘Алькамой). Тем не менее некоторые общие черты существуют.

Во-первых, как бы *муташайтина* ни меняли обличье, в них остается что-то уродливое (не говоря о «базовой» внешности). Во-вторых, в отличие от джиннов, шайтанов, людей и животных, они сугубо асоциальны и живут по одному. В-третьих, они всегда видимы глазу — не только человеческому, но и, судя по сюжету о *си‘ла̄*, например, волчьему. В-четвертых, они все (кроме, возможно, *музхаба*) — неизменно вредные существа, целью которых остается убить, съесть, изнасиловать человека. Три из четырех общих характеристик соответствуют чертам *шайа̄т̄ӣн*, так что, определяя, к кому ближе *муташайтина*, необходимо констатировать, что термин «подобные шайтанам» разработан аль-Казвини на солидных основаниях.

Литература / References

Ислам: Энциклопедический словарь. М., 1991 [*Islam: Encyclopedic Dictionary*. Moscow, 1991 (in Russian)].

Кривошеева М. В., Матросов В. А. Мифический *насна̄с* в арабских трактатах: демон или человек? *Восточный курьер*. 2020. № 1–2 (в печати) [Krivosheeva M. V., Matrosov V. A. The Mythical *Nasnās* in the Arabic Treatises: A Demon or a Human? *Oriental Courier*. 2020. 1–2 (in print). (in Russian)].

Налич Т. С. *Ангелология и демонология ислама: ангелы, гурии, джинны, шайтаны в арабо-мусульманской литературе*. М., 2002 [Nalich T. S. Angelology and Demonology of Islam: Angels, Houris, Genies and Shaitans in the Arab Muslim Literature. Moscow, 2002 (in Russian)].

Al-Farahidi Kh. *Kitāb al-‘Ayn*. Al-Juz’ 3. Bairut, 2003 [Al-Farahidi Kh. *The Book of the ‘Ayn*. Part 3. Beirut, 2003 (in Arabic)].

Al-Firuzabadi M. *Al-Qāmūs al-Muhīt*. Bairut, 2005 [Al-Firuzabadi M. *The Encompassing Dictionary*. Beirut, 2005 (in Arabic)].

Al-Rawi A. The Arabic Ghoul and its Western Transformation. *Folklore*. 2009(a). 120.3. Pp. 291–306.

Al-Rawi A. The Mythical Ghoul in Arabic Culture. *Cultural Analysis*. 2009(b). 8. Pp. 45–69.

Lebling R. *Legends of the Fire Spirits*. London, New York, 2010.
Zakarija Ben Muhammed Ben Mahmud el-Cazwini's *Kosmographie* (in Arabic). Wüstenfeld F. (Hrsg.). *Die Wünder der Schöpfung*. Erster Theil. Göttingen, 1848.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Ad-Damiri K. *Hayāt al-hayawān al-kubrā*. URL: http://www.islamicbook.ws/adab/hiat-alhiwan-alkbra-.pdf (дата обращения 30.04.2020).
Al-Qazwini Z. *'Ajā'ib al-makhlūqāt wa-gharā'ib al-mawjūdāt*. URL: https://www.qdl.qa/en/archive/81055/vdc_100023586788.0x000001 (дата обращения 11.05.2010).
Makhtut Kitāb al-Bulhān. URL: https://dlscrib.com/queue/jinns-arabic-demonology_58aca7576454a71057b1e974_pdf?queue_id=596c6b3fdc0d609826a88e76 (дата обращения 11.05.2020).
Omidsalar M. *Genie*. URL: http://www.iranicaonline.org/articles/genie- (дата обращения 30.04.2020).
Sahih al-Bukhari. Hadith 3280, 3288, 3304, 3423. URL: https://sunnah.com/bukhari (дата обращения 30.04.2020).
Sahih Muslim. Hadith 2013. URL: https://sunnah.com/muslim (дата обращения 30.04.2020).
Shukri M. *Dhikrā sūra wa hātira*. 2015. URL: http://www.oujdacity.net/national-article-101160-ar/ذكرى-صورة-و-خاطرة.html (дата обращения 30.04.2020).
Sunan Abi Dawud. Hadith 2658. URL: https://sunnah.com/abudawud (дата обращения 30.04.2020).
Ta'abbata Sharran. *Al-ghūl*. URL: http://konouz.com/ar/الأبداع-الأدبى/الأدب-العربى/الشعر/العصر-الجاهلي/تابط-شرا/الغول/p.1.1.1.137.10168/ (дата обращения 30.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-109-128

ГИПОТЕЗА О «ЗЕМЛЕ ИЗЛИЯНИЯ РЕКИ»: К ПРЕДЫСТОРИИ 1-ГО ПОРОГА В КОНТЕКСТЕ ГИДРОЛОГИИ СРЕДНЕГОЛОЦЕНОВОГО НИЛА. ЧАСТЬ III

 Д. Б. Прусаков*

1-й («Сиенский») порог, в древности пограничный отрезок Нила на стыке Египта и Нижней Нубии, никогда не представлял неприступной преграды между двумя странами и при необходимости благополучно преодолевался их жителями не только в обход по суше, но и напрямую по Реке. Наибольшие трудности при его водном прохождении возникали египетским «летом», в сезон минимального уровня Нила, когда, согласно наскальным надписям фараонов на острове Сехель, идущие в Куш или обратно царские флоты удерживались здешними рифами и мелями, что требовало регулярной прочистки пороговых русел. Именно 1-й порог, как один из самых мелководных участков Главного Нила, был выбран британскими инженерами (У. Уилкокс и др.) для крупной («старой» Асуанской) водохранилищной плотины, чье возведение и дальнейшие надстройки привели к сильнейшему затоплению расположенного непосредственно над катарактом острова Филэ с его архитектурными памятниками позднеегипетского и греко-римского периода. В додинастическую эпоху мощный нильский сток, значительно превышавший сегодняшний, вероятно, имел похожий «потопный» эффект на всем протяжении 1-го порога. Согласно археологическим исследованиям, южный край лежавшего у его подножия острова Элефантина в те времена был отрезан и рассечен Рекой на две части, «западную» и «восточную», тогда как свой нынешний облик остров приобрел, по-видимому, по окончании «неолитического спада» Нила на исходе IV тыс. до н. э. По моей гипотезе, «эволюция» Элефантины была лишь частью комплексной гидрологической и геоморфологической метаморфозы нубийско-египетского Нила, одним из главных результатов которой стало появление на Реке накануне фараоновской цивилизации знаменитого «Сиенского катаракта».

Ключевые слова: голоцен, гидрология, «неолитический спад» Нила, 1-й порог, Нижняя Нубия, Верхний Египет, Филэ, Сехель, Элефантина, Асуан, додинастический период.

Для цитирования: Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть III. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 109–128. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-109-128

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. PROUSSAKOV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6065-4610

HYPOTHESIS OF THE "LAND OF OUTPOURING OF THE RIVER": ON PREHISTORY OF THE FIRST CATARACT IN THE CONTEXT OF HYDROLOGY OF THE MID-HOLOCENE NILE. PART III

Dmitry B. Proussakov

The First ("Siennian") cataract of the Nile, as an ancient conterminal area at the junction of Egypt and Lower Nubia, has never been an insuperable barrier between the two countries whose inhabitants, if necessary, passed it not only by land but straight by the River as well. The greatest difficulties in passing the cataract arose during the Egyptian season of "summer" with its lowest Nile levels, when the royal fleets on their way to Kush and backwards were, according to some pharaohs' rock inscriptions on the island of Sehel, stopped by local reefs and shoals, which necessitated cleaning (or "digging") the cataract channels regularly. It was the First cataract, as one of the shallowest stretches of the Main Nile that was chosen by British engineers (W. Willcocks et al.) for the large reservoir (Old Aswan) dam whose construction resulted in heavy inundation of the upstream island of Philae with its architectural monuments of the Late Egyptian and Graeco-Roman times. In the Predynastic period, the Nile discharge was much higher than today and had presumably a similar inundating effect along the whole cataract. Archaeologists argue that the southern side of Elephantine at the bottom of the cataract was then divided by the River into western and eastern islands, while today's island of Elephantine was shaped apparently by the so-called "Neolithic drop" of the Nile in late fourth millennium BC. According to my hypothesis, this evolution of Elephantine was just a part of the complex hydrological and geomorphological metamorphosis of the Nubian and Egyptian Nile with the emergence, as its major result, of the famous "Siennian cataract" on the eve of pharaonic civilisation.

Keywords: Holocene, hydrology, "Neolithic drop" of the Nile, the First cataract, Lower Nubia, Upper Egypt, Philae, Sehel, Elephantine, Aswan, Predynastic period.

For citation: Proussakov D. B. Hypothesis of the "Land of Outpouring of the River": On Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part III. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 109–128. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-109-128

6 февраля 1889 г. американский журналист и египтолог-любитель Чарльз Вильбур (см.: [Margiotta, 2009]), высадившись на юго-восточном берегу острова Сехель посреди 1-го порога Нила[1], «наткнулся» на три краткие наскальные иероглифические записи из анналов фараонов Сенусерта III (Хакаура), Тутмоса I (Аахеперкара) и Тутмоса III (Менхеперра) [Wilbour, 1890]. Древнейший текст, выполненный при «самом могущественном завоевателе Среднего царства» [Демидчик, 2005], сообщал, что на восьмом году правления властителя Верхнего и Нижнего Египта Хакаура «его величество», следуя (под парусом) вверх по течению с целью ниспровергнуть «подлый Куш», повелел, как принято переводить данный пассаж, то ли проложить, то ли восстановить проложенный им же здесь ранее канал[2], названный его именем [Sethe, 1959, № 24]. Сюжет в такой трактовке давно стал своего рода классикой «военно-исторической» египтологии и прочно вошел в тематические авторские монографии, многотомные коллективные труды и учебники: «Чтобы обеспечить

[1] См. илл. 4 в [Прусаков, 2020].

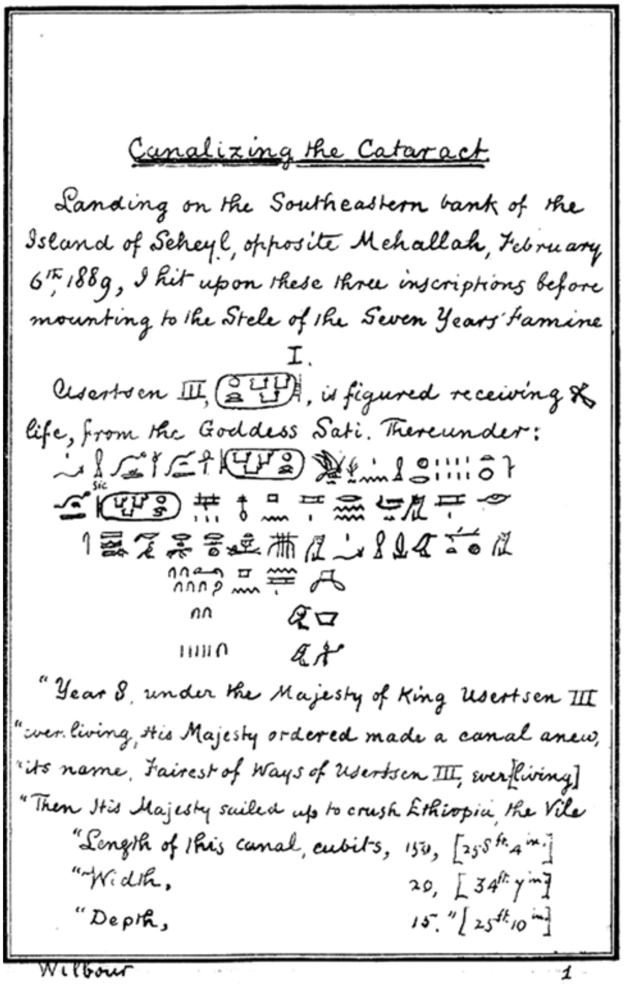
[2] См., например: [Breasted, 1906]. Ср.: «В свой восьмой год… приказал вырыть новый канал возле острова Сехель на первом пороге» [Gardiner, 1961].

перевозку товаров и войск по Нилу, Сенусерт III приказал пробить в гранитных скалах в районе первых порогов специальный канал, который должен был приобрести большое для того времени экономическое и военное значение… На 8-м году царствования того же фараона в связи с военной экспедицией в Нубию были произведены большие работы по расчистке канала… Канал дал возможность египетским военным и торговым экспедициям с большей легкостью, чем раньше, проникать в далекие южные области Нубии» [Авдиев, 1953]. «Торговые связи с Нубией шли по Нилу, и чтобы облегчить плавание при Сенусерте III, был проведен обводной канал, позволявший обогнуть один из труднопроходимых нильских порогов» [Вигасин и др., 1988]. «Наиболее воинственным правителем XII династии был Сенусерт III, совершивший несколько больших походов на юг от первого нильского порога и надолго тесно связавший северную Нильскую Эфиопию с Египтом. По его приказу для облегчения прохода египетских военных судов через пороги был выбит в скале обводной канал» [Виноградов, 1997] и т. п.

Ученые считали, что, по устоявшемуся мнению, *искусственное* русло «Прекрасны пути Хакаура» использовалось египтянами в их южных боевых и коммерческих предприятиях еще в Новое царство и «было опять прочищено Тутмосами I и III» [Breasted, 1906]. Согласно надписям на острове Сехель в транскрипции Ч. Вильбура, Тутмос I в «22-й день 1-го месяца *шему*[3] 3-го года» своего правления триумфально спустился по «этому каналу», возвращаясь из разгромленного им пресловутого «подлого Куша» [Urk. IV, 88; Wilbour, 1890]. В тот же день и месяц 50-го года «под царем» Верхнего и Нижнего Египта Тутмосом III Менхеперра «его величество», этот «египетский Наполеон» [Gordon, 1965], плывя из Нубии с веселящимся после резни врагов сердцем, нашел канал перегороженным каменными глыбами, по-видимому, до полной остановки навигации («нет прохода судну по нему»); распорядившись «прокопать» водоток, имя которому «Открыт путь красотой Менхеперра», фараон напоследок приказал рыбакам Абу (Элефантины) «рыть» его ежегодно [Wilbour, 1890]. Несмотря на другое название, «это, конечно, тот самый канал времени Среднего царства, которому каждый властелин давал новое имя» [Breasted, 1906].

У перечисленных царей-«каналокопателей», как полагали многие специалисты, был достойный предшественник на гидротехническом поприще: крупный чиновник эпохи позднего Старого царства Уна, чья долгая и успешная служебная карьера, увенчавшаяся должностью «начальника Верхнего Египта» или даже «визиря» (см.: [Лебедев, 2015]), развивалась при VI династии. Переводчики автобиографии, которой он снабдил свою гробницу в Абидосе [Urk. I, 98–110], толкуют, что во главе одной из экспедиций за камнем для пирамиды царя Меренра I Уна «соорудил пять каналов у первых порогов Нила, строил суда из дерева, доставленного правителями стран Ирчет и Меджа из страны Ват и загружал их гранитом из каменоломен Асуана» [Пиотровский, 1983]. «Еще одно большое задание ожидало его: прокладка пяти судоходных каналов на

[3] Так называемого «лета», третьего из четырехмесячных сезонов, на которые древние египтяне подразделяли календарный год (см.: [Gardiner, 1976; Wb. IV]); имеется в виду, таким образом, девятый месяц года. Учитывая, что древнеегипетский Новый год наступал примерно в середине июля (в 1-й день 1-го месяца сезона *ахет* — «наводнения»), 22-й день 1-го месяца *шему* должен соответствовать первой половине апреля, т. е. началу межени Нила, когда его уровень устремлялся к минимальным годовым отметкам.

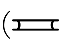

Илл. 1. Надпись Сенусерта III на острове Сехель. Автограф Чарльза Вильбура (по: https://www.brooklynmuseum.org/opencollection/archives/image/55610 (дата обращения 30.04.2020))

первом пороге» [Gardiner, 1961]. «Его величество послал меня прорыть пять каналов в Верхнем Египте и построить три грузовых и четыре перевозочных судна из акации Уауата… Я выполнил все за один год. Они были спущены на воду и нагружены до отказа гранитом для пирамиды “Является и милостив Меренра”» [Жизнеописание, 1980] и т. п. Однако еще видный французский египтолог Гастон Масперо, комментируя цитируемую выше публикацию сехельских надписей Ч. Вильбура, высказал резонное недоумение по поводу того, что там, где величайшие, прославившиеся множеством масштабных нубийских кампаний фараоны-завоеватели довольствовались одним каналом, вельможе Уне для единовременной доставки семью судами на стройку партии гранита понадобилось прорыть целых пять. Ученый допустил, что в автобиографии Уны речь идет не о прокладке пяти отдельных каналов, а о расширении или углублении *одного* в пяти местах, где судоходство оказалось затруднено или невозможно — «того единственного канала, по которому фараоны XII и XVIII династий направлялись из Египта в Эфиопию» [Wilbour, 1890].

Вопрос существенно обострится, если принять во внимание то, что по непонятной причине упущено практически всеми авторами, так подчеркивавшими важную военно-экономическую роль якобы обходного канала Сенусерта III «Прекрасны пути Хакаура»: его размеры, фигурирующие в соответствующей надписи на острове Сехель. Первооткрыватель памятника транскрибировал и тут же подсчитал: длина «этого канала» 150 локтей (258 футов 4 дюйма), ширина — 20 (34 фута 7 дюймов), глубина — 15 (25 футов 10 дюймов) (*илл. 1*); в метрических единицах в пересчете через большой, «царский» локоть, с которым согласуются выкладки Ч. Вильбура (примерно 523 мм, см.: [O’Mara, 1979]), соответственно, около 78,5, 10,5 и 7,8 м. Понятно, что восьмидесятиметровый канал не мог огибать пятикилометровую[4] «ступень» 1-го порога и даже малейшую ее часть. Судно Уны для перевозки массивной алебастровой плиты из

[4] См.: [Прусаков, 2019].

Хатнуба к пирамиде Меренра I в Саккаре, имевшее 60 локтей в длину и 30 локтей в ширину [Urk. I, 108], по такому руслу не прошло бы вовсе, не говоря уже о транспортировавших из Асуана в Карнак гигантские каменные обелиски «лихтерах»[5] Тутмоса I и его дочери-фараона Хатшепсут, длина которых, по сегодняшним инженерным расчетам, достигала 58–70 м, будучи сопоставима с протяженностью этого странного канала, а ширина — 20–24 м. Глубина «Прекрасных путей Хакаура» также требует объяснения, ибо не только папирусные или тростниковые бунтовые «плоты», но и деревянные дощатые корабли и лодки древнего Египта, не знавшие киля, а нередко шпангоутов, бимсов и палуб, обладали крайне малой осадкой: например, у предельно груженой знаменитой «солнечной» барки Хеопса длиной 42,3 и шириной 5,66 м, с ее обводами морского судна (см.: [Jenkins, 1980]), она составила бы 1,48 м; четыре кедровые лодки из некрополя Сенусерта III в Дахшуре[6] при длине от 9,25 до 10,22 м и ширине от 2,13 до 2,43 м имели габаритную высоту борта всего лишь от 0,72 до 0,86 м; у захороненных близ Абидоса[7] в раннединастический период четырнадцати «царских» ладей оценочной длины 18–24 м и ширины до 3 м она и того меньше: предположительно, в среднем 0,6 м; ей, несомненно, подобна высота корпуса обнаруженной возле мастабы М06 в Абу Роаше сильно разрушенной дощатой ладьи того же времени (Хора Дена?), от которой сохранился фрагмент длиной 6,54 и шириной 1,3 м, с «плоским днищем»[8]; размерения позднеегипетской лодки VII–V вв. до н. э., найденной в эль-Матарийе под Каиром[9], составляли в длину не менее 11, в ширину около 4 и в «высоту» 1,2 м (см.: [Прусаков, 2015]). Очевидно, что для такого традиционно плоскодонного речного флота никто не стал бы рубить ни в твердых гранитах, ни в мягчайших песчаниках водоток почти 8-метровой[10] проектной глубины. Следовательно, или надпись Хакаура неточна (сама ли по себе, в обсуждаемой ли египтологической интерпретации), и приводимые Ч. Вильбуром цифры неверны, или Г. Масперо был по сути прав: в рассмотренных текстах подразумевалась не прокладка, а локальная — отрезками — прочистка, но не *искусственных* каналов или канала «в объезд» 1-го порога, а обозначавшейся той же идеограммой (N36 А. Гардинера) одной из *естественных пороговых проток*, на данный момент наиболее пригодной для навигации. Показательно, что именно этот иероглиф, изображавший, среди прочего, «русло Нила» [Gardiner, 1976], в египетском письме являлся детерминативом слова «порог» *pnaj.t* [Faulkner, 1991; Wb. I].

Сам факт оставления надписей такого «гидростроительного» содержания на нильском острове, а не на скалах или особых каменных стелах в окрестностях Реки, говорит в пользу того, что «каналы» трех названных фараонов в действительности были обычными водосливами 1-го порога, возможно, омывавшими как раз Сехель. Следы отдельного судового канала любой траектории и протяженности, существуй он когда-либо здесь или в ином «подходящем» месте, удалось бы обнаружить если не

[5] См.: [Ballard, 1947; Wehausen et al., 1988].
[6] См.: [Creasman, 2010; Patch, Haldane, 1990].
[7] См.: [Mark, 2012; Ward, 2003].
[8] См.: [Tristant et al., 2014].
[9] См.: [Ward, 2000].
[10] Эта величина соразмерна параметрам природных пороговых русел, см. ниже.

обыденными археологическими раскопками [11], то современными геофизическими методами, как недавно с помощью электротомографии был открыт «малый», шириной до 250 и глубиной до 7 м, рукав Нила в левобережной области Фив, функционировавший в продолжение как минимум Нового царства (а то и еще нескольких веков до него) и, вероятно, оказавший влияние на расположение ряда заупокойных храмов фараонов XVIII–XIX династий в Фиванском некрополе (Рамессеума и др.) [Toonen et al., 2018]. Даже британские научно-технические планы сооружения Асуанской плотины, обсуждавшиеся У. Уилкоксом, У. Гарстином, Б. Бейкером и другими замечательными специалистами, предусматривали при ней вариант навигационного канала направлением не в обход, а непосредственно через порог, по «крайнему левому речному руслу», где намечались точечные взрывные работы, с последующей установкой дополнительного шлюза на «сехельской стремнине», преодоление которой, по информации 1903 г., представляло для судов «большую трудность» [Willcocks, 1894; 1913]. Напомню[12], что до постройки плотины 1-й порог вдоль левого берега Нила в сезон половодья затапливался, естественным образом превращаясь «в судоходный канал» [Champollion-Figeac, 1839], при этом главным и совсем не критическим неудобством прохождения катаракта в «наводнение» (*Ax.t*) на архаичных египетских плавсредствах [13] видится вдвое возраставшая сравнительно с меженью скорость течения на его участке (по данным У. Уилкокса, с 1,2 до 2,3 м/с), тогда как здешний речной уровень в сильнейшие разливы поднимался на 10 м [Willcocks, 1894; 1904]. Несудоходным «Сиенский порог» мог становиться лишь древнеегипетским «летом» (*Smw*), мелея в фазе экстремально низкой воды, когда в лабиринте его «всплывших» островов и обнажившихся скальных рифов — «престрашных гранитовых камней» [Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, 1795] — и застревали со своими флотами воинственные фараоны, выбиравшие для нубийских набегов это время года. Неслучайно, что о трудностях навигации у острова Сехель эксперты заговорили сразу после возведения первоочередной (1898–1902 гг.) [14] Асуанской плотины, которая «отрегулировала» общий сток Реки ниже по течению в меньшую сторону, особенно в разделявший половодья технологический период закрытия большинства ее водопропускных отверстий, когда «острова, протоки и быстрины района порога» были «хорошо видны» [Хёрст, 1954].

«Мелкость» (наряду с прочностью руслообразующих сиенитов-диоритов и узостью) Нила на 1-м пороге послужила одной из основных причин предпочтения гидростроителями, в рамках специфических технико-экономических требований к данному новационному проекту, именно этого урочища[15]: средняя меженная глубина речных проток на вершине катаракта, по которой пролегла плотина, составляла 5 м и только на коротком 35-метровом донном отрезке достигала 7 м. «Это лучшее место для дамбы в Египте… строительство здесь будет чрезвычайно простым» (У. Уилкокс), к

[11] См., например: [Redmount, 1995].
[12] См.: [Прусаков, 2019].
[13] См.: [Hornell, 1942; 1943].
[14] Затем дважды наращивалась: на 5 м в 1907–1912 гг. и на 9 м в 1929–1933 гг.
[15] В качестве альтернатив ему рассматривались нильские участки у «ворот» Калабши в 50–60 км к югу и Силсилы в 60–70 км к северу от Асуана, а также чуть выше острова Филэ [Willcocks, 1894; 1913].

чему склонялись все ответственные специалисты и чиновники; весомейшим контраргументом, хотя в итоге и не перевесившим одобрительный консенсус, являлось то щекотливое культурно-политическое обстоятельство, что образование и инженерно-хозяйственная эксплуатация плотинного водоема были неизбежно чреваты затоплением древних храмов вышележащего острова Филэ «примерно на пять месяцев в году» («между декабрем и маем» [Baker, 1903])[16]. Памятники предлагалось «камень за камнем» перенести на ближайший остров Биге, в то время отделенный от Филэ 50-метровой протокой, и собрать там, расположив «в точности как сейчас»[17], но на 12 м выше предельного уровня проектируемого водохранилища, который на первоначальном этапе, до надстройки плотины, составлял 106 м «над у. м. в Александрии» [Willcocks, 1894; 1913]. По данным У. Уилкокса, «доплотинный» уровень Нила на гребне 1-го порога в межень колебался у отметки 90 м над уровнем моря; как при этом выглядел остров Филэ, дает представление снимок, сделанный около 1880 г. жившим и работавшим в Луксоре итальянским фотографом Антонио Беато (*илл. 2*); о ситуации в разлив, когда Нил поднимался здесь до 100 м над уровнем моря, можно судить по темной полосе от воды на каменной кладке на том же фото[18]. Чем угрожали Филэ подпорные водохранилищные уровни, видно на снимке неизвестного мне автора начала XX в., выполненном с похожего ракурса (*илл. 3*); если бы не торчащие из воды пилоны, колонны и пальмы, никто не заметил бы затонувший, а до того высившийся над порогом на 20–30 футов [Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, 1795] немаленький остров, проходя его на веслах или под парусом (*илл. 4*).

Филэ, вероятно, затапливался Рекой и раньше, задолго до появления перед ним Асуанской дамбы, а на нем — «киоска» Траяна, храма Исиды и прочих монументов. В конце плейстоцена, когда, согласно геоархеологической реконструкции П. Сторемюра[19], низовой отрезок восточного Вади Абу Субейра представлял собой широкий протяженный «фьорд», Нил у Асуана мог протекать «временами примерно на 15 м выше, чем сегодня»[20]; допущу, что этого было бы достаточно для превращения в речные заливы не только крупного сухого русла с устьем в 12 км к северу от Асуана, но и

---

[16] Тогдашний помощник министра общественных работ Египта У. Гарстин писал: «Я согласен с полковником Россом (генеральным инспектором ирригации страны. — *Д. П.*), что ни один проект, приводящий к такому результату, не должен быть принят, разве окажется невозможно подыскать место для водохранилища где-нибудь еще». На окончательный выбор могли повлиять финансовые соображения. По предварительной смете У. Уилкокса, плотина на 1-м пороге получалась самой дешевой: ее проектная стоимость из расчета максимального водозапаса, обеспечивающего круглогодичное орошение всего — Нижнего, Среднего и Верхнего — Египта, приближалась к 1,7 млн. египетских фунтов, тогда как, например, для плотины выше острова Филэ эта сумма оценивалась почти в 2,1 млн. тех же фунтов [Willcocks, 1894].

[17] Лишь в 1970-е гг. живописный позднефараоновский и эллинистическо-римский архитектурный ансамбль Филэ, «последний форпост древнеегипетской традиции на ее родной почве» [Eames, 1992], был перемещен под эгидой ЮНЕСКО на островок Агилка (Агилкия) в сотне метров к северу от Биге [Hanna, El Ramli, Shawky, 1970], см. также: Philae Resurrected. *Unesdoc*. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000149362 (дата обращения 30.04.2020).

[18] Ср. илл. 3 в [Прусаков, 2019].

[19] См. илл. 7 в: [Прусаков, 2020].

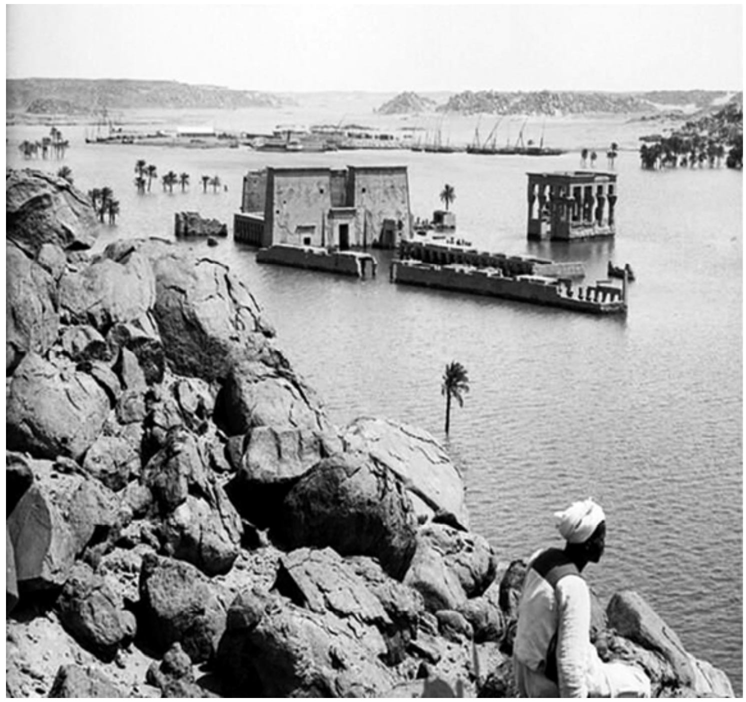
[20] Storemyr P. *The Palaeolithic Rock Art in Wadi Abu Subeira, Egypt: Landscape, Archaeology, Threats and Conservation*. URL: https://per-storemyr.net/2012/05/01/the-palaeolithic-rock-art-in-wadi-abu-subeira-egypt-landscape-archaeology-threats-and-conservation/ (дата обращения 30.04.2020).

сравнительно небольших вади Гарб Асуана на западном берегу непосредственно напротив или вблизи города, «в пределах 30-минутной легкой прогулки от порога» [Storemyr, 2009] (Вади эль-Фарас и др.). На асуанском участке до строительства плотины средний меженный уровень Нила составлял 85 м, разливный — 94 м над уровнем моря [Willcocks, 1894]; превышение этих отметок на 15 м при «абсолютном падении реки от Филэ до Асуана» на 5–6 м (ср. с ее соответствующими сезонными уровнями на вершине катаракта, зафиксированными У. Уилкоксом) предполагает поглощение ею как острова, так и *всего 1-го порога*, о котором напоминали бы разве что редкие рифы на месте его высочайших «утесов», чья «вышина» над Нилом оценивалась европейскими путешественниками нового времени в 30–40 футов [Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, 1795].

Илл. 2. Остров Филэ до возведения Асуанской плотины (*фото Антонио Беато*) (по: https://www.walmart.com/ip/BC-TrajanS-In-Nthe-Built-Egypt-4Th-Beato-Antonio-The-P-Isis-River-Left-Kiosk-AD-C1880-Century-Island-Philae-Nile-1St-Temple-And-Of-By-Photograph-On/870466947 (дата обращения 30.04.2020))

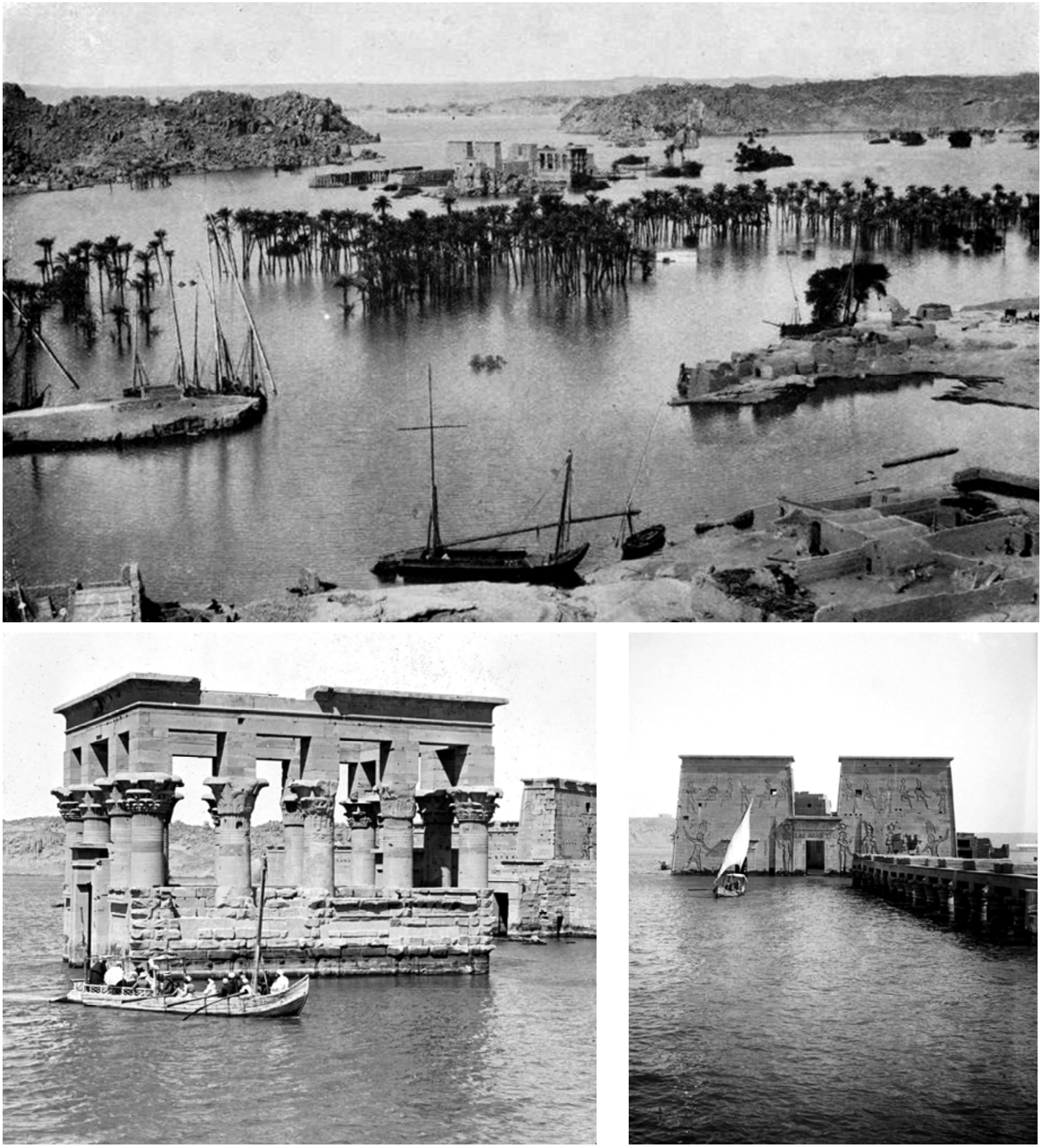
Практическим «сценарием» частичного или полного затопления 1-го порога уже в историческую эпоху был проект плотины у Силсилы, альтернативной Асуанской, который рассматривал «две конструкции: одну с подпором до 100 и другую — до 104 м над у. м.» (при здешних уровнях Реки в межень и разлив, соответственно, около 80 м и 88 м над у. м.); в случае его реализации город Асуан ушел бы под воду «на глубину от 3 до 7 м» [Willcocks, 1894], при этом максимальный накопительный подъем Нила

Илл. 3. Остров Филэ после возведения Асуанской плотины (по: https://i.pinimg.com/originals/0c/06/ef/0c06efbc031f4aa2e1d76148e0cd1247.jpg (дата обращения 30.04.2020))

перекрыл бы искусственным водохранилищным зеркалом водный гребень порога, существенно затопив нижележащее скопление островов и скал на всем его протяжении вплоть до Элефантины подобно тому, как произошло с «архипелагом» Филэ благодаря Асуанской дамбе. До «неолитического спада» дельта-Неонила около 4500 некалибр. л. н. ≈ 3221 г. до н. э.[21], ознаменовавшего окончательный переход Реки в современное гидрологическое состояние, ее уровень в Нижней Нубии, регионально и этнокультурно тесно смыкавшейся с Верхним Египтом и (в эпоху ранней Группы А и Нагады)[22] еще не отделенной от него территориально-государственным рубежом «Сиенского катаракта», превышал сегодняшний на 8–15 м [Fairbridge, 1976]. «В период поздней додинастики», хронологически близкий к завершению «неолитического спада» (ориентировочно Нагада III), разлившийся Нил у соседствующего с Асуаном острова Элефантина поднимался предположительно до 94–95 м над уровнем моря [Seidlmayer, 2001; Storemyr et al., 2008], что мало отличается от замеров, сделанных британскими гидростроителями там же пять тысячелетий спустя, хотя учет русловых процессов (наносов и т. п.), возможно, внес бы в эти цифры некоторые коррективы[23]. Таким образом, приведенные выкладки допустимо с долей осторожности применить к району 1-го порога и времен «нулевых» протоцарских династий Египта.

[21] См.: [de Heinzelin, 1968; Williams et al., 2010].
[22] См.: [Прусаков, 2019].
[23] Ср.: «У подножия 1-го катаракта на острове Элефантина напротив города Асуан с очень древней поры стоял ниломер. Офицер римского гарнизона периода императора Септимия Севера отметил на этом ниломере чрезвычайно высокий разлив. Максимальный уровень разливов во время визита сюда французских савантов Наполеона, однако, был выше той отметки на 2,11 м. Поскольку средней датой правления Севера был 200 г. н. э., а визита французских ученых — 1800 г., последние пришли к заключению о повышении за эти 1600 лет русла и берегов Нила на 2,11 м, или на 0,132 м в столетие» [Willcocks, 1894; 1904].

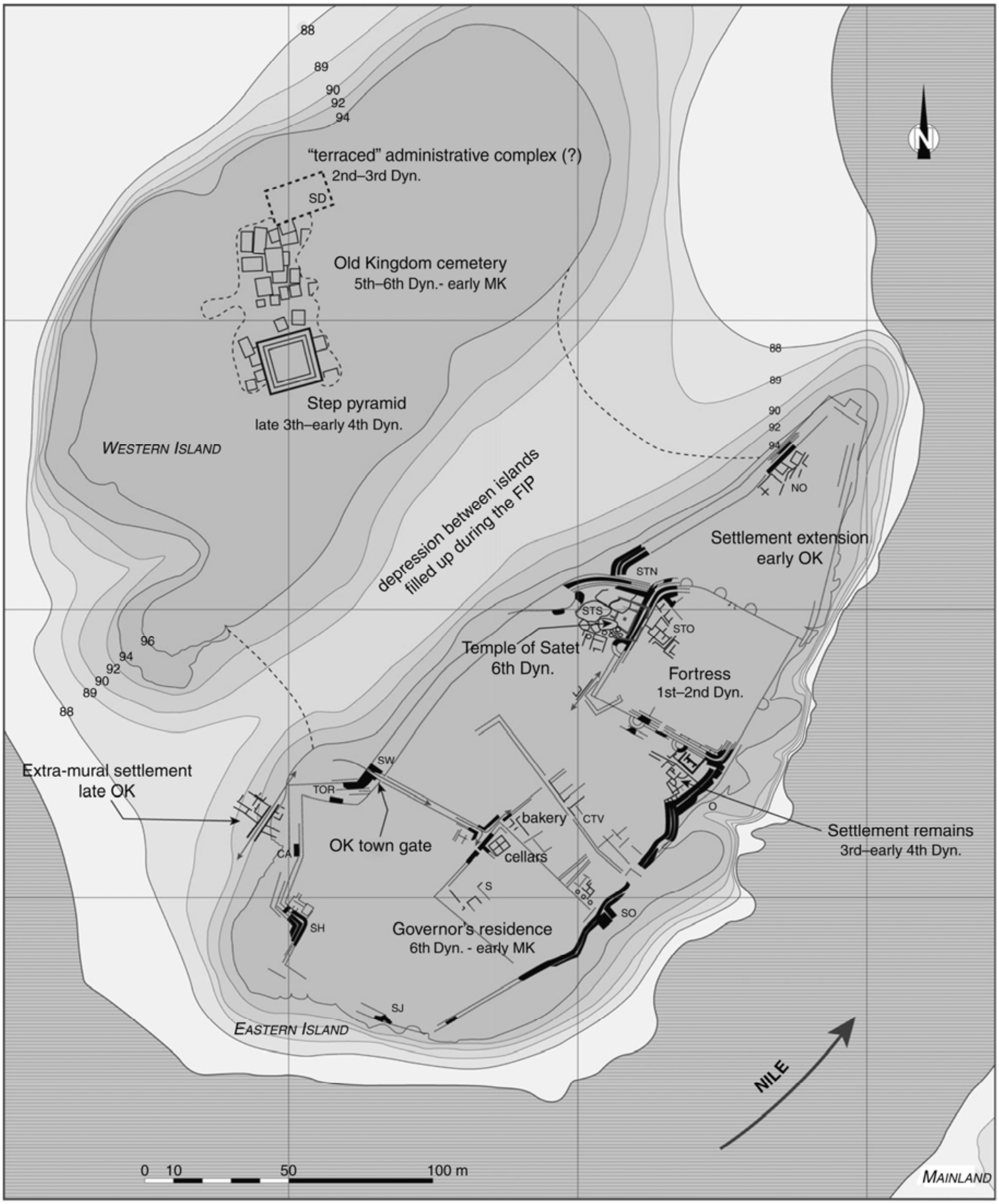

Илл. 4. Остров Филэ под водой (по: https://remniscent.tumblr.com/post/31338323644/philae-temple-of-isis#_=_ (дата обращения 30.04.2020))

Археология «пограничной» Элефантины, протянувшейся «на ¼ немецкой мили» [Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, 1795] и давшей долговечный приют как египтянам, так и «эфиопам» (см.: [Raue, 2002]), относит следы ее древнейших жилищ — столбовые ямки от примитивных тростниковых хижин — к раннему герзейскому периоду (около середины IV тыс. до н. э.) [Kaiser et al., 1988; 1995], причем первоначальное поселение с маленьким кладбищем разместилось на самой

южной оконечности будущей «Слоновьей земли» в центре или ближе к северо-западной кромке ее *«восточного острова»* [Kopp, 2006; Moeller, 2016; Seidlmayer, 1996]. Поразительно, но раскопки и сопутствующие (в т. ч. топографические) изыскания привели ученых к выводу, что еще до появления этой первобытной деревушки обращенная к порогу сторона Элефантины «по крайней мере в сезон разлива» разделялась Нилом на две им же отрезанные от основного островного массива части: бóльшую восточную, где позже «в естественной нише между парой гранитных валунов» возникнет доисторическое святилище богини Сатет, а рядом поднимется кирпичная крепость I династии, и меньшую западную, знаменитую прежде всего венчающими ее вершину руинами когда-то 10–12-метровой трехступенчатой пирамиды, по одной из версий, царя III династии Хуни (*илл. 5*) [Dreyer, Kaiser, 1980; Kaiser et al., 1974; Kaiser et al., 1993; Ziermann, 1993]. «Герзейская» деревня к началу Старого царства разрослась до городка и заняла всю восточную часть, тогда как в додинастическую эпоху ее площадь не превышала 20000 $м^2$ [Kopp, 2006]. По заключению археологов, обследовавших регион (ср.: [Gatto, 2009]), «высота разливов Нила в период Нагада не благоприятствовала развитию на островах 1-го порога сколько-нибудь крупных оседлых поселений» — это стало возможно, лишь когда «уровни разливов понизились» и «стабилизировались» [Raue, 2008; 2018; Seidlmayer, 2001]. В тех же научных публикациях фигурирует найденное «на южном краю» Элефантины необычное «поздненеолитическое» погребение в цилиндроподобной карстовой воронке, якобы демонстрирующей, «какими бедственными[24] могли быть ежегодные разливы» в неолите. Одним из главных условий карстообразования является постоянный водообмен [Гвоздецкий, 1988], который в данном случае до «неолитического спада» Реки, по-видимому, гарантированно обеспечивался, но не сезонными половодьями неважно какого уровня, а *круглогодично* переливавшимися через «последний остров 1-го порога» высокими и мощными потоками дельта-Неонила, к тому же оказывавшими на его скальную поверхность (сам он сложен красным гранитом [25], имеющим малое водопоглощение) значительное механическое воздействие. Погребение в карсте вскоре было разрушено речными струями, а сохранившиеся от него фрагменты керамики и костяных браслетов окатаны, словно галька, как если бы отхлынувшие от Элефантины воды, позволившие его совершить, затем временно возвращались сюда с большей или меньшей силой и энергией. При этом находившиеся поблизости захоронения «стадии»[26] Нагада III и архаического периода так не пострадали: они были устроены в аллювиальных (?) песчаных отложениях, «с простыми очагами поверх могил» и одним покойником с головой «на куче ячменных зерен» [Dreyer et al., 2005; 2008], что, очевидно, исключает их дальнейший контакт с проточной речной водой и может служить материальным признаком и хронологическим маркером постепенного затухания «неолитического спада» и стабилизации Главного Нила около его «исторических»[27] уровней.

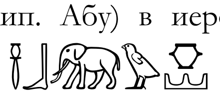
[24] Даже «катастрофическими» [Gatto, 2019].
[25] См.: [Wefers, Mangartz, 2014].
[26] См.: [Kaiser, 1957].
[27] См.: [Schäfer, 1902].

Илл. 5. Южная оконечность острова Элефантина (по: [Moeller, 2016, fig. 5.31])

Допускаю в качестве рабочей гипотезы, что за отступлением Реки от Элефантины, с обретением островом привычных нам физических очертаний и целостности, стояла куда более фундаментальная русловая метаморфоза нубийско-египетского Нила на заре фараоновской цивилизации: появление здесь к концу IV тыс.

до н. э. прежде скрытого или «исчезающе» затопленного ранне- и среднеголоценовым Неонилом сравнительно крутого скалисто-каменистого порога, который скоротечно и как по волшебству образовал для окрестного перемешанного народонаселения зримое и чувствительное, даже опасное (пусть и технически преодолимое) естественное препятствие, сначала «геоморфологически», а в итоге и «геополитически» отделившее Нижнюю Нубию от Верхнего Египта. Отсутствие на Реке этого порога в додинастическую эпоху могло стать решающим природным фактором благоприятствования ярко засвидетельствованному археологически [28] «симбиозу» традиций Группы А и неолитической (амратской) Нагады, в то время как последняя была отчуждена от этно- и культурогенеза низовой нильской Долины и Дельты «голоценовым морем» — гипотетически реконструируемым мной протяженным озером на среднеегипетском Ниле [Прусаков, 2018а; 2018б]; предварительно полагаю, что именно усыхание указанного озера и выступление из-под воды 1-го порога, как комплексный результат «эволюционного» падения речного стока в Египте с прерыванием влажного атлантического климатического оптимума [29] и завершением формирования современного мегабассейна Белого, Голубого и Главного Нила [30], окончательно определили вмещающий ландшафт зарождавшегося государства фараонов, наложив свой отпечаток на мироощущение (мифологию, религию и т. п.) очевидцев «катаклизма» и их потомков.

«Сиенский катаракт» в древнем Египте носил особое название сродни имени собственному: *qbH.w* , буквально означавшее «водная местность» и связанное по смыслу с понятиями «возливать» и «холодная вода» [Faulkner, 1991; Wb. V] — как вариант, «Земля излияния воды (Реки)», с отражением веры египтян в то, что асуанские пороги являются родниками Нила[31]. Судя по детерминативу, роль которого в этом слове играет иероглиф — «песчаные холмы за краем возделанных полей», подразумевавшие «пустыню» или «чужбину» (знак N25 у А. Гардинера [Gardiner, 1976]), «местность» *qbH.w* с ее «властелином» Хапи, таящимся в здешних недрах со своими священными, источающими Реку сосудами, воспринималась египтянами как нечто инородное их собственной земле, возможно, искони противостоявшее или даже угрожавшее ей в такой степени, что один только вид неожиданно выросших из воды мрачных мертвых скал побуждал укрыться от них за крепостными стенами. Более того, сам остров Элефантина (егип. Абу) в иероглифике нередко определялся этим же детерминативом, например: [Urk. I, 107]. Вместе с тем [32], помня о бинарных оппозициях, которые, описывая мир древних египтян, качественно разграничивали его земли по цвету на «черную» (заливную пойму) *km.t* и «красную» (безводную пустыню) *dSr.t*, по топографии на «верхнюю» (надпойменные террасы и плато) *Hr.t* и «нижнюю» (речную долину) *tA* и т. п., за изображавшимся на письме с помощью знака N25 понятием «чужеземье» *xAs.t* [Wb. III] в его оппозиции

[28] См., например: [Török, 2009].
[29] См.: [Клименко, 1997].
[30] См.: [Said, 1981].
[31] См.: [Прусаков, 2019].
[32] Я благодарен М. А. Чегодаеву за консультацию и обмен мнениями по этому вопросу.

к *tA-mrj* [Wb. V][33] — «возлюбленному» Египту как стране, окультуренной мотыгой земледельца, логично угадывать не столько географическую, сколько «аграрную» пустыню, которая не может обрабатываться *людьми* и наполнять урожаем их житницы.

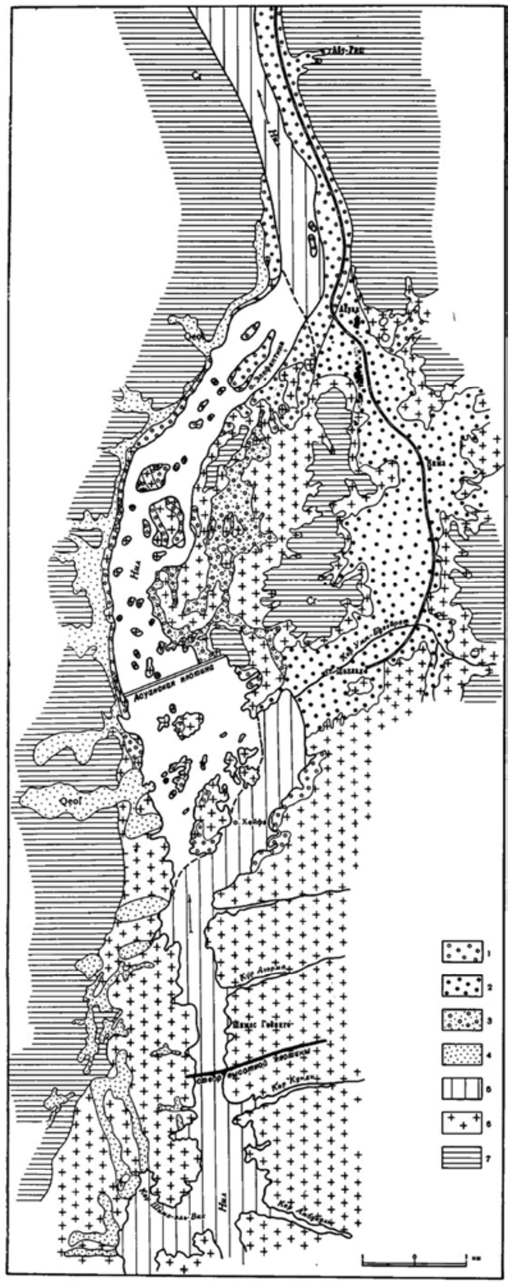
Действительно, «от Каира до Луксора и несколько южнее полоса обрабатываемых земель обычно достигает нескольких километров в ширину, но ближе к Асуану она сужается почти до одного километра, а местами холмистая пустыня, которая повсюду недалека, подходит вплотную к реке. Так продолжается далеко за Вади Хальфой…» [Хёрст, 1954]. С. Бейкер, созерцая окрестности катаракта у острова Филэ, записывал: «Берега потока здесь зажаты рядами холмов высотой от 100 до 250 футов, совершенно лишенных почвы и образованных огромными нагромождениями глыб красного гранита — грубая каменная работа Природы, огородившей реку стенами. Ложбины между холмами забиты желтым песком, который, наносимый ветром, во многих местах полностью засыпал узкие ущелья… Эта земля выглядит так, словно на ней лежит бремя проклятия Небес; бедность, бесплодие и обжигающий жар — вот ее характерные приметы. Раскаленные скалы, без малейшей растительности, отражают солнце с такой силой, что ее нужно ощутить, чтобы осознать. Несчастные люди, живущие в деревнях на этих берегах, хватаются за любую оставленную рекой отмель — их единственный сельскохозяйственный ресурс, — тотчас же используя ее под скудные посадки дынь, тыкв и чечевицы… У Асуана отмели состоят из чистого песка, принесенного с порогов, поэтому к нему следует добавлять грунт, чтобы здесь можно было что-то вырастить. Люди берут землю из руин древнего города; они перевозят ее по реке на лодках и разбрасывают по отмелям, добывая этим изнурительным трудом необходимый для посевов перегной» [Baker, 1867]. Как писали очевидцы еще раньше, «в Асуане не сыщешь ни масла, ни молока, а все сие привозится из нижнего Египта, что самое разуметь надобно и о дворовых птицах. Финики не достигают также никогда своей зрелости» [Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, 1795].

Слово специалисту-геологу: «Вблизи Асуана современная долина прорезает краевую часть массива асуанских гранитов метаморфического комплекса, перекрытых полого падающими к северу — северо-западу нубийскими песчаниками. В отличие от участков, унаследовавших долину пра-Нила, здесь отчетливо устанавливается весьма ограниченное развитие аллювия в русле реки, которое выработано в крепких скальных породах и разделено множеством крупных и мелких островов на ряд узких, извилистых и порожистых проток. Наиболее полно характер дна долины Нила на этом участке прослеживается в районе старой Асуанской плотины в то время года, когда большинство ее затворов закрыто и в нижнем бьефе из-под воды выходит на поверхность значительный по площади участок весьма неровного и скалистого дна реки. Лишь на некоторых крупных островах (Элефантина и др.) кое-где сохраняется пойменный аллювий (переслаивание суглинков и песков), слагающий участками берега и нивелирующий собой крайне неровную поверхность этих выступов в дне реки. Конфигурация таких островов постоянно меняется вследствие размыва сложенных

[33] Иногда также с детерминативом , см.: [Faulkner, 1991].

песками и суглинками берегов во время паводков. Только на уровне самого нижнего из островов Первого порога — Элефантины (на участке сочленения молодой долины с долиной пра-Нила) по берегам реки появляется четко выраженная в рельефе пойменная терраса высотой до 8–10 м, протягивающаяся вниз по течению почти непрерывно вдоль правого берега и сохранившаяся участками вдоль левого» (*илл. 6*) [Чумаков, 1967]. Все ныне предпринимаемые в перенаселенном Египте с международной помощью попытки модернизировать и расширить сельскохозяйственное использование земель, задействуя новейшие, в т. ч. космические, научно-технические методы и средства, «к западу от долины Нила у Асуана» наталкиваются на извечную проблему безводной «холмистой местности» и каменно-песчаных массивов, подступающих здесь к самой Реке (см., например: [Koch, Burkholder, Gaber, 2012]).

Геоморфологически 5-километровый 1-й порог являлся окончанием весьма длинного гранитного ущелья, которое до создания Высотной Асуанской плотины и водохранилища Насер заключало в себе Нил еще на 30-километровом отрезке русла вверх по течению от острова Филэ [Willcocks, 1894]. Таким образом, порог отделял и предвосхищал своими неприветливыми голыми скалами лежавшие к югу от Египта чуждые пахарю дикие края, имеющие «лишь несколько отдельных участков, где земледелие достигает значительных размеров» [Хёрст, 1954][34]. Предполагаемое возникновение на Ниле в конце IV тыс. до н. э. «Сиенского катаракта» для египтян, по сути, было бы и физически, и «мировоззренчески»

Фиг. 16. Схематическая геологическая карта долины Нила в Асуанском районе
1 — голоценовый аллювий; 2 — среднеплейстоценовый аллювий в «сухой» долине пра-Нила, перекрытый маломощным делювиальным покровом; 3 — верхнеплейстоценовый (?) аллювий; 4 — голоценовые эоловые отложения; 5 — современное русло Нила в пределах долины пра-Нила; 6 — породы кристаллического фундамента; 7 — нубийские песчаники (породы, обозначенные знаками 6—7, слагают днище палео-Нила и частично перекрыты плиоценовым аллювием)

Илл. 6. Геологическая карта района 1-го порога и Асуана (по: [Чумаков, 1967, фиг. 16])

[34] См. также: [Auenmüller, 2019]; ср. с Нубией «между Асуаном и Хальфой» перед строительством «британской» Асуанской дамбы: «Тут и там видны следы древней культивации, но поскольку вековая борьба местного населения с песчаными наносами шла с перерывами, а деятельность природы никогда не прекращалась, площадь возделываемых земель сократилась до минимума»: «редких клочков» и «очень узких полос» [Willcocks, 1894].

равносильно обусловленному развивавшейся аридизацией Сахары наступлению «Красных» земель, отрезавших «Черную» от внешнего «перевернутого» мира; не отсюда ли феномен враждебной Та-сети и одинаковые иероглифы-детерминативы пороговых и пустынных пределов Египта? Подоплека же мифологизации, казалось бы, столь «близкого», привычного и доступного древним египтянам руслового образования в контексте изложенной гипотезы о «Земле излияния Реки» может восходить, например, к первозданному «хаосу воды», порождающему материальные объекты и божественные субстанции.

Литература / References

Авдиев В. И. *История Древнего Востока*. Л., 1953 [Avdiev V. I. *The History of the Ancient East*. Leningrad, 1953 (in Russian)].

Вигасин А. А., Дандамаев М. А., Крюков М. В., Кузищин В. И., Массон В. М., Редер Д. Г., Соловьева С. С., Деопик Д. В. *История Древнего Востока*. М., 1988 [Vigassin A. A., Dandamaev M. A., Kryukov M. V., Kuzischin V. I., Masson V. M., Reder D. G., Soloviova S. S., Deopik D. V. *The History of the Ancient East*. Moscow, 1988 (in Russian)].

Виноградов И. В. Среднее царство в Египте и нашествие гиксосов. *История Востока*. Т. 1. *Восток в древности*. М., 1997. С. 165–175 [Vinogradov I. V. The Middle Kingdom in Ancient Egypt and the Hyksos Invasion. *The History of the East*. Vol. 1. *The East in Ancient Times*. Moscow, 1997. Pp. 165–175 (in Russian)].

Гвоздецкий Н. А. *Карстовые ландшафты*. М., 1988 [Gvozdetsky N. A. *Karst Landscapes*. Moscow, 1988 (in Russian)].

Демидчик А. Е. *Безымянная пирамида: Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии*. СПб., 2005 [Demidchik A. E. *A Nameless Pyramid: The State Doctrine of the Ancient Egyptian Heracleopolitan Monarchy*. Saint Petersburg, 2005 (in Russian)].

Жизнеописание вельможи Уны (пер. Ю. Я. Перепелкина). Коростовцев М. А., Кацнельсон И. С., Кузищин В. И. (ред.) *Хрестоматия по истории Древнего Востока*. Ч. 1. М., 1980. С. 21–24 [Life-Story of the Official Weni (transl. by Yu. Ya. Perepelkin). Korostovtzev M. A., Katznelson I. S., Kuzischin V. I. (eds.). *Chrestomathy on the History of Ancient East*. Part 1. Moscow, 1980. Pp. 21–24 (in Russian)].

Клименко В. В. О главных климатических ритмах голоцена. *Доклады Академии наук*. 1997. 357. С. 399–402 [Klimenko V. V. Principal Climatic Rhythms of the Holocene. *Doklady Akademii nauk (Transactions of the Russian Academy of Sciences)*. 1997. 357. Pp. 399–402 (in Russian)].

Лебедев М. А. *Слуги фараонов вдали от Нила: развитие контактов древнеегипетской цивилизации с окружающими областями в эпоху Древнего и Среднего царств*. СПб., 2015 [Lebedev M. A. *Servants of the Pharaohs Away from the Nile: Development of Contacts of Ancient Egyptian Civilization with Adjacent Areas in the Old and Middle Kingdoms*. Saint Petersburg, 2015 (in Russian)].

Пиотровский Б. Б. *Вади Аллаки — путь к золотым рудникам Нубии. Древнеегипетские наскальные надписи*. М., 1983 [Piotrovsky B. B. *Wadi Allaki — the Route to the Gold Mines of Nubia. Ancient Egyptian Rock Inscriptions*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. 1. С. 70–80 [Proussakov D. B. Lakes on the Prehistoric River Nile: “Hydrological” Outlook for Egyptian Archaeology. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018a. 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018б. 6. С. 72–85 [Proussakov D. B. A “Holocene

Sea" in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018б. 6. Pp. 72–85 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть I. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. 3. С. 12–31 [Proussakov D. B. The Hypothesis of the "Land of Outpouring of the River": On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part I. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019. 3. Pp. 12–31 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Гипотеза о «Земле излияния Реки»: к предыстории 1-го порога в контексте гидрологии среднеголоценового Нила. Часть II. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. 1. С. 12–32 [Proussakov D. B. The Hypothesis of the "Land of Outpouring of the River": On the Prehistory of the First Cataract in the Context of Hydrology of the Mid-Holocene Nile. Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 12–32 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Додинастический Египет: лодка у истоков цивилизации*. М., 2015 [Proussakov D. B. *Predynastic Egypt: A Boat at the Origins of Civilization*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Статистическое, географическое и топографическое описание Египта, собранное из новейших и наилучших известий разных путешествий. СПб., 1795 [*Statistical, Geographical and Topographical Description of Egypt Compiled from the Newest and Best Reports of Different Travels*. St. Petersburg, 1795 (in Russian)].

Хёрст Г. *Нил. Общее описание реки и использование ее вод*. М., 1954 [Hurst G. *The Nile. A General Account of the River and the Utilization of Its Waters*. Moscow, 1954 (in Russian)].

Чумаков И. С. *Плиоценовые и плейстоценовые отложения долины Нила в Нубии и Верхнем Египте*. М., 1967 [Chumakov I. S. Pliocene and Pleistocene Deposits of the Nile Valley in Nubia and Upper Egypt. Moscow, 1967 (in Russian)].

Auenmüller J. Topography and Regional Geography of Nubia: River, Cataract and Desert Landscapes. Raue D. (ed.). *Handbook of Ancient Nubia*. Vol. 1. Berlin, 2019. Pp. 39–61.

Baker B. The Nile Dams and Reservoir. *Popular Science Monthly*. 1903. 62. Pp. 550–561.

Baker S. W. *The Nile Tributaries of Abyssinia, and the Sword Hunters of the Hamran Arabs*. L., 1867.

Ballard G. A. The Egyptian Obelisk Lighter. *Mariner's Mirror*. 1947. 33. Pp. 158–164.

Breasted J. H. *Ancient Records of Egypt*. Vol. I. *The First to the Seventeenth Dynasties*. Chicago, 1906.

Champollion-Figeac M. *Égypte ancienne*. Paris, 1839.

Creasman P. P. A Further Investigation of the Cairo Dahshur Boats. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2010. 96. Pp. 101–123.

Dreyer G., Arnold F., Budka J., Franke D., Hoffmann F., Keller D., Raue D. Stadt und Tempel von Elephantine: 33./34./35. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 2008. 64. S. 63–151.

Dreyer G., Bommas M., Budka J., Duttenhöfer R., Jeuthe C., Jones J., Kopp P., Kroll H., Laskowska-Kusztal E., Pasternak R., Pilgrim B. von, Pilgrim C. von, Raue D., Schaten S., Seidlmayer S. J., Ubertini C. Stadt und Tempel von Elephantine: 31./32. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 2005. 61. S. 13–138.

Dreyer G., Kaiser W. Zu den kleinen Stufenpyramiden Ober- und Mittelägyptens. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1980. 36. S. 43–59.

Eames A. (ed.). *The Nile*. Singapore, 1992.

Fairbridge R. W. Effects of Holocene Climatic Changes on Some Tropical Geomorphic Process. *Quarternary Research*. 1976. 6. Pp. 529–556.

Faulkner R. O. *A Concise Dictionary of Middle Egyptian*. Oxford, 1991.

Gardiner A. H. *Egypt of the Pharaohs*. Oxford, 1961.

Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*. Oxford, 1976.

Gatto M. C. Egypt and Nubia in the 5th–4th Millennia BCE: A View from the First Cataract and Its Surroundings. *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2009. 13. Pp. 125–145.

Gatto M. C. The Later Prehistory of Nubia in Its Interregional Setting. Raue D. (ed.). *Handbook of Ancient Nubia*. Vol. 1. Berlin, 2019. Pp. 259–292.

Gordon C. H. *The Ancient Near East*. New York, 1965.

Hanna W. S., El Ramli M. H., Shawky M. F. *Study on the Salvage of the Philae Monuments Based on Removal to Agilkia Island*. Cairo, 1970.

Heinzelin J. de. Geological History of the Nile Valley in Nubia. Wendorf F. A. (ed.). *The Prehistory of Nubia*. Vol. 1. Dallas, 1968. Pp. 19–55.

Hornell J. Frameless Boats of the Middle Nile. *Sudan Notes and Records*. 1942. 25. Pp. 1–36.

Hornell J. The Sailing Ship in Ancient Egypt. *Antiquity*. 1943. 17. Pp. 27–41.

Jenkins N. *The Boat Beneath the Pyramid: King Cheops' Royal Ship*. London, 1980.

Kaiser W. Zur inneren Chrohologie der Naqadakultur. *Archaeologia Geographica*. 1957. 6. S. 69–77.

Kaiser W., Becker P., Bommas M., Hoffmann F., Jaritz H., Müntel S., Pätznick J.-P., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 21./22. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1995. 51. S. 99–187.

Kaiser W., Bommas M., Jaritz H., Krekeler A., Pilgrim C. von, Schultz M., Schmidt-Schultz T., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 19./20. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1993. 49. S. 133–187.

Kaiser W., Dreyer G., Jaritz H., Kretzeler A., Lindemann J., Pilgrim C. von, Seidlmayer S. J., Ziermann M. Stadt und Tempel von Elephantine: 15./16. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1988. 44. S. 135–182.

Kaiser W., Grossmann P., Haeny G., Jaritz H. Stadt und Tempel von Elephantine: 4. Grabungsbericht. *Mitteilungen des Deutschen archäologischen Instituts, Abteilung Kairo*. 1974. 30. S. 65–90.

Koch M., Burkholder B., Gaber A. Identifying Suitable Areas for Agricultural Expansion in the Western Desert of Egypt by Multisensor Data Fusion. *IEEE International Geoscience and Remote Sensing Symposium. Munich, Germany, July 22–27, 2012*. Washington, 2012. Pp. 2683–2686.

Kopp P. *Elephantine XXXII: Die Siedlung der Naqadazeit*. Mainz am Rhein, 2006.

Margiotta J. M. *Charles Edwin Wilbour and the Birth of American Egyptology*. Raleigh, 2009.

Mark S. The Abydos BG 10 Boat and Implications for Standartisation, Innovation, and Timber Conservation in Early Dynastic Boat-Building. *Journal of Egyptian Archaeology*. 2012. 98. Pp. 107–126.

Moeller N. *The Archaeology of Urbanism in Ancient Egypt: From the Predynastic Period to the End of the Middle Kingdom*. Cambridge, 2016.

O'Mara P. F. *The Palermo Stone and the Archaic Kings of Egypt*. La Canada, 1979.

Patch D. C., Haldane C. W. *The Pharaoh's Boat at the Carnegie*. Pittsburgh, 1990.

Raue D. *Elephantine und Nubien vom 4.–2. Jahrtausend v. Chr.* Berlin, 2018.

Raue D. Nubians on Elephantine Island. *Sudan & Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2002. 6. Pp. 20–24.

Raue D. Who Was Who in Elephantine of the Third Millennium BC? *British Museum Studies in Ancient Egypt and Sudan*. 2008. 9. Pp. 1–14.

Redmount C. A. The Wadi Tumilat and the "Canal of the Pharaohs". *Journal of Near Eastern Studies*. 1995. 54. Pp. 127–135.

Said R. *The Geological Evolution of the River Nile*. New York, 1981.

Schäfer H. *Ein Bruchstück altägyptischer Annalen*. Berlin, 1902.

Seidlmayer S. J. *Historische und moderne Nilstände: Untersuchungen zu den Pegelablesungen des Nils von der Frühzeit bis in die Gegenwart*. Berlin, 2001.

Seidlmayer S. J. Town and State in the Early Old Kingdom. A View from Elephantine. Spencer A. J. (ed.). *Aspects of Early Egypt*. London, 1996. Pp. 108–127.

Sethe K. *Ägyptische Lesestücke: Zum Gebrauch im akademischen Unterricht. Texte des Mittleren Reiches*. Hildesheim, 1959.

Storemyr P. A Prehistoric Geometric Rock Art Landscape by the First Nile Cataract. *Archéo-Nil*. 2009. 19. Pp. 121–150.

Storemyr P., Kelany A., Negm M. A., Tohami A. More 'Lascaux Along the Nile'? Possible Late Palaeolithic Rock Art in Wadi Abu Subeira, Upper Egypt. *Sahara*. 2008. 19. Pp. 155–158.

Toonen W. H. J., Graham A., Pennington B. T., Hunter M. A., Strutt K. D., Barker D. S., Masson-Berghoff A., Emery V. L. Holocene Fluvial History of the Nile's West Bank at Ancient Thebes, Luxor, Egypt, and Its Relation with Cultural Dynamics and Basin-Wide Hydroclimatic Variability. *Geoarchaeology*. 2018. 33. Pp. 273–290.

Török L. *Between Two Worlds. The Frontier Region between Ancient Nubia and Egypt 3700 BC — AD 500*. Leiden, 2009.

Tristant Y., Briois F., Castel G., Onézime O. "Barques sur le Nil…" Le mastaba M06 d'Abou Rawach et sa barque funéraire (Ire dynastie, règne de Den): découverte de la plus ancienne embarcation égyptienne actuellement conservée en Égypte. *Bulletin de l'Institut Français d'Archéologie Orientale*. 2014. 114. Pp. 563–588.

Urk. I = Sethe K. *Urkunden des Alten Reiches*. Bd. I. Leipzig, 1933.

Urk. IV = Sethe K. *Urkunden der 18. Dynastie*. Bd. I. Leipzig, 1906.

Ward C. A. *Sacred and Secular: Ancient Egyptian Ships and Boats*. Philadelphia, 2000.

Ward C. A. Sewn Planked Boats from Early Dynastic Abydos, Egypt. Beltrame C. (ed.). *Boats, Ships and Shipyards: Proceedings of the Ninth International Symposium on Boat and Ship Archaeology*. Oxford, 2003. Pp. 19–23.

Wb. = Erman A., Grapow H. (Hrsg.). *Wörterbuch der ägyptischen Sprache*. Bd. I–V. Leipzig, 1926–1931.

Wefers S., Mangartz F. Millstones of Aswan Red Granite Found on the Island of Elephantine, Egypt. *AmS-Skrifter*. 2014. 24. Pp. 83–96.

Wehausen J. V., Mansour A., Ximenes M. C., Stross F. The Colossi of Memnon and Egyptian Barges. *The International Journal of Nautical Archaeology and Underwater Exploration*. 1988. 17. Pp. 295–310.

Wilbour C.-E. Canalizing the Cataract. *Recueil de travaux relatifs à la philologie et à l'archéologie égyptiennes et assyriennes: pour servir de bulletin à la Mission Française du Caire*. 1890. 13. Pp. 202–204.

Willcocks W. *Egyptian Irrigation*. Vol. II. London, 1913.

Willcocks W. *Report on Perennial Irrigation and Flood Protection for Egypt. With a Note by W. E. Garstin*. Cairo, 1894.

Willcocks W. *The Nile in 1904*. London, 1904.

Williams M. A. J., Williams F. M., Duller G. A. T., Munro R. N., El Tom O. A. M., Barrows T. T., Macklin M., Woodward J., Talbot M. R., Haberlah D., Fluin J. Late Quaternary Floods and Droughts in the Nile Valley, Sudan: New Evidence from Optically Stimulated Luminescence and AMS Radiocarbon Dating. *Quaternary Science Reviews*. 2010. 29. Pp. 1116–1137.

Ziermann M. *Elephantine XVI: Befestigungsanlagen und Stadtentwicklung in der Frühzeit und im frühen Alten Reich*. Mainz am Rhein, 1993.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Philae Resurrected. *Unesdoc*. URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000149362 (дата обращения 30.04.2020).

Storemyr P. *The Palaeolithic Rock Art in Wadi Abu Subeira, Egypt: Landscape, Archaeology, Threats and Conservation*. URL: https://per-storemyr.net/2012/05/01/the-palaeolithic-rock-art-in-wadi-abu-subeira-egypt-landscape-archaeology-threats-and-conservation/ (дата обращения 30.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-128-145

ЕГИПЕТСКИЕ РЕЛЬЕФНЫЕ ФЛЯГИ ГРЕКО-РИМСКОГО ВРЕМЕНИ В ГИЗЕ

С. Е. Малых*

В статье анализируются египетские фляги с рельефным декором, обнаруженные Российской археологической экспедицией Института востоковедения РАН в Гизе в 1999–2017 гг. На основе сравнительного материала, собранного М. Сейф эль-Дин, установлена их датировка I в. до н. э., т. е. поздним Птолемеевским — ранним Римским периодами. Технологические особенности фляг из Гизы (фактура глины, форма матрицы, особенности обжига) позволяют атрибутировать четыре из них как продукцию гончарных мастерских Мемфиса и отнести к типу *Memphis Black Ware*; одна красноангобированная фляга могла быть изготовлена в Атрибисе или Фаюме. Используемые для декорирования фляг из Гизы растительные мотивы имитируют различные виды египетских водных растений — лотос орехоносный, голубой лотос или нильскую кувшинку. Стиль орнамента носит не египетский, а эллинизированный характер. Изучение ареала греко-римских рельефных фляг, бытовавших в двух вариациях (красной и черной) позволяет говорить о приуроченности этого типа к птолемеевским городским центрам Нижнего и Среднего Египта — т. е. нильской Дельты и Фаюмского оазиса. Главным центром производства и использования таких фляг был Мемфис и его округа, включая некрополи Гизы и Саккары. Другими производственными центрами таких изделий были Атрибис и Фаюм. Вероятно, рельефные фляги, наряду с грецизированными терракотовыми статуэтками греко-римского времени, являлись привычными для городского среднего класса, в значительной степени воспринявшего эллинскую культуру, но недоступными для основного населения Египта — крестьян, довольствовавшихся привычной и простой керамической утварью и хранивших египетские традиции. Возможно, именно этим можно объяснить малую распространенность этих сосудов на территории Египта.

Ключевые слова: Древний Египет, греко-римский Египет, Мемфис, Атрибис, Фаюмский оазис, рельефная керамика, керамические матрицы, Memphis Black Ware.

Для цитирования: Малых С. Е. Египетские рельефные фляги греко-римского времени в Гизе. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 128–145. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-128-145

EGYPTIAN RELIEF FLASKS OF GRAECO-ROMAN TIMES IN GIZA NECROPOLIS

Svetlana E. Malykh

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-2077-7285

The article analyses Egyptian flasks with relief decoration that were discovered by the Russian Archaeological Mission of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in Giza in 1999–2017. Based on the comparative material collected by Mervat Seif el-Din, they are dated to the 1st century B.C. The technological features of the Giza flasks (clay fabrics, shape of moulds, firing features) allow attributing four of them to Memphis pottery workshops and classifying as *Memphis Black Ware*; one red-slipped flask could be made in Atribis or Fayum. The floral motifs used to decorate the flasks from Giza imitate various types of Egyptian aquatic plants — Indian lotus, a blue lotus or a Nile water lily. The style of the ornament is not Egyptian, but Hellenised. A study of the distribution area of Graeco-Roman relief flasks of two variations (red and black) suggests that this type is confined to the Ptolemaic urban centers of Lower and Middle Egypt — i.e. the Nile Delta and the Fayum Oasis. Memphis region, including the necropolises of Giza and Saqqara, was the center for the production and use of the flasks; other manufacturing centers were Atribis and Fayum. Relief flasks, along with Hellenised terracotta figurines of Graeco-Roman times, were probably familiar to the urban middle class, who largely adopted Hellenic culture, but were inaccessible to the main population of Egypt — peasants who settled for ordinary pottery utensils and preserved Egyptian traditions. This potentially explains why they weren't more widespread.

Keywords: Ancient Egypt, Graeco-Roman Egypt, Memphis, Atribis, Fayum Oasis, relief pottery, ceramic moulds, *Memphis Black Ware*.

For citation: Malykh S. E. Egyptian Relief Flasks of Graeco-Roman Times in Giza Necropolis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 128–145. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-128-145

За 24 года работ Российской археологической экспедиции Института востоковедения РАН в Гизе (Египет) было найдено несколько десятков тысяч фрагментов керамики, относящейся к широкому хронологическому интервалу — от III тыс. до н. э. до начала XX в. Среди них весьма представительную группу составляет керамика греко-римского времени (332 г. до н. э. — 395 г. н. э.), к которой относится и т. н. рельефная керамика — глиняные сосуды, сделанные посредством оттиска в матрице. Несмотря на такой способ производства, позволяющий производить одинаковые изделия большими партиями, рельефной керамики на участке Российской экспедиции на восточной оконечности Восточного плато Гизы найдено мало: на данный момент керамическая коллекция включает четыре фрагмента небольших фляг, три фрагмента амфорисков и один фрагмент вазы. Другие археологические миссии в Гизе также не могут похвастать разнообразием подобных находок: единственная рельефная фляга была обнаружена американской экспедицией Дж. Райзнера в 1925 г. Данная статья посвящена изучению древнеегипетских керамических фляг с рельефным декором.

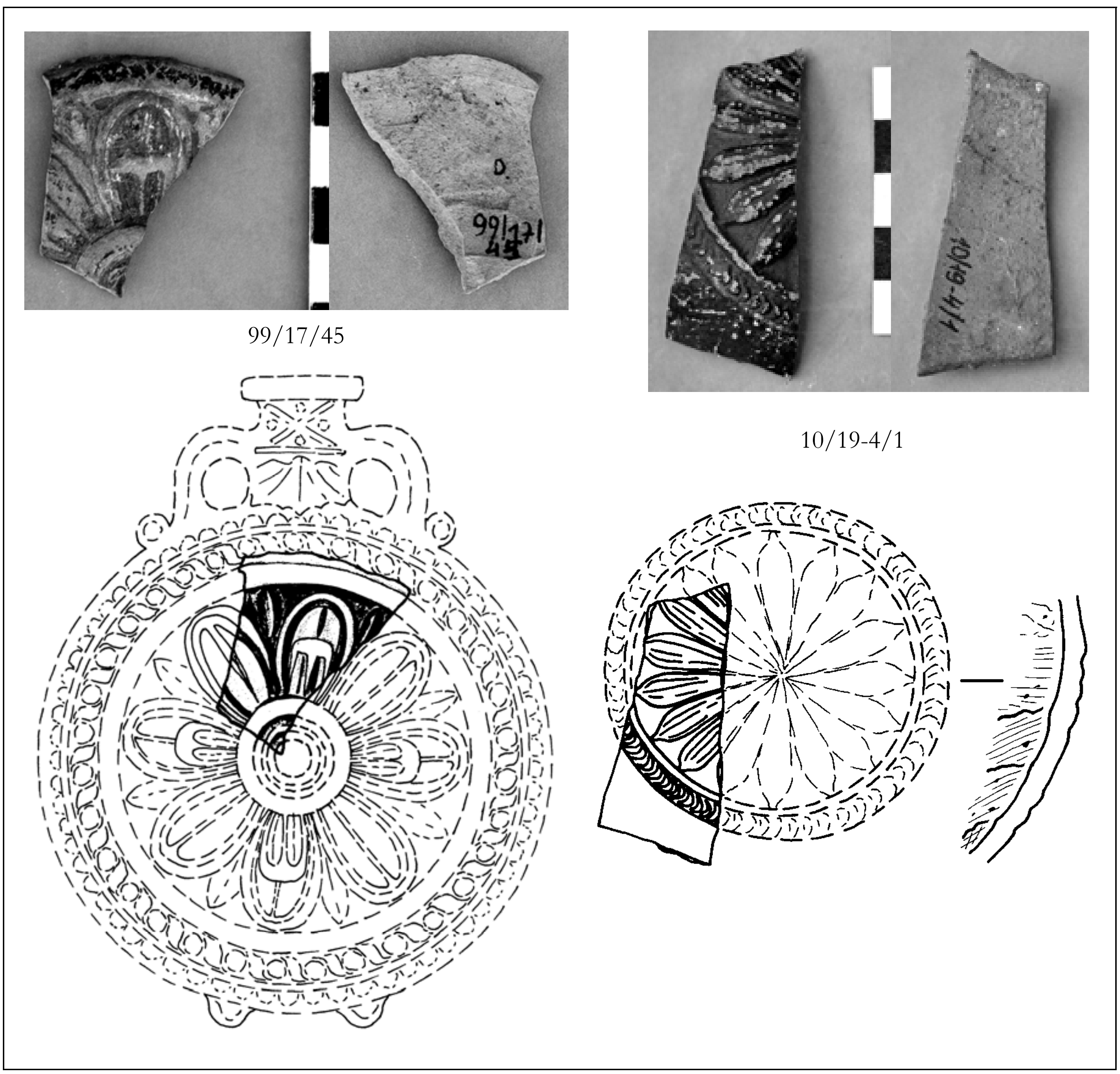
Рельефные фляги из российских раскопок в Гизе

Первый фрагмент рельефной фляги (полевой номер 99/17/45, *илл. 1*) был найден в 1999 г. в перемешанном заполнении погребальной шахты 17, расположенной у входа в скальную гробницу Хафраанха (G 7948) [Kormysheva, Malykh, Vetokhov, 2012, p. 20, 26, fig. 8]. Захоронение в шахте было уничтожено древними грабителями, поэтому невозможно установить, являлась ли фляга инвентарем позднего вторичного погребения или использовалась жившими поблизости людьми в быту, была разбита и выброшена.

Фрагмент размером 4,5 x 3 см представляет собой центральную часть тулова небольшой фляги. На лицевой стороне находится рельефный растительный декор,

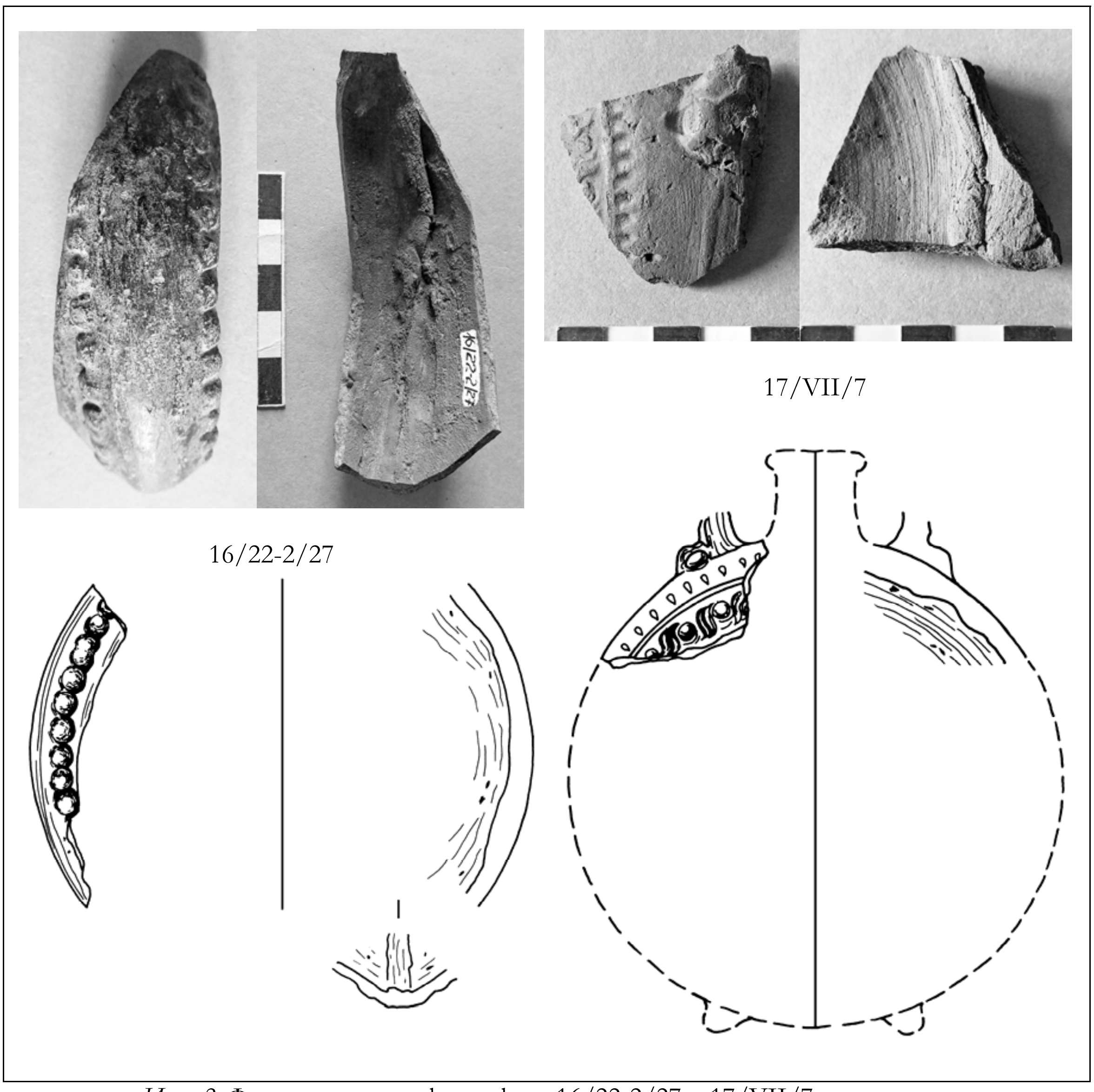
обратная сторона имеет грубую, неаккуратно сформованную поверхность. Необычны цвет и фактура изделия: на лицевой стороне видны следы черного и полублестящего покрытия, внутренняя сторона серая.

Второй фрагмент (10/19-4/1, размеры 6,2 х 2,4 см, *илл. 1*) был найден в 2010 г. при раскопках скальной гробницы начальника царских ювелиров Перинеджу (GE 19), в погребальной шахте 4. Археологический контекст предмета также нарушен: заполнение шахты было переотложено в результате неоднократных грабительских проникновений. От фляги сохранилась лишь центральная часть тулова с растительным декором, а внешний вид и цвет глины близки фрагменту 99/17/45.

Илл. 1. Фрагменты рельефных фляг 99/17/45 и 10/19-4/1 из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (*реконструкция, рис. и фото автора*)

Спустя шесть лет в перемешанной части заполнения погребальной камеры 2А гробницы чиновника Перинеджу (LG 78) был выявлен третий фрагмент фляги (16/22-2/27, размеры 9,0 x 3,6 см, *илл. 2*) [Kormysheva et al., 2018, p. 64, fig. 42, pl. CXX]. В этом же слое, являющемся засыпкой вторичного захоронения II в. до н. э., присутствовала керамика Древнего и Нового царств, Позднего, Птолемеевского и Византийского периодов [Kormysheva et al., 2018, p. 57–59, pl. LVIII (layers 8–16)]. В отличие от первых двух фрагментов в этот раз от фляги уцелела боковая часть тулова (по этой причине декор реконструируется плохо), демонстрирующая соединительный шов двух деталей, из которых состояло тулово сосуда. Фактура глины идентична предмету 99/17/45, так же как и тип обжига — восстановительный.

Илл. 2. Фрагменты рельефных фляг 16/22-2/27 и 17/VII/7 из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе (*реконструкция, рис. и фото автора*)

Четвертый фрагмент (17/VII/7, размеры 5,1 х 3,9 см, *илл. 2*) был обнаружен в 2017 г. в верхнем (балластном) слое к юго-западу от гробницы Кахерптаха (G 7721), поэтому археологический контекст предмета восстановлению не подлежит. Он представляет собой боковую часть фляги с корнем ручки (декор представлен фрагментарно); как и в предыдущем случае, хорошо видно место соединения двух деталей сосуда, оттиснутых в матрице. Образец 17/VII/7, единственный из пока найденных в Гизе, имеет красно-коричневый цвет глины, выделяющейся значительной примесью слюды; снаружи он покрыт красным ангобом. Таким образом, данный экземпляр относится к иной группе рельефных фляг, подвергнутых окислительному обжигу — наиболее распространенному в древнеегипетском гончарстве.

Все указанные фрагменты принадлежат керамическим сосудам, обычно именуемым «флягами путешественников» или «походными флягами» (Pilgerflaschen, pilgrim flasks), имеющим сферическое, сплюснутое с двух сторон тулово, узкое горлышко, две небольших ручки и пару ножек-выступов. Их высота варьируется от 5 до 20 см. Вероятно, совсем небольшие фляги-ампулы предназначались для хранения различных косметических, лекарственных веществ и масел, а более крупные — для вина, особенно если принять во внимание изображение на некоторых из них дионисийских сюжетов [Seif el-Din, 1992, p. 122; 2006, S. 1, 130–131].

Форма двуручных фляг появилась в Египте в эпоху Нового царства и имеет греческие, сирийские либо кипрские корни. Несмотря на иноземное происхождение, она прижилась в стране на Ниле и стала использоваться не только для керамических, но также для фаянсовых, медных и кальцитовых сосудов [Seif el-Din, 2006, S. 7–14].

Рельефные фляги в других частях Гизы

На данный момент из раскопок других экспедиций в Гизе известна единственная рельефная фляга (*илл. 3*), обнаруженная в феврале 1925 г. совместной миссией Гарвардского университета и Бостонского музея изящных искусств в шахте C сырцовой мастабы G 7641, с юга примыкающей к двойной каменной мастабе G 7610+7620 на Восточном плато Гизы[1]. Мастаба была датирована эпохой Древнего царства, однако шахта C содержала шесть вторичных погребений греко-римского времени, частично ограбленных. Целая фляга вместе с другими неразбитыми сосудами была обнаружена в «дебризе» (перемешанном слое) шахты[2]. Здесь также были найдены арибаллический лекиф, унгвентарий, одноручные кувшины для воды, две чаши (одна из них типа *эхинус*, от др.-греч. ἐχῖνος — «морской еж»), два чана, два котла типов *каккабос* и *хютра* (от др.-греч. *κάκκαβος* / *κακκάβη* и *χύτρα*); все они имеют параллели в керамике из птолемеевского города Тебтюнис, располагавшегося в Фаюмском оазисе, и датируются

[1] Полевая опись находок OR, vol. 10, p. 463 (полевой номер фляги 25-2-993). *The Giza Archives*. URL: http://www.gizapyramids.org/view/sites/asitem/search@/0?t:state:flow=ddc0f43c-59a7-41b6-8a75-92ba0ebb1d97 (дата обращения 15.04.2020).

[2] См. полевой дневник Harvard-Boston Expedition, vol. 13, p. 257 (запись от 23 февраля 1925 г.: “G 7641 C: Down 480. Many pots in robbers’ debris mixed with sand”) и план погребений в G 7641 C (EG018266). *The Giza Archives*. URL: http://www.gizapyramids.org/view/diaries/asitem/search@/1/objectNumber-asc?t:state:flow=cda5ba84-f66a-45a4-b555-712b0355be41 (дата обращения 15.04.2020); http://www.gizapyramids.org/view/plansdrawings/asitem/search@/0?t:state:flow=ff2327a9-c13b-4544-a967-877be0a48bbd (дата обращения 15.04.2020).

либо I в. до н. э., либо концом I в. до н. э. — началом I в. н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 30–31, 46, 76, 78, 130 (no.22–26, 101–103, 250, 262–263, 562, 566), pl. 2, 8, 23–24, 59]. Возможно, керамика из шахты С первоначально являлась инвентарем погребений, но попала в засыпку шахты в результате деятельности грабителей.

Илл. 3. Рельефная фляга MFA 47.1664 из коллекции Бостонского музея изящных искусств (раскопки американской миссии в Гизе, 1925 г.) (по: URL: https://collections.mfa.org /objects/148287/lentoid-bottle (дата обращения 14.04.2020))

По соглашению с египетским правительством хорошо сохранившаяся фляга была отправлена в 1947 г. в Музей изящных искусств в Бостоне (MFA 47.1664)[3] Это небольшой сосуд высотой 14,5 см и диаметром тулова 11 см, коричневато-серого цвета (обжиг восстановительный), с темной полублестящей поверхностью. Рельефный декор в виде 26-лепестковой цветочной розетки, заключенный в круглую рамку, получен путем оттиска в матрице и находится на обеих сторонах фляги. Горло украшено перевернутой пальметтой; две небольших фигурных ручки отходят от средней части горлышка к плечикам сосуда. Округлое донце заканчивается двумя небольшими округлыми ножками.

Технология изготовления рельефных фляг

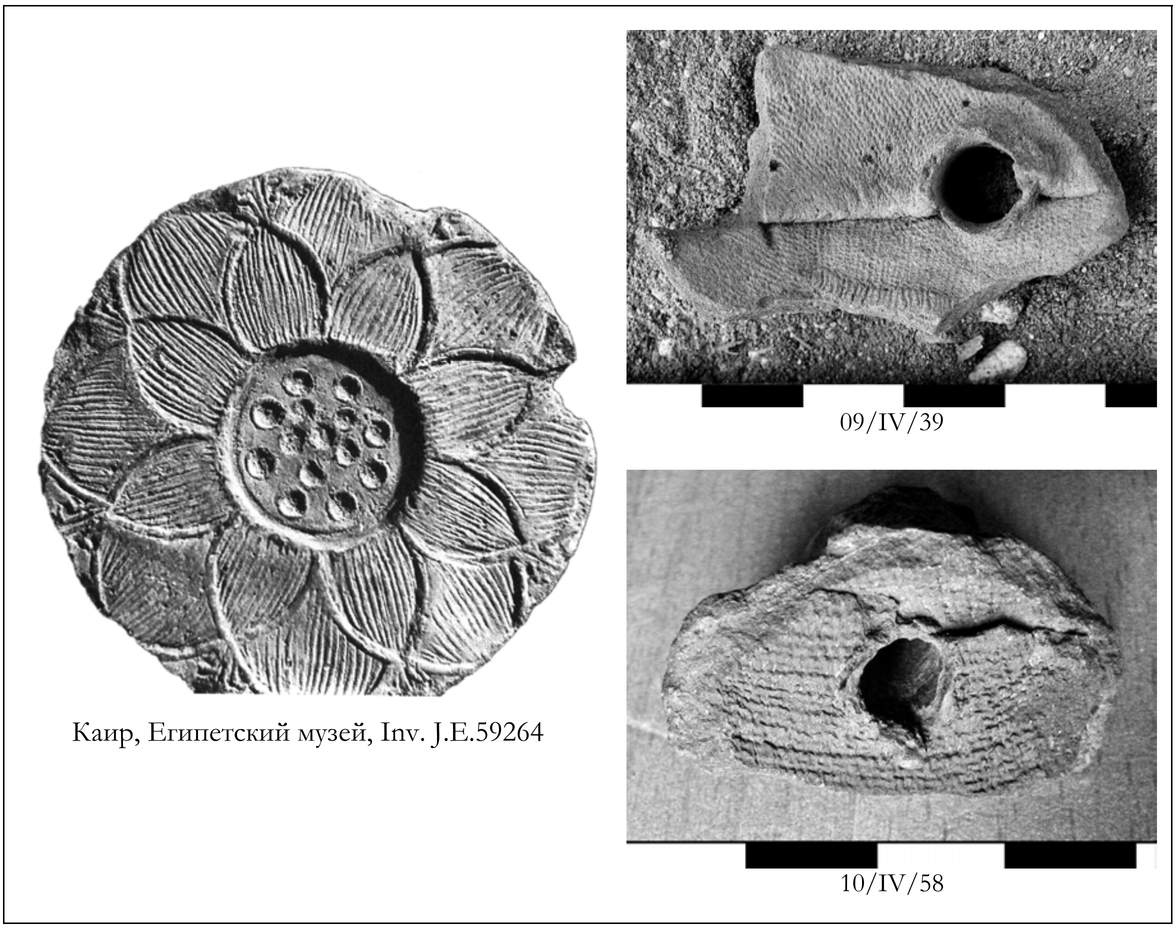
Глина и обжиг. Материалом для изготовления рельефных фляг из Гизы послужила нильская аллювиальная глина тонкой текстуры. У темно-серых и черных изделий заметно значительное присутствие кварцевого песка в глине. Это объясняет полублестящий вид внешней поверхности сосуда, который был получен путем обжига при высоких температурах, когда, благодаря кварцевому песку, происходит естественное самоостекленение поверхности изделия[4]. Черный, темно-серый, или коричневато-серый цвет гончарных изделий обусловлен восстановительным обжигом — т. е. в отсутствие

[3] Lentoid bottle 47.1664. *Museum of Fine Arts, Boston. Collections.* URL: https://collections.mfa.org/objects/148287/lentoid-bottle (дата обращения 15.04.2020).

[4] Все так называемые «glazed wares» имеют большую примесь кварца [Tomber, Dore, 1998, p. 52–53, 213]. О технике изготовления глазурованной керамики и ее отличии от египетского фаянса см. [Arnold, 1978, S. 32–33].

доступа кислорода [Лукас, 1958, с. 561–562]. Этот метод использовался в древнем Египте гораздо реже окислительного обжига, после которого изделия из аллювиальной глины приобретали различные оттенки красного и коричневого цветов.

Единственный экземпляр из Гизы с красным ангобом как раз был подвергнут окислительному обжигу. Более того, несмотря на тонкую фактуру нильской аллювиальной глины, кварцевого песка в ней мало, поэтому поверхность имеет обычный вид, улучшенный покрытием красного цвета — ангобом.

Илл. 4. Керамическая матрица для изготовления рельефного декора (*слева*) (по: [Seif el-Din, 2006, Taf. 4.4]); фрагменты египетских фляг Позднего периода (*справа*) из раскопок Российской археологической экспедиции ИВ РАН в Гизе, вид внутренней поверхности с отпечатками ткани (*фото автора*)

Формовка. Сосуды с рельефным декором изготовлялись методом оттиска двух отдельных деталей в негативной форме-матрице (керамической или гипсовой, *илл. 4*) [Arnold, Bourriau, 1993, p. 24, 88; Seif el-Din, 2006, S. 23, Taf. 4.4]. В связи с этим получались изделия, *полностью идентичные* по рисунку, сродни монетным сериям, отчеканенным одним штампом. Логично предположить, что фляги с одинаковым рисунком могли быть изготовлены с помощью одной матрицы, в одной гончарной мастерской и приблизительно в одно время.

Если ранние египетские фляги середины II — середины I тыс. до н. э. формовались с помощью матрицы лишь частично (в ней оттискивались две половинки тулова), а горлышко и ручки лепились отдельно и затем уже присоединялись к тулову, то рельефные греко-римские фляги полностью выдавливались в матрице, что позволяло украшать декором не только тулово, но и остальные элементы сосуда. Это хорошо видно по идентичным формам горлышек, ручек и ножек у фляг одного типа[5].

Среди найденных в восточной Гизе фрагментов гладкостенных фляг, также оттискивавшихся в форме, есть экземпляры с отчетливым оттиском ткани на внутренней части сосуда (*илл. 4*), однако они датированы более ранней эпохой — Поздним периодом (664–332 гг. до н. э.). Вероятно, ткань накладывалась на пласт глины, вложенный в матрицу, для того чтобы избежать пересыхания и растрескивания материала. Однако в Птолемеевский период этот прием перестал пользоваться популярностью у гончаров, которые, видимо, нашли иные способы избежать пересыхания глиняного теста.

Итак, фляги состояли из двух деталей-половинок, оттиснутых в матрице и соединенных — отсюда заметные швы, видимые на внутренних поверхностях сосудов из Гизы. Снаружи эти швы подрезались и заглаживались. Благодаря использованию формы-матрицы было возможно делать значительное количество одинаковых по рельефному декору изделий.

Рельефный декор

Изучению рельефных фляг греко-римского времени была посвящена объемная монография египетской исследовательницы Мерват Сейф эль-Дин [Seif el-Din, 2006], которая собрала и проанализировала впечатляющее количество таких фляг, разбросанных по многочисленным коллекциям музеев мира и частным собраниям. Благодаря этой работе у нас есть возможность найти полные или близкие аналоги флягам из Гизы и определить разновидность орнамента.

Египетские фляги греко-римского времени декорировались чаще всего цветочными розетками — различными вариациями лотоса, реже — геометрическими мотивами, зооморфными и антропоморфными композициями. Последние включали широкий спектр сцен, например, изображение гротескных фигур нубийцев, богов (Бэс, Пан и др.), эротические сцены.

Стиль декора фляг неегипетский. Все экземпляры с антропоморфными и зооморфными сюжетами явно отсылают нас к греческим терракотам, ставшим популярными среди городского населения Египта в Птолемеевский период. Здесь мы видим и свободу движений, и частоту использования не только профильных, но и анфасных поз. Лишь у редких фляг с фигурами египетского бога Бэса и его женской ипостаси Бэсит можно видеть его традиционную иконографию, которая, впрочем, не является традиционно египетской. Что касается растительного декора, то для него характерна орнаментальность и симметричность — цветочные розетки показаны полностью раскрытыми; здесь мы не увидим профильного изображения цветка лотоса,

[5] См., например, фляги Inv. 3616 (Вена, Музей истории искусств) и Inv. AF 9759 (Париж, Лувр) или Inv. OL 1982.2 (коллекция университета Трира), Inv. 924 (Хильдесхайм, музей Рёмера и Пелицеуса) и Inv. E 10731 (Париж, Лувр) [Seif el-Din, 2006, S. 275, Taf. 10.3, 10.4, 13.2–13.4].

столь популярного для декора предметов древнеегипетской материальной и художественной культуры. Примечательна параллель, проведенная М. Сейф эль-Дин между декором некоторых фляг и рельефом в гробнице Петосириса (Туна эль-Гебель), датируемой последней четвертью IV в. до н. э. [Seif el-Din, 2006, S. 84]. В сцене процессии носителей даров одна из мужских фигур, несущая на плечах козу, в левой руке держит букет, и одна цветочная розетка развернута фронтально [Lefebvre, 1923, pl. XXXV–XXXVI] — именно так, как это показано на флягах. Уникальность гробницы Петосириса в том, что во многих рельефных сценах мы видим сочетание египетского канона, поз и символики с явно грецизированной манерой изображения людей, животных и растений, выражающейся, в первую очередь в вольных трактовках отдельных ракурсов и чрезмерной нарядности и детализированности предметов.

Три из найденных в Гизе фляг украшены различными разновидностями цветочного декора. Два фрагмента фляг, как мы уже сказали, представляют собой боковые части, не позволяющие в полной мере судить о художественном мотиве.

Декор фляги 99/17/45 выполнен в виде цветка лотоса с крупными округлыми лепестками и прожилками посередине; между лепестков показаны овальные зерновидные выпуклости — дополнительный ряд лепестков. Середина цветка трактована в виде трех выпуклых окружностей; цветок вписан в круг. С биологической точки зрения флоральный мотив изображает не что иное, как цветок *Nelumbo nucifera* — лотос орехоносный, который называют также индийским лотосом, розовым лотосом (*илл. 5*). В настоящее время ареалом его произрастания считается Восточная, Юго-Восточная, Южная Азия и Австралия. При этом Северная Африка в этот ареал не входит. В Египте растет другой вид водных лилий — *Nymphaea lotos* — белый нильский лотос или нильская кувшинка, и *Nymphaea caerulea* — голубой лотос или кувшинка голубая (*илл. 5*). Они отличаются более узкими лепестками и формой середины цветка.

Есть большой соблазн видеть в декоре в виде цветка индийского лотоса элементы синкретической культуры — следы проникновения греко-буддизма на территорию Египта, феномена, порожденного завоеваниями Александра Македонского, в результате которых и Египет, и страны Ближнего Востока, Центральной и отчасти Южной Азии оказались объединенными в единое пространство. Например, схожий декор можно встретить на керамических дисках из Кара-тепе кушанской эпохи (I–III вв. н. э.) [Вертоградова, 1995, с. 89–105]. Однако их датировка скорее свидетельствует как о неком общем, так и независимом происхождении данного орнамента, нежели о проявлениях греко-буддизма в Египте.

Более того, одно из сообщений Геродота (Геродот, II, 92) свидетельствует, что индийский лотос мог произрастать в I тыс. до н. э. на Ниле: «Когда на реке начинается половодье и поля затоплены, в воде вырастает много лилий, которые египтяне называют лотосом... Есть там и другие, похожие на розы, лилии, также растущие в реке. Их плод не находится в цветочной чашечке, но вырастает из корня в особой [побочной] чашечке, по виду весьма схожей с осиными сотами. В этой [чашечке] — множество съедобных зерен величиной с маслинную косточку. Их употребляют в пищу сырыми и сушеными» [Геродот, 1972, с. 106–107].

Индийский лотос называется *Nelumbo nucifera* — лотос орехоносный — из-за плодов, похожих на орешки, образующихся в углублении цветоложа. Как видно из представленного изображения (*илл. 5*), наряду с цветущим растением рядом

расположены коробочки с семенами-орешками от процветшего цветка — то, что Геродот мог принять за «особую, побочную чашечку», действительно весьма похожую на осиные соты. Таким образом, вид *Nelumbo nucifera* (или его разновидность) некогда рос в долине Нила, а потом вымер, как сейчас вымер папирус. Это означает, что в орнаментации таких фляг использовались изображения не иноземных растений, а знакомые египтянам цветы.

Nelumbo nucifera — лотос орехоносный, индийский лотос, розовый лотос

Nymphaea caerulea — голубой лотос,
кувшинка голубая

Nymphaea lotos — египетский белый лотос,
нильская кувшинка

Илл. 5. Природные разновидности лотосов
(по: *Wikiwand.com*. URL: https://www.wikiwand.com/en/Nymphaea_lotus; https://www.wikiwand.com/en/Nymphaea_caerulea (дата обращения 10.04.2020))

Илл. 6. Египетские фляги с изображением *Nelumbo nucifera*
(по: [Seif el-Din, 1992, fig. 1; 2006, Taf. 5.3–5.4, 6.1–6.2; Wallis, 1898, fig. 151])

По классификации орнаментов фляг, разработанной М. Сеиф эль-Дин, декор фрагмента 99/17/45 относится к типу *Nl. 7 (Nelumbo 7)* (*илл. 6*): он состоит из восьми округлых лепестков лотоса, восьми полулепестков между ними, в центре композиции — три окружности. Цветок вписан в круг, границы которого обозначены зигзагообразным орнаментом. На данный момент известно семь фляг с орнаментом типа *Nl. 7*. Пять из них находятся в коллекциях Дрезденского музея (Inv. Z.-V. 2600 G. 204), Лувра (Inv. E10731), Греко-римского музея (Inv. 30819) и Национального музея Александрии (Inv. 483, 639) [Seif el-Din, 1992, p. 124, fig. 1; 2006, S. 143–144, 190, Tf. 5.4].

Местонахождение двух фляг в настоящее время неизвестно: одна некогда хранилась в частном собрании Н. Каймера [Seif el-Din, 2006, S. 143], другая целая фляга находилась в коллекции Уильяма Мак-Грегора [Wallis, 1898, p. 66, fig. 151], распроданной на аукционе Сотбис в 1922 г. Часть предметов впоследствии оказалась в Британском музее и музее Метрополитен, однако в их коллекциях указанный предмет отсутствует.

Изначальное место происхождения музейных фляг с орнаментом типа *Nl. 7* либо неизвестно, либо обозначено как «Египет». Но практически аналогичный орнамент типа *Nl. 8* (2 экз., *илл. 6*), отличающийся лишь наличием кружков, окаймляющих сердцевину цветка, найден в Мит Рахине (Мемфис) [Seif el-Din, 2006, S. 144–145, Taf. 5.3]. Фляги с другим близким орнаментом типа *Nl. 9* (2 из 4 экз., *илл. 6*) происходят из Мемфиса, что может косвенно указывать на их изготовление в мемфисских гончарнях [Seif el-Din, 2006, S. 105, 145–146, 256, Tab. 4a, Taf. 6.1–6.2].

Все эти фляги сформованы из темно-серой глины с полублестящим черным покрытием поверхности, что совпадает с глиной и отделкой поверхности фляги 99/17/45 из Гизы.

Декор фрагмента 10/19-4/1 из наших раскопок в Гизе выполнен в виде узколепесткового цветка, похожего на обе разновидности египетского лотоса — *Nymphaea lotos* (белый лотос) и *Nymphaea caerulea* (голубой лотос), изображения которых служили популярным украшением различных предметов древнеегипетской материальной культуры. Этот декор полностью идентичен фляге CG 26303 из Египетского музея в Каире, сохранившейся полностью (*илл. 7*). По классификации орнаментов М. Сеиф эль-Дин, он относится к типу *Lo. 1* (*Lotos 1*), для которого исследовательница дает широкую датировку от конца III до I вв. до н. э. [Seif el-Din, 2006, S. 65, 85, 152, Taf. 8.4].

Декор бостонской фляги MFA 47.1664 из американских раскопок в Гизе имеет форму цветочной розетки с множеством лепестков-язычков, по классификации М. Сейф эль-Дин — тип *Zun. 4* (*Zungenblüte 4*) [Seif el-Din, 2006, S. 169, Taf. 19.2]. В каталоге она указывает на существование пяти идентичных фляг с таким орнаментом, разбросанных по различным музейным собраниям, включая Британский музей (Лондон), Археологический музей Флоренции (*илл. 7*), музей Рёмера и Пелицеуса в Хильдесхайме, а также полевое хранение Загазига в египетской Дельте [Seif el-Din, 2006, S. 70, 168–170, Taf. 19.1–19.4], хотя некоторые из приводимых исследовательницей экземпляров имеют небольшие различия, свидетельствующие, что не все они были сформованы в одной матрице.

Кроме бостонской фляги с розеткой, только хранящаяся в Загазиге фляга имеет археологический контекст — она найдена в ходе раскопок польской экспедиции в Телль-Атрибе, при исследовании птолемеевского города Атрибиса. Эта черная фляга была обнаружена у гончарной печи и являлась браком ремесленного производства. К. Мышливец датирует предмет поздним III — ранним II вв. до н. э. [Myśliwiec, Senna, 1995, p. 212–213, fig. 9]. Однако этот экземпляр высотой 13 см не является полным аналогом бостонской фляге ни по размеру, ни по деталям декора, следовательно, их изготовление в одной матрице исключено.

Оставшиеся два фрагмента из российских раскопок в Гизе, как мы уже говорили, представляют собой боковые части фляг и не позволяют в полной мере судить о разновидности декора, т. к. видны лишь орнаменты, украшавшие край изделия. Цепочка

выпуклых окружностей на фрагменте 16/22-2/27 находит аналогии только в декоре типа *Lo. 1*, который демонстрирует и фрагмент 10/19-4/1. Учитывая археологический контекст и обнаружение обоих фрагментов в соседних гробницах Перинеджу и Персенеба, можно было бы предположить, что они принадлежат одному предмету. Однако некоторая разница в глине (10/19-4/1 имеет значительную примесь слюды и включения известняка, который вовсе отсутствует у 16/22-2/27) свидетельствует, что фрагменты принадлежат разным сосудам, но, по-видимому, одного типа.

Фрагмент красноангобированной фляги 17/VII/7 имеет декорированный бортик, характерный только для типов *Nl. 7* и *Nl. 8*, уже знакомых нам по фрагменту черной фляги 99/17/45. И это крайне примечательно, т. к. наглядно показывает, что близкие (или одни и те же?) матрицы могли использоваться для производства как черных, так и красных изделий. Это подводит нас к проблеме установления центров производства и датировки рельефной керамики.

Тип орнамента *Lo. 1*

Каир, Египетский музей. Inv. CG 26303

Тип орнамента *Lo. 9*

Хильдесхайм, музей Рёмера–Пелицеуса, Inv. 924

Тип орнамента *Zun.4*

Флоренция, Археологический музей, Inv. 3212

Илл. 7. Египетские фляги с изображением нильского лотоса (по: [Seif el-Din, 2006, Taf. 8.4, 13.3, 19.1])

Центры производства рельефных фляг в греко-римском Египте

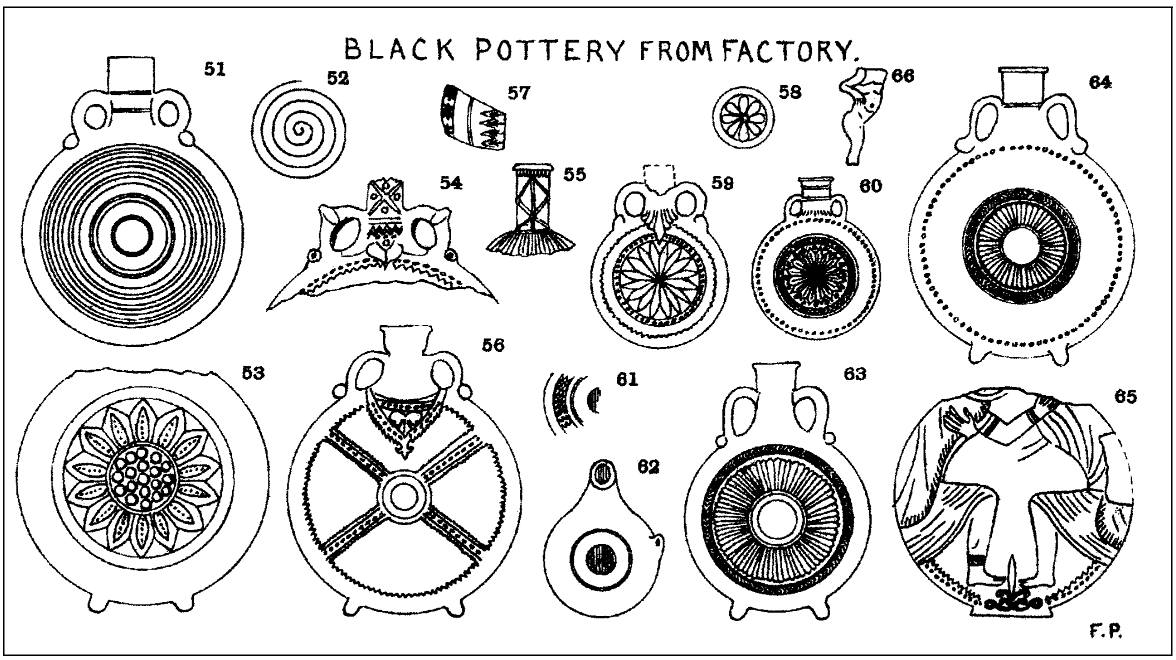
Рельефные фляги изготовлялись в двух разновидностях — черной и красной, которые отличались технологией изготовления, видимо, присущей разным мастерским. Логично предположить, что в греко-римское время в Египте существовало несколько центров производства рельефных фляг.

В 1910 г. при раскопках центральной части Мемфиса (к востоку от Мит Рахины и храма Птаха) У. М. Ф. Питри обнаружил гончарную мастерскую с глазуровочными печами[6], а с северо-востока от них — скопление битой «черной глазурованной

[6] Доротея Арнольд определила «glazing kilns» как печи для изготовления фаянса [Arnold, Bourriau, 1993, p. 116].

керамики» — "black glazed pottery" (*илл. 8*). Он описывал ее следующим образом: «изделия тонкие, прочные, черного или темно-коричневого цвета, изредка оранжевые — когда обжигались без доступа кислорода. По своему стилю изделия похожи на раннеримские, но ни один подобный сосуд не был обнаружен в сгоревших зданиях 50 г. н. э.» [Petrie, Mackay, Wainwright, 1910, p. 44, pl. XXXVII.51–65].

За год до этого Питри изучал южную окраину Мемфиса (Ком Хелул), где также нашел гончарное производство, датированное им I в. н. э. Вблизи печей было найдено множество керамики и фаянса, а некоторые сосуды находились непосредственно внутри гончарных печей, однако "black glazed pottery", в том числе фляги, отсутствовали[7]. Новые археологические исследования ремесленных мастерских в Ком Хелуле также не обнаружили присутствия «черной глазурованной керамики» и позволили уточнить их специализацию как мастерских по производству фаянса [Nicholson, 2006, p. 212–214]. Таким образом, изделия "black glazed pottery" следует датировать не позднее середины I в. н. э.

Илл. 8. Керамика из гончарной мастерской в Мемфисе
(по: [Petrie, Mackay, Wainwright, 1910, pl. XXXVII])

Глина мемфисских изделий имеет темно-серый и серый цвет, а внешняя поверхность после обжига становится черной и полублестящей [Ballet, 1996, p. 117, fig. 7]. В настоящее время ее принято называть *Memphis Black Ware*, следуя классификации Дж. Хейса [Hayes, 1976, p. 37].

Согласно М. Сейф эль-Дин, собравшей наиболее полные сведения о греко-римских рельефных флягах, на данный момент в Мемфисе и его округе (Саккаре и Гизе) обнаружено наибольшее количество — более 30 черных рельефных фляг и их

[7] [Petrie, 1909, p. 14–15, pl. XLIX, L]. Здесь доминировали фаянсовые изделия, или, как их называл Ф. Питри — "blue glazed pottery".

фрагментов[8] (*табл. 1*), что косвенно свидетельствует о том, что основная часть таких изделий производилась в Мемфисе. Однако в начале 1990-х гг. Польская экспедиция в Телль-Атрибе (юго-западная Дельта, *илл. 9*) обнаружила гончарную мастерскую, где изготовлялись рельефные фляги в обеих вариациях — и красного, и черного цвета[9], причем некоторые орнаменты совпадают с декором мемфисских фляг[10]. Исследователи относят ее к первой половине II в. до н. э. [Myśliwiec, Senna, 1995, p. 212–213], хотя А. Полудникевич дает для нее более широкую датировку III–I вв. до н. э. [Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 134]. Таким образом, гончарня в птолемеевском городе Атрибисе функционировала параллельно с мемфисской, но могла быть основана раньше последней.

Табл. 1. Распределение рельефных фляг греко-римского времени по месту находки (по: [Seif el-Din, 2006, S. 142–204; Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 134–136] с дополнениями автора)

Место находки фляги или ее фрагмента	*Цвет глиняного теста и внешней поверхности*	
	серый с черной остекленевшей поверхностью	*оранжево-красный, оранжево-коричневый с коричневым или красным ангобом*
Мемфис (включая Саккару и Гизу)	34	1
Фаюм	11	8
Атрибис	3	3
Мендес	–	1
Танис	1	–
Навкратис	–	1
Александрия	4	1
Абидос	1	–
Асфун	1	–
Итого	55	15

Еще одним возможным центром изготовления рельефных фляг можно предположить Фаюмский оазис — именно отсюда происходит одна из матриц, ныне хранящаяся в Берлине [Seif el-Din, 2006, S. 204]. К тому же Фаюм занимает второе место после Мемфиса по числу находок рельефных фляг (*табл. 1*): на данный момент 19 сосудов происходит из раскопок птолемеевских городов — Тебтюниса (Умм эль-Брейгат), Крокодилополиса (Киман Фарес), Бакхиаса (Умм эль-Атл) и Нармутиса (Мединет Мади)[11] (*илл. 9*). Доминируют сероглиняные изделия с черным остекленевшим покрытием, но именно из Фаюма происходит наибольшее количество фляг (8) из красно-коричневой или оранжевато-красной глины, цвет поверхности варьируется от коричневого до красно-коричневого [Seif el-Din, 1992, p. 123; Ballet, 1996, p. 117],

---

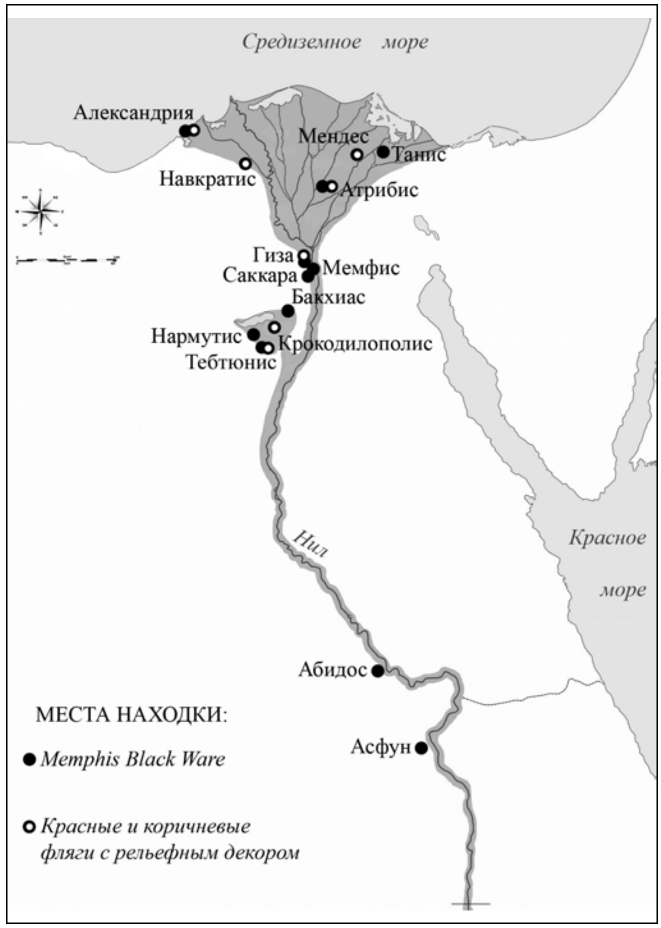
[8] [Seif el-Din, 2006, S. 142–204, kat. 4, 15, 16, 18, 21, 61, 76, 96, 97, 105, 118, 126, 128, 130, 147, 155, 163, 174, F16-22, F24, F25, F28, F31, F41, F51].

[9] [Południkiewicz, 1992, p. 95–100; Myśliwiec, 1993, p. 62–63, fig. 14b; Myśliwiec, Senna, 1995, p. 211–213, fig. 8–9; Myśliwiec, Bakr Said, 1999, p. 191, 204, fig. 14].

[10] [Seif el-Din, 2006, S. 161–195, Атрибис: kat.80, 101, 104; Мемфис: kat.76, 96, 97, 105, F16-F19].

[11] [Seif el-Din, 1992, p. 123; 2006, S. 143–200, kat.7, 40–41, 91, 125, 140, 148, 154, 162, F37; Ballet, Południkiewicz, 2012, p. 134–136, pl. 61 (no.587–589, 594–599)].

а рельефные изображения уникальны и не имеют повторов. Примечательно, что многие из обнаруженных в Фаюме черных рельефных фляг имеют точные аналоги из Мемфиса[12]. Наиболее вероятно, что они были привезены в Фаюм, но если допустить, что фляги были сделаны здесь, то логично предположить, что фаюмские гончарни были «дочерними» мастерскими мемфисских гончарен, в которых могли использоваться копии матриц (или те же самые матрицы?) из основной — мемфисской мастерской.

Илл. 9. Места обнаружения рельефной керамики Греко-римского времени (*Memphis Black Ware* и красных и коричневых изделий) на территории Египта (*рис. автора*)

Четвертым местом, где обнаружено несколько рельефных фляг, в основном, черного цвета, является Александрия[13]. Археологические исследования пока не выявили наличие гончарного производства, специализированного на изготовлении рельефной глазированной керамики. Вероятно, в данном случае речь может идти как об изготовлении рельефных фляг в самой Александрии, так и о бытовании в этом городе привозной рельефной керамики — например, продукции из гончарен Мемфиса, Атрибиса или Фаюма.

В остальных местностях Египта находки рельефных фляг единичны (*табл. 1*): по одному экземпляру найдено в Навкратисе, Мендесе (Телль Роба), Танисе (Сан эль-Хагар), Абидосе и Асфуне (к югу от Луксора)[14].

---

[12] [Seif el-Din, 2006, S. 161–200, Фаюм: kat.125, 148, F37; Мемфис: kat.126, 128, 147, 174, F20, F21, F22, F31].

[13] [Seif el-Din, 2006, S. 160–197, Александрия: kat.71, 87, 123, 132, F27]. Фляги с аналогичными орнаментами происходят из Мемфиса (kat.76, 118) и Атрибиса (kat.80). Однако М. Сеиф эль-Дин предположила наличие в Александрии собственного производства рельефных фляг [Seif el-Din, 2006, S. 104, 256, Tab. 4a].

[14] [Seif el-Din, 2006, S. 165–189, kat.92, 112, 143, 178; Favard-Meeks, 1998, p. 148, 156, pl. XVI.j (BM EA 22442)].

Заключение

Итак, в литературе рельефные фляги датируются III–I вв. до н. э. [Seif el-Din, 1992, p. 124; Seif el-Din, 2006, S. 81–101], т. е. интервалом от среднептолемеевского до раннеримского времени. Это, в принципе, не противоречит предположению У. М. Ф. Питри, установившего terminus ante quem для мемфисской гончарной мастерской 50 г. н. э. Однако датированные аналогии в публикациях и сопроводительный керамический материал бостонской фляги позволяют ограничить время бытования найденных в Гизе фляг I в. до н. э.

На данный момент науке известно гораздо меньше сформованных в матрице фляг, чем можно было бы ожидать от изделий подобного рода. Их ареал имеет точечный характер (*илл. 9*), демонстрирующий привязку этого типа керамики к развитым городским центрам греко-римского времени, прежде всего, Мемфиса и его округи, а также городов нильской Дельты и Фаюмского оазиса. В то же время, картография находок имеет потенциал к расширению зоны бытования этих весьма примечательных керамических вместилищ.

Небольшие глиняные фляги с рельефным грецизированным декором могли «путешествовать» вместе со своими хозяевами по всему Египту. Вероятно, они являлись привычными для городского среднего класса, в значительной степени воспринявшего эллинскую культуру, но недоступными для основного населения Египта — крестьян, довольствовавшихся привычной и простой керамической утварью и хранивших египетские традиции. Возможно, именно этим можно объяснить малую распространенность этих сосудов на территории Египта.

Литература / References

Вертоградова В. В. *Индийская эпиграфика из Кара-тепе в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации*. М., 1995 [Vertogradova V. V. *Indian epigraphy from Kara-tepe in Old Termez. Problems of Description and Interpretation*. Moscow, 1995 (in Russian)].

Геродот. *История в девяти книгах*. Пер. и прим. Г. А. Стратановского. Л., 1972 [Herodotus. *History in Nine Books*. Transl. and comm. by G. A. Stratanovsky. Leningrad, 1972 (in Russian)].

Лукас А. *Материалы и ремесленные производства Древнего Египта*. М., 1958 [Lucas A. *Materials and Craft Production of Ancient Egypt*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Arnold Do. (Hrsg.). *Meisterwerke Altägyptischer Keramik. 5000 jahre Kunst und Kunsthandwerk aus Ton und Fayence. Katalog*. Westerwald, 1978.

Arnold Do., Bourriau J. (eds.). *An Introduction to Ancient Egyptian Pottery*. Mainz am Rhein, 1993.

Ballet P. Potiers et fabricants de figurines dans l'Égypte ancienne. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1996. 4. P. 113–122.

Ballet P., Południkiewicz A. *Tebtynis V. La ceramique des epoques hellenistique et imperiale. Campagnes 1988–1993. Production, consummation et réception dans le Fayoum méridional*. Le Caire, 2012.

Favard-Meeks C. Mise à jour des ouvrages de Flinders Petrie sur les fouilles de Tanis. Brissaud P., Zivie-Coche Ch. (eds.). *Tanis: Travaux récents sur le Tell Sân el-Hagar (Mission Française des Fouilles de Tanis 1987–1997)*. Paris, 1998. P. 101–178.

Hayes J. W. *Roman Pottery in the Royal Ontario Museum. A Catalogue*. Toronto, 1976.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.

Kormysheva E., Malykh S., Vetokhov S. *Giza. Eastern Necropolis II. The Minor Cemetery to the East from the Tomb G 7948*. Moscow, 2012.
Lefebvre M. G. *Le tombeau de Petosiris*. Vol. 2. Le Caire, 1923.
Myśliwiec K. Polish excavations at Tell Atrib in 1985. *Annales du Service des Antiquités de L'Égypte*. 1993. 72. P. 53–77.
Myśliwiec K., Bakr Said M. Polish-Egyptian Excavations at Tell Atrib in 1994–1995. *Études et Travaux*. 1999. 18. P. 180–219.
Myśliwiec K., Senna S. A. Polish-Egyptian Excavations at Tell Atrib in 1991–1993. *Études et Travaux*. 1995. 17. P. 205–240.
Nicholson P. T. Petrie and the Production of Vitreous Materials. Mathieu B., Meeks D., Wissa M. (eds.). *L'apport de l'Égypte à l'histoire des techniques*. Le Caire, 2006. P. 207–216.
Petrie W. M. F. *Memphis I*. London, 1909.
Petrie W. M. F., Mackay E., Wainwright G. *Meydum and Memphis (III)*. London, 1910.
Południkiewicz A. Local Imitations of Greek Pottery Found in Tell Atrib. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. 3. P. 95–101.
Seif el-Din M. *Die reliefierten hellenistisch-romischen Pilgerflaschen*. Le Caire, 2006.
Seif el-Din M. Technical aspects and workshop's centres of the pilgrim flasks in the Graeco-Roman Egypt. *Cahiers de la Céramique Égyptienne*. 1992. 3. P. 121–127.
Tomber R., Dore J. *The National Roman Fabric Reference Collection: A Handbook*. London, 1998.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Lentoid bottle 47.1664. *Museum of Fine Arts, Boston. Collections*. URL: https://collections.mfa.org/objects/148287/lentoid-bottle (дата обращения 15.04.2020).
The Giza Archives. URL: http://www.gizapyramids.org/view/sites/asitem/search@/0?t:state:flow=ddc0f43c-59a7-41b6-8a75-92ba0ebb1d97 (дата обращения 15.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-146-159

«ГРОТЫ», «КАТАКОМБЫ» И «ПЕЩЕРЫ» У ЕГИПЕТСКИХ ПИРАМИД: СВИДЕТЕЛЬСТВА О СКАЛЬНЫХ ГРОБНИЦАХ ГИЗЫ В РАБОТАХ РАННИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ (XII–XVIII ВВ.)

М. А. Лебедев*

Скальные гробницы — особый тип древнеегипетских погребальных сооружений, представлявший альтернативу более традиционным в мемфисском некрополе *мастабам*. Настоящая статья посвящена истории изучения скальных комплексов некрополя Гизы в период от эпохи Средневековья до Египетского похода Наполеона, с которого принято отсчитывать начало истории классической египтологии. Собранные в работе данные позволяют лучше понять условия, в которых формировались поздние археологические контексты, изучаемые сегодня российскими специалистами на восточной окраине Гизы. Первые письменные свидетельства об исследовании скальных гробниц Гизы, судя по всему, сохранились от XII в. Средневековые авторы и путешественники Нового времени, как и их античные предшественники, интересовались преимущественно пирамидами и Большим сфинксом Гизы. Тем не менее, они сохранили немало ценных сведений и о скальных комплексах этого некрополя, с которых началось знакомство европейцев с частными гробницами Гизы. Наиболее известными на этом этапе были скальные часовни вблизи пирамиды Хафра. Данный факт объясняется как хорошей сохранностью скальных часовен Центрального плато, так и тем, что они находились по пути наиболее популярного маршрута осмотра древних памятников некрополя (от пирамиды Хуфу к пирамиде Менкаура, затем к Сфинксу, а после — обратно в Каир). Скальные гробницы восточной окраины Гизы были впервые нанесены на план некрополя в 1737 г., однако в целом ранние исследователи посещали их весьма редко. Эта ситуация изменится с началом регулярных раскопок на плато Гизы, когда большинство археологов предпочитало ставить свои лагеря на восточной окраине некрополя из-за присутствия здесь поселений.

Ключевые слова: Древний Египет, Гиза, археология, история египтологии, скальные гробницы, Наполеон.

Для цитирования: Лебедев М. А. «Гроты», «катакомбы» и «пещеры» у египетских пирамид: свидетельства о скальных гробницах Гизы в работах ранних путешественников (XII–XVIII вв.). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 146–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-146-159

* Максим Александрович ЛЕБЕДЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maximlebedev@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-1524-2083

"GROTTOS", "CATACOMBS", AND "CAVES": DATA ON GIZA ROCK-CUT TOMBS IN WORKS OF EARLY TRAVELERS (12TH–18TH CENTURIES)

Maksim A. Lebedev

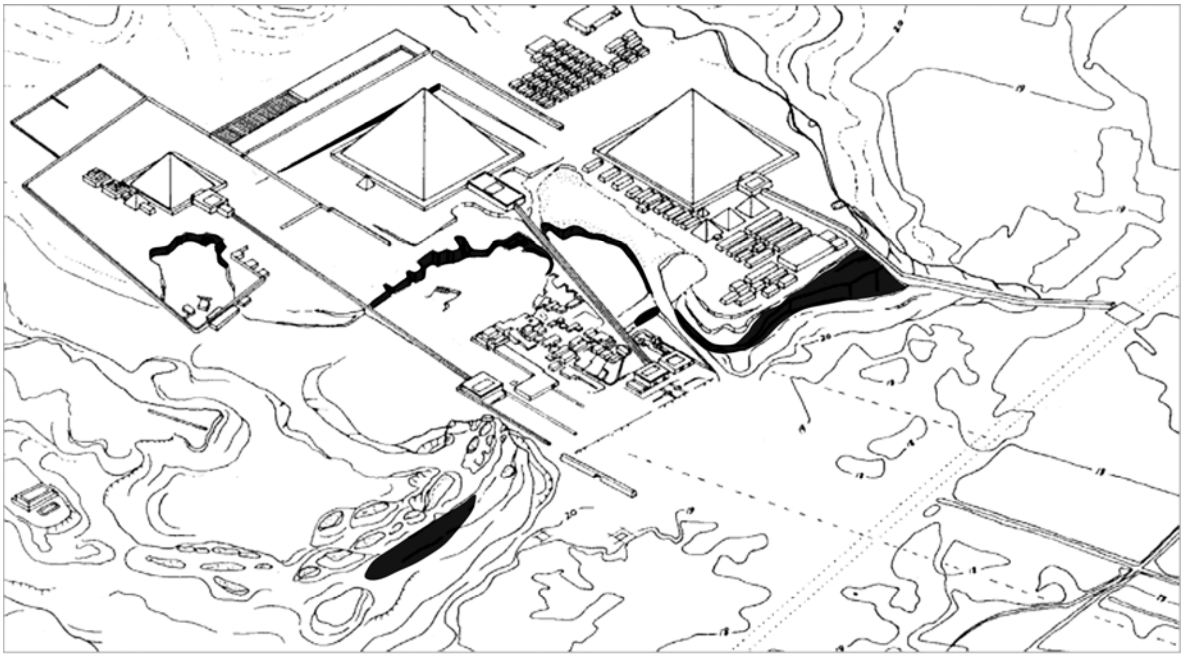
Rock-cut tombs are a distinct type of ancient Egyptian burial structures that became an alternative to *mastabas* traditional for the Memphite necropolis. The paper deals with the history of the study of Giza rock-cut complexes from the medieval period to Napoleon's Egyptian campaign, traditionally considered to be the beginning of classic Egyptology. Data collected in the paper help form a better understanding of late archaeological contexts studied by the Russian specialists at the eastern escarpment of Giza. To all appearances, first written evidence of exploration of Giza rock-cut tombs comes from the 12th century A.D. Although interested primarily in the Great Pyramids and the Sphinx, medieval authors and travelers of the Early Modern period still preserved a fair amount of valuable material on rock-cut complexes of the necropolis, which then became the main source of information for Europeans on private tombs of the Old Kingdom at Giza. At that time, the most visited rock-cut chapels belonged to tombs in the vicinity of the pyramid of Khafre. This was due to the good preservation of rock-cut chapels of the Central field as well as the fact that they were situated on the main route followed by most of the visitors who explored ancient monuments of the Giza plateau (from the pyramid of Khufu to the pyramid of Menkaure, then to the Great Sphinx and back to Cairo). Although rock-cut tombs of the eastern escarpment of Giza were first recorded on a plan of the necropolis as early as 1737, they had long been visited by only a small number of early explorers. The situation significantly changed only with the beginning of regular excavations at Giza when early archaeologists began to set their camps along the eastern escarpment of the plateau looking for direct access to resources and services provided by local villagers.

Keywords: Ancient Egypt, Giza, archaeology, history of Egyptology, rock-cut tombs, Napoleon.

For citation: Lebedev M. A. "Grottos", "Catacombs", and "Caves": Data on Giza Rock-Cut Tombs in Works of Early Travelers (12th–18th Centuries). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 146–159. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-146-159

Скальные гробницы — это особый и весьма своеобразный тип древнеегипетских погребальных сооружений. В Гизе они появились при IV династии как альтернатива более традиционным для мемфисского региона *мастабам*. Обычно их строительство связывают с двумя процессами: 1) разрастанием столичных кладбищ, где становилось все меньше места для требующих значительных площадей мастаб; 2) расширением царского административного аппарата за счет людей, не принадлежавших к царской семье [Ветохов, 2017, с. 7–8]. Можно назвать, вероятно, и еще одну причину: появление в Гизе по мере строительства пирамид обширных каменоломен, вертикальные стены которых были удобны для вырубки скальных гробниц. По сравнению с мастабами скальные гробницы обладали как преимуществами, так и известными недостатками. С одной стороны, устройство скальной гробницы должно было быть в среднем дешевле, чем мастабы со сравнимой по объемам часовней. Кроме того, скальные гробницы обычно демонстрируют лучшую степень сохранности, поскольку их невозможно было разобрать на строительный материал, в то время как с часовнями мастаб это происходило повсеместно, начиная уже с Древнего царства. С другой стороны, скальные гробницы были привязаны к скальным

массивам, из-за чего в мемфисском регионе они не могли занимать доминирующего на местности положения[1] (*илл. 1*).

■ - Основные участки Гизы с исследованными скальными гробницами

Илл. 1. Плато Гиза с основными участками скальных гробниц IV–VI династий (по: [Lehner, 2000, p. 92, fig. 8.6] с добавлениями автора)

Более четверти века древнеегипетские скальные гробничные комплексы на восточной окраине Гизы изучает Российская археологическая экспедиция Института востоковедения РАН (руководитель — Э. Е. Кормышева). Восточная окраина плато Гизы имеет ряд характеристик, отличающих ее от остальных районов древнего некрополя. Прежде всего, это своеобразный ландшафт — довольно крутой скальный обрыв, — с точки зрения планиграфии имеющий четкие границы: процессионная дорога Хуфу с севера, идущая от припирамидного храма царя к храму в долине; естественное понижение скального массива близ устья так называемого главного вади с

[1] В мемфисском некрополе, несмотря на постоянный рост числа скальных комплексов, наблюдавшийся с IV по VI династии, основным типом погребальных сооружений оставались мастабы. Сначала это, вероятно, объяснялось тем, что погребальные комплексы чиновников тяготели к царских пирамидам, которые возводили на плоской поверхности вдали от выходов скалы. Необычным исключением здесь стал скальный некрополь близ пирамиды Хафра, где хоронили родственников царя. В этом случае наблюдается удачное стечение обстоятельств: в непосредственной близи от пирамиды находились каменоломни Хуфу, отвесные стены которых были удобны для устройства скальных часовен. После IV династии сохраняющаяся популярность мастаб не в последнюю очередь, возможно, объяснялась тем, что мастабу можно было разместить почти в любой местности, обеспечив ее заметность и доступность, которые, судя по всему, играли не последнюю роль при выборе участка для погребения и типа погребального сооружения [Nuzzolo, 2017]. В провинциальных некрополях Верхнего и Среднего Египта, где царских пирамид не было, а удобные скалы часто подходили вплотную к долине, скальные гробницы, напротив, стали главным типом погребальных сооружений, а мастабы были редки.

юга; пологая и покрытая аллювием долина с востока (делювиальные отложения у подножия скал, возможно, еще являлись частью древнего некрополя); и поверхность плато, застроенная мастабами знати, с запада. Другая особенность восточной окраины плато — это специфика формирования культурного слоя на данном участке Гизы: из-за близости к обитаемой Нильской долине в этой части некрополя нередко происходило переиспользование гробничных комплексов, были крайне активны грабители и селились люди, поэтому характер культурного слоя в рамках отдельных скальных гробниц, в отличие, например, от Западного плато или южной Гизы, часто напоминает поселенческий.

Благодаря своему расположению скальные гробницы восточной окраины некрополя оказались самым тесным образом связаны с историей первых археологических и эпиграфических исследований на территории Гизы [Лебедев, 2018а]. Все наиболее известные исследователи XIX в., изучавшие пирамиды и памятники у их подножия, обустраивали свои базы в восточной части Гизы и активно использовали скальные гробницы на территории современной российской концессии либо как жилье, либо для хранения оборудования и находок. Дж. Б. Кавилья, Г. Солт, участники франко-тосканской экспедиции под руководством Ж.-Ф. Шампольона и И. Розеллини и прусской экспедиции под руководством К. Р. Лепсиуса, сотрудники Г. Вайса, О. Мариетт, У. М. Ф. Питри — все они были хорошо знакомы со скальными комплексами восточной окраины Гизы, сохранив о них множество ценных сведений. Культурный слой на территории российской концессии хранит многочисленные материальные свидетельства той поры: мелкие находки, остатки печей, старинная штукатурка на стенах, следы ранних раскопок.

Однако археологические материалы и данные стратиграфии свидетельствуют, что интерес к скальным гробницам зародился задолго до фактического рождения египтологии, которая, как традиционно считается, оформилась в качестве полноценной науки после знаменитого Египетского похода Наполеона (1798–1801) [Thompson, 2015, p. 97–108]. Настоящая статья посвящена теме, которая прежде не становилась предметом отдельных исследований, — самой ранней истории знакомства арабских и европейских исследователей со скальными гробницами гизехского некрополя. Нижняя граница рассматриваемого в данной статье периода определяется появлением первых письменных упоминаний скальных гробниц Гизы в эпоху Средневековья. Верхняя граница — это египетский поход Наполеона, с которого началась новая эпоха в изучении скальных гробниц Гизы: исследователи приступили к регулярным научным раскопкам в поисках древностей, текстов и изображений.

Данные археологии свидетельствуют, что история скальных гробниц восточной окраины Гизы была очень насыщенной [Лебедев,2018б]. Прежде всего, они регулярно становились объектом интереса грабителей. В некоторых случаях грабители проникали в погребальные камеры уже вскоре после захоронения, когда тела покойных еще не успели разложиться. Многие захоронения в скальных комплексах Гизы были впервые потревожены в Первый Переходный период[2]. В I тыс. до н. э. значительная часть гробниц Древнего царства на Восточном плато была переиспользована или расширена

[2] Подробнее см.: [Малых, 2017; 2018]. Гробницы у подножия Великих пирамид разделили в это время судьбу многих других гробничных комплексов по всему Египту, в том числе царских, об ограблении которых свидетельствуют письменные источники [Parkinson 1997, p. 178].

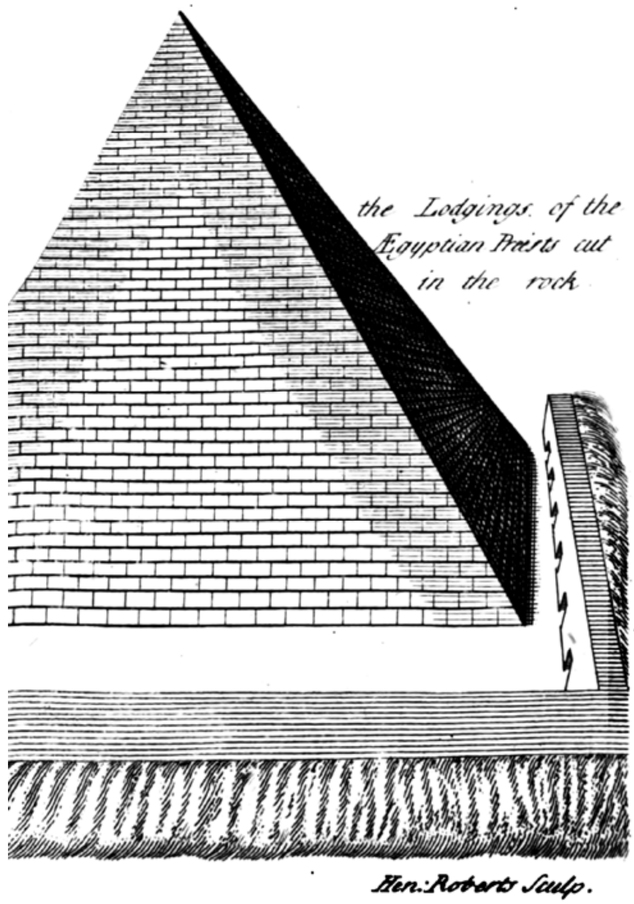
под новые захоронения. Керамический материал и редкие монеты показывают, что во времена Византийской империи, раннеарабское время и эпоху развитого Средневековья люди также продолжали раскапывать древние шахты, проникая в погребальные камеры [Kormysheva et. al., 2015; 2018]. Их интерес к раскопкам поддерживали, вероятно, бывшие в ходу истории о сокровищах, сокрытых в некрополе Гизы, и удачливых грабителях. Так, эль-Масуди (896–956) сохранил весьма подробное описание раскопок у пирамид, которые проводились в 940 г. Они были лично санкционированы правителем Египта Мохаммедом Ибн Тугадж Абу-Беком (эль-Ихшидом) (935–946). Судя по приводимым эль-Масуди подробностям, грабители обнаружили в Гизе погребальный комплекс I тыс. до н. э. — возможно, крупную шахту — с богатыми захоронениями [El-Daly, 2005, p. 41]. Эта и другие истории, связанные с Гизой, [El-Daly, 2005, p. 100] должны были, безусловно, вдохновлять средневековых египтян на раскопки у пирамид, как они продолжают вдохновлять на грабежи и их современных потомков.

Первые письменные свидетельства об исследовании скальных гробниц Гизы в поисках сокровищ сохранились, судя по всему, от XII в. Во времена правления в Египте Салах ад-Дина (Саладина) (1169–1193) предприимчивый делец по имени Ибн аш-Шахрзури собрал группу охотников за сокровищами, чтобы попытать счастье у подножия пирамид. В результате его бригада смогла попасть в некую «пещеру» — вероятно, скальную гробницу — неподалеку от пирамиды Хафра. Там Ибн аш-Шахрзури нашел «очень много необычных чудес» [El-Daly, 2005, p. 42].

Средневековые авторы и путешественники Нового времени, как и их античные предшественники, интересовались преимущественно пирамидами и Большим сфинксом Гизы. Упоминания частных гробниц если и встречались, то были очень краткими. Так, например, Абд эль-Латиф эль-Багдади (1162–1231), средневековый врач, путешественник и историк, которого многие арабские авторы считают первым египтологом, сделал такое описание частных гробниц у Великих пирамид Гизы (куда входили, очевидно, и скальные комплексы): «Рядом с пирамидами еще можно видеть остатки огромных древних сооружений, а также множество надежно сделанных подземных строений; редко когда можно увидеть, чтобы какая-нибудь их часть не была покрыта надписями этой древней письменности, неизвестной сегодня» [De Sacy, 1810, p. 179].

Первые безусловные упоминания скальных гробниц Гизы в трудах европейских путешественников, насколько можно судить, появляются в XVII в. Так, английский математик, астроном, путешественник и антиквар Джон Гривз, посетивший Египет в 1637–1638 гг., полагал, что вырубленные в скалах Гизы гробницы — это жилища древних жрецов [Greaves, 1737, p. 100]. Особое внимание Гривза при этом привлекли скальные часовни V–VI династий в каменоломнях Хафра (*илл. 2*) [Greaves, 1737, p. 141–142]. Мысль о том, что вырубленные в скале помещения могли быть в действительности жилищами древних служителей культа, возможно, пришла Гривзу не случайно, ведь в некоторых часовнях в то время действительно по давней традиции могли жить местные арабы.

Интересное и весьма подробное для своего времени описание скальных гробниц Гизы оставил немецкий теолог и лингвист Йохан Михаэль Вандслебен (1635–1679), посетивший пирамиды в 1672 г.: «От пирамид мы направились посмотреть близлежащие пещеры. Там их много и все они вырублены в скале. С внешней стороны

Илл. 2. Первое известное изображение скальных гробниц в Гизе (часовни к западу от пирамиды Хафра) (по: [Greaves, 1737, p. 141–142])

они лишены (общих) пропорций и не следуют какому-то (общему) порядку, но внутри они очень похожи и хорошо обработаны. В каждой из них есть квадратный колодец, вырубленный в скале, куда египтяне клали тело того, для кого была сделана эта пещера: для них это была гробница. Стены многих таких пещер покрыты иероглифическими знаками, вырезанными в скале. В некоторых они небольшие, в других же — очень правдоподобные. В одной (пещере) я насчитал шестнадцать больших фигур, которые изображали восьмерых мужчин и восьмерых женщин, держащихся за руки, не считая многих других небольших фигур, или образов, по обеим сторонам[3]» [Vansleb, 1678, p. 87–88].

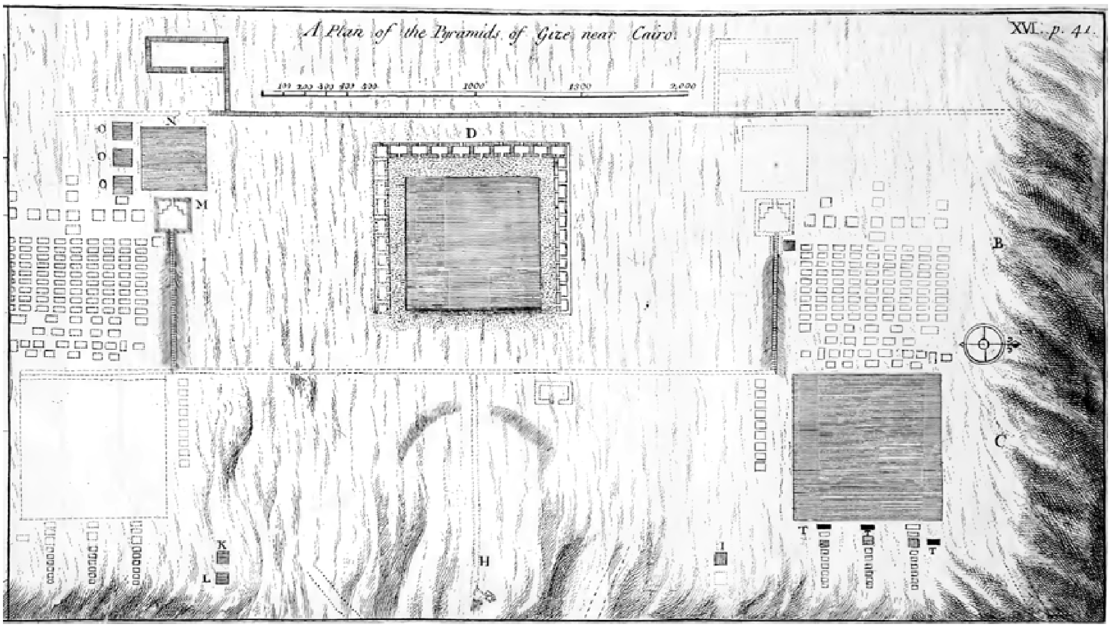
Ученый и дипломат Бенуа де Майе (1656–1738), бывший на протяжении 16 лет французским генеральным консулом в Египте (1692–1708), одним из первых упомянул скальные гробницы именно восточной окраины Гизы: «Тысяча гротов, вырубленных в скале, свидетельствует о существовании бесконечного числа других гробниц. Я посетил их все. Множество их можно встретить к востоку от первой пирамиды, другие — к югу от той длинной дороги[4], о которой я говорил. Также есть несколько на севере, и у меня нет сомнений, что на этом же склоне под обломками пирамид сокрыты и другие (гробницы), многие из которых, возможно, еще не вскрыты. Несколько (гробниц также) все еще можно видеть в окружном рву к северу[5] и западу от второй пирамиды; в некоторых из них можно найти иероглифические надписи». И тут же добавляет: «Праздность арабов, их невежество, их бедность, их легковерие в отношении так

[3] Если речь идет о скальных статуях, то такой гробницы в Гизе мне не известно. По крайней мере, среди опубликованных гробниц таких нет. Возможно, ее еще предстоит обнаружить.

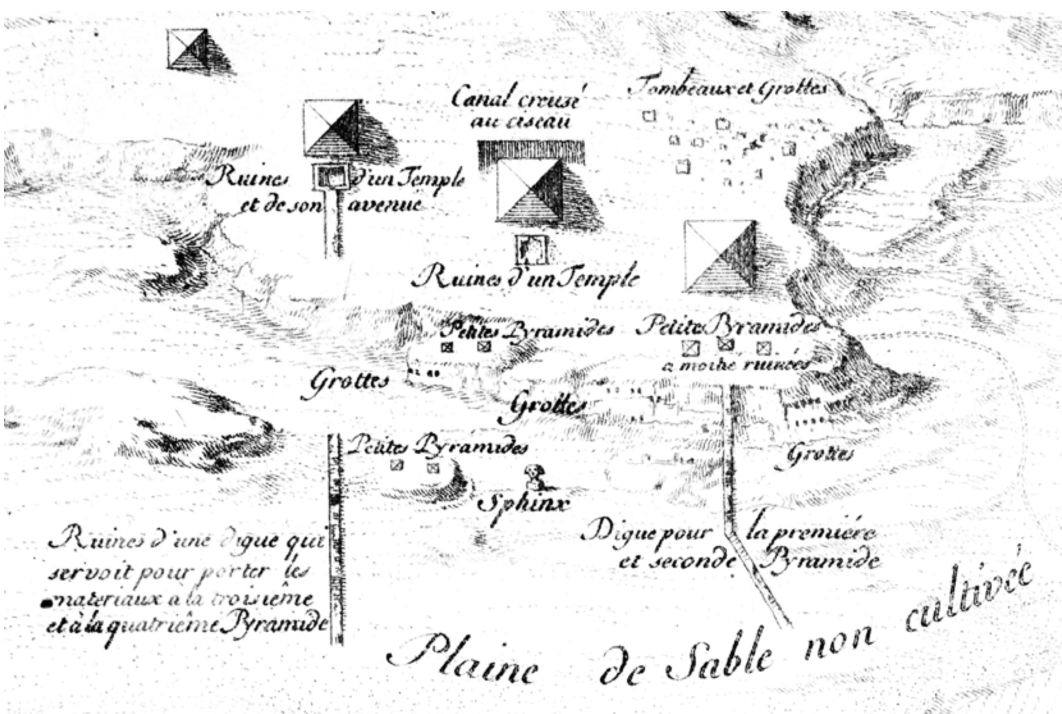
[4] Процессионная дорога Хафра.

[5] Скальных гробниц к северу от пирамиды Хафра неизвестно, хотя о них также сообщают Гривз [Greaves, 1737, p. 141–142] и Поукок [Pococke, 1743, p. 45, pl. XVI] (последний даже указал их на условном плане). Судя по всему, это ошибка, возникшая при работе с записями и воспоминаниями от поездки, подобная описанию несуществующей четвертой пирамиды в труде Нордена [Norden, Templeman, 1757, p. 120–121; Norden, 1780, pl. XLIII], за которую была принята одна из маленьких пирамид цариц у пирамиды Менкаура.

называемых сокровищ, захороненных под всеми древними памятниками, породили бесчисленные разрушения, которые можно наблюдать по всему Египту» [De Maillet, Le Mascrier, 1735, p. 259–260].

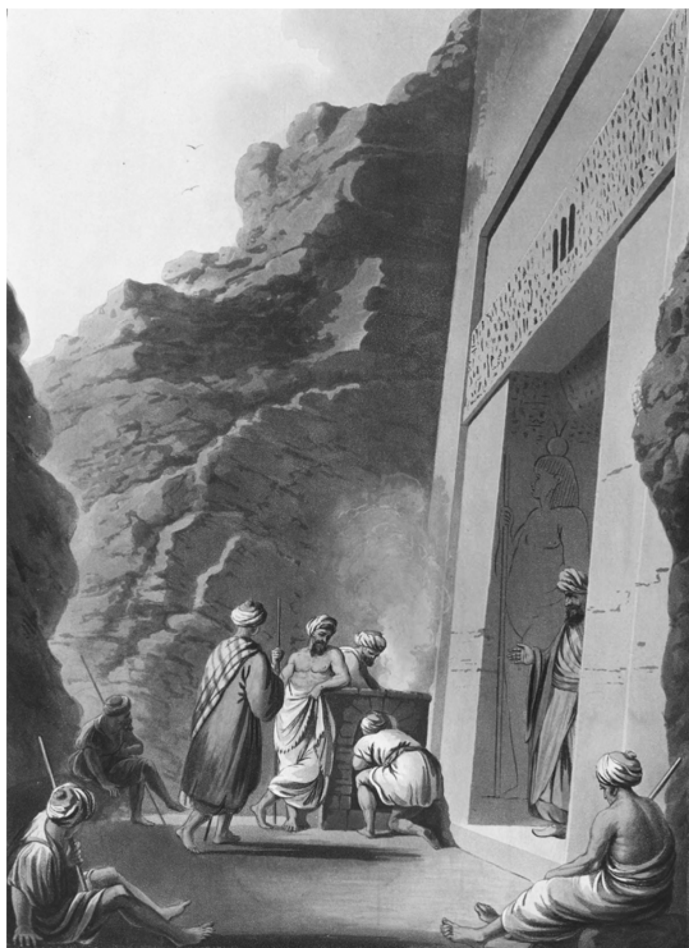
Илл. 3. План Гизы со скальными гробницами вокруг пирамиды Хафра, подготовленный Р. Поукоком (1704–1765) (по: [Pococke, 1743, p. 45, pl. XVI])

Илл. 4. Первое известное изображение скальных гробниц Восточного плато Гизы (по: [Norden, 1780, pl. XLIII])

Скальные часовни близ пирамиды Хафра кратко описывает и английский путешественник Ричард Поукок (*илл. 3*) (1704–1765). Он полагал, что гробницы в западной стене каменоломен Хафра могли быть в древности объединены общим портиком, составляя, таким образом, единый комплекс [Pococke, 1743, p. 45–46, pl. XVI]. Его современник датский военно-морской капитан и исследователь Фредерик Луис Норден (1708–1742), посетивший Египет по просьбе короля Дании в 1737 г., стал первым исследователем, обозначившим на плане Гизы скальные гробницы («гроты») Восточного плато (*илл. 4*) [Norden, 1780, pl. XLIII]. Хотя гравюра в публикации Нордена делалась с весьма неточного наброска, она демонстрирует, что в 30-х гг. XVIII в. входы во многие скальные гробницы восточной окраины Гизы были открыты и доступны для посещения. На том же плане можно видеть скальные гробницы, изображенные к северу от процессионной дороги Хуфу. В настоящее время такие гробницы неизвестны, но одна из них, возможно, была видна еще при Лепсиусе [Lepsius, 1849, Bl. 14].

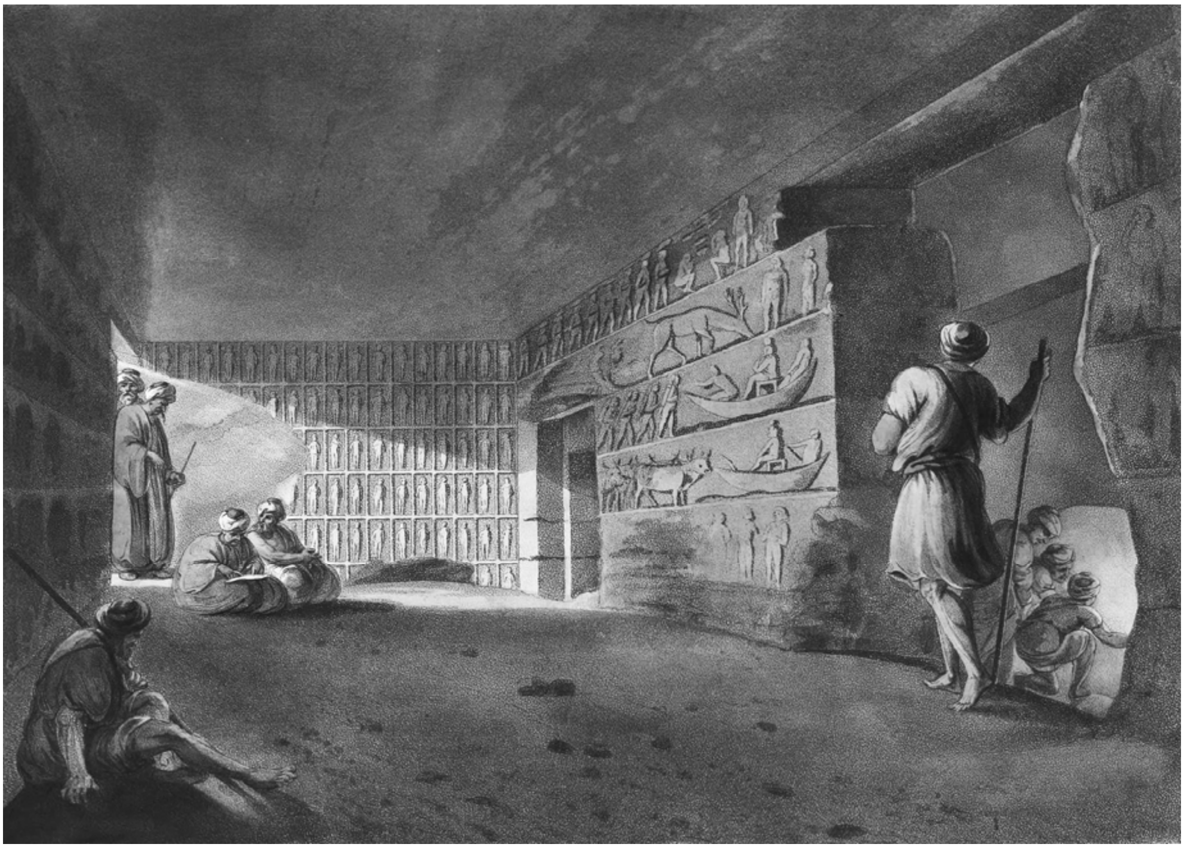
Норден несколько раз упоминает большое число «гротов» в окрестностях пирамид и отмечает, что все они открыты и ограблены. Он лично изучил несколько таких скальных часовен и не нашел там ничего, кроме половины маленькой керамической статуэтки, вероятно, *ушебти* [Norden, Templeman, 1757, p. 122]. Датского исследователя удивляло, что на пирамидах и внутри них нет ни одной надписи, в то время как строения вокруг были полны изображениями и иероглифическими текстами. Он нашел этому свое оригинальное объяснение. Норден полагал, что пирамиды были построены в ту далекую эпоху, когда египтяне еще не знали письменности. Скальные гробницы Гизы, по его мнению, были изначально каменоломнями, в которых добывали материал для пирамид, а затем жили рабочие. Лишь много после, когда была изобретена письменность, они были превращены в гробницы и покрыты рельефами и надписями [Norden, Templeman, 1757, p. 122, 141, 146, 148].

Илл. 5. Скальная гробница у Великого сфинкса в конце XVIII в. (Mayer, 1801, p. 24–25)

В 1739 г., вскоре после Нордена, в Египте находился Джон Монтегью, который также оставил краткое описание

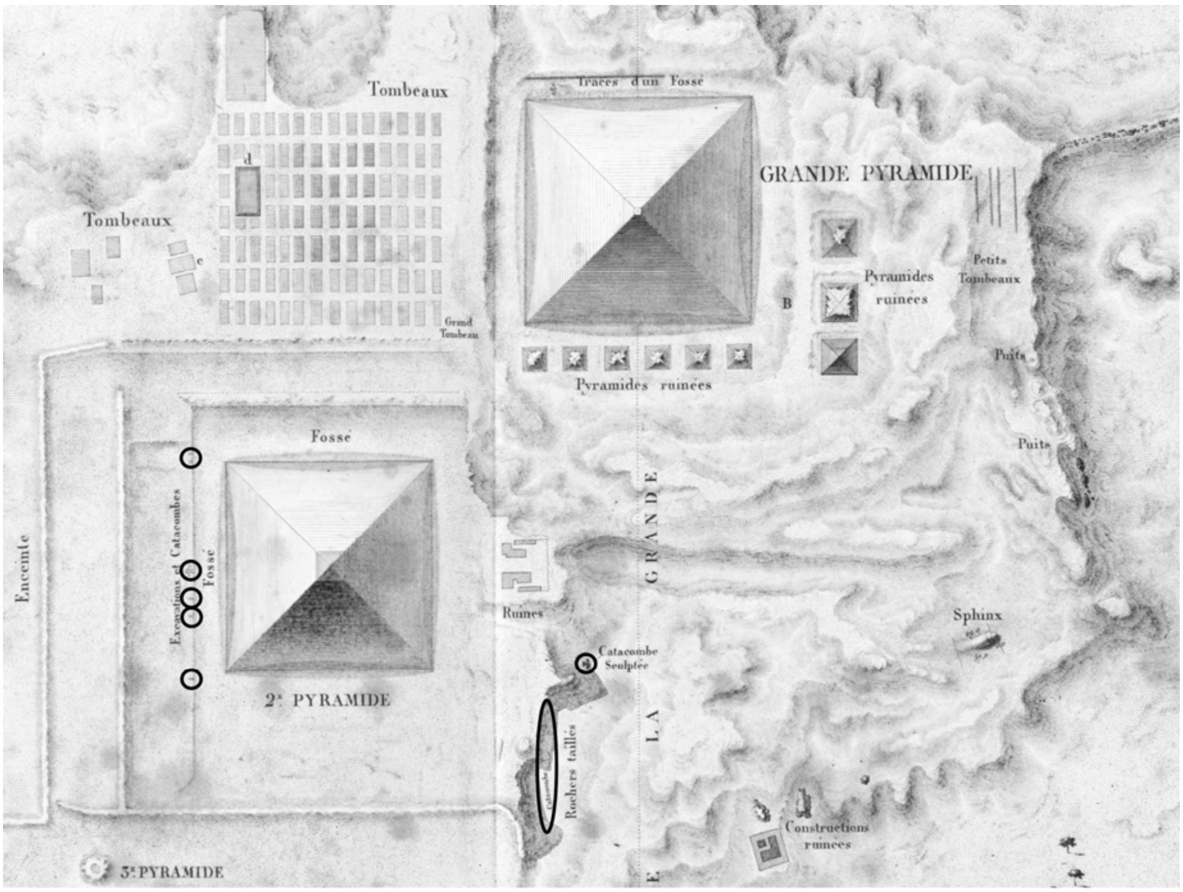
скальных часовен близ пирамиды Хафра. Он не сомневался, что вырубленные в скале помещения являлись гробницами, хотя в его время они были пусты, и никаких следов захоронений он там не обнаружил [Montague, 1749, p. 457].

Илл. 6. Скальная гробница Небемахета (LG 86 = G 8172) неподалеку от пирамиды Хафра в конце XVIII в. (по: [Mayer, 1801, p. 24–25])

Первым художником, запечатлевшим скальные гробницы Гизы, стал, судя по всему, Луиджи Майер (1755–1803). Будучи связан с английской дипломатической миссией в Стамбуле, он много путешествовал по Османской империи, став одним из популярных художников-ориенталистов своего времени. Два рисунка Майера были посвящены сцене у входа в одну из скальных гробниц (возможно, Саисского времени) неподалеку от Большого сфинкса (*илл. 5*) и сцене внутри другой скальной гробницы, которую можно легко идентифицировать — это часовня царевича Небемахета (LG 86 = G 8172) неподалеку от пирамиды Хафра (*илл. 6*) [Mayer, 1801, p. 24–25]. На обоих рисунках в большом числе присутствуют местные жители, которые, конечно, по обычаю того времени могли быть добавлены для колорита. Однако в сцене у входа в скальную гробницу близ Сфинкса художник изобразил характерную деталь — это печь, в которой что-то готовят. Вряд ли она была выдумана: печь в некрополе — деталь необычная. В крайнем случае печь была подсмотрена художником у одной из соседних часовен, чтобы создать на рисунке собирательный образ. Какой? Судя по всему, образ гробницы, превращенной в жилье. Письменных упоминаний о том, что в скальных

часовнях Гизы в это время кто-то жил, очень мало. Однако они есть. Так, по сообщению востоковеда Клода-Этьена Савари (1750–1788), в 1777 г. в одной из скальных гробниц неподалеку от пирамиды Хафра жил известный шейх, почитавшийся среди местных арабов святым. Согласно исследователю, шейх занял просторную и красивую скальную часовню[6]. Не всем посетителям удавалось найти с ним общий язык. Самого Савари, к слову, шейх обозвал собакой и выгнал из гробницы [Savary, 1787, p. 208–209].

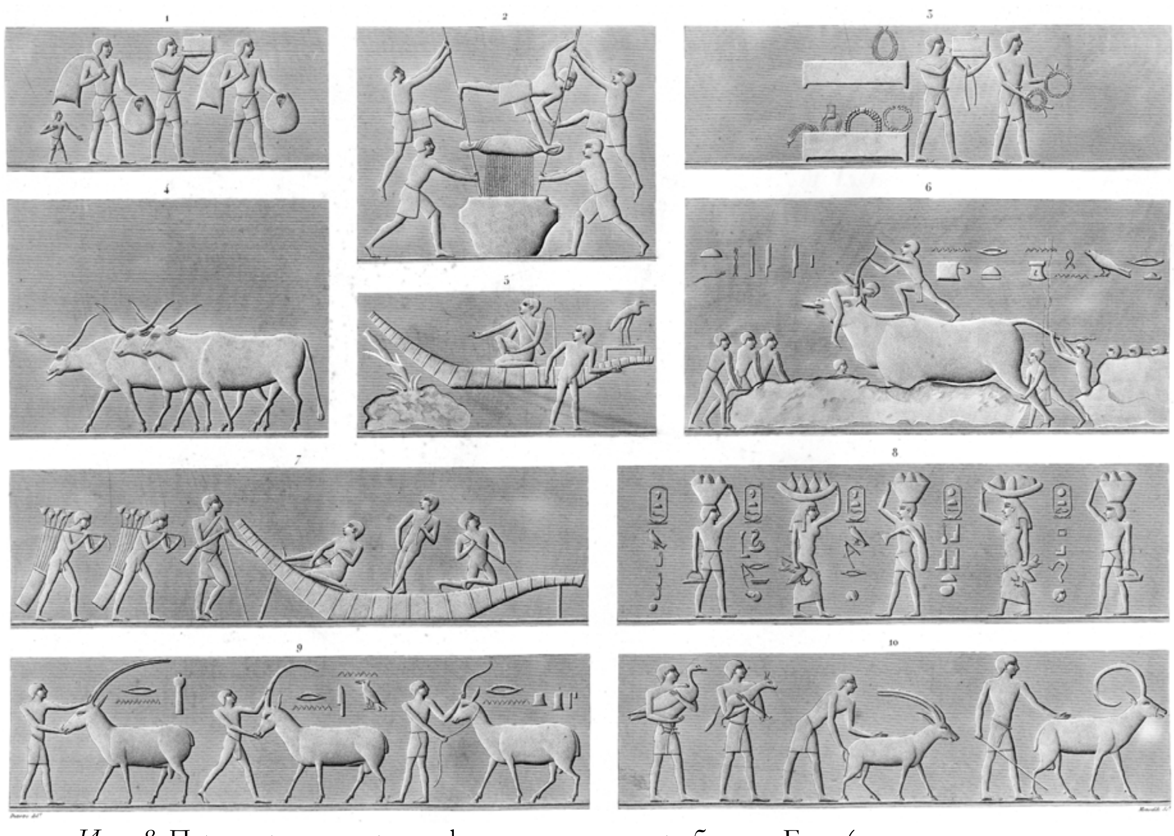
○ - Скальные комплексы, обозначенные на плане

Илл. 7. Скальные комплексы на плане Гизы, подготовленном французскими специалистами в ходе Египетского похода Наполеона (по: [Jomard, 1822, pl. 6]).

Исследователи, прибывшие в Египет вместе с экспедицией Наполеона, впервые составили подробный топографический план Гизы (*илл. 7*). Хотя рельеф восточной оконечности плато представлен на нем весьма детально, там не обозначено ни одной крупной мастабы или скальной часовни. Лишь указывается, что на вершине плато есть небольшие гробницы и колодцы [Jomard, 1822, pl. 6]. Это несколько озадачивает, ведь мастабы Западного плато были подробно нанесены на план. Судя по всему, французы

[6] Возможно, это была гробница Дебехена, которая в XIX в. была известна как «гробница шейха» или «гробница святого». Европейцы называли его Санто. См. также: [Hassan, 1943, p. 167].

попросту не уделили Восточному плато достаточного внимания в силу обстоятельств, которые сегодня трудно установить. И действительно, вряд ли можно полагать, что при Поукоке и Нордене, т. е. за 50–60 лет до Египетского похода, мастабы и скальные гробницы Восточного плато были видны [Pococke, 1743, p. 42, pl. XVI; Norden, 1780, pl. XLIII], на рубеже XVIII–XIX вв. они оказались полностью занесены песком, а спустя несколько десятилетий, без масштабных раскопок, вновь появились, о чем свидетельствуют планы Г. Солта [Usick, Manley, 2007, pl. 1], Дж. Перринга [Perring, 1839; Vyse, 1840] и К. Р. Лепсиуса [Lepsius, 1849, Bl. 14]. Единственные скальные гробницы, показанные на плане времен Египетского похода, — это гробницы близ пирамиды Хафра, традиционно привлекавшие внимание и более ранних исследователей. Рисунки, сделанные в ходе экспедиции, также подтверждают, что художники Наполеона посещали скальные комплексы к юго-востоку от пирамиды Хафра, в частности, часовни Дебехена (LG 90 = G 8090) и Небемахета (LG 86 = G 8172) (*илл. 8*). Это первые относительно точные копии рельефов из гробниц Гизы [Jomard, 1822, pl. 17–18].

Илл. 8. Первые рисунки рельефов из скальных гробниц в Гизе (из скальных часовен в каменоломнях к юго-востоку от пирамиды Хуфу) (по: [Jomard, 1822, pl. 18])

Собранные выше письменные и изобразительные свидетельства позволяют судить о том, в каких условиях формировались поздние археологические слои, с которыми нередко имеют дело российские ученые в Гизе. Хотя путешественники и исследователи, оказавшиеся на плато до Наполеона, уделяли свое основное внимание пирамидам и Сфинксу, они сохранили немало ценных сведений и о скальных

гробницах этого некрополя. По сути, подробное знакомство европейцев с частными гробницами Гизы началось не с гигантских мастаб знати, а именно со скальных часовен, которые были доступны для посещения. Наиболее известными на этом этапе оказались скальные гробницы вблизи пирамиды Хафра. Этому факту можно найти несколько объяснений. Во-первых, судя по дошедшим описаниям, многие ранние исследователи Гизы попросту не видели скальные гробницы восточной окраины плато. Большинство известных нам авторов попадали в Гизу напрямую из Каира. Самый короткий путь из Каира в Гизу приводил путешественников к северной окраине некрополя, прямо к пирамиде Хуфу, где по сей день находится главный туристический вход на территорию памятника. После осмотра Великой пирамиды исследователи направлялись к пирамиде Хафра, где впервые сталкивались с крупными скальными гробницами. На пирамиду Менкаура, Большого сфинкса и другие памятники у многих уже оставалось очень мало времени [Denon, 1803, p. 270–271]. После осмотра Сфинкса знакомство с древностями Гизы часто завершалось, ведь визиты, исходя из соображений безопасности[7], старались уложить в один световой день. Таким образом, частные гробницы удостаивались обычно лишь самого краткого обзора. В основном описывались те из них, что можно было увидеть, не отходя далеко от пирамид (скальные гробницы близ пирамиды Хафра) или поднявшись на вершину пирамиды Хуфу. В этом случае скальные комплексы восточной окраины Гизы, лежавшие в стороне от основного маршрута, попросту оказывались незамеченными. Вторая причина также была объективной: скальные гробницы близ пирамиды Хафра (прежде всего, на Центральном плато, где находились также наиболее древние скальные комплексы) были в среднем крупнее и богаче декорированы, чем гробницы на Восточном плато. Поскольку в некоторых из них временами жили люди, часть гробниц явно была расчищена и доступна для посещения.

Характерно, что с началом раскопок в Гизе ситуация быстро изменилась, и скальные гробницы восточной окраины тут же привлекли внимание исследователей. В значительной степени это было связано, похоже, с иной логистикой. Ранние путешественники прибывали из Каира и не нуждались в регулярных поставках провианта и расходных материалов, поскольку совершали в Гизу лишь краткие, как правило, однодневные вылазки. Научная работа требовала другого подхода: первым ученым приходилось устраиваться в Гизе надолго и налаживать быт, который так или иначе был завязан на существующую местную инфраструктуру. Лагерь необходимо было ставить так, чтобы он находился рядом с источником чистой воды и недалеко от поселений, которые будут поставлять рабочую силу и провиант. Никакого другого выбора, кроме восточной окраины, в этом случае не оставалось. Так и повелось, что археологи жили на восточной окраине Гизы, а туристы продолжали прибывать на плато преимущественно с севера[8]. Те же из туристов, кто хотели задержаться у пирамид, также обычно останавливали свой выбор на восточной окраине. Именно там в конце 1830-х гг. появился первый в Гизе постоялый двор, располагавшийся прямо напротив

[7] В Гизе путешественникам грозили нападения вооруженных людей и ограбления (особенно во второй половине XVIII в.) [Savary, 1787, p. 208; Pococke, 1743, p. 48]. Археологи первой половины XIX в. также не расставались с оружием, иногда отстреливаясь от нападавших.

[8] Изменить это удалось лишь в XX в. с появлением водопровода и автомобилей. Эти новшества позволили археологу Дж. Э. Райзнеру устроить базу своей экспедиции на севере Гизы на примерно равном удалении от всех своих основных раскопок.

нескольких скальных гробниц, изучаемых сотрудниками Института востоковедения РАН. Но это, однако, сюжет для другого исследования.

Литература / References

Ветохов С. В. *Эволюция скальных гробниц Древнего царства Восточного плато некрополя Гизы* (канд. дисс.). М., 2017 [Vetokhov S. V. *Evolution of Old Kingdom Rock-Cut Tombs of the Eastern Giza Necropolis* (Ph.D. dissertation). Moscow, 2017 (in Russian)].

Лебедев М. А. Франко-тосканская экспедиция в Гизе (Египет): новые данные. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018а. № 3. С. 53–64 [Lebedev M. A. Franco-Tuscan Expedition in Giza: New Evidence. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018a. 6. Pp. 53–64 (in Russian)].

Лебедев М. А. Стратиграфия шахт эпохи Древнего царства как источник по истории восточной окраины древнеегипетского некрополя Гиза. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018б. № 6. С. 86–99 [Lebedev M. A. Stratigraphy of Old Kingdom Shafts as a Source for the History of the Eastern Edge of the Ancient Egyptian Giza Necropolis. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018b. 6. Pp. 86–89 (in Russian)].

Малых С. Е. Функционирование Восточного некрополя Гизы в конце Древнего царства и Первом Переходном периоде. *Вестник древней истории*. 2017. № 3. С. 537–554 [Malykh S. E. Functioning of the Eastern Necropolis of Giza at the End of the Old Kingdom and the First Intermediate Period. *Vestnik drevney istorii*. 2017. 3. Pp. 537–554 (in Russian)].

Малых С. Е. Керамика Гизы как индикатор хронологической многослойности археологического памятника Египта. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 2. С. 164–178 [Malykh S. E. Giza Pottery as an Indicator of the Chronological Multilayeredness of the Egyptian Archaeological Site. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2018. 2. Pp. 164–178 (in Russian)].

De Maillet B., Le Mascrier J.-B. *Description de l'Égypte, contenant plusieurs remarques curieuses sur la Géographie Ancienne et Moderne de ce païs, sur ses Monumens anciens, sur les Moeurs, les Coutumes & la religion des habitans, sur le Gouvernement & le Commerce, sur les animaux, les arbres, les plantes, &c*. Paris, 1735.

De Sacy S. A.-I. *Relation de l'Egypte par Abd-Allatif, medecin arabe de Bagdad: Suivie de divers extraits d'écrivains orientaux, et d'un état des provinces et des provinces et des villages de l'Égypte dans le XIVe siècle: le tour traduit et enrichi de notes historiques et critiques*. Paris, 1810.

Denon V. *Travels in Upper and Lower Egypt, in Company with Several Divisions of the French Army, During the Campaigns of General Bonaparte in that Country; and Published under the his Immediate Patronage*. Vol. I. London, 1803.

El-Daly O. *Egyptology: The Missing Millennium. Ancient Egypt in Medieval Arabic Writings*. Cairo, 2005.

Greaves J. *Miscellaneous Works of Mr. John Greaves, Professor of Astronomy in the University of Oxford*. London, 1737.

Hassan S. *Excavations at Giza*. Vol. IV. *1932–1933*. Cairo, 1943.

Jomard E.-F. (ed.). *Description de l'Égypte, ou Recueil des observations et des recherches qui ont été faites en Égypte pendant l'expédition de l'armée française, publiè par ordre du gouvernement. Antiquites. Planches*. Tome V. Paris, 1822.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis III. Tombs of Tjenty II, Khufuhotep, and Anonymous Tombs GE 17, GE 18, GE 47, GE 48, and GE 49*. Moscow, 2015.

Kormysheva E., Malykh S., Lebedev M., Vetokhov S. *Giza Eastern Necropolis IV. Tombs of Perseneb, Ipy, and Anonymous Tombs GE 23, GE 40, GE 56, GE 57, and GE 58*. Moscow, 2018.

Lehner M. Absolutism and Reciprocity in Ancient Egypt. Lamberg-Karlovsky M. (ed.). *The Breakdown: The Origins of Civilization*. Cambridge, 2000. Pp. 69–97.

Lepsius K. R. *Denkmäler aus Ägypten und Äthiopien nach den Zeichnungen der von Seiner Majestät dem Könige von Preußen Friedrich Wilhelm IV nach diesen Ländern gesendeten und in den Jahren 1842–1845 ausgefürten wissenschaftlichen Expedition*. Abt. I. Bd. I. Berlin, 1849.

Montague J. A *Voyage Performed by the Late Earl of Sandwich Round the Mediterranean in the Years 1738–1739*. London, 1749.

Norden F. L., Templeman P. *Travels in Egypt and Nubia by Frederick Lewis Norden. F.R.S. Captain of the Danish Navy*. 1757.

Norden F. L. *The Antiquities, Natural History, Ruins and other Curiosities of Egypt, Nubia, and Thebes. Exemplified in Near Two Hundred Drawings Taken on the Spot*. London, 1780.

Nuzzolo M. Patterns of Tomb Placement in the Memphite Necropolis. Fifth Dynasty Saqqara in Context. Bárta M., Coppens F., Krejčí J. (eds.). *Abusir and Saqqara in the Year 2015*. Prague, 2017. Pp. 257–292.

Parkinson R. B. *The Tale of Sinuhe and Other Ancient Egyptian Poems 1940–1640 BC*. Oxford, 1997.

Perring J. E. *The Pyramids of Gizeh, from Actual Survey and Admeasurement*. Part I. *The Great Pyramid*. London, 1839.

Pococke R. *A Description of the East and Some other Countries*. Vol. V. *Observations on Egypt*. London, 1743.

Savary Cl. E. *Letters on Egypt with a Parallel between the Manners of its Ancient and Modern Inhabitants, the Present State, the Commerce, the Agriculture, and Government of that Country*. Vol. I. Dublin, 1787.

Thompson J. *Wonderful Things: A History of Egyptology*. Vol. 1: *From Antiquity to 1881*. Cairo, New York, 2015.

Usick P., Manley D. *The Sphinx Revealed: A Forgotten Record of Pioneering Excavations*. London, 2007.

Vansleb R. D. *The Present State of Egypt; Or, a New Relation of a Late Voyage into that Kingdom Performed in the Years 1672 and 1673*. London, 1678.

Vyse H. *Operations Carried on at the Pyramids of Gizeh in 1837: With an Account of a Voyage into Upper Egypt and an Appendix*. Vol. I. London, 1840.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-160-174

МОНЕТЫ СРЕДНЕВЕКОВОГО САДВАРА В ЮЖНОМ ХОРЕЗМЕ

© 2020 **Е. Ю. Гончаров, Е. А. Армарчук***

Археологические раскопки на городище Садвар проводились Хорезмской экспедицией в 1972–1975 гг., но нумизматические находки до сих пор не были опубликованы. Памятник находился на левом берегу Амударьи в Туркменистане, на торговом пути из центральных районов Хорезма в Мавераннахр и Хорасан. В настоящее время он затоплен водохранилищем. Состоял из т. н. «цитадели» и жилых кварталов, окруженных с трех сторон рвом, а также «Чашкалы», замковой постройки IX–XI вв. примыкавшей к городищу. В статье приведено краткое описание городища, раскопов, открытых сооружений, керамического комплекса. Всего найдено 44 монеты: 3 серебряные, 41 медная, определить из них удалось 28 экземпляров. Из них три относятся к древнему периоду (династия Сиявушидов), 24 к IX–XII вв. (Тахириды, Афригиды Кята, Саманиды, Мамуниды и др.), одна к концу XIX в. (Хивинское ханство). Впервые была найдена хорезмшахская монета с лакабом «*Венец нации и светильник общины* (религиозной)», имя правителя пока не установлено, по совокупной характеристике данных датирована XII в. Единственный бувейхидский дирхам является, по-видимому, новым, неописанным типом. В одной из ям был найден кошелек из 6 монет и заготовок. Монеты были нового типа, чеканенные в городе Кят, бывшем столицей Хорезма до 995 г. Нумизматический интерес представляют несколько монетных заготовок, также находившихся в обращении, некоторые из них пробиты в центре. Предполагается, что таким образом их выводили из денежного оборота. В комментариях к каталогу нумизматических находок на городище Садвар приведен ряд дополнительных материалов. Монетный материал подтверждает археологические данные о том, что город стал терять свое значение в XII в.

Ключевые слова: Хорезм, Кят, хорезмшахи, археология Средней Азии, Хорезмская экспедиция, фельс, дирхам.

Для цитирования: Гончаров Е. Ю., Армарчук Е. А. Монеты средневекового Садвара в Южном Хорезме. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 160–174. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-160-174

* Евгений Юрьевич ГОНЧАРОВ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lowvolga@gmail.com

Evgeny Yu. GONCHAROV, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lowvolga@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-3006-1774

Екатерина Александровна АРМАРЧУК, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН, Москва; katherine-arm@yandex.ru

Ekaterina A. Armarchuk, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Archaeology RAS, Moscow; katherine-arm@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3621-1726

COINS FROM MEDIEVAL SADVAR IN SOUTHERN KHWARAZM

Eugeny Yu. Goncharov, Ekaterina A. Armarchuk

Archaeological excavations in the settlement of Sadvar were carried out by the Khorezm expedition in 1972–1975, but numismatic finds have not yet been published. The monument was located on the left bank of the Amu Darya River in Turkmenistan, on a trade route from the central regions of Khwarazm to Mawarannahr and Khorasan (currently, the site is flooded by a reservoir), and consisted of a so-called citadel and residential quarters, surrounded on three sides by a moat, as well as the "Chash-kala", a castle structure built in the 9th–11th centuries adjacent to the settlement. The article provides a brief description of the ancient settlement, excavations, open structures, and ceramic complex. A total of 44 coins were found, 3 silver and 41 copper, 28 of which were identified. Three of those belong to the ancient period (Siyavushid Dynasty), 24 to the 9th–12th centuries (Tahirids, Afrigids of Kath, Samanids, Ma'munids, etc.), and one to the late 19th century (Khiva Khanate). A Khwarazmshah coin with the lakab "*Crown of the Nation and Cresset of the [Religious] Community*" was found here for the first time; the name of the ruler on it has not yet been established, but based on combined characteristics the coin can be dated back to the 12th century. The only Buwayhid dirham is apparently a new, as yet undescribed type. In one of the pits, a wallet with 6 coins and bare flans was found. The coins belong to a new type struck in the city of Kath, the former capital of Khwarazm prior to 995. Several coin flans are of numismatic interest, some of them were punched in the center, presumably to remove them from circulation. A number of additional materials are given in the comments to the catalog of numismatic finds in the settlement of Sadvar. Numismatic material confirms archaeological evidence that the city began to lose its significance in the 12th century.

Keywords: Khwarazm, Kath, Khwarazm Shahs, Central Asian archaeology, Khorezmian Expedition, fals, dirham.

For citation: Goncharov E. Yu., Armarchuk E. A. Coins from Medieval Sadvar in Southern Khwarazm. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 160–174. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-160-174

Городище Садвар находилось на краю невысокого плато, на левом берегу Амударьи[1], имело неправильную форму и площадь около 20 га. С трех сторон его окружал ров, выходивший в низину, лежащую с юго-западной стороны памятника. На городище выделялась т. н. «цитадель» — возвышенный центральный участок квадратных очертаний (130 × 140 м), ориентированный углами по сторонам света и также обнесенный рвом. Вне «цитадели» планировка прослеживалась к северо- и юго-востоку от нее и состояла из прямоугольных кварталов, разделенных улочками. С юго-востока к городищу примыкали развалины Чаш-кала, принимаемые за караван-сарай. Раскопки городища вела Хорезмская археологическая экспедиция Института этнографии АН СССР в 1972–1975 гг. (начальник отряда Н. Н. Вактурская) в связи с отводом территории под затопление Тюя-Муюнским водохранилищем. Пять раскопов были заложены в «цитадели», шестой в месте перемычки на северо-западном отрезке внутреннего рва. Два других раскопа находились на территории городских кварталов к востоку и юго-востоку от «цитадели» [Вактурская, 1974; 1975; 1976; Вактурская, Воробьёва, Лоховиц, 1973]. Чаш-кала исследовалась в 1972 г. В. А. Лоховицем [Вактурская, Воробьёва, Лоховиц, 1973, с. 478].

[1] Дарганатинский район Чарджоуской области (по административному делению до 1991 г.).

Раскопки показали, что центральная часть городища в средневековье не являлась цитаделью. Об этом говорят отсутствие оборонительной стены в раскопе V на северо-восточном ее краю и застройка, встреченная в шурфах и траншеях на северо-восточном отрезке внутреннего рва [Вактурская, 1976, с. 542]. В верхних слоях раскопов I, II и IV были зафиксированы жилые дома, отдельные из которых имели дворы. От рядовой жилой застройки отличалось крупное и неоднократно перестраивавшееся здание, вскрытое раскопом III, которое, возможно, несло общественную функцию. Материка удалось достичь только в раскопе II, где обнаружились древние слои и мощная стена стоящего на материке большого сооружения с примыкающей к ней изнутри кладовой с большим количеством керамических сосудов-хумов.

Верхний горизонт «цитадели» Садвара представлен слоем XII — начала XIII в. (временем хорезмшахов Ануштегинидов), обнаруженный только на этом участке городища в раскопах II и IV. В раскопе II он зафиксирован в комплексе помещений 1, 1а, 1б и 14 и в помещениях 2, 11 и 15, на раскопе IV — в комплексе помещений 1–6. Согласно Н. Н. Вактурской, его характеризуют хумы с полочковидным венчиком, сероглиняные кувшины и чаши с голубой поливой. К среднему, основному горизонту относится слой IX–XI вв. раскопов I, III и V, а также раскопа II за исключением указанных выше помещений. Показательной керамикой этого горизонта являются хумы без горла со светлым ангобом и гравированным орнаментом, светлоглиняные одноручные кувшины и поливные чаши иного типа, с монохромной и бихромной росписью [Армарчук, 2010, с. 222–244]. Нижним горизонтом служат отложения первой половины I тыс. н. э., встреченные на «цитадели» только в раскопе II.

Раскоп I на городище охватил жилой квартал, характеризуемый домами, расположенными параллельно друг другу и перпендикулярно продольным улицам. Они состояли из одного-трех помещений, лежащих на одной линии, и отделялись друг от друга узкими проулками. Реконструируемая квартальная застройка представляется компактной, но не слитной. Кроме жилых помещений с суфами и очагами она включала небольшие производственные сооружения — печи, которые могли использоваться в металлообработке и кузнечном ремесле [Армарчук, 2005].

Раскопом II изучался крайний, юго-восточный квартал городища, планировка которого отличалась от описанной выше. Здесь зафиксированы два помещения типа айванов возле внутреннего рва, а также обрывки стен и забутованные камнями с керамикой большие квадратные ямы-котлованы, расположенные двумя рядами, назначение которых осталось непонятным. В отличие от «цитадели», культурный слой в кварталах городища был маломощным и местами сильно развеянным, а строительные остатки незначительными. Керамический материал из обоих раскопов на городище, в т. ч. поливная посуда, датируется в пределах IX–XI вв.

Благодаря раскопкам, рост города предстал в следующем виде: первоначально, в античную эпоху центральный его участок занимала постройка типа замка с мощной внешней стеной. Судя по керамике и пяти уровням полов, вскрытая ее кладовая функционировала в кушанское — кушано-афригидское время, т. е. в первой половине I тыс. н. э. Видимо, при строительстве замок обнесли рвом, в результате чего образовалась укрепленная площадка на краю плато. Подъемная керамика с центрального участка показывает, что поселение продолжало жить и в VI–VIII вв. (афригидское время, по С. П. Толстову), но соответствующие слои нигде в раскопах не

были вскрыты. Позже поселение, расположенное на оживленной торговой трассе, переросло в средневековый город с регулярными кварталами, который с напольной стороны окружили новым рвом. Внутренний ров вокруг «цитадели» стал застраиваться. Ко времени Великих Хорезмшахов город был почти заброшен, жизнь в нем теплилась только на центральном участке.

При раскопках Садвара было найдено 44 монеты: 27 на центральном участке, 16 — на городище; место находки монеты № 39[2] осталось неизвестным из-за отсутствия этикетки и коллекционной описи. В процессе реставрации одна сильно окисленная и фрагментированная медная монета (№ 33) растворилась. Две другие, серебряная (№ 3) и медная (№ 35), отсутствовали в хранилище к 1987 г., когда к работе с садварскими археологическими коллекциями приступила Е. А. Армарчук. По устному сообщению Б. И. Вайнберг, серебряная монета ранее была определена ею по просьбе Н. Н. Вактурской[3]. В итоге на сегодняшний день доступный нумизматический материал Садвара насчитывает 41 монету: 34 переданы в Государственный музей Востока, 7 временно хранятся в Институте этнологии и антропологии РАН[4]. Большинство монет были почищены, также есть склеенные из фрагментов.

Первичное определение монет принадлежит Г. А. Фёдорову-Давыдову (МГУ им. М. В. Ломоносова), о чем свидетельствуют записи на их этикетках. Затем, в конце 1980-х гг., монеты осмотрела Е. А. Давидович (ИВ РАН). Наконец, в конце 1990-х гг. к ним по просьбе Л. М. Левиной (в то время руководителя Сектора этноархеологии ИАЭ РАН) обратился Е. Ю. Гончаров (ИВ РАН). Таким образом, нумизматическая часть предлагаемой статьи является своего рода совокупным трудом трех исследователей, занимавшихся определением садварских монет, и является первой публикацией этой группы находок с городища Садвар.

Каталог нумизматических находок

В этой части публикации мы опишем все находки, указывая по порядку шифр (данный в описи Хорезмской экспедиции), металл и диаметр монетного кружка, вес в граммах, сохранность и определение, дату и место находки по этикетке («Р.» означает раскоп, «б/ш» — без шифра, «м/н» — место находки), в квадратных скобках помещены конъектуры — восстановленные части легенд. Монеты выстроены в хронологической последовательности их чеканки, насколько ее удалось установить. Определения в тексте предложены Е. Ю. Гончаровым, атрибуции предыдущих исследователей приведены в сносках.

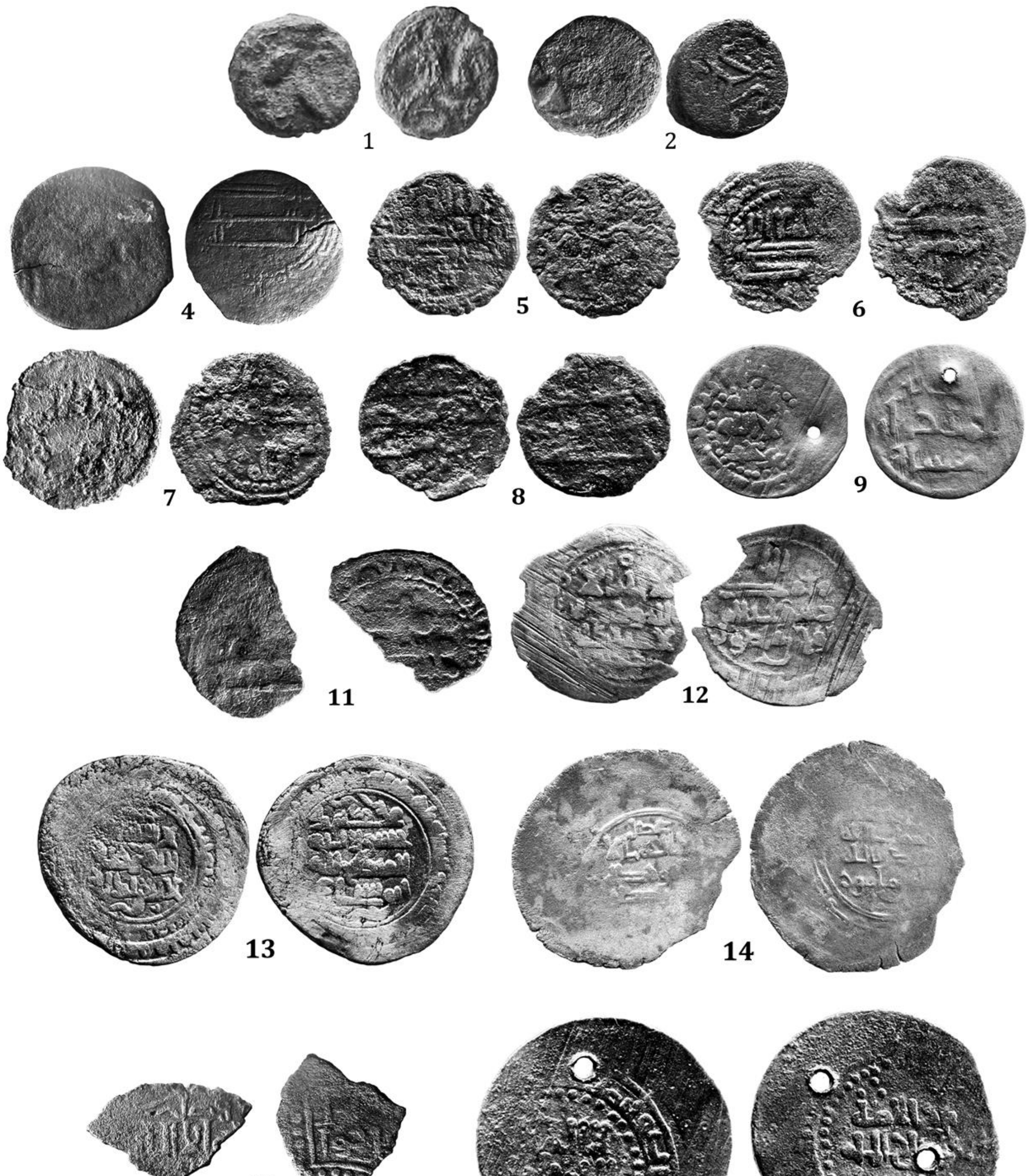
№ 1. Б/ш. Медь, 9 мм. Вес 0,92 г. Хорезмшах Вазамар, вторая половина III в. н. э. (*илл. 1.1*).
Л.с. — портрет правителя, обращенный вправо.
О.с. — тамга, круговая легенда не видна.
По [Вайнберг, 1977, таб. XVII] тип Б2 V/4.
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

---

[2] Здесь и далее таким образом указаны номера монет в описании.

[3] К сожалению, осталось неизвестным, куда передали эту монету при ликвидации хранилищ материалов Хорезмской экспедиции в 1990-х гг.

[4] Авторы благодарны за помощь в работе хранителю коллекции М. В. Бутырскому (ГМВ), а также С. А. Рузановой и И. А. Аржанцевой (ИЭА РАН).

Илл. 1. Монеты средневекового Садвара (*фото Е. Ю. Гончарова*)

№ 2. Б/ш. Медь, 11 мм. Вес 1,95 г. Хорезмшах Сиявспарш, VI в. (*илл. 1.2*).
Л.с. — портрет правителя, обращенный вправо.
О.с. — тамга, круговая легенда видна частично.
По [Вайнберг, 1977, таб. XVII] тип Б2 V/14.
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

№ 3. Б/ш. Серебро. Неизвестный правитель, V в.
По [Вайнберг, 1977, таб. XVIII] тип В-I.
Находка отсутствует.
М/н: 1975, цитадель, Р-III. Из траншеи возле раскопа (доведенной до материка. — *Е. А.*).

№ 4. Б/ш. Медь, 20 мм. Вес 0,96 г (*илл. 1.4*).
Хорезм. Тахиридские наместники. Микал б. ʿАбдаллах. 228 г.х.=842/3 г. [Кочнев, 1984, с. 186; 1999, с. 48].
Л.с. — почти полностью стертое изображение лошади, идущей вправо, круговая легенда не сохранилась.
О.с. — в центре محمد/رسول/الله *Мухаммад посланник Аллаха*; круговая легенда ميكال مولى ط[اهر] ... *Микал мавла Т[ахир]*.
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

№ 5. 74 СДВ/725. Медь, 18 мм. Вес.1,02 г. Плохая сохранность (*илл. 1.5*).
По характеру оформления и почерку надписей монета является фельсом Тахиридов или, скорее, тахиридских наместников Хорезма IX в.[5]
Л.с. — круговая легенда не читается. В центре Символ веры.
О.с. — неразборчиво.
М/н: 1974, цитадель, Р-I. У северо-восточной стены помещения, за восточным углом двора у помещений 1 и 2. Подъемная находка.

№ 6. Б/ш. Медь, 18 мм. Вес 1,22 г. Тахириды[6]. Место и дата чекана не определены. Фельс (*илл. 1.6*).
Л.с. — в центре Символ веры. От выходных данных сохранилась вводная формула «бисм Аллах…».
О.с. — круговая легенда не читается. В центре «… Мухаммад [посланник Его]».
М/н: 1973, цитадель, Р-I. На южной стене, перпендикулярной двору у помещения 1.

№ 7. Б/ш. Медь, 18 мм. Вес 0,82 г. Тахиридский наместник Хорезма Мухаммад б. Ибрахим. Хорезм, 263 (876–877) или 265 г.х. (878–879)[7]. Фельс. [Кочнев, 1999, с. 48, № 8 или 9] (*илл. 1.7*).
Л.с. — круговая легенда не видна. В центре Символ веры.
О.с. — легенда в три строки مما امر به الا/مير محمد بن / ابرهيم بن جبريل *Из того, что приказал [выбить] ал-а/мир Мухаммад б./ Ибрахим б. Джибрил*.
М/н: 1973, цитадель, Р-II. Из слоя над первой поверхностью в углу между помещениями 1 и 7.

[5] По Е. А. Давидович: фельс династии Аббасидов, чеканенный не ранее конца IX в. и не позднее начала XI в.
[6] По Е. А. Давидович: фельс династии Аббасидов, чеканенный не ранее конца IX в. и не позднее начала XI в.
[7] По Е. А. Давидович: фельс династии Аббасидов.

№ 8. Б/ш. Медь, 18 мм. Вес 1,55 г. То же, что и № 7. Плохая сохранность. (*илл. 1.8*).
М/н: 1973, цитадель, Р-I. В северо-западной части двора (у помещений 1 и 2) у раскопа I 1972 г.

№ 9. 73 СДВ/1160. Медь, 22 мм. Вес 1,57 г. (*илл. 1.9*).
Афригиды Кята, династия Бану Ирак. Мухаммад б. Ахмад (~ 366-385 г.х./ 976–995 гг.)[8]. Фельс.
Л.с. — внешний ободок не виден. В середине, в точечном ободке Символ веры; круговая надпись بسم الله ضرب [هذا الفلس ب] خوارزم *Во имя Аллаха чеканен [этот фельс в] Хорезме.*
О.с. — линейный ободок. Легенда в три строки محمد بن/احمد خوار/زم شاه *Мухаммад б. / Ахмад хваре/зм шах.*
М/н: 1973, Город, Р-II. Квадрат 12. С уровня верхнего пола в центре квадрата (отметка пола-4. — *Е. А.*).

№ 10. Б/ш. Медь, не менее 23 мм. Вес 0,78 г. Фельс эпохи династии Саманидов, IX–X вв. Обломана, половинка монеты, сильно потерта.
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

№ 11. Б/ш. Медь, 20–21 мм. Вес 0,79 г. Саманиды или хорезмский выпуск по саманидскому типу[9] (*илл. 1.11*).
Л.с. — точечный ободок. Кольцевая легенда не сохранилась. В середине, по-видимому, Символ веры.
О.с. — линейный ободок. Фрагмент неясной круговой легенды. Точечный ободок. В середине видно три строки легенды: продолжение Символа веры; вероятно, начало имени правителя, по сохранившемся буквам не восстанавливается.
М/н: 1973, цитадель. На доме со стенами, обрамленными вертикальными камнями, расположенном к западу от юго-восточного двора раскопа (раскоп I 1972 года. — *Е. А.*).

№ 12. 75 СДВ/103. Медь, 20 мм. Вес 0,67 г. Монета имеет форму неглубокой тонкой чашечки. Саманиды. Нух II б. Мансур (366–387 г.х/ 976–997 гг. [10] Фельс [~387 г.х.] (*илл. 1.12*).
Л.с. — круговая легенда, содержавшая выходные данные, читается только ضرب «чекан». Точечный ободок. В середине первая часть Символа веры в три строки, в четвертой строке — имя наместника (Бектуз ?). В верхней части поля — кружок.
О.с. — круговая легенда не читается. Точечный ободок. В середине легенда в три строки «(*продолжение Символа веры*)/ Нух б. Мансур». В верхнем поле «Аллах».
М/н: 1975, цитадель, на «мечети» (место расположения раскопа IV. — *Е. А.*). Подъемная находка.

---

[8] Аналогичная ZENO #120626. *ZENO.RU — Oriental Coins Database.* URL: https://zeno.ru/showgallery.php?cat=1199 (дата обращения 12.05.2020).
[9] Первоначальное определение Г. А. Фёдорова-Давыдова и Е. А. Давидович: саманидский фельс, X в.
[10] Первоначальное определение Г. А. Фёдорова-Давыдова.

№ 13. 74 СДВ/492. Серебро, 26 мм. Вес. 4,15 г. Бувейхиды, ʿАдуд ад-давла Абу Шуджаʿ, 338–372 г.х. (949–983 гг.). Халиф ал-Мутиʿ, 334–363 г.х. (946–974 гг.)[11]. Монетный двор не определен. Чекан между 338–343 г.х. (949–955 гг.). Дирхам (*илл. 1.13*).
Л.с. — Двойная круговая легенда; в центре в три строки Символ веры, над ним неясное слово или украшение.
О.с. — Круговая легенда, сура Корана. В центре легенда из четырех строк: две верхние продолжение Символа веры, в нижних المطيع لله / ابو شجاع *ал-Мутиʿ лиллах* / *Абу Шуджаʿ*.
М/н: 1974, Город, Р-I. Из верхнего слоя на квадрате Л-9 (к юго-востоку от хозяйственного комплекса дома № 4. — *Е. А.*).

№ 14. 75 СДВ/107. Серебро, 32 мм. Вес 3,04 г. Хорезмшах Маʼмунид ʿАли ибн Маʼмун, 387–399 г.х. (999–1009 гг.). Халиф ал-Кадир биллах, 381–422 г.х. (991–1031 гг.)[12]. (*илл. 1.14*).
Л.с. — круговая легенда не видна. В кольцевом ободке легенда в пять строк — *законный*/ [Символ веры].
О.с. — круговая легенда не видна. В кольцевом ободке легенда в пять строк — окончание Символа веры / *ал-Кадир биллах* / *ʿАли б. Маʼмун* / *хварезмшах*.
М/н: 1975, Город. Подъемный материал.

№ 15. Б/ш. Медь или низкопробный биллон. Вес 1,11 г. Обломок в треть дирхама. Вероятнее всего монета хорезмшаха ʿАли ибн Маʼмуна, 387–399 г.х. (999–1009 гг.) (*илл. 1.15*).
Л.с. — … Символ веры / فضل
О.с. — … / … [رزم]/خوا…
Слово *faḍl* на лицевой стороне, вероятно, обозначает имя визиря или чиновника, отвечавшего за монетную чеканку. В такой же позиции оно известно на дирхамах хорезмшаха ʿАли ибн Маʼмуна 395 г.х., чеканенных в Хорезме[13]. Такая аналогия дает основание считать, что и данная монета отчеканена в годы правления этого хорезмшаха, по крайней мере, до находки более полного экземпляра такого же типа.
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

№ 16. Б/ш. Низкопробное серебро (?), длина ок. 25 мм. Вес 1,05 г. Обломана и обкатана. Возможно, фрагмент маʼмунидского дирхама начала XI в.
Л.с. — вероятно, Символ веры, в одной из строк читается слово *мулк*, возможно, от инвокации *ал-мулк лиллах* «Власть [принадлежит] Аллаху».
О.с. — уверенно читается окончание Символа веры «нет (ему, т. е. Аллаху) сотоварища».
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

[11] Первоначальное определение Г. А. Фёдорова-Давыдова. Этот тип отсутствует в специализированном каталоге бувейхидских серебряных монет [Treadwell, 2001].
[12] Первоначальное определение Г. А. Фёдорова-Давыдова.
[13] См., например, ZENO #88789. *ZENO.RU — Oriental Coins Database.* URL: https://zeno.ru/showgallery.php?cat=1199 (дата обращения 12.05.2020).

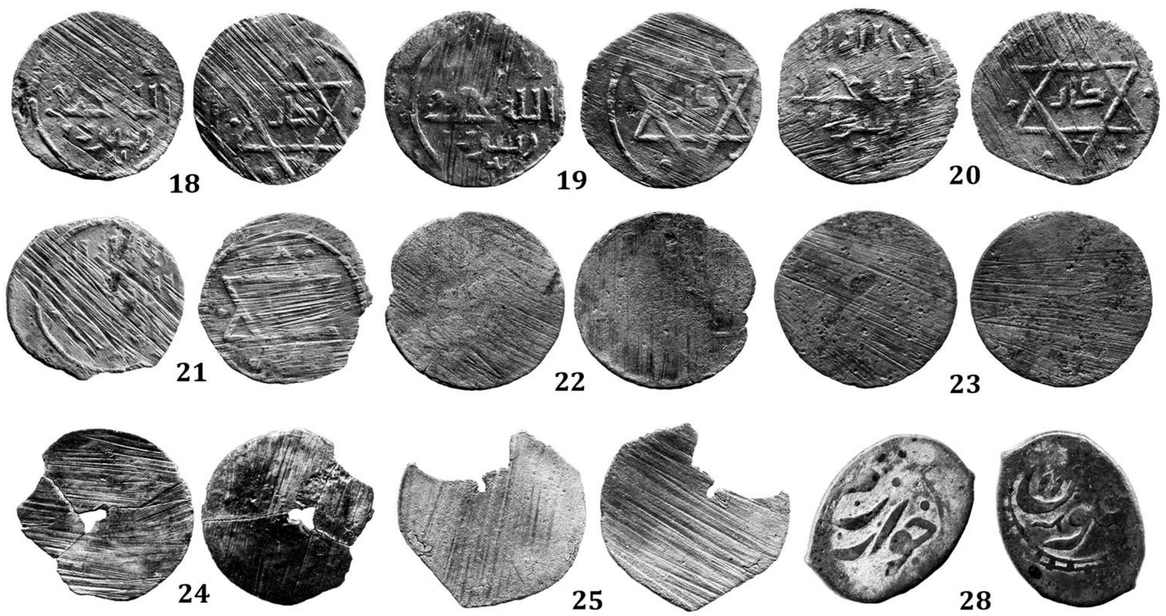
№ 17. Б/ш. Медь, 30 мм. Вес 5,57 г. Хорезмшахи (*илл. 1.17*).

Л.с. — в центре Символ веры, вокруг остатки легенды.

О.с. — круговая легенда не читается. В середине, в три строки, تاج الامة/وسراج الملة/خوارزم شاه *Тадж ал-умма / ва-Сирадж ал-милла / хваразм-шах*, т. е. *Венец нации и светильник общины* (религиозной)[14].

С двумя отверстиями. Комментарий к этой монете дан после каталога нумизматических находок.

М/н: 1973, Город, Р-I. Квадрат З-14. Из такырного слоя (к югу от дома № 6. — *Е. А.*).

Илл. 2. Монеты средневекового Садвара (*фото Е. Ю. Гончарова*)

№ 18–23. 75 СДВ/108-113. Комплексная находка из шести монет[15]. Медь, 23 мм. Фельсы городской эмиссии Кята периода хорезмшахов Ма'мунидов (995–1018)[16] (*илл. 2.18–2.23*).

Л.с. — линейный ободок. Символ веры в четыре строки.

О.с. — линейный ободок. Шестиугольный картуш, в центре كاث *Кят*. В секторах по одной точке.

Комплекс включает четыре фельса, отчеканенных с обеих сторон, один фельс со слабым оттиском штемпеля на одной стороне и одну заготовку фельса без следов чеканки. Подробнее о датировке этих монет и месте чеканки скажем ниже.

М/н: 1975, цитадель, Р-II. Помещение 16, яма № 1.

[14] В чтении титула и подборе его корректного перевода приняли участие сотрудники ИВ РАН д. и. н. Д. В. Микульский и к. и. н. В. Н. Настич, а также специалист по восточным монетам В. А. Калинин. Мы благодарим всех за существенную помощь в нашей работе.

[15] Вероятно, потерянный кошелек. Подробнее см. в комментариях.

[16] Первоначальное определение сделано Г. А. Фёдоровым-Давыдовым, предположившим выпуск этих монет в XIII в. при хорезмшахах Ануштегинидах либо ранних монгольских правителях.

№ 24. 74 СДВ/698. Медь, 23 мм. Вес 1,06 г, склеена из трех фрагментов (*илл. 2.24*).
Заготовка для фельса, пробитая в центре.
М/н: 1974, цитадель, Р-III. Из мусорного слоя к северо-востоку от дома, на глубине с отметками +760/+785.

№ 25. 74 СДВ/703. Медь, 23 мм. Вес 0,85 г. Часть кружка отломана (*илл. 2.25*).
Заготовка для фельса, на поверхности следы обработки напильником, рядом с центром монетного кружка пробито отверстие.
М/н: 1974, из северо-восточного участка рва вокруг цитадели. Подъемная находка.

№ 26. Б/ш. Медь, 20 мм. Вес 0,8 г.
Заготовка для фельса. На поверхности следы обработки напильником.
М/н: 1972, Цитадель, подъемный материал.

№ 27. Б/ш. Медь, 23 мм. Вес. 0,89 г.
Чекан не просматривается. Возможно, заготовка для фельса.
М/н: 1973, Город, Р-I. Квадрат Ж-16. Из зачистки материковой поверхности (с отметкой +582, к юго-западу от пом. 6. — *Е.А.*).

№ 28. 75 СДВ/101. Медь, 19 x 14 мм, овальной формы. Вес 2,83 г. (*илл. 2.28*).
Хивинское ханство. Мухаммад Рахим II (1281–1328 гг. х.) 1311 г.х. (1893–1894 гг.). Фулюс[17].
Л.с. — Чекан Хорезма.
О.с. — Фулюс 1311.
М/н: 1975, цитадель, Р-IV. Из слоя натеков над полом помещения 1, на глубине 30 см от дневной поверхности.

№ 29. 73 СДВ/1164. Медь, 18–20 мм. Плохой сохранности, окислена насквозь. Чекан не просматривается. Склеена из трех фрагментов. Реставрации и определению не поддается.
М/н: 1973, Город, Р-II. Квадрат 8. Юго-восточный борт центральной площадки, с уровня верхнего пола.

№ 30. 74 СДВ/493. Медь, 25–26 мм. Плохой сохранности, склеена из нескольких фрагментов. Возможно, заготовка для фельса.
М/н: 1974, Город, Р-I. Северо-западная часть помещения 11.

№ 31. 74 СДВ/687. Медь, 18–20 мм. Половинка монеты плохой сохранности, окислена насквозь. Реставрации и определению не поддается.
М/н: 1974, Город, Р-I. Квадрат Р-22. Из скопления керамики в яме у северной улицы[18].

---

[17] [Nastich, 2017, p. 208]. В каталоге опубликована именно эта монета.
[18] На плане раскопа в квадрате Р-22 яма отсутствует. Возможно, монета найдена в скругленной части помещения 27 в квадрате С-22, либо ошибка в этикетке. — *Е. А.*

№ 32. 74 СДВ/688. Медь, 18–20 мм. Четверть монеты. Плохой сохранности, окислена насквозь. Чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.

М/н: 1974, Город, Р-I. Квадрат П-26. Из завального слоя (из помещения 26 — *Е. А.*).

№ 33. 74 СДВ/689-691. Медь, диаметр не определяется. Три фрагмента очень плохой сохранности (металл преобразовался в окислы). Растворились в процессе реставрации.

М/н: 1974, Город, Р-I. Из ямы в квадрате З-22.

№ 34. 74 СДВ/699. Медь, 19 мм. ½ монеты. Вес 1,27 г. Плохой сохранности, определению не поддается.

М/н: 1974, цитадель, Р-III. Из мусорного слоя к северо-востоку от дома, на глубине с отметками +760/+785 (у основания пристройки к ранней стене с отметкой +755 — *Е. А.*).

№ 35. 74 СДВ/704. Находка отсутствует.

М/н: 1974, из северо-восточного участка вокруг цитадели. Подъемная находка.

№ 36. 74 СДВ/705. Медь, 20 мм. Очень плохой сохранности, чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.

М/н: 1974, Город, Р-I. Квадрат О-25. В толще сырцового завала (в забутовке помещения 26. — *Е. А.*).

№ 37. 74 СДВ/709. Медь, диаметр не определяется. Очень плохой сохранности, с изъянами. Чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.

М/н: 1974, Город, Р-I. Из слоя разрушения на квадрате Р-24 (проулок между помещениями 25 и 27. — *Е. А.*).

№ 38. 74 СДВ/712. Медь, 22 мм. Половинка монеты. Вес 1,74 г. Плохой сохранности, чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.

М/н: 1974, Город, Р-I. Квадрат Г-28. Из такырной корки над материковой поверхностью.

№ 39. 74 СДВ/722. Медь, 27 мм. Плохой сохранности, окислена насквозь. Просматривается только точечный круговой ободок. Склеена из восьми фрагментов. Реставрации и определению не поддается.

М/н: этикетка утеряна.

№ 40. Б/ш. Медь, 18 мм. Плохой сохранности, окислена насквозь. Тип не определяется. Реставрации и определению не поддается.

М/н: 1973, цитадель, Р-I. Из северной стены помещения 4.

№ 41. Б/ш. Медь, 18 мм. Плохой сохранности, металл переродился в оксиды. Чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.
М/н: 1973, цитадель, Р-I, помещение 5а. Из рыхлого мусорного слоя в северо-восточном углу помещения, в 15 см над полом (нивелировочный горизонт +650/+660 см. — *Е. А.*).

№ 42. Б/ш. Медь, 22 мм. Плохой сохранности, чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.
М/н: 1973, Город, Р-I. Квадрат Т-13. Улица. Из нижнего слоя обмазки над материком.

№ 43. Б/ш. Медь, 22 мм. Четверть монеты. Плохой сохранности, чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.
М/н: 1973, Город, Р-I. Квадрат Т-16. Улица. Из второго слоя обмазок.

№ 44. Б/ш. Медь, 22 мм. Плохой сохранности, окислена насквозь. Чекан не просматривается. Реставрации и определению не поддается.
М/н: 1973, Город, Р-II. Квадрат 4. С уровня нижнего пола (помещение 2, отметка –21. — *Е. А.*).

Комментарии

К монете № 17. Титул *Тадж ал-умма ва-Сирадж ал-милла Хваразм-шах* «Венец нации и светильник общины (религиозной)» по тезаурусу и конструкции фразы является лакабом (почетным титулом) высшего уровня — из тех, что могли быть пожалованы аббасидским халифом. Ближайшим аналогом является лакаб *ʿАйн-ад-давла ва Зайн ал-милла* «Око государства и украшение общины», дарованный хорезмшаху Ма'муну II б. Ма'муну (1009–1017) халифом ал-Кадиром в 405 г.х. (=1014/5 г. н. э.). Об этом событии есть сообщение в книге «Тарих Байхаки» [Байхаки, 1957, с. 1024; 1969, с. 809], лакаб представлен и на дирхамах этого правителя Хорезма [Kalinin, 2009]. На данный момент нам неизвестен хорезмшах с титулом, представленным на монете № 17. Не совсем понятен и номинал монеты: мультифельс или медный дирхам. Большой диаметр (30 мм) и вес (5,57 г) выделяют ее из монет обеих категорий хорезмской чеканки. Такие выдающиеся характеристики и лакаб, а также уникальность (нам известен только один экземпляр, публикуемый в этой статье) дают основание считать, что монета № 17 является презентационным выпуском, вероятно, связанным с получением неким хорезмшахом высокого титула от «Амира правоверных». В таком случае, данная монета скорее должна быть дирхамом, чем фельсом, представлять основной номинал, примером чему является дирхам с лакабом Ма'муна II. Если это предположение верно, то по совокупности ряда признаков рассматриваемая монета была, вероятнее всего, отчеканена в XII в., при хорезмшахах из династии Ануштегинидов, когда в Хорезме выпускались монеты из золота и медных сплавов, но не из серебра. В общем, выяснение, кому мог быть дарован такой лакаб, и что это за монета, требует отдельного историко-нумизматического исследования, выходящего за рамки данной публикации.

В целом определение монетных дат согласуется с данными стратиграфии и датировкой керамического комплекса Садвара, предложенной Н. Н. Вактурской. Необходимо отметить, что в данной коллекции находок нет монет, выпущенных с VI по середину IX в.

Остановимся подробнее на единственной комплексной находке (вероятно, потерянном кошельке), состоящей из четырех медных монет одного номинала, одного кружка со следами чеканки на одной стороне и одной заготовки без чекана. Г. А. Фёдоров-Давыдов отнес его к XIII в.: к хорезмшахам-Ануштегинидам, либо к первым монгольским правителям. Комплекс находился в яме № 1 помещения 16 раскопа II на «цитадели», которое Н. Н. Вактурская отнесла к верхнему горизонту слоев IX – первой половины XII вв. Диаметр ямы составлял вверху 110 см, внизу 80 см, а глубина достигала 140 см. В ее заполнении встречены обломки поливного кувшина с полихромной (коричнево-желто-зеленой) росписью по белому ангобу под прозрачной бесцветной глазурью. Благодаря аналогиям, кувшин можно датировать концом IX – началом X в. [Армарчук, 2010, с. 233–234, рис. 7.1–4]. Однако четкая стратиграфическая позиция «клада» и кувшина в яме нам неизвестна и потому нельзя исключать позднее попадание монет в более раннюю яму или другое объяснение данного сочетания, казалось бы, асинхронных предметов. По наблюдениям Н. Н. Вактурской, слой в помещении содержал такую керамику, как поливная X–XI вв. и орнаментированные гравировкой красноглиняные сосуды с фестончатым краем и светлым ангобом, впервые встреченные на Садваре и Джигербенте [Вишневская, 2001, с. 32, рис. 9.7, 18.5].

Техника изготовления заготовок (литье с последующим плющением и обработкой поверхностей напильником) и палеографические особенности этих монет имеют аналоги среди медных монет среднеазиатских монетных дворов как X в., так и XI в. Типологические данные, т. е. сокращенный формуляр легенды (Символ веры на одной стороне и обозначенное одним словом место эмиссии на другой) и крупный орнамент вместо текста, не имеют близких аналогов в монетном деле Хорезма и соседних государств. Исторический контекст — убийство последнего правителя из династии Афригидов и перенесение столицы Хорезма из Кята в Ургенч в 995 г. — позволяет датировать монеты комплекса в пределах последнего десятилетия X – начала XI в., при допущении, что после понижения статуса Кята в нем продолжалась чеканка фельсов для нужд местных рынков. Малое количество монет разменных номиналов, найденных вместе, характерно именно для случайно потерянных кошельков, но не для клада, сокрытого в целях сохранения запаса денег.

Нумизматический интерес представляют и заготовки с отверстием. На тех экземплярах, на которых его удалось внимательно рассмотреть, видно, что оно наносилось одним или двумя ударами инструментом типа пробойника или шила. Края отверстий не имеют следов обработки и не заглажены. Предположим, что таким образом — пробиванием дырки заготовки выводились из обращения, теряли статус монеты. Среди фельсов Бухары нумизматам известны экземпляры с проделанным в центре круглым отверстием, но в тех случаях края их заглажены, т. к. через них пропускалась веревочка, т. е. монеты носились в связках на китайский манер.

В общей сложности удалось определить 28 монет из 44 (включая условно определенные). Таким образом, больше половины этой нумизматической коллекции оказалась информативной как для интересов нумизматики, так и для датировки археологических объектов и выводов общего характера. Статистика представленных в монетном комплексе династий, в их хронологическом порядке, приведена в *табл. 1*.

Анализ монетных дворов, которые удалось установить, показывает, что несмотря на практически пограничное расположение Садвара, в денежном обращении преобладали монеты, чеканенные в Хорезме. Наибольшая торговая активность пришлась на IX–XI вв., когда государство вошло в орбиту мусульманского мира.

Нумизматический материал подтверждает археологические данные о том, что город стал терять свое значение в XII в. и до монгольского завоевания, по-видимому, не дожил. Отсутствие монет садварской чеканки как в изученном комплексе, так и вообще, свидетельствует о том, что в городе не было правителя, имевшего право чеканки монет. То есть, на протяжении своей мусульманской истории он управлялся из центра, сначала в Кяте, затем в Ургенче. Вопрос о наличии подобной социально и административно значимой персоны в Садваре затрагивался ранее при попытке понять функцию Чаш-калы, представляющей собой монументальную постройку замкового типа, относящуюся к IX–XI вв. [Армарчук, 1998, с. 14–15]. Она могла служить резиденцией наместника в торгово-ремесленном городском центре на южной окраине средневекового Хорезма, каким был Садвар в конце IX – начале XI вв., стоявший на древнем торговом пути из Хорезма в Бухару, Мерв и другие города Мавераннахра и Хорасана.

Табл. 1. Династии, представленные в монетном комплексе Садвара

Династия	*Серебро и биллон*	*Медь*
Сиявушиды (Древний Хорезм)	1	2
Тахириды и их наместники в Хорезме	–	5
Афригиды Кята	–	1
Период Саманидов	–	3
Бувейхиды	1	–
Ма’муниды	2	1
Кят, городской чекан	–	6
Заготовки X – начала XI в.	–	3+1(?)
№17 (Ануштегиниды?)	–	1
Хивинское ханство	–	1

Литература / References

Армарчук Е. А. Чаш-кала на городище Садвар: рабат или хисн? Древние цивилизации Евразии. История и культура. Тезисы докладов международной научной конференции, посвященной 75-летию действительного члена Академии наук Таджикистана, доктора исторических наук, профессора Б. А. Литвинского. Москва, 14–16 октября 1998 года. М., 1998. С. 14–15 [Armarchuk E. A. Chash-kala on the Settlement of Sadvar: Rabāṭ or Ḥiṣn? Ancient Civilizations of Eurasia. History and Culture. Abstracts of the International Scientific Conference dedicated to the 75th Anniversary of the Full Member of the Academy of Sciences of Tajikistan, Professor B. A. Litvinsky. Moscow, 14–16 October 1998. Moscow, 1998. Pp. 14–15 (in Russian)].

Армарчук Е. А. Производственные печи на средневековом городище Садвар в Южном Хорезме. *Проблемы истории, филологии и культуры*. Вып. XV. Москва, Магнитогорск, 2005. С. 81–90 [Armarchuk E. A. Production Furnaces on the Medieval Settlement of Sadvar in South Khorezm. *Problems of History, Philology and Culture*. Vol. 15. Moscow, Magnitogorsk, 2005. Pp. 81–90 (in Russian)].

Армарчук Е. А. Поливная керамика IX–XI веков с городища Садвар на юге Хорезма. *Отзвуки Великого Хорезма. К 100-летию со дня рождения С. П. Толстова.* М., 2010. С. 222–244 [Armarchuk E. A. Glazed Pottery of 9th–11th Centuries from the Settlement of Sadvar in South Khorezm. *To the 100th Anniversary of S. P. Tolstov*. Moscow, 2010. Pp. 222–244 (in Russian)].

Байхаки Абу-л-Фазл. *История Масуда (1030–1041).* М., 1969 [Abu'l Fadl Bayhaqi. *The History of Mas'ud (1030–1041).* Moscow, 1969 (in Russian)].

Байхаки Абу-л-Фадл. *Тарих Байхаки*. Тегеран, 1376/1957 [Bayhaqī. *Tārīkh-i Bayhaqī*. Tehrān, 1376/1957 (in Farsi)].
Вайнберг Б. И. *Монеты древнего Хорезма*. М., 1977 [Vainberg B. I. *Coins of Ancient Khorezm*. Moscow, 1977 (in Russian)].
Вактурская Н. Н. Раскопки средневекового города Садвар. *Археологические открытия 1973 года*. М., 1974. С. 498–499 [Vakturskaya N. N. Excavations of Medieval Town of Sadvar. *Archaeological Discoveries in 1973*. Moscow, 1974. Pp. 498–499 (in Russian)].
Вактурская Н. Н. Раскопки на городище Садвар. *Археологические открытия 1974 года*. М., 1975. С. 519–520 [Vakturskaya N. N. Excavations on the Settlement of Sadvar. *Archaeological Discoveries in 1974*. Moscow, 1975. Pp. 519–520 (in Russian)].
Вактурская Н. Н. Новые данные о городище Садвар. *Археологические открытия1975 года*. М., 1976. С. 542 [Vakturskaya N. N. New Data about the Settlement of Sadvar. *Archaeological Discoveries in 1975*. Moscow, 1976. P. 542 (in Russian)].
Вактурская Н. Н., Воробьёва М. Г., Лоховиц В. А. Работы Хорезмской экспедиции в зоне затопления Тюямуюнского водохранилища. *Археологические открытия 1972 года*. М., 1973. С. 477–478 [Vakturskaya N. N., Vorob'eva V. G., Lokhovits V. A. Activities of the Khorezmian Expedition in the Flooding Area of Tuyamuyun Water Storage. *Archaeological Discoveries 1972*. Moscow, 1973. Pp. 477–478 (in Russian)].
Вишневская Н. Ю. *Ремесленные изделия Джигербента*. М., 2001 [Vishnevskaya N. Yu. *Handicraft Items from Jigerbent*. Moscow, 2001 (in Russian)].
Кочнев Б. Д. Заметки по средневековой нумизматике Средней Азии. Часть 6. Раннее средневековье, Саманиды, Караханиды. *История материальной культуры Узбекистана*. Выпуск 19. Ташкент, 1984. С. 185–195 [Kochnev B. D. Notes for Central Asian Numismatics. Part 6. Early Middle Age, Samanids, Karakhanids. *History of Material Culture of Uzbekistan*. Vol. 19. Tashkent, 1984. Pp. 185–195 (in Russian)].
Кочнев Б. Д. Среднеазиатские куфические фельсы с изображением коня. *Нумизматика Центральной Азии IV. Сборник статей*. Ташкент, 1999. С. 43–56 [Kochnev B. D. Central Asian Kufic Aalses with Horse Image. *Numismatics of Central Asia*. Vol. 4. *Collection of Articles*. Tashkent, 1999. Pp. 43–56 (in Russian)].
Kalinin V. The First Known Coin of Ma'mun II b. Ma'mun I, Khwārizmshāh Ma'mūnid. *Journal of the Oriental Numismatic Society*. 2009. 201. Pp. 18–19.
Nastich V., Schuster W. *Catalog of Pre-Modern Central Asian Coins 1680–1923*. Bremer Beiträge zur Münz- und Geldgeschichte. Band 10. Bremen, 2017.
Treadwell L. Buyid *Coinage: A Die Corpus (322–445 A.H.). Ashmolean Museum*. Oxford, 2001.

Электронные ресурсы / Electronic sources

База данных по восточной нумизматике ЗЕНО, специальный проект «Нумизматика Хорезма». *ZENO.RU — Oriental Coins Database*. URL: https://zeno.ru/showgallery.php?cat=1199 (дата обращения 12.05.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-175-186

«ТАРИХ-И АЛФИ» КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ХОРЕЗМА И ГОСУДАРСТВА ГУРИДОВ

Д. М. Тимохин[*]

В годы правления в северной Индии шаха Акбара Великого был составлен коллективный исторический труд, «Тарих-и Алфи», которому предстояло включить в себя описание истории исламской цивилизации почти за тысячу лет. Составители данного памятника не смогли обойти вниманием события конца XII — начала XIII вв., включив в текст большой объем сведений по истории монгольских завоевательных походов. В результате, в «Тарих-и Алфи» нашла свое отражение история правления двух династий, Ануштегинидов и Гуридов, долгое время боровшихся друг с другом за власть и господство в Хорасане и сопредельных регионах. Если о первой династии мы находим множество сведений в исторических источниках, как ранних, так и поздних, то о Гуридах информации сохранилось гораздо меньше. Нельзя забывать и того факта, что придворная историография Ануштегинидов и Гуридов до нас не дошла практически полностью в силу различных причин. В связи с этим даже такие поздние памятники, как «Тарих-и Алфи» способны предоставить исследователям бесценные данные об этой династии и ее представителях. В рамках данной статьи будет представлены сведения как о самом источнике, относительно малоизвестном российским исследователям, так и о его информационном потенциале в отношении истории династий Ануштегинидов и Гуридов, а также о монгольском завоевании Ирана, Центральной Азии и сопредельных регионов. Надеемся, что эта работа привлечет внимание специалистов, как к самому историческому сочинению «Тарих-и Алфи», так и к содержащейся в нем информации.

Ключевые слова: Ануштегиниды, Гуриды, Индия, арабо-персидские источники, Тарих-и Алфи, Хорезм.

Для цитирования: Тимохин Д. М. «Тарих-и Алфи» как источник по истории Хорезма и государства Гуридов. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-175-186

[*] Дмитрий Михайлович ТИМОХИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; horezm83@mail.ru

Dmitry M. TIMOKHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; horezm83@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9093-5269

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) в рамках научного проекта № 20-09-00095 «Социально-политическая история Афганистана и Пенджаба: от середины I тыс. н. э. до начала монгольского вторжения».

Funding: The reported study was funded by Russian Foundation for Basic Research (RFBR), project number 20-09-00095 “Socio-Political History of Afghanistan and Punjab: From the Middle of the First Millennium A.D. to the Beginning of the Mongol invasion”.

TARIKH-I ALFI AS A SOURCE FOR THE HISTORY OF KHWARAZM AND THE STATE OF GHURIDS

Dmitry M. Timokhin

During the reign of Shah Akbar the Great in Northern India, a collective historical work was compiled, *Tarikh-i Alfi*, that intended to cover almost a thousand years of the history of Islamic civilisation. The authors of this monument could not ignore the events of the late 12th — early 13th centuries, and included a lot of information on the history of Mongol conquests. As a result, the history of the rule of two dynasties, Anushteginids and Ghurids, who for a long time fought each other for power and domination in Khorasan and neighboring regions, found its way into *Tarikh-i Alfi*. And while comparatively much is known about the former dynasty from historical sources both early and late, information about the Ghurids is scarce. Correspondingly, even relatively late collections such as *Tarikh-i Alfi* give researchers invaluable knowledge about this dynasty and its representatives. The article discusses both the source itself, as it is not widely known to Russian researchers, and its information potential regarding the history of the Anushteginid and Ghurid dynasties, as well as the Mongol conquest of Iran, Central Asia and adjacent regions. We hope to attract the attention of scholars in the field both to *Tarikh-i Alfi* itself, as a historical work of utmost prominence, and to specific information contained in it.

Keywords: Anushteginids, Ghurids, India, Arabian-Persian sources, Tarih-i Alfi, Khwarazm.

For citation: Timokhin D. M. Tarikh-i Alfi As a source for the History of Khwarazm and the State of Ghurids. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 175–186. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-175-186

В годы правления династии Великих Моголов на территории Индии было создано большое количество исторических сочинений на арабском, фарси и тюркском языках, однако среди них исследователям в меньшей степени известен такой персоязычный памятник, как «Тарих-и Алфи» или «История тысяч лет» [Târîh-i Elfî, 1382, J. 1–8]. Заказчиком этого многотомного сочинения выступил лично шах Акбар Великий (1542–1605), предполагавший, как будет отмечено ниже, приурочить формирование этого исторического нарратива к 1000-му г. хиджры. Большая часть работы над текстом «Тарих-и Алфи» была завершена уже в 1592 г., однако отдельные исследователи датируют это событие годом ранее: например, в «Истории персидской литературы» в качестве даты окончания хроники указан 1591 г., вместо 1592 г., как у С. Р. Хусайни [A History of Persian Literature, 2012, p. 589; Huseini, 2017, p. 4]. В современной исторической науке на настоящий момент не существует большого количества специальных исследований данного памятника и содержащейся в нем информации, а редкие имеющиеся работы написаны преимущественно зарубежными учеными[1], однако особенности структуры и содержания «Тарих-и Алфи» требуют более пристального внимания к этому источнику.

Не менее важна связь «Тарих-и Алфи» с другими памятниками арабо-персидской историографии, в связи с чем в статье предпринята попытка показать эту историографическую преемственность. В связи с тем, что в рамках одной статьи рассмотреть весь памятник такого объема, как «Тарих-и Алфи», невозможно, основной

[1] См.: [Гибб, 1960; Anooshahr, 2012, p. 220–254; 2014, p. 331–352; A History of Persian literature, 2012, p. 589; Huseini, 2017; Dalkesen, 2019, s. 361–372].

упор будет сделан на анализе информации о двух государственных образованиях XII — начала XIII в. Речь идет о государстве хорезмшахов из династии Ануштегинидов и об их важнейшем сопернике накануне монгольского нашествия — державе султанов Гура. Выбор объясняется также и тем, что придворная историография этих государственных образований до нас не дошла: «исторические сочинения, написанные для Гуридов и хорезмшахов, не дошли до нас; история обеих династий известна нам только по компиляциям XIII в.» [Бартольд, 1963, с. 77]; поэтому любой содержательный источник этой эпохи представляет собой особую ценность. Перейдем к анализу истории формирования исторического нарратива «Тарих-и Алфи».

Как уже отмечалось, «Тарих-и Алфи» представляет собой пример придворной историографии Великих Моголов, который представляет собой и пример коллективной работы, отдаленно напоминающий известный труд Рашид ад-Дина — «Джами ат-таварих» (См.: [Рашид ад-Дин, 2002, кн. 1, с. 7–38; Huseini, 2017, p. 24]), также являющийся плодом труда целого ряда авторов. Подробнее о том, как распределялась работа над текстом «Тарих-и Алфи», и о том, кто именно принял в нем участие, будет сказано ниже. Что касается отличия и сходства «Тарих-и Алфи» и «Джами ат-таварих» с точки зрения содержания и структуры, то применительно к событиям монгольского периода это бросается в глаза и подробно будет описано ниже. Однако цель создания обоих источников, безусловно, различна, и о последнем в отношении сочинения Рашид ад-Дина имеются вполне исчерпывающие описания, которые объясняют, впрочем, и особые условия создания этого памятника (см. [Рашид ад-Дин, 2002, кн. 1, с. 7–38]).

В свою очередь, идея создания «Тарих-и Алфи» принадлежала правящей элите государства Великих Моголов, для которой сам факт формирования подобного исторического нарратива был важным политическим шагом. Исследователи отмечают, что эта «книга является ключевым элементом плана Акбара по обоснованию политической идеологии Великих Моголов, рассчитанной на новое тысячелетие. Она была разработана группой индо-иранских ученых, чтобы представить правителя Моголов как идеального человека, священного властелина и объединителя индуистско-мусульманских общин» [Huseini, 2017, p. 4–5]. «Тарих-и Алфи» стал «совместным проектом по созданию исторического нарратива для описания мира в первом Исламском тысячелетии с целью доказать, что разногласия и проблемы в мире усилились после установления религиозных институтов, контролируемых определенной группой людей, злоупотреблявших ими для своих собственных социальных и политических выгод» [Huseini, 2017, p. 4–5]. Последний тезис представляет собой исследовательскую позицию; доказать его на основании данных самого источника практически невозможно.

Тем не менее нельзя не согласиться с тем, что «Тарих-и Алфи» изначально формировалось с целью не столько описания истории исламского мира, сколько для создания «правильной» картины этой истории. В связи с этим очевидно верно, с учетом поликонфессионального состава населения державы Великих Моголов, создание целой комиссии, итогом деятельности которой и должно было стать формирование текста источника. С. Р. Хусайни настаивает на том, что изначально вокруг работы над «Тарих-и Алфи» был собран огромный коллектив ученых и духовных лиц: «группа авторов состояла из Накиб-хана (ум. после 1610), Шах Фатуллаха Ширази (ум. в 1587), Хакима

Хумама (ум. в 1594), Хакима Али Гилани (ум. в 1619), Хаджи Ибрахима Сархинди (ум. в 1584), Низам ад-Дина Ахмада Херави (ум. в 1594), Абдул-Кадыра Бадайуни (ум. в 1615), Муллы Ахмада Таттави (ум. в 1586) и Джа'фар-бега Асаф-хана (ум. в 1612). Правитель лично руководил составлением книги, Бадайуни должен был редактировать ее и, наконец, Абу-л-Фазл — добавить к ней введение» [Huseini, 2017, p. 25].

Однако в силу определенных обстоятельств работа упомянутого коллектива зашла в тупик, т. к. они не смогли найти общего языка, и формирование текста было поручено одному человеку — Гази Ахмаду Таттави [Huseini, 2017, p. 36]. С именем последнего исследователи связывают написание основной части текста «Тарих-и Алфи» [Маурья, 2019, с. 68]. Вряд ли стоит подвергать сомнению данное заявление: нужно признать, что, вплоть до собственной смерти в 1586 г., Гази Ахмад Таттави был занят составлением текста упомянутого источника. «В результате правитель приказал Мулле Ахмаду продолжать работу в одиночку, что было рекомендовано Абу-л-Фатхом Гилани. Он продолжил книгу от 36 года рихлы [2] до восхождения на престол правителя Ильханидов Газан-Хана (ум. 1304) и завершил ее в двух томах (дафтар), прежде чем Мирза Фулад Барлас убил его в 1586 г. в Лахоре. Это свидетельствует о том, что проект, начатый в 1582 г., был завершен в двух томах за четыре года муллой Ахмадом. Учитывая важность проекта, Акбар приказал Асаф-Хану завершить работу. В 1586 г. Асаф-Хан продолжил события от правления Газан-хана до 1589 г. Это было на три года меньше, чем первое тысячелетие, которое должна была охватить книга. Бадайуни упоминает, что во время празднования Ноуруза (персидского Нового года) в 1001/1593 г. он встретился с императором и представил первый отредактированный том Тарих-и Алфи в компании муллы Мустафы Лахори. Удовлетворившись этим, Акбар попросил Бадайуни отредактировать и остальные два тома. После годичной работы Бадайуни представил второй том, а третий оставил Асаф-Хану, который написал его раньше. Таким образом, Тарих-и Алфи был начат в 1582 г., закончен до 1592 г. и его два тома были отредактированы и, наконец, представлены в 1593 г.» [Huseini, 2017, p. 36–37].

Как видно из пространной цитаты из работы С. Р. Хусайни, у исследователей существует представление о том, как формировался текст «Тарих-и Алфи» и кто принимал в этом участие. Однако в отношении других участников коллективной работы над созданием источника обоснованных и исчерпывающих данных не имеется, в связи с чем отдельные авторы не заостряют на этой проблеме существенного внимания, ограничиваясь лишь указанием на Гази Ахмада Таттави [Маурья, 2019, с. 68; A History of Persian Literature, 2012, p. 589]. В то же время другие исследователи пытаются связать этот памятник с крупнейшими учеными и советниками Акбара Великого, зачастую базируя доказательства или на самом тексте «Тарих-и Алфи» [Huseini, 2017, p. 28–37], или на данных синхронного сочинения 'Абдул Кадыра Бадайуни «Мунтахаб ал-таварих» [Huseini, 2017, p. 36; Badayuni, 1865-1868]. Тем не менее можно отметить как минимум то, что в одном моменте все, кто изучал «Тарих-и Алфи» поразительно единодушны: фигура Гази Ахмада Таттави остается ключевой в деле создания памятника вплоть до его смерти в 1586 г. Если же попытаться еще раз очертить хронологические рамки работы всех возможных авторов и редакторов текста, то получается примерно следующая картина. Точкой отсчета начала работы над

[2] Речь идет о 36 г. хиджры. — *Д. Т.*

формированием нарратива исследователи считают 1582 г., что дает нам примерно девять — десять лет на составление и редактуру текста, если учитывать, что труд был окончен в 1592 г. [Huseini, 2017, p. 10]. При этом нельзя забывать, что после того как труд был представлен Аббасу Великому, над текстом «Тарих-и Алфи» и изданием сочинения проводились дополнительные, в том числе и редакторские работы, что делает возможным слегка расширить предложенные хронологические рамки. Однако точной информации о конкретных сроках этих дополнительных работ исследователи не приводят: «Как и большинство других книг, окончательный проект был рассмотрен Абу-л-Фазлом, который написал введение к нему, а затем он был отправлен в государев скрипторий для копирования, после чего отправлен в шахскую мастерскую для иллюстрирования» [Huseini, 2017, p. 37].

Скажем несколько слов относительно особенности структуры рассматриваемого нами исторического источника. Прежде всего отметим: исследователи указывают на то, что источник лишь на первый взгляд представляет собой сочинение в жанре «всеобщей истории», в составе которого отражены события мировой истории от начала исламской цивилизации вплоть до правления Акбара. По замыслу заказчика, шаха Акбара Великого, источник «был создан, чтобы быть больше по объему и значительнее содержанию всех других исторических работ, которые когда-либо были составлены» [Huseini, 2017, p. 21]. При ближайшем рассмотрении текст источника более всего напоминает погодовую хронику (см. например: [Târîh-i Elfî, 1382, j. 4. s. 2295]), где действительно излагается информация почти за тысячу лет истории исламской цивилизации. Однако помимо разделов, посвященных событиям конкретного года, в тексте встречаются и тематические главы, которые впрочем весьма специфичны. Составители «Тарих-и Алфи» могли обозначить в заголовке, что в разделе будет рассказано о некоем событии в истории конкретного региона исламского мира или о правлении локального политического лидера, однако в состав самой главы включить сведения о чем-то гораздо более значимом. В качестве примера назовем главу о конце правления в Самарканде последнего Караханида, Османа, где большая часть сведений будет касаться вовсе не этого правителя, а начала монгольской экспансии против Хорезма [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5. s. 3659]. При этом уже в следующей главе авторы не столько продолжают рассказ о монгольском завоевании Хорезма, сколько сообщают сведения об отправке Чингисханом корпусов Джебэ и Субэдэя на поиски хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и о дальнейшей судьбе этих военных отрядов [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5. s. 3680]. Как видно из приведенного примера, логику структурирования текста «Тарих-и Алфи» нельзя назвать строгой, однако причины подобной вариативности не поясняются ни составителями, ни современными исследователями.

Далее хотелось бы обратить внимание на связь представленного средневекового сочинения с более ранними памятниками: исследователи отмечают, что при описании различных периодов истории исламского мира составители «Тарих-и Алфи» очевидно заимствуют сведения из текстов более ранних арабо-персидских источников [Huseini, 2017, p. 26–27]. Однако в виду объема самого источника и отсутствия большого количества специальных исследований до сих пор не удалось установить все исторические сочинения, на которых авторы базировали отдельные разделы «Тарих-и Алфи». При этом некоторые исследователи отмечали заимствования из того или иного более раннего арабо-персидского исторического источника. В качестве примера можно

привести связь между рассматриваемым текстом и гораздо более ранним трудом Абу-л-Фадла Мухаммада ибн Хусейна ал-Бейхаки «Тарих-и Бейхаки» [Dalkesen, 2019, s. 364–365], на которой настаивают исследователи при анализе описания целого ряда событий из истории Северной Индии и Афганистана в «Тарих-и Алфи».

Со своей стороны отметим, что разделы памятника, напрямую касающиеся истории Хорезма и династии Гуридов, также имеют определенную связь с более ранней арабо-персидской историографией. В отдельных случаях можно говорить о вольном пересказе, а где-то и о прямом заимствовании целых фрагментов из предшествующих сочинений. Как о наиболее ярком примере последней тенденции можно с уверенностью указать на компиляцию части сочинения Мухаммада Бен Эмир-Хонд-Шаха или Мирхонда (ум. в 903/1498 г.) — «Раузат ас-сафа фи Сират ал-анбийа ва-л-мулук ва-л-хулафа» («Сад чистоты относительно жизни пророков, царей и халифов») [Huseini, 2017, p. 26; Mirhond, 1840; 1841]. В качестве примера приведем следующий момент: из труда Мирхонда в «Тарих-и Алфи» вошел подробный рассказ относительно посольства к монголам халифа ан-Насира, накануне вторжения войск Чингисхана в пределы Хорезмийской державы [Dalkesen, 2019, s. 361–372]. Дело в том, что нигде в более ранних арабо-персидских памятниках, кроме как в тексте Мирхонда, нет столь подробного описания этого события, а есть лишь отдельные намеки или косвенные свидетельства [Mirhond, 1840, s. 103; Ибн ал-Асир, 2006, с. 348; Буниятов, 1986, с. 126]. В связи с этим наличие самого этого рассказа в более позднем «Тарих-и Алфи» свидетельствует об обращении его составителей к тексту «Раузат ас-сафа», а приводимые в этом памятнике подробности, встречающиеся лишь у Мирхонда — свидетельство компилятивности, как минимум, этой части североиндийского сочинения.

Также не вызывает сомнений использование составителями «Тарих-и Алфи» сочинения Рашид ад-Дина «Джами ат-таварих» [Huseini, 2017, p. 24; Meisami, 1999, p. 12], например, при описании истории монгольских завоевательных походов, и не менее известного памятника Зийа ад-Дина Барани «Тарих-и Фируз-шахи» («История Фируз-шаха») [Huseini, 2017, p. 5] — при описании истории Делийского султаната и связанных с ним исторических сюжетов. В целом же следует признать, что проблема текстуальной основы «Тарих-и Алфи» и источников, использованных авторами памятника, продолжает требовать специального исследовательского внимания. Ниже будут приведены дополнительные примеры связи источника и более ранних арабо-персидских исторических сочинений при анализе того, как описана история Хорезма и династии Гуридов в «Тарих-и Алфи».

Отметим несколько важных моментов, обращаясь к содержанию «Тарих-и Алфи» в той части, где речь идет непосредственно об истории державы хорезмшахов и султанов Гура. Ранняя история Хорезма и отдельные описания эпохи монгольского нашествия базируются на сведениях из труда Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих» («Полный свод по истории») [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3651; Ибн ал-Асир, 2006]. При этом из всей династии Ануштегинидов, правивших в Хорезме с 1097 г., в тексте «Тарих-и Алфи» преимущественное внимание уделяется двум последним правителям, ‘Ала’ ад-Дину Мухаммаду (1200–1220) и Джалал ад-Дину Манкбурны (1220–1231). Очевидно и особое внимание составителей источника к эпохе монгольского нашествия, и очевидная структурная схожесть этой части «Тарих-и Алфи» с «Джами ат-таварих» Рашид ад-Дина. Это заметно вплоть до того, что даже главы, посвященные событиям отдельного года,

начинаются с описания того или иного периода биографии Чингисхана, а затем приводятся данные по истории мусульманских правителей за тот же год [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3639]. Точно также выстраивался и труд персидского историка. При этом о событиях, касающихся собственно североиндийского региона, составители «Тарих-и Алфи» в этих главах могут не сообщать вообще ничего или же приводить буквально несколько строк [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3644].

Другой важный момент — практически полное отсутствие в составе «Тарих-и Алфи» сведений о ранних правителей государства Гуридов. Подробный рассказ мы находим лишь о двух поздних представителях династии, Гийас ад-Дине Махмуде (1163–1202) и Шихаб ад-Дине Гури (1202–1206), однако эта информация касается исключительно их военных и политических контактов с Хорезмом и правившего тогда в нем ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3649–3651]. При этом нельзя обойти вниманием и такой любопытный факт: большая часть информации о представителях династии Гуридов содержится в разделе «Тарих-и Алфи», посвященным событиям 602 г. х. (1205–1206) [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3647–3652]. Однако при ближайшем рассмотрении большая часть текста представляет собой пересказ из того же «ал-Камил фи-т-тарих» Ибн ал-Асира, а точнее — из главы «Повествование о захвате хорезмшахом Газны и ее округов», который арабский историк относит к 612 г. х., то есть к 1215–1216 г. [Ибн ал-Асир, 2006, с. 339–340].

В конце рассказа о захвате Газны арабский историк приводит следующий пассаж: «Когда он утвердился в ней, он вызвал к себе Кутлуг-тегина и спросил у него: “Каковы твои отношения с Йилдызом”? — а он знал об этом и, возможно, хотел получить какие-нибудь свидетельства против Кутлуг-тегина. Кутлуг-тегин ответил: “Оба мы мамлуки[3] Шихаб ад-Дина. Йилдыз проводил в Газне только четыре летних месяца, а я был [фактическим] правителем в ней, и ко мне обращались по всем вопросам”. Тогда хорезмшах сказал ему: “Если ты не соблюдаешь интересы своего товарища, который делал тебе добро и хорошо относился к тебе, и что ты сделаешь с моим сыном, если я оставлю его у тебя”? Он арестовал его, забрал у него много имущества — разного вида денег и других пожитков, погрузил все это на тридцать лошадей и велел доставить к нему четыреста [его] рабов. Когда он забрал все это, он казнил его. В Газне [наместником] он оставил своего сына Джалал ад-Дина с отрядом войск и группой эмиров. А говорят, что он завладел Газной [не в этом, а в следующем] шестьсот тринадцатом году» [Ибн ал-Асир, 2006, с. 339–340]. В свою очередь, в тексте «Тарих-и Алфи» приводится тот же текст, с некоторыми незначительными изменениями, который завершается фразой: «и затем хорезмшах оставил в Газне своего сына Джалал ад-Дина с большим количеством верных ему эмиров. Сам же он направился в сторону Хорезма» [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3651]. То есть составители «Тарих-и Алфи» вполне сознательно проигнорировали датировку этого события, предложенную Ибн ал-Асиром, сначала отнеся захват Газны к 602 г. х. вместо 612 г. х., с которым изначально его соотносит автор «ал-Камил фи-т-тарих». Затем они просто не стали вносить в текст указание Ибн ал-Асира на то, что захват Газны мог произойти годом позже, хотя практически полностью цитируют в данном случае сочинение арабского историка.

[3] Так в переводе источника П. Г. Булгаковым и Ш. С. Камолиддином. — *Д. Т.*

Подобного рода особенности текста «Тарих-и Алфи» следует учитывать и при анализе других фрагментов источника. Последнее, впрочем, ни в коей мере не отменяет значимости сведений анализируемого памятника. Так, надо отметить, что в составе «Тарих-и Алфи» можно найти данные, отсутствующие в соответствующем разделе сочинения Ибн ал-Асира: в частности, относительно действий Гуридского военачальника, Тадж ад-Дина Йилдуза, в пределах северной Индии [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3650]. Несомненно, в сравнении с тем вниманием, которое составители «Тарих-и Алфи» уделили династии Ануштегинидов в Хорезме, объем сведений о Гуридских правителях, особенно ранних, в этом тексте минимален. Что же касается более поздних представителей этой династии, то пристальное внимание к ним связано лишь с их противостоянием Хорезму и его владыкам. Фактически, мы находим в «Тарих-и Алфи» хронику заката могущества Гуридов, где наиболее ярко описан разгром их державы хорезмийскими войсками и включение их земель в состав государства ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада. При этом в качестве главного источника для формирования исторического нарратива составители «Тарих-и Алфи» использовали сочинение Ибн ал-Асира «ал-Камил фи-т-тарих» с некоторыми существенными дополнениями.

Нельзя обойти вниманием и описание монгольского нашествия и гибели Хорезмийской державы, предложенное составителями «Тарих-и Алфи». Отметим несколько важных моментов: прежде всего, применительно к фигуре Чингисхана в тексте используется эпитет «джахан-гир» («завоеватель мира») [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3680] и в целом соответствующие разделы источника выстраиваются вокруг этого военного и политического деятеля. Это позволяет связать «Тарих-и Алфи» с историографической традицией, заложенной еще в труде Джувейни [Джувейни, 2004; Juveini, 1959; 1997] и его последователей, особенно, как уже отмечалось выше, в сочинении Рашид ад-Дина (см. [Рашид ад-Дин, 2002]). Очевидна структурная схожесть «Тарих-и Алфи» в тех главах, где речь идет о монгольских завоеваниях, именно с последним из упомянутых выше памятников. При этом, как уже отмечалось, авторы «Тарих-и Алфи» обращались и к более поздним памятникам: это подтверждается тем, что в качестве одной из важнейших причин столкновения между монголами и Хорезмом указывается посольство халифа ан-Насира к монголам и его подстрекательство к войне, что, несомненно, заимствовано из сочинения Мирхонда [Dalkesen, 2019, s. 361–372; Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3664–3665].

В этом случае отметим, что подробный рассказ о посольстве халифа ан-Насира в тексте Мирхонда связан, прежде всего, с походом хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада на Багдад в 1217 г., после чего данная дипломатическая миссия и была организована [Mirhond, 1840, s. 103]. В качестве причины, подтолкнувшей ан-Насира к подобным действиям, «Тарих-и Алфи» помимо этой военной кампании правителя Хорезма, выделяет избрание ‘Ала’ ад-Дином Мухаммадом собственного халифа [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3664], о чем достаточно много было написано современными исследователями [Cambridge History of Iran, 1968, p. 184; Бартольд, 1963, с. 439]. При этом нельзя не отметить, что авторы «Тарих-и Алфи» не только подчеркивали знакомство с текстом Мирхонда [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3664], но и заботливо включили в свой собственный текст интересные детали, которые привел персидский историк. В частности, о способе передачи послания Чингисхану Мирхонд пишет следующее: «Затем некоторые из тех придворных сказали халифу: “Надо голову того человека обрить, и послание это на

коже написать иглой”. Совершив таковое, направили гонца с посланием к падишаху Миропокорителю Чингисхану в Моголистан. Его конь днем и ночью безостановочно скакал, минуя привалы и стоянки, и прибыл к цели» [Mirhond, 1840, s. 102]. Затем Мирхонд описывает прибытие посла к монгольскому хану. «Махмуд Ялвач понял значимость происходящих событий и в тот самый миг отправился доложить, что из столицы ислама, Багдада, прибыл человек и привез такого рода сообщение. Чингисхан к этому лазутчику обратился с речью: “Каково доказательство искренности твоей речи?”. Тот сказал: “Голову мою осмотри, чтобы истинность сказанного мной стало тебе известным, когда волосы с моей головы сбреешь — то послание увидишь. О том, что причина наших действий в пределах Мавераннахра и Хорасана — желание уничтожить династию хорезмшаха”» [Mirhond, 1840, s. 103–104]. Авторы «Тарих-и Алфи» сохраняют в тексте все важные детали, заимствованные из «Раузат ас-сафа», добавляя к тексту Мирхонда собственные замечания. Например, в «Тарих-и Алфи» посол ан-Насира не только указывает на «желание уничтожить династию хорезмшаха», но и поясняет это тем, что «из-за его (хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада. — *Д. Т.*) гнета и тирании сельские жители и иные обитатели совершенно изнемогли» [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3665].

Другим примером использования составителями «Тарих-и Алфи» более поздних арабо-персидских источников, содержащих информацию о монгольском завоевании Хорезмийской державы, является рассказ о противоречии между хорезмшахом ‘Ала’ ад-Дином Мухаммадом и его старшим сыном накануне вторжения. В тексте источника указано, что Джалал ад-Дин Манкбурны был не согласен с военным планом отца в противостоянии с монголами и откровенно потребовал передать под его начало часть войска [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3680]. Нетрудно проследить формирование исторического нарратива вокруг данного события в «Тарих-и Алфи»: указание на предложение Джалал ад-Дина приводит Гийас ад-Дин ибн Хумам ад-Дин ал-Хусайни, более известный как Хондемир (1475–1535/1537 гг.) в своем труде «Хабиб ас-сийар» («Друг жизнеописаний») [Khondamir, 1954], не предлагая при этом развернутого рассказа, а отмечая это как факт. «И султан (‘Ала’ ад-Дин Мухаммад. — *Д. Т.*) выказал свое окончательное намерение и настроился отправиться в Ирак (Персидский. — *Д. Т.*). Тогда его старший сын, султан Джалал ад-Дин Манкбурны, это благоразумие отца попытался красноречиво оспорить и сказал: “Правильное решение состоит исключительно в том, что здесь у его отца собрано такое скопление войск, ждущих приказа, что оно способно не пропустить врагов, когда те соберутся переправляться через Джейхун. И если султан, конечно, хочет выступить в сторону Ирака, то пусть в мое подчинение предоставит войско с аппаратом управления вместе с сильными и большими надеждами на победу!”. Поскольку враги к тому времени пролили уже реки крови, то хорезмшах от чрезвычайного страха не оказал доверие своему старшему сыну и сказал — “в этом году по причине того, что удача от них отвернулась, решение продолжать сражаться теперь неприемлемо, и сын также будет неудачлив в этом деле, как и отец”. Тогда с одобрения Эмад ал-Малика из Купола Ислама, Балха, направился в сторону Ирака, и когда он находился в дороге, монголы захватили Бухару» [Khondamir, 1954, j. 2, s. 650–651].

В свою очередь, Хондемир использовал расхожее описание действий последнего хорезмшаха перед лицом монгольской угрозы, впервые встречающееся в

арабо-персидских источниках начиная с сочинения Джувейни «Тарих-е джахан гошай» («История Миропокорителя») [Джувейни, 2004; Juveini, 1959, vol. 1–2; Juveini, 1997]. Последний приводит гораздо более содержательную речь Джалал ад-Дина с требованием предоставить ему хорезмийское войско, поскольку отец отказался от активных действий против врага. При этом маловероятно, что подобная речь имела место на самом деле, поскольку о ней ничего не сообщают памятники, написанные ранее текста Джувейни. «Он отказался подчиниться плану своего отца, который был далек от праведной цели и от пути добродетели и повторял: “Рассеять войско по всему государству и показать хвост противнику, которого еще не встретил, более того, который еще не выступил из своей земли, — это путь жалкого труса, а не могущественного господина. Если султан не решится отправиться навстречу врагу и вступить в бой и пойти в наступление и сражаться в близком бою, но будет упорствовать в своем решении бежать, пусть он поручит мне командование доблестным войском, так чтобы мы смогли обратить свои лица к отражению ударов и предупреждению нападок ветреной Судьбы, пока еще есть такая возможность, и наши ноги не увязли еще в трясине растерянности и смущения, и мы не пережеваны подобно жвачке во рту упреков и не утонули в потоке раскаяния перед всем человечеством”» [Джувейни, 2004, с. 281].

Примеров подобного рода в тексте «Тарих-и Алфи» при описании монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии существенное количество: можно вспомнить и описание реакции Чингисхана на убийство монгольских купцов в Отраре [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3670], которое является явным заимствованием из текста Рашид ад-Дина. В сочинении этого персидского автора Чингисхан, получив известие о том, что его караван полностью уничтожен по приказу хорезмшаха, «поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник лицом к земле» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 1, кн. 2, с. 189]. Далее Рашид ад-Дин приводит текст молитвы, которую якобы произносил монгольский правитель: «в течение трех суток он молился и плакал, обращаясь к Господу, и говорил: “О, великий Господь! О, Творец тазиков и тюрков! Я не был зачинщиком пробуждения этой смуты, даруй же мне своей помощью силу для отмщения!”» [Рашид ад-Дин, 2002, т. 1, кн. 2, с. 189]. В тексте «Тарих-и Алфи» можно легко увидеть тот же самый рассказ относительно пребывания Чингисхана в одиночестве в течение нескольких дней, когда он молился, испрашивая для себя благословения. Разница лишь в том, что авторы этого памятника опустили непосредственно слова молитвы, которая приводилась персидским историком [Târîh-i Elfî, 1382, j. 5, s. 3670]. Однако этот и подобные сюжеты требуют дополнительного исследования, чтобы выяснить всю источниковую базу, на которую опирались авторы «Тарих-и Алфи» при описании исторических событий хотя бы периода монгольского завоевания Хорезмийского государства. Со своей стороны, в заключение хотелось бы добавить, что, несмотря на отмеченные нами специальные работы, посвященные «Тарих-и Алфи», этот исторический источник продолжает требовать пристального внимания. В этой связи наша работа, как хотелось бы верить, способствует появлению новых исследований данного памятника индийской историографии и содержащихся в нем сведений по истории исламского мира за первую тысячу лет его существования.

Подводя итоги, отметим еще несколько моментов: прежде всего, «Тарих-и Алфи» как исторический источник представляет собой важный пример придворного

историописания, в котором описана вся история исламской цивилизации. Автор сосредоточил внимание лишь на анализе того, как в памятнике отражены две династии, Ануштегинидов и Гуридов. Безусловно, составители памятника в большей степени обошли вниманием раннюю историю указанных правивших домов, сосредоточившись преимущественно на событиях начала XIII в. Их рассказ, базирующийся на данных целого ряда более ранних арабо-персидских источников, содержит, тем не менее, некоторые подробности, которые, на первый взгляд, отсутствуют в ранней историографии. При этом окончательный ответ относительно всей источниковой базы повествования об Ануштегинидах и Гуридах в «Тарих-и Алфи», равно как и в отношении описания монгольского нашествия требует дополнительных специальных исследований. Не менее интересной будет попытка выстроить картину монгольского разгрома Хорезмийского государства в рамках данного исторического источника. Последнюю научную задачу, впрочем, мы постараемся реализовать в будущих исследованиях представленного в этой статье исторического нарратива.

Литература / References

Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Бартольд В. В. *Сочинения.* Т. 1. М., 1963 [Bartol'd V. V. Turkestan during the Mongol invasion. Bartol'd V. V. *Works.* T. 1. Moscow, 1963 (in Russian)].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов-Ануштегинидов, 1097–1231.* М., 1986 [Bunijatov Z. M. *State of Khorezmshah-Anushteginids, 1097–1231.* Moscow, 1986 (in Russian)].

Гибб Х. А. Р. *Арабская литература (мусульманская историография).* М., 1960 [Gibb H. A. R. *Arabic literature (Muslim historiography).* Moscow, 1960 (in Russian)].

Джувейни. *Чингиз-хан. История завоевателя мира.* Пер.: Е. Е. Харитонова. М., 2004 [Dzhuvejni. *Chingiz-han. The History of Conquering the World.* Tr.: E. E. Haritonova. Moscow, 2004 (in Russian)].

Ибн ал-Асир. *«ал-Камил фи-т-тарих» «Полный свод по истории». Избранные отрывки.* Пер. П. Г. Булгакова, Ш. С. Камолиддина. Ташкент, 2006 [al-Asir ibn. *«Al-Kamil fi-t-tarih». «Complete history». Selected Excerpts.* Transl. by P. G. Bulgakov, Sh. S. Kamoliddin. Tashkent, 2006 (in Russian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* В 3 т. Пер.: А. К. Арендс, Ю. П. Верховский, О. И. Смирнова, Л. А. Хетагуров. М., 2002 [Rashid ad-Din. *Collection of Chronicles.* In 3 Vols. Per.: A .K. Arends, Ju. P. Verhovskij, O. I. Smirnova, L. A. Hetagurov. Moscow, 2002 (in Russian)].

Маурья А. О тюльпанах и нарциссах: Кашмирской джаннат назир как политический ландшафт империи Великих Моголов. *Journal of Frontiers Studies.* 2019. № 2. С. 62–91 [Maur'ya A. About Tulips and Daffodils: Kashmir Jannat Nazir as a Political Landscape of the Mughal Empire. *Journal of Frontiers Studies.* 2019. 2. Pp. 62–91 (in Russian)].

A History of Persian Literature. Vol. X. *Persian Historiography.* Ed. Ch. Mellvile. London, New York, 2012.

Anooshahr A. Dialogism and Territoriality in a Mughal History of the Islamic Millennium. *Journal of Social and Economic History of Orient.* № 55 (2/3). 2012. P. 220–254.

Anooshahr A. Shirazi Scholars and the Political Culture of the Sixteenth-Century Indo-Persian World. *Indian Economic & Social Review.* 2014. 51 (3). Pp. 331–352.

Badayuni Abdul Qadir. *Muntakhab al-Tawarikh.* Eds. W. N. Lees, Munshi Ahmad Ali. Vol. 1–3.Calcutta, 1865-1868. [Badayuni Abdul Qadir. Selection from History. Eds. W. N. Lees, Munshi Ahmad Ali. Vol. 1–3.Calcutta, 1865-1868 (in Persian)]

Cambridge History of Iran. Ed. J. A. Boyle. Vol. 5. The *Saljuq and Mongol Periods*. Cambridge, 1968.

Dalkesen N. Hârizmşah Muhammed'in siyasi ve askeri faaliyetleri örneğinden Târîh-i Elfî değerlendirmesi. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*. 2019. 14. S. 361–372 [Dalkesen N. The evaluation of Hârizmşah Muhammed of political and military activities from the example Târîh-i Elfî. *RumeliDE Dil ve Edebiyat Araştırmaları Dergisi*. 2019. 14. S. 361–372 (in Turkish)].

Juveini. *The History of the World-conqueror*. Trans. J. A. Boyle. Vol. 1–2. Manchester, 1959.

Juveini. *Gengis Khan. The History of the World-conqueror*. Trans. J. A. Boyle. Manchester, 1997.

Huseini S. R. *The First Islamic Millennium and the Making of the Tarikhi Alfi in the Sixteenth Century Mughal India*. Dissertation for MA Degree. Leyden, 2017.

Khondamir. *Ḥabīb as-siyar*. J. 1–3. Tehran, 1954 [Khondamir. *The friend of biographies*. J. 1–3. Tehran, 1954 (in Persian)].

Meisami J. S. *Persian Historiography to the End of the 12th Century*. Edinburgh, 1999.

Mirhond. *Histoire des sultans du Kharezm. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1841.

Mirhond. *La vie de Genghis-khan. Le texte persian. Chrestomathies orientales ou recueil de textes arabes, turks, persans, grecs-modernes, armeniens et indostanis*. Paris, 1840.

Târîh-i Elfî (Nesevî-i Hezâr sâle-i İslâm). Ed. Golâm Mirzâ Tabâtabâyî. J. 1–8. Tehran, 1382 [*Millennium History (Description of the Thousand Years of Islam)*. Ed. Golâm Mirzâ Tabâtabâyî. J. 1–8. Tehran, 1382 (in Persian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-187-197

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ТИМОХИН Д. М. «‘АЛА’ АД-ДИН МУХАММАД И РАСЦВЕТ ХОРЕЗМИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА: 1200–1220 ГГ.»

В. В. Тишин*

В 2019 г., в год 200-летнего юбилея Института востоковедения Российской академии наук, вышла написанная старшим научным сотрудником Института востоковедения РАН Д. М. Тимохиным монография (‘Ала’ ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг. М.: ИВ РАН, 2019. 316 с. ISBN 978-5-89282-932-8), посвященная деятельности ‘Ала‘ ад-Дӣна Мухаммада, правителя державы Хорезмшахов, превратившего подвластные ему владения в империю и ставшего свидетелем ее же гибели. Разбору монографии Д. М. Тимохина и посвящена настоящая рецензия. Эпоха правления хорезмшаха ‘Ала‘ ад-Дӣна Мухаммада (1200–1220) является одним из наиболее противоречивых эпизодов, связанных с историей монгольских завоеваний. Данная книга вызывает особый интерес в связи с традиционно бытующей в историографии негативной оценкой этой исторической личности, заслоняющей собой противоположные или даже осторожные мнения. Книга Д. М. Тимохина предлагает доводы для более взвешенной оценки этого правителя. Кроме этого важного момента, по мнению рецензента, работа содержит еще ряд наблюдений касательно вопросов более частного характера, которые могут быть небезынтересными для исследователей как истории Средней Азии соответствующего периода в целом, так и истории монгольских завоеваний. Книга является, в сущности, политической биографией; она написана на основе использования широкой источниковой базы, ярким и живым языком. Между тем, рецензент не смог не высказать определенных замечаний к книге, которые обусловлены не столько несогласием с какими-то доводами автора, сколько его иными соображениями касательно возможности подачи материала и желанием видеть более пространным разбор некоторых вопросов.

Ключевые слова: Хорезм, государство Хорезмшахов, монгольское завоевание, политическая биография.

Для цитирования: Тишин В. В. Рецензия на книгу: Тимохин Д. М. «‘Ала’ ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг.». *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 187–197. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-187-197

---

* Владимир Владимирович ТИШИН, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ; tihij-511@mail.ru

Vladimir V. TISHIN, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch RAS, Ulan-Ude; tihij-511@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7344-0996

Работа выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. «Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии», № АААА-А17-117021310264-4.

The study was supported by the Comprehensive Program for Basic Research of the Siberian Branch RAS XII.191.1.2. “Intercultural Interaction, Ethnic and Socio-Political Processes in Central Asia”, No. АААА-А17-117021310264-4.

BOOK REVIEW: DMITRY M. TIMOKHIN. *‘ALA‘ AL-DIN MUHAMMAD AND THE RISE OF THE KHWARAZM STATE: 1200–1220 A. D.*

Vladimir V. Tishin

In 2019, the year of the 200th anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Dmitry M. Timokhin, a senior research fellow with the Institute, wrote a monograph dedicated to the reign of ‘Ala‘ al-Dîn Muḥammad, ruler of the Khârazmshâh Empire, who both turned his state into a great dominion more commonly associated with the term “empire” and witnessed its decline (*‘Ala‘ al-Din Muhammad and the Rise of the Khwarazm State: 1200–1220 A.D.* Moscow: Institute of Oriental Studies of RAS, 2019. 316 pp. ISBN 978-5-89282-932-8). The paper is a review of this monograph. ‘Ala‘ al-Dîn Muḥammad’s rule (1200–1220) is one of the most controversial episodes related to the history of the Mongol conquests, and the book is of particular interest because the entrenched negative historiographic perception of this figure tends to obscure any opposing views, or even any attempts at a more nuanced look. Dr Timokhin’s book offers convincing arguments in favour of a more balanced assessment of the emperor. It also contains insights into narrower subjects that will be of interest to researchers of the history of Central Asia during this period as a whole, as well as the history of Mongol conquests. The book should essentially be seen as a political biography; it relies upon a wide base of historical sources and has a clear language. The reviewer also proffers critique intended not to disagree with some of the author’s arguments, but to elicit an alternative interpretation of the material, and possibly a more comprehensive analysis of certain details.

Keywords: Khwarazm, Khwarazmshah Empire, the Mongol conquest, political biography.

For citation: Tishin V. V. Book Review: Dmitry M. Timokhin. ‘Ala‘ al-Din Muhammad and the Rise of the Khwarazm State: 1200–1220 A.D. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 187–197. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-187-197

Едва ли можно сказать, что история так называемого «государства хорезмшахов-Ануштегинидов» избалована вниманием исследователей. Это, по-видимому, объясняется несколькими факторами. Сам по себе ее взлет был стремителен, а период могущества сравнительно короток. Ранний период истории будущей империи, когда речь может идти лишь о борьбе за возвышение и самостоятельность небольшого владения на окраине Сельджукской державы, остается в тени истории именно этого, более прославленного историками, политического образования. Расцвет же государства Хорезмшахов совпал со временем сложения империи Чингисхана, в столкновении с которой эта мусульманская империя, только ставшая таковой, также быстро погибла. Таким образом, фактически наиболее яркий и кратковременный период истории державы Хорезмшахов выпадет на промежуток между гибелью империи Сельджукидов и возвышением империи Чингисхана, потому и может рассматриваться в контексте истории этих двух политических образований.

Монография Д. М. Тимохина посвящена как раз тому самому периоду истории Хорезмийской державы, на который приходится ее стремительное возвышение и столь же быстрая гибель под копытами монгольских коней. Автор исследования может фактически считаться монополистом этой тематики в современной российской науке. Несмотря на то что мы с ним не раз выступали с совместными публикациями, недавно, в частности, выпустив совместную монографию, непосредственно примыкающую к тематике рецензируемой книги [Тимохин, Тишин, 2018], думаю, что смогу избежать

упреков в пристрастности и выразить в печати несогласие с коллегой по некоторым вопросам, которые мы, конечно, имели возможность обсуждать при личном общении[1].

На первый взгляд, подобная работа может вызвать скептическое отношение — казалось бы, что можно сказать после выхода работы З. М. Буниятова, охватившего фактически все вопросы истории державы Хорезмшахов?

Оценка личности и деятельности султана ‘Ала‘ ад-Дӣна Муḥаммада (II) ибн Текиша может считаться одной из наиболее дискутируемых проблем не только в связи с историей собственно державы, которой он управлял, но и с историей монгольских завоеваний, ставших поворотным моментом всей истории человечества.

Хорезмийская империя не оставила после себя богатого рукописного наследия и, в сущности, все основные источники о ней довольно давно и хорошо известны. К тому же последние годы существования державы Хорезмшахов (если не соотносить с этим понятием время скитаний султана Джалāл ад-Дӣна) часто оказывались в центре внимания исследователей, занимавшихся изучением истории империи Чингисхана. Историография последней столь велика, что едва ли можно выделить перечень работ, которые могут быть охарактеризованы как «основные». Одних биографий Чингисхана насчитывается, по меньшей мере, десяток. В написании разделов, касавшихся войны монголов с Хорезмом, авторы основывались преимущественно на одних и тех же источниках. Иной вопрос — специализация самих этих авторов и их возможности в области знания языков, а, следовательно, и работы с этими источниками.

Едва ли будет ошибкой предполагать, что в своем большинстве русскоязычный читатель, даже далекий от науки, но небезразличный к истории Востока, сформировал представления об образе ‘Ала‘ ад-Дӣна Муḥаммада на основе художественного романа Василия Яна «Чингиз-хан» (1939). В этом безусловно талантливом литературном произведении перед нами предстает слабовольный и нерешительный правитель, зависимый от мнения приближенных и находящийся под влиянием матери, властолюбивой и жестокой Теркен[2] хāтӯн. Подобное представление об образе этого правителя было характерно и для научной литературы своего времени. Хотя с развитием исторической науки наиболее правильным стало считаться воздержание от каких-либо личностных оценок исторических деятелей, подобная оценка не изжила себя и сегодня, позволяя увязывать таким образом гибель Хорезмийской империи с действиями ее правителя. Как отмечает, в частности, в своей монографии Д. М. Тимохин, характеризуя работы общего характера, «исследователи подчеркивали ключевую роль в этой катастрофе именно ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, а причину поражения Хорезма видели в действиях этого правителя накануне войны с монголами и непосредственно в 1219–1220-м году» [Тимохин, 2019, с. 95], или ниже: «можно отметить, что в большинстве случаев образ данного правителя формируется в строго негативном ключе, а его военные и политические действия в период с 1217 по 1220 год считаются главной причиной падения Хорезмийской державы» [Тимохин, 2019, с. 96].

Описанное восприятие, имеющее формальные основания в виде источниковых сведений о том, как бесславно погибала огромная империя, и как нерешительно и

[1] Следует оговориться, что в рецензии не будут затронуты сюжеты, пересекающиеся с нашей совместной работой. Несмотря на то что уже сейчас очевиден ряд моментов, требующих корректировки (и это не считая досадных опечаток), право критики этих сюжетов следует предоставить исключительно коллегам.

[2] Письм. تركان [trkān], что раньше ошибочно читали «Туркан».

противоречиво вел себя ее правитель, не учитывает одного главнейшего фактора — мы забываем, кто, собственно, эту империю создал: по формулировке Д. М. Тимохина, «как столь трусливому и нерешительному правителю, коим, по мнению многих ученых, был ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад, удалось сформировать столь огромное и могущественное государство, каковым являлся Хорезм накануне монгольского нашествия?» [Тимохин, 2019, с. 285]. Безусловно, любые оценки личных качеств исторических деятелей всегда могут быть основаны только на тех образах, которые сохранили источники, потому они строятся исключительно на логических умозаключениях и, соответственно, всегда субъективны. Однако, для читателя, который хотя бы раз задумывался над этим, книга Д. М. Тимохина представляет особый интерес.

Основная часть монографии состоит из трех глав, и значительную ее часть занимает глава первая «Источники и историография о хорезмшахе ‘Ала’ ад-Дине Мухаммаде» [Тимохин, 2019, с. 17–131] — при общем объеме именно текстовой части, это, фактически, половина книги.

Нужно сказать, что анализ источников [Тимохин, 2019, с. 17–83] выполнен более чем подробно, иногда, вероятно, даже более, чем это нужно было бы для конкретного исследования. Рассматривать ли это как преимущество или недостаток работы — вопрос относительный и потому субъективный. Не претендуя на то, чтобы считать себя достаточно компетентным в этой области, не могу не отметить, что использование понятия «арабо-персидские источники» [Тимохин, 2019, с. 9 и др.], в принципе, нередко применяемое специалистами, видится мне достаточно спорным, хотя, конечно, написанные на арабском или персидском литературном языке тексты никак не могут рассматриваться вне единой традиции. Возможно, более удачной формулировкой была бы «арабские и персидские…» или просто «мусульманские источники».

Представляется, что излишне подробен и перенасыщен деталями обзор древнеармянских и древнегрузинских источников [Тимохин, 2019, с. 74–81], так же, как и, быть может, излишнее внимание уделено научной литературе по истории Южного Кавказа [Тимохин, 2019, с. 115–116]. Здесь же автор входит в какую-то ненужную полемику по вопросу, также не имеющему принципиального значения для его работы. В прим. 256 на с. 76 Д. М. Тимохин пишет: «Термин “армяноязычные” исторические источники употребляется нами в этом исследовании сознательно, поскольку вопрос авторства и изначального языка написания отдельных памятников, которые будут указаны нами ниже, до сих пор остается предметом научной дискуссии. В частности, речь идет о таком средневековом историке, как Киракос Гандзакеци и его труде “История”, вокруг этнического происхождения которого, а также языка, на котором было написано его сочинение, ведутся научные дебаты. Ряд авторов настаивает на албанском происхождении автора и на первоначальной албанской редакции памятника».

Ни в коем случае не вмешиваясь в дискуссии о различного рода «первоначальных» редакциях тех или иных памятников, не могу не отметить, что лично мне непонятно, как «этническое происхождение» автора и тот факт, что известный под его авторством труд на одном языке мог изначально быть написан на другом, является препятствием для того, чтобы отнести его сочинение в том виде, в каком оно известно науке, к конкретной традиции, к которой оно примыкает по своим характеристикам? Не вижу объективных причин излишне осторожничать и называть «армяноязычными»

источники, известные нам именно *на древнеармянском языке*, независимо от того, были ли какие-то из них переведены с какого-то другого языка или нет. По крайней мере, пока не найден оригинал конкретного сочинения, дискуссии сами по себе бесполезны. Однако, если даже ситуация была бы иной, даже само переводное сочинение уже является продуктом той письменной культуры, на языке которой этот перевод был создан.

Несколько категоричной и потому не совсем справедливой кажется следующая оценка: «При этом не стоит забывать и о том, что при описании событий вне пределов Кавказа, а также в рассказах о монгольских завоевательных походах и военных действиях Джалал ад-Дина Манкбурны и грузинские, и армяноязычные историки склонны к явным хронологическим и фактическим ошибкам, формированию откровенно фантастичных сюжетов, что не позволяет нам разделять приведенное ниже мнение К. П. Патканова и А. Г. Галстяна относительно этих исторических источников. “Армянские писатели отличаются выгодно от мусульманских и византийских… трезвостью взгляда и правдивостью относительно происшествий, современниками которых они были сами”» [Тимохин, 2019, с. 83]. Представляется, что абсолютно то же самое можно сказать и про мусульманские источники, которые в том случае, когда предмет их повествования выходит за пределы мусульманского мира, «склонны к явным хронологическим и фактическим ошибкам, формированию откровенно фантастичных сюжетов».

Обзор историографии [Тимохин, 2019, с. 83–117], безусловно, содержит в себе огромный массив литературы, что определенно демонстрирует эрудицию автора монографии, однако, и она заслуживает некоторого комментария касательно структуры и наполнения.

Прежде всего, видится своеобразным пережитком деление научной литературы на «отечественную» и «зарубежную» [Тимохин, 2019, с. 13–14 и др.], подразумевающее косвенное противопоставление авторов «наших» и «всех остальных» как представителей чего-то гомогенного и очень близкого. Эта черта, зарождение которой приходится на советское время, изначально была обусловлена действительным противопоставлением «нашей» науки, следовавшей «единственно правильной» марксистско-ленинской методологии, исследователям из других стран, оценка которых просто обобщенно сводилась к отнесению их в разряд «буржуазных», «реакционных» и, в общем, «заочно ошибающихся». В настоящее время научный мир более открыт и не предполагает обязательной привязки исследователя из какой-либо страны к единственной конкретной школе.

Сам раздел (1.4) историографической части, именующийся «Специальные исследования по истории Хорезма и правления ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада», предваряется замечанием, что «специальных работ по истории Хорезмийской державы и правлению ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада, в принципе, ограниченное количество», ввиду чего автор приходит к необходимости разбирать здесь все работы, специально посвященные истории Хорезмийской державы [Тимохин, 2019, с. 85]. В дальнейшем обзор разбивается на ряд подразделов, объединяющих литературу, характеризующуюся той или иной степенью приближения / отдаленности касательно предмета исследования.

Следует повториться, что сам обзор, безусловно, является если не исчерпывающим, то довольно полным, и это, в частности, касается основных работ. При этом его можно было бы значительно сократить, преодолев бросающееся в глаза стремление автора монографии уделить хотя бы пару строк фактически каждой работе,

которую ему выдалось прочесть, поскольку многие характеристики представленных работ довольно общие, что в некоторой степени приближает историографический обзор к аннотированной библиографии[3].

Не являясь специалистом в указанной теме, однако не могу согласиться с некоторыми оценками автора. Мне непонятно, например, следующее замечание в адрес книги И. Кафесоглу: «В частности, исследование турецкого ученого содержит описание деятельности Джалал ад-Дина Манкбурны лишь до 1229 г., а не до даты его смерти в 1231 г.» [Тимохин, 2019, с. 87]. Вообще выделение Джалал ад-Дина Манкбурны часто проскальзывает как критерий для оценки тех или иных работ [Тимохин, 2019, с. 89, 92, 93 и др.]. Вероятно, это объясняется отголосками предмета исследования автора монографии предыдущих лет [Тимохин, 2013]. Работы предшественников и коллег рассмотрены неравномерно — некоторые достаточно подробно, некоторые наделены лишь самой общей характеристикой. Например, для одной работы отмечается «излишне популярная манера изложения и отдельные фактические ошибки» [Тимохин, 2019, с. 88], но, возможно, хотя бы в сноске следовало бы привести пару примеров таких «ошибок».

Представляются не совсем справедливыми нападки на отдельных исследователей (например, на Х. Намыка (Оркуна) на с. 117), ввиду того, что Д М. Тимохин как будто абстрагируется от таких характеристик критикуемых работ, как жанр и целеполагание авторов. Думается, не следует быть излишне критичным к авторам, которые не задавались специальной целью изучения державы Хорезмшахов, а затрагивали эту тематику попутно, будучи вынуждены неизбежно коснуться ее в рамках изучения другой проблематики. Так, кажется излишним искать информацию «непосредственно об ‘Ала’ ад-Дине Мухаммаде» в трудах П. Б. Голдена [Тимохин, 2019, с. 98], поскольку этот исследователь, крупнейший специалист по кочевникам Евразии домонгольского периода, уделял первичное внимание связанным именно с ними вопросам. Можно было бы, вероятно, и не уделять специального внимания каким-то работам общего характера. Точно поэтому же нельзя согласиться с логикой Д. М. Тимохина, предполагающей включение в один ряд трудов, с одной стороны, тех авторов, которые могут считаться действительными специалистами или, по крайней мере, создателями оригинальных исследований, и, с другой стороны, — различного рода полулюбительских работ и компиляций, типа книги С. М. Акимбекова «История степей…» [Тимохин, 2019, с. 101].

Следующий момент касается не только историографической части, но и всей монографии. Представляется, что при работе с такими изданиями, как “Cambridge History of Iran” и “The Cambridge History of Inner Asia. The Chinggisid Age” [Тимохин, 2019, с. 97–98, 168, 197 и др.], следовало бы ссылаться не на работы в целом, а на конкретные главы, за написание которых ответствен конкретный автор.

[3] Чтобы до конца придерживаться честной позиции, должен, в частности, признать, что в свое время сам в кандидатской диссертации, посвященной историографической тематике, пошел по похожему пути, погнавшись за всеми публикациями, которые сумел найти — независимо от того, насколько интересующая меня конкретная проблема в действительности входила в сферу интересов тех или иных авторов. В итоге это привело не только к непомерному увеличению собственной работы, но и к некоторым некорректным оценкам трудов предшественников и коллег, поскольку акцент лишь на интересующей меня проблематике, степени и глубине ее проработанности совершенно закрыл достоинства тех или иных трудов, изначально посвященных совершенно иным вопросам.

Хотелось бы выделить подраздел «Исследования по истории монгольского завоевания Ирана и Центральной Азии» [Тимохин, 2019, с. 101–106], где автор специально обращает внимание на оценку исследователями деятельности ‘Ала‘ ад-Дӣна Мухаммада в связи с вопросом о причинах гибели Хорезмийской державы.

Здесь Д. М. Тимохин упоминает [Тимохин, 2019, с. 103, прим. 349] в общем перечне работу С. Ч. Уокера (Cyril Charles Walker), впервые публиковавшуюся отдельными главами в журнале "Canadian Defence Quarterly" в 1932–1933 гг., затем изданную в Лондоне в 1939 г., а русскоязычному читателю известную по переводному изданию 1998 г. (где автор фигурирует как «С. С. Уолкер») [Уолкер, 1998]. Д. М. Тимохин при этом не удаляет ей достаточно внимания, что, как мне видится, не совсем заслуженно[4].

Во-первых, целая (четвертая) глава книги «Каракитаи и Хорезм» [Уолкер, 1998, с. 101–138] посвящена довольно подробному разбору обстоятельств начального этапа войны Хорезмийской державы с монголами, а две последующие главы (соответственно, пятая «Великий поход Джэбэ и Субудая» и шестая «Хорасан и Афганистан») довершают рассказ о гибели мусульманской державы [Уолкер, 1998, с. 141–176, 179–222], и, кроме того в приложении II содержится целый раздел под названием «Кампания против Хорезма» [Уолкер, 1998, с. 282–292].

Во-вторых, книга С. Ч. Уокера содержит специальный раздел (Приложение I) «Хронология событий», где он полемизирует с В. В. Бартольдом относительно датировки первого столкновения хорезмийских войск с монголами (он называет ее «битвой при Караку»), а также разбирает ряд других вопросов, связанных с завоеванием Мавераннахра, Ирана и Афганистана [Уолкер, 1998, с. 261–276].

В-третьих, здесь же С. Ч. Уокер, по-видимому, одним из первых выступает с довольно взвешенной оценкой действий хорезмшаха ‘Ала‘ ад-Дӣна Мухаммада при подготовке к войне с монголами в противовес «обвинениям этого правителя в военной бездарности и трусости» [Уолкер, 1998, с. 119–122]. С. Ч. Уолкер считает, что у этого правителя был достаточно продуманный план противостояния противникам. Хорезмшах был вынужден исходить из того, что он, в принципе, ввиду географических условий Мавераннахра, не имел возможности сконцентрировать все военные силы в одном месте, но даже если было бы иначе, его войска, несмотря на численность (как она описывается историками), были необходимы на только что завоеванных территориях обширной империи. «Военный опыт хорезмшаха основывался на глубоком знании поведения в войне тех тюркских кочевников, которые издревле обитали в пустыне Кызыл-кумы, и опыт этот подсказывал ему, что и монголы, подобно тюркским степнякам, будут совершенно беспомощны перед стенами укрепленных городов — он ничего не знал о китайских инженерах и их осадных орудиях» [Уолкер, 1998, с. 121]. Иными словами, его план состоял в том, чтобы заманить кочевников внутрь страны, не опасаясь за города, в которых были рассредоточены гарнизоны, и, ожидая, пока те рассеются по округе, грабя местность, чтобы потом нанести по ним удар. Однако «его план провалился потому, что монголы уже умели штурмом брать любые укрепления. И

[4] Мне эта работа оказалась доступна только в русскоязычном переводе, потому могу судить о ней только по нему. В издании отсутствуют какие-либо ссылки, но, по-видимому, они есть в оригинале [Глебов-Богомолов, 1998, с. 309], а снятие всего библиографического аппарата — довольно частая практика при изданиях русскоязычных переводов работ иностранных авторов.

не появись на исторической сцене Чингиз-хан, историки посчитали бы способность Мухаммеда завоевывать и организовывать огромные территории в единую империю несомненным доказательством его сверхъестественной гениальности, а трусость и нерешительность этого человека посчитали бы благоразумием и мудрой предусмотрительностью» [Уолкер, 1998, с. 122]. Именно крушение этого плана, и, соответственно, полная утрата контроля над ситуацией, как можно понимать из дальнейшего повествования, повергли хорезмшаха в нерешительность и послужили причиной утраты самообладания (см. также: [Уолкер, 1998, с. 283–292]).

Более пристальное внимание к работе Уокера, как думается, пошло бы на пользу рецензируемой монографии, тем более что его оценки близки воззрениям автора рецензируемой книги.

Вторая глава книги Д. М. Тимохина «Формирование и история Хорезмийского государства в конце XI–XII вв.» [Тимохин, 2019, с. 132–185], как видно из названия, посвящена повествованию о возвышении державы Хорезмшахов. Она фактически в три раза меньше двух других глав и, безусловно, призвана иметь вспомогательное значение. Представляется, что изложение помещенных в нее событий можно было сделать в рамках какого-то раздела / параграфа, не выделяя их в самостоятельную главу. В любом случае, мы получаем довольно увлекательный и написанный простым языком очерк истории династии. Вместо этого можно было бы уделить несколько большее внимание, например, социально-экономическим и социально-политическим вопросам, каким, например, является вопрос о сущности *иḳṭа‘* [Тимохин, 2019, с. 138]. Не менее интересен вопрос о политическом устройстве державы Хорезмшахов. Есть ли автору что добавить в этом отношении к тому, что сказано в трудах В. В. Бартольда, И. Кафесоглу, З. М. Буниятова, а также в работах Х. Хорста и А. Танери? Безусловно, эти пожелания обусловлены личными научными интересами рецензента и, возможно, не были интересны автору монографии.

Здесь, на мой взгляд, заслуживают интереса наблюдения автора касательно значения Дженда для истории династии. В частности, в монографии отмечается, что ‘Ала’ ад-Дин Атсыз положил начало традиции, «согласно которой старший сын хорезмшаха находился при жизни отца именно в Дженде, управляя им и прилегающими территориями от имени действующего монарха» [Тимохин, 2019, с. 170]. Интересны и сами рассуждения касательно происхождения этой практики, увязывающейся с внешнеполитическим фактором — взаимодействием с кочевыми соседями молодой державы [Тимохин, 2019, с. 171, 180].

Не могу не отметить то обстоятельство, что автор использует наименование «тюрки племени Оран (Уран)» [Тимохин, 2019, с. 183], хотя в совместных работах мы отстаивали предложенное сэром Дж. Клосоном и Х. Эреном прочтение اوران [’wrān] как **ewrän* (см., напр.: [Тимохин, Тишин, 2016, с. 214; 2017, с. 32; и др.]).

Третья глава книги «Держава хорезмшаха ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада и монгольское нашествие» [Тимохин, 2019, с. 186–281] ставит целью рассмотреть «военную и политическую историю Хорезма в годы правления ‘Ала’ ад-Дина Мухаммада». Богатый массив информации о драматическом противостоянии хорезмшаха с такими сильными противниками как Г̣ӯрӣды и каракитаи, проанализированный автором монографии, дал ему основания говорить, что «все эти факты говорят об ‘Ала’ ад-Дине Мухаммаде не только как о талантливом политике и

полководце, но и как о крайне расчетливом дипломате» [Тимохин, 2019, с. 190]. Возможно, в бо́льших подробностях следовало бы дать рассказ о присоединении к державе Хорезмшаха Самарканда и ликвидации династии Караханидов в 1212 г. [Тимохин, 2019, с. 194]. Заслуживают интереса изыскания автора касательно интеграции представителей кочевых тюркских племен в социально-политическую структуру Хорезмийской державы и значении этого процесса для самой ее дальнейшей истории. В частности, это обстоятельство, по мнению автора, хотя и «усилило Хорезм в военном отношении», в то же время занятие кыпчаками, родственниками матери хорезмшаха, Теркен ха̄ту̅н, «ключевых военных и политических постов» и их последующее «стремление к сепаратизму» стало главным фактором, ослабившим в итоге власть ‘Ала‘ ад-Ди̅на Муха̣ммада [Тимохин, 2019, с. 206–207, а также с. 213–214]. К этому добавился раскол внутри элиты, связанный с противостоянием Теркен ха̄ту̅н и Джала̄л ад-Ди̅на, притом что сам хорезмшах «скорее всего, просто не мог прекратить этот конфликт» [Тимохин, 2019, с. 207]. Как отмечается далее, «внутри тюркской военной и политической элиты противоречия были настолько существенны, что не позволили им объединиться даже в период войны с монголами, что во многом следует считать важнейшей причиной победы последних и разгрома Хорезмийской державы» [Тимохин, 2019, с. 208]. Видится очень важным вывод о зависимости хорезмшаха от этих тюркских эмиров изначально как основной военной силы его империи, что в итоге и способствовало постепенному усилению их влияния в ущерб власти самого правителя. Однако, непонятно, как обосновывается тезис автора о том, что «хорезмшах ‘Ала’ ад-Дин Мухаммад сам виноват в ослаблении собственной державы» [Тимохин, 2019, с. 215]. Здесь, как видится, можно было бы уделить особое внимания собственно механизмам взаимодействия власти и элиты, с опорой на какие-то теоретические разработки.

В книге есть ряд других интересных сюжетов. В частности, подробный разбор ситуации с гибелью в Отраре монгольского каравана, положившей в итоге начало роковой для Хорезмийской державы войне [Тимохин, 2019, с. 217–228]. Много нового сказано в отношении действительных причин войны державы Хорезмшахов с монголами и, в частности, о возможной роли здесь багдадского халифа [Тимохин, 2019, с. 228–235], о датировке и локализации первого столкновения хорезмийских войск с монголами [Тимохин, 2019, с. 235–249], заслуживают внимания рассуждения о подготовке войны с монголами [Тимохин, 2019, с. 251–260]. В итоге автор вновь приходит к выводу, что ‘Ала‘ ад-Ди̅н Мухаммад не может рассматриваться как бездарный полководец и трусливый человек; сам же выбранный им план пассивной обороны был достаточно взвешенным в сложившихся условиях решением — ввиду таких объективных проблем, как сепаратизм наместников и неустойчивость власти в недавно присоединенных регионах. И план этот был бы отнюдь не безнадежен, но в иной ситуации. Определенную роль сыграл недостаток разведывательных данных, приведший к недооценке противника [Тимохин, 2019, с. 260]. Во многом утвердившаяся в традиции негативная оценка ‘Ала‘ ад-Ди̅на Муха̣ммада сложилась на фоне возвеличивания и героизации его сына Джала̄л ад-Ди̅на. В целом, глава, начиная с самого начала правления ‘Ала‘ ад-Ди̅на Муха̣ммада, вплоть до последних дней его жизни (данные о которых, как показано, в частности, на с. 270–273, также характеризуются определенными противоречиями) представляет собой не только

чрезвычайно насыщенный фактами, но и исполненный глубоким и детальным обсуждением ряда узловых вопросов.

В заключении [Тимохин, 2019, с. 282–293] выверено и емко резюмированы основные идеи и выводы автора.

Работа имеет и некоторые технические недостатки[5]. Также следует отметить, что книга Д. М. Тимохина содержит ряд оригинальных выводов, с которыми не всегда можно согласиться, что само по себе демонстрирует ее новизну, поскольку эти вопросы могут решаться только в процессе научной дискуссии.

Сама тематика книги Д. М. Тимохина обусловливает ее интерес довольно широкому кругу читателей — прежде всего, исследователям истории Средней Азии или истории монгольских завоеваний, которые неизбежно найдут повод для дискуссии. Не должен остаться разочарованным и любой другой интересующийся затрагиваемым историческим периодом читатель, не обязательно имеющий отношение к науке. По крайней мере, как представляется, книга выполнила одну из главных поставленных перед ней задач — разрушение сложившегося в историографии стереотипно негативного образа ‘Ала‘ ад-Дӣна Мухаммада, одного из крупнейших завоевателей в истории мусульманского Востока.

Литература / References

Глебов-Богомолов А. И. Послесловие. Уолкер С. С. *Чингиз-хан.* Пер. А. И. Глебов-Богомолов; предисл. А. И. Глебов-Богомолов. Ростов-на-Дону, 1998. С. 302–309 [Glebov-Bogomolov A. I. Afterword. Walker C. C. *Genghis Khan.* Tr. by A. I. Glebov-Bogomolov. Rostov-on-Don, 1998. Pp. 302–309 (in Russian)].

Тимохин Д. М. *Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джелал ад-Дин Макбурны, личность и эпоха.* М., 2013 [*Timokhin D. M. Genghis Khan's Contender: Horezmshah Jalal ad-Din Mankburny, Personality and Era.* Moscow, 2013 (in Russian)].

Тимохин Д. М. *‘Ала’ ад-Дин Мухаммад и расцвет хорезмийского государства: 1200–1220 гг.* М., 2019 [Timokhin D. M. *‘Ala‘ al-Din Muhammad and the Rise of the Khwarazm State: 1200–1220 A.D.* Moscow, 2019 (in Russian)].

Тимохин Д. М., Тишин В. В. [Рец. на] Пилипчук Я. В., Сабитов Ж. М. Очерки этнополитической истории кыпчаков [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Астана, 2015. *Восток (Oriens).* 2017. № 6. С. 210–218 [Timokhin D. M., Tishin V. V. Review on: Pilipchuk Ya. V., Sabitov Zh. M. Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks. Astana, 2015. *Vostok (Oriens).* 2017. 6. Pp. 210–218 (in Russian)].

Тимохин Д. М., Тишин В. В. Хорезм, восточные кыпчаки и Волжская Булгария в конце XII – начале XIII вв. *Золотая Орда в мировой истории.* Рук. проекта В. [В.] Трепавлов; отв. ред. И. [М.] Миргалеев, Р. Хаутала. Казань, 2016. С. 25–41 [Timokhin D. M., Tishin V. V. Khwarezm, the Eastern Kipchaks and Volga Bulgaria in the Late 12 – early 13th Centuries.

[5] См., например, упущенные запятые на с. 143 («…династия хорезмшахов, о которых пойдет речь в данном исследовании изначально без сомнения была именно тюркского происхождения»), с. 149 («При этом, по мнению В. В. Бартольда именно в этот период…»), и др., невычитанный текст на с. 198 («…автор классического исследования по истории Хорезма не не предлагает собственных оценочных суждений по данному поводу») и др.

Mirgaleev I. M., Hautala R. (eds.). *The Golden Horde in World History*. Kazan, 2017. Pp. 25–41 (in Russian)].

Тимохин Д. М., Тишин В.В. *Очерки истории Хорезма и Восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII вв.* М., 2018 [Timokhin D. M., Tishin V. V. *Essays on the History of Khwarezm and East Dasht-i Qipchak in 11th – early 13th Centuries*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Уолкер С. С. *Чингиз-хан*. Пер. А. И. Глебов-Богомолов; предисл. А. И. Глебов-Богомолов. Ростов-на-Дону, 1998 [Walker C. C. *Genghis Khan*. Tr. by A. I. Glebov-Bogomolov. Rostov-on-Don, 1998 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-198-208

ЧИНГИСХАН О ВЛАСТИ (ПО МАТЕРИАЛАМ «СОКРОВЕННОГО СКАЗАНИЯ МОНГОЛОВ»)

Ю. И. Дробышев*

Основываясь на самом раннем произведении монгольской историографии — «Сокровенном сказании монголов», автор прослеживает эволюцию представлений о власти основателя Монгольской империи — Чингисхана (1162?–1227). Приписываемые Чингисхану высказывания нельзя считать подлинными безоговорочно, но они представляются близкими к изрекавшимся им в реальности в связи с теми или иными событиями бурной центрально-азиатской истории той эпохи. Почти все высказывания прозвучали уже после провозглашения Чингиса в 1206 г. верховным правителем кочевых племен, и в них все более явно звучат «монархические» нотки. Свое высокое положение и победы Чингисхан объясняет покровительством Вечного Неба, резко осуждает предательство, высказывает идеи государственного строительства, заглядывает в будущее. Большой интерес вызывают слова о некоем «высоком престоле», который он якобы обрел после победы над правителем кереитов Ван-ханом в 1203 г. Есть основания полагать, что фигура Ван-хана олицетворяла идею централизованной власти в степях, ввиду чего Чингисхану (тогда еще известному под детским именем Темучжин) было необходимо заручиться его поддержкой; заняв же его место, Чингисхан овладел центральной позицией в кочевом мире. Слова Чингисхана проливают свет и на понимание номадами его эпохи земных пределов. Можно с уверенностью полагать, что до первого десятилетия XIII в. и сам Чингис, и другие кочевые вожди фактически приравнивали «весь мир» к степям, но затем границы ойкумены стали быстро расширяться, и этот процесс нашел отражение в памятнике. Высказывается идея, что составитель «Сокровенного сказания» мог сознательно запечатлеть то, чего великий хан не говорил, но должен был сказать как человек, предназначенный Небом для руководства народами. Автор «Сказания» подводит читателей к идее законности господства потомков Чингисхана не только над кочевниками, но и над всей ойкуменой.

Ключевые слова: Монгольская империя, Чингисхан, власть, высказывания Чингисхана, «Сокровенное сказание монголов».

Для цитирования: Дробышев Ю. И. Чингисхан о власти (по материалам «Сокровенного сказания монголов»). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 198–208. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-198-208

* Юлий Иванович ДРОБЫШЕВ, кандидат исторических наук, кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; altanus@mail.ru

Yuliy I. DROBYSHEV, PhD (History), PhD (Biology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; altanus@mail.ru

ORCID ID 0000-0002-9318-4560

GENGHIS KHAN ON POWER (BASED ON *THE SECRET HISTORY OF THE MONGOLS*)

Yuliy I. Drobyshev

Based on the earliest work of Mongol historiography — *The Secret History of the Mongols*, the author traces evolution of concepts about the power of the founder of the Mongol Empire — Genghis Khan (1162?–1227). Of course, statements attributed to Genghis Khan cannot be considered undisputedly authentic, but it is likely that they are close to what he actually uttered in connection with certain events in the turbulent Inner Asian history of that era. Almost all statements were made by him after his proclamation in 1206 as the supreme ruler of nomadic tribes; and, true to his new status, an increasingly strong monarchic note can now be heard. Genghis Khan explains his high position and victories by the patronage of the Eternal Heaven. He strongly condemns treachery, expresses ideas of state building, and looks into the future. Of great interest are the words of Genghis Khan about a certain "high throne", which he allegedly gained after defeating the Kerait ruler Wang Khan in 1203. There is reason to believe that the figure of Wang Khan personified the idea of a centralised power in the steppes, which was why Genghis Khan (then known by his childhood name Temujin) needed to secure his support; and by taking his place, then, he also took the central position in the nomadic world. The words of Genghis Khan also shed some light on his era's nomadic understanding of the Earth's limits. We are quite confident that before the first decade of the 13th century both he and other nomadic leaders equated "the whole world" with the steppes, but afterwards their notion of the borders of oikumene began to expand rapidly, and this process was reflected in the chronicle in question. It is suggested that the compiler of *The Secret History of the Mongols* could also consciously capture what the great Khan did not say, but *should have* said as a person intended by the Heaven itself to lead all peoples. The compiler thus suggests to his readers the idea of the legitimacy of rule of Genghis Khan's descendants not only over the nomads, but also over the entire oikumene.

Keywords: Mongol Empire, Genghis Khan, the power, the sayings of Genghis Khan, "The Secret History of the Mongols".

For citation: Drobyshev Yu. I. Genghis Khan on Power (Based on The Secret History of the Mongols). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 198–208. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-198-208

При всех бесспорно необходимых требованиях сохранять объективность, интерпретация высказываний великих людей во многом зависит от мировоззрения, убеждений, профессионального опыта интерпретирующего. Тональность выражений героя может диаметрально меняться в зависимости от позиции исследователя. Сказанное в полной мере относится и к наследию Чингисхана, слова которого истолковываются с самых разных позиций, являя широкий спектр более или менее объективных, более или менее обоснованных мнений, в которых его оценка варьируется от дикого кровавого тирана-разрушителя до гениального стратега и государственного строителя и даже великого гуманиста.

Ситуация осложняется тем, что неизвестно ни одной фразы, записанной Чингисханом лично. Скорее всего, сам он так и не освоил грамоту, хотя повелел обучить уйгурскому письму своих наследников. Более того, мы не можем поручиться в аутентичности ни единого высказывания, якобы произнесенного Чингисханом и сохранившегося в источниках как в виде прямой речи, так и в виде ссылки на его слова. Особенности мышления средневековых номадов, получившего в наши дни эпитет «мифопоэтического», оставляли широкий простор для творческой интерпретации

услышанного. Наконец, особая осторожность требуется в случаях, когда некоторый средневековый иностранный автор заявляет, что слышал от монголов, будто их хан говорил то-то и то-то.

В любом случае, большинство речей Чингисхана до нас не дошло. Возможно, их начали записывать лишь после 1206 г., когда были заложены основы монгольского государства. Некоторые из них могли быть включены в разделы VIII–X «Сокровенного сказания монголов» [Крадин, Скрынникова, 2006, с. 462]. Кроме того, слова, быть может, произнесенные Чингисханом, донесли до нас такие источники, как исторические труды Джувейни и Рашид ад-Дина, отчеты китайских (южносунских) дипломатов, сочинения китайских, персидских, армянских, грузинских, европейских и других современников монгольского нашествия, а также более поздние произведения: «Юань ши», монгольские хроники XVII–XIX вв. и т. д. Существенно то, что из всего корпуса источников, содержащих подлинные или вымышленные слова Чингисхана и дошедших до наших дней, при его жизни было составлено лишь три: основанная больше на слухах «Иерусалимская история» Жака де Витри (1220 г.), несравненно более точное «Полное описание монголо-татар» Чжао Хуна (1221 г.) и довольно информативный рассказ о путешествии в Среднюю Азию по приказу Чингисхана даосского монаха школы Цюаньчжэнь, знаменитого Чан Чуня (1148–1227), составленный его учеником Ли Чжи-чаном около 1225 г. Не ранее 1229 г. было опубликовано «Описание путешествия на Запад» киданьского советника Елюй Чуцая (1189–1243), сопровождавшего великого завоевателя в походе против Хорезма, однако это произведение по большей части представляет собой антидаосскую риторику, и о самом Чингисхане в нем практически ничего не сказано. Затем появились отчеты еще двух послов Южной Сун — Пэн Да-я и Сюй Тина (1235–1237 гг.), но настоящий кладезь как сведений о жизни Чингисхана, так и его высказываний — знаменитое «Сокровенное сказание монголов» — было написано (точнее, завершено), по мнению большинства исследователей, в 1240 г. Таким образом, лишь 13 лет отделяют составление этого шедевра степной историографии от кончины великого монгола, а его автор, чье имя до сих пор не установлено, несомненно, мог не только лицезреть, но и слышать Чингисхана, что, разумеется, придает его произведению непреходящую ценность.

Изречения Чингисхана обычно подразделяют на поучения (*билик*) и указы (*ярлык*), но немалая их часть представляет собой высказывания по тем или иным вопросам текущих дел. Сохранившиеся фрагменты свода законов Монгольской империи — приписываемой непосредственно Чингисхану Великой Ясы, как и его поучения, многократно издавались на различных языках и служили объектами многочисленных исследований. Практически полный корпус этого наследия, дошедший до наших дней в различных источниках, собрал и опубликовал во Внутренней Монголии (КНР) историк и писатель Ц. Нацагдорж, а затем этот труд вышел в Монголии на современном монгольском языке [Нацагдорж, 2006]. Наша задача — опираясь на сохранившиеся сентенции Чингисхана, проследить эволюцию его идей о власти. Мысль о том, что он чуть ли не с юных лет бредил мировым господством, безусловно, ошибочна. Совсем не факт, что даже в зените могущества он всерьез думал о подчинении всех известных ему стран. Наконец, можно усомниться и в некоторых якобы принадлежащих ему фразах о власти над всем обитаемым миром, даже

если они дошли до нас не через «десятые руки», хотя это не отрицает вероятность существования имперских замыслов у кого-либо из соратников Чингисхана.

Исследование основывается на русском переводе «Сокровенного сказания», выполненном С. А. Козиным, с привлечением работ И. де Рахевильца. Во избежание разночтений, все имена исторических персонажей даны по С. А. Козину. Несмотря на своеобразие «Сокровенного сказания» как источника, сближающее его по жанру с богатырским эпосом, и вполне понятное желание автора труда показать величие Чингисхана (даже если учесть целый ряд его не слишком лестных замечаний в адрес своего владыки наряду со щедрыми славословиями, обращенными к степным героям [Гумилев, 1977, с. 484–502]), оно позволяет достаточно точно проследить пути эволюции представлений Темучжина — Чингис-хана о власти и о себе самом как ее носителе. Целью этого сочинения было, как полагает известный монголовед Т. Д. Скрынникова, «…объяснить необходимость центральной власти и сформулировать идеи, ее обосновывающие» [Скрынникова, 1993, с. 157].

Слова Чингисхана (тогда еще Темучжина) о власти, произнесенные до его первого провозглашения ханом в 1189 г., неизвестны, но в «Сокровенном сказании» есть некоторые намеки на то, что он мог видеть себя в будущем как лидера. По крайней мере, его к этому обязывало происхождение — конечно, если принять сведения о его родословной за чистую монету.

Первый эпизод, относящийся к нашей теме, связан с преследованием Темучжина меркитами и его бегством на гору Бурхан-Халдун. Избежав смертельной опасности, он якобы произнес: «Будем же каждое утро поклоняться (ползком взбираясь) ей и каждодневно возносить молитвы. Да разумеют потомки потомков моих!» [Козин, 1941, § 103]. Это — речь не простого пастуха. Вся тирада Темучжина, спустившегося с горы после ухода врагов, и, особенно, цитированные фразы производят впечатление придуманных безвестным автором «Сокровенного сказания». Наиболее сомнительно выглядит повелительный тон («Да разумеют…») в устах молодого человека, у которого мало того, что еще не родились потомки, так еще и жена попала в меркитский плен.

Второй эпизод. Старец Хорчи-Усун из рода Баарин прикочевал к Темучжину и рассказал ему сон, предвещавший тому власть. «Если в самом деле мне будет вверен этот народ, — отвечал Темучжин, — то поставлю тебя нойоном-темником» [Козин, 1941, § 121].

Все нижеследующие сентенции Темучжин изрек, уже будучи провозглашен ханом. Хотя источник утверждает, что он уже тогда получил титул Чингис-*хана*, вероятнее всего, это произошло только на большом курултае в 1206 г. Тем не менее будем называть его далее Чингисханом, следуя традиции «Сокровенного сказания».

Своим верным соратникам Боорчу и Чжельме Чингис сказал: «Благоволением Неба и Земли, умножающих мою силу, вы отошли от анды Чжамухи…» [Козин, 1941, § 125]. Это второе упоминание Неба и Земли как подателей или, точнее, умножителей, силы (впервые оно звучит в его устах после разгрома меркитов, но тогда он говорил «нам»). В дальнейшем Чингисхан вновь и вновь подчеркивает важную роль этих обожествленных космических сущностей в своих победах. Религиозным представлениям монголов данной эпохи, в том числе небесному санкционированию верховной власти, посвящена обширная литература, поэтому не станем сейчас

углубляться в этот вопрос (см.: [Rachewiltz, 2007, p. 107–139; Содномпилова, 2008, с. 104–112]).

По мере укрепления положения Чингисхана в степях, к нему примыкало все больше людей. Казалось бы, лояльность новому хозяину легче доказать, приведя к нему в колодке своего прежнего господина. Но степной кодекс чести расценивал подобные деяния крайне негативно, и «Сокровенное сказание» позиционирует Чингисхана как принципиального блюстителя преданности. Показателен случай с Таргутай-Кирилтухом, которого захватили его же люди и собирались доставить Чингисхану, но, одумавшись, с дороги отпустили восвояси. Чингисхан прокомментировал это так: «Правильно вы поступили, что не предали своего природного хана! …Ибо я должен бы был вас казнить, со всем родом вашим, как холопов, наложивших руки на своего природного хана, т. е. если б вы вздумали явиться ко мне после того, как наложили руки на Таргутая» [Козин, 1941, § 149]. Когда впоследствии судьба поставила перед подобным выбором Хадах-Баатура, он до последнего бился и спас своего «природного хана» Тоорила (Ван-хана) и его сына Сангума, и Чингисхан не только простил его — спасителя своих врагов, но и принял на службу [Козин, 1941, § 185]. Однако злосчастный Сангум все-таки пал жертвой предательства, будучи покинут в пустыне, а изменившего ему конюха Кокочу по приказу Чингисхана зарубили, а труп просто выбросили [Козин, 1941, § 188]. Такая же участь постигла позже соратников, изменивших Чжамухе [Козин, 1941, § 200]. Чингисхан заслужил у современных историков немало славословий за приверженность этому принципу.

Посылая в погоню за недобитыми меркитами Субеетая, Чингисхан особо предупреждал его о необходимости единомыслия, чтобы он действовал в далеком походе так, словно находится пред ханскими очами. Тогда Вечное Небо увеличит его силу и окажет покровительство [Козин, 1941, § 199]. Хотя о каре за своеволие речь здесь не идет, из этого наказа легко извлечь невысказанную, но, очевидно, подразумевавшуюся мысль: ослушник ханской воли не должен ожидать от Неба каких-либо милостей.

Безоговорочное подчинение «природному хану», преданность, верность своему слов, — качества, сформировавшие образ монголов рубежа XII–XIII вв. Именно исходя из этого идеализированного образа, объяснял логику военных экспедиций монголов Л. Н. Гумилев. Между тем, это был, скорее, «продукт для внутреннего потребления». В католической Европе монголов восприняли совершенно иначе: как лживых, лицемерных, коварных, вероломных выходцев из Тартара, т. е. из ада. Чья же точка зрения верна? Обе. Это свидетельство глубинного цивилизационного разлома, делящего весь мир в глазах номадов на «своих» и «чужих». Мораль в отношении тех и других различалась диаметрально.

Источник утверждает, что на самом деле Чингисхан не стремился к власти, и ханом его против воли сделали люди более благородного происхождения. Упрекая Алтана и Хучара, поставивших его ханом, Чингис говорит: «Итак, не имея возможности возвести в ханы вас, я вами же был наречен ханом и вот правил вами. Но если бы ханами сели вы, то на всех врагов ваших я стремился бы в первых рядах, как алгинчи-передовой» [Козин, 1941, § 179]. Дальше он воспроизводит слова нарушенной этими людьми клятвы. Такая позиция резко противоречит достаточно распространенному мнению (в целом, представляющемуся вполне убедительным), что подлинным

движителем его деяний была месть: меркитам, тайчжиутам, татарам, чжурчжэням и т. д. Будучи простым воином или вождем небольшого отряда, он вряд ли смог бы реализовать планы отмщения; чтобы направить войска в то или иное место, необходимо возглавлять большие воинские контингенты и иметь реальную власть. Впрочем, напомним, что ханский титул в ту эпоху значил не столь уж много, во всяком случае, не гарантировал его носителю абсолютной безопасности, беспрекословного подчинения и тем более какого бы то ни было «обожествления». Сам Чингисхан еще не раз сталкивался с вероломством приближенных.

Пожалуй, истоки возвышения Чингисхана следует искать не в мести. После разгрома кереитов осенью 1203 г. покорившихся врагов разделили между соратниками Чингисхана, отметившего заслуги Бадая и Кишлиха, фактически спасших его жизнь от коварства Тоорила: «Благодаря подвигу Бадая с Кишлихом, подвигу, который спас мне жизнь, я, с помощью Вечного Неба, ниспроверг Кереитский народ и сел на высокий престол. Пусть же наследники мои на троне вечно, из рода в род, преемственно хранят память о тех, кто совершил подобный подвиг!» [Козин, 1941, § 187]. Здесь впервые звучит идея передачи Чингисханом власти потомкам; он предполагает сделать ее наследственной и даже «вечной». Оставим это высказывание на совести автора «Сокровенного сказания», однако слова о «высоком престоле» требует пояснения. На первый взгляд, они выглядят несколько преувеличенными, так как в указанный исторический момент Чингисхан еще не закончил объединение степи и имел немало врагов, среди которых были найманы, часть меркитов и такой незаурядный лидер, как его собственный побратим Чжамуха. Между тем, по-видимому, эти слова следует понимать буквально: судя по некоторым данным, «высокий престол» действительно существовал в Монголии XII — начала XIII вв., и это был трон кереитского хана, олицетворявший идею централизованной власти в кочевой степи [Munkh-Erdene, 2011, p. 211–237]. Неспроста Чингисхан стремился заручиться поддержкой Ван-хана, поддерживая его самого в трудные минуты, которых у того было с избытком, и добился признания себя его сыном, что, как известно, породило смертельную вражду между Чингисханом и Сангумом — единственным законным наследником кереитского владения [Дмитриев, 2008, с. 25–29]. Едва ли случайно также и то, что многие европейские источники XIII в. показывают борьбу Чингисхана с Ван-ханом как центральное событие монгольской истории, приведшее Чингисхана к неограниченной власти [Матузова, 1979, с. 217; Гильом де Рубрук, 1997, с. 114; Книга Марко Поло, 1997, с. 233–235]. Теперь, после гибели Ван-хана и бегства его наследника, не только номинальная, но и реальная власть над кочевыми племенами перешла в руки Чингисхана. Похоже, грузинский аноним XIV в., вообще не отличающийся достоверностью сведений о событиях в Монголии, на сей раз воспроизвел очень точную информацию, утверждая, что «Воссел на престоле Онхана и нарекли Темурчи именем Чингиз-каэн» [Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века, 2005, с. 20].

Отдельный вопрос представляет понимание кочевниками эпохи Чингисхана пределов ойкумены. Исследователи отмечали, что в период тюркских каганатов понятие «весь мир» номады ограничивали пределами степей, но в первой половине XIII в. оно кардинально расширилось и стало включать буквально все территории, заселенные человеком [Хазанов, 2004, с. 387]. И их-то надлежало покорить по велению Вечного Неба. Хотя это расширение объема понятия происходило очень быстро, все же можно

различить в нем отдельные этапы. Начальный этап, приравнивавший «весь мир» к степным кочевьям, отражен в «Сокровенном сказании», в тех его главах, которые были написаны, вероятно, до 1240 г. Из речи Чжамухи, не соглашавшегося на прощение своего анды и пожелавшего смерти: «К чему ж тебе дружба моя, когда перед тобою весь мир?»; «Теперь по всему свету разнеслась слава наших имен, от восхода до захода солнца» [Козин, 1941, § 201]. Чжамуха был казнен, по-видимому, в конце 1205 г. (альтернативная датировка — в 1207 г.); к этому времени все соперники Чингисхана в Монголии были устранены, роды объединены под его знаменами, смута оттеснена на окраины. Наступала эпоха дальних походов.

При освещении событий, последовавших за судьбоносным не только для Монголии, но и для очень многих государств Евразии курултаем 1206 г., автор «Сокровенного сказания» изображает Чингисхана полновластным владыкой, увлеченным государственным строительством и наказанием строптивых соседей. Речь великого хана звучит уверенно и «державно», а его высказывания о власти разноплановы и довольно конкретны. Озвучиваются и виды на недалекое будущее. Отвечая на просьбу Шиги-Хутухту — одного из вероятных составителей «Сокровенного сказания», Чингисхан даровал ему дарханство и сказал: «Когда же с помощью Вечного Неба будем преобразовывать всенародное государство, будь ты оком смотрения и ухом слышания!» [Козин, 1941, § 203].

Учреждая гвардию, Чингисхан изрек: «Ныне, когда я, будучи умножаем, пред лицом Вечной Небесной Силы, будучи умножаем в силах небесами и землей, направил на путь истины всеязычное государство и ввел народы под единые бразды свои…» [Козин, 1941, § 224]. В адрес гвардии он повторил трижды, что это она возвела его на престол [Козин, 1941, § 230], а в качестве признания ее заслуг повелел: «Пусть же и потомки потомков моих, которые некогда будут занимать мой престол, пусть они берегут как память обо мне от всяких забот и горя тот десятитысячный корпус моих личных кешиктенов…» [Козин, 1941, § 231]. Затем Чингис разъяснил, почему нельзя посылать на войну кебтеулов, если он сам не идет воевать: «Прежде всего потому, что именно кебтеулы пекутся о нашей златой жизни. А легко ли проводить ночи, охраняя нашу особу?» [Козин, 1941, § 233]. Это уже речь монарха. Причем монарха, отнюдь не желающего делиться властью с кем бы то ни было, даже если это окажется родной брат, что стало очевидным в инциденте с Хасаром, которого оговорил хонхотанский Тэб-Тэнгри.

Монгольские источники и, пожалуй, «Сокровенное сказание» в особенности, изображают Чингисхана благодарным человеком, порой помнящим о мельчайших заслугах своих сподвижников. Соответственно, когда наступает черед награждений, он эти заслуги перечисляет, причем подчеркивает огромную роль людей, поддержавших его в борьбе за главенство в степях. Так, восхваляя Боорчу и Мухали, он говорит: «Боорчу с Мухалием так и влекли меня вперед, лишь только я склонялся к правому делу, так и тянули назад, когда я упорствовал в несправедливости своей: это они привели меня к нынешнему сану моему» [Козин, 1941, § 205][1].

[1] В силу не вполне понятных причин Чингисхан изменил свои традиции и «забыл» отблагодарить верного Боорчу материально, и это событие в поздней монгольской историографии приобрело характер поистине эпический, породив легенду об «испытании» Боорчу Чингисханом.

Для Чжурчедая, ранившего стрелой Сангума и тем самым спасшего Чингисхана от полного разгрома в неудачной битве при Халахалджин-Элэте весной 1203 г., он находит такие слова: «Вечное Небо открыло нам двери и путь. Ведь неизвестно, как повернулось бы дело, если бы Сангум не был ранен. Вот это и есть главная заслуга Чжурчедая» [Козин, 1941, § 208]. В восхвалении этого отважного воина Чингис еще раз упоминает Вечное Небо: «В Кереитском походе, мы, восприяв умножение сил от Неба и Земли, сокрушили и полонили Кереитский народ» [Козин, 1941, § 208].

Чингисхан не просто демонстрирует глубокую признательность; он также завещает и преемникам помнить о заслугах тех, кто вместе с ним трудился, созидая государство[2]. Это завещание не раз звучит на страницах «Сокровенного сказания», выглядит чрезвычайно самоуверенным и производит впечатление приписанного ему позже, в годы правления его сына Угэдэя (1229–1241), когда, скорее всего, и создавалось это произведение. Например, «В грядущие дни сядут на престол мой потомки мои» [Козин, 1941, § 208]. Глядя на феномен Монгольской империи из XXI века, мы легко забываем о том, что ни в 1206, ни в 1227 гг. никто не мог бы поручиться в том, что спустя короткое время власть останется в руках «Золотого рода» Чингисхана. Даже законно избранный Угэдэй чувствовал, как этот добытый его родителем престол колеблется под ним самим[3], и, надо полагать, пытался повлиять на летописание как на средство пропаганды.

Когда Чингисхану донесли о гибели его каравана в Отраре, он изрек: «Пойду войною на Сартаульский народ и законною местью отомщу за сотню своих посольских людей во главе с Ухуна. Можно ли позволить Сартаульскому народу безнаказанно обрывать украшенья моих златоцарственных поводьев?» [Козин, 1941, § 254][4]. На наш взгляд, эти риторические фигуры пока еще нельзя воспринимать как проявление имперского мышления Чингисхана; скорее всего, они появились в источнике задним числом. Реальной могла быть эмоциональная реакция сильного лидера на вызов, брошенный далеким противником. Не случайно он говорит о «законной мести». Ни торговый караван, разграбленный наместником Отрара Гайир-ханом (Иналчуком) — дядей хорезмшаха по материнской линии, ни погибшее от рук Гайир-хана монгольское посольство, явившееся выяснять причины столь вопиющего нарушения международных норм, сами по себе не послужили жертвами, требовавшими для искупления захвата земель хорезмшаха и уничтожения его самого. Первоначально Чингисхан лишь

[2] Среди историков уже давно ведется спор о статусе созданного Чингисханом политического организма. Мнения варьируются от признания его настоящим государством до тех или иных вариантов вождества. Мы не обсуждаем в настоящей статье этот вопрос и употребляем термин «государство» с известной долей условности.

[3] Этот тезис обстоятельно обосновывается в работе К. Этвуда: [Atwood, 2015, p. 239–278].

[4] И. де Рахевильц объясняет слова о «поводьях» как прочную связь, соединяющую хана с другими правителями, обязанными ему верноподданностью [The Secret History of the Mongols, 2004, p. 181]. Несмотря на то что хорезмшах Ала ад-Дин Мухаммад (1200–1220) не имел в отношении Чингисхана никаких вассальных обязательств, сложно судить, была ли эта фраза приписана Чингисхану позже. По свидетельству Шихаб ад-Дина Мухаммада ан-Насави — личного секретаря последнего из династии хорезмшахов Джалал ад-Дина Манкбурны (1220–1231), Ала ад-Дин Мухаммад отправлял в Монголию собственноручно подписанное письмо, гарантировавшее обеспечение безопасности прибывающих оттуда в Хорезм купцов [Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави, 1996, с. 74]. К сожалению, больше ничего о его содержании неизвестно.

требовал наказания виновных — представляется, что в данном случае есть основания поверить в его мирные инициативы[5].

Заслуживает внимания фраза, якобы произнесенная Чингисханом в ответ на слова сыновей, Чаадая и Чжочи, предложивших в случае гибели родителя в этом опасном походе править государством совместно под высшим руководством Угэдэя: «К чему же непременно парой? Мать-земля велика. Много на ней рек и вод. Скажите лучше — будем отдельно друг от друга править иноземными народами, широко раздвинув отдельные кочевья» [Козин, 1941, § 255]. Аналогично понимает этот пассаж И. де Рахевильц [The Secret History of the Mongols, 2004, p. 187]. Что здесь великий хан имеет в виду под «матерью-землей» и как это согласуется с управлением иноземными народами, ведь не может же называться матерью та земля, на которой живут иностранцы? К сожалению, объяснить это противоречие мы пока не можем.

Согласно «Сокровенному сказанию», Чингисхан не навязал свою волю в выборе наследника, но дал высказаться сыновьям, склонившимся в пользу Угэдэя, который якобы не только согласился стать ханом, но и «застолбил» этот пост для своих потомков [Козин, 1941, § 255]. Специалисты уже высказывали сомнения относительно аутентичности этого эпизода: вероятно, сторонники Угэдэя внесли определенную правку в текст «Сокровенного сказания» [Allsen, 1987, p. 41].

Государственное мышление, видимо, было присуще не только Чингисхану. Когда хонхотанский Тэб-Тэнгри с братьями стал переманивать на свою сторону все больше и больше людей и демонстрировать своеволие, любимая супруга Чингиса Бортэ напомнила ему, что он смертен — и как тогда быть? Ведь когда-то падет его тело, «подобно высохшему дереву», и тогда царство его в руках хонхотанцев уподобится «разметанной конопле» и «стае птиц» [Козин, 1941, § 245]. По-видимому, эти художественные образы входили в актив эпического творчества монголов той эпохи. Автор «Сокровенного сказания» повторяет их еще раз в контексте рассказа о подготовке Чингисхана к Западному походу, но на сей раз вкладывает их в уста другой жены Чингиса — татарки Есуй [Козин, 1941, § 254]. Откуда у него эта феминистическая тенденция, мы сейчас судить не беремся.

Весьма любопытна в русле нашей темы дискуссия Чингисхана с тангутскими императорами. Собираясь воевать против хорезмшаха, Чингис в 1218 г. отправил в Си Ся посла требовать войско, что подразумевалось в соответствии с прежним монголо-тангутским договором, и здесь он повторяет тезис о том, что сартаулы порвали его «златые бразды»: «Ты обещал быть моею правой рукой. Так будь же ею теперь, когда я выступаю в поход на Сартаульский народ, который порвал мои златые бразды». Вместо императора внезапно высказывается полководец Аша-Гамбу: «Не имеешь силы, так незачем и ханом быть!» Его реплика показательна. Не обладающий силой человек не может претендовать на ханское достоинство, причем речь здесь идет, очевидно, не просто о военной мощи, а о той внутренней силе, которая делает человека небесным избранником и возводит его на трон, — силе, которую обычно называют харизмой. Именно таков был Чингисхан. Отложив на время месть, он заметил: «И пусть это сбудется тогда, когда, с помощью Вечного Неба, я ворочусь, крепко держа золотые бразды» [Козин, 1941, § 256]. Надо полагать, и эту фраза приписали ему позже. Если

[5] Вопрос, кто был виноват в развязывании войны между Чингисханом и хорезмшахом, видимо, еще далек от окончательного решения. Подробнее см.: [Тимохин, 2013, с. 83–103].

Рашид ад-Дин верно передал эпизод с мольбой Чингисхана к Небу перед Западным походом, монгольский лидер не был абсолютно уверен в благополучном исходе дела: «В этом пламенении гнева он поднялся в одиночестве на вершину холма, набросил на шею пояс, обнажил голову и приник лицом к земле. В течение трех суток он молился и плакал, [обращаясь] к господу, и говорил: “О, великий господь! О творец тазиков[6] и тюрков! Я не был зачинщиком пробуждения этой смуты, даруй же мне своею помощью силу для отмщения!”» [Рашид ад-Дин, 1952, с. 189].

Разбив хорезмшаха и вернувшись в Монголию, несмотря на плохое здоровье, Чингисхан решил все-таки выполнить обещание отомстить тангутам и отправил к ним посла со словами: «Некогда ты, Бурхан, обещал быть со своими Тангутами моею правой рукой, вследствие чего я и звал тебя в поход на Сартаулов, которые нарушили условия мирного договора. Но ты, Бурхан, не только не сдержал своего слова и не дал войска, но еще и ответил мне дерзкими словами. Занятый другими мыслями, я решил посчитаться с тобою потом. Ныне, совершив Сартаульский поход и, с помощью Вечного Неба, обратив Сартаульский народ на путь правый, я возвратился и иду к тебе, Бурхан, потребовать отчета». На тангутском престоле находился уже другой государь. Аша-Гамбу якобы опять ответил за императора дерзкими речами. «Да будет воля Вечного Неба!» — заключил Чингисхан затянувшийся спор [Козин, 1941, § 265]. Результатом стало, как известно, полное уничтожение тангутского государства. Там же, на тангутской земле, Чингисхан и скончался в 1227 г.

Подводя итоги, отметим следующее. Возможно, автор «Сокровенного сказания» вполне сознательно запечатлел не только то и не совсем то, что в действительности произносил Чингисхан, а то, что он должен был сказать в той или иной ситуации как человек, отмеченный Небом, может быть, даже как былинный персонаж. Информация прошла двойное преломление в зеркалах нарождающейся монгольской историографии: сначала — в зеркале генеалогической легенды, затем — в зеркале имперского мифа. Тем не менее мы присоединяемся к исследователям, полагающим, что сообщениям этого источника можно доверять. Даже если какие-то слова Чингисхана вымышлены, общая тенденция, несомненно, верна, и правдиво отражает эволюцию его представлений о власти, шедшую рука об руку с его собственным продвижением к вершинам власти. Ведущая идея «Сокровенного сказания», озвученная устами его главного героя, — не просто утверждение единоначалия, а закрепление единовластия в роду Чингисхана вплоть «до потомков потомков» его, причем источник подводит к идее господства не только над кочевыми народами, но и над всем обитаемым миром.

Литература / References

Анонимный грузинский «Хронограф» XIV века. Вып. I. Текст. Пер. Г. В. Цулая. М., 2005 [*Anonymous Georgian “Chronograph” of 14th Century.* Vol. I. Tr. by G. V. Tsulaya. Moscow, 2005 (in Russian)].

Гильом де Рубрук. Путешествие в Восточные страны. *Путешествия в восточные страны.* М., 1997. С. 86–189 [Guillaume de Rubruk. Travel to the Eastern Countries. *Travels to the Eastern Countries.* Moscow, 1997. Pp. 86–189 (in Russian)].

[6] Т. е. таджиков, как называли тогда персоязычные народы.

Гумилев Л. Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII–XIII вв. *Татаро-монголы в Азии и Европе*. М., 1977. С. 484–502 [Gumilev L. N. The “Secret” and “ Explicit” History of the Mongols in 12th–13th centuries. *Tatar-Mongols in Asia and Europe*. Moscow, 1977. Pp. 484–502 (in Russian)].

Дмитриев С. В. Версии коронации Чингис-хана с точки зрения политической логики. II. Ван-хан. *Mongolica IV*. СПб., 2008. С. 25–29 [Dmitriev S. V. Versions of the Coronation of Genghis Khan from the Political Logic Standpoint. II. Wang-Khan. *Mongolica IV*. Saint Petersburg, 2008. Pp. 25–29 (in Russian)].

Книга Марко Поло. *Путешествия в восточные страны*. М., 1997. С. 190–380 [The Book of Marco Polo. *Travels to Eastern Countries*. Moscow, 1997. Pp. 190–380 (in Russian)].

Козин С. А. *Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г.* М., Л., 1941 [Kozin S. A. *The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240*. Moscow, Leningrad, 1941 (in Russian)].

Крадин Н. Н., Скрынникова Т. Д. *Империя Чингис-хана*. М., 2006 [Kradin N. N., Skrynnikova T. D. *The Empire of Genghis Khan*. Moscow, 2006 (in Russian)].

Матузова В. И. *Английские средневековые источники IX–XIII вв*. М., 1979 [Matuzova V. I. *English Medieval Sources of the 9th–13th centuries*. Moscow, 1979 (in Russian)].

Нацагдорж Ц. *Чингис хааны сургаалын товчоон. Чингис хааны зарлигийн товчоон.* Боть 1–2. Улаанбаатар, 2006 [Natsagdorj Ts. *The Compendium of Teachings of Genghis Khan. The Compendium of Decrees of Genghis Khan.* Vol. 1–2. Ulaanbaatar, 2006 (in Mongolian)].

Рашид ад-Дин. *Сборник летописей.* Т. I. Кн. 2. Пер. О. И. Смирновой. М., Л., 1952 [Rashid al-Din. *Collection of Chronicles.* Vol. II. Book 2. Tr. by O. I. Smirnova. Moscow; Leningrad, 1952 (in Russian)].

Скрынникова Т. Д. Идеи «Сокровенного сказания» о власти в летописях XVII в. *Mongolica: К 750-летию «Сокровенного сказания»*. М., 1993. С. 157–168 [Skrynnikova T. D. The “Secret History” Ideas about Power in the Chronicles of the 17th Century. *Mongolica: To the 750th Anniversary of the “Secret History”*. Moscow, 1993. Pp. 157–168 (in Russian)].

Содномпилова М. Н. Образы Неба и Земли в мировоззрении монгольских народов. *Altaica XIII*. М., 2008. С. 104–112 [Sodnompilova M. N. Images of the Sky and Earth in the Worldview of the Mongolian Peoples. *Altaica XIII*. Moscow, 2008. Pp. 104–112 (in Russian)].

Тимохин Д. М. *Соперник Чингиз-хана: хорезмшах Джалал ад-Дин Манкбурны, личность и эпоха*. М., 2013 [Timokhin D. M. *The Rival of Genghis Khan: Khorezmshah Jalal al-Din Mankburny, Personality and His Era*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Хазанов А. М. Мухаммед и Чингис-хан в сравнении: роль религиозного фактора в создании мировых империй. *Монгольская империя и кочевой мир*. Улан-Удэ, 2004. С. 382–406 [Khazanov A. M. Mohammed and Genghis Khan Compared: The Religious Factor in the Creation of Global Empires. *The Mongol Empire and the Nomadic World*. Ulan-Ude, 2004. Pp. 382–406 (in Russian)].

Шихаб ад-Дин Мухаммад ан-Насави. *Сират ас-султан Джалал ад-Дин Манкбурны (Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны)*. Изд. текста, пер., комм., прим. З. М. Буниятова. М., 1996 [Shihab al-Din Muhammad an-Nasawi. *Sirat as-Sultan Jalal al-Din Mankburny (The Life of Sultan Jalal al-Din Mankburny)*. Ed., trans., comm. by Z. M. Buniyatov. Moscow, 1996 (in Russian)].

Allsen T. T. *Mongol Imperialism. The Policies of the Grand Qan Möngke in China, Russia, and the Islamic Lands, 1251–1259*. Berkeley, 1987.

Atwood Ch. P. Pu’a’s Boast and Doqolqu’s Death: Historiography of a Hidden Scandal in the Mongol Conquest of the Jin. *Journal of Song–Yuan Studies*. 2015. 45. Pp. 239–278.

Munkh-Erdene L. Where Did the Mongol Empire Come From? Medieval Mongol Ideas of People, State and Empire. *Inner Asia*. 2011. Vol. 13. 2. Pp. 211–237.

Rachewiltz Igor de. Heaven, Earth and the Mongols in the Time of Činggis Qan and His Immediate Successors (ca. 1160–1260) — A Preliminary Investigation. *A Lifelong Dedication to the China Mission. Essays Presented in Honor of Father Jeroom Heyndrickx, CICM, on the Occasion of His 75th Birthday and the 25th Anniversary of the F. Verbiest Institute K. U. Leuven*. Vol. 17. Leuven, 2007. Pp. 107–139.

The Secret History of the Mongols: A Mongolian Epic Chronicle of the Thirteenth Century. Tr. and comm. by Igor de Rachewiltz. Vol. I. Leiden, Boston, 2004.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-209-217

ГОРОД КЕФЕ В ПИСЬМЕННЫХ СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ XVI–XVII ВВ.

О. М. Курникова*

В статье рассматривается город Кефе (современная Феодосия) в XVI–XVII вв. В это время Кефе и весь Крымский полуостров находились во власти Османской империи. Кефе был столицей османов в Крыму и местом сосредоточения политических, административных и торговых отношений между Османской империей и другими государствами и народами. Кефе не утратил свое значение в торгово-экономической жизни причерноморского региона и продолжал оставаться одним из крупнейших портов на Черном море. Отмечая особую роль города и его важное значение для империи, османы называли Кефе — Кючук Истанбул, т. е. Малый Стамбул. Статья основана на нарративных письменных источниках, таких, как заметки и свидетельства, оставленные современниками, путешественниками и дипломатами XVI–XVII вв. Мартин Броневский (польский дипломат, историк и путешественник XVI в.), Михалон Литвин (посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, этнограф XVI в.), Эмиддио Дортелли д'Асколи (глава миссионерской доминиканской миссии в Кефе в первой половине XVII в.), Джиовани де Лукка (католический монах доминиканского ордена XVII в.), Эвлия Челеби (известный турецкий путешественник XVII в.), Гийом Левассёр де Боплан (французский военный инженер и картограф XVII в.), Жан Шарден (французский путешественник XVII в.) побывали в Кефе с разными целями и при разных обстоятельствах, но благодаря духу путешествий, живущему в каждом из них, и желанию сохранить и записать увиденное, мы можем попытаться воссоздать город Кефе в XVI–XVII вв. Опираясь на сообщения путешественников, в статье реконструируется общая картина города, складывается впечатление о жизни города в целом и прослеживаются настроения, царившие в нем. Мы можем увидеть городские постройки, культовые и крепостные сооружения, состав многонационального населения и торговые связи города.

Ключевые слова: Крым, город Кефе, Османская империя, заметки путешественников, Черное море, торгово-экономические отношения.

Для цитирования: Курникова О. М. Город Кефе в письменных свидетельствах путешественников XVI–XVII вв. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 2. С. 209–217. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-209-217

* Оксана Михайловна КУРНИКОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; lineroxana@inbox.ru

Oxana M. KURNIKOVA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; lineroxana@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0001-9593-8912

THE CITY OF KEFE IN TRAVELERS' NOTES (XVI–XVII CENTURIES)

Oxana M. Kurnikova

The article looks at the city of Kefe (modern Feodosia) in the 16th–17th centuries, when both itself and the Crimean Peninsula, where it is situated, were part of the Ottoman Empire. In addition to being the capital of the Ottomans in Crimea and the center of political, administrative and commercial relations between the Ottoman Empire and other countries and peoples — so much so that it was dubbed Küçük İstanbul (Little Istanbul) — Kefe was also one of the largest ports on the Black Sea. The article is based on extensive testimony supplied by travelers of the period, such as Martin Bronevskiy (Polish diplomat, historian and traveler of the 16th century), Michalon Litwin (Ambassador of the Grand Duchy of Lithuania to the Crimean Khanate, ethnographer of the 16th century), Emiddio Dortelli d'Ascoli (Head of the Dominican mission in Kefe in the first half of the 17th century), Giovanni de Lucca (Catholic monk of the Dominican order in the 17th century), Evliya Çelebi (Turkish traveler in the 17th century), Guillaume Levasseur de Beauplan (French military engineer and cartographer in the 17th century), Jean Chardin (French traveler of the 17th century). All of them visited Crimea and documented their travels and impressions, allowing the researcher today to reconstruct the urban life of Kefe and see the fortress, mosques and temples, the city's population, and its trade.

Keywords: Crimea, the city of Kefe, Ottoman Empire, travelers' notes, Black Sea, trade and economic relations.

For citation: Kurnikova O. M. The City of Kefe in Travelers' Notes (XVI–XVII Centuries). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 209–217. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-209-217

Город Кефе начал свою историю около двух с половиной тысячелетий назад и носил изначально имя Феодосия, достигал невероятного подъема и расцвета в отдельные периоды своей истории, живет сегодня в ином обличии, но сохранил в себе память о величественном прошлом и вещественные (археологические, архитектурные) следы своего процветания и успеха. Он пропитан исторической преемственностью от народа к народу, от государства к государству, которым посчастливилось завладеть Крымским полуостровом и покорить этот многонациональный, многогранный город.

Заново основанный генуэзцами в XIII в., названный Каффа, город постепенно развивался, и в XIV–XV вв. стал главным торговым и административным центром генуэзских колоний в Северном Причерноморье. «Кафа... была построена генуэзской синьорией, когда последняя обладала берегами Черного моря. 150 лет прошло с тех пор, как они бежали оттуда, судя по надписи на воротах» [де Лукка, 1879, с. 484–485].

Завоеванный османами в 1475 г., город Кефе стал столицей владений турецкого султана в Крыму. Санджак[1], в который вошли юго-западная часть полуострова, Южный берег Крыма, окрестности Кефе, Керченский и Таманский полуострова, все бывшие колонии генуэзцев, теперь являлись османскими владениями. В 1588 г. статус провинции был повышен, и санджак Кефе преобразован в эялет[2] Кефе. Начиная с 1475 г. и вплоть до 1774 г. провинция Кефе находилась под прямым османским правлением. «На этом полуострове (Крымском. — *О. К.*) лежит семь городов, из

[1] Санджак — административно-территориальная единица в Османской империи, состоял из нескольких более мелких территориальных единиц — каза, в свою очередь несколько санждаков образовывали провинцию.

[2] Эялет — крупная административно-территориальная единица Османского государства, провинция.

которых главный Каффа… Султан посылает пашу в город Каффу, который наблюдает… за происходящим возле стен города» [де Лукка, 1879, с. 475–476]. «Кафа (Caffa) — столичный город Крыма, (в нем. — *О. К.)* находится турецкий губернатор — наместник Великого господина» [де Боплан, 2004, с. 209]. «Итак, Татария подвластна татарину и турку, которому принадлежит Каффа и почти все побережье до Юзлеве… т. е. бывшие генуэзские владения. Ими управляет паша, пребывающий в Каффе…» [д'Асколи, 1902, с. 113].

Крымское ханство, занимая внутренние степные части Крымского полуострова, было зависимым от османов и являлось их вассалом. «Если бы турки не владели главным городом в этом государстве — Кафой, то Татары не боялись бы войны и без труда освободились бы из-под власти турок и не подчинялись бы их столь суровым требованиям» [де Лукка, 1879, с. 484].

Используя свидетельства современников, путешественников и дипломатов XVI–XVII вв. рассмотрим торговые отношения Кефе, национальный состав населения, городские строения, культовые и крепостные сооружения и некоторые другие аспекты жизни города.

Кефе расположен на юго-востоке Крыма, на границе Крымских гор и степи, недалеко от Южного берега Крыма. «Кафа — большой город, построенный у подошвы холма, на берегу моря. Он тянется узкой и длинной полосой, по направлению с юга к северу» [Шарден, 1902, с. 10]. Стоящий на берегу широкого Феодосийского залива, Кефе был удобным и вместительным портом. Он принимал активное участие в международной торговле между странами Востока и Запада. «Каффский рейд защищен от всех ветров, кроме северного и юго-западного. Суда бросают якорь довольно близко от берега, в 10–12 саженях; дно иловое и хорошо держит якорь. Там производится торговля более обширная, чем в какой-либо другой гавани на Черном море. В те сорок дней, что я там вел, я видел более 400 пришедших и ушедших кораблей, не считая малых судов берегового плавания» [Шарден, 1902, с. 12].

Если внешний облик города после османского завоевания в некоторой степени пострадал (частные, административные, религиозные строения и отдельные крепостные сооружения были частично разорены и разрушены, население отчасти покинуло город), то торговля в Кефе не остановилась, возможно лишь ослабла на некоторое время, но как торговый порт город продолжал активно функционировать., Пробывший в Крыму немногим менее года (1578 г.) как посол польского короля Стефана Батория в Крымском ханстве Мартин Броневский в сочинении «Описание Крыма» сообщает о Кефе XVI в.: «Кафа или Феодосия, один из славнейших городов Таврического полуострова, очень хорошо укрепленный, основан генуэзцами… Видно, что во времена генуэзцев он был очень богат и населен, но когда, лет сто тому назад, турки отняли его у греков, тогда жители его доведены были до такой крайности, что теперь осталась одна тень их существования. Город потерял много своего блеску и величия… дома разрушены; и башни, на которых видны многие генуэзские гербы и латинские надписи, лежат в развалинах… Пристань его (Кефе. — *О. К.)* хороша и часто посещаема кораблями… его торговля и пристань и теперь еще известны в Тавриде… В Кафу плывут корабли с ближайших и далеких островов греческих; но чаще всего из Константинополя, потому что суда могут приходить оттуда, при попутном ветре, в два дня, или несколько более» [Броневский, 1867, с. 348].

В XVII в. уровень развития торговли в Кефе уже превышал генуэзские значения. Через порт Кефе товары из Османской империи и европейских стран поступали в Крым, а также транзитом переправлялись в близкие к Крыму регионы. Традиционно из Стамбула в Кефе везли ткани, сукно, шелк, красное и белое вино, фрукты, миндаль, изюм, кофе, маслины и разные иные товары. Продукты и изделия крымского местного производства были чрезвычайно востребованы и экспортировались в Османскую империю и другие страны Востока и Запада. Кефе был наводнен купцами и торговцами. «Каффа изобилует мясом, винами, птицей, рыбой, молочными скопами[3] и плодами, а зимой углем и дровами. В город через ворота Татарии ежедневно въезжают 500, 600, 900 и до тысячи телег, а под вечер ни на одной из них не остается ничего для продажи; таким образом, если Татария ад, то Каффа несомненно врата его. Но главный источник богатства Кафы — море, снабжающее ее всеми, какие можно пожелать, Божьими щедротами; поэтому Каффа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии», — отмечал Эмиддио Дортелли д'Асколи — монах, стоящий во главе доминиканской миссионерской миссии в Кефе в 1624–1634 гг. [д'Асколи, 1902, с. 118]. Имея хорошее образование, владея несколькими иностранными языками (греческий, турецкий, армянский), он стремился познавать новое, поэтому много путешествовал по Крыму и Черному морю, оставив после себя сочинение «Описание Черного моря и Татарии».

Французский военный инженер и картограф Гийом Левассёр де Боплан в своем сочинении «Описание Украины», сделанном в середине XVII в., когда он как военный инженер находился на польско-литовской службе, писал: «Город (Кефе. — *О. К.*) наводнен купцами и ведет активную торговлю как в Константинополе (Constantinople), Трапезунде (Trebisonte), Синопе (Sinope), так и в других городах, наконец, во всех местах, как на Черном море, так и по всему Архипелагу и на море Левант (mer du Levant) и по всему Черному морю» [де Боплан, 2004, с. 209].

Таким образом, город Кефе, переживавший свой расцвет и успех в торгово-экономической жизни края в XIV–XV вв., при османах в XVI в. сохранил за собой важные ключевые позиции в международной торговле, а в XVII в. преумножил их.

Через Кефе ежедневно перемещалось много разнообразных товаров и продуктов. «Я не знаю, есть ли город на береге, где пищевые продукты лучше и дешевле, чем в Каффе. Барашки там превосходного вкуса. Фунт стоит только 4 денье. Мясо других животных, хлеб, овощи, дичь, масло продаются, сравнительно, еще дешевле. Соль имеется в готовом виде. Словом, все необходимое для жизни там почти ничего не стоит…свежую рыбу там можно легко иметь… Наибольшее значение имеет торговля соленой рыбой и икрой… Наиболее[4] значения, после икры и рыбы, имеет в Каффе вывоз зерна, масла и соли, чем этот город снабжает Константинополь и множество других мест. Каффское масло — лучшее в Турции», — писал Жан Шарден, французский путешественник XVII в. [Шарден, 1902, с. 12–13].

В основные категории товаров и продуктов, продаваемые в Кефе и отправляемые в разные страны, входили:

1) зерновые культуры и в первую очередь пшеница;

[3] Скоп — скопление чего-либо, запасы, склад молока и молочных продуктов.

[4] Орфография авторов в цитатах сохранена.

2) икра и рыба: речная и морская, сушеная и соленая. «Рыба, особенно морона, подобная осетру, ловится… у берегов Каффы, так что для одной Венеции солят ежегодно более 200 бочек этой рыбы...» [д'Асколи, 1902, с. 100]. «Этого продукта (икры. — *О. К*) хватает не только на все места Татарии и Черного моря, но также на Константинополь и на острова Архипелага. Хиосцы приезжают ее закупать» [д'Асколи, 1902, с. 100];
3) скот и птица;
4) соль;
5) фрукты и овощи;
6) и самый главный и основной товар — рабы.

В XVI–XVIII вв. Кефе считался одним из крупнейших рынков невольников в Европе. Здесь продавалась большая часть людей, попавших в плен, что приносило хороший и стабильный доход в казну города. Обычно рабов из Кефе везли в Стамбул и далее продавали в другие регионы Европы и Азии. Михалон Литвин, посол Великого княжества Литовского в Крымском ханстве, в 1550 г. писал: «Делают это (торгуют рабами. — *О. К.*) и в прочих городах этого полуострова, а особенно в Каффе. И случилось там, что толпы этих несчастных невольников отправлялись с торга прямо на корабли. Ибо этот порт удобнейшим образом граничит с морем, по этому своему ненасытному и преступному местоположению он не город, а поглотитель крови нашей» [Литвин, 1994, с. 73]. «Самые торговые и весьма часто посещаемые города… следующие: Кафа, Кара-су… Кезлов… В этих городах есть всегда рабы для продажи. Турки, Арабы, Евреи, Армяне и Греки покупают их, так как все эти национальности живут в этой стране и платят дань… паше», — писал Джовани де Лукка — монах доминиканской миссионерской миссии в Кефе, сочинивший «Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин» [де Лукка, 1879, с. 482].

Кефе — традиционно многонациональный город. Таким он был при генуэзцах, таким остался и при османах. Находясь на пересечении сухопутных и морских торговых путей, он связывал страны Востока и Запада, притягивал к себе купцов, торговцев, ремесленников разных этносов и конфессий, благоволил им и давал возможность безбедного существования. Здесь жили греки, армяне, евреи, генуэзцы, татары и турки. Мартин Броневский о населении Кефе XVI в. сообщал: «В нем живут теперь турки, армяне, евреи, итальянцы и греки» [Броневский, 1867, с. 348]. Путешественники XVII в. приводят аналогичный состав жителей города Кефе: «Город населен турками, греками, армянами и евреями» [д'Асколи, 1902, с. 118]. «Живут Греки, Армяне и Евреи: все платят подати» [де Лукка, 1879, с. 482]. «В городе татар немного, живут в нем преимущественно христиане, держащие в услужении невольников, покупаемых у татар, которые похищают их в Польше или Московии» [де Боплан, 2004, с. 209].

Надо отметить, что в ориентированном в большей степени на торговлю Кефе османы проявляли терпимое отношение к вероисповеданию народов, живущих здесь. Все население города являлось османскими поданными. Им разрешалось оставаться в своей вере, проводить молитвы и обряды, сохранять имеющиеся культовые строения, но не разрешалось возводить новые. В первой половине XVI в. число немусульман, проживающих в Кефе, преобладало над мусульманами [Veinstein, 1980]. Послабление налогов для исповедующих ислам в дальнейшем изменило конфессиональную картину

города, мусульманское население прибавлялось, но говорить о глобальных переменах не приходится.

Культовые сооружения Кефе XVI–XVII вв. включали в себя мечети, православные, армянские и католические храмы, синагоги. Преобладание католических храмов времен генуэзцев в Кефе сменилось на господство мечетей при османах. «Римския христианския церкви уничтожены... Только две католические церкви и армянская остались целы; потому что турки издревле оставили им право иметь собственных священников, для отправления богослужения» [Броневский, 1867, с. 348].

Путешественники XVII в. отмечали только одну сохранившуюся католическую церковь Святого Петра в Кефе и сообщают о множестве мечетей.

«В городе — 12 греческих церквей, 32 армянских и одна католическая св. Петра» [де Боплан, 2004, с. 209]. «Турки имеют там до 70-ти мечетей; греки до 15 церквей и митрополита; у армян до 28 церквей и епископ; у евреев — 2 синагоги, по одной на каждую народность. Что касается латинян, то в настоящее время в Каффе нет таковых среди уроженцев города, там проживающих; здесь так долго не было франкского священника, что, если в Каффе раньше и оставались несколько католиков, то они, женившись на гречанках, сами перешли в греческий обряд... Тем не менее… в Каффе сохранилась церковь, во имя св. Петра итальянцев… обширнейшая и великолепнейшая из всех церквей, находящихся в руках христиан, прекрасной каменной работы, вся покрытая сводами. Эта церковь сохранилась по милости и на средства армянского населения… а 10 лет тому назад, когда мы приехали сюда, весьма ласково и предупредительно ввели нас во владение оной. Теперь каждый из нас, в свое время и без препятствия, совершает в ней богослужение. Наша паства состоит из нескольких поляков-невольников, или галерных рабов, когда таковые бывают при паше, а иногда из купцов, венецианцев или хиосцев, приезжающих для закупки белуги, либо икры», — писал монах доминиканского ордена Дортелли д'Асколли [д'Асколи, 1902, с. 118].

Эвлия Челеби, знаменитый турецкий путешественник XVII в., писал: «Есть три храма греческих и армянских неверных… Есть также одна иудейская синагога». [Челеби, 2008, с. 190]. Он насчитывал в Кефе «шестьдесят михрабов единобожников. В десяти из них произносят соборную молитву… Всего сорок минаретов каменной кладки. И бессчетное число низких минаретов…» [Челеби, 1999, с. 181–184]. Челеби писал также о наличии в Кефе пятидесяти квартальных мечетей. Он сообщал некоторые названия мечетей и приблизительное их местоположение. Например, соборная мечеть шахзаде Сулейман-хана, мечеть Муфтия, мечеть Ени, мечеть Гюль-баши, мечеть Таджир Хаджи Наби, мечеть Куле-капу, рядом с воротами башни — мечеть Кёпрю-баши, около Франкской крепости мечеть Ахмеда-аги и другие.

Таким образом, мы видим, что современники отмечают снижение количества католических храмов, говорят об отсутствии католических священнослужителей, при этом упоминая о наличии и функционировании греческих и армянских церквей. Данные, сообщаемые путешественниками, разнятся в количественном отношении, но тем не менее мы видим, что христианские общины в Кефе продолжали существовать.

В XVI–XVII вв. отмечается значительный прирост мечетей. Во времена генуэзцев в Кефе была одна мечеть. Согласно исследованиями современных ученых, за время османского присутствия в Кефе были возведены 39 мечетей, при этом названия мечетей в османских переписях XVI в. (1520, 1542 гг.) и названия, сообщаемые турецким

путешественником XVII в. Эвлией Челеби, не совпадают [Balard, Veinstein, 1981; Бочаров, 2016].

Из всех мечетей Кефе в настоящее время сохранилась лишь одна соборная мечеть Муфти-Джами. Ее постройку относят к 1623–1637 гг. Эвлия Челеби описывал ее так: «Затем — мечеть Муфтия. Это тоже крытая свинцом мечеть с выстроенным из камня минаретом…» [Челеби, 2008, с. 181]. С присоединением Крыма к России в 1783 г. здание мечети было передано христианской общине и переоборудовано в армянский храм. Позднее, в советское время, здание было реставрировано как культовый исторический объект, восстановлен минарет, и только с 1998 г. — это снова действующая соборная мечеть.

Турецкий Кефе, спускаясь по склонам горного хребта Тепе-Оба, плавной согнутой линией лежал на берегу Феодосийского залива, обращаясь лицом к Черному морю. Со стороны суши его окружали и защищали два ряда толстых крепостных стен, усиленных рвами. В своем внешнем облике он сохранил генуэзские черты, потому что оборонительные сооружения и городские постройки в большей степени сохранились. Разрушенное частично восстановили, что-то было реконструировано, перестроено, переоборудовано. Возвели новые строения и сооружения для частного, общественного и религиозного пользования.

Османы использовали сохранившиеся крепостные укрепления генуэзцев, усилив их и разместив здесь вооруженные отряды своих войск. «Кафа сильна, окружена крепкими стенами и хорошо снабжена артиллерией с сильным турецким гарнизоном, именно из спагов, янычар и двух видов милиции, которую Султан употребляет в качестве гарнизона в своих крепостях» [де Лукка, 1879, с. 474]. «Эта крепость, всегда готовая начать сражение, место безопасное. Она сложена из… отесанных камней в форме дуги, на берегу Черного моря, на большом заливе, и тянется между западной и южной его сторонами от берега моря до высокой горы под названием Япраклы. … Сторона, выходящая на сушу — это два слоя стен, один за другим… Перед (стеной) находится также ров… С морской стороны стена однослойная. …Так как эта сторона выходит на море, там совсем нет рва. Но имеется много башен и зубцов» [Челеби, 2008, с. 176–179]. «Каффа — большой город… окружен толстыми стенами. На обоих концах расположено по башне, несколько выдающейся в море, так что, когда смотришь с судна, город имеет вид полулуния. Южная башня стоит на утесе, господствующем над окрестностями. Она очень обширна и в ней живет паша. Другая меньше, но хорошо снабжена артиллерией. Море омывает обращенную к нему сторону башни. Эти башни укреплены двойной стеной, так же, как и город» [Шарден, 1902, с. 10]. «Со стороны суши город окружен очень большими рвами, но без воды, так как здесь местность то подымается, то опускается. Стены, стоящие за рвами, двойные, засыпаны землею с многочисленными куртинами и бастионами… там есть два крепких замка, оба на одной и той же стороне города: один над воротами в Татарию, построенный генуэзцами, снабженный рвами и многими крупными орудиями; он защищает город с моря; другой вне предместья, на небольшом холме, построен турками. Он не очень велик, круглого очертания, сложен из сырцовых кирпичей и одновременно обороняет город с суши и с моря. Город расположен полумесяцем; на левой оконечности его стоит замок, обращенный к порту, хотя и открытому северо-восточным и восточным ветрам, но

вполне надежному, благодаря илистому дну, крепко задерживающему якоря, так что ни один корабль в нем не погибает» [д'Асколи, 1902, с. 117–118].

Внутри внешней основной крепости расположена внутренняя крепость — цитадель, которая являлась центром всего города. «Эту цитадель местные жители зовут Франкской крепостью. Это сильная крепость с одним рядом отделяющих крепостных стен, располагающаяся в восточном углу внешней крепости» [Челеби, 2008, с. 180].

Таким образом, Кефе предстает перед нами крупным, хорошо укрепленным городом — многонациональным и густонаселенным, с разрастающимися городскими кварталами, выходящими за границу крепостных стен. Согласно описаниям путешественников XVI–XVII вв., Кефе — это город, состоявший из двух частей: центральной, включающей в себя мощную укрепленную цитадель, и основной части, разделенной на многие кварталы согласно этнической принадлежности и защищенной двойным кольцом крепостных стен, за которыми разрастался пригород Кефе с еще большим числом домов. «Каффа, вместе с крупнейшим предместьем, называемым Топракала, имеет пять миль в окружности» [д'Асколи, 1902, с. 117]. «С западной стороны от крепости Кефе, за стенами, есть большой пригород, который называется Топраклык. Его называют пригородом Топраклы, потому что много тысяч его домов крыты чистым дерном... Здесь есть три соборных и квартальных мечети, медресе и текке…» [Челеби, 2008, с. 187].

В Кефе, который в XV в. сложился как развитый европейский город, османы добавили свой восточный колорит. В нем соединялся Запад и Восток. Здесь христианские храмы соседствовали с мечетями и минаретами. Здесь на узких кривых улицах располагались торговые лавочки и ремесленных мастерские, владельцы, которых имели разные национальности и разное вероисповедание. В Кефе появилось много бань и фонтанов. Учебные заведения — медресе и мусульманские монастыри — текие прививали Кефе культуру Востока, а караван-сараи для купцов и торговцев, многочисленные базары и рынки с огромным количеством кофеен и буза-хане, где люди проводили свой досуг, отдыхали, вели беседы, из которых доносились прекрасные звуки музыкантов и певцов, не давали забыть о важном торгово-экономическом значении города. Все это — многоликий, разноголосый, прекрасный, пестрый и шумный город Кефе.

Османы, владея Кефе на протяжении трех столетий (1475–1774 гг.) ценили этот город и невероятно им дорожили. Удачно расположенный географически, Кефе обеспечивал себе центральное место в торгово-экономических связях Османской империи с другими странами, заслуженно считаясь главным морским портом в Северном Причерноморье в XVI–XVIII вв. Город являлся административным центром османских владений в Крыму и стратегически важным местом в военно-политических отношениях Османской империи с Россией и Крымским ханством в XVI–XVIII вв.

Литература / References

д'Асколи Э. Д. Описание Черного моря и Татарии. *Записки Одесского Общества Истории и Древностей.* Том 24. Одесса, 1902. С. 89–180 [d'Askoli E. D. Description of the Black Sea and Tartary. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities.* Vol. 24. Odessa, 1902. Pp. 89–180 (in Russian)].

де Боплан Г. Л. *Описание Украины.* М., 2004 [de Beauplan G. L. *Description Of Ukraine.* Moscow, 2004 (in Russian)].

Бочаров С. Г. Мечети города Каффа (Кефе) в 1340–1779 годах. *Поволжская археология.* 2016. № 2(16). С. 120–137 [Bocharov S. G. Mosques of Caffa (Kefe) city in 1340–1779. *Povolzhskaya Arkheologiya.* 2016. 2(16). Pp. 120–137 (in Russian)].

Броневский М. Описание Крыма. *Записки Одесского Общества Истории и Древностей.* Том 6. Одесса, 1867. С. 333–367 [Bronevskiy M. Description of the Crimea. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities.* Vol. 6. Odessa, 1867. Pp. 333–367 (in Russian)].

Литвин М. *О нравах татар, литовцев и москвитян.* М., 1994 [Litwin M. *On the Customs of Tatars, Lithuanians and Muscovites.* Moscow, 1994 (in Russian)].

де Лукка Дж. Описание перекопских и ногайских татар, черкесов, мингрелов и грузин. *Записки Одесского Общества Истории и Древностей.* Том 11. Одесса, 1879. С. 473–493 [de Lukka G. Description of the Perekop and Nogay Tatars, Circassians, and Mingrelians and Georgians. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities.* Vol. 11. Odessa, 1879. Pp. 473–493 (in Russian)].

Челеби Э. *Книга путешествий. Крым и сопредельные области.* Симферополь, 2008 [Çelebi E. *The Book of Travels. The Crimea and the Neighboring Region.* Simferopol, 2008 (in Russian)].

Шарден Ж. *Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг.* Тифлис, 1902 [Chardin J. *Chardin's journey through Transcaucasia in 1672–1673.* Tiflis, 1902 (in Russian)].

Balard M., Veinstein G. Continuité ou changement d'un paysage urbain? Caffa Génois et Ottomane. *Le Paysage urbain au Moyen Âge.* Lyon, 1981. Pp.79–181.

Veinstein G. La population du Sud de la Crimée au début de la domination Ottomane. *Mémorial Ömer Lûtfi Barkan.* Vol. 28. Paris, 1980. Pp. 227–249.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-218-231

КТО ОТНЯЛ У АРАБОВ СИЦИЛИЮ? ТЕРМИНЫ ДЛЯ ОБОЗНАЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОБЩНОСТЕЙ У НОРМАННОВ В ХРОНИКЕ ГАУФРЕДА МАЛАТЕРРЫ (КОНЕЦ XI В.)

В. В. Прудников[*]

Статья посвящена актуальной проблеме терминологии таксономических единиц, обозначающих иерархические элементы социальной организации: «genus», «familia», «progenium» в хронике конца XI в. «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и его брата герцога Апулии Роберта Гвискара» Гауфреда Малатерры. Результаты данного терминологического исследования будут востребованы широким кругом специалистов, в особенности востоковедов. Так, профессор Токийского университета Хироси Такаяма провел сравнение миграционных процессов между арабо-норманнской Сицилией и средневековой Японией, для тюркологов же огромный интерес могут представлять рассматриваемые в данной работе таксономические единицы, например, *progenium* (линьяж), в котором легко угадывается патронимическая семейно-родственная группа, встречающаяся у подавляющего большинства народов мира и продолжительное время сохранявшаяся на Кавказе и в Средней Азии. Выяснение значения терминов «genus», «familia», «progenium» в хронике норманнского автора может стать ключом к пониманию механизма функционирования социальной организации не только собственно норманнов, но и, например, кочевых племен Центральной Азии. Основной вопрос, на который отвечает данное исследование, состоит в том, насколько точно соответствуют реалиям того времени представления Гауфреда Малатерры об упомянутых иерархических элементах социальной организации. Чтобы полнее продемонстрировать глубину представлений норманнского хрониста об используемых им терминах, в статье приведены довольно значительные по объему отрывки, переведенные автором.

Ключевые слова: Гауфред Малатерра, итало-норманнские авторы, норманны, норманнское завоевание Южной Италии и Сицилии, арабы-мусульмане.

Для цитирования: Прудников В. В. Кто отнял у арабов Сицилию? Термины для обозначения социальных общностей у норманнов в хронике Гауфреда Малатерры (конец XI в.). *Вестник Института востоковедения РАН.* 2020. № 2. С. 218–231. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-218-231

---

[*] Виталий Владимирович ПРУДНИКОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; gviskar@mail.ru

Vitaly V. PRUDNIKOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; gviskar@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0355-2324

Автор выражает искреннюю признательность В. В. Тишину за интерес к предмету исследования и за ряд ценных замечаний.

WHO TOOK SICILY FROM THE ARABS? NORMAN TERMS, DENOTING SOCIAL COMMUNITIES, IN THE CHRONICLE OF GOTTFRIED MALATERRA (LATE 11TH CENTURY)

Vitaly V. Prudnikov

The article focuses on the problem of taxonomic units terminology denoting the hierarchical elements of social organization: "genus", "familia", and "progenium" in the 11th century chronicle "The Deeds of Count Roger of Calabria and Sicily and of Duke Robert Guiscard, his brother," by Gaufred Malaterra. The main question of this study is how closely Malaterra's views on said hierarchical elements of social organization reflect his time's reality. The author presumes this research to be insightful for a wide range of historians, and Orientalists in particular (see the work of Professor Hiroshi Takayama of the University of Tokyo, who compared migration processes in Arab-Norman Sicily and in medieval Japan). Namely, taxonomic units like *progenium* (linage), considered in this work, can be of great interest for Turkology scholars, because this term is easily traceable in the patronymic family-related groups of the vast majority of world's nations, being preserved for a long time in the Caucasus and Central Asia. Exploring the terms "genus", "familia", and "progenium" in the Norman chronicle could be a key to the social organization mechanism not only of the Normanic tradition, but also, for example, of the nomadic tribes in Central Asia. In order to correlate the realities of 11th century with the views of Gaufred Malaterra, the author provides here his translation of some excerpts from the Norman chronicle.

Keywords: Gaufred Malaterra, Italo-Norman authors, Normans, Norman conquest of Southern Italy and Sicily, Muslim Arabs.

For citation: Prudnikov V. V. Who Took Sicily from the Arabs? Norman Terms, Denoting Social Communities, in the Chronicle of Gottfried Malaterra (Late 11th Century). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 218–231. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-218-231

Хроника Гауфреда Малатерры является первым в европейской истории подробным отчетом о вторжении норманнских рыцарей на земли Ислама. Завоевание арабской Сицилии было полностью завершено до начала Первого крестового похода. Для арабского историка Ибн ал-Асира эпоха крестовых походов начинается не с вторжения «франков» в Малую Азию или в Сирию с 1096 г., а с момента вторжения их в Андалусию в 1085 г. и завоевания Сицилии в 1061–1091 гг. [Ali ibn al-Athir, 2008, p. 13]. До Ибн ал-Асира подобную мысль высказывал Али ибн Тахир ал-Сулами (ум. 1107) в «Книге о священной войне» (Kitab al-Jihad), для которого норманнское завоевание Сицилии стало первым этапом движения, которое завершилось взятием Иерусалима [Chevedden, 2010, p. 201–206].

Сочинение Малатерры имеет огромное значение не только для изучения экспансии норманнов на Сицилию, но и для рассмотрения их последующих завоеваний в Малой Азии, Северной Сирии, Палестине и Северной Африке. Также труд Малатерры является бесценным источником при исследовании проблемы «симметричности» в действиях норманнов и тюрок-сельджуков, затронутую в трудах В. В. Бартольда, В. И. Успенского, И. Кафесоглу и М. Баливе.

Идея написания данной работы возникла у автора еще во времена учебы в университете: когда начинающий историк впервые близко знакомится с историческими источниками, он надолго запоминает опыт работы с ними, отражающийся после на

всей его последующей научной деятельности. Само историческое произведение и его создатель как будто становятся близкими и понятными, надолго западают в душу. Таким произведением стала для автора историческая хроника в четырех книгах «Деяния графа Калабрии и Сицилии Рожера и его брата герцога Апулии Роберта Гвискара» монаха ордена св. Бенедикта Гауфреда Малатерры. Уже из названия очевидно, что ключ к возможному решению поставленной задачи — выяснению значения терминов, обозначающих социальные общности у норманнов, — находится в наиболее полном изучении личности хрониста и его мотивов. Таким образом, мы получим мерило, с которым норманны подходили к себе, отвечая на вопрос «какого ты роду, племени?». Благодаря этому можно будет понять, с каким мерилом они подходили к другим народам, с которыми им приходилось взаимодействовать: арабам, византийцам, тюркам-сельджукам.

Происхождение Малатерры точно не установлено. Как он сам говорит о себе в письме, адресованном епископу Катании Ангериусу: «Вы хорошо знаете, что я пришел из области, находящейся по другую сторону гор, и только недавно стал апулийцем, а вернее сицилийцем» [Malaterra, 1928, p. 3]. Таким образом, сам Малатерра не делает акцента на своем этническом происхождении, не желая говорить, какая именно из областей Северной Европы, отделенной от Италии Альпами, являлась его родиной. Один из первых издателей хроники Л. А. Муратори (1672–1750) считал наиболее вероятным версию о норманнском происхождении автора [Malaterra, 1928, p. lix]. Той же версии придерживается современный издатель Малатерры Э. Понтиери и даже более того, он настаивает на том, что Малатерра пришел в Южную Италию из монастыря св. Эврула в Нормандии [Wolf, 1995, p. 144].

Несомненно, что Малатерра являлся одним из священнослужителей, которых призвал граф Рожер Готвиль (1031–1101), чтобы восстановить на недавно завоеванной Сицилии католическую церковь. Малатерра утверждает, что граф Рожер нанес визит в монастырь св. Эуфемии в Калабрии и предложил монаху Ангериусу епископат Катании. В 1091 г. Рожер основал на Сицилии монастырь св. Агаты, в 1092 г. официально признанный епископством, включившим в себя весь город Катания [Malaterra, 1928, IV, 7, p. 89]. Исследователь К. Вольф считает, что именно в монастырь святой Агаты вслед за Ангериусом уже после 1091 г. из Южной Италии и пришел Гауфред Малатерра [Wolf, 1995, p. 145].

Таким образом, поскольку Малатерра «только недавно стал апулийцем» и, вероятно, после 1091 г. «сицилийцем», то он естественно не мог быть очевидцем большей части событий, происшедших в Средиземноморье и описанных им, начиная с середины 1040-х гг. до конца XI в., а основными источниками для него послужили воспоминания и рассказы очевидцев норманнов — участников завоеваний в Южной Италии и Сицилии и в первую очередь воспоминания самого графа Сицилийского Рожера.

Если начало работы Малатерры над сочинением мы можем установить лишь приблизительно — после 1091 г., то дата окончания труда видится относительно точной. Малатерра доводит историю итало-норманнов до 1098 г. и заканчивает его включенной в текст исторической хроники папской привилегией от 5 июля 1098 г. Отсутствие в тексте даты окончания работы над рукописью может указывать на то, что автор намеревался продолжить историю правления Рожера. Если это так, то Малатерра

написал последнюю часть работы вскоре после вручения папской привилегии. В пользу версии о том, что труд был закончен летом 1098 г. говорит тот факт, что автор описывает начало Первого крестового похода и уход Боэмунда Тарентского (1054–1111) вместе с цветом итало-норманнского рыцарства и ничего не говорит ни о падении Иерусалима в июле 1099 г., ни о захвате Боэмундом Антиохии в июне 1098 г.

В прологе к труду Малатерра, отдавая дань уважения Рожеру как своему правителю и покровителю, «благодеяния которого оказанные мне были столь велики», говорит, что не смог отказать, когда тот попросил «описать трудные и добытые с риском для жизни победы, а именно как сначала была подчинена Калабрия, а затем Сицилия» [Malaterra, 1928, p. 3]. Как говорит сам Малатерра, Рожер специально попросил его написать свой труд «простыми и ясными словами, так чтобы это было понятно; так чтобы это можно было легко поведать, открыть и рассказать каждому» [Malaterra, 1928, p. 4].

Однако просьба графа Рожера стала для Малатерры не единственным побудительным мотивом для написания исторической хроники. Свое намерение он объясняет традицией, сложившейся в античности: «По традиции древних философов стало обычным передавать деяния доблестных людей для будущего, описывая их с уважением, так чтобы деяния помнились долго вместе с тем, кто их совершил, и не были бы преданы забвению, но более того, записанные, могли бы быть прочитаны и стать известными будущим поколениям, чтобы таким образом тот, кто совершил эти деяния, продолжал жить в их памяти» [Malaterra, 1928, p. 4].

В прологе к третьей книге Малатерра сожалеет, что не может описать «трудные и славные победы» Роберта Гвискара и Рожера «чистейшей поэзией». Сравнивая поэзию с золотыми трубами для подачи воды, а прозу со свинцовыми, как бы в утешение себе он говорит, что «поскольку не все золотые трубы, по причине бедности, для питья используем, а между тем и свинцовой трубы достаточно, для того чтобы ощутить сладость напитка». Что читатель ищет в исторической прозе не «красивых слов», но «память о пышных триумфах мужей». Что, в конце концов, история пишется «не для моей или твоей славы, но для прославления тех», кто заслужил славу своими свершениями. И все же, по всей видимости, главной причиной была «спешка» графа Рожера: «Но как только по приказу правителя время для описания настает, то, что до этого времени пропущено было, в меньшей степени испить удается, ибо к источнику, из которого чистое питье изливается, самого правителя настоятельная спешка возвратиться препятствует» [Malaterra, 1928, p. 57].

В прологе к четвертой последней книге (где речь идет о событиях, происшедших в правление сына Роберта Гвискара герцога Рожера Борсы, когда Малатерра уже находился в Южной Италии и в меньшей степени зависел от рассказов графа Рожера и его соратников), Малатерра говорит: «Если бы нашлась где-либо новая и искусная поэзия, чтобы к новому герцогу приложена была; чтобы за красноречивое изложение от юноши, новых свершений, что обычно в таком возрасте, желающего, новым стилем новые благодеяния за свои заслуги исторгла бы. Но не изменим стиля, ибо это сделать лестью считаем, поскольку с начала поэтического порядка изложения не придерживаемся, то и в дальнейшем прозе следовать будем» [Malaterra, 1928, p. 85]. Время от времени Малатерра все же прибегает к стихам в описании деяний норманнских предводителей, однако прозаическое изложение занимает в его

сочинении большую часть.

Поскольку средневековые франкоязычные авторы при описании реалий своего времени предпочитали пользоваться латинскими словами, зачастую наполняя их новым смыслом и значениями, для нас очень важно понимать, что именно подразумевает Малатерра, писавший на латыни, употребляя то или иное латинское слово для обозначения того или иного важного для него явления или человека. Особую важность имеют термины, которые указывают на этническое происхождение и идентичность: *natio*, *gens*, *genus* и *populus*.

Термин «natione» имеет у Малатерры ясно выраженное значение этнического происхождения, то есть обозначение того этноса, к которому принадлежат упоминаемые люди. Так, византийский военачальник Георгий Маниак имел "natione grecus" [Malaterra, 1928, I, 7, p. 10], то есть по своему происхождению являлся в глазах Малатерры "греком". Когда Малатерра перечисляет клириков, приглашенных графом Рожером на Сицилию, он говорит об этническом происхождении каждого из них: епископ Агридженто Герланд имеет "natione allobrogum" [Malaterra, 1928, IV, 7, p. 89], церковь города Трани возглавил некто, «in Provincia ortum» (родившийся в Провансе), епископом Катании стал Ангериус, «natione britonem». В другом месте Малатерра говорит, что освобожденные графом Рожером на Мальте христиане "in loca sua recedunt, per diversa regnorum spatia, prout nationis erant" («возвратились в свои края, в зависимости от того, [кто] откуда происходил, разошлись по различным королевствам») [Malaterra, 1928, IV, 16, p. 96].

Термин "natio" образует в повествовании постоянную и неизменную величину. Другими словами, данный термин всегда указывает на этничекую принадлежность. Малатерра говорит о том, что командование византийским флотом, направленным для освобождения города Бари, было возложено на Жоселина Коренхо, который «по происхождению был норманном» (natione normannum) [Malaterra, 1928, II, 43, p. 51]. Малатерра подчеркивает неизменность понятия "natio" когда вкладывает в уста графа Рожера следующие слова: «Не бойтесь многочисленности тех [мусульман], кто однажды уже были вами побеждены. Ибо если правитель сменится, то не только его же [нового правителя] происхождения, качеств, но даже его религии все прочие станут придерживаться. Наш Бог неизменный есть, и если его ожиданий в безупречной верности нашей не обманем, то и его желание даровать нам победы останется неизменным» [Malaterra, 1928, II, 41, p. 50].

В приведенном отрывке содержится куда более глубокий смысл: с одной стороны подчеркивается «неизменность» норманнов, в какой бы чужеродной среде они не пребывали, а с другой, показано как «чужой» может стать «своим», изменив своему народу, качествам (т.е. приписываемых данному народу качественных характеристик, например «деятельный характер» или «коварство») и религии. Здесь есть указание на определенное мерило, с которым автор хроники подходит к оценкам «своего» и «чужого»: принадлежность к определенной общности, наличие особенных, присущих только данному народу свойств и религиозной принадлежности.

В поэме другого итало-норманнского автора XI в. Вильгельма Апулийского «Деяния Роберта Гвискара» термины "gens" и "populus" взаимозаменяемы и имеют как этническое, так и территориально-политическое значение. Этническое значение превалирует у Вильгельма при названии пришлых народов. Так, норманны называются

у Вильгельма не только «норманнами» (normanni), но и «галлами» (galli), и «франками» (francigena), германцы — “teutonici populi”, “alemannorum gens”, ломбарды — «lombardes”, “lombardorum populus”, “lombardorum plebs”, венецианцы — “gens venetica”, арабы — “gens agarena”. Вильгельм дает своим читателям понятие о происхождении норманнов как народа в следующем отрывке: «То место, откуда они пришли, и которое на языке земли их породившей “nort” называется, откуда пришли к границам северных краев, от которых расходились, стремясь в пределы латинские. “Man” означает то же самое, что у нас “человек”. Название их “normanni” означает “северные люди”» [Guillermi Apuliensis, 1851, I, 6–10, p. 241].

Местные (indigenae) как этническая общность называются у Вильгельма “langobardes”. Однако чаще для обозначения местных жителей Вильгельм пользуется терминами “gens” и “populus” для обозначения политико-территориальных общностей как на уровне страны в целом (“itali”, “Italiae populus” или “gentis latium”, “Avsoniae gentis”), или отдельной области (“gens Appula”, “gens Calabra”, “gens Campanica), или конкретного города (“gens marchiana”, “romani”, “capuani”, “gens cariatensis”, “gens salernum”, gens juvenacensis”, “barensis populus”, “populus Bari, Trani pariterque Chareti”.

Попытаемся выяснить, что именно хронист понимает под терминами “gens”, “genus” и “populus”. В самом начале первой книги Малатерра повествует о происхождении норманнов: описывает как Роллон [Malaterra, 1928, I, 1, p. 7] захватил часть Франции, а затем король Людовик отдал ему эту землю в наследственное владение. После этого Малатерра подробно оговаривает границы герцогства Нормандского и добавляет, что считает необходимым поведать «de more quoque gentis» (о нраве племени) норманнов [Malaterra, 1928, I, 2, p. 8]. В следующей главе он действительно дает исчерпывающую характеристику “gens” норманнов; а также говорит, что они дали земле свое имя; переводит на латынь самоназвание норманнов; и наконец говорит о “gens” норманнов из Готвиля — деревеньки, расположенной в округе нормандского городка Кутанс — «произросли в великое племя, и оружием свою власть распространившие, множество племен себе подчинили» («in gentem magnam crescentes, et suum imperium armis dilatantes, multarum gentium sibi colla subdiderint») [Malaterra, 1928, I, 3, p. 9]. Другими словами, термин “gens” у Малатерры служит для обозначения некой этно-социальной общности, связанной общим происхождением, кровнородственными отношениями, общей территорией, культурой, языком, самоназванием, а также стремлением распространить свою власть на другие “gentes”. Таким образом, в данном контексте термин “gens” можно было бы перевести как «племя».

Наиболее подробно содержание термина “gens” рассматривает У. Пол в рамках концепций изучения раннесредневековой этничности. Он отмечает, что все этнические термины несут на себе груз эмоций и способны уводить в сторону, и даже попытка заменить термин “gens”, на более нейтральный «племя» не снимет методологическую проблему [Pohl, 1998, p. 13]. В средневековье народы не были однородными, принадлежность к определенной “gens” обладала скорее политическими и конфессиональными коннотациями, и наличие общего происхождения зачастую было мифом [Pohl, 1998, p. 16]. Этническая принадлежность имела значение только для правящей группы, не распространялась на низшие сословия, а социальное продвижение означало превращение в доминирующую группу с высоким престижем. Было бы

ошибкой искать врожденную этничность, но скорее «этническую практику», которая воспроизводит связи, объединяющие группу. В политической сфере это означает стратегию и действия, которые можно реконструировать по литературным источникам, а в области культуры эта практика выражается в богатом разнообразии предметов и привычек, которые служат выражением этнической принадлежности [Pohl, 1998, p. 17]. В ходе рассмотрения проблемы У. Пол пришел к следующему выводу: этническая принадлежность не может считаться объективным явлением в средневековье и субъективное этническое самосознание индивидуума или группы являлось определяющим фактором, хотя специфическая форма этнического сознания давала объектам этническое измерение [Pohl, 1998, p. 20].

Малатерра наравне с термином "gens" для обозначения различных групп и общностей использует термин "genus", который при упоминании отдельных людей он применяет в значении «род» для обозначения знатного происхождения, например, "славнейшего рода" (praeclari generis). Из чего можно сделать вывод, что для Малатерры такие понятия как "род" и "племя" неразделимы.

Вместе с тем у Малатерры отсутствует привязанность к родине (patria) в современном смысле этого слова. Когда он говорит, что недавно стал апулийцем, он подразумевает не этническое происхождение, а принадлежность в данный момент к определенной политико-территориальной общности. Яснее это видно у другого автора — Фульхерия Шартрского, который говорит, что Боэмунд Тарентский был апулийцем, а «по происхождению же норманн» ("natione tamen normannus")[1]. Племянник Боэмунда правитель Антиохии Танкред родился в Италии от брака ломбардского маркиза Одо Доброго и дочери Роберта Гвискара. Рауль Канский сообщает, что при встрече с отшельником на Елеонской горе в Иерусалиме на заданный ему вопрос: «какой он веры, родины, рода, имени?» ("cujus esset sectae, patriae, stirpis, nominis") Танкред ответил: «христианином себя назвал, норманном, потомком Гвискара» ("christianum se normannigenam Wiscardidam sobole") [Gesta Tancredi, 1854, p. 320]. Таким образом, для хрониста и его заказчиков быть норманном совсем не означало жить или даже родиться в Нормандии, а прежде всего имело значение принадлежности к норманнскому "роду".

В зависимости от обстоятельств *gens* — *genus* «норманны», «греки», «лангобарды» могут именоваться в хронике и как «калабрийцы», и как «апулийцы» или «сицилийцы», если они избрали эти территории для своего проживания, оставаясь при этом в представлении автора «норманнами», «лангобардами» или «греками». Когда Малатерра употребляет термин *gens* — *genus* в отношении какой-либо территориальной общности, будь то апулийцы, калабрийцы или сицилийцы, он старается в таких случаях оговориться, кого именно имеет ввиду, как в следующем примере: «лангобарды же апулийцы, племя всегда наиковарнейшее» ("langobardi igitur apulienses, genus semper perfidissimum") [Malaterra, 1928, I, 13, p. 14]. При этом термин *genus* скорее относится к лангобардам, чем к апулийцам. Это справедливо и в отношении отдельных городов. Так, Малатерра жителей Салерно или Капуи называет «салернцами» [Malaterra, 1928, I, 6, p. 10] и «капуанцами» [Malaterra, 1928, IV, 26, p. 105], но при этом помнит, что они «лангобарды», или, постоянно называя жителей Калабрийского Геррациума

[1] Цит. по: [Boehm, 1969, p. 656].

«гераценцами», не забывает, что они являются «греками» [Malaterra, 1928, III, 31, p. 77].

Термин *populus* используется Малатеррой очень редко и главным образом не в значении «народ», а скорее в значении «войско». Это ясно можно увидеть на примере описания осады герцогом Нормандским Робертом замка Теулерия на границе Франции и Нормандии, где автор сначала именует норманнов как “exercitus normannorum”, а затем, чтобы не повторяться: “populus” [Malaterra, 1928, I, 39, p. 24–25]. В другом месте он говорит, что герцог Роберт Гвискар осадил Диррахий “armata populi manu” [Malaterra, 1928, III, 25, p. 72].

Термин “progenium” служит у Малатерры для обозначения «рода», то есть всех родственников, ведущих свое происхождение от одного предка — основателя рода. В данном случае автор подразумевает Танкреда Готвиля (progenium Tancredi) [Malaterra, 1928, IV, 25, p. 103], от которого произошли норманнские правители Южной Италии и Сицилии. Для обозначения «семьи» или вернее «дома» (клана) того или иного норманнского правителя служит термин “familia”. Что же подразумевал хронист под этим термином “familia”?

Когда Малатерра говорит о Танкреде Готевильском, он упоминает, что тот «принадлежал к фамилии норманнских герцогов» (“in familia comitis normannorum”) [Malaterra, 1928, I, 40, p. 25], а его сын Серло находился у герцога Нормандского Роберта среди “фамилияриев” (familiares) [Malaterra, 1928, I, 39, p. 24–25]. Говоря о гибели Рожера, сына Скольканда и его родственника Жильбера, он упоминает о сильном волнении, охватившем герцога Роберта Гвискара, ибо погибшие «были самими дорогими среди его фамилияриев» (“erant enim inter familiares sibi carissimi”) [Malaterra, 1928, II, 37, p. 47]. Сын Рожера Иордан, прежде чем решиться на опасное дело, «держал совет со своими фамилияриями» (“cum sibi familiaribus consilio habito”) [Malaterra, 1928, III, 11, p. 63]. В другом месте хронист говорит, что граф Рожер в величайшей спешке приступил к осаде города Пенталика на Сицилии «только с одной своей фамилией» (“cum sola familia sua”) [Malaterra, 1928, IV, 18, p. 98]. Папа Урбан, по словам Малатерры, обращается к графу Рожеру «как к своему фамилиярию и другу» (“ut sibi familiari et amico”) [Malaterra, 1928, IV, 23, p. 101].

Понятие “familia” распространяется у Малатерры и на мусульман. При описании набега мусульманских пиратов из Африки на Калабрию, он называет их «африканцы же сарацины, из фамилии короля Темина» (“africani ergo saraceni, de familia regis Temini”) [Malaterra, 1928, III, 8, p. 61]. В другом месте, говоря о многочисленности жителей сицилийского города Ято, он уточняет, что «было же их до тринадцати тысяч семей» (“erant enim usque ad tredecem milia familiarum”) [Malaterra, 1928, III, 20, p. 70].

Возможно, правильный ответ на вопрос, что понимал хронист под термином “familia”, мы найдем у Жака ле Гоффа, который, хотя и не приводит никаких терминов и не делает ссылок на труд Малатерры, тем не менее довольно точно описывает интересующий нас институт, характерный для цивилизации средневекового Запада X–XII вв.: «Индивид в средние века в первую очередь принадлежал семье. Большой семье, патриархальной или племенной. Под руководством своего главы она подавляла индивида, предписывала ему и собственность, и ответственность, и коллективные действия. Эта роль семейной группы хорошо известна нам по отношению к сеньорам, где линьяж определял и реалии жизни рыцаря, и его мораль, и его обязанности. Линьяж был кровной общностью, состоявшей из «родных», «друзей по плоти» — видимо, так

именовали свойственников. Линьяж отнюдь не был остаточным явлением первобытной семьи. Он представлял собой этап в организации той рыхлой семейной группы ("Sippe"), что встречалась в германских обществах Раннего Средневековья. Члены линьяжа были связаны узами солидарности. Она проявлялась на поле боя и в вопросах чести» [Ле Гофф, 1992, р. 262]. Далее Ле Гофф продолжает: «линьяж соответствует агнатическому роду, цель и основа которого — сохранение общего имущества-патримония. Специфика его феодальной разновидности заключается в том, что для мужчин линьяжа военные функции и отношения личной верности были столь же важны, как и экономическая роль семьи. Но этот комплекс чувств и интересов нагнетал в феодальной семье крайнюю напряженность, драматизм в отношениях преобладал над верностью» [Ле Гофф, 1992, р. 263].

В любом случае, в основе линьяжа лежит кровное родство. А из приведенных выше примеров становится ясным, что «фамилярий» не обязательно был кровным родственником и каждый из членов линьяжа Готвилей мог иметь своих «familiares», с которыми он советовался в ответственную минуту, как сын Рожера Иордан, или считал их близкими себе, как Роберт Гвискар. Скорее всего, "familia" обозначала у Малатерры «семью», которая была у каждого из Готвилей, но в которой кровные связи заменяли не менее крепкие узы личной верности. А значит, "familiares" были не «родными» или «друзьями по плоти», а «друзьями по клятве верности». В то же время, вероятно, что их значение было выше, чем значение простых «fideles», и они представляли собой приближенных к сеньору людей и пользовались его расположением. При этом фамильярии были верны только своему господину и отстаивали только его интересы, даже если те шли вразрез с интересами линьяжа.

Очевидно, что линьяж у Малатерры отражает упомянутый выше термин "progenium". Мы находим у Малатерры все признаки существования у норманнов линьяжа: соперничество между братьями за власть, "непочтительное" отношение отца к сыну, войны между семьями.

Норманнский хронист очень четко представляет механизм функционирования института патриархальной семьи у норманнов: «граф всего своего рода защитник ("totius progeniei suae sustentator") был, превосходил в богатстве всех на полуострове опоясанном морями от Рима до Сицилии, множеством дел и усердием сведущим, разумным советом выделялся, отчего и многие со своим делом к нему обращались, чтобы обрести поддержку в благоразумии графа, уверенно чувствовали железную твердость в устройстве своего дела, отчего становились благоразумно сведущими, чтобы в свою очередь и ему, если будет необходимость, помощь оказать могли. Вскоре сам всех, точно курица цыплят своих под крыльями, согревая защитой своего шлема и совета, как добродетельный патрон делом и советом, насколько мог, всем во всем благоволил» [Malaterra, 1928, IV, 26, p. 104].

Кровнородственные связи всегда имели значение при разрешении конфликтов в семье между господином и вассалом. Когда Вильгельм Грантмасниль захватил некий город наследника Роберта Гвискара герцога Рожера Борсы, Малатерра говорит, что «граф Рожер этим делом чрезвычайно был разгневан, однако как разумный человек — поскольку на племяннице был женат [Вильгельм Грантмасниль] — посла к нему послал, побуждая возвращением города с господином своим примириться" [Malaterra, 1928, IV, 21, p. 99]. Роберт Гвискар, боясь за жизнь графа Рожера, «говорил что ничего через

смерть брата себе приобрести не желает, но больше всем приобретениям предпочитает жизнь брата» [Malaterra, 1928, II, 10, p. 32]. В другом месте Малатерра, описывая сражение норманнов с византийским флотом в Бари в 1071 г., говорит, что Роберт Гвискар был охвачен страхом за брата Рожера, принимавшего участие в сражении, и мучился, что ни сам прийти на помощь не мог, ни послать кого-либо, так как все прочие братья за исключением Рожера уже умерли" [Malaterra, 1928, II, 43, p. 51]. Со своей стороны, «Рожер, стремясь к одобрению брата и всего войска, которое к нему присоединено было, совершая путь, высочайшие вершины с глубочайшими долинами преодолевал, как верный (вассал. — *В. П.*) и усердная пчелка, тяжело нагруженный к войску с большой добычей вернулся: и уже почти истощившиеся припасы все восполнил» [Malaterra, 1928, I, 22, p. 19].

На примере отношений представителей одной семьи Альтавила Роберта Гвискара и Рожера становится понятно, что для норманнского хрониста не было ничего важнее задачи показать в выгодном для Рожера свете отношения двух братьев, связанных не только кровью, но вассальными узами: «Рожер, который в щедрости с рыцарями своими все меньше чрезмерно мог усердствовать, и ему самому неудобно было перед ними, у брата просил. Тот же, руководствуясь дурными советами по отношению к нему, с прочими щедрым был бы, а с ним суровей, чем необходимо, стал обращаться. Увидел наконец, что из-за деятельного характера, который имел (Рожер. — *В. П.*), юное рыцарство всей Апулии, к тому, больше чем к нему, привлечено было. Вследствие чего, боялся, чтобы сильней его не стал бы и, чтобы меньшим довольствующийся при нем оставался, недостаток (припасов в войске Рожера. — *В. П.*) вызвать хотел. Вскоре тот (Рожер. — *В. П.*), поскольку великую душу имел, считая к себе такое от брата обращение как неблагородное и недостойное, который сам шаг за шагом поднимался к вершине, что бы он ни делал, куда сам он уже давно бы, благодаря благоволению фортуны, поднялся бы, с гневной душой от брата отвернулся, в Апулию ушел" [Malaterra, 1928, I, 23, p. 20].

Хронист продолжает: «Об этом прослышал его брат Вильгельм, а именно граф всего Принципата, послов отправил, чтобы к нему пришел (перешел на службу от Роберта Гвискара. — *В. П.*), обещал, что готов разделить с ним все, чем владеет, за исключением своей жены и детей. И так пришедший с честью подобающей принят был. Некоторое время с ним пребывал, наконец замок, который Скалея называется, от него получил; впоследствии много набегов на Гвискарда совершал, и повсюду покоя не давал. Когда об этом донесено было Гвискарду, войско собрав, к осаде того замка приступил, и оливы и виноградники, которые к городу примыкали, уничтожил. Тот же (Рожер. — *В. П.*), хорошо понимая, что городу мало чем помочь сможет и количеством своих (войск. — *В. П.*) день от дня все больше уменьшавшимся, таким немалым ущербом удрученный, держал совет, место оставил» [Malaterra, 1928, I, 24, p. 20].

Затем Рожер снова вернулся на службу к Роберту: «На протяжении двух месяцев брату службу усердно исполняя, когда от него никакого для себя и всех своих, достойного вознаграждения, за исключением одного только коня, не получил, хотя и не читал, но однако словно по природе зная такое изречение Саллюстия: "Но стараться понапрасну и, затратив много сил, пожинать одну только ненависть — полное безумие", что тому, кто хорошо служит, фортуна сопутствует, при этом ему самому она мало хорошего доставляет, с братом сильно поспорив, союз, который между собой на

время заключили, расторг, в Скалею возвратился, и немедленно в тот же вечер в замок, который Нарентинум называется, своих рыцарей в сторону Гвискарда послав, провинцию предал разграблению» [Malaterra, 1928, I, 26, p. 20–21].

После того как Рожер в очередной раз вернулся на службу к Роберту, между ними опять разгорелся спор: «И таким образом ни одного замка от брата — за исключением одного Мелета — не получил, чтобы то, что ему обещал тогда у Скалеи, когда им самим приглашен был, друг с другом примирились, а именно, половиной всей Калабрии наделить, преимущественно из-за того, что молоденькая жена соответственно, поскольку девушка настолько прекрасного рода, родным подобающее воздаяние дать желал, испрашивал. Герцог, хотя [в раздаче] денег щедрый, в раздаче каких-либо земель очень скупым был: и брату [обещанное предоставить], водя окольными путями, затягивал. Вскоре граф, заметив хитрость брата, и не желая дальше обманами питаться, против лучшего во всей Апулии что его вниманию предложил, то что ему обещано было желал. Но когда и таким образом ничего не добился, союз, который между ними был, разорвал, с гневной душой от брата ушел и, придя в Милет, мужественно замок построил, также лучших рыцарей в ущерб брату повсюду собирая. Но хотя допущенная братом в отношении его несправедливость явная для всех была, однако законное право свое соблюдая, в течение сорока дней от нанесения обиды брату воздерживался; чтобы, если бы ниже этого срока одумался — самому со своей стороны о [нанесенной] обиде пожаловался — больше предпочитая [нанесению] обид провести судебное разбирательство, не желая несправедливую вину за этот раздор больше на брата, чем на себя возложить» [Malaterra, 1928, II, 21, p. 35–36].

«Герцог уходом от него брата разгневанный, войско собрал, его в Милете осаждать стал… Граф, хотя в то время приступами лихорадки мучился, в Герациуме, некими делами туда отозванный, пребывал; где, непривычной погодой расстроенный, сам не менее больной, неких своих (спутников. — *В. П.*) отослал. Однако брата, как врага явившегося, на горе, которая Святой Ангел называется, ожесточенно встретил, и многих из отряда брата крепким копьем в рыцарских поединках опрокинул… Герцог, видя своих в таких поединках швыряемых и без какого-либо продвижения, два замка против города построил: думая, что отвращением и голодом легко на них сможет воздействовать. Граф, сам замки ежедневно беспокоя, когда знал, что герцог в одном из них находится, другой штурмовал; когда же видел его приближение, этот оставив, через середину города к другому переходил, так постоянно место сражения менял» [Malaterra, 1928, II, 23, p. 36–37].

Когда Роберт Гвискар оказался в плену у жителей Герациума, «войско герцога, которое за воротами шатры раскинуло, услышав о таком несчастье герцога в плен попавшего, взволнованные, пока, не знали, что делать, между собой рассуждали, наконец, наилучший совет получив, через послов графу о произошедшем с братом сообщить поспешили. Конечно знали стремление его к законности, и хотя в домогательстве его согласия, по отношению к брату мог бы другой раздор припомнить, однако, беря во внимание кровное родство, [что Рожер] брата своего, как брата, ценил и братскую жизнь в такой критической ситуации пойдет выручать, забыв все нанесенные ему обиды, какой угодно выгодой пренебрегая, пригласили брата, чтобы брату, в беде находившемуся, на помощь пришел: в раздоре, который между ними был, герцога освободив, справедливости добиться, от себя помощь обещали” [Malaterra, 1928, II, 25,

p. 38].

Войско Роберта Гвискара не ошиблось в расчетах: граф Рожер немедленно поспешил на помощь брату и вызволил его из плена Гераценцев. Малатерра так описывает их встречу, после того как Роберт Гвискар был отпущен: «Герцог и граф, друг друга увидевшие — как некогда Иосифа Вениамина — перед сладостью неожиданной встречи, произошедшей по благосклонности фортуны, обливаясь слезами, в объятиях друг друга сжимали. Герцог графу что обещал, впредь больше обещал не удерживать. Граф с герцогом до самого Святого Мартина следовал, затем в Мелет отправился. Рыцари же графа, которые в Мелете были, услышав о содержании герцога в плену, его замок, который против Мелета построил, штурмом захватили; рыцарей, которых нашли, в плен взяли, своими рыцарями замок, который у Святого Ангела был построен, снабдили; другой же, который недостаточно крепким считали, разрушили» [Malaterra, 1928, II, 27, p. 39].

«Герцог, об этом услышав, больше преступления, чем благодеяния помнивший, преимущественно раздражением движимый, обещанию, которое брату обещал исполнить, следовать отказался: до тех пор, пока ему замок Святого Ангела и рыцарей, которые в плену держались, не возвратит, и в нанесенной обиде справедливость восстановлена не будет. Вскоре граф брату герцогу, все им требуемое желая исполнить, рыцарей вернул; и замок и что в нем было, восстановил. Но когда и так желание герцога, чтобы себе справедливости добиваться, непоколебимым увидел, начало выдачи жителей замка Мессиани, герцогу враждебным предложил. Герцог, видя замок, что наилучший в той провинции имел, себе отошедшим, зная, что всю Калабрию оттуда легко тревожить можно, в долине Кратенси, следуя заключенному с братом соглашению, Калабрию разделил» [Malaterra, 1928, II, 28, p. 9].

При описании отношений между норманнами и другими сообществами вассально-ленные и кровнородственные связи не только занимают для Малатерры главное место, они практически неразделимы. О равенстве этих связей у норманнов говорят следующие примеры. Так, в речи, обращенной к жителям Герациума, Роберт Гвискар подробно объясняет им, с какой силой они имеют дело. При этом на первое место он ставит «вернейших рыцарей»: «Ибо есть, наконец, вернейшие мне рыцари, есть братья, есть родственники, с которыми, если вы клятвопреступно моей кровью руки обагрите, то никогда прежних отношений не восстановите» [Malaterra, 1928, II, 24, p. 38].

С подобной риторикой мы сталкиваемся у Альберта Ахенского при описании пребывания правителя Антиохии Боэмунда в плену у тюркского правителя Сиваса Данышменда. Боэмунд предложил отпустить его на свободу за половину суммы, предложенной византийским императором, а также поменять железные оковы на «узы безраздельной любви и верности всех христианских правителей»: «Друзья мои и родственники, которые обитают в Антиохии, в Эдессе, в Иерусалиме и по всем прочим местам будут связаны с тобой узами верности и всегда будут заботиться о твоей чести и печься о твоей безопасности» [Alberti, 1869, IX, 35, p. 611]. Далее Боэмунд продолжает убеждать Данышменда в преимуществе дружбы и верности христиан, по сравнению с обладанием большой суммой денег, которые «день ото дня уменьшаются и разделяются», также в том, что с военной поддержкой христиан Данышменд и Боэмунд не только разобьют Солимана и завладеют Румом, но завоюют «императорскую власть

и земли» [Alberti, 1869, IX, 35, p. 612].

В хронике неоднократно говорится о том, что предводители норманнов охотно принимают в свою «семью», щедро одаривают и делают «вернейшими себе» не только «родственников и соотечественников», но «словно братьев» принимают как представителей других народов, например, славян из Калабрии [Malaterra, 1928, I, 16, p. 16], так и просто «остальных отовсюду к ним приходивших» [Malaterra, 1928, I, 11, p. 14].

Таким образом, приведенные примеры указывают на существование условного тождества понятий «вассал», «брат» и «кровный родственник». И все же различие между простым вассалом рыцарем и кровным родственником, как видно из следующего примера, было огромным. «Простой рыцарь, некто по имени Ингельмар, графу долго служил: которому сам граф, хотя низкого рода был, однако вследствие рыцарского деятельного характера, который в нем увидел, желая службу своего достойным образом, каков его всегда обычай был, вознаградить, жену своего родственника Серло — именно тот, который на Сицилии сарацинами был убит — со всем приданным ему подобающим, самим долго удерживаемое, в супруги ему уступил, чтобы, славного рода девушка — ибо была дочерью Родульфа, графа Бойано — родовитость рыцаря таким образом среди сотоварищей славнейшей сделала. Он же в Герациуме, четвертую часть которого в приданное девушке себе желал, свадьбу торжественно отпраздновал, уже не довольствуясь скромным почетом, забыв о немощи своего рода; но родовитость жены всей душой отстаивая, равным себя в роде и достоинстве считал тому, чей женой до этого была, вознестись сверх дозволенного возжелал» [Malaterra, 1928, III, 31, p. 76].

Сеньору подобало проявлять щедрость в отношении своих вассалов. Характеризуя норманнов, Малатерра отмечает, что «их князья в желании доброй славы щедрейшими бывают» [Malaterra, 1928, I, 3, p. 8]. Князья проявляли неслыханную щедрость не просто «в желании доброй славы», а для того чтобы «добрая слава» служила привлечению как можно большего числа рыцарей под их знамена. Вот как Малатерра раскрывает практическое значение «щедрости» норманнских предводителей из семьи Готвилей: «Это не только одних нас касалось, но как об этом свидетельствует само дело, оружие всей родины, укротив, себе подчинили. Впоследствии же, своих, и родителей и соотечественников, но и остальных отовсюду к ним приходивших, с самой неутомимой щедростью, словно братьев, принимали. Коней, оружие, одеяния и различные подарки предлагали. Некоторых же землями и замками щедро наделяли, всеми дарами этого мира, так как превыше всего помощь сильных рыцарей ценили. Потому что изначально необученному их было не одолеть. Обычай этот к Евангелию восходит, где говорится: "Давайте и дано будет вам". Насколько же щедрее одаривались, тем больше привлекались» [Malaterra, 1928, I, 11, p. 14].

Таким образом, термины *gens, genus, progenium, familia* используются Малатеррой для обозначения различных типов «рода» или «семьи» у норманнов. Так, термины *gens, genus* служат для обозначения «племенной семьи», то есть совокупности «родов», составлявших «племя». Термин *progenium* обозначает линьяж. Разумеется, один и тот же норманн одновременно принадлежал к «племени» (*gens, genus*) норманнов, конкретной фамилии и линьяжу.

Литература / References

Ле Гофф Ж. *Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992 [Le Goff J. *Civilization of the Medieval West*. Moscow, 1992 (in Russian)].

Alberti Aquensis. Chronicon Hierosolymitanum de Bello Sacro. *Recueil des historiens des croisades. Historiens occidentaux*. Tome quatrième. Paris, 1869.

Ali ibn al-Athir. *The Chronicle of Ibn al-Athir for the Crusading Period from al-Kamil fi'l-Ta'rikh*. Trans. by D. S. Richards. T. 1. London, 2008.

Boehm L. Nomen gentis Normannorum. Der aufstieg der Normannen im spigel der Normannishen historigraphie. *I Normanni e la loro espansione in Europa nell'ato medioevo*. Spoletto, 1969.

Chevedden P.E. "A Crusade from the First": The Norman Conquest of Islamic Sicily, 1060–1091. *Al-Masaq: Islam and the Medieval Mediterranean*. 2010. 22.2. Pp. 201–206.

Malaterra G. De rebus gestis Rogerii Calabriae et Siciliae comitis et Roberti Guiscardi ducis fratris eius. *Rerum Italicarum scriptores. Raccolta degli storici italiani*. T. 5. Bologna, 1928.

Guillermi Apuliensis. Gesta Roberti Wiscardi. Ed. R. Wilmans. *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores in Folio*. Ed. Rudolfo Köpke. T. IX. Hannover, 1851. Pp. 239–298.

Pohl W. Conception of Ethnicity in Early Medieval Studies. Lester K., Rosenwein B. H. (eds.). *Debating the Middle Ages. Issues and Readings*. Oxford, 1998. Pp. 15–24.

Radulfus Cadomensis. Gesta Tancredi principis in expedicione Hierosolyminata. *Patrologiae Cursus Completus. Series Latina*. Ed. J. P. Migne. Vol. 155. Paris, 1854.

Wolf K. B. *Making History: The Normans and their Historians in Eleventh-Century Italy*. Philadelfia, 1995.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-232-245

«ЧЕРКЕШЕНКИ» ТУРЕЦКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. Т. Сибгатуллина*

В статье рассматриваются некоторые аспекты и причины появления на османской земле черкесских невольников, на примере исторических источников и произведений турецкой литературы излагаются условия продажи черкешенок в невольничьих рынках Стамбула и их жизни в гаремах знатных пашей и султанского дворца. Хотя романтические образы одалисок имели место в творчестве Ахмеда Мидхата Хагура, Эмина Нихата, Намыка Кемаля, С. Самипашазаде и др., вопреки стереотипным экзотическим образам черкесских женщин, постепенно литераторы стали поднимать проблемы социального характера, связанные с эксплуатацией, многоженством и материнством. На этом фоне анализируются стихи турецких поэтов Абдулхака Хамида Тархана, Хамдуллаха Субхи Танрыовера, посвященные черкесским матерям. Более подробно рассматривается творчество писательниц Хайрие Мелек Хунч, Незихе Мухиттин, Суат Дервиш, Лидер Эршан, которые в своих произведениях создали трагические образы черкешенок, волею судеб оторванных от корней, но оставшихся верными кавказским принципам чести и благородства. Роман «Черкешенка Сетенай» (2019) Л. Эршан является наиболее «свежим», но не единственным произведением современности, посвященным теме жизнестойкости горянок. Автору, представительнице убыхского народа, удалось искусно передать многие эмоциональные и психологические моменты, имевшие место в творчестве предшественников, а также художественно использовать такой яркий образ нартовской мифологи, как противостоявшая силам зла богини огня Сетенай. В статье затрагиваются также отдельные этапы истории борьбы черкесов в Турции за самосохранение, за защиту языка и национальных традиций в условиях диаспоры.

Ключевые слова: черкесские невольники, турецкая литература, образ черкешенки, османский гарем.

Для цитирования: Сибгатуллина А. Т. «Черкешенки» турецкой литературы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 232–245. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-232-245

"CIRCASSIAN GIRLS" OF TURKISH LITERATURE

Alfina T. Sibgatullina

The article discusses history of Circassian slaves in the Ottoman Empire by using several examples from Turkish literature, with the focus being on slave trade in Istanbul and life of Circassian women in harems of the Sultan and Turkish noblemen. Although we find romantic and stereotypically exotic descriptions of odalisques in the works of Ahmed Midhat Hagur, Emin Nihat, Namyk Kemal, S. Samipashazade and others, many 19th-century writers also raised social problems associated with exploitation, polygamy and motherhood in their depictions of Circassian girls. Against this background,

* Альфина Тагировна СИБГАТУЛЛИНА, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alfina2003@yandex.ru

Alfina T. SIBGATULLINA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alfina2003@yandex.ru

ORCID 0000-0001-5755-8687

the article analyses verses by several Turkish poets — including Abdülhak Hamid Tarhan and Hamdullah Subhi Tanrıöver — devoted to their Circassian mothers. Also, the paper examines narratives by female writers, such as Hayriye Melek Hunch, Nezihe Muhiddin Tepedelengil, Suat Derviş, Lider Erşan, who in their work created tragic images of Circassian women, by the will of fate divorced from their roots, but remaining faithful to the Caucasian principles of honour and nobility. Erşan's novel *Setenay: Bir Çerkes Kızı* (*Setenay: A Circassian girl*, 2019) is probably the most recent but certainly not the only work of our time that is dedicated to resilience shown by these highlander women. The author, herself an offspring of the Ubykh people, was able to skillfully convey emotional and psychological moments from the work of her predecessors; she also employs Nart mythology as an artistic tool, introducing, for instance, the image of the fire goddess Setenay who opposes the forces of evil. The article also touches upon the history of Circassian struggle in Turkey to preserve ethnic identity, language and national traditions in the diaspora.

Keywords: Circassian slaves, Turkish literature, Circassian girls' image, Ottoman harem.

For citation: Sibgatullina A. T. "Circassian Girls" of Turkish Literature. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 232–245. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-232-245

У одного черкеса в шутку спросили: «Если бы ты не был черкесом, кем бы ты хотел быть в этом мире: курдом, армянином, арабом, евреем, греком, турком, или кем-то другим?». Тот серьезно задумался, думал долго, усердно, вспотел, но так и не смог ответить. Собеседник спросил снова: «Кем бы ты был, если бы не был черкесом?». «Ей-богу, — сказал черкес — я был бы просто очень смущен!»

(Махмут Шенол, современный турецкий писатель с черкесскими корнями)

Идея написать о турецких писательницах с черкесскими корнями зародилась после прочтения романа «Черкешенка Сетенай» [Erşan, 2019] и знакомства с творчеством его автора Лидер Эршан (р. 1945). Лидер-ханум, как и ее героиня из другого романа «Назову ее Девлет» [Erşan, 2020], носит мужское имя. Причина тому довольно проста: нередко в Турции, когда в семье вместо долгожданного сына рождалась дочь, отцы звали своих дочерей «заготовленным» заранее мужским именем, так, например, случилось и с писательницей (кстати, черкешенкой по матери) Суат Дервиш (1903–1972), автором известного в России романа «Фосфорическая Джеврие» [Дервиш, 1957].

Убыхские предки Лидер Эршан в лице прадеда Черкеса Хасан-эфенди и его семьи в XIX в. перебрались из села Вардане возле современного города Сочи Краснодарского края в Османскую империю, вместе с другими многочисленными мухаджирами с Кавказа они прошли через трудности переселения и устройства новой жизни на новом месте, терпеливо перенесли социальные потрясения, вызванные войнами на Балканах и Первой мировой, строительством Республиканской Турции. Лидер Эршан — представительница тех редких черкесов в Турции, которые вопреки ассимиляционной политике правительства сумели сохранить родной язык, кавказские традиции быта, гостеприимства, и вместе с ними ностальгию и живой интерес к родине предков. Ее творчество обращено в прошлое и соткано узорами услышанных в детстве легенд и мифов горцев, главные героини ее произведений воплотили в себе идеальные качества, присущие воспеваемому в мировой литературе образу черкешенки как эталону внешней и духовной женской красоты.

Появление черкесских женщин на турецкой земле исторически связано с такими факторами, как мухаджирство, легитимная торговля рабами и наличие института гарема, т. е. с практикой содержания наложниц[1] в Османской империи. Хотя контакты между османами и кавказцами существовали и ранее, они заметно активизировались в XIX в. на пике российской экспансионистской политики на Северном Кавказе, вынуждавшей местное население массово покидать родные земли. «Горцы издавна имели преувеличенное представление о могуществе султана и о богатстве Турецкой империи, — пишет русский автор XIX в., — в своей борьбе с Россией они постоянно рассчитывали на турецкую помощь и до известной степени получали ее. При турецком дворе постоянно фигурировали черкесские князья, а в гаремах — черкешенки. Часто те и другие отлично устраивались в Порте и, иногда получая большую силу, приглашали к себе оставшихся в горах родичей; такие временщики не находили слов для описания прелестей жизни в Турции» [Абрамов, 1927, с. 32]. В доступных источниках на турецком языке количество черкесов, прибывших в Османскую империю в период с 1855 по 1866 гг., колеблется от 595000 до 1008000 человек [Toledano, 1994, с. 127].

В последние столетия существования Османской империи, когда войны заканчивались не в ее пользу, и живой товар в виде трофея из Африки и Европы постепенно перестал доставляться на невольничьи рынки Стамбула, кавказцы, спасаясь от русских казаков, вольно или невольно становились как поставщиками рабов, так и самим «товаром» для подобных рынков. Из-за затянувшейся войны с черкесами Россия была абсолютно «безразлична» к работорговле между Кавказом и османами [Toledano, 1994, с. 117]. В российской и зарубежной литературе второй половины XIX в. довольно распространенным было мнение о «сильном черкесском влиянии в гаремах, так как все знатные паши имеют у себя самых красивых черкешенок». Однако в русской армии во время военных карательных экспедиций в горы захват в качестве трофея женщин-горянок также стал обычной практикой, а масштабы пленения были настолько большими, что издавались в соответствии с российскими законами специальные указы в отношении горских женщин-пленниц (см.: [Мутиева, 2017]). В первой половине XIX в. русская столичная знать проявляла интерес к кавказским женщинам, покупая их в качестве экзотического товара. «Восточные женщины становились для русских дворян своеобразным финансовым вложением, которых в последующем могли еще и весьма выгодно перепродать. Что касается горцев, то они в период Кавказской войны, используя тактику быстрых маневров, совершали набеги на приграничные станицы и военные городки. Главной целью набега становилось возмездие, а следствием этого — захват пленных, которых затем продавали или обменивали на попавших в русский плен горцев» [Мутиева, 2017, с. 49]. История Российской империи знает немало имен черкесских женщин, ставших женами видных политических и общественных деятелей. Достаточно назвать одно из них — Гошаней (в крещении — Марии) Темрюковны Идаровой, дочери верховного князя и первого дипломата Кабарды Темрюка Идарова. В пятнадцатилетнем возрасте ее выдали замуж за русского царя Иоанна Васильевича (Ивана Грозного). «Летописные источники говорят о поразительной силе жертвенной

[1] В Османской империи термин «раб» (köle) не употреблялся, вместо него существовал военный термин «невольник», «пленник» (esir), использовавшийся и в отношении гражданских лиц. «Рабские рынки» назывались «невольничьими рынками». В отношении невольных женщин употреблялось обобщающее слово «наложница» (cariye).

любви, позволившей ей до самого смертного часа оставаться верной своему безумному мужу, интересам родной ей Кабарды и России» [Алхасова, 2013, с. 80]. Родной брат Гошаней, после крещения ставший князем Михаилом Темрюковичем Черкасским, занял особое место в структуре государева двора как выдающийся военный деятель.

По мнению отдельных исследователей, порабощению черкесов османами способствовали такие причины, как существование в черкесском обществе наследственной рабской касты и последующая потеря контроля над рабами со стороны хозяев; бедность; стремление родителей обеспечить лучшую жизнь для своих детей [Doğan, 2010]. Дореволюционные авторы обращали внимание и на другие причины, порождавшие рабство: «Частые неурожаи тогдашних времен заставляли некоторых во избежание голодной смерти целого семейства продавать или менять на хлеб одного семейного сочлена. Часто случалось, что проданный таким образом человек не выкупался и оставался навсегда рабом»; и, наконец, «то же самое делалось в случае несостоятельности должника» [Великая, 2011, с. 38]. На Северном Кавказе конкурирующие между собой семьи и племена нередко захватывали в плен детей, не делая различий между ними, и продавали их в качестве рабов османским купцам на побережье Черного моря. Существовал класс грабителей-работорговцев, которых именовали по-особому — «тугуруги». В романе «Одинокий всадник» Тембота Керашева (1902–1988) речь как раз идет о налетчиках, занимавшихся грабежами, конокрадством и работорговлей. По подсчетам османского правительства в 1867 г. из черкесских иммигрантов, находившихся в империи, 150000 человек находились в статусе невольника. Наибольшее количество рабов в Турцию поставляли убыхи, имевшие на этой почве тесные торговые отношения с турецкими работорговцами [Блиев, 2011, с. 37]. Автор исследования истории работорговли в Османской империи Э. Толедано особо подчеркивает, что свободные черкесы из среды мухаджиров при нормальных условиях поселения не продавали своих детей в рабство [Toledano, 1994, с. 157].

Возможность быть проданными в Турцию, Египет, арабские страны казалась дочерям бедствующих семей одним из возможных путей спасения от нищеты, ожидавшей их после замужества у себя на Кавказе. Были случаи, что дочерей в гаремы приводили и сами родители, зная, что жизнь их дитя будет устроена, что после адаптации и обучения их выдадут замуж, в худшем случае оставят в роли прислуги в богатом доме. Но не все девушки могли попасть в гарем. Во дворец султана брали только «здоровых и красивых девушек около 14 лет, которые не говорили по-турецки и не освоили турецких обычаев». Вероятно, это было связано с тем, что дворец хотел дать им наилучшее образование, достойное османского высшего сословия, и избежать влияния обычаев низшего класса, «нарушающих» культуру поведения девушек. Ответственные за доставку наложниц чиновники считали, что таких девушек можно найти среди выходцев с Кавказа. При выборе «предпочтительными свойствами считались светлые волосы и голубые глаза» [Toledano,1994, с. 155].

Черкесские девушки находились не только во дворце султана: они также украшали особняки многих высокопоставленных чиновников; приобретение черкесской одалиски[2] и женитьба на черкешенке в то время стали модными явлениями среди знатных пашей, не жалевших денег на их образование и воспитание. Туркам

[2] Одалиска — от турецкого слова *oda* (комната) — *odalık*, обозначающего прислужницу в комнатах, горничную.

несложно было заметить, что в отличие от женщин других народностей черкешенки обычно избегали дворцовых или семейных интриг, в них не было коварства и жадности, воспитанные в соответствии с восточной патриархальной культурой эти девушки славились как уважительные, послушные и расторопные домохозяйки (см. например: [Dogan, 2010, с. 85–86]). Черкесские женщины, достигавшие успеха в ведении домашних дел, становились нянями, воспитательницами детей и обычно пользовались уважением среди всех членов семьи.

Женщины, купленные на невольничьем рынке и попавшие в частные дома, имели разные статусы: *cariye* (наложница), *halayık* (прислуга), *kalfa* и *kahya* (старшие над служанками, присматривающие за их работой), *odalık* (одалиска), *acemi* (неопытная прислуга, только что поступившая на службу), *dadı* (няня); а малолетние девочки могли быть приняты как *evlatlık*, т. е. приемный ребенок, *besleme* (девочка, воспитываемая с целью устройства в прислугу), или *ahiretlik* (девочка, воспитываемая чужими людьми ради получения благословения Аллаха). Хотя эти статусы отличались лишь в деталях, невольницы после рекомендации себя с положительной стороны обычно становились своего рода членами семьи [Özbay, 2012, с. 4]. Важным доказательством сказанного является традиция выдачи черкешенок замуж, как положено, с приданым. Браки совершались по сватовству со стороны или с прислугой того же знатного дома: с садовниками, поварами и кучерами, в виде приданого, кроме домашней утвари, одежды, украшений, причислялась также некоторая сумма — таким образом, в старости эти женщины не оставались без опеки. Если же они не выходили замуж, то до конца жизни семья отвечала за их пребывание в доме, и лишь в редких случаях они лишались крова и ухода. Например, в романе «Перихан из Аксарая» Суат Дервиш приводит образ пожилой черкешенки Гюльтер, всю жизнь прослужившей в семье главного героя, но с приходом в дом молодой хозяйки вынужденной перебраться в деревню и умереть в нищете.

Если черкесские красавицы не выходили замуж официально, они преимущественно становились одалисками, т. е. представлялись на удовольствие пашей и их отпрысков. Разумеется, турецкие жены и матери знали об увлечениях своих мужей и сыновей, и не очень одобряли подобную практику, но, с другой стороны, она давала определенную гарантию того, что мужчины не гуляют «на стороне», не ходят в публичные дома и не заражаются венерическими болезнями. Важно и то, что хозяин дома принимал рожденных от одалисок детей как родных [Parlatır, 1992, с. 179].

В женской части дома, называемой «гарем», находились все жены, одалиски, служанки, дети обоего пола и родственницы супругов. Социальные связи внутри гарема, отделенного от мужского общества, создавали особый мирок с сильной и влиятельной атмосферой: здесь женщины управляли женщинами, искали и пробовали разные способы влиять на внешний мужской мир, определяли характер и методы воспитания сыновей [Toledano,1994, с. 233]. «Впрочем, черкешенки в гаремах живут далеко не так счастливо, как они воображали, — пишет журнал «Нива» за 1871 г. — Им приходится жить взаперти, терпеть от ревности между турчанками, с которыми они никогда не могут сойтись. Эти последние очень строптивые и не прочь восстановить своего хозяина против чужой женщины» [Торг черкешенками в Константинополе, 1871, с. 299].

Черкесские мужчины считались одними из самых надежных служащих османского дворца. Например, основной контингент частной гвардии Абдулхамида II состоял из черкесов, большинство армейских командиров было черкесского происхождения. Достаточно упомянуть имя некоего Фуат-паши, прославившегося своей необузданной смелостью и получившего прозвище «Дели» (безрассудный, сумасшедший). Существует история о том, как черкесские парни обратились к нему с просьбой «выступить посредником, чтобы освободить девушек во дворце», поскольку для молодежи это было вопросом чести: в их представлении черкесские девушки, жившие в гаремах, имели статус сексуальных рабынь, что очень задевало их гордость. Выслушав их, Фуат-паша ответил так: «Вы знаете, что я тоже злюсь на Абдулхамида. Но имейте в виду, в отношении женщин он настолько честен и благороден, что девушки, находящиеся у него во дворце, такого уважения и безопасности не смогут найти даже в доме своих отцов. Боюсь, если он и освободит этих девушек, послушавшись нашей просьбы, они ведь останутся на улице, поскольку их не возьмут крестьяне, они тоже не пойдут за крестьян или торговцев (поскольку они не приучены к тяжелой работе. — *А. С.*). Но уважив вашу просьбу о вопросе чести и совести, попробую обратиться к султану» [Şenol, 2016, s. 45].

Неизвестно, общался ли Фуат-паша на эту тему с султаном, но вопрос вскоре разрешился положительно, а распаду османского гарема способствовали младотурецкая революция и принятие очередной международной конвенции о борьбе с торговлей рабынями. К началу XX в. черкесское рабство в Османской империи продолжало сохраняться практически исключительно в его гаремной форме в среде высших слоев общества. Согласно докладу правительства от 1 апреля 1913 г., общее число рабов и рабынь в стране к этому времени уже не превышало 2 тыс. человек [Чочиев, 2019, с. 86].

Исследователь Норман Пензер называет 1909 г., когда был свержен Абдулхамид II, как последний год существования султанского гарема. Он приводит воспоминания очевидца «первого и последнего публичного появления» обитательниц гарема Фрэнсиса Маккулла: «Из множества двигавшихся по улицам города в эти дни скорбных процессий, сопровождавших падение былого величия, одной из самых печальных была процессия женщин из гарема султана, перебиравшихся из Йылдыза во дворец Топкапы. Этих несчастных в возрасте от 15 до 50 лет было так много, что для перевозки их вместе с прислужницами потребовался 31 экипаж. Часть женщин была отправлена в Старый Сераль в Стамбуле, но этот дворец первых султанов пришел в такое ветхое состояние, что был признан неподходящим для их проживания, и дамы были возвращены в Йылдыз. В конце концов, их всех собрали в Топкапы и устроили там самое необычное мероприятие, которое когда-либо проводилось в стенах этого дворца. Общеизвестно, что большинство женщин в гаремах турецких султанов были черкешенками — благодаря природной красоте женщины этой национальности ценились очень высоко и соответственно стоили очень дорого. Поскольку гарем Абдул-Хамида в этом плане ничем не отличался от других, правительство Турции телеграфировало в деревни черкесов в Анатолии, уведомляя о том, что семьи, чьи представительницы находились в гареме бывшего султана, могут забрать своих родственниц домой независимо от того, были девушки первоначально проданы в гарем собственными родителями или же, что тоже периодически случалось, были уведены из родного дома силой. И вот в Константинополь двинулись толпы горцев-черкесов в

живописных одеждах; в установленный день их всех впустили в старый дворец Топкапы. Там в присутствии специальной комиссии их проводили в длинный зал, целиком заполненный наложницами, кадинами и одалисками свергнутого султана. Женщинам разрешили открыть лица. Последовавшая за этим сцена была невероятно трогательной: дочери падали в объятия отцов, которых не видели много лет, сестры обнимали братьев, а бывало и так, что родственники, никогда прежде не встречавшиеся, могли установить свое родство только путем долгих выяснений и воспоминаний. Внимание свидетелей этой необычной сцены не мог не привлечь контраст между нежным цветом лица и дорогими нарядами женщин и грубой, обветренной кожей приехавших за ними бедно одетых горцев; было заметно, что в некоторых случаях родных просто ошеломили красота, утонченные манеры и богатые одежды их соплеменниц. Однако складывалось впечатление, что последние были очень рады уехать из дворца, и, как правило, не теряя времени, они собирали свои вещи и покидали его, иногда после нежного прощания с другими одалисками. Так получили свободу 213 невольниц» [Пензер, 2007, с. 9–10]. По инициативе черкесских обществ часть девушек была отправлена на родину.

В турецкой литературе романтические образы одалисок заняли устойчивое место в сочинениях периода Танзимат (1839–1876) и после него. Наиболее ранними произведениями о черкесских наложницах можно назвать рассказ Эмина Нихат-эфенди «Приключения Фаик-бея и Нуридиль-ханум» (1871), романы «Сергюзешт» (Приключение, 1889) Самипашазаде Сезаи, где излагаются злоключения украденных из Черкесии красавиц, и «Интибах» (Прозрение, 1876) Намыка Кемаля об одалиске Диляшуб, пожертвовавшей жизнью ради любимого человека. В рассказе «Неволя» (1874) Ахмета Мидхат-эфенди повествуется о любви между молодым черкесом, выполнявшим по дому разные поручения, и черкешенкой, взятой в дом наложницей. Хотя их господин разрешает им пожениться, финал романа также трагичен. В романе «Зехра» (1896) Назыма Набизаде, в рассказе «Вуслат» (Встреча) Мехмета Экрема Реджаизаде черкесские наложницы становятся жертвами зависти и коварства. В подобных сентиментальных опусах эпохи Танзимат, авторы которых не всегда являлись потомками кавказских мухаджиров, образы наложниц преимущественно приводились ради организации увлекательного сюжета: в сугубо мусульманском обществе, где проявление «свободных» отношений между мужчинами и женщинами было строго регламентировано, выбор ситуаций для создания любовных историй был невелик, поэтому одной из наиболее удобных и реалистичных форм для развития любовного сюжета становилось описание чувственных отношений с наложницами-красавицами, находящимися всегда рядом с героями. Турецкие литературоведы также отмечают, что тема наложниц в романах периода Танзимат еще не поднимается как конкретная социальная проблема, а скорее «являет собой основу для описания романтических, меланхолических эмоций» [Gökçek, 2000 с. 129]. Такие произведения нередко способствовали распространению в мировой литературе массовых профанных стереотипов «о потаенных эротических таинствах Востока».

Ученые из Адыгеи собрали обширный материал высказываний о черкешенках и восхищенных их изяществом и грацией описаний русских, европейских и восточных авторов (см.: [Сукунов, Сукунова, 1992]). Правдивость их оценок подтверждается и такими фактами, что первая и, кажется, единственная женщина в Турции, завоевавшая

титул «мисс мира» (1932), была черкешенка Кериман Халис, получившая от самого Ататюрка фамилию Эдже. А другая черкешенка — Тюркан Шорай — признана непревзойденной «султаншей» в истории турецкой кинематографии.

Уже первые авторы, писавшие о наложницах, прежде всего Ахмед Мидхат, обращали внимание на то, что понимание плена и свободы в Османской империи кардинально отличалось от западной эксплуатации рабов, т. е. турки обращались с невольницами подчеркнуто гуманно, давали им образование и воспитание, освобождали их и брали в жены. Известно, что во дворце было немало черкесов, достигших даже статуса визиря или зятя султана. В романе «Фелатун-бей и Ракым-эфенди» А. Мидхат подробно описывает изучение турецкого и французского языков черкесской девочкой Джанан (черкешенки в Турции лишались данных после рождения имен и получали от господ новые имена, преимущественно арабского происхождения). К тому же невольницы обучались домоводству, рукоделию, кулинарии и т. д.

Тем не менее у каждой невольницы была своя история и своя печаль. Турецкая писательница XIX в. Сельма Рыза-ханум в романе «Ухуввет» (Родство, 1892) сумела передать трагедию молодой черкешенки, которую разлучили с ребенком, рожденным от хозяйского сына [Aytaç, 2000, с. 78]. Реалистичными картинами представляются истории, написанные поэтами — сыновьями черкесских наложниц. Например, в элегии «Моя мать» (1913) турецкий классик Абдулхак Хамид Тархан (1852–1937) рассказывает историю покойной матери Мунтехи Насиб-ханум, проданной в османский дворец и завоевавшей своей красотой сердце знатного ученого Хайруллах-эфенди. Поэма «Печаль матери» Хамдуллаха Субхи Танрыовера (1885–1966) также носит автобиографичный характер и передает душевную драму бывшей наложницы Ульфет-ханум. Проданная в 11–13-летнем возрасте на невольничьем рынке Стамбула, Ульфет попала в гарем Абдуллатифа Субхи-паши, и первым, что поразило ее в доме господина, стало то, что молодые и прекрасные невольницы (более десяти) содержались в невероятной чистоте и порядке. Они ухаживали за грязной «бедной девочкой-сироткой» и вскоре заменили ей мать и сестер, для правдоподобности «изображая себя тоже черкешенками». Ульфет провела среди них несколько лет без печали и забот, ее звонкий смех был слышен по всему дому, она настолько привыкла к Стамбулу, что стала называть его «второй родиной». Наступил день, когда паша пришел к повзрослевшей Ульфет и сообщил о решении жениться на ней, и девушка согласилась стать третьей законной женой Субхи-паши. Однако замужество неожиданно стало для Ульфет-ханум началом тревожных дней и бессонных ночей, она лишилась душевного спокойствия из-за травли старших жен, чьи «ядовитые стрелы ранили ее сердце». Для чистой и наивной Ульфет, впервые столкнувшейся с ревностью и завистью, это были самые трудные годы жизни. Недолго длилась и радость молодой матери после рождения первенца — после его гибели она потеряла интерес к жизни. Окончательно разбились мечты героини, когда умер и второй младенец: «Seneler geçti lâkin evlâdım / Şimdi hâlâ kırık kolum, kanadım» («Прошли годы, сын мой, а у меня до сих пор сломаны крылья»), — сокрушается мать в беседе с сыном-поэтом [Kılıçkaya, 2011, с. 432]. От жен и наложниц у паши родились двадцать три (!) ребенка: из одиннадцати мальчиков Хамдуллах Субхи был самым последним. Драматичную историю своего рождения поэт впервые слышит из уст матери: уставшая от склок и сплетен старших соперниц, к которым она должна была обращаться уважительно «султан», уже не юная Ульфет желает тайно избавиться

от будущего ребенка. Темной ночью одна в своей комнате она держит в руках заранее приготовленное зелье, но никак не решается его выпить. Автор пространно описывает момент раздумий матери: она открывает окно и прислушивается к природе, призывающей ее к добросердечности, чувствует, как с неба нисходит на нее божественная благодать, и, наконец, задает себе вопрос: «В чем же вина у бедного дитя?». Длившаяся долгие годы печаль матери стихает лишь после этих признаний и искренней беседы со взрослым сыном, у которого она просит прощения.

Тема невольниц в литературе до начала XX в., разумеется, обширна; интересующимся ею литературоведам будет полезно специальное исследование Исмаила Парлатыра [Parlatır, 1987]. К сожалению, из черкесской диаспоры в Турции вышло немного писательниц: упомянем имя прекрасной Зубейдет Шхаплы (1909–1979) — дочери известного генерала турецкой армии Османа Ферид-паши Шхаплы и Нефисет-ханум — внучки шейха Шамиля. Ее книги «Абрек» («Кавказская любовь»), «Рабыня», «Последний день Ахульго», «Аул Агой», «Четыре кавказские сказки» переведены на многие языки. Одна из основательниц Общества взаимопомощи черкесских женщин (1919), яркий общественный деятель Хайрие Мелек Хунч[3] (1890–1963), происходившая из убыхской семьи, оставила после себя литературные и публицистические произведения. В сентиментальном романе «Печаль девушек» («Zühre-i Elem», 1910) Хайрие Мелек создает настоящую оду черкешенке, вдали от родины сохранившей в душе великую любовь к Кавказу. «Если б ты знала, какая достойная женщина была твоя мать! — говорит молодой офицер Осман Хади двоюродной сестре Бериа. — Каждое слово, исходящее из ее чистых уст, мне казалось божественной мелодией; я любил ее как мать, как сестру, как ангела. Именно у нее я впервые научился любить свою священную родину, если понадобится, жертвовать ради нее жизнью; я чувствую, как та глубокая, омытая горькими слезами рана в ее душе, кровоточит и у меня в сердце… Эта рана — наш бедный и любимый Кавказ с его голубым горизонтом, великолепными лесами, атмосферой свободолюбия». Поскольку рано оставшаяся сиротой Бериа не знает родного языка, она не понимает черкесских песен, которые поет ей Осман, тем не менее под его влиянием Кавказ и мать становятся для нее тождественными, и в ее душе усиливаются национальные чувства: «Кавказ! Это имя для меня означает великолепные леса, быстрых и ловких статных всадников с длинными мечами, красивых стройных женщин со светящимися от радости лицами; счастливая страна с чистым небом, где довольные жизнью селяне работают под сияющим солнцем. Но позже я стала представлять эту райскую страну залитой потоками крови!» [Yiğitler, 2019, s. 584].

Будучи активным участником черкесского национального движения, Мелек Хунч поддерживала и освободительную борьбу турецкого народа, выступала вместе с Халиде Эдип, Муневер Сайме и Зелихой Осман на стамбульских митингах протеста, проведенных в мае 1919 г. после греческой оккупации Измира. Однако после окончания Балканских войн, когда наблюдалось быстрое распространение националистических идей среди османской интеллигенции, во взглядах Хайрие Мелек происходит некоторое смещение с позиций феминизма в сторону черкесского национализма. Это можно объяснить несколькими причинами: в 1921 г. закрывается либеральный журнал

[3] О Хайрие Мелек Хунч см.: [Toumarkine, 2013].

«Мир женщин», основанный в 1913 г. первой черкесской журналисткой-феминисткой Ульвие Мевлан (Чивелек) (1893–1964), в 1923 г. после подписания Лозаннского договора, пересмотревшего статус национальных меньшинств в Турции, запрещаются черкесские общества и школы, где обучали родному языку. Возрождающаяся Республика подавляла любое выражение нетурецкого, особенно черкесского национализма, в связи с тем что часть черкесской общины была вовлечена во внутренние бунты под руководством Черкеса Этхема. Лица, попавшие в «черный список», составленный Кабинетом Министров Турции и подписанный Ататюрком, состоял из 150 человек, большинство (86 человек) из них были черкесами. Черкесов лишили гражданства, прав на собственность и наследства в Турции. Деятельность турецких феминистских организаций в стране также сошла на нет. В период, когда всякая этнокультурная и гендерная активность рассматривалась как сепаратизм, публикации Мелек Хунч находились под надзором цензуры, тем не менее в 1927 г. ей удалось опубликовать во французском журнале аллегорический рассказ «Крик стервятника» (“La Voix du Vautour” (Akbabanın Çığlığı)). Назовем и имена ее соратниц по Обществу поддержки черкесских женщин: Макбуле Берзег, Эмине Решид Залыко, Сеза Полар, Фаика Улагай и др.

Еще одна представительница убыхской диаспоры в Турции Нимет Арзык (1917–1989) — автор трилогии «Одинокий конь, одинокое копье» («Tek At Tek Mızrak»), публицистического произведения «Султанши-иностранки в османском дворце» («Osmanlı Sarayında Yabancı Kadın Sultanlar»), также освещала проблему черкесского невольничества. Небезынтересно и то, что большинство из этих женщин являлись выпускниками французского лицея в Стамбуле *Notre Dame de Sion*, т. е. были высокообразованны и знали несколько иностранных языков и европейскую литературу.

Нам не удалось подтвердить черкесское происхождение одной из основательниц турецкого феминисткого движения, писательницы и журналистки Незихе Мухиддин (1889–1958), автора мощной по эмоциональности повести-новеллы «Мое “я” принадлежит мне!» (“Benliğim Benimdir!», 1929), где она вывела черкешенку, сопротивляющуюся судьбе, предопределенной для нее другими, пусть даже с добрыми намерениями.

«Я черкешенка», — начинает свою историю главная героиня Зейнеп. С первых строк она безжалостна к самой себе: «Я вор, убийца, я блудница. Но все называют меня госпожой, потому что у меня есть бриллианты, превосходная дача в Буюкада, шикарный дом в Эренкёй, великолепный особняк в Шишли. Все с уважением кланяются мне, чуть ли мне не поклоняются. Потому что я прекрасна, а мое очарование пленит их сердца и вызывает молнии в глазах!»

Зейнеп объясняет причины, по которым стыдится быть черкешенкой: в юности, когда она еще жила дома, молодые девушки из ее аула, собираясь по вечерам, делились планами на будущее и с нетерпением ожидали «грядущих событий», поскольку в розовых мечтах их похищали и продавали. Одна лишь Зейнеп гневно отвергала такое будущее:

« – Это и есть счастье?! Глупышки!..

– Конечно, счастье! Самое большое!.. Какой еще награды ты ожидаешь за свою красоту?

– Если за красоту такая награда, то я бы предпочла быть уродиной!

–Тогда тебя ожидает черная судьба!..

– Как это?

– Как? Вместо лошадей, машин, бриллиантов и изумрудов — служить чужим людям, не покладая рук, — вот как!..

– Значит, по-вашему, быть проданной и есть судьба?

– Конечно... Иначе зачем тебя воспитывают родители?».

Все-таки проданная (родителями за сто золотых монет) юная Зейнеп не скрывает своей обиды: «Я испытала ужас и ненависть к матери и отцу, надевшим мне на руки первые рабские цепи! Ненависть к самым близким как к заклятым врагам так глубоко ранила мою душу, что гнойник этой первой ненависти до сих пор дает о себе знать в моем сердце!..» [Muhiddin, 2006, s. 60].

Зейнеп была не одинока в своих чувствах. Подобный случай приводится и в очерке журнала «Нива»: «Однажды у ворот дворца, в котором жила вторая супруга прежнего султана Абдул Меджида, появился старый черкесский простолюдин. Он говорил, что он отец султанши и желает еще раз, прежде чем умереть, взглянуть на свою дочь. Она же дала следующий ответ: "Я не хочу и глядеть на лицо того человека, который решился продать меня в неволю"» [Торг черкешенками в Константинополе, 1871, с. 300]. Это говорила, заметьте, жена султана!

По дороге в Стамбул непокорная своей судьбе Зейнеп, желая утопиться, бросается в бурные воды Черного моря, а позже, в Саматье, куда ее доставляют для продажи на рынке, кидается в сухой колодец в саду, но все тщетно: ее спасают. А продавщицу невольницами Хаджи-ханум, не раз видавшую девушек-самоубийц, не испугать и тем более не разжалобить: она знает по опыту, как быстро кнут «успокаивает» строптивых.

Чувство негодования Зейнеп в отношении родителей постепенно переходит на других: прибывшая с невольничьего рынка в особняк Нусратуллах-паши, одного из фаворитов султана, она обрушивается на Дильшат-калфу, впервые представившую ее хозяину: «Куда ты убежала, оставив меня одну, коварная женщина?», «Ты, наверное, черкешенка?! Не жди от вас добра! Продавшая меня мать тоже была черкешенкой!..» [Muhiddin, 2006, с. 75]. Зейнеп не любит обитателей дома: «Я стала тем существом, в чьих руках собрана сила великого протеста и ненависти к людям, безжалостно наложившим цепь на мою свободу!» [Muhiddin, 2006, с. 60].

Паша видится наложнице символом системы, разлучившей ее с семьей и вынудившей принять навязанную судьбу. Тем не менее Нусратуллах-паша дает ей образование, она изучает языки, играет на фортепиано, постепенно постигает тонкости жизни дворца и знатных домов на Босфоре: ее ожидает та самая вымечтанная подругами «полная великолепия жизнь». До взросления Зейнеп никто не трогает: ей полагается лишь «потирать страдающие от ревматизма колени паши, а тот трясущимися руками ласкает ее волосы». В том же особняке живет сын паши, скрытый младотурок Феррух, именно он спасает Зейнеп, когда паша, наконец, решает, что настало время воспользоваться ее услугами. Однако вскоре Ферруха арестовывают за антиправительственную деятельность, и тогда оставшаяся без защиты Зейнеп, прежде чем стать невольной любовницей паши, решает сама себе: «Моя самость принадлежит мне! Ты забираешь мое тело, но не сможешь взять меня!». К этому времени паша объявляет, что имеет над ней законную власть, поскольку оформил с ней брак (*никях*) —

разумеется, без ее согласия. Однако Зейнеп продолжает борьбу и настойчива в доказательстве того, что у нее есть «право на свое “я”», единственным инструментом для мести остается ее целомудрие: до первой брачной ночи она добивается тайной встречи с молодым человеком из соседнего дома…

Несмотря на все происшедшее и незаконную беременность, паша не отказывается от Зейнеп. Но однажды ночью раздается громкий стук в дверь особняка: это люди в униформах пришли забирать пашу — в стране изменился порядок, старые кадры арестовывают и отправляют в ссылку. Поняв, что пришла и ее свобода, Зейнеп, не раздумывая, указывает на спрятавшегося пашу, и тот погибает во время потасовки. Однако даже после смерти паши молодая вдова, оставшаяся с огромным богатством, не может освободиться от ненависти к мужу.

«Когда я представляюсь черкешенкой, лицо мое наливается краской... Мне стыдно за себя... даже отвратительно! Потому что не смогла побороть эту проклятую судьбу!.. Я беспомощно сдалась...». Так чувство нереализованной мести Зейнеп постепенно оборачивается обидой на саму себя. Она бессильна перед мыслью о том, что у женщин нет ничего, кроме тела и красоты.

Интересен финал повести. Зейнеп выражает преданность своему ребенку так: «После стольких пережитых жестокостей у меня есть сын! Теперь он выше меня!.. Я делаю все, что он хочет, он властвует над каждой клеткой моего сердца!! [...] И я счастлива отдать ему ту свою самость, ради которой билась, терпела мучения и не поменяла даже на бесценные бриллианты!» [Muhiddin, 2006, s. 113].

Часто в романах на фоне «бедных», податливых невольниц бездушными и жестокими выглядят не хозяева, а их ревнивые жены; возможно, этим объясняется — наряду со смиренностью и безмолвностью черкесских невольниц — таящаяся в их хрупких телах сила духа: они никому не показывают слезы, умеют хранить печаль в душе. Эта черта была отмечена еще автором «Сергюзешт» Самипашазаде Сезаи и подчеркивается в романе «Черкешенка Сетенай», вышедшем в 2019 г. В романе «Безрассудная» (Çılgın Gibi) Суат Дервиш также создает тип черкешенки, умеющей «держать чувства на замке», особенно печаль и горе, никогда ни на что не жаловаться и не плакать. Не умея управлять доставшимся от богатого мужа наследством, овдовевшая в преклонном возрасте доверчивая женщина становится легкой добычей хитрого «друга семьи».

Вернемся к роману «Черкешенка Сетенай», главную героиню которого Лидер Эршан назвала в честь богини огня, прославленной в нартовской мифологии умом и мудростью. В самые тяжелые моменты жизни богиня снится Сетенай, в восьмилетнем возрасте украденной вместе со старшей сестрой Гошенай, и подсказывает ей выход. Роман охватывает довольно большой период истории Османской империи, на фоне революционных и военных событий начала XX в. прослеживается полная тревог и забот жизнь Кысмет — такое имя получила Сетенай в доме Надир-паши. Разлученные на невольничьем рынке сестры находят друг друга только на склоне лет. В финале Кысмет покидает бренный мир в кругу любимых людей, с умиротворением смотря на фотографию внучки, так же, как и она, названной именем богини огня. Роман Л. Эршан является наиболее «свежим», но не единственным произведением современности, посвященным теме черкесских женщин. Он содержит в себе «выжимки» многих эмоциональных и психологических моментов, имевших место в указанных выше

произведениях: соблазнение сына хозяина и рождение от него ребенка, неприятие героини как члена семьи и отдаление от младенца, представление ее собственному ребенку в виде простой «кормилицы» и т. д.

На примере духовной жизнестойкости двух сестер Гошенай и Сетенай писательница обращает внимание турецких читателей на прекрасный и трагический образ черкешенок, волею судеб оторванных от корней. Эти две сестры воплощают два разных типа кавказских красавиц: Гошенай — светловолосая с голубыми глазами и Сетенай с черными как угли глазами и с темными кудрями; после продажи первая попадает во дворец, а младшая в прислугу-*халайик* в дом богатого паши. Обе женщины показаны как верные хранительницы семейного очага: чуткость, смиренность и материнская мудрость Сетенай не дают ей озлобиться на судьбу, а Гошенай, выданная замуж за офицера-инвалида, даже в нищете не оставляет мужа и его больную сестру, она, бывшая когда-то придворной дамой (*saraylı kadın*), чтобы прокормить себя и близких, устраивается чернорабочей в табачную фабрику.

Своим творчеством и социальной активностью этническая черкешенка Лидер Эршан пытается поддержать национальный дух соплеменников в турецкой диаспоре, призывает их остаться верными кавказским традициям и наследию предков.

Литература / References

Абрамов Я. *Кавказские горцы*. Краснодар, 1927 [Abramov Ia. *Caucassian Mountains*. Krasnodar, 1927 (in Russian)].

Алхасова С. Черкешенка в истории России. *Родина*. 2013. № 2. С. 80–81 [Alkhasova S. Circassian women in Russian history. *Rodina*. 2013. Pp. 80–81 (in Russian)].

Блиев М. *Черкесия и черкесы XIX века. Краткий очерк истории*. М., 2011 [Bliev M. *Circassia and Circassians of the 19th century. A brief historical overview*. Moscow, 2011(in Russian)].

Великая Е. В. Борьба Российской администрации с работорговлей на Северо-восточном Кавказе в первой половине XIX века. *Научные проблемы гуманитарных исследований*. Вып. 10. 2011. С. 37–42 [Velikaia E. V. Struggle of the Russian administration against slave-trade in the North East Caucasus in the first half of the 19th century. *Nauchnye problemy gumanitarnykh issledovanii*. 2011. 10. Pp. 37–42 (in Russian)].

Дервиш С. *Фосфорическая Джеврие*. М., 1957 [Dervish S. *Phosphoric Cevriye*. Moscow, 1957 (in Russian)].

Мутиева О. С. Женщины как объект пленения и работорговли в контексте Кавказской войны. *Вестник Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова*. Серия «Общественные науки». 2017. № 3. С. 47–51 [Mutieva O. S. Women as an object of captivity and slave trade in the context of the Caucasian War. *Vestnik Severo-Osetinskogo gosudarstvennogo universiteta im. K. L. Khetagurova*. 2017. 3. Pp. 47–51 (in Russian)].

Пензер Н. *Гарем. История, традиции, тайны*. Пер. с англ. О. И. Миловой. М., 2007 [Penzer N. *The Harem. History, traditions, secrets*. Moscow, 2007].

Сукунов Х. Х., Сукунова И. Х. *Черкешенка*. Майкоп, 1992 [Sukunov Kh. Kh., Sukunova I. Kh. *A Circassian woman*. Maykop, 1992 (in Russian)].

Торг черкешенками в Константинополе. *Нива*. 1871. № 19. С. 298–300 [Trading Circassian women in Constantinople. *Niva*. 1871. 19. Pp. 298–300 (in Russian)].

Чочиев Г. И. Проблема «черкесского рабства» в поздней Османской империи (вторая половина XIX — начало XX в.). *Международный научно-исследовательский журнал*. 2019. № 4–2 (82). С. 85–87 [Chochiev G. I. The problem of "Cherkess Slavery" in the late Ottoman Empire

(the second half of the 19th — the early 20th c.) *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal.* 2019. 4–2 (82). Pp. 85–87 (in Russian)].

Aytaç G. 19 Yüzyıl Romancılığımızın Nitelikli İlk Kadın Romanı Keşfedildi: Selma Rıza' nın 1892'de Kaleme Aldığı «Uhuvvet». *Türk Yurdu.* Mayıs-Haziran 2000. Cilt. 20: Sayı 153–154. Ss. 77–79 [Aytaç, G. The first professional novel written by a women discovered for the past century of Turkish novel writing: "Bortherhood" (1892) by Selma Rıza. *Türk Yurdu.* 2000. May–June, v. 20, 153–154. Pp. 77–79 (in Turkish)].

Erşan L. *Setenay Bir Çerkes Kızı.* Istanbul, 2019 [Erşan, L. *Setenay: a Circassian girl.* Istanbul, 2019 (in Turkish)].

Erşan L. *Devlet Koydum Adını.* Istanbul, 2020 [Erşan L. *I named her Devlet.* Istanbul, 2020 (in Turkish)].

Gökçek F. Tanzimat Dönemi Roman ve Hikayelerinde Kadın-Erkek İlişkilerinin Düzenlenişi İle İlgili Bazı Tespitler. *Türk Yurdu.* Mayıs-Haziran 2000. Cilt. 20: Sayı 153–154. Ss. 126–132 [Gökçek, F. On the construction of woman-man relationships in novels and stories of the Tanzimat period. *Türk Yurdu, Türk Yurdu.* 2000. May–June, v. 20, 153–154. Pp. 126–132 (in Turkish)].

Doğan S. N. From National Humiliation to Difference: The Image of the Circassian Beauty in the Discourses of Circassian Diaspora Nationalists. *New Perspectives on Turkey.* 2010. 42. Pp. 77–101.

Kılıçkaya D. Hamdullah Suphi Tanrıöver'in "Annemin Derdi" Şiirinde Esaret ve Kadın Meselesi. *Türk Dili. Dil Ve Edebiyat Dergisi.* 2011. Ss. 427–437 [Kılıçkaya D. The issues of captivity and female slavery in Hamdullah Suphi Tanrıöver's "My Mother's Trouble". *Türk Dili. Dil Ve Edebiyat Dergisi.* 2011. Pp. 427–437 (in Turkish)].

Muhiddin N. "Benliğim Benimdir!". *Nezihe Muhiddin Bütün Eserleri II.* İstanbul, 2006. Ss. 57–113 [Muhiddin N. "My self is mine!" *Nezihe Muhiddin's Works.* Vol. II. Istanbul, 2006 (in Turkish)].

Özbay F. Evlerde Ev Kızları — Cariyeler, Evlatlıklar, Gelinler. *Feminist Tarihyazımında Sınıf ve Cinsiyet*, Leonore Davidoff, yayına hazırlayan Ayşe Durakbaşa. İstanbul, 2012 [Özbay F. Housewives in Houses: Concubines, Adopted Daughters, Brides. Durakbaşa A. (ed.). *Class and Gender in Feminist Historiography.* Istanbul, 2012 (in Turkish)].

Parlatır İ. *Tanzimat Edebiyatında Kölelik.* Ankara, 1992 [Parlatır I. *Slavery in Tanzimat literature.* Ankara, 1992 (in Turkish)].

Şenol M. Çerkeslerin Konuş[a]madığı Köleliği. *Mesele Dergisi.* 2016. Kasım № 119. Ss. 44–47 [Şenol M. Circassians' slaves that we can/do not speak. *Mesele Dergisi.* 2016. 119. Pp. 44–47 (in Turkish)].

Toledano E. R. *Osmanlı'da Köle Ticareti (1840–1890).* İstanbul, 1994 [Toledano E. R. *The Ottoman slave trade and its suppression (1840–1890).* Istanbul, 1994 (in Turkish)].

Toumarkine A. Hayriye Melek (Hunç): A Circassian Ottoman Writer between Feminism and Nationalism. *A Social History of Late Ottoman Women.* Leiden, Boston, 2013. Pp. 317–338.

Yiğitler Ş. Ş. Hayriye Melek Hunç'un Eserlerine İslami Feminizm Çerçevesinden Bir Bakış. *Kafkas Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi* Sonbahar 2019. Number 24. Ss. 579–596 [Yiğitler Ş. Ş. An Islamic Feminist Approach to Hayriye Melek Hunç's Works. *Kafkas Üniversitesi Sosyal Bilimler Enstitüsü Dergisi.* 2019. 24. Pp. 579–596 (in Turkish)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-246-262

БАРГИНСКОЕ ВОССТАНИЕ 1928 Г. ЧАСТЬ II. ПЕРЕГОВОРЫ, ПРЕКРАЩЕНИЕ ВОССТАНИЯ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

 С. Л. Кузьмин*

На документальной основе в статье описываются ход восстания в Барге (Хулунбуире) в 1928 г. на этапе его спада, а также переговоры лидеров повстанцев с представителями Китайской республики и Монгольской народной республики. Изначальные причины восстания видятся в том, что в 1920 г. пекинское правительство аннулировало Русско-китайское соглашение 1915 г. по Барге; с тех пор правитель Трех восточных провинций Чжан Цзолинь фактически приступил к ликвидации автономии Барги; китайские власти стали брать в свои руки все источники доходов этого региона; многие сферы администрирования и экономики были изъяты из ведения баргинских властей, под контролем которых осталось лишь управление внутренней жизнью местных кочевников. Важной предпосылкой восстания была также деятельность в Барге большевистских эмиссаров, занимавшихся революционной агитацией в такой форме, которая соответствовала давнему стремлению баргинцев к самостоятельности — на данном этапе, если не к независимости, то к подлинной автономии в составе Китайской республики. Роль «спускового крючка» сыграли обещания оружия и боеприпасов от имени Коминтерна со стороны его официального представителя — И. П. Степанова. Изучение документов показало, что Япония была непричастна к восстанию. Автор приходит к заключению, что восстание потерпело поражение из-за недостатка сил повстанцев и отсутствия помощи со стороны СССР, а затем — Японии. Обсуждаются изменения в деятельности баргинских революционеров и, в частности, их лидера Мэрсэ на заключительном этапе и после восстания.

Ключевые слова: Монголия, Барга, Хулунбуир, Россия, Китай, Маньчжурия, Япония, национально-освободительное движение, восстание 1928 г.

Для цитирования: Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть II. Переговоры, прекращение восстания и его последствия. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 246–262. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-246-262

---

* Сергей Львович КУЗЬМИН, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. KUZMIN, DSc (History), PhD (Biology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Sciences RAS, Moscow; ipe51@yahoo.com

ORCID ID: 0000-0001-9544-1359

THE REBELLION OF 1928 IN BARGA.
PART II: NEGOTIATIONS, FINALE, AND AFTERMATH

Sergius L. Kuzmin

The article, based on documentary evidence, describes the decline of the 1928 rebellion in Barga (Hulunbuir) and negotiations of its leaders with the Republic of China and Mongolian People's Republic. The causes for this rebellion were manifold: In 1920, the Beijing government abolished the Russian-Chinese Agreement of 1915 on Barga; the ruler of the Three Eastern provinces, Zhang Zuolin, began to eliminate the autonomy; Chinese authorities began to take all sources of Barga's income into their hands; areas were removed from the jurisdiction of Barga authorities until only management of local nomads remained under their control. Another important prerequisite for the uprising was the activity of Bolshevist emissaries in Barga, whose revolutionary propaganda specifically targeted Barga people's desire for independence, and promises of weapons and ammunition issued on behalf of the Comintern by its official representative I. P. Stepanov served as a trigger. Japan was not involved in the rebellion. The uprising was ultimately defeated because rebels had insufficient strength, while no assistance was forthcoming either from the USSR or, later, from Japan. The article also discusses how the activities of key Barga revolutionaries, and Mersee in particular, changed in the wake of the rebellion.

Keywords: Mongolia, Barga, Hulunbuir, Russia, China, Manchuria, Japan, Comintern, the rebellion of 1928.

For citation: Kuzmin S. L. The Rebellion of 1928 in Barga. Part II: Negotiations, Finale, and Aftermath. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 246–262. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-246-262

В предыдущей статье [Кузьмин, 2020] я проанализировал подготовку и ход Баргинского восстания 1928 г. до того времени, когда оно зашло в тупик. Теперь обе стороны (баргинские повстанцы и китайцы) все большую роль отводили переговорам о мирном урегулировании. Вначале обе стороны подкрепляли свои позиции военным давлением друг на друга. Китайцы вели переговоры с Мэрсэ и Фуминтаем как руководителями движения. По словам Фуминтая («Хулинтая»), повстанцы вступили в переговоры потому, что Мэрсэ рассчитывал на международные осложнения в связи с восстанием, но его ожидания не оправдались. Переговоры затягивались. Основное соглашение предполагалось заключить в Мукдене. Советское консульство в Хайларе не располагало сведениями о переговорах, но у японцев (резидентура Терады) оставалась хорошая связь с баргут-монгольским ямынем в этом городе, отсутствовавшая у советского консульства [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Вначале китайцы запретили сообщение между Хайларом и МНР, затем разрешили, но товары разрешили вывозить в незначительном количестве. В первые дни восстания и пребывания Ван Фулина в городе Маньчжурия комендант станции Чжалайнор предлагал русским беженцам оружие, чтобы встать в ряды китайских войск. Беженцы уклонились. На время прервалось сообщение Хайлар–Харбин и Хайлар–Маньчжурия: население говорило, что повстанцы разобрали путь; между станциями Чжалайнор и Цаган были незначительные повреждения [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 4–13].

17 августа даоинь прислал в консульство в Хайларе своих сыновей[1]. У города появился отряд баргут-монголов, лояльных ямыню, но их приняли за повстанцев. Выяснилось, что опасности нет. Сыновья даоиня уехали домой. Китайцы стали рыть окопы вокруг города [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

Очевидно, об этих днях в информации ГВО МНР (Государственной внутренней охраны Монгольской Народной Республики) от 22 августа сообщалось, что к баргутам примкнули солоны и орочены; под ружье могут встать до 3000–4000 человек, но вооруженных японскими винтовками без достаточного количества патронов — около 1000 человек, остальные вооружены пиками, топорами или не вооружены, участвуют в движении лишь как вожатые лошадей. Говорили, что Ши-угурда (ухэрида) добровольно присоединился к повстанцам, Ие-угурда вызвал из Хайлара китайских солдат для охраны своей ставки и остался верным властям. Сообщалось, что группа повстанцев из солонов и ороченов под руководством Мэрсэ стремится по горам Хингана проникнуть к линии КВЖД между Хайларом и Цицикаром, чтобы взорвать тоннель и отрезать путь переброски китайских войск через Хинган. По слухам, Мэрсэ заверил повстанцев, что будет получена поддержка оружием со стороны МНР [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 69–73].

Еще 8–9 августа в Улан-Батор прибыла делегация баргинских революционеров, посланная за помощью Мэрсэ и представителем Коминтерна – И.П. Степановым. 11 августа состоялось совещание части членов ЦК МНРП (А. Амар, Х. Чойбалсан, Ж. Гэлэгсэнгэ, Ц. Жамцарано) и агента Коминтерна А. Климова с баргинцами. Амар выразил удивление, что Мэрсэ, Фуминтай и Степанов решили вопрос о восстании, не согласовав этого с руководством МНР. Климов сказал, что момент не благоприятствует восстанию, оно сыграет на руку Японии, охарактеризовал деятельность Степанова в Барге как его личную ошибочную инициативу [Лузянин, 2003, с. 162–163; Мягмарсамбуу, 2018, с. 138]. Однако «местные панмонголисты во главе с Жамцарано» поддержали восстание, была также установлена связь прибывших с «местными японофилами»; член ЦК НРПВМ, японофил Эрхэмбат («Эрхимбато») связывался с Фуминтаем — одним из руководителей восстания [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 51]. В итоге решение членов ЦК МНРП и Климова по восстанию было отрицательным.

15 августа 1928 г. Буянгэрэл и Эрхэмбат направили в Улан-Батор меморандум о том, что уполномоченный Коминтерна обещал съезду баргинской партии помощь: 50000 патронов и 1000 винтовок для поднятия революционного движения. В Улан-Батор приехали представители Барги за советами и помощью, но уполномоченного Коминтерна (Степанова) там не было. Полпред СССР категорически возражал против выступления, а Коминтерн молчал и не давал ответа. Буянгэрэл и Эрхэмбат информировали, что «ныне прекратить революционное движение в Барге трудно, поэтому просьба узнать обо всем в Коминтерне и срочно сообщить». Материал направили полпредству МНР в Москве. На следующий день один из лидеров МНРП Г. Гэлэгсэнгэ направил туда же сообщение: «Поступили сведения, что население Барги перекочевывает на нашу территорию. Отряды баргинских хошунов идут к Хинганскому перевалу с целью захватить туннели и оттеснить китайские войска. Представители

[1] Этот случай в одном советском донесении трактовался как доказательство доверия даоиня и одновременно того, что китайцы были уверены в связях консульства с повстанцами [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Барги в тяжелом положении и просят поддержать оружием. В случае если не будет оказано содействие, Барга не сумеет освободиться. Срочно телеграфируйте ваше мнение» [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 46–47]. Но поддержки они не получили. Узнав о восстании, советский полпред в МНР А. Я. Охтин (Юров) и ЦК МНРП выступили против него, а из Москвы вскоре пришли телеграмма о недопустимости восстания [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 53–58].

Итак, советское руководство было против восстания. 16 августа 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) решило: «а) поручить Молотову и Карахану составить краткую телеграмму ТАСС для печати о хайларском восстании; б) поручить ГПУ срочно расследовать действия Степанова и, в случае надобности, немедленно арестовать его; в) дать директиву нашим органам, близким к этим районам, оказать властям содействие в принятии мер к наиболее безболезненному свертыванию восстания» [Протокол политбюро № 38 от 16 августа 1928 г.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. П. 11. Д. 700. Л. 3]. Но Эрхэмбата и ряд других руководителей арестовали, чтобы скрыть роль Коминтерна в организации восстания [Лузянин, 2003, с. 164].

18 августа Мэрсэ получил письмо даоиня Чжао с предложением заключить 14-дневное перемирие. Он отозвал два своих отряда в Хандгай. Мэрсэ передал желание монгольского населения восстановить автономию [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. Но рытье окопов у Хайлара в тот день продолжалось. Из Харбина прошел первый пассажирский поезд. 19 августа утром из Цицикара прошел эшелон кавалерии (290 сабель), часть направлялась в сторону станции Цаган. Советский консул в Хайларе Аникин посетил даоиня, и тот обещал передать Фан Фулину, что восстание не в интересах СССР, заверил, что не вооружает белых, предложил охрану для консульства, но Аникин отказался [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68].

По свидетельству очевидца, «китайские войска подобно саранче опустошают на своем пути все. Забирают ломовых, легковых извозчиков для вывоза своего скарба и арбузов из вагонов, берут бесплатно сено со дворов населения, отпускают своих лошадей в сады и скверы. Не освобождены от этого и частные квартиры. …В Хайларе Старом городе к китайцам поставили войска на постой с обязательством кормить их… В Монголии [Барге. — *С. К.*] в районе Керулена баргуты ежедневно режут своих баранов для содержания китайских солдат. И это содержание китайских солдат дорого станет баргутам. По имеющимся пока сведениям, китайцы никаких пока репрессий не принимают против баргут, возвращающихся с халхинской границы» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 4–13].

20 августа 1928 г. правительство МНР категорически заявило, что не имеет никакого отношения к событиям в Барге и распорядилось усилить охрану границ [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 102]. ЦК МНРП принял постановление по баргинскому вопросу. Протокол резолютивной части содержит четыре основных пункта: беженцев из Барги принять и дать им убежище; выяснить, кто фактически руководит движением и кто принимает в нем участие; принять меры к тщательному наблюдению за восточной границей, в случае интервенции немедленно сообщить; «идейно поддерживать движение и участвующих в нем революционных товарищей». Была создана чрезвычайная комиссия по восточной границе из трех человек под председательством Дарьжава («Деризап») [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 74].

20 августа Аникину в Хайларе нанес визит Танака — японский консул в городе Маньчжурия. Он сообщил, что от китайских властей к Мэрсэ выехала делегация. 21 августа Аникина посетили фудутун Гуйфу и На-ухэрида. Гуйфу просил его снестись с Улан-Батором, чтобы правительство МНР закрыло границу от перекочевок баргутов, возвратило выехавших от ямыня на ямыньской машине делегатов к Мэрсэ с пятью солдатами, которая почему-то попала на территорию Халхи. Фудутун подтвердил, что к Мэрсэ поехала делегация (Шаолин и Нямжав-гун) и что повстанцев не более 200. Консул заверил фудутуна, что СССР и МНР не поддерживают Мэрсэ[2].

22 августа Танака призвал своих резидентов и советников запастись мукой. Он встретился с белыми [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68]. В тот же день, 22 августа, в Хандгай («Хандалай») к Мэрсэ прибыли для переговоров Нямжав («Нимажап») и Шаолин (по мнению ГПУ, «фактически, подосланные японцами»). При встрече с Мэрсэ они говорили о заинтересованности японцев в этом восстании [ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 37–96]. Повстанцы в качестве предварительных условий для переговоров потребовали восстановить автономию и отозвать китайских солдат [Мягмарсамбуу, 2017, с. 93–94]. Переговоры успеха не имели.

Поскольку идея атак на КВЖД оказалась неэффективной, повстанцы из окрестностей озера Буир-нур под командой Фуминтая сосредоточились на оттеснении людей к западу от реки Аршан и в район монастыря Асарын-сумэ к северу от озера Буир-нур у границы МНР и Барги. Они рассчитывали, что оттесненные к границе люди хошунов Гул-Цаган и Хувут-Шар защитят народ, уже «освобожденный от реакционеров», и организуют стычки, способные вовлечь в конфликт правительство МНР. Перемещения повстанцев в районе Асарын-сумэ в начале сентября были связаны с удержанием баргинского населения у границы Барги с МНР [Atwood, 2002, p. 872; Мягмарсамбуу, 2018, с. 155].

23 августа повстанцы Мэрсэ подошли к монастырю Джанжин-сумэ [Мягмарсамбуу, 2017, с. 93–94]. В тот же день в местности Хунхули в 200 верстах юго-восточнее Хайлара появился китайский отряд кавалерии в 500 сабель. Вернулись Шаолин и Нямжав (результаты поездки неизвестны). 24 августа Мэрсэ просил передать Аникину, что если КВЖД не прекратит перевозить китайские войска в Хайлар, то он взорвет ее в нескольких местах, а консул будет отвечать. 25 августа в консульство СССР в Хайларе приходил за советом представитель фудутуна [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 63–68]. 25 августа Нямжав и Шаолин приехали на переговоры о мире в монастырь Джанжин-сумэ. Их сопровождал представитель правителя Трех восточных провинций — Чжан Сюэлян с советником. Делегации передали требования о восстановлении автономии Барги [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104].

Ведя переговоры, китайцы продолжали наращивать военную силу в Барге. Опасение, что за Мэрсэ стоит МНР, у них оставалось до самой его капитуляции. Этим можно объяснить переброску из Мукдена большого количество войск (по оценке Аникина, не менее 10 тысяч штыков), хотя власти знали о немногочисленности повстанцев, а правительство МНР дважды заявляло о непричастности к восстанию в Барге [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187].

[2] По другим сведениям, Аникин обещал телеграфировать просьбу Гуйфу в Улан-Батор, но через несколько дней ответил, что сначала должен снестись с Москвой, и передал туда его просьбу [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 48–50].

Лишь после 20 августа китайцы начали концентрировать свои войска в районе Хингана, где к 25 августа уже имелось около 1500 человек. Переброска войск с Хингана на запад началась только с 27 августа, когда в Хайлар прибыл первый эшелон китайских войск. В последующие дни стали прибывать более крупные части. Некоторые оставалась в Хайларе, другие следовали дальше, некоторые возвращалась обратно на станцию Бухэду. К началу сентября в Хайлар прибыла 3-я мукденская бригада (12-й и 7-й пехотные полки с 4 орудиями, причем 7-й полк почти весь ушел назад). Прибыло ок. 350 кавалеристов, 150 проследовало в Чжалайнор. Прибыл 1-й полк 3-й запасной бригады. В городе встали солдаты 1-го и 12-го пехотных полков, штаб 3-й бригады. В начале сентября в Хайлар прибыла артиллерия (28 мелкокалиберных орудий). Всеми войсками в Хайларе командовал генерал Лян. Одновременно с прибытием туда новых частей производилась отправка войск на поездах. Причиной, очевидно, послужило стремление создать впечатление о многочисленности войск: китайцы официально заявляли, что там уже около 5–6 тысяч солдат, но в действительности они располагали менее 2 тысяч штыков [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197]. Отряд Мэрсэ в районе Хингана имел боестолкновение с китайским регулярным отрядом в 200 человек. В результате трехчасовой перестрелки китайцы потеряли 30 солдат убитыми, баргуты — одного [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П.268. Д. 1. Л. 221–229].

Пресса охотно муссировала слухи о восстании — сообщалось даже, что в нем участвуют 10 тысяч человек. Английские, японские, китайские, американские, польские газеты в течение августа — сентября 1928 г. сообщали об обострении ситуации в Китае и восстании в Барге [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 77–98. 103–104, 113–166].

К началу сентября отряды повстанцев еще находились на юге Барги. Их разъезды встречались примерно в 100 верстах южнее Хайлара. Имелись сведения, что Мэрсэ ездил в Сан-бэйсэ (МНР) за инструкциями и вернулся в Хандгай в начале сентября. Китайцы усилили гарнизоны на станциях КВЖД до 100 и более штыков на каждой. Укреплялось мнение, что инцидент будет разрешен мирно. Китайцы в Хайларе не притесняли тех баргинских феодалов, родственники которых участвовали в восстании [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 189–197].

Бунийбазар из ЦК НРПВМ отправил телеграмму «через Восточный отдел Коминтерна уполномоченным Внутренней Монголии, командированным на конгресс Коминтерна Харло и Боянбатору[3]. Ввиду слабой подготовки и недостатка снаряжения вооруженное выступление Мэрсэ на непродолжительное время подавлено, хотя еще продолжается. Когда вы вернетесь? Находящиеся здесь наши товарищи говорят, что главная и наиважнейшая наша работа должна быть в худоне. Но встречаются затруднения, в связи с наступлением осенних холодов. Прошу в срочном порядке по телеграфу разрешить вопрос, как поступить с отправкой этих товарищей и найдутся ли средства (янчан)» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 70].

ЦК НРПВМ писал и советскому полпреду в Улан-Баторе, что со дня выезда на конгресс Коминтерна его уполномоченного при НРПВМ Степанова, члена президиума ЦК Баянбатора и Хорло прошло около двух месяцев, но ЦК не получил от них ни одного известия. Из разных мест Внутренней Монголии вернулись восемь человек. Кончились деньги на пропитание, отпущенные «ЦК Внешней Монголии»

[3] Хорло и Баянбатор.

(3000 тугриков); просили кредит в 2000 тугриков [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 20–21]. Следовательно, руководство МНР финансово поддерживало НРПВМ. Но эта поддержка была недостаточной, а оружие так и не поступило.

3 сентября переговоры между председателем ЦК НРПВМ и китайцами были прерваны. Представитель Чжан Сюэляна генерал Цзин выехал в Мукден с докладом [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 99]. Ямынь фудутуна Барги создал отряд в 300 человек из баргутов, солонов, бурят и южных монголов. 6–7 сентября этот отряд стал теснить повстанцев в районе границы с МНР [Atwood, 2002, p. 898].

6 сентября Мэрсэ, Бумбэ, Фуминтай и другие лидеры повстанцев прибыли в Домбо-сумэ и устроили там совещание. Вынесли решение, что надо перевести на территорию Внешней Монголии всех, кто принимал участие в повстанческом движении. Мэрсэ был против, но подчинился воле большинства. Население двух хошунов перешло в МНР и сдало оружие, а Мэрсэ со своим отрядом в 200 человек остался и сказал, что ведет переговоры с японцами [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 53–58].

Очевидно, надежды на японскую помощь возникли уже во время восстания — когда Мэрсэ и другие руководители повстанцев убедились, что советскую помощь не получат. Это видно из японского документа от 13 сентября, обнаруженного позже в архиве Хулунбуирского временного правительства (три печатных страницы на японском языке [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 1–3]). Он представляет собой отрицательный ответ на запрос о помощи народному собранию Барги, выбранному повстанцами. Следует отметить, что два варианта перевода этого документа имеют существенные отличия [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 68–69; ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 213]. Из ответа видно, что японцы могли бы рассмотреть вопрос о помощи восстанию лишь в случае, если оно будет направлено на объединение всей Монголии, а повстанцы не станут апеллировать к СССР. Но из него видно и то, что, потеряв надежду получить помощь от СССР или МНР, повстанцы обратились к Японии.

7 сентября повстанцы вновь пытались наступать. Мэрсэ опять выступил в район Хинганских гор [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 99]. После этого 8 сентября отряд баргинского ямыня в 300 человек под командой Фулина и Чулуна вывинулся на задержание баргутов, уходивших в сторону Буир-нура. Поскольку основные силы под командой Фуминтая еще не подошли, повстанцы и часть уходивших рассеялись, а некоторые добрались до границы. Но там уже были выставлены пограничные посты МНР, которые препятствовали пересечению границы [Atwood, 2002, p. 902–903].

9 сентября смешанный китайско-монгольский отряд в 300 всадников под командой Цэвэнчарши якобы перешел границу с МНР и обстрелял пограничный пост в местности Баландарсу [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 85–86]. Однако согласно монгольским архивным данным, отряд баргинского ямыня появился на этой пограничной станции и атаковал беженцев из хошунов Гул-Цаган и Шулун-Шар. Пограничники МНР открыли ответный огонь, чтобы помешать баргинскому отряду. Аналогичное нападение повторилось 18 сентября и было отбито погранохраной [АВПРФ. Ф. РК. Оп. 12. П. 15. Д. 19. Л. 40, 45]. Этот отряд из 300 человек, появившийся на северной стороне Буир-нура Халхагольского хошуна, проводил «жестокие репрессии» против кочевавших там баргутов, убил несколько человек и замучил

Сэргэлэн-гуна («князя Сергуленгуна»). Китайцы пообещали преследовать баргутов на монгольской территории [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 10. Д. 531. Л. 85–86].

Причина состояла в следующем. Китайцы утверждали, что в Баргу перешли смущающие народ люди, производящие беспорядки. Поскольку они являлись гражданами МНР, прозвучал призыв: «отзовите их, иначе наши войска перейдут границу на вашу территорию». 12 сентября китайский отряд численностью в 300 человек подошел к пограничному пункту Хар-Торол, предъявив ультиматум о выдаче беженцев, угрожая военными действиями. 13 сентября китайский отряд численностью в 200 человек на 7 автомобилях с пулеметами перешел границу и открыл огонь по монгольской погранохране. 14 сентября из Сан-бэйсэ выступил 5-й пограндивизион. Китайцы ушли обратно, захватив нескольких беженцев [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 99]. В ответ на запрос Аникина об этих событиях, даоинь Хулунбуира сообщил, что имели место передвижения китайских войск в границах, подведомственных Хулунбуиру, а путь им указывали монгольские солдаты [АВПРФ. Ф. РК. Оп. 12. П. 15. Д. 19. Л. 42].

По данным на 18 сентября, из Хайлара китайская мирная делегация выезжала в Хандгай («Хандре») к Мэрсэ трижды, но договоренности все не было. К этому времени с начала восстания в Баргу прибыло до 7000 человек китайских войск — главным образом, части генерала Ван Фулина, нового дубаня пров. Хэйлунцзян, снятые из района Мукдена. Новая переброска войск в Баргу не предвиделась. Большинство войск находилось в городах Хайлар и Маньчжурия. В Ганджуре и у южной части озера Далай-нор располагалось до 1000 солдат-кавалеристов. В городе Маньчжурия находились шесть китайских аэропланов, прибывших 15 сентября. В число летчиков входили два японца, один русский, остальные — китайцы. Восстание шло на убыль [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 18].

Повстанцы имели некоторое влияние только в хошунах Гул-Хух, Гул-Цаган и Гул-Шар («Гуль-Чера»). Китайские власти через монгольский ямынь вооружили отряд всадников-бурят из эмигрантского бурятского хошуна, которые 14 сентября чуть не захватили Мэрсэ в его ставке в Хандгае[4]. В конце сентября переговоры даоиня с Мэрсэ, наконец, закончились. 25 сентября даоинь при посещении Аникина заявил, что Мэрсэ сдается, и за ним послана машина. По его словам, китайские власти обещали кое-какие уступки Барге, согласились на формирование при ямыне совета, избираемого от населения. 26 сентября Мэрсэ прибыл в Хайлар. Через день он вместе с даоинем Чжао и генералом Ляном выехал в Мукден к Чжан Сюэляну. К концу октября повстанческие отряды распались. Уехавший в Мукден Мэрсэ не возвращался [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187]. По окончании восстания в Барге китайские кавалерийские части были выведены из нее [АВПРФ. Ф. РК. Оп. 12. П. 15. Д. 19. Л. 23–27].

Прибыв в Мукден, Мэрсэ стал налаживать контакты с Чжан Сюэляном. Теперь он обвинял в бедах Монголии уже СССР и Японию [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 162]. В письме к Чжан Сюэляну Мэрсэ изложил следующее. Восстание в Хулунбуире произошло на почве политического и экономического угнетения. Мэрсэ и

---

[4] Возможно, это были буряты из баргинского хошуна Шинэхэн. После начала восстания белый офицер У. Гармаев сформировал по заданию властей отряд из шинэхэнских бурят и не только не допустил неконтролируемого развития ситуации в этом и соседних хошунах, но и принял активное участие в подавлении восстания [Базаров, 2001, с. 12].

другие товарищи-араты Хулунбуира не согласны с баргинскими властями, они оказались вынуждены уехать за границу и на 5 лет порвали связь с Хулунбуиром. Перед началом восстания аратские массы Хулунбуира постановили восстановить свою самостоятельность и послали представителей к Мэрсэ. Постановили установить свободу для аратских масс «и счастливое развитие народов пяти племен, составляющих Китайскую республику». Он и другие вернулись в Хулунбуир для разработки дальнейших мероприятий. Чтобы привлечь внимание к Хулунбуиру, решили сделать военную демонстрацию, для этого испортили телеграф и железную дорогу. «По мнению Мэрсэ и других партийных товарищей, в Монголии не могут существовать ни красная, ни белая партия, ибо из общей обстановки ясно, что в Монголии не существует подразделения на классы пролетарский и капиталистический». Центральное правительство поддерживало старый маньчжурский порядок управления Монголией — «лестью и коварством и, поддерживая произвол монгольских князей, дало им возможность усилить притеснения аратов». Он попросил не рассматривать его и его товарищей и аратов как бандитов и бунтовщиков, благодарил за присылку ему советника Цзина «для внесения успокоения и согласия и выявления Ваших добрых намерений по отношению к аратам монгольских хошунов. За это мы, Мэрсэ и партийные товарищи, от имени аратских масс Хулунбуира приносим Вам глубокую благодарность». Была приложена «Декларация аратских масс Хулунбуирского округа по поводу работы по восстановлению автономии» от 31 сентября [так] 1928 г. [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 25–39].

Как видим, побежденный Мэрсэ примкнул к победителю — Чжан Сюэляну, и решил сменить власть в Барге теперь уже с его помощью. В отличие от более ранних заявлений, теперь он объяснял восстание лишь демонстрацией, чтобы привлечь внимание китайских властей.

1–10 октября в Мукдене состоялся съезд монгольских аристократов, принявший программу: лидер НРПВМ Мэрсэ и лидер автономистов Гуйфу обязуются привести в успокоение восставшее населения Хулунбуира; баргинцы должны бороться с пропагандой из МНР; Внутренняя Монголия и Мукден придерживаются единой тактики в отношении гоминьдановского флага; Внутренняя Монголия получает самоуправление, но не самостоятельность, в главном штабе в Мукдене учреждается Отдел по монгольским делам. Мэрсэ написал одному из членов ЦК НРПВМ, что встречался в Мукдене с Чжан Сюэляном и договорился об учреждении в Хайларе этого совета, председателем его назначен сам Мэрсэ; он получил также назначение советником при мукденском правительстве и через несколько дней поедет в Хайлар [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 138, 173].

Трансформация взглядов Мэрсэ привела к его исключению из хулунбуирского отделения Народной партии. 28 октября в Улан-Баторе состоялось совещание всех членов «организации Хулунбуирской народно-революционной партии». Обсуждался вопрос «об измене Мэрсэ, перешедшего на сторону интервентов». Собрание постановило поручить соответствующим органам решить вопрос об исключении Мэрсэ из партии, сместить с должности в ЦК, далее вести с ним борьбу как с врагом партии, конфисковать его хашан (подворье) в пользу хулунбуирского парткома. В постановлении особой комиссии «членов Хулунбуирской НРП» в Улан-Баторе по делу Мэрсэ сказано, в частности, что «при заключении мирного договора с Китаем многие

товарищи по инициативе Мэрсэ принимали необходимые меры к оттяжке заключения данного договора под видом обмана с тем, чтобы пользуясь этим временем укрепить свои силы. …Настойчиво стремясь к выполнению договора, Мэрсэ внес дезорганизацию и расстроил революционные силы… Несмотря на неоднократные предложения в письменном виде и с особыми нарочными, Мэрсэ не соглашался с необходимостью прекращения повстанческого движения и возвращения его, Мэрсэ, для вторичного обсуждения этого вопроса. Мэрсэ держал курс на дальнейшие сношения с Китаем, путем вторичного приглашения китайских представителей, каковые обязательства свидетельствуют о предположении Мэрсэ изменить партии. За последнее время Мэрсэ применял угрозы к повстанцам: в случае, если кто будет чинить препятствия в деле заключения мирного договора с Китаем, то будут приняты меры к привлечению виновных к законной судебной ответственности. Сам же Мэрсэ изменил и перешел непосредственно на сторону интервентов»; он назначен советником Чжан Сюэляна. Подписали члены комиссии Идамсурэн, Эрхэмбат и Тэмуртоголто [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 22–24].

Итак, Чжан Сюэлян, опасаясь новых восстаний монголов, создал специальный орган по управлению монголами — Отдел по монгольским делам (Мэн-ци-чу) при своем штабе, под председательством начальника мукденского провинциального парламента Линь Сяньчжоу [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 124. Д. 5. Л. 32–33]. В конце октября в Хайларе при ямыне фудутуна прошло совещание представителей всех хошунов. Совещание отказалось выполнить требование о переводе ямыня из Хайлара в Мукден, но намечался компромисс: Мукден назначает в Баргу своего комиссара, с которым фудутун будет согласовывать все вопросы. По вопросу о налогах тоже намечался компромисс, но планы по созданию баргутских охранных частей были несбыточны. Совещание закончилось 6 ноября, а 7 ноября сын амбаня — Фушан выехал в Цицикар [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187].

К концу декабря изменений в административно-автономном положении Барги не произошло. После полуторамесячного пребывания в Мукдене Мэрсэ в середине ноября проехал в Цицикар, где вел переговоры с Ван Фулином, а в начале декабря приехал в Хайлар. Судя по интервью, он надеялся с помощью Чжан Сюэляна и Ван Фулина добиться значительного облегчения положения населения Барги, надеялся на скорый созыв баргинского парламента, открытие монгольской школы в Мукдене, мечтал об объединении всей Монголии, часто совещался с даоинем. Пока же он получил из Мукдена 30 тысяч долларов на покрытие долгов по восстанию и на личные расходы. Завязать отношения с советским консульством он не пытался [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 302–304].

Коминтерн реагировал на изменение ситуации. Уже 12 сентября 1928 г. Исполком Коминтерна (ИККИ) поручил своей делегации, ехавшей в МНР, провести совещание с ЦК МНРП и НРПВМ. «На этом совещании осудить баргинское выступление, как авантюру, вызванную в значительной мере усилиями японского империализма и правых элементов Народно-революционной партии Внешней Монголии. Разоблачить руководителей путча, действовавших вопреки прямым указаниям Коминтерна, данным в Москве представителю ЦК МНРП — Мэрсэ. Разъяснить, что основой для определения тактической линии партии должны быть решения IX пленума ИККИ и VI конгресса Коминтерна по китайскому вопросу,

ставящие центральной задачей момента организацию масс, но не непосредственно их боевые выступления» [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 12. Л. 111]. Таким образом, открестившись от своего официального представителя Степанова, ИККИ переложил ответственность на японский империализм и Мэрсэ. Позже было проведено расширенное заседание НРПВМ с участием местных парторганизаций и делегации ИККИ с осуждением восстания [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 16. Л. 23–25].

14 декабря 1928 г. в Улан-Батор прибыла делегация баргинских князей в числе четырех человек: Нямжав — член НРПВМ, Джимбэ — писарь при хулунбуирском ямыне фудутуна и двое других [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 51–54]. В донесении ИНО ОГПУ отмечалось, что Нямжав всегда пристает к сильной стороне. До установления МНР он был гуном в хошуне Баян-Тумэн-хан-ула (центр — Сайн-бэйсэ), во время монгольской революции (1911 г.) бежал в Пекин, после развития движения во Внутренней Монголии вернулся в Ургу как партиец. В 1926 г. он вернулся в Баргу для работы в партии Мэрсэ. Общался с Ши-угурдой, якобы, чтобы уговорить баргинское правительство против китайцев, но ничего не сделал. По словам баргинских эмигрантов, Нямжав во время восстания был на стороне чиновников, дважды приезжал в штаб как уполномоченный с китайской стороны, уговорил Мэрсэ уехать в Китай. Теперь делегация с ним во главе прибыла для налаживания отношений Барги с МНР. Фуминтай в Улан-Баторе сказал, что они ждали освобождения арестованного Эрхэмбата[5], но в связи с приездом делегации во главе с «плутом Нямжавом» на скорое освобождение рассчитывать не стоит. По его словам, Нямжав увлек за собой Мэрсэ [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 202–203]. Это наблюдение довольно точно, если учесть, что, согласно заявлению Нямжава в управление сановника Хулунбуирского округа от 27 декабря 1928 г., он решил не возвращаться в Баргу, в 15-м году[6] вступил в НРПВМ, решил на пользу Монгольского государства взять гражданство Внешней Монголии (МНР) [ЦАФСБ. Ф. 65. Д. 140. Т. 4. Л. 133].

Делегатов допросили. Их показания были почти идентичны: прибыли по уполномочению баргинского амбань-ямыня для переговоров о возвращении эмигрантов-баргутов и о пастбищах на монгольской территории, которые по старой традиции предоставлялись баргутам на льготных условиях. Те же цели были прописаны в привезенном ими послании баргинского амбань-ямыня [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 55, 66–67]. В этом письме в МИД МНР, заверенном главноуправляющим Хулунбуирским округом, говорилось следующее. В связи с восстанием в Баргу прибыло много китайских солдат. В результате несколько сот аратов хошуна Шулун-Хух Барги были насильно выселены на территорию хошуна Халхин-гол МНР. Около 200 семейств младо-баргутов хошуна Шулун-Шар во главе с сомонным дзанги Шагдуром выселены из Барги в хошун Баян-Тумэн-ула, они насильно увели в Халху начальника Правого крыла младо-баргутов Чибсэнгэ, у богатых баргутов, не желавших переселяться, отняли тысячи голов скота, золото, имущество, у двух чиновников отобрали печати. Их всех насильно переселили Мэрсэ и его товарищи, чему не препятствовали военные власти МНР. «Сейчас, — говорилось в письме,— те, кто переселен насильно, желают вернуться. Надо их устроить» [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 204–206 об.].

[5] Эрхэмбат был арестован 24 ноября 1928 г. [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14].

[6] 15-й год Китайской республики, т. е. 1926 г.

Однако сразу после этого переселения сторонники Мэрсэ заявили, что четыре младо-баргинских хошуна Правого крыла, два — Левого крыла и один солонский хошун «перешли на сторону народных сил» и перекочевали на территорию Внешней Монголии (МНР) [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]. По словам Фушана, во время восстания в Халху ушла половина населения хошунов Гул-Хух и Гул-Шар («Гуль-Чера»). После восстания он просил снестись с правительством МНР, чтобы оно выдворило со своей территории беженцев [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187]. На совещании с представителями Коминтерна в ноябре 1928 г. в Улан-Баторе сообщалось, что баргинские беженцы на собрании приняли решение против восстания и Мэрсэ. На этой почве возникали конфликты. Желавшие вернуться беженцы избивали тех, кто хотел остаться. ГВО арестовало главарей беспорядков. Беженцы уже знали, что из Барги выехали делегаты вести переговоры об их возвращении [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 81–84].

ГВО выслало из МНР баргинскую делегацию, согласно постановлению ЦК МНРП от 17 декабря 1928 г. Делегация выехала в Маньчжурию 19 декабря [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10. П. 131. Д. 22. Л. 35]. По поводу ее поездки управление фудутуна Барги направило протест в МИД МНР, датированное 17-м днем 1-го месяца 18-го года Китайской республики[7].

Содержание протеста было следующим. Выходцы из Хулунбуира Мэрсэ, Фуминтай и другие, вступившие в «халхаскую партию» (МНРП), вернувшись летом этого года[8] в Баргу, собрали небольшой отряд и сделали попытку захвата Барги, разрушив железную дорогу. В Хулунбуир было послано несколько тысяч китайских солдат. Из-за этих событий несколько сот семейств хошуна Шулун-Хух перешли в Халху в районе Халхин-гола и несколько сот семейств хошуна Шулун-Шар — в хошун Баян-Тумэн Халхи. После успокоения страны китайские войска были выведены. Баргинское управление для возвращения ушедших в Халху командировало в Улан-Батор помощника начальника управления Сэнгэ и сомонного дзанги Хэлэнгунджи с официальным отношением для МИДа. Вернувшись, они доложили: их задержало ГВО, арестовало; на протест им ответили, что они прибыли в Монголию без разрешения; через три дня отпустили. Это вызывает изумление, учитывая долгие дружественные отношения Барги и Халхи. В 11-м месяце 13-го года Монгольского государства (т. е. в 1923 г.) уполномоченные Барги и Халхи заключили секретное официальное соглашение об укреплении дружественных связей. Ставились вопросы, остается ли в силе это соглашение, и будут ли они дружеские отношения Барги и Халхи соблюдаться в дальнейшем, в частности, будут ли приниматься в дальнейшем баргинские представители. Секретариат ЦК МНРП дал МИД директиву ответить указанием, что МНР — независимое суверенное государство и может задерживать и высылать со своей территории всех прибывших незаконным образом. Высылка представителей Мэрсэ имела целью защиту интересов не только МНР, но и «всех монгольских племен, поскольку Мэрсэ тесно связан с японцами, ведущими агрессивную политику в Барге и Внутренней Монголии. Что касается соглашения, то со стороны МНР нарушений его нет» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10. П. 131. Д. 22. Л. 289–290, 310–312; Оп. 10а. П. 268, Д. 1. Л. 93–95].

[7] 17 января 1929 г.

[8] Т. е. 1928 г.

Вопрос с беженцами удалось в целом решить, вернув их Баргу, за исключением тех, кто не захотел возвращаться и смог остаться в МНР (подробнее см. [Atwood, 2002, p. 913–920]).

Исключенный из НРПВМ Мэрсэ написал обращение к партии в свое оправдание. «Благодаря вашему руководству я не отступил от революционного пути». Далее содержание обращения было следующим. Будучи «обманут хитроумными уловками извне», он не смог наладить дисциплину, направить революционное движение аратов на революционный путь. Были ошибки в восстании. Основные их причины в том, что его руководители не сумели установить тесных связей с «широкими массами» аратов, поставить на должную высоту руководство партией, наладить партаппарат. Точка зрения, что главный комитет по руководству НРП должен находиться в Улан-Баторе, может быть правильной. Но нельзя согласиться с тем, что «сейчас нельзя вести революционную работу». Местные работники сумели организовать союз по развитию просвещения монголов и совет народных представителей Хулунбуира. Пользуясь моментом «поднятия синего флага Гоминьдана», организованная баргинская молодежь — более 100 человек — вышла на улицу Хайлара и продемонстрировала свою мощь. Мэрсэ просил освободить его от работы, если члены ЦК не разделяют эту точку зрения. «И я до конца своей жизни займусь исключительно ученой работой (собственно делом просвещения)» [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10. П. 129. Д. 6. Л. 336–339].

Написал он со своими соратниками и обращение в ЦК МНРП «От членов Баргинской аратской партии». Заявив, что завершить революцию не удалось, авторы просили «руководить по-прежнему революционным движением нашей Барги. Возвратить всех членов партии и граждан Барги, находящихся в Монголии, для укрепления революционных сил. Отпустить денег в сумме 10000 тугриков на расходы по строительству партии и союза. Снять обложение таможенным сбором скота баргинских граждан, отправляемого на пастбища в Монголию». Указывалось, что, если эти пункты будут выполнены, то будет обеспечена охрана восточной границы МНР, будет содействие революционному движению Внутренней Монголии [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10. П. 129. Д. 6. Л. 331–333].

В начале 1929 г. планировался приезд делегации Мэрсэ из Барги. По предложению А. Амара их решили не арестовывать на границе, а пропустить в МНР и доставить в ГВО в Баян-Тумэне. 16 февраля делегаты прибыли и были доставлены в ГВО. Согласно приказу ГВО, «по прибытии (доставке) Мэрсэ с его возможными попутчиками — пассажирами в Ваше отделение немедленно же, в уединенной обстановке, произвести тщательную проверку его документов и выяснить цель приезда. …В случае если он имеет дипломатические документы, засвидетельствованные Нанкинским правительством или управлением 3-х Восточных провинций по уполномочению первого, то немедленно же, не задерживая в Баян-Тумэне, направить его в У. Б. Х. [9], дав в качестве сопровождающего одного из сотрудников вашего отделения, который должен быть проинструктирован в смысле вежливого обращения (не навлекать подозрения) и доставки его в ГВО». Если дипломатических документов нет, надлежало провести обыск и арестовать его, вопрос об аресте его спутников

[9] Улан-Батор-хото.

решить в зависимости от выявленных данных. После ареста Мэрсэ и его сомнительных спутников предлагалось немедленно же направить их на той же машине под надежной охраной в ГВО, «предоставив одновременно с охраной при особом рапорте все конфискованные при аресте вещи». Вся операция должна быть выполнена со всей тщательностью и должной конспирацией, с тем чтобы факт ареста или проезда Мэрсэ не принял широкую огласку [ЦАФСБ. Ф. 2. Оп. 8. Д. 378. Л. 259–259 об.]. Неизвестно, чем кончилась эта история, но некоторое время спустя Мэрсэ находился в Барге.

В 1929 г. НРПВМ переживала кризис. Наблюдались «тенденции нового движения оппортунистического характера» во Внутренней Монголии и в частности в Барге. Это было результатом стабилизации «китайской контрреволюции» и влияния Гоминьдана. Шло его идеологическое оформление, «несомненно, не без влияния коекаких вождей Гоминьдана, а точно также и наших ошибок». Мэрсэ писал: «Летом прошлого года мы восстали вместе с аратами, не щадя свою жизнь и свои хозяйства, завершить революцию не удалось, но тем не менее баргинское революционное движение нашло правильный путь дальнейшего своего развития». По его мнению, есть возможность борьбы конституционным путем. Он сделал вывод, что надо вернуться на родину и вести работу по культурному воспитанию [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10. Д. 6. П. 129. Л. 279–283].

29 апреля 1929 г. состоялся съезд Хулунбуирской организации НРПВМ, на котором был переизбран партком, решили улучшить партработу, обсудили положение Китая. В ЦК избрали пять членов: председатель — Нямжав, секретарь — Гэрэлту, члены — Буянбатор, Хасбатор, Амиалбату, кандидаты — Наралту и Эрдэмгэрэл. Указывалось, что араты не интересуются политикой, бедняки слабо втянуты в партработу. Предлагалось поднять активность членов партии, укрепить дисциплину, выдать партбилеты, экономить средства. Многие члены партии должны были выехать в худоны (за город) [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 10а. П. 268. Д. 1. Л. 75–78].

В результате соглашения Мэрсэ с Чжан Сюэляном правительство последнего отпустило незначительную сумму для монгольской школы в Хайларе, был создан «совет народных представителей», состоявших из консервативной части ямыня фудутуна. Никаких новшеств введено не было. Мэрсэ на время отошел от политической деятельности, став директором созданной в Мукдене монгольской школы. 28 сентября 1931 г. Мэрсэ с 50 своими учениками из мукденской школы прибыл в Хайлар. Вся эта группа разъехалась по хошунам для агитраборты за автономию Барги. До этого Мэрсэ заручился обещанием атамана Г. М. Семенова, что по его первому требованию в его распоряжение поступит несколько сот вооруженных трехреченцев. Директивы об оказании помощи началу освободительного движения Семенов дал У. Гармаеву, разослал письма местным руководителям белых. В Хайларе Мэрсэ встретился с Гармаевым, с полковником Бычковым, Пушкаревым и Зябликовым. Совместно с Фуминтаем («Хулинтаем») он заручился поддержкой белого офицера Н. Гордеева. Эта деятельность Мэрсэ проходила «под наблюдением и руководством» японцев в Хайларе под видом китайцев, затем — представителя штаба Квантунской армии Хоттори. В результате работы Мэрсэ, Фуминтая и Хоттори 10 ноября 1931 г. в Мукден выехала делегация во главе с Цэрсэнгэ. Штаб Квантунской армии дал ей задание ускорить восстание для организации автономии Барги под протекторатом Японии. Но одновременно с переговорами этой делегации в Мукдене 19 ноября в Хайларе состоялся

очередной баргинский съезд, на котором присутствовали почти все начальники хошунов. Они решили оставить в силе старый порядок управления. Затем Мэрсэ исчез. Это помешало «японской организации» восстановиться. Тогда они стали действовать через структуры хошунов и ямыня. Первоначальная ставка на монгольских феодалов не дала эффекта из-за их консерватизма. После исчезновения Мэрсэ его группа перестала существовать, а ее участники примкнули к другим группам. Наиболее революционная из них — группа Хасбатора «осознавала агрессивную политику Японии в Барге», но ее работа не носила массового характера. Японцы переключились на монгольскую молодежь. К наиболее ярким ее представителям принадлежали Цэрсэнгэ и Фуминтай. Значительная часть молодежи хотела демократизировать ямынь, ставила задачу независимости Барги. Но в итоге они подпали под японское влияние [ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 37–96].

Примерно в конце сентября 1931 г. (вскоре после Мукденского инцидента, с которого началось наступление Японии и подчинение ею Маньчжурии) Мэрсэ призвал последователей воспользоваться декларируемой Японией симпатией к автономии Внутренней Монголии и организовать в Восточной Монголии вооруженные силы. Получив оружие от японской армии, эти силы, под названием Монгольской автономной армии, должны были двинуться на запад Внутренней Монголии и начать антияпонское автономное движение. Есть данные, что, после провала этого плана, Мэрсэ в 1932 г. ездил в Улан-Батор [Liu, 2006, p. 75].

В ЦАФСБ имеются материалы его допросов с мая 1932 г. по 1933 г. Это позволяет предполагать, что он был похищен ГПУ и вывезен в СССР в 1932 г. (подобные похищения в Барге документированы). На допросах он «раскаялся», признал «свои ошибочные взгляды, приведшие к оказанию услуг японскому империализму» и дал показания против некоторых руководителей МНР. О восстании в Барге он сообщил, что поднял его без одобрения Гоминьдана, осознавал, что не получит помощи от СССР и МНР, потому сложилась ситуация, когда оставалось только просить помощь у японцев. Восстание было подавлено и, зная, что если вернется в Улан-Батор, то МНРП и Гоминьдан потребуют объяснений, он перешел на сторону Чжан Сюэляна. 27 августа 1934 г., Мэрсэ был приговорен к расстрелу, который позже был заменен 10 годами заключения. Дальнейшая его судьба неизвестна. Предполагается, что он умер в заключении [Цыбенов, Содномцэрэн, 2018, с. 54-57].

В целом, причины восстания в Барге в 1928 г. состояли в том, что в 1920 г. пекинское правительство аннулировало соглашение 1915 г. по Барге; Чжан Цзолинь, послав в Хайлар войска и чиновников, фактически приступил к ликвидации автономии; китайские власти стали постепенно усиливать свое влияние и прибирать к рукам все источники доходов Барги (налоги на разработку природных богатств, торговые предприятия, пошлины на экспортируемое сырье); север Барги (Трехречье) полосу КВЖД и все поселки в Барге китайские власти изъяли из ведения монгольского ямыня, в ведении которого осталось управление внутренней жизнью кочевников. Осознание своего бессилия у части населения заставляло надеяться помощь извне. Вопрос об освобождении Барги от опеки Китая все время стоял на повестке баргинского отделения НРПВМ. Мэрсэ стремился использовать затруднительное положение Мукдена после смерти Чжан Цзолиня, переоценил свои силы и не подготовился. Япония была непричастна к восстанию; не было заметно также, чтобы Япония пыталась разжечь или

поддержать его. Она могла пытаться использовать восстание, но оно быстро выдохлось, потому что не было технически подготовлено, повстанцы имели мало огнестрельного оружия и патронов, оно не было поддержано «массой населения Барги, которая перекочевала в Халху», а часть — на север за Аргунь, не имело поддержки извне [АВПРФ. Ф. РМ. Оп. 9. П. 125. Д. 13. Л. 182–187]. Инициатором и руководителем восстания был Мэрсэ, действовавший под лозунгом «полной автономии Барги» [ЦАФСБ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1343. Л. 37–96].

С этими выводами из советских донесений следует согласиться, отметив, тем не менее, что важной предпосылкой восстания была также деятельность в Барге и МНР большевистских эмиссаров, занимавшихся революционной агитацией в такой форме, которая соответствовала стремлению баргинцев к самостоятельности. Главной целью повстанцев была автономия Барги, а не революция в Китае. Баргинцы надеялись получить помощь от Коминтерна, официальный представитель которого Степанов ее обещал. Однако автономия, которой требовали восставшие (см. [РГАСПИ. Ф. 514. Оп. 2. Д. 14. Л. 94–104]), фактически, означала права Барги, прописанные в Русско-китайском соглашении о Барге 1915 г., аннулированном китайцами в 1920 г. — но на сей раз при замене традиционной власти на революционную. Добиться этого они не смогли из-за недостатка сил и отсутствия помощи со стороны СССР, а затем — Японии.

Литература / References

Базаров Б. В. *Генерал-лейтенант Маньчжоу-го Уржин Гармаев*. Улан-Удэ, 2001 [Bazarov B. V. *Manchukuo Lieutenant-General Urjin Garmaev*. Ulan-Ude, 2001 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. Баргинское восстание 1928 г. Часть I. Причины и начало восстания. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 1. С. 100–114 [Kuzmin S. L. The Rebellion of 1928 in Barga. Part I: Causes and the Beginning. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 1. Pp. 100–114 (in Russian)].

Лузянин С. Г. *Россия — Монголия — Китай в первой половине XX в.* М., 2003 [Luzyanin S. G. *Russia — Mongolia — China in the 1st half of the 20th Century*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Мягмарсамбуу Г. Хөлөнбуйрын монголчуудын 1928 оны зэвсэгт бослого. *XX зууны Монгол: түүх, соёл, геополитик, гадаад харилцааны тулгамдсан асуудлууд*. Улаанбаатар, 2017. Х. 82–99 [Myagmarsambuu G. Armed Rebellion of the Hulunbuir Mongols in 1928. *Mongolia of the 20th Century: Problems of History, Culture, Geopolitics*. Ulaanbaatar, 2017. Pp. 82–99 (in Mongolian)].

Мягмарсамбуу Г. *Баргын түүх, угсаатны зүй. Тэргүүн боть. Баргын түүхэн товчоон (1734–1960 он)*. Улаанбаатар, 2018 [Maygmarsambuu G. *The History and Ethnography of Barga. Vol. 1. Brief History of Barga*. Ulaanbaatar, 2018 (in Mongolian)].

Цыбенов Б. Д., Содномцэрэн Р. Политик и ученый в эпоху перемен: страницы из биографии Мэрсэ. *Вестник Бурятского научного центра СО РАН*. 2018. № 4(32). С. 52-59 [Tsybenov B.D., Sodnomtseren R. Politician and scientist in the troubled times: biography of Merse. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN*. 2018. 4(32). Pp. 52-59]

Atwood C. P. *Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931*. Vol. 1. Leiden, Boston, Köln, 2002.

Liu X. *Reins of Liberation. An Entangled History of Mongolian Independence, Chinese Territoriality and Great Power Hegemony, 1911–1950*. Stanford, 2006.

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской Федерации, Москва (АВПРФ) [Archive of Foreign Policy of Russian Federation, Moscow]. Фонд Референтура по Монголии. Опись 6. Папка 109. Дело 7.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 9. Папка 124. Дело 5.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 9. Папка 125. Дело 13.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 10. Папка 129. Дело 6.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 10. Папка 131. Дело 22.

АВПРФ. Фонд Референтура по Монголии. Опись 10а. Папка 268. Дело 1.

Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ) [Russian State Archive of Social and Political History, Moscow]. Фонд 17. Опись 3. Папка 11. Дело 700.

РГАСПИ. Фонд 514. Опись 2. Дело 12.

РГАСПИ. Фонд 514. Опись 2. Дело 14.

РГАСПИ. Фонд 514. Опись 2. Дело 16.

Центральный архив ФСБ России, Москва (ЦАФСБ) [Central Archive of the Federal Security Service]. Фонд 2. Опись 2. Дело 378.

ЦАФСБ. Фонд 2. Опись 10. Дело 531.

ЦАФСБ. Фонд 3. Опись 3. Дело 1343.

ЦАФСБ. Фонд 65. Дело 140. Том 4.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-263-276

1859 ГОД. ССЫЛКА ПЛЕННЫХ НАТУХАЙЦЕВ В САМАРСКУЮ ГУБЕРНИЮ

Л. И. Цвижба*

На примере натухайского общества в статье рассматривается процесс присоединения народов Западного Кавказа к России в XIX в. В 1858 г. в один из военных походов Адагумского отряда в плен попали 159 натухайцев, среди которых были женщины и малолетние дети. Вопрос, куда поселять пленных горцев, был актуальным в период проведения активных военных действий среди горцев, поэтому он периодически обсуждался. Одним из вариантов, предложенных Министерством государственных имуществ, было поселение на свободных казенных землях в губерниях: Самарской, Херсонской или Екатеринославской с выдачей пособия от казны. Главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант А. И. Барятинский при решении вопроса о пленных горцах предусматривал, при каких обстоятельствах они попадали в плен, например, «с оружием в руках на хищничестве» или попадали в плен «при вторжении войск в край непокорных», учитывал целесообразность выселения горцев в отдаленные от Кавказа регионы России, то, какие финансовые затраты повлекут подобные перемещения (еда, одежда, транспорт, сопровождение) и обустройство на новом месте. Казалось бы, все вопросы, связанные с переселением пленных натухайцев в Самарскую губернию, были учтены, но сведения о прибывших в пункт назначения говорят об обратном. Из 159 человек, отправленных в маршрут, прибыло только 96, которых поселили в деревне Лятошинка. Через незначительное время они будут этапированы обратно на Кавказ, т. к. их общество покорилось. А тем временем началось освоение земель натухайцев заселением до «500 семейств Азовских казаков».

Ключевые слова: Российская империя, Западный Кавказ, Самарская губерния, натухайцы, депортация.

Для цитирования: Цвижба Л. И. 1859 год. Ссылка пленных натухайцев в Самарскую губернию. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 263–276. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-263-276

THE 1859 EXILE OF NATUKHAY PRISONERS TO THE SAMARA PROVINCE

Larisa I. Tsvizhba

Using the example of the Natukhay society, the article looks at how peoples of the West Caucasus were joined to Russia in the 19th century. In 1858, 159 Natukhayans, including women and young children, were captured during a military tour of the Adaguma detachment, thereby again raising

* Лариса Исиновна Цвижба, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; laratas@mail.ru

Larisa I. Tsvizhba, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; laratas@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-6085-1964

the issue of where to settle the imprisoned highlanders — this question was periodically discussed during active hostilities in the region. One of the options proposed by the Ministry of State Property was to do so in uninhabited state-owned lands in the provinces of Samara, Kherson or Ekaterinoslav, with a subsidy from the treasury. The Commander-in-Chief of the Caucasus Army, Adjutant General A. I. Baryatinsky, in deciding the fate of captive highlanders would consider under what circumstances they were captured, for example, "with weapons in their hands, depredating," or "when troops invaded the land of the disobedient"; and also reviewed the expediency of evicting the highlanders to remote regions of Russia from the Caucasus based on the costs of such relocation (food, clothing, transport, convoy) and the funds required to develop their target geography. And while it seemed that all questions pertinent to the relocation of Natukhay prisoners to the Samara province had been taken into account, information about those who arrived at the destination suggests otherwise: of the 159 people originally sent to the village of Lyatoshinka, only 96 arrived for settlement. And even these, after a short time, would be transferred back to the Caucasus, once their society was subdued. Meanwhile, the development of the Natukhayan lands began by settling there up to "500 families of the Azov Cossacks".

Keywords: Russian Empire, Western Caucasus, Samara province, Natukhayans, deportation.

For citation: Tsvizhba L. I. The 1859 Exile of Natukhay Prisoners to the Samara Province. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 263–276. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-263-276

Судьба 159 натухайцев, захваченных в плен в период военного похода Адагумского отряда и «разорении аулов», расположенных на речках Дуг и Озерейк, 14 ноября 1858 г., была определена. Их отправят на высылку в Самарскую губернию, куда они добирались более двух месяцев, но, не успев и не имея возможности обустроиться на новом месте жительства, пленные вынуждены будут отправиться в обратный путь, так как натухайское общество объявило свою покорность России [Цвижба, 2019, с. 194–202]. 23 марта 1861 г. из Самарской губернии на Кавказ вернулись 68 человек, выживших в этом «путешествии» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 159–160].

Вопрос о пленных горцах возникал и до проблемы натухайцев и рассматривался на Военном Совете. 7 августа 1857 г. Совет постановил спросить мнение главнокомандующего Кавказской армией генерал-адъютанта А. И. Барятинского: «Не будет ли, по мнению его удобнейшим, всех пленных горцев, не разлучая их с семействами, ссылать с женами и детьми обоего пола в Сибирь на поселение, где они, занимаясь хлебопашеством, могут приносить и для самого края некоторую пользу» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 14 об.–15].

Из ответа А. И. Барятинского следует, что вопрос об определении участи военнопленных горцев войдет в проект положения о высылке с Кавказа «вредных и преступных горцев», который будет составлен после сбора необходимых для того сведений. Мнение Барятинского состояло в том, что с военнопленными должны поступать в соответствии с тем, «взяты ли они в наших пределах с оружием на хищничестве или попались в плен при вторжении наших войск в край непокорных горцев, с оружием или безоружными, действовали ли они прежде против нас враждебно или принадлежат к той спокойной части народонаселения, которая принимает оружие только для защиты своих домов; какого они пола, возраста, физических сил и прочее. Одни, как преступники или вредные для нас люди, подлежат наказанию или строгому надзору, другие заслуживают всякого снисхождения» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 15 об.]

Между тем Барятинский, понимая, что принятие какого-то законченного решения о пленных горцах не произойдет «в скором времени», сообщил в Военное министерство ряд соображений по вопросу ссылки в Сибирь на поселение. В частности он отмечал, что ссылка в Сибирь на поселение военнопленных горцев имеет определенное неудобство из-за отдаленности этого края, так как казна должна будет нести значительные расходы на этапирование арестантов. Как показывала практика, иногда приходилось возвращать военнопленных на Кавказ для обмена на русских пленных или возвращать горцев в их общества после принятия теми покорности. В такой ситуации обратное этапирование пленных из Сибири на Кавказ, а тем более с семьями, было бы для них изнурительным и, главное, как заметил Барятинский, «составило бы новый значительный расход для казны» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 17].

Барятинский предполагал, что до окончательно рассмотрения этого вопроса должны следовать указанию Александра II, сообщенному главноуправляющим Военным министерством 11 августа 1858 г., в котором говорилось, что при высылке горцев на Дон необходимо руководствоваться существующими постановлениями, т. е. отправлять туда только пленных или бежавших из своих аулов и желающих, по каким-либо причинам оставить край и переселиться на Дон, и наконец, таких людей, которых «требование среди туземного населения местное начальство признает вредным по каким-либо особенным уважениям» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 18].

После многочисленных обсуждений, высказанных мнений, особенно главнокомандующего Кавказской армией, в которых отмечалось, что те же пленные, «которые пойманы будут у нас с оружием в руках на хищничестве и для которых поселение на Дону было бы милостью не заслуженною, главнокомандующий будет всякий раз особо входить в сношение с военным министром о ссылке их в арестантские роты или определенно в военную службу, смотря по степени их вины и по местным соображениям» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 18].

Кавказской администрации пришлось решать, что делать с покорившимися или попавшимися в плен. Решили первых переселить на Дон, а вторых отправить на поселения подальше от Кавказа горцами. На примере 159 натухайцев, попавших в плен в период военного похода Адагумского отряда 14 ноября 1858 г. «при разорении» аулов, расположенных на речках Дуг и Озерейк, видно, какое было найдено решение, и какие трагические последствия повлечет оно для горцев, оставшихся в России.

23 апреля 1859 г. главнокомандующий Кавказской армией генерал-адъютант А. И. Барятинский сообщил военном министру об отправлении на Дон для поселения 159 натухайцев обоего пола, ранее попавших в плен. Натухайские пленные были отправлены в распоряжение наказного атамана Войска Донского на основании решения императора Александра II. Изначально они содержались в Константиновском укреплении, откуда по недостатку помещений были направлены в ведение Керчь-Эникольского градоначальника и размещены по крепостным казармам вЕниколе, где содержались до решения вопроса о дальнейшей их судьбе [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 1–1 об.].

Из доклада по управлению Иррегулярных войск (июнь 1859 г.) о назначении места жительства 159 пленным натухайцам следует, что главнокомандующий Кавказской армией, на основании ранее принятых постановлений, приказал отправить

их в г. Новочеркасск для поселения на Дону. Вместе с тем появилась еще одна категория горцев, дополнившая две вышеназванные. Это были «порочные азиатцы» Кавказского и Закавказского краев, которых главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом (в дальнейшем Кавказская армия) мог удалять на срочное или бессрочное жительство под надзором полиции, ибо «этих горцев весьма удобнее было бы поселить во внутренних, более отдаленных от Кавказа, губерниях» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 12–14].

10 июля 1859 г. министр внутренних дел С. С. Ланской информировал военного министра Н. О. Сухозанета о мнении управляющего Министерством государственных имуществ, заключавшемся в том, что «из числа помянутых горцев могут быть водворены на свободных казенных землях те только, которые по составу семейств в состоянии устроить и вести хозяйство» и таких людей не встретит затруднения водворить в губерниях: Самарской, Херсонской или Екатеринославской с выдачею от казны необходимого пособия «для устройства домообзаведения», но «что одиноких, престарелых, малолетних и женщин, если их не примут к себе семейства, имеющие работников, следует поместить в заведения приказов Общественного признания» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 32–32 об.].

Видно, как обстоятельно рассматривали вопрос о пленных горцах: есть сомнения Барятинского о целесообразности ссылки в Сибирь, обратили внимание и на обустройство одиноких, престарелых, малолетних, но, тем не менее, будет принято решение, которому суждено привести к гибели многих из 159 пленных натухайцев.

О том, что вопрос о пленных был решен окончательно, свидетельствует доклад по управлению Иррегулярных войск от 25 июля 1859 г., из которого следует, что с «высочайшего разрешения» 159 человек будут поселены на казенных землях в Самарской губернии. 25 августа 1859 г. исполнявший должность наказного атамана Войска Донского генерал-майор А. М. Дондуков-Корсаков информировал военного министра о том, что 23 августа 1859 г. отправлены «по обозначенному им маршруту» в распоряжение начальника Самарской губернии 118 человек. (У Дондукова-Корсакова, скорее всего, допущена опечатка о численности натухайцев, отправленных по маршруту. — *Л. Ц.*)

Из документов следует, что пленные должны прибыть в Самару 1 ноября. Был выстроен маршрут до города Царицына в сопровождении конвоя, состоявшего из конной команды в количестве 1-го урядника и 10 казаков (учебного) казачьего полка. Далее партии пленных натухайцев от Царицына до Самары предстояло плыть на судах по Волге [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 37–38, 45–47].

В другом документе (это рапорт исполнявшего должность наказного атамана Войска Донского г.-м. Дондукова-Корсакова военному министру от 25 августа 1859 г.) значится, что для сопровождения натухайцев до Самары был назначен офицер из Донского войска, на которого было возложено и обеспечение продовольствием натухайцев во время следования по маршруту. Вместе с ним в конвой выделены еще четыре казака, в том числе был и переводчик [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 66–67]. То, как добирались пленные до места своего нового поселения, следует из письма начальника Саратовской губернии начальнику управления Иррегулярных войск от 23 октября 1859 г.: «Партия пленных натухайцев, следовавшая из г. Новочеркасска для поселения в Самарской губернии, проследовала до г. Царицына и от оного до г. Саратова благополучно, по прибытии же 7 октября в г. Саратов переправлены через

р. Волгу в слободу Покровскую Новоузенского уезда Самарской губ. и передана там, согласно отношения начальника той губернии от 12 сентября за № 5499, в распоряжение местной земской полиции для дальнейшего следования до места водворения в деревню Леташинку [Лятошинка]. …По случаю открывшейся между натухайцами на пути их следования от Царицына в Саратов болезней, и для подания медицинской помощи был командирован особый врач, который и сопровождал партию до места назначения, а натухайцы, по наступлению холодного времени, по распоряжению моему снабжены теплою одеждою, за тем сопровождавший эту партию хорунжий Попов довел до моего сведения, что он препроводил до места водворения благополучно и отправился к своим обязанностям в г. Новочеркасск» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 77–77 об.].

Информацию об этапировании пленных дополняет отношение Министерства государственных имуществ военному министру от 23 декабря 1859 г., в котором есть ссылка на донесение Самарской палаты Государственных имуществ от 19 ноября. Из документа следует, что из числа 159 пленных натухайцев, назначенных по высочайшему повелению к водворению в Самарской губернии, прибыли только 96 человек, в том числе 12 человек, ранее не указанных в списке, остальные же частью умерли в пути, а частью остались в разных местах Кавказа. Водворенным в Самарской губернии натухайцам было выдано 602 руб. 16 ¾ коп. в качестве пособия. Этой суммы было недостаточно для устройства хозяйства, в связи с чем Самарская палата просила разрешения на выделение каждой семье в пособие на обзаведение хозяйством по 55 руб. [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 82–82 об.].

Пленные натухайцы, доехавшие до места назначения в Самарскую губернию с потерями и не успевшие даже обустроиться на новом месте, вскоре вновь окажутся в пути, но уже для возвращения на Кавказ, так как натухайское общество приняло присягу в знак покорности России.

Генерал-квартирмейстер Главного штаба Кавказской армии генерал-адъютант Н. И. Карлгоф пишет в Управление иррегулярных войск от 16 апреля 1860 г., ссылаясь на главнокомандующего войсками Правого крыла Кавказской линии от 29 марта 1860 г., что по случаю покорения натухайцев признает возможным «пленных этого народа, высланных для водворения в Самарскую губернию в числе 159 человек, ныне возвратить на родину на Кавказ» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 87–87 об.].

Уже 21 мая 1860 г. Управление иррегулярных войск уведомляло Первый Департамент Министерства государственных имуществ, что генерал-фельдмаршал Барятинский признает возможным всех пленных натухайцев, высланных для водворения в Самарскую губернию, возвратить на родину и просит министра Государственных имуществ сообщить, есть ли какие-либо препятствия к возвращению горцев на родину, как и в каком порядке удобнее будет совершить отправку их на Кавказ и какие расходы при этом понесет казна [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 121].

За короткий период пребывания на новом месте жительства, примерно около года, натухайцы не успели обзавестись хозяйством, да у них и не было возможности это сделать. Как следует из информации Самарской Палаты государственных имуществ от 13 июня 1860 г., из 159 человек, назначенных к водворению в Самарскую губернию, прибыли на поселение в назначенное село только 95 человек, из них умерли 14, а оставшиеся 81 человек никакого еще домашнего обзаведения не имеют, истратив

выданное им пособие на покупку одежды и на продовольствие. Что касалось маршрута, по которому они должны были возвратиться в Ставрополь, было сказано, что его «удобнее всего осуществить по тому же тракту и в том же порядке, как они следовали в Самарскую губернию». Предполагалось, что обратная дорога из Лятошинки до Ставрополя займет также 68 дней. Кроме того, была определена и сумма выплат на человека в сутки (по 7 копеек) на приобретение продовольствия [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 121 об.–122 об.].

В обратный путь натухайцы отправились столь же неподготовленными, как в свое время в ссылку, о чем свидетельствует рапорт наказного атамана Войска Донского генерал-адъютанта М. Г. Хомутова военному министру от 3 декабря 1860 г. Генерал отмечал, что сопровождавший пленных натухайцев от Саратова до Новочеркасска хорунжий Рыковский с пути следования написал, что из-за наступивших холодов некоторые горцы мерзнут, так как не имеют теплой одежды. Деньги, выделенные по распоряжению Самарской палаты государственных имуществ на покупку продовольствия, оказались недостаточны для того, чтобы потратить еще и на приобретение одежды [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 159–160].

23 марта 1861 г. генерал-адъютант М. Г. Хомутов написал военному министру, что из Самарской губернии на Кавказ вернулись и были сданы в Екатеринодар по квитанции начальника Штаба Кубанского казачьего войска генерал-майора Л. И. Кусакова 68 пленных натухайцев [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 162–164]. О судьбе остальных натухайцев станет известно из отношения Хомутова в управление Иррегулярных войск от 8 ноября 1861 г., в частности, что из поселенных в Самарской губернии 81 человека в обратный путь отправились только 69, остальные 12 умерли на месте поселения — в деревне Лятошинка Новоузенского уезда [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 166–166 об.]. Итак, в Екатеринбург вернулись 68 человек, которых нужно определить на поселение в отведенный для этого земельный надел, как правило, малопригодный для ведения хозяйства. К сожалению, сведений о дальнейшей судьбе этих людей в материалах архивов выявить не удалось.

Следует отметить, что по спискам, составленным после пленения натухайцев, а также по спискам отправленных на поселение и доехавших до Самары, видно, что пленных было больше и соответственно отправленных по этапу могло быть не 159 человек, а более. При внимательном изучении имеющихся списков можно сделать вывод, что существует путаница в численности плененных, больных, оставшихся до этапирования в лечебных заведениях, отправленных на поселение и впоследствии возвращенных на Кавказ. В то же время видно, как заботились друг о друге пленные, опекали осиротевших детей, но участь многих была предрешена теми, кто отправил их, в том числе малолетних, в тяжелый и долгий путь, обрекая на холод и голод, которые привели к смерти многих переселенцев.

Несмотря на имевшиеся факты покорения отдельных обществ на Западном Кавказе, процесс этот продолжался. Он был плотно связан и с вопросом обустройства горцев, которых переселяли с привычного места проживания. Кавказское начальство «стремилось ослабить численный состав горского населения, всячески содействуя переселению основной части его в пределы Турецкой империи и даже прямо вызывая этот процесс, а другой части— на плоскость, “очищенные” же районы заселить казачьими станицами» [Дзидзария, 1975, с. 195].

Активным исполнителем этой политики был командующий войсками Кубанской и Терской областей генерал-адъютант Н. И. Евдокимов. В письме начальнику Натухайского округа генерал-майору П. Д. Бабичу от 14 октября 1861 г. он сообщал: «Мы должны сделаться грозою для буйного, необузданного народа, когда путем добра и снисхождения не добились повиновения, и для этого лучшее время, конечно, теперь…». В другом отрывке письма, где речь идет о прокладывании дороги от укрепления Вареникова до Гостагая, Евдокимов пишет, «если у Гостагая окажутся поселившиеся натухайцы, то оставить их на месте до весны, весною же приказать им поселиться в границах, указанных мною для натухайцев». Или: «Если же нужно, обратитесь к ним и сделайте дорогу, или истребите аулы неповинующихся и поселите в болота аулы покоренных. Управившись с этим обществом свободнее будет действовать против тех, которые впереди. Оставить натухайцев разрешаю только в том случае, если они будут смирны и послушны и дадут присягу выселиться раннею весною» [ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 36. Л. 20–22; Проблемы кавказской войны, 2001, док. № 82]. В одном письме содержится масса предложений, как поступить с натухайцами (наказать, переселить, истребить аулы, жилища, решительно объявить и т. д.), но нет ни слова о том, как интегрировать их в новые реалии, как не допустить гибели людей, отчуждения их от мест проживания, не подвести их к массовому переселению, выселению за пределы родины.

А пока генерал Евдокимов направляет предписание начальнику Адагумского отряда (25 октября 1861 г.), где излагает план действий в землях натухайцев: «кроме станиц у Варениковского и бывшего Гостагаевского укреплений, я предполагаю в будущем году приступить вообще к колонизации Натухайского округа, и в этих видах в число переселенцев, для сего необходимых, предположить до 500 семейств Азовских казаков… Эти 500 семейств я полагаю приблизительно распределить следующим образом: 100 водворить около укрепления Константиновского, по 150 — в долинах Озерейка и Суко и, наконец, небольшой поселок — до 100 дворов — около Анапы» [ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 36. Л. 25; Проблемы кавказской войны, 2001, док № 83]. Переговорам натухайцев долины Суко [Сукко] по вопросу принятия покорности посвящена статья, опубликованная в газете «Республика Абхазия» [Цвижба, 2014].

Процесс освоения земель натухайцев будет продолжаться и в дальнейшем, что приведет к постепенному их вытеснению, результатом чего станет массовое переселение их в Османскую Турцию.

Представленные ниже два списка содержат сведения об отправленных на поселение в Самарскую губернию натухайцев: их имена и фамилии, состав семьи, возраст каждого упомянутого человека, кто в какую семью переходил в сложившейся сложной ситуации, физическое состояние людей; сумма выплат на семью. В имеющихся списках людей переписывали неоднократно в период обсуждения вопроса об их дальнейшей судьбе и отправке на поселение, имелись небольшие разночтения в написании фамилий и имен, возможно, допущены и искажения.

Табл. 1. Именной список [1] пленных натухайцев, предназначавшихся к поселению в деревне Лятошинка в Новоузенском уезде и действительно поселенных
(по: [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 94–106])

№	*Имена и фамилии*	*м.п. лет*	*ж.п. лет*	*Примечания*	*пособия: руб.*	*коп.*
	с реки Озерейк					
1	Хачисав Шу жена его Дехесай сыновья: Асламбей Шу Муссо дочери: Берамхам Диду	50 25 17	 48 15 14	Хачислав Шу принимает к себе Наю и девицу Дзекош (в списке под № 8) Дехесай **умерла** дорогой Муссо женился на Беркет	51	27
2	невестка Гачислава: Камкаш (Халюбат) сын ее Ахмед дочь Нефези	 1½	 27 2	Ахмет и Нефези **умерли** дорогой		
3	Аслан Гири Гадыпас жена его Хабибе сыновья: Карбеч Шумаф Сагат Кирей (Гирей) Шан Кирей дочь Хан	68 11 9 8 4	 58 5	Аслан, Хабибе и дочь Хан **умерли** дорогой. Сыновья приняты Шовонашом Карзей. Шумаф, Сахот и Шан – больны		
4	Цыгус Шмазок жена его Нехок дочь Газис	35	 34 5	Нехок и сын ее Шарлук в этом списке не показаны, **умерли** дорогой. Газис больна	6	
5	братья: Шавонаш Карзей Байрам Носу сестра их Фатьма	30 25 20	 11	принял к себе 4-х человек из списка под №3	51	27
6	невестка Хацац дочь ее Рампес		20 4 м			
7	дворянка Гоаф Корзей девица Семиле Хан Тлухураюк		15 15			
8	Нагай Шу жена его Шажцук сыновья: Нахо (Науго) Осмен	30 4 2	 25	 Шажцук умерла дорогой	51	27

	дочь Дзекош		3	Науго и Дзекош отошли к семье Хачисава Шу		
9	Хассаф Тлат жена его Гоугош	27	 19	Гаугош в Майкопской больнице Гассаф в Саратововском госпитале. Принимают Маймета и Ахмета Тлат (в списке под № 32)	51	27
10	братья: Пейзад, Тлухун сестры: Гофиз Ганифе	16 12	 6 4	братья отошли к семье в списке под № 45 Пейзад болен сестры **умерли** дорогой		
11	Женщина Кубзе Тлаше дочери ее: Фатьма, Хауком		30 2½ 5 м			
12	Камубат Тлаш жена его Паке дочери: Рагаде, Псесекар Коз Габибе сын их Хаучас	50 8 м	 42 16 14 8 6			
13	женщина Нашхо		20			
14	женщина Гуашок Гатлок дочь ее Пхучас приемыш Шефил Ацок	 9	40 9			
15	Бижан Гатлок жена его Рас сыновья их: Алазук Гуэдхиж	30 9 2	 27			
	с реки Озерейк					
16	братья: Атулах Тлапс Кубзет Тлапс	15 13		Атулах болен Оба отходят к семье в списке под № 34		
17	Шумаф Ергуз	12		отходит к семье в списке под № 50		

	с реки Дуг					
18	женщина Дзоугаш Гатлок, муж Митаф девицы: Рашли Гатлок, Кашмаф Гатлок Качкат Гатлок		 30 9 7 4		6	
19	женщина Хоугаж Гатлок дочь Чимхан		30 2	Муж Габитиз*	6	
20	женщина Зазе Гатлок		80		6	
21	женщина Прин Гатлок. Хаш Гатлок сыновья ее: Умар Гатлок, Шумаф	 3 1½	40 35	муж Гачимаф* муж Нидчу*	6 6	
22	Габий Гатлок	60			6	
23	Пшекуй Тлухураюк жена его Хашицук. дочери их: Табирхан Афили Шерифе Айше	70	 50 20 10 5 м 4		51	27
24	крестьянка женщина Сас		35		6	
25	Акибей Тлиф жена его Саш сын их Магамтале отец Гапай Тлиф	45 5 80	 35	Акибей болен. Сюда отходят люди из списка под № 26	51	27
26	женщина Безерхан Тлиф дочери ее: Бук Кашифиж		30 6 8 м	муж Тугуз* Бук больна	6	
27	Бекир Ду жена его Гош	30	 22		51	27
28	сестры: женщина Набзе и девица Науго. брат его Магомталь	 12	35 15	муж Бирам*. Набзе вышла замуж за Пшекуя Тлифа (в списке под №42), который отчислен в эту семью. Набзе больна	6	
29	Джембулат Мефеджа	25		Джембулат болен	6	
30	женщина Кошемаф дочь ее Комкач. мальчик Алибей (брат Джембулата)	 10	35 7		6	
31	Гусейн Мефедзи мать его Салиха (муж Мефедзи) сестра его Дзекаш	28	 70 16	Гуссеин женился на Берамхан (в списке под №1). Салиха пришла в Лятошинко, **умерла** 14 октября	51	27

32	Зекерей Мефедзи мать его Ганифе сестра его Гаво братья: Маймет Тлат и Ахмет (отец их Гапух)	16 7 5	 45 10	 Гаво больна. Маймет и Ахмет Тлат отошли к семье по списку под № 9	6	
33	Четыгез Ду жена его Негой дочь Наго сын Магомтале. мальчик Гучиз Хохоз,	80 4 10	 40 10	Четыгез **умер** по дороге, жена его сталась в Камышенском госпитале. Наго и Магомтале приняты Бекиром Ду (в список под № 27)	51	27
34	мужчина Севосав Шазок дочь его Цаган сестра его Габзе	27	 2 18	принял к себе Атулаха и Кубзета Тлапс (в списке под№ 16) и Пшекуя Айскоша	51	27
35	вдова Шипучас Шазок		55	приняла Гучипса и Камсава Шазок (из списка под №40) и женщину Гаукош Тлач (в списке под № 43). Гаукош больна	6	
36	мальчик Паке Шазок	3		отец Гаху*		
37	женщина Паний Шазок		45	муж Пейзад*. Вышла замуж за Авзия Пшечича	6	
38	женщина Нашхо Шазок		27		6	
39	девица Нейкош Тлаше		5	отец Тхазефеш*		
40	женщина Сас Шазок сын ее Гучипс	 5	35	муж Негой*. Сас умерла дорогой. Кроме Гучипса остался сын Камсав 5 мес., в этот список невнесенный и по сдаточному списку значится под № 86. Гучипс и Камсав отходят к семье в списке под № 35	6	
41	Гахутез Ду	30			6	
42	Пшекуй Тлиф	22		по женитьбе отошел к семье по списку под № 28	6	

43	женщина Гаукош Тлач дочь ее Афимит		22 4 м	муж Тхазефеш*. Отошла к семейству № 35. Гаукош больна	6	
44	женщина Сас Хакоз сыновья: Мамсыр Суц	 30 ?	30	муж Тутух*. Принимает девочку Хаерхан Мамсыр болен	6	
	с реки Озерейк					
45	Лучец Тлаш дочери ее: Гаво и Бейкус		30 7 6 м	муж Нечерез*. Принимает из списка под №10 Пейзада и Тлухуна	6	
46	Ислам Тлаш жена его Тлайчас сын их Исгам	35 3	 28		51	27
	с реки Дуг					
47	женщина Хок Тлухураюк невестка Хот Тлухураюк сыновья: Гахуцук Бешкуш дочери: Богаус Кожез Осмен	 4 8	50 35 6 7 6 м	муж Коблук*. Хот и дочь ее Кожез больны	6	
48	женщина Кусим Тлухураюк сын ее Незок дочь Гасис	 1	25 3	муж Атулаз*		
49	Татлустан Гадипас жена его Айше дочери их: Сеферхан Камефиш сын их Сельмен	30 7	 27 6 2	Айше вышла замуж за Пшимафа Гадипаса (в списке под №50), куда отчисляются и дети ее		
50	женщина Кошфихор Гесин сын ее Пшимаф Гадыпас	 22	60	Пшимаф Гадыпас женится и берет 2-х детей Айше (из списка под № 49), сверх того принимает к себе Шумафа Ергуза (из списка под № 17)		
51	крепостная женщина Тлапс женщина Гаво девица Хафизе Хохоз мальчик Сагат Гирей Тлухурагок (отец Салим*)	 5	50 23 6	Тлапс **умерла** дорогой		
52	девица Нашха Тлухурагок женщина Гекулус Керзейд (муж Тучуз*)		7 45			

53	крепостная девица Гафизе Керзейд		5			
54	мальчик неизвестной фамилии, (находится у всадника Анапского полуэскадрона Хако).	1½		по словам горцев этот мальчик остался на руках у Хако		
55	малютка нескольких дней неизвестной фамилии					

Итого: 159: 64 95 (15 чел. умерли, 20 — больны. — *Л. Ц.*)

* В этой графе отмечены мужья, которых, скорее всего, уже не было в живых. — *Л. Ц.*

Табл. 2. Список [2] дополнительно отправленных пленных к водворению вместе с вышеназванными лицами, полученный из Самарской палаты государственных имуществ (по: [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 106 об.–107 об.])

№	*Имена и фамилии*	*М.п. возраст*	*Ж.п. возраст*	*Примечания*
	9 ноября 1859 г. **с реки Музекиш**			
1	Авзий Пшечеч	37		женился на Пани Шазок, см. №37 по списку [1]
	13 ноября 1859 г. **в Цемесском ущелье**			
2 3 4	братья: Осман Бат Лебсегач Бат жена его Дзекош	30 22	 16	
5	женщина Гот Шу		23	отошла к № 32 по списку [1], больна
6	Шарлук Смазок	2 мес.		Шарлук **умер** дорогой
7	Камсаф Шазак	5		с семейством № 40 (?)
8	девушка Хаерхан Хакоз		4 мес.	принята в семью (в [1] списке под № 44), больна
	2 апреля 1859 г. **в ущелье Псебез**			
9	Пшекуй Айокош	10		
10	Шеавкон Ацак	9		
11 12 13	братья: Зекерей Ибергаш сестра их Сухет	15 12	 1½	
14 15 16 17 18	Базико Нахло жена его Патке сын их Хуходук дочери: Кошецук Поспиц	35 3½	 27 2½ 5 мес.	находится в Саратовском госпитале

ИТОГО: 18: 11 7 (1 умер, 3 больны. — *Л. Ц.)*

Выселения в отдаленные от Кавказа регионы были одним из многих методов принуждения горцев к принятию присяги в знак покорности Российской империи. На примере незначительной части натухайского общества, попавшей в плен в 1858 г. видно, как российская власть искала решение сложного вопроса: как поступать с людьми, оказавшимися на пути продвижения военных отрядов! К сожалению, политика России на Кавказе не оставила выбора горцам остаться в местах своего проживания, потому как их земли распределялись под казачьи поселения. Этому свидетельствуют факты начавшейся колонизации Натухайского округа в начале 60-х годов XIX в. Эти меры впоследствии приведут к вынужденному массовому переселению в Турцию как натухайцев, так и других народов Кавказа.

Литература / References

Дзидзария Г. Н. *Махаджирство и проблемы истории Абхазии XIX столетия*. Сухуми, 1975 [Dzidzaria G. N. *Mahajirism and Problems of the History of Abkhazia of the 19th century*. Sukhumi, 1975 (in Russian)].

Проблемы кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20–70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Под ред. Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 2001 [*Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians into the Ottoman Empire (the 20th–70-s of the 19th Century). Collection of Archival Documents*. T. Kh. Kumykov (ed.). Nalchik, 2001 (in Russian)].

Цвижба Л. И. Натухайцы. Из истории присоединения Западного Кавказа к России. *Республика Абхазия*. № 71. 04.07.2014 [Tsvizhba L. I. From the History of the Accession of the Western Caucasus to Russia. *Republic of Abkhazia*. 2014. № 71, July 4 (in Russian)].

Цвижба Л. И. Натухайцы в системе политики Российской империи. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 2 (8). С. 194–202 [*Tsvizhba L. I.* Natukhai People in the Political System of the Russian Empire. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2019. 2. Pp. 194–202 (in Russian)].

Архивные документы/Archive documents

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) [State Archive of Krasnodar Region]. Фонд 389. Опись 1. Дело 36.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military-Historical Archive]. Фонд 330. Опись 3. Дело 587.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-277-283

ЮЖНО-МАНЬЧЖУРСКАЯ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНАЯ КОМПАНИЯ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX В.

В. В. Досовицкая[*]

По результатам Портсмутского мирного договора после Русско-японской войны 1904–1905 гг. Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД) отошла к Японии. Годом позже, в 1906 г., была основана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (ЮМЖК), ставшая основным средством проникновения в Южную Маньчжурию японского капитала, главным способом политического и экономического влияния Японии на этот регион еще задолго до Маньчжурского инцидента 1931 г. и основания марионеточного государства Маньчжоу-го в 1932 г. В данной статье мы рассмотрим структуру компании, основные направления ее деятельности, обстоятельства, в связи с которыми были заложены основы для последующей политической, экономической и военной экспансии Японии и основания Маньчжоу-го. ЮМЖК являлась полугосударственной компанией, и в первые годы финансирование осуществлялось за счет правительства Японии, которое также назначало ее высшее руководство. Благодаря активному развитию ЮМЖК в период после Русско-японской войны компания стала считаться одним из крупнейших предприятий — она владела не только железными дорогами (магистральные линии от Чанчуня до Порт-Артура, а также из Пусана в Фэнтянь), но и промышленными предприятиями Южной Маньчжурии (горнодобывающие, металлургические и химические, например, Фушуньские угольные копи и Аншанские железные рудники), под ее началом развивались строительные инициативы (учреждения образования и здравоохранения, гарнизоны, гостиницы, рестораны, портовая инфраструктура), а исследовательское бюро компании являлось образцом качественного анализа информации. Японское правительство крайне гордилось успехами ЮМЖК, а потеря Южной Маньчжурии Россией стала серьезным испытанием для последней, ведь эта территория в итоге стала политическим, экономическим и военным плацдармом Японии на материке в период до и во время Второй мировой войны.

Ключевые слова: Китайско-Восточная железная дорога, Южно-Маньчжурская железная дорога, Русско-японская война, внешняя политика Японии, Маньчжуро-Монголия, Маньчжурия, империализм.

Для цитирования: Досовицкая В. В. Южно-Маньчжурская железнодорожная компания в первой половине XX в. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 277–283. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-277-283

[*] Вера Валерьевна ДОСОВИЦКАЯ, кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dosovitskaya@ivran.ru

Vera V. DOSOVITSKAIA, PhD (History), Junior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dosovitskaya@ivran.ru

ORCID ID: 0000-0003-3444-0218

SOUTH MANCHURIAN RAILWAY COMPANY IN THE FIRST HALF OF THE 20TH CENTURY

Vera V. Dosovitskaia

Pursuant to the Portsmouth Peace Treaty that concluded the Russo-Japanese War of 1904–05, ownership of the South Manchurian Railway (SMR) went to Japan. A year later, in 1906, the South Manchurian Railway Company (SMRC) was established. SMRC became the main avenue through which Japanese capital penetrated South Manchuria, the main tool for Japan to influence the region politically and economically — long before the 1931 Manchurian incident and the foundation of the puppet state of Manchukuo in 1932. In this article we will look at the structure of the company, its activities, and factors enabling Japan's political, economic and military expansion and ultimately the founding of Manchukuo. SMRC was a semi-state-owned company, and in its early years the funding was provided by the Japanese government, which appointed senior management of SMRC. Its active development in the wake of the Russo-Japanese War made the company very large — it owned railways (trunk lines from Changchun to Port Arthur, and from Busan to Fengtien) and industrial enterprises in Southern Manchuria (mining, metallurgical and chemical facilities, for example, Fushun coal mines and Anshan iron mines), it pursued building initiatives (educational and health institutions, garrisons, hotels, restaurants, port infrastructure), and its research bureau was an exemplary analytical office. The Japanese government was proud of the successes of the SMRC, whereas for Russia, the loss of South Manchuria was a major hit because ultimately this territory became the political, economic and military bridgehead on the mainland before and during World War II.

Keywords: the Chinese Eastern Railway, the South Manchuria Railway, the Russo-Japanese war, foreign policy of Japan, Manchuria-Mongolia, Manchuria, imperialism.

For citation: Dosovitskaia V. V. South Manchurian Railway Company in the First Half of the 20th Century. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2020. 2. Pp. 277–283. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-277-283

Во второй половине XIX — начале XX вв. Япония переживала беспрецедентные перемены: был свергнут сёгунат Токугава и благодаря т. н. Реставрации Мэйдзи[1] 1868–1869 гг. страна встала на путь капиталистического развития и индустриализации. «Причины беспрецедентного роста Японии середины — второй половины XIX в. сложились именно в этот мирный период» [Nakamura, 1985, p. 1], и именно в эпоху Мэйдзи были заложены основы процветания Японии в XX в.

Маньчжурия официально входила в состав империи инн, но к концу XIX в. Российская империя почти полностью захватила эти земли: в 1898 г. она получила контроль над полуостровом Ляодун и портом Люйшунь (Порт-Артур)[2], а также стала развивать порт Далянь (Дальний)[3] [Noguchi, Boyns, 2013, p. 3]. На территории

[1] Реставрация Мэйдзи (明治維新) — яп. *мэйдзи исин*, комплекс политических, военных и социально-экономических реформ в Японии 1868–1889 гг., превративший отсталую аграрную страну в одно из ведущих государств мира.

[2] Люйшунь (旅順) — рус. Порт-Артур, яп. Рёдзюн, бывший портовый город, незамерзающий порт и военно-морская база, расположенная на Квантунском полуострове. В настоящее время на месте бывшего города расположен район Люйшунькоу города Далянь КНР.

[3] Далянь (大連) — яп. Дайрен, рус. Дальний, город в провинции Ляонин, порт в заливе Желтого моря на Квантунском полуострове.

Маньчжурии Россия продлила Транссибирскую железную дорогу на юг в виде Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД)[4], соединившей Читу с Владивостоком и Порт-Артуром. Это способствовало еще большему увеличению влияния Российской империи на Дальнем Востоке.

В 1904–1905 гг. произошла Русско-японская война, по окончании которой был заключен Портсмутский мирный договор. В соответствии с договором победившей в войне с Россией Японии отошли Южный Сахалин, права на аренду Ляодунского полуострова и Южно-Маньчжурская железная дорога (ЮМЖД; 南満洲鉄道; *минамимансю:тэцудо*:) — железнодорожная магистраль протяженностью 941 км, протянувшаяся от Чанчуня до Порт-Артура и являющаяся южной частью КВЖД). Международный авторитет Японии возрос, и она вступила в клуб великих держав.

После войны Маньчжурия фактически была поделена на сферы влияния между Россией и Японией. В 1907, 1910, 1912 и 1916 гг. были заключены русско-японские общеполитические конвенции, в соответствии с которыми в сферу влияния России вошли Северная Маньчжурия, Внешняя Монголия[5] и западная часть Внутренней Монголии[6], в сферу влияния Японии — Южная Маньчжурия, Корейский полуостров и восточная часть Внутренней Монголии [Гримм, 1927, с. 169, 176–177, 180, 191–192]. Но в 1917 г. произошла Русская революция, которая нарушила все договоренности.

На основе ЮМЖД в 1906 г. была создана Южно-Маньчжурская железнодорожная компания (ЮМЖК, яп. 南満洲鉄道株式会社, *минамимансю:тэцудо:кабусикигайся*, или кратко 満鉄, *мантэцу*). Именно о *мантэцу*, главном средстве политического и экономического влияния Японии в Южной Маньчжурии, и пойдет речь в статье.

Компания была учреждена 7 июня 1906 г. и, по сути, стала отвечать за управление всей территорией Южной Маньчжурии, а также за защиту особых прав и интересов Японии в этом регионе. Именно правительство Японии назначало высшего руководителя *мантэцу* — президента, а также двух вице-президентов, совет директоров и инспекторов. Президент и вице-президенты назначались на 5 лет, директора — на 4 года [Noguchi, Boyns, 2013, p. 6]. Такая система привносила элемент государственного контроля в компанию [Kawakami, 1932, p. 114]. Первым президентом *мантэцу* был назначен губернатор Тайваня Гото Симпэй[7]. И уже 1 апреля 1907 г. *мантэцу* официально начала свою деятельность. Под контроль компании было передано 1142,3 км железных дорог с территорией общей площадью 250 кв. км, где компании предстояло построить инфраструктуру для обслуживания железной дороги и обеспечения жизнедеятельности всех предприятий, входивших в *мантэцу*. Штаб-квартира *мантэцу* изначально находилась в Токио, но в апреле 1907 г. была перенесена на территорию глубоководного, искусственно созданного коммерческого порта Дальний [Мияваки, 2010, с. 167; Matsusaka, 2010, p. 38].

[4] КВЖД была построена в 1897–1903 гг.; общая протяженность 2450 км.

[5] Так называемая «Внешняя Монголия» — территория современной Республики Монголия. До 1911 г. входила в состав Цинской империи. 1924–1992 гг. — Монгольская Народная Республика (МНР).

[6] Так называемая «Внутренняя Монголия» — современный автономный район на севере КНР. Входил в состав Цинской империи. Восточная часть Внутренней Монголии вошла в состав Маньчжоу-го.

[7] Гото Симпэй (1857–1929) — японский политический деятель, губернатор Тайваня, первый президент *мантэцу*, мэр Токио.

После заключения Портсмутского договора в Квантунской области Ляодунского полуострова были размещены специальные гарнизоны японских военных в количестве 15 человек на 1 км для охраны железной дороги и прилегающих областей (во время переговоров количество военных варьировалось от 5 до 20 человек) [Асада, 2014, с. 54] Именно эти гарнизоны для охраны порядка на ЮМЖД стали основой для создания в 1919 г. знаменитой Квантунской армии.

Администрация состояла из пяти управлений — общего, исследовательского, транспортного, горнорудного и местного. Общее управление отвечало за бухгалтерский учет, а также строительство сооружений, необходимых для деятельности компании. Исследовательский отдел проводил фундаментальные исследования, на основе которых формировался основной вектор политики компании. Транспортный отдел занимался железными дорогами, строительством и эксплуатацией порта Дальнего. Горнорудный отдел проводил геологические исследования и занимался продажей полезных ископаемых. Местное управление отвечало за управление территорией, расположенной вблизи железных дорог [Мияваки, 2010, p. 167].

Исследовательское управление (満鉄調査部; *мантэцу тёсабу*) было создано в 1907 г. по инициативе президента *мантэцу* Гото, считавшего исследовательскую деятельность самой необходимой в колониальном управлении [Fogel, 1988, p. VII]. В функции управления входило изучение ресурсов и экономического потенциала Южной Маньчжурии, а также культуры и обычаев коренных жителей. Одним из крупнейших направлений исследования стало все, что касалось отношений с Россией (позже с СССР). С расширением своей деятельности управление открыло отделения в Мукдене, в Северном и Центральном Китае и к 1940 г. насчитывало 2354 сотрудника. По заказу Квантунской армии в 1937 г. исследовательское управление разработало план индустриализации Маньчжурии [Батбаяр, 2002, с. 43].

Большинство служащих *мантэцу* происходили из японского чиновничества, в то время как основная масса работников более низкого уровня была набрана из низкооплачиваемого местного населения Северо-Восточного Китая [Chen, 2015, p. 78]. В 1907 г. 9 тыс. японцев и 4 тыс. китайцев были приняты на службу в компанию, и к 1910 г. количество сотрудников увеличилось до 35 тыс. и 25 тыс. человек соответственно [Noguchi, Boyns, 2013, p. 4][8].

Капитализация ЮМЖД составила 200 млн. иен, половина из этой суммы выделило японское правительство в виде железных дорог и угольных шахт, переданных Японии Россией по Портсмутскому договору после Русско-японской войны [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 56. Л. 49; Мияваки, Окада, 2013, с. 102]. Вплоть до 1914 г. финансирование осуществлялось за счет японского правительства и выпущенных из-за рубежа корпоративных облигаций, на долю которых в совокупности приходилось около 85,6 % общего финансирования компании [Chen, 2015, p. 77]. К 1920 г. капитализация компании увеличилась на 240 млн. иен и составила 440 млн. иен (220 млн. долларов) [Adachi, 1925, p. 114]; в конце 1920-х — начале 1930-х гг. — 670 млн. иен и давала прибыль более 42 млн. иен в год [Тульский, Матросов, 1932, с. 12]; в 1933 г. — 800 млн. иен при прежнем соотношении государственного и частного [Молодяков, 2006б, с. 355]. Крупнейшие японские *дзайбацу* «Мицуи», «Мицубиси»,

[8] Подробнее о проблеме японских переселенцев см.: [Досовицкая, 2016, с. 144–160].

«Сумитомо» и «Ясуда» являлись обладателями акций *мантэцу* [Захарова, 1990, с. 61], а компания стала основным каналом проникновения сюда японского капитала [Досовицкая, 2014, с. 30].

Основную деятельность *мантэцу* можно разделить на следующие категории — непосредственно железнодорожные перевозки, т. н. «побочный бизнес» для поддержания функционирования железных дорог, например, железнодорожные мастерские [Мияваки, 2010, p. 166–167], а также ряд ключевых промышленных предприятий, рудников и шахт, лесные и земельные угодья, гостиницы и портовая инфраструктура. Среди активов особенно выделялись знаменитые Фушуньские угольные копи. Важное место также занимали порт Дальний, служивший перевалочной базой для вывоза японских товаров на материк, железные рудники (в Аншане), газовые лесопильные заводы, доменные печи и т. д.

Еще до «Маньчжурского инцидента» 1931 г.[9] в систему *мантэцу* входили около 20 компаний с капиталом более 1 млн. иен каждая, включая Фушуньские копи и Дайренское морское пароходство. И уже к 1938 г. число аффилированных компаний дошло до 80 [Молодяков, 2006б, с. 356].

Угольные шахты в Фушуне, по некоторым оценкам, были известны еще с XII в., но добыча угля не разрешалась, так как по традиционным представлениям входила в противоречие с законами *фэншуй*. В начале XX в. копи в небольших масштабах использовались Российской империей, но в крупных масштабах добыча угля началась лишь после 1907 г., когда эти земли были переданы в пользование *мантэцу*. Так, если раньше в Фушуне добывалось 360 т угля в день, то после первого расширения шахт в 1912 г. компания стала получать 5 тыс. т ежедневно [Manchuria, 1924, p. 27–30], в 1927 г. уже планировалось увеличить добычу с 6,5 до 10 млн. т в год [РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 127. Д. 183. Л. 117], и к 1931 г. объем добычи угля достиг 9,5 млн. т, а к концу Второй мировой войны — не менее 25 млн. т [Раппорот, 1945. с. 8]. Запасы угля в Фушуне оценивались в 1 млрд. 200 млн. т [Adachi, 1925, p. 114].

Изначально вся *мантэцу*, являясь южной частью КВЖД, была построена с русской колеей (1524 мм), но после войны японцы перевели дорогу на стандартную (1435 мм), чтобы соединить ЮМЖД с другими железными дорогами Китая. Благодаря этим мерам *мантэцу* смогла приступить к развитию сети железных дорог довольно быстро [Noguchi, Boyns, 2013, p. 4]. Стали появляться склады для хранения грузов, портовые сооружения и ремонтные мастерские для локомотивов.

Мантэцу контролировала не только магистральную линию, соединяющую Чанчунь и Порт-Артур. В 1911 г. было завершено строительство железнодорожной ветки от Фэнтяня (Мукден, совр. Шэньян) до Андона (совр. Даньдун) на границе реки Ялу, где *мантэцу* соединялась с управляемой японцами корейской железнодорожной системой и портом Пусан. Таким образом, была создана единая транспортная сеть, способствовавшая развитию экономики регионов и усилению связи с метрополией, а в случае необходимости позволявшая оперативно перебрасывать войска. Многие политики надеялись, что маршрут Пусан–Андон–Фэнтянь в конечном счете вытеснит маршрут из Порт-Артура [Matsusaka, 2010, p. 38].

[9] Маньчжурский инцидент — подрыв железной дороги около Мукдена 18 сентября 1931 г. и последовавшее за этим наступление Квантунской армии Японии, послужившее началом захвата Маньчжурии.

Железнодорожная сеть, контролируемая *мантэцу*, не сильно изменилась с 1906 по 1931 гг., т. к. в этот период в основном развивались промышленность, сельское хозяйство и торговля. И только после Маньчжурского инцидента и основания Маньчжоу-го в 1932 г. протяженность дорог выросла с 5,6 тыс. км в 1931 г. до 13 тыс. км в 1945 г. [Ginsburg, 1949, p. 398].

Развитию сети железных дорог также способствовала политика правительства Японии, делавшего все для создания максимально благоприятных условий для функционирования *мантэцу*. Например, секретный протокол к Пекинскому договору с Китаем от 22 декабря 1905 г., закрепивший переход к Японии всех бывших прав и владений России в Южной Маньчжурии, содержал обязательство Китая не строить железных дорог параллельно *мантэцу* или боковых линий, способных нанести ей экономический ущерб [Молодяков, 2006б, с. 12].

Официально захват Японией Маньчжурии начался с Маньчжурского инцидента 1931 г. и основания Маньчжоу-го в 1932 г. Однако в действительности это был длительный процесс, начавшийся значительно раньше в 1904–1905 гг. с приобретением Японией прав на аренду Ляодунского полуострова вместе с южной частью КВЖД. Именно в тот период «крупнейшие железнодорожные компании стали превращаться в «государства в государстве», т. к. с возможностью перебрасывать войска с невиданной ранее скоростью произошло осознание военного потенциала железных дорог и расширение театра военных действий» [Молодяков, 2006а, с. 11].

Япония по-настоящему гордилась созданным предприятием и постоянно сравнивала свои показателями с показателями их русских предшественников до войны. Японцы считали *мантэцу* «более коммерческим» предприятием и осознанно приуменьшали роль КВЖД в освоении Маньчжурии, хотя именно Россия вложила силы и средства на начальном, наиболее трудном и неприбыльном этапе строительства дороги. «Русские принесли в Маньчжурию деньги, японцы привели сюда бизнес», — такова была расхожая оценка современников [Молодяков, 2006а, с. 15]. И действительно, потеря южной части КВЖД стала серьезным ударом для России, ведь эта территория представлялась крайне важной как стратегически, так и экономически, а в итоге Маньчжурия превратилась в плацдарм военно-политической экспансии Японии.

Литература / References

Батбаяр Ц. *Монголия и Япония в первой половине XX в.* Улан-Удэ, 2002 [Batbayar Ts. *Mongolia and Japan in the 1st Half of the 20th Century.* Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

Гримм Э. Д. *Сборник договоров и других инструментов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842–1925).* М., 1927 [Grimm E. D. *Collection of Treaties and Other Instruments on the History of International Relations in the Far East (1842–1925).* Moscow, 1927 (in Russian)].

Досовицкая В. В. Маньчжурский вектор внешней политики Японии накануне и период Первой мировой войны. *Проблемы востоковедения.* 2014. № 4. С. 30–33 [Dosovitskaia V. V. The Manchurian Vector of Japanese Foreign Policy on the Eve and during the First World War. *Problems of Oriental Studies.* 2014. 4. Pp. 30–33 (in Russian)].

Досовицкая В. В. Японская иммиграция в Маньчжоу-Го. *Государственная и квазигосударственная природа Маньчжоу-Го: исторические очерки.* Иркутск, 2016. С. 144–160 [Dosovitskaia V. V. Japanese Immigration to Manchukuo. *State and Quasi-State Nature of Manchukuo: Historical Essays.* Irkutsk, 2016. Pp. 144–160 (in Russian)].

Захарова Г. Ф. *Политика Японии в Маньчжурии 1932–1945*. М., 1990 [Zakharova G. F. *Japanese Policy in Manchuria 1932–1934*. Moscow, 1990 (in Russian)].
Молодяков В. Э. *Гото Симпэй и русско-японские отношения*. М., 2006a [Molodyakov V. E. *Goto Simpei and Russian-Japanese Relations*. Moscow, 2006a (in Russian)].
Молодяков В. Э. *Россия и Япония: рельсы гудят*. М., 2006б [Molodyakov V. E. *Russia and Japan: The Rails are Buzzing*. Moscow, 2006б (in Russian)].
Раппорот В. *Маньчжурия*. Б.м., 1945 [Rappoport V. *Manchuria*. S.l., 1945 (in Russian)].
Тульский С., Матросов Ф. *Маньчжурия*. Б.м., 1932 [Tulskiy S., Matrosov F. *Manchuria*. S.l., 1932 (in Russian)].
Adachi K. *Manchuria: A Survey*. New York, 1925.
Fogel J. A. *Life along the South Manchurian Railway: The Memoirs of Ito Takeo*. New York, 1988.
Ginsburg N. S. Manchurian Railway Development. *The Far Eastern Quarterly*. 1949. Vol. 8. No. 4. Pp. 398–411.
Matsusaka Y. T. Japan's South Manchuria Railway Company in Northeast China, 1906–34. *Manchurian Railways and the Opening of China. An International History*. New York, 2010. Pp. 37–58.
Kawakami K. K. Manchurian Background I. *Pacific Affairs*. 1932. Vol. 5. No. 2. Pp. 111–130.
Manchuria: Land of Opportunities. New York, 1924.
Nakamura T. *Economic Development of Modern Japan*. Tokyo, 1985.
Асада Масафуми. *Маммо: Ниторотю:-но сайдзэнсэн*. (*Маньчжуро-Монголия. Передовая Японии, России, Китая*). Кодансяя, 2014 [Asada Masafumi. *Mammo: nichirochu:-no saizensen*. Kodansha, 2014 (in Japanese)].
Мияваки Дзюнко. *Сэкайси-но нака-но мансютэйкоку-то нихон* (*Маньчжурская империя и Япония в мировой истории*). Токио, 2010 [Miyawaki Junko. *Sekaishi-no naka-no manshu:teikoku-to nihon*. Tokyo, 2015 (in Japanese)].
Мияваки Дзюнко, Окада Хидэхиро. *Дзидзицу-но мансю:-си [1894–1956]* (*Настоящая история Маньчжурии [1894–1956]*). Токио, 2013 [Miyawaki Junko. *Zizitsu-no manshu:-shi [1894–1956]*. Tokyo, 2013 (in Japanese)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Chen Tsu-yu. The South Manchurian Railway Company and the Mining Industry: The Case of the Fushun Coal Mine. *Cross-Currents: East Asian History and Culture Review*. 2015. No. 16. Pp. 77–101. URL: https://cross-currents.berkeley.edu/e-journal/issue-16/chen (дата обращения 09.04.2020).
Noguchi M., Boyns T. *The South Manchuria Railway Company: An Accounting and Financial History, 1907–1943*. Kobe: Kobe University, Discussion Paper Series, Research Institute of Economics and Business Administration, 2013. URL: https://www.rieb.kobe-u.ac.jp/academic/ra/dp/English/DP2013-08.pdf (дата обращения 09.04.2020).

Архивные документы / Archive documents

Российский Государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ) [Russian State Archive of Socio-Political History, Moscow]. Фонд 495. Опись 127. Дело 56.
РГАСПИ. Фонд 495. Опись 127. Дело 183.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-284-293

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ В ПОСТСОВЕТСКОЙ ТУВЕ

З. В. Анайбан*

Данная статья посвящена исследованию этнодемографической ситуации в Республике Тыва и определению ее основных тенденций развития в постсоветский период. Среди важных аспектов изучения — определение специфических черт в современных этнодемографических характеристиках названного региона. В числе особенностей современной этнодемографической ситуации в Республике Тыва следует назвать официально регистрируемый рост численности населения, основным индикатором которого является его естественный прирост. Данный регион отличается значительной долей детей и подростков в общей численности населения, а также лиц активного трудоспособного возраста. В общей численности жителей отмечается заметное преобладание представителей титульного этноса — тувинцев. Доля русских, второй по численности этнической группы республики, составляет менее одной пятой части всей ее численности. Для населения республики характерен высокий уровень рождаемости. В Сибирском федеральном округе Тува занимает устойчивое первое место по этому показателю. Среди демографических проблем следует назвать остающийся достаточно высоким показатель смертности, обусловленный низким уровнем и качеством жизни населения исследуемого региона. Специфика миграционных процессов в Туве выражается в сохраняющемся на протяжении длительного времени преобладании миграционной убыли или отрицательного сальдо миграции и дальнейшей активизации сельской миграции. В случае дальнейшего ухудшения условий жизни на селе этот тип миграции в перспективе будет только активизироваться. Работа основана на материалах официальной статистики, опубликованных в статистических сборниках Управления федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва, содержащих ценные и необходимые сведения о сложившейся в регионе этнодемографической ситуации.

Ключевые слова: Тува, население, демография, половозрастной состав, рождаемость, смертность, миграция.

Для цитирования: Анайбан З. В. Динамика развития этнодемографических процессов в постсоветской Туве. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 284–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-284-293

* Зоя Васильевна АНАЙБАН, доктор исторический наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; anayban@mail.ru

Zoya V. ANAYBAN, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; anayban@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-7063-2375

THE DYNAMICS OF ETHNO-DEMOGRAPHIC PROCESSES DEVELOPMENT IN POST-SOVIET TUVA

Zoya V. Anayban

The article analyses the main tendencies of ethno-demographic processes in post-Soviet Tuva with a focus on specific aspects of current situation. One such aspect is the officially registered population increase, with natural growth being the main indicator. The Republic of Tuva enjoys a significant percentage of children and adolescents in total population, as well as people of active working age. There is also a noticeable predominance of the titular ethnic group (the Tuvans) with the share of Russians, the second largest ethnic group in the Republic, being smaller than one-fifth of the total population. Tuvinian population is also characterised by a high birth rate, with Tuva consistently ranking first in the Siberian Federal district. Chief among the demographic problems, on the other hand, is the high mortality rate resulting from an overall low quality of life. Migration in Tuva is characterised by a long-term predominance of net emigration (or population loss), and, further, by an active outflow of rural population — which, if rural living conditions further deteriorate, will only intensify. This research is based on official statistics published by the Federal State Statistics Service for the Krasnoyarsk territory, the Republic of Khakassia and the Republic of Tuva.

Keywords: Tuva, population, demography, gender and age structure, birth rate, death rate, migration.

For citation: Anayban Z. V. The dynamics of Ethno-Demographic Processes Development in Post-Soviet Tuva. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN.* 2020. 2. Pp. 284–293. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-284-293

Наблюдаемые с начала 1990-х гг. социально-экономические преобразования в российском обществе не могли не повлиять на изменение в целом объемов и направлений процессов демографии. В характеристике современной этнодемографической ситуации в разных субъектах Российской Федерации, несомненно, много общего. Вместе с тем, в каждом регионе есть свои особенности и отличия. Так, в Республике Тыва они во многом обусловлены спецификой и своеобразием географических и природно-климатических условий, а также недостаточной степенью освоенности и малонаселенности территории. Вместе с тем, в Туве, как и в других российских регионах, одним из основных факторов демографических процессов, оказывающим глубокое и всестороннее воздействие на их качественную сторону, являются показатели социально-экономического развития, условия и уровень жизни его жителей. Регистрируемые в настоящее время негативные явления в сфере здравоохранения многих стран, связанные с появлением и распространением ранее неизвестного вируса COVID-19, безусловно, так или иначе отразятся как на социально-экономическом положении, так и на этнодемографической ситуации российского социума. Таким образом, важность исследования современных этнодемографических процессов в российских регионах приобретает сегодня особую значимость.

В настоящее время, по данным официальной статистики, в Республике Тыва проживает 324,4 тыс. человек, что на 5,2 % больше, чем тридцать лет назад. В отличие от первых десяти лет постсоветского периода, когда отмечалось некоторое сокращение численности населения, в последующие годы наблюдался хотя и не столь значительный, но все же рост — тенденция, сохраняющаяся и в наши дни. Так, если

численность жителей за период между двумя последними переписями населения (2002 г. и 2010 г.) возросла здесь на 1,8 тыс. человек, то всего лишь за три последних года (2017–2019 гг.) она увеличилась на 8,8 тыс. человек (*табл. 1*).

Табл. 1. Изменение численности населения Республики Тыва в постсоветский период (абс., %) (по: [Советская Тува в цифрах, 1991, с. 46; Статистический ежегодник Республики Тыва, 2019, с. 36–37]).

Годы	*Все население, тыс. человек*	*В том числе*		*В общей численности населения, %*	
		Городское	*сельское*	*Городское*	*сельское*
1989	308,5	144,3	164,2	46,8	53,2
2002	305,5	157,3	148,2	51,5	48,5
2010	307,3	161,1	146,2	52,4	47,6
2015	313,8	169,2	144,6	53,9	46,1
2017	318,6	172,1	146,5	54,0	46,0
2018	321,7	173,6	147,9	54,0	46,0
2019	324,4	175,4	149,0	54,1	45,9

Основное население Республики Тыва традиционно относилось к сельскому. Ситуация стала меняться в постсоветский период: по итогам переписи населения 2002 г. доля горожан впервые ненамного превысила половину всей численности населения и достигла 51,5 %. Позднее (по переписи 2010 г.) этот показатель возрос до 53,1%. На данном этапе отмечается тенденция дальнейшего его роста, что обусловлено, несмотря на ряд известных серьезных проблем в социально-экономическом развитии региона, определенной активизацией процессов урбанизации. Так, в 2019 г. удельный вес горожан в общей численности жителей республики достигал 54,1 %, сельчан — 45,9 % (*табл. 1*). Вместе с тем, доля городских жителей в составе населения и Сибирского федерального округа, и Российской Федерации в целом существенно выше, чем в Туве. Несомненно, фиксируемое в последние годы в республике возрастание процессов урбанизации так или иначе отражается как на распределении и изменении трудовых ресурсов республики, так и оказывает определенное воздействие на социальное самочувствие ее жителей.

Как и в других субъектах Российской Федерации, в Туве женщин всегда было несколько больше, чем мужчин. Так, установившееся в 1990-е гг. соотношение между полами, когда удельный вес женщин составлял 50,9 %, а мужчин — 49,1 %, сохраняется до сих пор: по данным 2019 г. эта пропорция достигала соответственно 52,1 % и 47,9 % [Статистический ежегодник Республики Тыва, 2019, с. 37]. Между тем, специалисты прогнозируют в будущем некоторое ухудшение в соотношении численности женщин и мужчин, которое, по их мнению, проецируется относительно высокой преждевременной смертностью последних.

Республика Тыва характеризуется значительной долей детей и подростков в общей численности населения. Так, на начало 2019 г. численность жителей республики моложе трудоспособного возраста составила 34,6 %, что на 1,1% больше, чем на начало 2018 г. [Пресс-выпуск к международному дню защиты детей, 2019, с. 1]. Для сравнения: примерно десятью годами ранее удельный вес лиц этой категории (0–15 лет) был чуть меньше и колебался в пределах трети (от 30,7 % в 2010 г. до 33,4 % в 2014 г.), что

свидетельствовало о тенденции к некоторому возрастанию. В данном регионе доля людей старше трудоспособного возраста (мужчины — 60 лет и старше, женщины — 55 лет и старше) в эти же десять лет практически не менялась и сохранялась в районе 10 %. Правда, в 2019 г. количество пожилых людей немного увеличилось и составило 11,6 %. Что касается лиц активного трудоспособного возраста, если в 1989 г. в общей численности их доля равнялась 37,3 %, то в 2010 г. эта цифра возросла до 59,5 %. Далее наблюдалось некоторое сокращение, и в 2019 г. этот показатель уже был равен 53,8 % [Советская Тува в цифрах, 1991, с. 47; Статистический ежегодник Республики Тыва, 2019, с. 40]. Тем не менее приведенные данные позволяют говорить о наличии в регионе значительных трудовых ресурсов, поскольку большинство жителей республики являются людьми активного трудоспособного возраста.

Если в 1989 г. средний возраст населения Тувы составлял 26,1 года, то в последующие годы отмечалась хотя и медленная, но все же тенденция некоторого его увеличения [Демографический ежегодник России, 2008, с. 61]. По результатам последней переписи населения (2010 г.) этот показатель достигал 27,2 года, в том числе у мужчин — 25,8 лет, у женщин — 28,4 [Труд и занятость в России, 2015, с. 318]. В наши дни средний возраст заметно увеличился и стал равен соответственно 29,3 года; 27,5 лет и 30,8 лет. Между тем, в качестве сравнения отметим, что аналогичный показатель по Российской Федерации достигает почти 40 лет, а по Сибири — чуть меньше. Наблюдаемое в регионе постепенное увеличение среднего возраста жителей происходит в основном за счет женщин. Однако, по оценкам специалистов, в последнее время все большее воздействие на его рост оказывает постепенное старение именно городского населения.

Ожидаемая продолжительность жизни среди субъектов Сибирского федерального округа остается самой низкой в Туве. Так, в 1989 г. продолжительность жизни жителей республики составляла 62,4 лет, в том числе среди мужчин — 57,3 лет, среди женщин — 67,8 лет [Материалы отдела переписей населения, 1990, с. 12,15]. В дальнейшем, вопреки ожиданию, средняя продолжительность жизни не возросла, а наоборот, понизилась и, например, в 2000 г. равнялась 55,2 годам, в том числе у мужчин — 49,7 лет, у женщин — 61,5 года, в 2010 г. — 60,4 года; 54,6 лет и 66,6 лет. И с этого времени отмечается относительная тенденция его увеличения. Например, в 2018 г. этот показатель достигал соответственно 66,5 лет, 61,4 года и 71,5 лет [Статистический ежегодник Республики Тыва, 2019, с. 44]. При этом приведенные цифры заметно ниже тех же данных по многим другим российским регионам.

Республика Тыва отличается от большинства других регионов Российской Федерации существенным доминированием в общем числе населения представителей титульной национальности. Еще в советские и позднее в постсоветские годы процент тувинцев в республике всегда был достаточно высок и значительно превышал численность других национальностей. Минимальный показатель доли титульной национальности в советский период был отмечен по Всесоюзной переписи 1959 г. и составил 57 % [Демографическая ситуация в Республике Тыва, 2009, с. 1]. В последующие годы эта цифра неуклонно возрастала. В 1989 г. удельный вес титульной национальности насчитывал примерно две трети населения — 64 % [Некоторые сведения о национальном составе населения, 1989, с. 4]. По итогам Всероссийской переписи населения 2010 г., численность тувинцев в республике составила 82 %,

русских — 16,3 %, представителей других национальностей — 1,7 %. Таким образом, за период двух последних переписей доля русских заметно сократилась (с 20,1 % в 2002 г. до 16,3 % в 2010 г.), а доля тувинцев, наоборот, несколько возросла (с 78,5 % в 2002 г. до 82 % в 2010 г.). Таким образом, в Туве процент русских, второй по численности этнической группы республики, составлял менее одной пятой части всей численности населения, доля других национальностей — бурятов, белорусов, украинцев, немцев, хакасов и др. — не достигала 2 % [Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г., 2004, с. 1858; Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2011 году, 2012, с. 62]. К сожалению, в данном случае мы не имеем более «свежей» статистики, поэтому можем лишь предположить, что если за последнее десятилетие пропорции в представительстве живущих в республике этносов республики изменились, это, вероятнее всего, произошло за счет увеличения численности титульной национальности.

В настоящее время для населения республики характерен высокий уровень рождаемости. В Сибирском федеральном округе Республика Тыва занимает устойчивое первое место по этому показателю. Положительная динамика рождаемости в данном регионе наблюдалась долгое время, хотя в определенный отрезок постсоветского периода и вплоть до 2000 г. отмечался некоторый спад. Заметный рост общего коэффициента рождаемости вновь наметился с 2007 г., когда незадолго до этого был принят Федеральный закон «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей», где говорилось о материальном вознаграждении за рождение второго ребенка, так называемый «материнский капитал», после принятия которого отмечался всплеск рождаемости практически во всех российских регионах. Кроме того, по мнению исследователей, среди важных факторов наблюдаемого увеличения этого показателя следует назвать как возрастание числа женщин фертильного возраста, так и роста официально заключенных браков в этот период. В последние несколько лет в Туве вновь отмечается незначительное сокращение рождаемости. В частности, в 2018 г. суммарный коэффициент рождаемости по сравнению с 2017 г. понизился с 3,19 до 2,96 единиц. При этом за это время в общем количестве рождений отмечалось возрастание вторых и последующих детей (по очередности рождения у матери) с 72,5 % до 75,4 % [Демографический обзор Республики Тыва, 2019, с. 1]. За эти годы несколько снизились показатели естественного движения населения, замедлился естественный прирост, оставаясь при этом одним из самых высоких как среди всех субъектов Сибирского федерального округа, так и многих других субъектов Российской Федерации (*табл. 2*). Будем надеяться, что не так давно разработанные и озвученные правительством дополнительные положения (2018–2019 гг.), нацеленные на активизацию рождаемости в стране, в ближайшей перспективе благотворно скажутся в целом на демографической ситуации. В частности, в числе принятых мер назовем возможность использования материнского капитала не только на покупку жилья, пенсию матери или обучение ребенка, но и на оплату дошкольного образования. А с 2019 г. средствами материнского капитала стала возможной оплата строительства жилого помещения на садовом земельном участке[1].

[1] Правительство подготовило план по повышению рождаемости в России. *Ria.ru*. 08.05.2019. URL https://ria.ru/20190508/1553369352.html (дата обращения 23.01.2020).

Табл. 2. Показатели естественного движения населения Республики Тыва в современный период (абс.) (по: [Республика Тыва в цифрах, 2018, с. 18])

Годы	*Человек*			*На 1000 чел. населения*		
	родившиеся	*умершие*	*естеств. прирост (+) убыль (–)*	*родившиеся*	*умершие*	*естеств. прирост (+) убыль (–)*
2014	7921	3419	4502	25,3	10,9	14,4
2015	7492	3252	4240	23,8	10,3	13,5
2016	7372	3116	4256	23,2	9,8	13,4
2017	7009	2782	4227	21,9	8,7	13,2
2018	6537	2856	3681	20,2	8,8	11,4

Как и во многих других регионах Российской Федерации, на протяжении длительного времени в Туве отмечается высокая смертность населения, хотя за последние пять лет наметилась слабая тенденция к ее уменьшению. Тем не менее по сравнению с другими регионами, например, с соседней Хакасией, данный показатель немного ниже. Так, несколько лет назад уровень смертности по Российской Федерации достигал 13,1, примерно столько же по Сибирскому федеральному округу — 13,2, а в Туве — 10,3. Основными причинами смертности местного населения остаются по-прежнему болезни системы кровообращения (в 2018 г. на их долю приходилось 37,6 % всех случаев смертей), внешние причины (23,4 %) и новообразования (14 %) [Демографический обзор Республики Тыва, 2019, с. 2]. Несколько слов о браках и разводах, которые наряду с другими являются важной составляющей этнодемографических процессов. В настоящее время среди субъектов Сибирского федерального округа меньше всего заключенных браков отмечается в Усть-Ордынском Бурятском автономном округе, Иркутской области и в Республике Тыва. Так, если в 2014 г. на 1000 человек населения здесь было оформлено 6,4 брачных союза, то в дальнейшем их число постепенно уменьшалось (за исключением 2017 г.): в 2015 г. — 5,6, в 2016 г. — 5,5, в 2018 г. — 5,4 [Республика Тыва в цифрах, 2019, с. 19]. На наш взгляд, данное обстоятельство, кроме всего прочего, обусловлено распространением и все большей популяризацией среди молодежи так называемого «гражданского брака». Если брать во внимание подобные брачные отношения, то в реальности общее количество браков по республике заметно больше, что говорит об их росте, а не сокращении. Что касается возрастной градации, то в наши дни как среди мужчин, так и женщин чаще всего вступают в брак 25–34-летние. Относительно разводов следует констатировать, что здесь есть свои небольшие «взлеты и падения», т. е. этому показателю присущ волнообразный характер, хотя колебания довольно незначительны. К примеру, за последние пять лет на 1000 человек населения приходилось в среднем от 1,6 до 2,0 официально зарегистрированных разводов [Статистический ежегодник Республики Тыва, 2019, с. 48].

Согласно данным официальной статистики, в наши дни в демографическом развитии населения большинства субъектов Российской Федерации наблюдается возрастающая роль процессов миграции. В Туве, в отличие от прошлых лет, в объеме общей миграции (сумма прибытий и убытий) наметилась тенденция постепенного его повышения. Так, по сравнению с десятилетней давностью, миграционная убыль здесь

заметно снизилась — с 2027 человек в 2008 г. до 980 человек в 2018 г. (*табл. 3*). Вместе с тем, по данным Федеральной службы государственной статистики, среди двенадцати регионов Сибирского федерального округа этот показатель по Туве остается одним из самых высоких.

Табл. 3. Динамика миграционных процессов в Республике Тыва (абс.) (по: [Данные о миграции до 1990 г.; Миграция населения Республики Тыва в 2011 году, 2012, с. 5; Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2015 году, 2016, с. 65; Миграция населения Республики Тыва в 2018 году, 2019, с. 1])

Годы	*Число прибывших*	*Число выбывших*	*Миграционный прирост (снижение)*
1990	4267	15420	-11153
2008	6771	8798	-2027
2010	8030	9781	-1751
2015	10485	12865	-2380
2018	12496	13476	- 980

Причина устойчивого превалирования в миграционных процессах выезда над въездом, помимо социальных факторов, кроется и в том, что республика по своему географическому положению значительно отдалена от центра, от промышленно развитых регионов России. Напомним, что ближайший железнодорожный узел находится от границы Тувы в 300 км. Добавим также, что в немалой степени благоприятному развитию миграционных процессов могли бы способствовать потребность и наличие вакантных мест на республиканских предприятиях. К сожалению, и по сей день, по прошествии почти трех десятилетий с начала постсоветского периода и со времени социально-экономических реформ, не только не восстановлена работа прежде успешно функционировавших промышленных объектов республики, свернувших свое производство и закрывшихся, но и практически не возводятся новые.

В ряду особенностей процессов миграции в Республике Тыва следует назвать миграционную подвижность тувинцев, ограничивающуюся пределами республики. На сегодняшний день в регионе сохраняется преимущество за потоком «село — город». Более того, Тува — чуть ли не единственный субъект Российской Федерации, где регистрируется положительное сальдо миграции представителей титульной национальности из сельской местности в города. Как показали результаты наших последних этносоциологических опросов, проведенные среди сельских жителей республики, основные причины сельской миграции — социально-экономические проблемы тувинского села, в числе которых, в первую очередь, следует назвать высокий уровень безработицы. Хотя, объективности ради, заметим, что, несмотря на то что по этому показателю Тува (11,8 %) наряду с Ингушетией (26,3 %), Северной Осетией (13,6 %), Чечней (13,5 %), Дагестаном (13,5 %), Республикой Алтай (12,9 %), Карачаево-Черкесией (11,4%) и Кабардино-Балкарией (11,2 %) входит в число аутсайдеров, в последнее время уровень безработицы в регионе все же демонстрирует заметную тенденцию к снижению. Как пишут эксперты РИА Новости, Тува второй год подряд входит в тройку лидеров по сокращению числа нетрудоустроенных, где уровень

безработицы снизился на 3,1 пункта (годом ранее этот показатель достигал 14,9 %)[2]. Сельские мигранты в подавляющем большинстве, как правило, выезжают в столицу республики — Кызыл, и эта тенденция с годами лишь только усиливается. Напротив, миграционный отток тувинцев за пределы региона, как и прежде, остается достаточно низким.

Что касается русских, наряду с тувинцами относящихся к основным этническим группам республики, они также являются участниками миграционных процессов. В постсоветский период особенно отчетливо обозначилась тенденция все более возрастающего оттока русских жителей из сел. Отъезд из сельской местности отмечался по двум направлениям — в города республики и за ее пределы. Факторы миграции главным образом сводятся к набору показателей, определяющих уровень жизни. Особо отметим, что пик миграционного оттока жителей за пределы республики приходился на 1990 г., когда из республики выехало более 15 тыс. человек, что не наблюдалось ни в предыдущие советские, ни в последующие постсоветские годы (*табл. 3*). Как мы писали в более ранних публикациях, основной причиной столь большого оттока русскоязычного населения из республики было резкое ухудшение межэтнической ситуации. Однако в числе немаловажных факторов выезда русских из Тувы следует также назвать изменившуюся ситуацию на рынке труда, связанную с изменением исторически сложившегося элитного положения в социальной иерархии региона. До конца 1980-х гг. доля русских была высока и в «престижных» отраслях, и на «чистых» рабочих местах. Однако со временем благоприятные позиции на рынке труда стали потенциальным объектом конкурентной борьбы и для титульной национальности. Таким образом, можно констатировать взаимообусловленность и взаимосвязь фактора занятости населения и его миграционного поведения [Анайбан, 2016, с. 395]. На данном этапе сокращение численности русских в регионе объясняется как миграционным оттоком, так и невысоким уровнем рождаемости, малочисленностью русских семей. В результате показатель миграционной убыли, характерный для местных русских, оказался выше показателя их естественного прироста, что существенно понизило представленность русского населения в республике.

Таким образом, в ряду специфических черт развития этнодемографических процессов в современной Туве, прежде всего, следует назвать официально регистрируемый рост численности населения, основным индикатором которого является естественный прирост. Кроме того, для республики характерно заметное превалирование в общей численности его жителей представителей титульного этноса — тувинцев, а также лиц активного трудоспособного возраста. Говоря о демографических проблемах, необходимо сказать о достаточно высоком показателе смертности, во многом обусловленном низким уровнем и качеством жизни населения исследуемого региона. Несомненно, залогом благоприятного развития этнодемографических процессов в регионе могут служить меры, направленные на кардинальные преобразования в экономической и социальной сферах. При этом важно объединение усилий и действий непосредственно центрального и местного руководства на разработку единых подходов и целевых программ, нацеленных на улучшение сложившейся демографической картины в республике. Как показывает статистика, в

[2] Названы регионы с самым высоким уровнем безработицы. *News Mail.ru.* 16.03.2020. URL: https://news.mail.ru/society/40954808/?frommail=1 (дата обращения 25.04.2020).

Туве достаточно давно фиксируется отрицательное сальдо миграции (преобладание миграционной убыли). Поскольку к числу специфических черт региональной миграции следует отнести увеличение сельской миграции, то можно предположить, что в случае дальнейшего ухудшения условий жизни на селе этот тип миграции в перспективе будет только активизироваться. Не случайно в числе приоритетных задач демографической политики Российской Федерации и по сей день значится регулирование миграционных процессов с целью создания действенных механизмов замещения естественной убыли населения, включая повышение эффективности использования миграционных потоков в интересах социально-экономического развития страны [Колесников, 2007, с. 4].

Литература / References

Анайбан З. В. Этнодемографическая ситуация и миграционные процессы в советской Туве. *История Тувы*. Т. 3. Новосибирск, 2016. С. 391–401 [Anayban Z. V. Ethno-Demographic Situation and Migration Processes in Soviet Tuva. *History of Tuva*. Vol. 3. Novosibirsk, 2016. Pp. 391–401 (in Russian)].

Данные о миграции до 1990 г. Кызыл, 1990 [Data on Migration before 1990. Kyzyl (in Russian).

Демографическая ситуация в Республике Тыва. Аналитическая записка. Кызыл, 2009 [*The Demographic Situation in the Republic of Tuva. Analytic Note*. Kyzyl, 2009 (in Russian)].

Демографический ежегодник России. 2008. М., 2008 [*Demographic Yearbook of Russia. 2008*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Демографический обзор Республики Тыва за 2018 год. Кызыл, 2019 [*Tuva Republic Demographic Survey 2018*. Kyzyl, 2019 (in Russian)].

Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Национальный состав и владение языками, гражданство. Т. 4. Кн. 2. М., 2004. [*Results of the All-Russian Census of 2002. National Composition and Language Skills, Citizenship*. T. 4. Book 2. Moscow, 2004 (in Russian)].

Колесников В. И. Демографический кризис — наша общая проблема. *Проблемы медико-демографического развития и воспроизводства населения в России и регионах Сибири. Сборник материалов Всероссийской конференции*. Иркутск, 2007. С. 3–4 [Kolesnikov V. I. The Demographic Crisis Is Our Common Problem. *Problems of Medical and Demographic Development and Population Reproduction in Russia and Siberian Regions. Collection of materials of the All-Russian Conference*. Irkutsk, 2007. Pp. 3–4 (in Russian)].

Материалы отдела переписей населения Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Республике Тыва. Дело 27. Кызыл, 1990 [*Materials of the Population Census Department of the Territorial Authority of the Federal State Statistics Service for the Republic of Tuva. Case 27*. Kyzyl, 1990 (in Russian)].

Миграция населения Республики Тыва в 2011году. Кызыл, 2012 [*Migration of the population of the Republic of Tuva in 2011*. Kyzyl, 2012 (in Russian)].

Миграция населения Республики Тыва в 2018 году. Кызыл, 2019 [*Migration of the Population of the Republic of Tuva in 2018*. Kyzyl, 2019 (in Russian)].

Некоторые сведения о национальном составе населения социально-экономическом и культурном развитии Тувинской АССР. Кызыл, 1989 [*On the National Composition of the Population of the Socio-Economic and Cultural Development of the Tuva Autonomous Soviet Socialist* Republic. Kyzyl, 1989 (in Russian)].

Пресс-выпуск к международному дню защиты детей: дети Республики Тыва в 2018 году. Кызыл, 2019 [*Press Release for International Children's Day: The Children of the Republic of Tuva in 2018*. Kyzyl, 2019 (in Russian)].

Республика Тыва в цифрах, 2018. Кызыл, 2019 [*Tuva Republic in Numbers, 2018*. Kyzyl, 2019 (in Russian)].
Советская Тува в цифрах. Статистический сборник. Кызыл, 1991 [*Soviet Tuva in Numbers. Statistical Digest*. Kyzyl, 1991 (in Russian)].
Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2011 году. Кызыл, 2012 [*Socio-Economic Situation of the Republic of Tuva in 2011*. Kyzyl, 2012 (in Russian)].
Социально-экономическое положение Республики Тыва в 2015 г. Кызыл, 2016 [*Socio-Economic Situation of the Republic of Tuva in 2015*. Kyzyl, 2016 (in Russian)].
Статистический ежегодник Республики Тыва, 2019. Кызыл, 2019 [*Statistical Yearbook of the Republic of Tuva, 2019*. Kyzyl, 2019 (in Russian)].
Труд и занятость в России. Статистический сборник. М., 2015 [*Labor and Employment in Russia. Statistical Digest*. Moscow, 2015 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Правительство подготовило план по повышению рождаемости в России. *Ria.ru*. 08.05.2019. URL: https://ria.ru/20190508/1553369352.html (дата обращения 23.01.2020).
Названы регионы с самым высоким уровнем безработицы. *News Mail.ru*. 16.03.2020. URL: https://news.mail.ru/society/40954808/?frommail=1 (дата обращения 25.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-294-312

НОВЫЕ НАГРАДЫ КИТАЯ И МОНГОЛИИ

А. О. Захаров*

В начале XXI в. в наградных системах стран Восточной Азии отразились общемировые процессы: маргинализация масс, авторитарный поворот, т. е. значительное усиление авторитаризма, и вследствие этого возникновение «нового средневековья» — бюрократической демократии с почти сословным делением общества и усилением традиционалистских течений в самых разных развивающихся государствах. Великий государственный хурал Монголии в 2002 г. учредил орден Чингисхана — новую высшую награду страны. В Китайской Народной Республике в 2011–2018 гг. существовал орден «Образец героя», а в 2015 г. были учреждены ордена Республики *Гунхэго сюньчжан* и Дружбы *Юи сюньчжан*, а также почетное звание «Слава государства», или Национальный орден почета *Гоцзя жунъюй чэнхао*, кавалер которого получал особый знак. Спустя два года китайское правительство создало новый «Орден 1 августа» — *Баи сюньчжан*, заменивший прежний одноименный орден, не вручавшийся со времени учреждения, т. е. с 1955 г. Эти награды носятся на шейной цепи, за исключением ордена 1 августа, который располагается на ленте. Орденская цепь с конца XX в. вернулась и в Россию: на ней носятся знаки ордена Святого апостола Андрея Первозванного. Орденская цепь — типично западноевропейское рыцарское украшение, получившее новую жизнь в условиях усиления авторитаризма. Ее появление в китайской и монгольской орденских системах указывает на масштабный процесс заимствования западных символов власти и общественного положения награжденных. В статье собраны сведения о первых кавалерах новых наград КНР и описана символика монгольских и китайских орденов.

Ключевые слова: авторитаризм, новое средневековье, маргинализация, наградная система, ордена, Китай, Монголия.

Для цитирования: Захаров А. О. Новые награды Китая и Монголии: возврат к средневековью, авторитарный поворот и маргинализация масс (к портрету современной цивилизации). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 294–312. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-294-312

---

* Антон Олегович ЗАХАРОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; zakharov_anton@mail.ru

Anton O. ZAKHAROV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; zakharov_anton@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-3654-9551

Приношу глубокую благодарность Сергею Викторовичу Дмитриеву за критические замечания к рукописи и помощь в переводе китайских названий. — *А. З.*

NEW ORDERS AND DECORATION OF CHINA AND MONGOLIA

Anton O. Zakharov

The 21st century is a great challenge for humankind. In many branches of economy, technological developments have rendered human participation practically needless, or at least much less efficient than the automated alternative, and as a result, a lot of humans are becoming increasingly marginalised. Meanwhile developing countries are still facing resource shortages, and this struggle plays in favour of authoritarian trends rather than democratic ones. Authoritarianism now effectively acts as a form of bureaucratic democracy which formally retains the democratic institute of general elections, but in practice gives no way to non-bureaucratic candidates. This democratic authoritarianism is evident in the current developments of award systems. The highest order of Mongolia is the Order of Genghis Khan established in 2002. Chinese People's Republic established several new orders in the last years; for example, in 2015, the Order of Republic *Gònghéguó xūnzhāng*, the Order of Friendship *Yǒuyì xūnzhāng*, and the National Honorary Title *Guójiā róngyù chēnghào* were established. The National Honorary Title has a special badge as a mark of the award. All these orders have a collar, which brings them closer to traditional European chivalry orders, like the Order of the Garter or the Order of the Golden Fleece; the collars of new Chinese and Mongolian orders, therefore, are evidence of borrowing from the West. These chivalry-inspired collars also visually differentiate the awardees from other members of a society that supports social hierarchies, helping authoritarian regimes make use of such orders to single out select individuals from the marginalised majority. The President of Russia Vladimir Putin was awarded the Order of Friendship of the CPR in 2018.

Keywords: authoritarianism, new middle ages, marginalisation, award system, orders, China, Mongolia.

For citation: Zakharov A. O. New Orders and Decoration of China and Mongolia: New Middle Ages, Authoritarian Turn and Mass Marginalization: A Sketch of Modern Civilization. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 294–312. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-294-312

ВВЕДЕНИЕ

Орденские системы современной Азии почти неизвестны широкому кругу гуманитариев. Это понятно: на фоне колоссального экономического роста КНР и Индии, военных столкновений на Ближнем Востоке, территориальных споров в Южно-Китайском море, повсеместного распространения японской еды и мультипликации, а главное — товаров с надписью «сделано в Китае», награды достаются немногим, а случаи награждения редко освещаются СМИ, предпочитающими очередные катастрофы или псевдосенсации.

Награды любой страны — творение и памятник ее бюрократии. После окончания «холодной войны» и крушения Советского Союза во многих странах Азии прошли серьезные реформы наградных систем. Эти реформы свидетельствуют об изобретении традиций (термин Эрика Хобсбаума) в попытке возродить классические орденские системы рыцарской, шире — аристократической и монархической Европы, тем более отвлеченные, что никаких классических орденских традиций в Азии не существовало [Спасский, 1993; Всеволодов, 1990; Можейко, 1998]. В статье рассматриваются те новшества двух современных наградных систем Восточной Азии, которые отражают определенную тягу к средневековой помпезности и идеологии авторитаризма, — Монголии и Китая. Ранее эта проблема рассматривалась в монографии О. Н. Розанова «Наградные системы в политике и идеологии стран

Северо-Восточной Азии», вышедшей в 2008 г. [Розанов, 2008], однако за истекшее время в наградных системах двух государств произошли значительные изменения.

Монголия

Монгольская Народная Республика в своей наградной системе долгое время равнялась на «старшего брата» — Советский Союз. Поэтому в Монголии были ордена Красного знамени и Трудового Красного знамени, а высший орден Сухэ-Батора, по существу, скопировали с советского ордена Ленина, придав ему, впрочем, форму двух пятиконечных звезд, наложенных одна на другую, что напоминало опять-таки советские полководческие ордена и орден Отечественной войны. Существовало звание Героя МНР — аналог Героя Советского Союза. Награды можно было вручать несколько раз — очередное наследие советской наградной системы.

Особое место занимает орден Полярной звезды МНР, учрежденный в 1936 г. [Розанов, 2008, с. 123]. О. Н. Розанов не исследует происхождение формы знака этой награды. Известно четыре типа ордена, первый из которых представляет собой овальную бляху с традиционным монгольским символом *соёмбо*[1]. Такая форма повторяет ранние советские награды — ордена Красного Знамени, Ленина и Знака Почета. В 1940 г. форма знака стала принципиально иной — это шестиконечная звезда. На ней помещается голубой щит, украшенный популярным в Монголии буддийским узором *ульзий-хээ* («бесконечный узел») – каждая из шести петель белой эмали соответствует одному из концов звезды[2]. Шестиконечные орденские знаки довольно редки. Хорошо известны учрежденный Наполеоном итальянский орден Железной короны; основанный братом Наполеона, Жеромом, орден Вестфальской короны; персидский орден Льва и Солнца, звезды которых имели такую форму; а также орден Хафида в султанате Марокко [Спасский, 1993, табл. VII.2, XXVIII.7, с. 45, 48; Карпов, 2014, с. 39]. Шведский орден Полярной звезды сходен с монгольским лишь по названию, хотя гораздо старше: он основан в 1748 г. [Спасский, 1993, с. 55].

После перехода Монголии из социалистического лагеря в мир капитализма ситуация резко изменилась. Крушение коммунистической идеологии не могло не отразиться в наградной системе. При всех заслугах товарища Сухэ-Батора перед монгольским народом он плохо подходил на роль идеологического символа капиталистической рыночной экономики. Более того, выход из сферы влияния СССР неизбежно толкал Монголию в объятия соседнего Китая. В любом случае стремление к самостоятельности вело правящий класс Монголии к поиску самобытного символа, который можно было противопоставить всем прошлым и потенциальным нынешним «старшим братьям». Поэтому 17 мая 2002 г. Постановлением № 21 Великого государственного хурала Монголии был учрежден орден Чингисхана [Карпов, 2014, с. 212] — великого завоевателя, которому в свое время удалось завоевать и области

[1] *Соёмбо* по существу представляет собой две вертикальные прямоугольные колонны, над которыми сверху вниз помещены изображения огня, солнца и полумесяца. Между колоннами сверху вниз находятся треугольник тупым углом вниз, горизонтальная черта, символ инь-ян, горизонтальная черта, треугольник тупым углом вверх.

[2] См. видео: *Орден Полярная звезда МНР*. 30.01.2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7IJmzuFUz2I (дата обращения 15.04.2020).

северного Китая, и Среднюю Азию, а одному из его преемников Батыю — и Восточно-Европейскую равнину — исторический центр русской государственности.

Орден Чингисхана имеет очень сложную форму (*илл. 1*). В самом общем виде это восьмиконечная звезда с множеством лучей, часть из которых выполнена в форме ласточкиного хвоста. Весьма показательно, что орден Чингисхана носится на цепи. Это сближает его с классическими европейскими орденами и решительно порывает с традицией нагрудных знаков отличия, что характеризовало советскую и монгольскую наградные системы. Поскольку у ордена Чингисхана есть еще и нагрудная звезда, он еще больше сближается с британским орденом Подвязки или российским императорским орденом Святого апостола Андрея Первозванного. Хотя совершенно ясно, что никакого рыцарства в Монголии не существовало. Перед нами, несомненно, пример изобретения традиции.

Илл. 1. Орден Чингисхана (по: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/e/e5/ Тэргүүн_дээд%2С_тэргүүнзэргийн_Чингис_хааны_одон.jpg (дата обращения 22.04.2020))

Множество лучей на знаке ордена Чингисхана указывает на солнечную символику, голубая эмаль центрального медальона вызывает в памяти Великое Небо, а изображение *соёмбо* на центральном звене орденской цепи указывает на господствовавшую в Монголии в течение нескольких столетий синкретическую религию. Бунчуки на звеньях цепи отсылают к знамени Чингисхана. Такой поворот к политеистическим и буддийским традициям сравним с явной христианизацией государственной символики в Российской Федерации[3].

Китайская Народная Республика

Краткая предыстория и орден Героя КНР

Провозглашение КНР 1 октября 1949 г. и победа Коммунистической партии Китая в гражданской войне ознаменовали собой начало новой исторической эпохи в жизни страны [Усов, 2006а]. Уже в 1951 г., в ходе Корейской войны, по инициативе политрука Китайских народных добровольцев (оперативного соединения войск КНР в КНДР) Ду Пина были учреждены медали «Образец героя» (英雄模范奖章; *Инсюн мофань*

[3] О христианизации государственной символики в Российской Федерации см.: [Гончаров, 2010; Вартанян, 2011].

Илл. 2. Орден Героя КНР (*Инсюн мофань сюньчжан*) (по: URL: http://www.iyaxin.com/wap/content/c171351.html (дата обращения 18.04.2020))

цзянчжан) и «За заслуги» (立功奖章; *Лигун цзянчжан*) [Zhang, 1995, p. 197–198]. Первая из них имела три степени — вторую, первую и особую. Время отмены особой степени в разных источниках не совпадает: либо она была отменена в 1988 г. в ходе упорядочения наградной системы КНР [4], либо в 1979 г., когда Политуправление Народно-освободительной армии Китая установило медаль «Герой НОАК» [5] [Розанов, 2008, с. 249–250]. По сведениям О. Н. Розанова, в начале 1950-х гг. «известны “Золотая звезда” Северо-восточного военного округа, медаль “Образцовый герой” Юго-западного военного округа, медаль “Уханьскому моряку за отличие в дальнем боевом походе”» [Розанов, 2008, с. 200]. Поскольку О. Н. Розанов не дает иероглифических названий или хотя бы их транслитерации, а также фотографий данных знаков, их связь с упомянутыми выше медалями остается под вопросом.

Новый статут медали «Образец героя» был принят 4 мая 2010 г. 1 августа 2011 г. медаль «Образец героя» была переименована в одноименный орден (英雄模范勋章; *Инсюн мофань сюньчжан*), имевший две степени. Форма награды — пятиугольник, в центре которого помещены красное знамя и пятиконечная звезда с надписью «1 августа» (*баи*) – эмблема Народно-освободительной армии Китая (*илл. 2*; об одноименном образе см. ниже). 1 августа — дата начала Наньчанского восстания 1927 г.[6], считающаяся днем основания Красной армии Китая (затем — Народно-освободительной армии Китая).

В 2018 г. награждение орденом «Образец героя» было прекращено. Первую степень в 2011–2018 гг. получили 14 человек, из них четверо — посмертно[7]. Первым кавалером (посмертно) стал летчик-испытатель полковник ВВС Сюй Цзяньпин

[4] 80th Anniversary of the Birth of the Armed Forces: Introduction to Service and Award Medals (建军 80 周年：勋章、奖章 闪耀在军人胸前的荣耀) (in Chinese), Beijing, China: Xinhua, 05.07.2007. Цит. по: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_Heroic_Exemplar (дата обращения 19.04.2020).

[5] Сюй Пин, «Почетные знаки отличия и медали: к 90-летию нашей армии», 功勋和荣誉：我军建军 90 年的那些勋章奖章；来源：中国军网微信公众号作者：徐平责任编编：张宏洲 http://www.mod.gov.cn/education/2017-06/13/content_4782726_3.htm; Медаль «Образец героя». URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%8B%B1%E9%9B%84%E6%A8%A1%E8%8C%83%E5%8B%8B%E7%AB%A0 (дата обращения 19.04.2020).

[6] О восстании см.: [Григорьев, 1980; Юрьев, 1983].

[7] Орден «Образец героя». URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%8B%B1%E9%9B%84%E6%A8%A1%E8%8C%83%E5%8B%8B%E7%AB%A0 (дата обращения 15.04.2020).

(徐建平). Среди лиц, удостоенных награды первой степени, — китайские космонавты Лю Ван (劉旺), Чжан Сяогуан (張曉光), Чэнь Дун (陳冬) и космонавтки Лю Ян (劉洋) и Ван Япин (王亞平). Посмертно орден первой степени получили бывший главный редактор «Журнала Нанкинского политологического университета» профессор Янь Гаохун (严高鸿), физик-ядерщик, участник 45 китайских ядерных испытаний в 1964–1996 гг. генерал-майор Линь Цзюньдэ (林俊德; 1938–2012); летчик военно-морских сил Чжан Чао (张超), погибший в ходе испытаний китайского палубного истребителя «Шэньян J-15»[8] (1986–2016). Остальные кавалеры ордена Героя КНР первой степени — военные.

Вторую степень ордена «Образец героя» получило не менее 17 человек, из них семь — посмертно. Все известные кавалеры второй степени — представители вооруженных сил и полиции КНР. Посмертно награждены: пограничник фельдфебель первого разряда Тай Сюнли (邰忠利), старший лейтенант Шэнь Син (沈星), старший лейтенант милиции Чжэн Илун (郑益龙)[9], сержант Цю Синхэ (邱兴和), фельдфебель четвертого разряда Мэй Сюн (梅雄), старший сержант милиции Чжан Нань (张楠), старший лейтенант спецназа У Цзянь (吴建)[10].

Илл. 3. Военные ордена КНР: орден 1 августа, орден Независимости и свободы, орден Освобождения (по: URL: https://kommynist.ru/ (дата обращения 22.04.2020))

12 февраля 1955 г. Всекитайский совет народных представителей учредил военные ордена 1 августа (八一勳章; *Баи сюньчжан*), Независимости и свободы (獨立自由勳章; *Дули цзыю сюньчжан*), Освобождения (解放勳章; *Цзефан сюньчжан*) (*илл. 3*). Первый из них назван в честь дня создания Народно-освободительной армии Китая в 1927 г. [Розанов, 2008, с. 211–213]. Все ордена имеют по три степени[11] и носятся на

[8] Китайский истребитель представляет собой переделку либо Су-33, либо Су-27 — советских / российских палубных истребителей четвертого поколения, разработанных в ОКБ Сухого.

[9] Чжэн Илун (1979–2013) погиб при спасании утопающего в Жемчужной реке (Чжуцзян) 1 марта. Чжэн Илун. URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E9%83%91%E7%9B%8A%E9%BE%99 (дата обращения 15.04.2020).

[10] К сожалению, подробные данные о большинстве кавалеров найти не удалось.

[11] Орден 1-го августа; Орден Независимости и свободы; Орден Освобождения. URL: https://kommynist.ru/ (дата обращения 15.04.2020).

правой стороне груди, что указывает на их связь с советскими полководческими орденами Суворова, Кутузова и Богдана Хмельницкого [Розанов, 2008, с. 213].

Различие между орденами состоит в том, что орден 1 августа вручался тем, кто служил в Красной Армии Китая с 1927 «до 6 июля 1937 г. (кануна Японо-китайской войны)», начавшейся 7 июля; орден Независимости и свободы — служившим в 8-й полевой армии, Новой 4-й армии или коммунистических партизанских отрядах до 2 сентября 1945 г. — капитуляции Японии и окончания Второй мировой войны; орден Освобождения — бойцам армий КПК во время гражданской войны 1946–1949 гг. [Розанов, 2008, с. 212].

Пятиконечная звезда ордена 1 августа украшена небольшими солнечными лучами между концами звезды. В ее центре располагается большая пятиконечная звезда с золотой надписью «1 августа». В центральном медальоне восьмиконечной звезды ордена Независимости и свободы помещено изображение буддийской пагоды в Яньане — столице Особого района и цели «Великого похода» Красной армии Китая из южных провинций страны на север. Форма ордена Освобождения — пятиугольник с вогнутыми сторонами. В центральном медальоне — Врата Небесного Спокойствия — вход в Запретный город в Пекине.

На сайте Globalsecurity.org высказывалось предположение о связи современной наградной системы КНР с олимпийскими наградами и о влиянии на нее Летней Олимпиады в Пекине 2008 г.[12]. Между тем крайне сомнительно, чтобы КНР, в которой медаль Заслуг и военные ордена имели три степени, нуждалась в Олимпиаде для сохранения трехстепенной модели наград. Мнение авторов сайта о том, что ношение наградных знаков следует олимпийской традиции, свидетельствует об их незнании орденских институтов: шейный знак ордена встречается в европейских и азиатских наградных системах на протяжении нескольких столетий.

Орден Республики

В 2015 г. учреждены орден Республики и орден Дружбы — высшие награды КНР. Первый из них по названию совпадает с высшими наградами ряда азиатских государств — с Орденом Турецкой Республики, Орденом Пакистана, Звездой (Орденом) Республики Индонезии[13].

Первые награждения орденом Республики (共和国勋章; *Гунхэго сюньчжан)* состоялись 29 сентября 2019 г. Согласно указу председателя КНР № 34, награды удостоились академик Академии наук КНР Ю Минь (于敏, 1926–2019; посмертно); депутат Всекитайского собрания народных представителей I–XIII созывов и директор Федерации женщин провинции Шаньси в 1973–1983 гг. Шэнь Цзилань (申纪纪, род. 1929); конструктор космической техники академик Сунь Цзядун (孙家栋, род. 1929); солдат Народно-освободительной армии Китая с октября 1945 г. Ли Яньнянь (李延年, род. 1928); герой Гражданской войны Чжан Фуцин (张富清, род. 1924); агроном и

[12] Military Awards and Decorations — 2011. *Global Security.* https://www.globalsecurity.org/military/world/china/awards-2011.htm (дата обращения 19.04.2019).

[13] В индонезийском языке слово *Bintang* «звезда» может обозначать и «орден». Выбор значений принадлежит переводчику, хотя зрительно высшие награды Индонезии действительно имеют форму многолучевых звезд (см.: [Захаров, 2019]).

селекционер гибридного риса Юань Лунпин (袁隆平, род. 1934); инженер-конструктор китайских атомных подводных лодок Хуан Сюйхуа (黄旭华, род. 1926); женщина-фармацевт и лауреат Нобелевской премии по медицине и физиологии Ту Юю (屠呦呦, род. 1930)[14].

Орден Республики носится на цепи (*илл. 4*). Узор цепи — бесконечный буддийский узел *śrīvatsa* и цветы. Орден представляет собой десятиконечный медальон с наложенной на него пятиконечной золотой звездой с красными эмалевыми лучами. В центре звезды на белом фоне в окружении точек помещен государственный герб КНР. В обрамлении золотых колосьев риса и пшеницы на красном фоне помещены Врата Небесного Спокойствия — вход в Запретный город с площади Тяньаньмэнь; над ними одна большая и четыре маленькие пятиконечные звезды. Под вратами находится зубчатое колесо, символизирующее рабочий класс. Колосья риса и пшеницы воплощают крестьянство — главную революционную силу Китая в представлении Мао Цзэдуна. Врата Небесного Спокойствия выражают древние традиции Китая. Вокруг центрального медальона и между лучами звезды размещены цветочные узоры, вызывающие в памяти рисунки на ордене Двойного дракона — *Шуанлун Баосин* (雙龍寶星; дословно «Драгоценная звезда Двойного дракона), учрежденном в империи Цин императором Гуаньсюем в 1882 г.

Илл. 4. Орден Республики, КНР (по: URL: https://zhuanlan.zhihu.com/p/84642770 (дата обращения 18.04.2020))

Орден Дружбы

Орден Дружбы (友谊勋章; *Юи сюньчжан)* учрежден специально для награждения глав дружественных КНР государств и других иностранных деятелей за особые заслуги: «Орденом Дружбы КНР награждаются иностранные граждане, внесшие особый вклад в государственное строительство и модернизацию Китая, развитие связей и сотрудничества Китайской Народной Республики с зарубежными странами, а также

[14] Указ Президента Китайской Народной Республики № 34. *Агентство Синьхуа*. 17.09.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-09/17/c_1125006548.htm (дата обращения 06.04.2020).

Илл. 5. Орден Дружбы, КНР (по: URL: https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/1/11/Орден_Дружбы_КНР.jpg (дата обращения 22.04.2020))

поддержание мира во всем мире»[15]. Знак ордена носится на цепи (*илл. 5*). Первым кавалером ордена Дружбы стал президент России В. В. Путин, получивший награду из рук председателя КНР Си Цзиньпина 8 июня 2018 г.[16]

Наличие цепи сближает орден Дружбы с британскими орденами Подвязки и Чертополоха, японским Высшим орденом Хризантемы, монгольским орденом Чингисхана, российским орденом Святого апостола Андрея Первозванного (которым В. В. Путин наградил Си Цзиньпина 4 июля 2017 г.[17]), филиппинскими орденами Золотого сердца и Сикатуны[18] и другими наградами (см.: [Карпов, 2014, с. 26, 43, 71, 168, 205–206, 209]).

Форма знака китайского ордена Дружбы — почти круглый медальон (*илл. 5*). Хотя с одноименными орденами СССР, Российской Федерации, Вьетнама и монгольской медалью «Найрамдал» китайский знак не схож, у них есть общие символы. Это

[15] Владимир Путин награжден Орденом Дружбы КНР. *Президент России*. 08.06.2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57701 (дата обращения 23.04.2019).

[16] Владимир Путин награжден Орденом Дружбы КНР. *Президент России*. 08.06.2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57701 (дата обращения 23.04.2019).

[17] Вручение ордена Святого апостола Андрея Первозванного Председателю КНР Си Цзиньпину. *Президент России*. 04.07.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54973 (дата обращения 19.04.2019).

[18] Grand Collar and miniature with ribbon bar of the Order of Sikatuna. 14.04.2016. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_Sikatuna#/media/File:Order_of_Sikatuna_-_Grand_Collar_and_miniature_with_ribbon_bar.png; Philippine Civilian Honors: Order of the Golden Heart (Grand Collar). 1 January 1970. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_the_Golden_Heart#/media/File:Grand_collar_-_order_of_the_golden_heart.jpg (дата обращения 18.04.2020).

рукопожатие на монгольской медали, советском ордене Дружбы народов и вьетнамском ордене Дружбы[19]. Рукопожатие — традиционно западный, рыцарский по происхождению жест — представляет собой в китайской и монгольской наградных системах очередное заимствование. И на всех этих наградах, включая орден Дружбы Российской Федерации, есть изображение земного шара [Розанов, 2008, с. 333; Карпов, 2014, с. 130, 167].

Голубь мира, украшающий китайский знак, встречается на официальных наградах редко. Эфиопский орден Святой Троицы имеет ярко выраженную христианскую символику, и на нем голубь мира обозначает третью ипостась — Бога Духа Святого[20]. Австралийская кампанейская медаль международных сил на Восточном Тиморе (International Forces East Timor Medal), учрежденная в 2000 г.[21], и американская памятная медаль «На службе мира» (In Service of Peace Commemorative Medal — не путать с наградами ООН!) составляют немногие исключения. Но в истории КНР была награда, где главным символом на лицевой стороне стал голубь мира: это медаль «В честь заключения мира в Корее», учрежденная в 1953 г.[22] (*илл. 6*).

Илл. 6. Медаль «В честь заключения мира в Корее», КНР (по: URL: https://www.ebay.co.uk/itm/1953-Vtg-KOREA-War-Medal-China-Volunteer-Army-long-Life-For-Peace-Dove-Pigeon-/323909471314 (дата обращения 18.04.2020))

В настоящее время китайским орденом Дружбы награждены восемь человек. 28 апреля 2019 г. вторым кавалером ордена стал бывший президент Казахстана Нурсултан Назарбаев[23], удостоившийся награды «за установление и продвижение всеобъемлющего стратегического партнерства между Китаем и Казахстаном и содействие активному развитию Шанхайской организации сотрудничества».

В связи с семидесятилетием образования КНР Си Цзиньпин указом № 34 наградил орденом Дружбы шесть человек: первого секретаря ЦК Компартии Кубы Рауля Кастро Руса, принцессу Таиланда Махачакри Сириндхорн, танзанийского дипломата Салима Ахмеда Салима[24], первого

[19] Friendship Order [Vietnam]. https://en.wikipedia.org/wiki/Friendship_Order (дата обращения 18.04.2020).
[20] Order of the Holy Trinity (Ethiopia). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_the_Holy_Trinity_(Ethiopia) (дата обращения 18.04.20).
[21] International Force East Timor Medal. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/International_Force_East_Timor_Medal (дата обращения 19.04.2019).
[22] Korean Peace Medal. URL: http://rustysmedals.rustyknight98.com/CH72.htm (дата обращения 19.04.2019).
[23] Си Цзиньпин наградил Н. Назарбаева «Медалью дружбы». *Zhejiang News*. 28.04.2019. URL: https://zj.zjol.com.cn/news.html?id=1188848 (дата обращения 10.04.2020).
[24] Салим Ахмед Салим занимал пост посла Танзании в КНР в 1969–1970 гг., полномочного представителя Танзании в ООН в 1970–1980 гг., министра иностранных дел страны в 1980–1984 гг., премьер-министра в 1984–1985 гг., министра обороны и национальной безопасности в 1986–1989 гг. и генерального секретаря Организации африканского единства в 1989–2001 гг. С 2001 г. возглавляет Фонд Дж. Ньерере. Салим награжден за «укрепление и развитие дружбы и сотрудничества между Китаем и Танзанией и Китаем и Африкой, восстановление законного места Китая в Организации Объединенных Наций». КНР получила

заместителя председателя центрального правления Общества российско-китайской дружбы Галину Вениаминовну Куликову[25], премьер-министра Франции Жан-Пьера Раффарена и почетного профессора Пекинского университета иностранных языков Изабель Крук[26].

Ордена 1 августа и 1 июля

В 2017 г. были учреждены Орден 1 июля, увековечивающий дату образования Компартии Китая в 1921 г., и военный Орден 1 августа, пришедший на смену орденам времен победы КПК в гражданской войне — одноименному ордену 1 августа, ордену Независимости и свободы, ордену Освобождения. Орден 1 августа теперь носится на шейной ленте и имеет более яркую, даже броскую расцветку (*илл. 7*).

Орден 1 августа (八一勋章; *Баи сюньчжан)* учрежден 12 июня 2017 г. Он использует элементы декора бывшей одноименной награды: пятиконечную звезду, солнечные лучи, Великую Китайскую стену и колосья. Пятиконечная звезда повторяет военный орден 1 августа; солнечные лучи символизируют достойные достижения награжденных под знаменем партии, они служат примером для офицеров и солдат всей армии, а Великая стена — силу народной армии, которая, согласно гимну КНР, и стала «великой стеной» в борьбе за Родину[27]. Колосья символизируют неуклонное движение Китая к процветанию.

Награда вручается за выполнение священного долга перед партией и народом, решительную защиту национального суверенитета, интересов безопасности и развития. 28 июля 2017 г. Си Цзиньпин наградил орденом десять человек[28]. Это служивший в ВМС НОАК, получивший в 1965 г. черепно-мозговое ранение в морском бою 6 августа 1965 г. у о-ва Дуншань против тайваньского военно-морского флота, но не оставивший пост «народный герой» старший полковник Май Сяньде (麦贤得, род. 1945); электротехник и конструктор авианосцев контр-адмирал Ма Вэймин (马马明, род. 1960);

постоянное представительство в ООН и место постоянного члена ее Совета Безопасности согласно Резолюции № 2578 от 25 октября 1971 г.

[25] См.: Юбилей Галины Вениаминовны Кузнецовой. *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 2. С. 181–182; Зеленин А. Вторая после Путина. «Мы хорошо помним помощь СССР»: главный китайский орден для Галины Куликовой и миллионов друзей. *Свободная пресса*. URL: https://svpressa.ru/society/article/246398/; Куликова Галина Вениаминовна. *Сайт Общества российско-китайской дружбы*. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?page=Kulikova; Китайского ордена Дружбы удостоен второй россиянин в истории. *Российская газета*. 20.09.2019. URL: https://rg.ru/2019/09/20/kitajskogo-ordena-druzhby-udostoen-vtoroj-rossiianin-v-istorii.html (дата обращения 10.04.2020). Г.В. Кузнецова награждена «за неустанные усилия и выдающийся вклад в развитие дружественных отношений по линии общественности между Китаем и Россией и углубление дружбы между народами».

[26] Указ Президента Китайской Народной Республики № 34. *Агентство Синьхуа*. 17.09.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-09/17/c_1125006548.htm (дата обращения 06.04.2020). Гражданка Канады Изабель Крук (род. 15.12.1915) известна под именем Жао Сумэй (饒素梅). Она родилась в Шэньду, Сычуань, в семье канадских миссионеров Гомера и Мюриэл Браунов, окончила Университет Торонто и долгие годы провела в Китае, заложив основы преподавания английского в Пекинском университете иностранных языков. Вместе с мужем Дэвидом Круком пережила «культурную революцию» в КНР, проведя несколько лет в заключении.

[27] Гимн Китая. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Китая (дата обращения: 23.04.2020).

[28] Си Цзиньпин подписал указ о награждении военных офицеров. Синьхуа Новости. 2017-07-28. URL: http://russian.news.cn/2017-07/28/c_136481041_2.htm (дата обращения 18.04.2020).

летчик-испытатель полковник Ли Чжунхуа (李中华, род. 1961); ракетчик-испытатель НОАК фельдфебель[29] Ван Чжунсинь (王忠心, род. 1968); совершивший три орбитальных полета космонавт и генерал-майор ВВС Цзин Хайпэн (景海鹏, род. 1966), ядерный физик и разработчик китайского атомного оружия Чэн Кайцзя (程开甲, 1918–2018); герой китайско-вьетнамских пограничных конфликтов, прославившийся в сражении за горы Лаошань 19 июля 1985 г. полковник Вэй Чанцзинь (韦昌进, род. 1965); отличившийся в антитеррористических операциях полковник милиции Ван Ган (王刚, род. 1972); командир батальона во время советско-китайского конфликта из-за острова Даманский[30], а ныне генерал-майор Лэн Пэнфэй (冷鹏鹏, род. 1933); борец с наркоторговлей, уничтоживший или арестовавший множество наркобаронов и наркодилеров, а также конфисковавший значительные партии наркотиков, с 2017 г. начальник штаба Управления пограничной обороны Министерства общественной безопасности КНР, полковник милиции Инь Чуньжун (印春荣, род. 1964).

Илл. 7. Орден 1 августа, КНР (по: http://russian.news.cn/2017-07/29/c_136482016_2.htm (дата обращения 18.04.2020))

Орден 1 июля (七一勋章; Ции сюньчжан) учрежден 22 июля 2017 г. Им «награждаются члены партии, которые внесли выдающийся вклад в великое дело строительства социализма с китайской спецификой и в новый великий проект партийного строительства». Пока имеется лишь «Положение об Ордене 1 июля» и «Порядок вручения Ордена 1 июля». Описание, рисунок и технические условия изготовления знака находятся в разработке.

Почетное звание «Слава государства» / Национальный орден почета

27 декабря 2015 г. было учреждено почетное звание «Слава государства», или Национальный орден почета (国家荣誉称号; *Гоцзя жунъюй чэнхао)*; этот закон вступил в

[29] 一级军士长; *ицзи цзюньшичан.* Иногда переводится как главный старшина или главный сержант.

[30] Литература о конфликте обширна, а советская и китайская версии не совпадают. См., например: [Усов, 1994; 2006б, с. 158–159; Рябушкин, 2004; Мао Синьжэнь, 2019]. Сравнение версий можно найти в Интернете: Сравнение китайской и советской версий боя на Даманском в 1969 году и послесловие. *Яндекс-дзэн.* 8.12.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/armshistory/sravnenie-kitaiskoi-i-sovetskoi-versii-boia-na-damanskom-v-1969-godu-i-posleslovie-5debb9aac31e4900b047145a (дата обращения 10.04.2020).

Илл. 8. Знак почетного звания «Слава государства», КНР (по: http://www.xibonet.com/a/guoji/20191204/628.html (дата обращения 18.04.2020))

силу 1 января 2016 г.[31]. Лауреатам почетного звания вручается особый знак. С орденом данную награду сближает внешний вид — знак носится на орденской цепи и представляет собой шестнадцатиконечную звезду (*илл. 8–9*). Знак ордена сложной формы: золотисто-красный квадрат наложен на золотисто-синий многоугольник, четыре вершины которого образованы солнечными лучами, а между ними и вершинами квадрата помещены вершины восьмилучевой звезды. На круглом красном центральном медальоне уже знакомая композиция — Врата Небесного Спокойствия — вход в Запретный город; над ними одна большая и четыре маленькие пятиконечные звезды. Медальон обрамлен серебристым ободком, вокруг которого размещены пышные цветочные (пионовые) узоры.

17 сентября 2019 г. Си Цзиньпин наградил Национальным орденом почета 28 человек в следующих номинациях: народный ученый (人民科学家; *Жэньминь кэсюэцзя*), народный учитель (人民教育家; *Жэньминь цзяоюйцзя*)[32], народный артист (人民艺术家; *Жэньминь ишуцзя*), народный герой (人民英雄; *Жэньминь инсюн*), «народный образец для подражания / эталон» (人民楷模; *Жэньминь каймо*), «выдающийся вклад в национальное единство» (民族团团杰出贡献者; *Миньцзу туаньцзе цзечу гунсянь чжэ*), «выдающийся участник программы “Одна страна — две системы”» (一國兩制』傑出貢獻者; *Иголянчжи цзичу гунсянь чжэ*), «выдающийся вклад в дипломатическую работу» (外交工作杰出贡献者; *Вайцзяо гунцзо цзечу гунсянь чжэ*),

[31] Почетное звание «Слава государства». URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E8%8D%A3%E8%AA%89%E7%A7%B0%E5%8F%B7 (дата обращения 10.04.2020).

[32] Вариант — народный просветитель.

«выдающий участник охраны культурного наследия» (文物保护杰出贡献者; *Вэнъу баоху цзечу гунсянь чжэ*).

Народными учеными стали разработчик Лунной программы Китая академик Е Пайцзянь (叶培建, род. 1945); математик У Вэньцзюнь (吴文俊, 1919–2017, посмертно); создатель FAST [33] — «Небесного ока» (Тяньянь), Сферического радиотелескопа с пятисотметровой апертурой, — астроном Нань Жэньдун (南仁東, 1945–2017, посмертно); вирусолог Гу Фанчжоу (顧方舟, 1926–2019, посмертно); Чэн Кайцзя (посмертно, см. выше). Звание народного учителя получили учительница средней школы Юй И (于漪, род. 1922); профессор Китайского народного университета экономист Вэй Синхуа (卫兴华, 1925–2019) и правовед Гао Минсюань (高铭暄, род. 1928). Титула «народный артист» удостоились писатель и бывший министр культуры КНР Ван Мэн (王蒙, род. 1934), актриса Цинь И (秦怡, род. 1922) и певица Го Ланьин (郭兰英, род. 1929 или 1930).

Звание «народный герой» было посмертно присвоено сотруднику органов безопасности Синьцзян-Уйгурского автономного района Айжэти Мамути, смертельно раненому в ходе антитеррористической операции (艾热提 马木提, 1969–2016); китайскому миротворцу Шэнь Лянляну, погибшему в ходе спецоперации в Мали, Африка (申亮亮, 1989–2016); и упомянутому выше летчику военно-морских сил Чжан Чао. Звание народного героя получил и знакомый нам Май Сяньдэ (см. выше).

Илл. 9. Национальный орден Почета КНР (по: http://www.xinhuanet.com/photo/2019-09/27/1125049515_15695762222541n.jpg (дата обращения 10.04.2020))

Народными образцами для подражания провозгласили спортсмена-бадминтониста и тренера Ван Вэньцзяо[34] (王文教, род. 1933); партийного функционера и борца за экологию в автономном районе Нинся Ван Юдэ (王有德, род. 1953); инженера-нефтяника Ван Циминя (王启民, род. 1937); милиционера Ван Цзицая

[33] Five hundred meter Aperture Spherical Telescope (англ.).

[34] Под его руководством спортсмены китайской сборной по бадминтону выиграли 56 чемпионатов мира.

(王继才, 1960–2018, посмертно за защиту скалы Кайшан; 开山岛[35]); пограничника Бужумахань Маолэдо (布茹玛汗·毛勒朵, род. 1942); секретаря сельской партийной ячейки Чжу Яньфу (朱彦夫, род. 1933, за успешную борьбу с бедностью); лесовода из провинции Хэбэй Ли Баого (李保国, 1958–2016, посмертно); воспитательницу и акушерку Доу Гуйма (都贵玛, род. 1942, «за воспитание 28 детей-сирот»); мэра городка Дулунцзян, а затем главу округа Гуншань в провинции Юннань Гао Дэжуна (高德荣, род. 1954, «за борьбу с бедностью»).

Лауреатом в номинации «выдающийся вклад в национальное единство» стал тибетец Жэ Ди (热地, род. 1938), возглавлявший партийную организацию Тибетского автономного района в 1994–2003 гг. и заместитель председателя Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей в 2003–2008 гг. Выдающимся участником программы «Одна страна — две системы» назван глава администрации Гонконга (Сянгана) в 1997–2007 гг. и миллионер Дун Цзяньхуа (董建華, Тунг Чихва[36], род. 1937). Звание «выдающийся дипломат» присвоено Ли Даоюю (李道豫, род. 1932), в 1990–1993 гг. служившему представителем КНР в ООН, а в 1993–1998 гг. чрезвычайным и полномочным послом Китая в США. Выдающимся участником охраны культурного наследия стала археолог Фань Цзиньши (樊锦诗, род. 1938), более пятидесяти лет изучавшая пещеры Дуньхуана и работавшая директором Академии исследований Дуньхуана в 1998–2014 гг. Ее иногда называют «дочерью Дуньхуана»[37]. По ее инициативе запущен проект «Цифровой Дуньхуан» (数字敦煌; *Шуцзы Дуньхуан*)[38].

Заключение

Рассмотренные выше награды КНР и Монголии свидетельствуют о колоссальном статусном различии между их кавалерами и абсолютным большинством населения их родных стран. С одной стороны, это соответствует самому понятию награды — знака отличия от остальных людей, вручаемого за выдающиеся заслуги в той или иной области. С другой стороны, это укрепляет и наглядно демонстрирует разрыв между кавалерами орденов и большинством населения. Совершенно ясно, что достижения конструкторов, тренеров, политиков невозможны без участия огромного числа людей. Число ежедневно рискующих своей жизнью врачей, милиционеров и пограничников многократно превосходит число награжденных. Посмертные награждения больше работают на образ справедливого государства и идеализацию кавалера, чем на справедливую оценку действий остальных людей.

Наградные системы КНР и Монголии гибко реагируют на изменившуюся природу этих государств. Усиление авторитаризма, столь явное в действиях Си Цзиньпина, не менее заметно и в МНР, где борьба двух партий: Монгольской народной и Демократической, первая из которых обладает парламентским большинством, а член второй — действующий президент Халтмаагийн Баттулга, — проходит с

[35] Скала напротив устья реки Гуань в Желтом море, в 12 морских милях от порта Чэньцзя.

[36] Имя на кантонском диалекте китайского языка в транскрипции *ютпхин*.

[37] Eileen Cheng. Fan Jinshi: 'Daughter of Dunhuang'. *Women of China*. 08.09.2015. URL: http://www.womenofchina.cn/html/people/others/15090545-1.htm (дата обращения 13.04.2020).

[38] Электронный Дуньхуан. URL: https://www.e-dunhuang.com/index.htm (дата обращения 13.04.2020).

коррупционными скандалами и митингами протеста[39]. Но этого мало: 27 марта 2019 г. Великий государственный хурал Монголии принял закон, согласно которому Совет национальной безопасности Монголии получил право смещать судей и прокуроров, а также главу Антикоррупционного агентства[40]; соответствующее исправление было внесено в статью 49 Конституции МНР. На следующий день президентским указом с должностей были сняты верховный судья и генеральный прокурор МНР[41]. Президент, премьер-министр и председатель (спикер) монгольского парламента получили возможность вмешиваться в действия судебной системы. Тем самым нарушается принцип разделения властей[42], и, следовательно, демократия все больше становится лишь вывеской на здании авторитаризма[43].

Литература / References

Вартанян А. Л. *Наградная система Российской Федерации. Актуальные аспекты правового регулирования*. М., 2011 [Vartanian A. L. *Awards System of the Russian Federation: Current Aspects of Legal Regulations*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Всеволодов И.В. *Беседы о фалеристике. Из истории наградных систем*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. 336 с., ил. [Vsevolodov I.V. *Talks about Phaleristics: From the history of awards systems*, Moscow: Nauka, 1990, 336 pp., ill. (in Russian)].

Гончаров А. И. *Наградная система Российской Федерации*. М., 2010 [Goncharov A. I. *Awards System of the Russian Federation*. Moscow, 2010 (in Russian)].

Григорьев А. М. *Революционное движение в Китае в 1927–1931 гг. (Проблемы стратегии и тактики)*. М., 1980 [Grigoriev A. M. *Revolutionary Movements in China in 1927–1931: Problems of Strategy and Tactics*. Moscow, 1980 (in Russian)].

Захаров А. О. Восток, марксизм и маргинализм: заметки постороннего. *Восток. Афро-азиатские общества: история и современность*. 2018а. № 1. С. 6–12 [Zakharov A. O. The Orient, Marxism, and Marginalism: A Stranger's Notes. *Vostok (Oriens)*. 2018. 1. Pp. 6–12 (in Russian)].

Захаров А. О. Современный Восток и марксизм. *Азия и Африка сегодня*. 2018б. № 7. С. 53–58. [Zakharov A. O. Contemporary Asian and African Nations: A Marxist Perspective. *Asia and Africa Today*. 2018. 7. Pp. 53–58 (in Russian)].

Захаров А. О. Имперское наследие, межкультурные связи и государственная символика: к истории главного ордена Индонезии. *Электронный научно-образовательный журнал «История»*. 2019. Т. 10. Вып. 7 (81). [Zakharov, Anton O. Imperial Legacies, Intercultural

[39] «Незамеченный кризис в Монголии. Приведут ли митинги к отставке парламента?». *ИА REX*. 17.01.2019. URL: https://iarex.ru/news/63505.html (дата обращения 13.04.2020).

[40] Myagmardorj Buyanjargal. Separation of Powers and Constitutionalism undermined. *UB Post*. 27.03.2019. URL: http://theubposts.com/separation-of-powers-and-constitutionalism-undermined/ (дата обращения 13.04.2020).

[41] Чимэг Ш. Главный судья и генеральный прокурор освобождены от своих обязанностей. *Новости Монголии*. 28.03.2019. URL: https://news.mn/r/2108220/ (дата обращения 13.04.2020).

[42] Myagmardorj Buyanjargal. Separation of Powers and Constitutionalism undermined. *UB Post*. 27.03.2019. URL: http://theubposts.com/separation-of-powers-and-constitutionalism-undermined/; Anand Tumurtogoo. Mongolia's President Is Slicing Away Its Hard-Won Democracy. Corruption and recession have helped push the nation toward strongman rule. *Foreign Policy*. 29.03.2019. https://foreignpolicy.com/2019/03/29/mongolias-president-is-slicing-away-its-hard-won-democracy/ (дата обращения 13.04.2020).

[43]Boldsaikhan Sambuu and Aubrey Menarndt. Here's how democracy is eroding in Mongolia. *The Washington Post*. 3.04.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2019/04/03/heres-how-democracy-is-eroding-mongolia/ (дата обращения: 13.04.2020). См. также: [Захаров, 2018а; 2018б].

Connections and the State Symbolism: the Star of the Republic of Indonesia. *Istoriya*. 2019. V. 10. Issue 7 (81)]. URL: https://history.jes.su/s207987840002550-4-1/ (дата обращения 01.11.2019).

Карпов С. П. *Наградные системы мира / Фалеристика: Учебное пособие*. М.: Аргамак-медиа, 2014 [Karpov S. P. *The World Awards Systems; Phaleristics: A Textbook*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Можейко И.В. *Награды*. М.: Хронос, 1998 (Полное собрание сочинений, т. 5). [Mozheiko I.V. *Awards*. Moscow: Khronos, 1998 (*Collected Works*, vol. 5) (in Russian)].

Розанов О. Н. *Азия и Африка в Первой мировой войне: история в наградах*. М., 2008 [Rozanov O. N. Asia and Africa in the First World War: History in Awards and Decorations. Moscow, 2008 (in Russian)].

Рябушкин Д. С. *Мифы Даманского*. М., 2004 [Riabushkin D. S. The Damansky Myth. Moscow, 2004 (in Russian)].

Спасский И. Г. *Иностранные и русские ордена до 1917 г.* СПб., 1993 [Spassky I. G. *Foreign and Russian Orders Before 1917*. Saint Petersburg, 1993 (in Russian)].

Усов В. Н. Трагедия на Уссури. *Проблемы Дальнего Востока*. 1994. № 3. С. 83–93 [Usov V. N. A Tragedy on the Ussuri River. *Problemy Dalnego Vostoka*. 1994. 3. Pp. 83–93 (in Russian)].

Усов В. Н. *История КНР*. Т. 1. *1949–1965 гг.* М., 2006а [Usov V. N. *History of the PRC*. Vol. 1. Moscow, 2006a] (in Russian).

Усов В. Н. *История КНР*. Т. 2. *1966–2004 гг.* М., 2006б [Usov V. N. *History of the PRC*. Vol. 2. Moscow, 2006b (in Russian)].

Юбилей Галины Вениаминовны Кузнецовой. *Проблемы Дальнего Востока*. 2015. № 2. С. 181–182 [Anniversary of Galina Veniaminovna Kuznetsova. *Problemy Dalnego Vostoka*. 2015. No. 2. Pp. 181–182].

Юрьев М. Ф. *Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа, 20–40-е гг.* М., 1983 [Yuriev M. F. *The Armed Forces of the CPC in the liberation struggle of the Chinese people, 1920s–1940s*. Moscow, 1983 (in Russian)].

Zhang Shu Guang. *Mao's Military Romanticism: China and the Korean War, 1950–1953*. Lawrence, 1995.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Владимир Путин награжден Орденом Дружбы КНР. *Президент России*. 08.06.2018. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/57701 (дата обращения 19.04.2019).

Вручение ордена Святого апостола Андрея Первозванного Председателю КНР Си Цзиньпину. *Президент России*. 04.07.2017. URL: http://kremlin.ru/events/president/news/54973 (дата обращения 19.04.2019).

Гимн Китая. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Гимн_Китая (дата обращения: 23.04.2020).

Зеленин А. Вторая после Путина. «Мы хорошо помним помощь СССР»: главный китайский орден для Галины Куликовой и миллионов друзей. *Свободная пресса*. URL: https://svpressa.ru/society/article/246398/ (дата обращения 10.04.2020).

Китайского ордена Дружбы удостоен второй россиянин в истории. *Российская газета*. 20.09.2019. URL: https://rg.ru/2019/09/20/kitajskogo-ordena-druzhby-udostoen-vtoroj-rossiianin-v-istorii.html (дата обращения 10.04.2020).

Куликова Галина Вениаминовна. *Сайт Общества российско-китайской дружбы*. URL: http://orkd.ifes-ras.ru/index.php?page=Kulikova (дата обращения 10.04.2020).

Мао Синьжэнь. Правда и вымысел о пограничном конфликте на острове Даманский: СССР и Китаю пришлось дорого заплатить. *Иносми.ру*. 27.03.2019. URL: https://inosmi.ru/social/20190317/244762270.html (дата обращения 10.04.2020).

Незамеченный кризис в Монголии. Приведут ли митинги к отставке парламента? *ИА REX*. 17.01.2019. URL: https://iarex.ru/news/63505.html (дата обращения 13.04.2020).

Орден 1-го августа. URL: https://kommynist.ru/Орден_1-го_августа (дата обращения 15.04.2020).
Орден Независимости и свободы. URL: https://kommynist.ru/Орден_Независимости_и_Свободы$ (дата обращения 15.04.2020).
Орден «Образец героя». URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E8%8B%B1%E9%9B%84%E6%A8%A1%E8%8C%83%E5%8B%8B%E7%AB%A0 (дата обращения 15.04.2020).
Орден Освобождения. URL: https://kommynist.ru/Орден_Освобождения (дата обращения: 15.04.2020).
Орден Полярная звезда МНР. 30.01.2018. URL: https://www.youtube.com/watch?v=7IJmzuFUz2I (дата обращения 15.04.2020).
Почетное звание «Слава государства». URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E5%9B%BD%E5%AE%B6%E8%8D%A3%E8%AA%89%E7%A7%B0%E5%8F%B7 (дата обращения 10.04.2020).
Си Цзиньпин наградил Н. Назарбаева «Медалью дружбы». *Zhejiang News*. 28.04.2019. URL: https://zj.zjol.com.cn/news.html?id=1188848 (дата обращения 10.04.2020).
Си Цзиньпин подписал указ о награждении военных офицеров. *Синьхуа Новости*. 28.07.2017. URL: http://russian.news.cn/2017-07/28/c_136481041_2.htm (дата обращения 18.04.2020).
Сравнение китайской и советской версий боя на Даманском в 1969 году и послесловие. *Яндекс-дзэн*. 8.12.2019. URL: https://zen.yandex.ru/media/armshistory/sravnenie-kitaiskoi-i-sovetskoi-versii-boia-na-damanskom-v-1969-godu-i-posleslovie-5debb9aac31e4900b047145a (дата обращения 10.04.2020).
Сюй Пин, «Почетные знаки отличия и медали: к 90-летию нашей армии». 13.06.2017. 功勋和荣誉：我军建军 90 年的那些勋章奖章; 来源：中国军网微信公众号作者：徐平责任编辑：张宏洲. URL: http://www.mod.gov.cn/education/2017-06/13/content_4782726_3.htm (дата обращения 10.04.2020).
Указ Президента Китайской Народной Республики № 34. *Агентство Синьхуа*. 17.09.2019. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/leaders/2019-09/17/c_1125006548.htm (дата обращения 06.04.2020).
Чжэн Илун. URL: https://zh.wikipedia.org/wiki/%E9%83%91%E7%9B%8A%E9%BE%99 (дата обращения 10.04.2020).
Чимэг Ш. Главный судья и генеральный прокурор освобождены от своих обязанностей. *Новости Монголии*. 28.03.2019. URL: https://news.mn/r/2108220/ (дата обращения 13.04.2020).
Электронный Дуньхуан. URL: https://www.e-dunhuang.com/index.htm (дата обращения 13.04.2020).
Anand Tumurtogoo. Mongolia's President Is Slicing Away Its Hard-Won Democracy. Corruption and recession have helped push the nation toward strongman rule. *Foreign Policy*. 29.03.2019. https://foreignpolicy.com/2019/03/29/mongolias-president-is-slicing-away-its-hard-won-democracy/ (дата обращения 13.04.2020).
Boldsaikhan Sambuu and Aubrey Menarndt. Here's how democracy is eroding in Mongolia. *The Washington Post*. 3.04.2019. URL: https://www.washingtonpost.com/politics/2019/04/03/heres-how-democracy-is-eroding-mongolia/ (дата обращения 13.04.2020).
Eileen Cheng. Fan Jinshi: 'Daughter of Dunhuang'. *Women of China*. 08.09.2015. URL: http://www.womenofchina.cn/html/people/others/15090545-1.htm (дата обращения 13.04.2020).
Friendship Order [Vietnam]. https://en.wikipedia.org/wiki/Friendship_Order (дата обращения 18.04.2020).

Grand Collar and miniature with ribbon bar of the Order of Sikatuna. 14.04.2016. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_Sikatuna#/media/File:Order_of_Sikatuna_-_Grand_Collar_and_miniature_with_ribbon_bar.png.

International Force East Timor Medal. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/International_Force_East_Timor_Medal (дата обращения 19.04.2019).

Korean Peace Medal. URL: http://rustysmedals.rustyknight98.com/CH72.htm (дата обращения 19.04.2019).

Military Awards and Decorations — 2011. *Global Security*. https://www.globalsecurity.org/military/world/china/awards-2011.htm (дата обращения 19.04.2019).

Myagmardorj Buyanjargal. Separation of Powers and Constitutionalism undermined. *UB Post*. 27.03.2019. URL: http://theubposts.com/separation-of-powers-and-constitutionalism-undermined/ (дата обращения 13.04.2020).

Order of Heroic Exemplar. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_Heroic_Exemplar (дата обращения 19.04.2019).

Order of the Holy Trinity (Ethiopia). URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_the_Holy_Trinity_(Ethiopia) (дата обращения 18.04.2020).

Philippine Civilian Honors: Order of the Golden Heart (Grand Collar). 1 January 1970. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Order_of_the_Golden_Heart#/media/File:Grand_collar_-_order_of_the_golden_heart.jpg (дата обращения 18.04.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-313-323

«КОНЕЧНО, Я ВСЕ ЖЕ БЫЛ “ДРУГОЙ”». ПАМЯТИ КИТАЕВЕДА ГЕОРГИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА МЕЛИХОВА (1930–2019)

В. Ц. Головачёв*

21 августа 2019 г. на девяностом году жизни покинул мир сильный, светлый и талантливый человек, старейшина общины «русских харбинцев», известный китаевед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Георгий Васильевич Мелихов (1930–2019). В 2012 г. Георгий Васильевич записал для проекта «Российское китаеведение — устная история» большое интервью, которое и легло в основу этого краткого очерка. Г. В. Мелихов родился в 1930 г. в Харбине, а в 1955 г. приехал в СССР, где стал известным переводчиком и ученым. К сожалению, из-за резкого ухудшения советско-китайских отношений в 1960–1970-х гг. он оказался отрезанным от Китая на целых 35 лет. Но все эти годы и всю свою жизнь Г. В. Мелихов был верен духу российско-китайской дружбы и делал все, чтобы сохранять этот дух в умах и сердцах россиян и китайцев. Как ученый Г. В. Мелихов внес огромный вклад в изучение русско-китайских отношений, истории маньчжуров и истории русской эмиграции в Китае. Его исторические работы, а это сотни статей и серия монографий, отличают объективность и фундаментальность, в свою очередь обусловленные научной честностью и высочайшим профессионализмом автора. В канун 90-летия Георгия Васильевича китаеведы ИВ РАН отдают долг памяти и уважения старшему другу и коллеге, посвятившему науке 60 лет жизни, десять из которых он проработал в Институте китаеведения и Институте народов Азии АН СССР.

Ключевые слова: Мелихов Г. В., история, Китай, маньчжуры, российское китаеведение, русско-китайские отношения, русская эмиграция, Харбин.

Для цитирования: Головачёв В. Ц. «Конечно, я все же был “другой”». Памяти китаеведа Георгия Васильевича Мелихова (1930–2019). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 313–323. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-313-323

“OF COURSE, I STILL WAS ‘DIFFERENT’”. TO THE MEMORY OF SINOLOGIST GEORGY V. MELIKHOV (1930–2019)

Valentin Ts. Golovachev

Georgy V. Melikhov (1930–2019), a bright and talented man, an elder of the community of Russian Harbinians, a well-known Sinologist, Doctor of History and leading research fellow of the Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, passed away on August 21st, 2019. In 2012 Georgy Melikhov gave a special interview for the “Russian Sinology — Oral History” Project, which

* Валентин Цуньлиевич ГОЛОВАЧЁВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; valliu@complat.ru

Valentin Ts. GOLOVACHEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; valliu@complat.ru

ORCID ID: 0000-0002-4529-8459

is the basis for this memorial essay. Dr. Melikhov was born in 1930 in Harbin. In 1955 he moved from China to the USSR and became a famous Sinologist. Due to the sharp deterioration of Sino-Soviet relations in 1960–1970s, he was isolated from China for 35 years. Yet all these years, and his whole life, Dr. Melikhov was faithful to the spirit of Russian-Chinese friendship and did his best to cultivate this spirit. Being a prominent scholar, Dr. Melikhov made a colossal contribution to the study of Russian-Chinese relations, the history of Manchus and Russian emigration in China. His publications, including hundreds of articles and many monographs, are known for their objective and fundamental approach, owing to the academic honesty and highest professionalism of their author. On the eve of the 90th anniversary of Dr. Melikhov, all Sinologists at the Institute of Oriental Studies pay a tribute to the memory of our venerable elder friend and colleague, who devoted 60 years of his life to science, including 10 years at the Institute of Sinology and the Institute of Asian Peoples (USSR Academy of Sciences).

Keywords: Georgy V. Melikhov, History, China, Manchus, Russian Sinology, Russian-Chinese Relations, Russian Emigration, Harbin

For citation: Golovachev V. Ts. “Of Course, I Still Was ‘Different’”. To the Memory of Sinologist Georgy V. Melikhov (1930–2019). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 313–323. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-313-323

21 августа 2019 г. на девяностом году жизни мир покинул сильный, светлый и талантливый человек, старейшина общины «русских харбинцев», известный китаевед, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН Георгий Васильевич Мелихов (1930–2019). Случилось так, что коллеги-китаеведы узнали об этой утрате с большим опозданием, лишь через семь месяцев. Этот печальный факт пробуждает еще большее желание отдать долг памяти глубокоуважаемому старшему другу и коллеге, посвятившему науке 60 лет жизни, десять из которых он проработал в Институте китаеведения и Институте народов Азии АН СССР. В 2012 г. Георгий Васильевич записал для проекта «Российское китаеведение — устная история» большое интервью, которое и легло в основу этого краткого очерка.

Четверть века от Харбина до Пекина

Георгий Васильевич Мелихов родился 16 июня 1930 г. в Харбине, в семье инженера-строителя, работавшего на КВЖД. В 1941 г. вместе с матерью он вернулся из Мукдена в Харбин и был принят в Лицей Св. Николая, действовавший при Русской Католической Епархии.

В 1946 г. 16-летний Георгий получил гражданство СССР, а в 1947 г. перешел в «3-ю полную среднюю школу», которую окончил в 1948 г. с советским аттестатом о среднем образовании. После школы юноша поступил в Харбинский политехнический институт на электромеханический факультет, но на втором курсе увлекся изучением китайского языка и решил оставить технический вуз, а в январе 1950 г. уехал с группой молодых харбинцев в Пекин, чтобы преподавать русский язык китайским студентам. Наряду с преподаванием, все пять с половиной лет жизни в Пекине Мелихов активно занимался самообразованием, изучал Китай и китайский язык «как вол», в результате чего стал, по его собственным словам, «наполовину китаеведом».

Работая в Народном университете, Георгий Васильевич постепенно превратился в хорошего преподавателя, чему способствовали живой «казацкий» характер, хорошие

знания и уважительное отношение к ученикам, которые в большинстве своем были намного старше юного педагога. Через полтора года Мелихов перешел в Пекинский университет, где продолжил преподавание на факультете русского языка, которым руководил известный китайский русист, профессор Цао Цзин-хуа. В 1952 г., в 22 года, Георгий женился, «влюбившись в изумительную женщину, Таисию Васильевну Тешину», уроженку Харбина, которая уже много лет жила в Пекине и тоже преподавала русский язык[1].

Илл. 1. Г. В. Мелихов с отцом в Харбине, 1942 г. (*фото из архива Г. В. Мелихова*)

Долгая дорога из Пекина в Москву: «саманщик» со знанием китайского языка

В мае 1955 г. молодые супруги уехали (репатриировались) в Советский Союз, хотя, как рассказывал сам Г. В. Мелихов: «В Пекине условия для жизни были сказочные… Было изобилие всего, включая почет и уважение». По прибытии в СССР супруги были посланы на Целину, в зерновой совхоз Варненского района Челябинской области, у самой границы с Казахстаном. Жизнь в общежитии-бараке и работа по изготовлению саманных кирпичей из глины, навоза и соломы драматично контрастировали с «пекинским изобилием», но именно тут в очередной раз сказались сильный дух, характер и оптимистичный настрой молодых людей. Как вспоминал Георгий Васильевич: «Три или четыре месяца, которые мы там провели — это были лучшие месяцы в моей жизни! …После Пекинского университета, после приятной преподавательской работы — месить саман и купаться в речке, отдыхать на природе после немногих часов работы — это было действительно одно удовольствие!»

И все же через несколько месяцев молодому репатрианту и «саманщику» со знанием китайского языка пришлось распроститься с безмятежной жизнью на лоне природы. Оформив открепительные документы, он выехал с женой на поезде в ближайший крупный город — Челябинск, где сразу направился в горком партии и сообщил, что хочет заняться работой по специальности. Получив напутствие в горкоме, супруги выехали в Москву, где поселились сначала в новой роскошной гостинице «Ленинград», а потом, уже поистратив деньги, в скромной съемной комнатке в Марьиной роще.

Нужно было искать средства к существованию, и новоиспеченный москвич без прописки занялся переводами: начал работать в издательствах и уже вскоре переводил

[1] Таисия Васильевна умерла в 1975 г. в Москве. В 1976 г. Г. В. Мелихов женился на Людмиле Васильевне, с которой прожил 44 года, до конца своей жизни.

целые книги, приносившие хорошие деньги. Например, перевел с китайского книгу «Прудовое рыбоводство» и книгу по китайскому чаеводству. Затем появилась и более увлекательная работа — переводы художественных книг для «Детгиза», «Молодой гвардии», «Гослитиздата», «Географгиза» и других крупных издательств. Кроме того, Г. В. Мелихов написал три или четыре крупных очерка о Китае и китайской народной жизни для журнала «Вокруг света», что стало для него тогда самой интересной творческой работой. Всего же за тот период он перевел на русский язык 13 книг, то есть постепенно обрел солидный переводческий багаж и высокую профессиональную репутацию.

Примерно тогда же в СССР вышел правительственный указ о льготах для репатриантов, на основании которого Мелиховым дали большую (22 кв. м!) комнату в коммунальной квартире на улице Кирова (Мясницкой), в самом центре Москвы. После этого Георгий Васильевич стал думать о том, что делать дальше, и решил заняться более серьезной работой, например, стать китаеведом и пойти в науку. Так российская наука обрела одного из своих самых профессиональных китаеведов. Однако путь к новому профессиональному признанию был предсказуемо долог и труден.

Путь из переводчиков в науку

В 1959 г. молодого харбинца пригласили работать в Институт китаеведения АН СССР как специалиста по Китаю и переводчика. По словам Мелихова, коллеги приняли его доброжелательно и с уважением. Официальное образование (два курса политеха) не имело никакого значения. В большом отделе Китая, возглавляемом Л. И. Думаном, сначала приходилось выполнять разные научные переводы (иньские надписи «цзя гу вэнь» и пр.). Затем последовала коллективная работа над книгой «Внешняя политика государства Цин в XVII веке» (1977 г.), для которой Г. В. Мелихов уже накануне своего ухода из института написал две главы — первую и третью.

Параллельно Мелихов продолжал переводить книги для издательств, но, чтобы двигаться дальше, нужно было получить диплом о высшем образовании. По рекомендации Л. И. Думана, в 1961 г. Г. В. Мелихова зачислили сразу на 2-й курс Института восточных языков (ИСАА) при МГУ, для продолжения образования без отрыва от работы, но с условием сдать все экзамены и зачеты. В 1964 г. Мелихов успешно окончил ИВЯ и получил диплом по специальности «восточные языки и литература», с присвоением квалификации референта-востоковеда. Путь к самостоятельной научной карьере оказался открыт!

Вся дальнейшая научная работа Г. В. Мелихова была посвящена русско-китайским отношениям и истории маньчжуров. Этой темой он занимался в отделе у Л. И. Думана, этой теме была посвящена и дипломная работа, позже плавно переросшая в кандидатскую диссертацию. 20 июня 1968 г. Георгий Васильевич защитил кандидатскую диссертацию по теме «К истории освоения Цинской империей периферии Северо-Восточного Китая (1583–1689)».

В середине 1960-х гг., в разгар советской полемики с маоистами, Мелихов опубликовал ряд серьезных статей по истории маньчжуров и их проникновения в бассейн Верхнего Амура, по русско-китайским отношениям и т. д. Две из таких статей вошли в известный сборник «Маньчжурское владычество в Китае» [Маньчжурское владычество в Китае, 1966]. Важным качеством исследователя было то, что, отстаивая

свою позицию, он старался писать предельно объективно, без конъюнктурных «политических спекуляций», основывая все свои выводы на глубочайшей проработке источников (династийных историй, хроник «ши лу», минской эпиграфики и пр.).

В своих исследованиях по истории маньчжуров Г. В. Мелихов аргументированно показал, что маньчжуры сформировались у минской стены в Ляодуне. Отсюда Нурхаци и Абахай [2] предпринимали объединительные походы, консолидируя многолюдные племена на китайской периферии. Но оттуда было еще очень далеко до Амура!

Проштудировав все хроники — «ши лу» первых маньчжурских государей с 1599 по 1700 гг., Г. В. Мелихов выявил в них нужные материалы и не пропустил ни одной фразы с упоминанием России и Китая. Затем он перевел с китайского языка на русский уникальную подборку документов и подготовил сборник (250 или 300 стр.) цинских материалов о русско-китайских отношениях в XVII в., который, к сожалению, так и остался неопубликованным. В рукописи осталась и другая большая работа «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке» (докторская диссертация), где все эти сюжеты объективно и спокойно показаны и описаны «из русского угла».

Тырские стелы XV века и места «смычки» двух цивилизаций

От ранних маньчжуров Г. В. Мелихов постепенно перешел к поздним чжурчжэням и ранним Минам, к Минской империи[3] в XV в. Интересным разворотом стал и неожиданный перенос фокуса исследований от письменных источников к эпиграфике (Тырским стелам) и из южной и центральной Маньчжурии к низовьям Амура. Две знаменитые стелы были установлены на Тырском утесе в низовьях Амура в 1413 и 1433 г., в честь постройки и реконструкции буддийского храма Великого Покоя «Юн-Нин сы», в ходе экспедиций евнуха Ишиха, посланца императора династии Мин.

Тексты обеих стел Г. В. Мелихов изучал по уже существующим публикациям, в русле своих исследований истории маньчжуров. Выполненный им перевод на русский язык текста первой из двух стел (1413 г.) заложил мощную основу для их обобщающего комплексного изучения в России через 40 лет [Мелихов, 1970, с. 251–274; Головачёв и др., 2011].

Установка Тырских стел совпала по времени с великими плаваниями адмирала Чжэн Хэ [4] в южные моря и океаны. Одновременно с продвижением на юг Мины совершали «непонятные» дальние походы на север, через тайгу. Зачем совершались эти походы, и что они дали организаторам? Экспедиции под началом Великого евнуха Ишиха, подобно экспедициям Чжэн Хэ, оставили заметный след в истории и требовали научного осмысления.

Главная мысль, которую вынашивал и доказывал Г. В. Мелихов в те годы, состояла в том, что в Приамурье произошла «смычка» двух великих цивилизаций — русской и маньчжуро-китайской, цинской. Эта «смычка» имела и сегодня имеет

[2] Отец и сын Нурхаци (1559–1626) и Абахай (1592–1643) — маньчжуры-основатели маньчжурского государства и династии Цин (с 1636 г.).

[3] Династия Мин (明) правила в Китае в 1368–1644 гг.

[4] Чжэн Хэ (1371–1435). Знаменитый евнух и адмирал времен китайской империи Мин (1368–1644). Предпринял семь крупных морских военно-торговых экспедиций в страны Индокитая и бассейна Индийского океана, вплоть до Мадагаскара и берегов восточной Африки. См.: [Бокщанин, 2002; Дубровская, 2008].

огромное значение для истории всего Дальнего Востока. Отношения между двумя странами были сначала дружественными. Потом возник крупный конфликт, из-за которого Россия потеряла большие территории в Приамурье. Но в то же самое время между двумя странами зарождались торговые, культурные, посольские связи, уже начался диалог цивилизаций. Центром генезиса всех этих связей был район Амура, Приамурье. И основной осью связей был Амур. Масштабы русской колонизации Приамурья были огромны. К XVII в. русские плавали по Амуру «как цари», а русские казаки «объясачивали» местное население до самой реки Сунгари.

В целом с 1960 до конца 1980-х гг. Мелихов опубликовал в разных сборниках около 14 крупных статей по теме русско-китайских пограничных отношений. В 2010 г. в России появилась на русском языке книга Ван Ци «Проблема восточного участка китайско-российской границы», где перечислены все эти статьи, попавшие в фокус внимания китайских исследователей [Ван Ци, 2010].

Кризис советско-китайских отношений и сдвиги в научной судьбе

Фактический разрыв советско-китайских отношений, связанный с этим застой в китаистике и отсутствие перспектив для научной карьеры вынудили Г. В. Мелихова покинуть Институт Народов Азии и перейти в 1970 г. в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО), с должности «мнс» сразу на должность старшего научного сотрудника. Более высокие должность, зарплата, а затем и новая квартира позволили более уверенно продолжать научную работу, но уже в совсем новом ракурсе.

В ИМЭМО Г. В. Мелихов занялся изучением «китайского угла» международных отношений «большого четырехугольника» (СССР, США, Китай, Япония), включая все внешнеполитические проблемы Дальнего Востока и ЮВА. В целом работа в ИМЭМО в те годы открыла для него совсем другой мир — мир блестящих ученых-международников (Н. Н. Иноземцев, Е. М. Примаков и др.) и большой международной политики. В этом мире Георгий Васильевич успешно жил и работал почти десять лет, но под конец стал снова уставать от застоя и бесконечной политизированности. В 1979 г. он перешел в Институт истории СССР, где продолжил изучать историю русско-китайских отношений под руководством А. Л. Нарочницкого (1907–1989).

В Институте истории Мелихов написал и защитил в 1986 г. докторскую диссертацию «Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке, 40-е–80-е гг. XVII вв.», в которой затронул и пограничные, и общие исторические вопросы. В стенах этого института он прослужил 37 лет (до 2016 г.) и написал серию книг о Маньчжурии и русском Харбине, первой из которых стала изданная в 1991 г. книга о русской эмиграции «Маньчжурия далекая и близкая». Излагая историю русских в Китае сквозь призму истории КВЖД, Г. В. Мелихов делал особый акцент на теме дружбы и сотрудничества между русскими и китайцами, и эта тема проходит через все его работы. После 1991 г. в свет вышли новые книги «Российская эмиграция в Китае (1917–1924)» (1997), «Белый Харбин: Середина 20-х» (2003) и «Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932)» (2007).

Раскрывая историю русской эмиграции, Г. В. Мелихов постепенно дошел до темы русских в империи «Маньчжоу диго» (1932–1945). Война и другие бурные исторические события того периода драматично преломлялись в «кипевшем» русском

анклаве в Маньчжурии. В последние годы жизни ученый дорабатывал текст более чем 600-страничной рукописи, в которой довел рассмотрение событий до 1937 г. Еще одна книга, которую он планировал, но, видимо, так и не успел написать — «Белый Харбин: год 1936». По словам Г. В. Мелихова, 1936 год был во всех отношениях ключевым для истории русской эмиграции. Это был год, когда случился необычайный всплеск русской науки, техники, культуры, искусства. Приезд Ф. И. Шаляпина[5] и А. Н. Вертинского[6] — лишь отдельные яркие события того года. В целом 1936 год стал своего рода апогеем всего, чего добилась русская эмиграция, и это был последний предвоенный год, а уже в 1937 г. началось вторжение Японии в Китай, началась антияпонская война.

Оказавшись отрезанным от Китая на многие десятилетия, Г. В. Мелихов оставался верным духу советско-китайской дружбы и делал все, чтобы сохранять этот дух в умах и сердцах советских людей. Помимо занятий наукой, в 1970-х гг. он объехал почти весь Советский Союз и прочел по линии общества «Знание»[7] больше 500 публичных лекций о Китае и его роли в многосторонних международных отношениях (почти всегда на темы «Китай сегодня» или «Международное положение»). В лекциях Мелихов никогда не пугал слушателей какими-то «страхами» или «китайскими угрозами». Наоборот, выступая перед большими аудиториями где-нибудь в Хабаровске или Благовещенске, он всегда старался делать это оптимистично, спокойно, уверенно. После его лекций люди совершенно по-другому смотрели на те же самые вещи. Самые благодарные слушатели были на Дальнем Востоке и в Сибири, потому что они жили рядом с Китаем, которым их пугали. Г. В. Мелихов показывал абсурдность разговоров о вторжении Китая, убеждал, что это подобное вторжение невозможно, потому что Китай включен в систему многосторонних и многоуровневых международных отношений с ближними и дальними странами. В этих условиях просто нереально развернуть какую-то экспансию или агрессию. Не существует никакой «китайской угрозы» как таковой, а отношения когда-нибудь обязательно нормализуются…

35 лет спустя: возвращение в далекий и близкий Китай

Отношения нормализовались в 1980-х гг. Но новая встреча с Китаем, который Г. В. Мелихов покинул весной 1955 г., состоялась лишь через 35 лет, в 1990 г., когда китайская сторона организовала празднование очередного юбилея Харбинского политехнического института. Как вспоминал Георгий Васильевич, оказавшись на торжественном заседании, он выступил с речью на уже полузабытом китайском языке, который неожиданно вспомнился и «забил» из него как фонтан. Тогда же ему удалось увидеть напоследок и свой родной дом в Харбине, на Третьей улице района Пристань,

[5] Федор Иванович Шаляпин (1887–1938), великий русский оперный и камерный певец, весной 1936 г. приезжал на гастроли в Китай.

[6] Александр Николаевич Вертинский (1889–1957), знаменитый русский эстрадный артист, актер, поэт и певец, композитор. С 1920 г. жил в эмиграции. В 1935 г. переехал в Китай (Шанхай). В 1943 г. вернулся из Китая в СССР.

[7] Всесоюзное общество «Знание» — Просветительская организация СССР, возникшая в 1947 г. В начале 1970-х гг. Политбюро ЦК КПСС отнесло Всесоюзное общество «Знание» к уровню министерства I категории. Примерно 2/3 лекций были платными, и предприятия перечисляли лектору гонорар. Остальные лекции назывались шефскими и читались бесплатно.

уже частично снесенный строителями… Далекий и близкий Китай так и остался для харбинца Георгия Мелихова родной страной. В России же он много лет возглавлял Московскую ассоциацию «Харбин–Москва» (1993–1997), участники которой даже издали два сборника «Харбинцы в Москве» [Харбинцы в Москве, 1997], куда вошли биографии бывших земляков, превратившихся в москвичей.

Илл. 2. Г. В. Мелихов (*фото из архива автора*)

Взгляд в будущее и напутствие молодым коллегам

Оценивая перспективы современных российско-китайских отношений, Г. В. Мелихов полагал, что они будут сохраняться в дружеском русле, на ровном хорошем уровне во всех областях. Молодым коллегам он желал как можно больше ездить в Китай, пользоваться каждым случаем, чтобы оказаться там и попытаться проникнуть, полностью влиться в китайскую жизнь. Георгий Васильевич завершил напутствие такими словами: «Я хочу, чтобы молодые китаеведы никогда не повторили мою историю, когда, находясь в расцвете сил, я был лишен возможности полноценно заниматься Китаем — заниматься так, как мог, умел и хотел… [Желаю,] чтобы у них не было тех серьезнейших испытаний, когда я на восемь лет был вынужден почти полностью прекратить изучение Китая и занялся историей освоения Россией районов Дальнего Востока. Желаю, чтобы у них все шло более гладко, но чтобы при этом они докучливо, серьезно и глубоко изучали китайский язык!»

Счастливый человек: я добился всего, чего хотел

И еще одна очень важная, глубоко личная оценка всего жизненного и профессионального пути, которую лучше передать словами самого ученого: «Период вражды между СССР и Китаем был большим ущербом для меня. Я знаю, что по-другому развернулся бы. Вся жизнь пошла бы по-другому. Я был бы своим человеком среди китайских ученых… Сколько времени было потеряно! Оно не было потеряно в научном плане, потому что я занимался своим делом, но многие возможности были упущены

безвозвратно!.. Но я в общем-то счастливый человек, потому что даже в тех трудновообразимых условиях “с гражданством, но без прописки” я добился всего, чего хотел. Добился своим трудом, хотя сотни самых разных людей помогали мне даже своим добрым отношением. Я ни разу не встретил отношения к себе как к какому-то “другому”. Хотя, конечно, я не хотел вступать в партию... Конечно, я все же был “Другой”…»

Таким был Георгий Васильевич Мелихов. Светлая память этому прекрасному ученому и человеку! Коллеги-китаеведы выражают искренние соболезнования его вдове, Людмиле Васильевне Мелиховой.

Приложение:
Избранные труды Г. В. Мелихова (1930–2019)

Мелихов Г. В. Пер. с кит.: *Кэ Лань. Бессмертный Ван Сяо-хэ*: [повесть. Кэ Лань, Чжао-цзы; ил.: Л. Кравченко]. М.: Детгиз, 1957. 208 с.: ил.

Мелихов Г. В. Пер. с кит.: *Чжэн Сюань. Мореходство в древнем Китае.* М.: Географгиз, 1960, 70 с.

Мелихов Г. В. Процесс консолидации маньчжурских племен при Нурхаци и Абахае: 1591–1644 гг. *Маньчжурское владычество в Китае.* М.: ГРВЛ, 1966. С. 77–97. *То же:* Москва: Прогресс, 1984. На англ. яз.

Мелихов Г. В. К истории проникновения маньчжуров в бассейн верхнего Амура в 80-х гг. XVII в. *Маньчжурское владычество в Китае.* М.: ГРВЛ, 1966. С. 113–127. *То же*: Москва: Прогресс, 1984. На англ. яз.

Мелихов Г. В. Ян Бинь и его труд «Любянь цзилюэ». *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии.* М., 1967. С. 63–72.

Мелихов Г. В. *К истории освоения Цинской империей периферии Северо-восточного Китая (1583–1689 гг.).* Автореферат диссертации кандидата исторических наук. М., 1968. 26 с.

Мелихов Г. В. Политика Минской империи в отношении чжурчжэней (1402–1413 гг.). *Китай и соседи в древности и средневековье.* М.: Наука, 1970. С. 251–274.

Мелихов Г. В. Система военного и гражданского управления восемью знаменами как часть государственного аппарата маньчжуров. *Страны Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии (вопросы истории и экономики).* М.: Наука, 1970. С. 114–124.

Мелихов Г. В. *Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в).* М.: Наука, 1974. 246 с.

Мелихов Г. В. Экспансия цинского Китая в Приамурье и Центральной Азии в XVII–XVIII вв. *Вопросы истории.* 1974. № 7. С. 55–73.

Мелихов Г. В. (совм. с А. А. Бокщаниным). Источники и литература. *Внешняя политика государства Цин в XVII в.* М.: Наука, 1977. С. 6–45.

Мелихов Г. В. Объединение северо-восточных чжурчжэньских племен Нурхаци и завоевание ими Китая. *Внешняя политика государства Цин в XVII в.* М.: Наука, 1977. С. 72–94.

Мелихов Г. В. Политика КНР в Азии. *Международные отношения в Азиатско-Тихоокеанском регионе.* М.: Наука, 1979. С. 123–165.

Мелихов Г. В. Ивовый палисад — граница Цинской империи. *Вопросы истории.* 1981. № 8. С. 115–123.

Мелихов Г. В. Как готовилась агрессия феодальных правителей цинского Китая против русских поселений на Амуре в 80-х гг. XVII в. *Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений*. М.: Мысль, 1982. С. 71–88.

Мелихов Г. В. О северной границе вотчинных владений маньчжурских (цинских) феодалов в период завоевания ими Китая: 40–80-е гг. XVII в. *Документы опровергают: против фальсификации истории русско-китайских отношений.* М.: Мысль, 1982. С. 18–70.

Мелихов Г. В. [Докторская диссертация] *Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке: (40-е–80-е гг. XVII в.).* М., 1986. 390 л. (АН СССР, Ин-т истории СССР). *Автореферат*: М., 1986, 64 с.

Мелихов Г. В. О некоторых японских концепциях русско-китайских отношений в XVII в.: 1644–1689 гг. *Внешняя политика России: (Историография).* М., 1988. С. 186–217.

Мелихов Г. В. Россия и Цинская империя на Дальнем Востоке: (40–80-е гг. XVII в.). АН СССР. Ин-т истории СССР. М., 1989. 487 с. (Деп. в ИНИОН АН СССР).

Мелихов Г. В. Маньчжурия далекая и близкая. М.: Наука, 1991. 319 с. (2-е изд., М.: Наука, 1994. 317 с.).

Мелихов Г. В. Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.). М.: ИРИ РАН, 1997. 245 с.

Мелихов Г. В. Русский Харбин: взаимовлияние и взаимопроникновение культур сопредельных стран. *Дальний Восток России — Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества*. Хабаровск, 1998. С. 175–177.

Мелихов Г. В. Китайские гастроли: неизвестные страницы из жизни Ф. И. Шаляпина и А. Н. Вертинского: к 100-летию Харбина. Изд. 2-е, доп. М.: ИРИ РАН, 1998. 132 с.

Мелихов Г. В. Белый Харбин: Середина 20-х, М.: Русский путь, 2003. 440 с.

Мелихов Г. В. Русская «Нечаевская дивизия» в армии северных китайских милитаристов. (Формирование. Состав. Командование). 1924–1928 годы. *Труды ИРИ РАН*. Вып. 6. РАН, ИРИ РАН; отв. ред. А. Н. Сахаров. М., 2006. С. 120–139.

Мелихов Г. В. *Российская эмиграция в международных отношениях на Дальнем Востоке (1925–1932).* М., 2007, 320 с.

Мелихов Г. В. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурской империи. (Домыслы и факты). *Труды ИРИ РАН*. Выпуск 8. РАН, ИРИ; отв. ред. А. Н. Сахаров, сост. Е. Н. Рудая. М.: Наука, 2009. С. 190–209.

Мелихов Г. В. Интервью (Москва, 14.04.2012). Российское китаеведение — устная история. Сборник интервью с ведущими российскими китаеведами XX–XXI вв. В 3-х тт. Под ред. В. Ц. Головачёва. М.: ИВ РАН, «МАКС Пресс», 2018. Т. 1. С. 290–321. *То же:* М.: ИВ РАН, ООО Крафт+, 2014. Т. 1. С. 290–321.

Публикации о Г. В. Мелихове

Ван Сяо-минь. (пер. Би Сяо-хун). Моя история началась в Харбине. *Партнеры*. 20.04.2007. URL: http://russian.dbw.cn/system/2007/04/20/000011986.shtml (дата обращения 31.03.2020).

Цюй С. Профессор Г. В. Мелихов — историк русской эмиграции в Китае. *Инновации в науке: сборник статей по матер. LVI международной научно-практической конференции*. Новосибирск: СибАК, 2016. № 4(53). С. 44–49.

Чернобаев А. А. Мелихов Георгий Васильевич. *Историки России XX века: Биобиблиографический словарь*. Саратов: Саратовский государственный социально-экономический ун-т, 2005. С. 42–43.

Мелихов Г. В. *Востоковеды России. XX — начало XXI в. Биобиблиографический словарь*. В 2-х кн. С. Д. Милибанд. М.: Восточная литература. Кн. 1. С. 901–902.

Литература / References

Бокщанин А. А. Волшебный свет на мачтах. Заморские экспедиции Чжэн Хэ. *Лики Срединного царства*. М., 2002 [Bokschanin A. A. Mysterious Light on the Masts. Overseas Expeditions of Zheng He. *Faces of the Middle Kingdom*. Moscow, 2002 (in Russian)].

Ван Ци. *Проблема восточного участка китайско-российской границы глазами китайских, российских и западных ученых*. М., 2010 [Wang Qi. The Problem of the Eastern Section of the Sino-Russian Border through the Eyes of Chinese, Russian, and Western scholars. Moscow, 2010 (in Russian)].

Маньчжурское владычество в Китае. М., 1966 [*Manchu Rule in China*. Moscow, 1966 (in Russian)].

Головачёв В. Ц., Ивлиев А. Л., Певнов А. М., Рыкин П. О. *Тырские стелы XV века: Перевод, комментарии, исследование китайских, монгольского и чжурчжэньского текстов*. СПб., 2011 [Golovachyov V. Ts., Ivliev A. L., Pevnov A. M., Rykin P. O. *Tyr Stelae of the 15th Century: Translation, Commentary, Research of the Chinese, Mongol, and Jurchen Texts*. Saint Petersburg, 2011 (in Russian)].

Дубровская Д. В. Сокровищницы адмирала Чжэн Хэ. *Вокруг света*. 2008. № 8. С. 148–158 [Dubrovskaya D. V. Admiral Zheng He’s Treasure Ships. *Vokrug Sveta*. 2008. 8. Pp. 148–158 (in Russian)].

Харбинцы в Москве: биографические очерки в двух выпусках. М., 1997 [*Harbin Denizens in Moscow: Biographical Essays in Two Issues*. Moscow, 1997 (in Russian)].

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-324-333

БАЛБИР МАДХОПУРИ. МОЯ РОДИНА — МАДХОПУР (ГЛАВА ИЗ АВТОБИОГРАФИИ «ОБРУБЛЕННОЕ ДЕРЕВО»)

 А. В. Бочковская*

Публикация продолжает серию комментированных переводов с хинди из автобиографии «Обрубленное дерево» (*Chāṅgiā rukh*, 2002; в английской версии — *Against the Night*) Балбира Мадхопури, известного индийского писателя, поэта, переводчика, журналиста и общественного деятеля. Он родился и вырос в квартале чамаров-неприкасаемых в панджабской деревне Мадхопур на северо-западе Индии, прошел трудную школу жизни, но смог получить высшее образование и заняться литературным творчеством. В 2014 г. он получил высшую награду Литературной академии Индии за переводческую деятельность и вклад в развитие языка панджаби. В автобиографическом романе, включенном в программы панджабских школ и целого ряда гуманитарных вузов Индии, Балбир Мадхопури делится детскими и юношескими воспоминаниями, мыслями и эмоциями, определившими его мотивации к борьбе за выход из круга нищеты и бесправия. Открывающая книгу глава представляет собой авторский манифест, в котором обозначены главные проблемы и исторические «болевые точки» низкокастовых жителей индийских деревень, а также упомянуты знаковые для них имена политических и общественных деятелей — тех, кого часто именуют «иконами» неприкасаемых. Эмоциональный рассказ Балбира Мадхопури об обычаях и жизненном укладе обитателей его деревни в 1960–1970-х гг. изобилует определениями «несправедливый», «унизительный», «жестокий», «деспотичный», что неудивительно: после обретения Индией независимости практика неприкасаемости была законодательно запрещена, но жизнь более 250 млн. индийцев, относящихся к «обслуживающим» категориям населения (уборщики, кожевенники, подметальщики и др.) и находящихся в самом низу социальной лестницы, по-прежнему остается крайне незавидной. Предлагаемый читателю отрывок из автобиографии Балбира Мадхопури — второй из четырех, запланированных к публикации в журнале в 2020 г.

Ключевые слова: Индия, Панджаб, каста, неприкасаемость, идентичность, далитская литература.

Для цитирования: Бочковская А. В. Балбир Мадхопури. Моя родина — Мадхопур (глава из автобиографии «Обрубленное дерево»). *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 324–333. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-324-333

---

* Анна Викторовна БОЧКОВСКАЯ, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Южной Азии Института стран Азии и Африки МГУ им. М. В. Ломоносова, Москва; anna.bochkovskaya@gmail.com

Anna BOCHKOVSKAYA, PhD (History), Associate Professor, Department of South Asian History, Institute of Asian and African Studies, Lomonosov Moscow State University; anna.bochkovskaya@gmail.com

ORCID ID: 0000-0001-6666-4246

Перевод главы «Моя родина — Мадхопур» выполнен с хинди по изданию [Madhopuri, 2007]. При подготовке перевода проводилась сверка с оригиналом автобиографии на панджаби [Madhopuri, 2017]. Публикуется с разрешения автора. — *Здесь и далее примеч. перев.*

BALBIR MADHOPURI. *MERĪ JANMBHŪMI — MĀDHOPUR* (CHAPTER FROM *CHĀNGIĀ RUKH* / *AGAINST THE NIGHT*)

Anna V. Bochkovskaya

This commented translation from Hindi of a chapter from the *Chāṅgiā rukh* (*Against the Night*) autobiography (2002) by Balbir Madhopuri, a renowned Indian writer, poet, translator, journalist and social activist, brings forward episodes from the life of low-caste inhabitants of a Punjab village in the 1960s and 1970s. Following the school of hard knocks of his childhood in the *chamar* quarter of Madhopur, a village in Jalandhar district, Balbir Madhopuri managed to receive a good education and take to literature. In 2014 he was awarded the Translation Prize from India's Sahitya Academy for contribution to the development and promotion of Punjabi, his mother language. Narrating his story, Balbir Madhopuri shares childhood memories, thoughts and emotions that shaped his determination to fight poverty, deprivation and injustice. The opening chapter represents the author's manifesto, which shows the pressing issues of low-caste inhabitants of India's villages and also gives names of political leaders and social activists that are often called icons of the Dalits. Balbir Madhopuri's description of the lifestyle and traditions of his village is full of emotion as he calls the dominant religious system "humiliating", "unjust", "inhuman", "oppressive" etc. This is unsurprising: even after independence, destinies of those stuck at the lowest part of the social ladder have remained unenviable despite the fact that, according to India's constitution, untouchability was abolished and its practice in any form forbidden. This commented translation is the second in a series of four chapters from Balbir Madhopuri's autobiography scheduled for publication in this journal in 2020.

Keywords: India, Punjab, caste, untouchability, identity, Dalit literature.

For citation: Bochkovskaya A. V. Balbir Madhopuri. Merī janmbhūmi — mādhopur (Chapter from Chāṅgiā rukh / Against the Night). *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 324–333. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-324-333

Сочись, сочись, водица,
Напоишь голубицу…

В сезон дождей мы с друзьями руками выкапывали в земле небольшие ямки, повторяя эти слова снова и снова. Ямки очень быстро заполнялись сочившейся из земли водой. И когда мы пятками протаптывали яму побольше, выдавливая в земле неглубокие круглые дыры, они тоже моментально наполнялись, и вода растекалась через край.

Собственно говоря, Мадхопур в дистрикте Джаландхар — это одна из деревень, что построены на *манде*, то есть земле, где раньше находилось русло Беаса. Это одна из пяти рек Панджаба; она зарождается недалеко от Рохтанга, дистрикт Кулу, течет через дистрикты Кангра в Химачал-Прадеше и Хошиярпур в Панджабе, а завершает свой 470-километровый путь, соединяясь с Сатледжем на окраине Капуртхалы. Место слияния этих двух рек именуют Хари-ка-паттан[1], сейчас оно находится в дистрикте Таран-Таран. Такое название появилось, потому что когда русло реки сместилось к западу[2], земли на правом берегу стали использовать, люди начали их заселять и строить там жилища. Эти поселения росли и постепенно превратились в деревни. Сейчас Беас течет на расстоянии 21 километра от нашей деревни.

[1] *Хари-ка-паттан* — букв. «Божественная низина»; также можно перевести как «Зеленая низина».

[2] Реки, текущие на огромных равнинах Северной и Северо-Западной Индии, разливаются во время сезона дождей, а по его окончании не всегда возвращаются в старое русло, прокладывая себе рядом новый путь.

Земли между Сатледжем и Беасом — Джаландхар, Хошиярпур, Наваншахр и Капуртхала — называют Доабом [3], или Двуречьем. Некоторые деревни дистрикта Джаландхар получили название Сировал[4], поскольку там вода струилась из земли сама собой. Бесчисленные тонкие ручейки соединялись в небольшие речки. Летом мы купались в небольших сезонных ручьях с чистой прозрачной водой, которые стекали с возвышенности в западной части деревни. Эти ручьи поддерживали жизнь многих существ — кроликов и других зверьков, а также птиц. Палисандровые заросли вдоль русла всегда оставались зелеными.

Поскольку мы жили в низине, колодцы в деревнях были не очень глубокими. Персидское колесо крутилось с рассвета до полудня, а потом веревки и ведра появлялись на поверхность покрытые золотистым поблескивающим песком — и без намека на воду. Мы видели все это, болтаясь по деревне после уроков в школе. И сам процесс выкапывания нового колодца был захватывающим… Аччхру-базигар[5] — начинал бить в барабан за несколько дней до этого события. Перед местом, выбранным для нового колодца, произносили молитвы, раздавали *прасад*[6], рассыпали монетки — как на паланкин невесты, когда она отправляется в дом жениха. Радостное настроение менялось на очень серьезное, когда женщины отрешенно затягивали:

Деревяшка уходит от нас —
Гляньте в последний раз!

Такие эмоции из-за круглой деревянной основы, сооруженной из ствола шелковицы, рвали душу; у некоторых глаза были на мокром месте, поскольку все знали, что этот круг диаметром около 45 сантиметров навсегда останется под землей. Над ним затем соорудят 30-сантиметровую скважину. Диаметр круга зависел от размера колодца, который планировали копать. Джхивары-водоносы погружались в воду и наполняли большой металлический горшок землей. Им приходилось долго оставаться под водой, и от этого нам делалось не по себе.

Сооружение колодца продолжалось обычно несколько дней, и по завершении раздавали кашу-*далия* из дробленого зерна, вознося хвалу Хвадже Хизру [7] за покровительство. Я собственными глазами наблюдал, как таким образом строили колодец плотника Будды Рама — сына Куды Рама. В тот раз я слышал, как несколько юношей-джатов[8] упражняются в остроумии — так, чтобы их слышали девушки:

Не вернуться тебе назад,
Как и колодезной основе…

[3] Перс. *Доаб* — две реки. Междуречье Беас-Сатледж имеет собственное название — Бист-доаб.
[4] От пандж. *Сиран* — так в Пятиречье, где высоко стояли грунтовые воды, называли вырвавшиеся из-под земли под давлением ручьи. В последние десятилетия интенсивное строительство оросительных колодцев и систем привело к тому, что уровень грунтовых вод в Панджабе резко упал.
[5] *Базигар* — фокусник, циркач (каста).
[6] *Прасад* — подношения божеству (сласти, фрукты, цветочные гирлянды и др.), часть которых возвращается верующим в качестве «ответной милости».
[7] Хваджа Хизр — знаменитый суфий, которому в Панджабе поклоняются и мусульмане, и индусы; его также именуют Дария-шах / Речной повелитель или Зинда-пир / Живой святой. Хваджа Хизр считается покровителем рек и воды.
[8] Джаты — состоятельная землевладельческая каста в Северной и Северо-Западной Индии.

Ко времени, когда уровень грунтовых вод стал снижаться, был взят курс на зеленую революцию[9], и всюду стали сооружать трубчатые колодцы. И тогда низкокастовые детишки стали сбегаться на звук барабана в руках *чоукидара*[10] Джагара, чтобы получить свою порцию каши, раздаваемой по такому поводу.

Первый колодец с двумя персидскими колесами в моей деревне — в ее восточной части — построил в 1800 году *баба*[11] Сангатия. Об этом говорит надпись на кирпиче, который я вынул из оголовка колодца в 1981 г., сфотографировал и затем вернул на место. На нем было написано: «Этот колодец построен Сангатией в 1800 году из 419811 кирпичей».

И да, вода из колодца использовалась для орошения в Курешияне, который был в 5–6 километрах отсюда. Вся деревня брала питьевую воду из этого колодца.

Сангатия были родом из Муговала около Туто-Маджары в дистрикте Хошиярпур. В своем исследовании «Племена и касты Панджаба и Северо-Западной пограничной провинции»[12] англичане сэр Дензил Иббетсон и Е. Д. Маклоган установили, что джаты из *готры*[13] Сангха прибыли из Муговала и поселились в Сакрули, Лангери, Нариалане и, возможно, в Мадхопуре.

Дом *бабы* Сангатии стоял в окружении сезонных речушек, текших с возвышенностей. В поисках годных для пахоты земель он нашел зеленый участок и назвал его *мадхо-ди-пури* — «божественный уголок», а когда окончательно обосновался здесь, это место стали называть Мадхопур. Британская почтовая служба обозначила его как Мадхопур-Сировал — чтобы избежать путаницы, поскольку в этом дистрикте есть еще одна деревня с тем же названием.

Спустя несколько лет, после того как *баба* Сангатия здесь поселился, в округе появились кирпичные дома-*пакка*[14]. И следующие поколения стали называть *пакка-вале* — живущие в кирпичных домах. А место, откуда брали глину для строительства, до сих пор именуют *гора-чхаппар* — светлый пруд. По записям *патвари*[15] эта земля находится в общем пользовании, и низкокастовые имеют право набирать здесь глину, для того чтобы обмазывать стены своих хижин. Мы тоже копали здесь глину для нашего дома. Однако джаты постепенно прибирают к рукам такие земли.

Баба Сангатия привез сюда семью чамаров[16] подкасты вирди — они жили в деревне Пандори неподалеку от его родной деревни. До того этот чамар, Панджаб Сингх Рамдасия, жил в Сейнпуре, дистрикт Хошиярпур, а потом поселился здесь, у нас, — 150 с лишним лет назад. Место, где он сидел и чинил обувь, до сих пор

---

[9] Зеленая революция — комплекс социально-экономических и финансовых мероприятий, проводившихся в Индии в 1960–1970-х гг. для интенсивного развития сельскохозяйственного производства, в первую очередь, для увеличения производства зерновых культур. Основной зоной «зеленой революции» была объявлена Северо-Западная Индия (штаты Панджаб, Хариана, отчасти — Уттар-Прадеш).

[10] *Чоукидар* — сторож.

[11] *Баба* — уважительное обращение к старшему; отец; дед.

[12] См. [Ibbetson, MacLogan, Rose, 1911].

[13] *Готра* — клан, род; подкаста.

[14] *Пакка* — прочные дома из кирпича или камня — в отличие от глиняных (*качча*).

[15] *Патвари* — учетчик земель и посевов в деревне.

[16] *Чамары* — кожевенники, метельщики (низкая каста).

называют *гандийон-да-чхаппар* — пруд грязных, или башмачников. *Сардары*[17] из деревни Лароя, что в пяти километрах отсюда в дистрикте Джаландхар, по просьбе Сангатии отправили в Мадхопур семью водоносов-джхиваров. Затем тут поселились брахманы, ювелиры, плотники-бархаи, цирюльники-наи, а из земель, что расположены восточнее, прибыла семья прачек-дхоби.

Деревня выглядела единым целым, но у каждой группы были свои колодцы, откуда брали воду для питья. Позже в деревне поселилось несколько мусульман — они купили здесь землю. Мусульмане не относились к низкокастовым индусам и сикхам как к неприкасаемым, возможно, потому что предки многих из них сами происходили из низких или ремесленных каст[18].

Однако если кто-то из низкокастовых мальчишек выходил из дома умытым и причесанным, то непременно кто-нибудь из джатов, сидевших под деревьями, поднимался и швырял в него чем-то грязным, а если тот пытался дать сдачи, что ему задавали взбучку. Точно так же если кто-то из неприкасаемых появлялся на улице в новой одежде, то ему обязательно устраивали трепку под предлогом того, что он-де пытается вести себя как высококастовый. Поэтому никто и предсказать не мог, где и когда такое может произойти.

И все в деревне боялись *заилдара*[19], *джагирдара*, *сафедпоша* и *намбардара*[20]. *Заилдару* подчинялось несколько деревень. Он возглавлял суды и выносил приговоры: в его ведении были правовые вопросы, и его решения надо было исполнять, выплачивать штрафы и другие сборы. В его ведении находились правовые вопросы. Поговаривали, что власти простили ему пять или даже семь убийств, поэтому у людей не хватало храбрости смотреть ему в глаза. Он обращался с низкокастовыми, особенно с неприкасаемыми, как тиран и деспот. Заставлял их бесплатно работать на его земле и стройках, а если такой работы не было, приказывал просто копать землю на полях и сваливать ее у околицы. То есть у него не было определенных дней для *бегара*[21]. До сих пор около деревень кое-где виднеются горки такой земли.

Джагирдар держал от 15 до 30 лошадей; при англичанах его поощряли земельными участками-*джагирами*[22] за участие в подавлении любых протестных выступлений. Он также заставлял неприкасаемых бесплатно работать на него; зачастую все, что они получали, сводилось к побоям. Джагирдар же и следил за тем, чтобы низкокастовые не выступали против него.

У *сафедпоша* обычно было 2–4 лошади; он надзирал за несколькими деревнями. Неприкасаемых всегда работали на него бесплатно. Он выполнял роль агента властей и одновременно — шпиона. Власти оплачивали ему эти услуги.

---

[17] *Сардар* — уважительное обращение к сикху.

[18] Большинство мусульман Южной Азии — это потомки некогда принявших ислам низкокастовых индусов.

[19] *Заилдар* / *зиледар* — ист. чиновник, ведавший прежде всего сбором земельного налога. *Зила* — административная единица; округ.

[20] Эти должности существовали в колониальной Индии.

[21] *Бегар* — принудительная неоплачиваемая работа на землевладельца.

[22] *Джагир* — земля, предоставлявшаяся за несение службы, условное служебное пожалование; *джагирдар* — держатель *джагира*.

Намбардар[23] был государственным служащим; он всегда стремился угодить начальству. Он также мог по своему усмотрению заставить неприкасаемых делать все, что ему надо, — и без оплаты. Его боялись все касты, потому что он мог пожаловаться на кого угодно в полицию или *заилдару*. Его слово было слышно всюду, всем чиновникам. Приговоры выносились и решения принимались по его желанию. Он же играл огромную роль, если надо было собрать людей для поддержки властей и их действий. Поэтому обычно всех этих должностных лиц называли лизоблюдами или подпевалами. Их поведение и *заминдаров* подталкивало к рукоприкладству. Низкокастовые — люди из старшего поколения, то есть те, кому сейчас 65–70 лет, — могут бесконечно рассказывать о таких случаях.

Вот как выглядит моя деревня… Мадхупур невелик, в нем порядка 1200 жителей. Его история также не особо долгая: ему примерно 250 лет. В 1914–1915 годах его территория охватывала около 200 гектаров, и там было 12 колодцев; земельный налог тогда составлял 885 рупий. Сейчас площадь практически такая же, а налог — 1200 рупий. Общие земли-*шамилат* — вместе с дорогами и деревенскими прудами — занимают 7 гектаров. На полях 30 колодцев. Но сколько из этой земли принадлежит неприкасаемым? Почти нисколько! Это связано вот с чем. При англичанах в Панджабе земельные реформы проводились трижды: в 1849–1850, 1880 и 1914–1915 годах. Я просматривал некоторые материалы — «Предписания и правила» по третьей реформе; в них речь идет и о наших традициях. Пункт 10 так определяет обязанности разных низкокастовых — *каминов*[24] и связанные с ними ограничения:

ЗЕМЕЛЬНОЕ УЛОЖЕНИЕ. ДЕРЕВНЯ МАДХОПУР (*ЗИЛА* ДЖАЛАНДХАР), 1914-1915

Каста	*Характеристика работы каминов и их обязанности*	*Причитающееся вознаграждение*
Плотник (бархаи)	Чинит домашний инвентарь и сельскохозяйственные орудия; дерево предоставляет хозяин	Одна кипа хлопка на плуг в урожай *хариф* / *раби*[25]; 15 *серов*[26] зерна в урожай *хариф*; 8 *анна*[27] на свадьбу дочери
Горшечник (кумхар)	Делает необходимую глиняную посуду для повседневных нужд и для свадеб; обмазывает глиной стены колодца	Одна кипа хлопка на плуг в урожай *хариф* / *раби*; 8 *анна* на свадьбу сына и дочери
Кузнец (лохар)	Чинит металлический домашний инвентарь, утварь и сельскохозяйственные орудия	Половина выручки за последний сбор хлопка; 8 *анна* на свадьбу сына и дочери

[23] *Намбардар* — деревенский староста.

[24] *Камин* — букв. низкий, подлый; убогий.

[25] Сезон *хариф* — осенний урожай, созревающий с июня по ноябрь; *раби* — весенний урожай (март–апрель).

[26] *Сер* — мера веса (ок. 900 гр; в разных районах Индии колеблется от 600 г до 1 кг).

[27] *Анна* — 1/16 рупии; медная монета, изъятая из обращения в 1957 г.

Цирюльник (наи)	Стрижет и бреет; *бегар*: доставляет сообщения и выполняет разные поручения; готовит еду; выполняет разную работу на свадьбах и похоронах	Одна кипа хлопка на плуг, урожай *хариф* / *раби; 5 серов* сырого *гура*[28]; 5 *анна* на свадьбу дочери и 4 *анна* на свадьбу сына
Уборщик (чухра, чамар)	*Бегар*: убирает и подметает	Может забирать трупы животных
Прачка (дхоби)	Стирает одежду; также стирает покрывала, расстилаемые на полу [чтобы сидеть] во время свадебного угощения	Одна кипа хлопка на плуг, урожай *хариф* / раби; 5 *серов* сырого *гура*
Водонос (джхивар/кахар)	*Бегар*; приносит по горшку с водой утром и вечером; помогает на свадьбах и похоронах	1 *ман*[29] зерна каждые 6 месяцев; 4 *анна* на свадьбу сына и дочери

Из этого перечня видно, что права чухра-чамаров, или неприкасаемых, сводились исключительно к тому, чтобы бесплатно работать. За свой бесплатный труд эти отверженные, лишенные всех прав люди удостаивались лишь права убирать трупы павших животных — и это тоже в знак милости со стороны своего хозяина. Поддержка властями такого социального и экономического неравенства, усилия сторонников этой системы, направленные на сохранение ее в неизменном виде, — все это давно заставило меня о многом задуматься.

Англичане подчинили себе множество стран; о них бытует расхожее мнение, что они были справедливыми и подходили ко многим вопросам с научной точки зрения. Они сыграли важную роль в развитии своих колоний; осуществили огромные проекты; внесли значительный вклад в развитие образования, и благодаря этому люди смогли познакомиться с собственной цивилизацией, культурой и историей, стали мыслить по-новому. Но позиция британцев в отношении неприкасаемых и обращения с ними вызывает большие сомнения.

Англичане пришли в Панджаб на последнем этапе завоевания Индии[30]. Почему же они не предоставили неприкасаемым право на равенство, образование, свободу самовыражения, имущественные права? Очевидно, что они действовали совместно с непримиримыми сторонниками сохранения кастовой системы и находились под их влиянием. В течение почти ста лет господства в Панджабе они сохраняли правила, зафиксированные в Законе о земельном налогообложении 1887 г., по которым неприкасаемым запрещалось приобретать землю, даже если у них были на то средства. Земля, находившаяся в общем пользовании (так называемые земли *моуруси*[31]), которую выделяли низкокастовым под строительство их хижин, также не могла становиться их собственностью. Неприкасаемые полностью зависели от милости землевладельцев и *джагирдаров*, и жили в постоянном страхе. Землевладельцы были по природе деспотами, заставляли бесплатно работать — сколько было положено и сверх того. Если

[28] *Гур* — сахар-сырец из тростникового сока.
[29] *Ман* — мера веса (ок. 40 кг).
[30] Панджаб был последней индийской территорией, аннексированной англичанами. Это произошло в 1849 г.
[31] *Моуруси* — букв. «наследственный».

низкокастовые пытались выступать против *бегара*, их били и унижали. Те, кто находились в британском рабстве, требовали свободы, но и их не волновала свобода тех, кто были в рабстве у них самих. Более того, они отстаивали собственные права на сохранение неприкасаемых в кабальной зависимости, обосновывая это текстами священных книг. И именно это определяет степень падения общества и страны.

Во всем мире нет другой настолько несправедливой, деспотичной и дискриминационной системы, которая сохранялась бы тысячелетиями. Нет в мире другой религии — символа социальной системы, которая разжигает ненависть и поддерживает унижающие и бесчеловечные обычаи. Ни в какой другой стране не мирятся с такой жестокостью и насилием в отношении женщин и человека труда. Процесс разделения и разобщения людей шел столетиями, и некоторые в Индии этим гордятся, заявляя, что именно такая система предотвращала рост социальной напряженности и насилия! Даже те, кого считают прогрессивно мыслящими, разделяют такие идеи, поскольку сами принадлежат к высоким кастам и потому получают от жизни все — благодаря услугам, которые оказывают им неприкасаемые.

Столь несправедливая система не была бы такой жизнестойкой, если бы не книги типа «Законов Ману»[32], которые фиксировали жесткие правила поведения в отношении шудр и тех, кто еще ниже их. Именно в связи с этим д-р Бхимрао Амбедкар[33] писал, что так называемые священные тексты, не имеющие никакого отношения к действительности и политические по сути своей, тенденциозны; они имеют целью сеять заблуждения и обман. Я также помню слова первого премьер-министра Индии Джавахарлала Неру из письма д-ру Раджендре Прасаду от 17 ноября 1953 г.: «Индусы, безусловно, нетолерантны и, в сущности, более зашорены, чем любой человек в любой другой стране». И держу в памяти высказывание Карла Маркса о том, что если где-нибудь хоть одна рука поднимется на борьбу с несправедливостью и в защиту социально-экономического равенства, то он ее всецело поддержит.

В этой борьбе за социальную справедливость участвовал сильный духом и отважный панджабец, который — так совпало — был родом из деревни *бабы* Сангатии — из Муговала. Это был Бунтарь — Бабу Мангу Рам Муговалия[34]. Его заключили в тюрьму из-за выступлений против британцев в Индии и приговорили к казни, но он смог сбежать и три года провел в джунглях среди адиваси[35], а потом перебрался из Индии в Манилу. В начале 1925 года он вернулся в Индию, где продолжил самоотверженную борьбу за права обездоленных в юго-западных районах, а спустя некоторое время приехал в родную деревню. Крайняя бедность, чудовищные условия жизни низкокастовых, — все это заставляло его размышлять о глубине рабской зависимости соотечественников.

---

[32] «Законы Ману» / «Ману-смрити» — древнеиндийский сборник, включающий религиозно-нравственные и правовые предписания.

[33] Бхимрао Рамджи Амбедкар (1891–1956) — лидер индийских неприкасаемых, известный политический деятель, правовед, один из авторов индийской конституции.

[34] Мангу Рам (1886–1980) — участник национально-освободительного движения, панджабский политик; активист эмигрантской революционно-радикальной партии Гхадар; основатель движения *ад(и)дхарм* / *ад-дхарм* («изначальная вера»), ставившего своей целью борьбу за права неприкасаемых.

[35] *Адиваси* (букв. «первопоселенец») — коренные жители, аборигены; отсталые этнические группы / племена в Индии.

По просьбе Лалы Хардаяла[36] Мангу Рам стал заниматься исключительно проблемами неприкасаемых и установил контакт с д-ром Амбедкаром. 11–12 июня 1926 года по его призыву десятки тысяч людей из разных каст пришли в Муголвар, и там было объявлено о создании общества Ади-дхарм мандал [37], которое стало своеобразным культурным движением. Мангу Рам также начал выпускать газету под названием «Ади-данка»[38] — рупор протеста против социального гнета и неравенства. Результатом его упорной политической и социально-экономической борьбы стало то, что в 1937 году сам Мангу Рам и семь его единомышленников были избраны в Законодательное собрание[39].

Примечательно и то, что Мангу Рам Муговалия приезжал в нашу деревню до 1947 года и потом еще раз, уже во времена независимости. Рассказывают, что его принимали очень тепло и радушно, и во встрече участвовали все жители деревни. Его всегда будут помнить за тот вклад, который он внес в освободительное движение в нашей стране и в дело освобождения неприкасаемых.

Четвертая земельная реформа проводилась уже после ухода англичан из Индии; она шла 1948–1960 годах. В соответствии с Законом 1943 г. о землевладении и предотвращении дробления земельных участков в Восточном Панджабе[40] каждая низкокастовая семья в деревне получила по два *марла*[41] земли для хранения мусора и отходов [42]. До того отходы тех, у кого не было земли, распределялись между землевладельцами — пропорционально размеру их земельных участков. Те низкокастовые, кто обрабатывали землю, но не были ее собственниками, использовали отходы на полях, где работали; продавать их было запрещено.

Избавление от англичан пришло 15 августа 1947 года. Люди были наделены многими правами, однако *раджатнама* — джагирная система, при которой власть принадлежала *сардарам* и *чоудхри* — сохранялась в неизменном виде, даже несмотря на вступление в силу конституции Индии 26 января 1950 года. После долгой изнурительной борьбы *каминов* за свои права закон *моуруси* был отменен, и

36 Лала Хардаял (1884–1939) — один из основателей партии Гхадар.

37 Идеология Ади-дхарм мандал (Ассоциации [последователей] изначальной веры) основывалась на тезисе о том, что предки неприкасаемых — чамаров, чухра, бхилов и др. — были истинными, исконными обитателями Индии, оказавшимися на обочине истории с приходом в Южную Азию «чужаков», которые стали доминировать во всех сферах, прежде всего, в религиозной.

38 «Ади-данка» (букв. «Голос коренных жителей») издавалась на языке урду.

39 В 1937 г. в соответствии с Законом об управлении Индией, принятом в 1935 г. в 11 провинциях, включая Панджаб, прошли первые выборы в местные законодательные собрания. Их деятельность практически полностью прекратилась в 1939 г. с началом Второй мировой войны.

40 East Punjab Land (And Prevention of Fragmentation) Holding Act, 1943. Целый ряд законов, принятых в Британской Индии, продолжал действовать и после 1947 г.

41 *Марла* — мера площади (ок. 25 кв. м).

42 Неприкасаемые — уборщики, кожевенники и др. — занимались сбором и утилизацией мусора, останков животных и прочих отходов. Вплоть до сегодняшнего дня органические отходы имеют большую ценность, поскольку широко используются на полях: практически по всей Индии почвы крайне истощены и требуют постоянного внесения удобрений, но далеко не все крестьяне могут приобрести дорогостоящую заводскую продукцию. Поэтому вопрос хранения и использования органических отходов в индийских деревнях по-прежнему остается чрезвычайно актуальным. Законы, принятые после 1947 г, позволили низкокастовым семьям в Панджабе и других штатах получить в собственность крохотные участки для складирования отходов, но вопрос о наделении их землей для сельскохозяйственного производства не ставился.

низкокастовым разрешили владеть их же собственной землей. Были упразднены уходящие в далекое прошлое правила *раджатнама*, по которым неприкасаемые взамен на разрешение поселиться на землях *моуруси* были обязаны бесплатно работать на землевладельца. Закон 1887 г. о земельном налогообложении в Панджабе[43], по которому низкокастовым запрещалось покупать землю, к тому моменту уже утратил силу, и они, наконец, обрели право ее приобретать и продавать.

Хижины и кварталы неприкасаемых всегда находились на окраинных низинных участках, которые в панджабских деревнях обычно располагались в западной части. Так же они жили и по всей Индии — потому, что по индусским законам они находятся вне кастовой системы и не принадлежат ни к одной из четырех варн. Кастовым индусам следовало избегать прикосновения даже тени неприкасаемых. Утверждают, что они были частью индуизма, но на самом деле эта религиозная система сама создавала такую среду, в которой низкокастовые находились в вечном рабстве. И именно поэтому их всегда держали на окраине. А вторая причина — то, что вода всегда течет в сторону той части деревни, которая расположена ниже, и, протекая через нее, загрязняется. Считалось, что неприкасаемые не только не должны пачкать чистую воду, но и в принципе обязаны жить в грязи и мусоре. Такие ужасные условия до сих пор встречаются в индийских деревнях.

Таким образом, те семьи из нашей общины, которые до 1947 года и приобретали землю, были вынуждены записывать их собственностью кого-то из джатов, поскольку на свое имя покупать землю было запрещено. Потом эти земли джаты официально передали таким семьям, что стало символом революционных перемен в нашем обществе. Стало появляться ощущение свободы; наша конституция предоставила равные права всем гражданам, а неприкасаемые прошли путь от *хариджанов* до зарегистрированных каст[44]. Но отношение высших каст к низшим и их поведение не изменилось — настолько, насколько оно должно было бы измениться в нынешнем просвещенном столетии. Многие законы не выполнялись так, как должны были бы выполняться, и потому цели, которые были определены, оказались недостигнутыми. Одним словом, чтобы добиться социальных перемен, все общество должно действовать согласованно, решительно и целенаправленно. Прогрессивное мышление — вот насущная потребность для развития нашей страны.

Литература / References

Ibbetson D., MacLogan E. D., Rose H. A. *A Glossary of the Tribes and Castes of the Punjab and North West Frontier Province*. Vols. 1–3. Lahore, 1911 (reprinted 2007, 2013).

Madhopuri B. *Chāṅgyā Rukkh (Ātmakathā)*. New Delhi, 2007.

Madhopuri B *Chāngiā Rukh (Svaijīvanī)*. New Delhi, (2002) 2017.

Madhopuri B. *Changiya Rukh. Against the Night. An Autobiography*. New Delhi, 2010.

[43] The Punjab Land Revenue Act (Intiqale Arazi Act), 1887.

[44] *Хариджане* (букв. «божьи дети») — термин, использовавшийся Мохандасом Карамчандом (Махатмой) Ганди (1869–1948) вместо понятия «неприкасаемые». В 1950-х гг. этот термин вышел из употребления; в Конституции независимой Индии наиболее социально отсталые слои населения были определены как scheduled — «зарегистрированные» или «списочные» касты и племена.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-334-346

О:ТА ГЮ:ИТИ. «ЗАПИСИ О КНЯЗЕ НОБУНАГА». СВИТОК VI (ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИИ). ЧАСТЬ II

С. А. Полхов[*]

В данной публикации представлена вторая часть перевода свитка VI хроники «Записи о князе Нобунага» («Синтё:-ко: ки»), одного из главных источников по истории Японии XVI в. Свиток VI содержит копию предостережений из 17 статей Ода Нобунага, адресованных сёгуну Асикага Ёсиаки. В этом документе Нобунага упрекнул своего господина в своеволии, корыстолюбии и несправедливости. Появление наставлений свидетельствовало об обострении борьбы за власть между сёгуном и Нобунага. В свитке VI рассказывается об открытом выступлении сёгуна против Нобунага, который в начале 1573 г. оказался в кольце врагов — Такэда Сингэн, дома Адзаи и Асакура, последователи «Истинной школы Чистой земли», руководимые Хонгандзи, и другие противники стремились к тесной координации своих действий. В этой ситуации Нобунага не пожалел усилий, чтобы договориться о мире с Ёсиаки. Однако перемирие оказалось непрочным, сёгун вновь бросил вызов своему могущественному вассалу, который двинул войско на столицу, а затем принудил к капитуляции сюзерена, запершегося в замке Макиносима, и отправил его в изгнание. Для О:та Гю:ити, автора хроники, сёгун после разрыва с Нобунага превратился во «врага Поднебесной»; его симпатии безусловно находились на стороне Нобунага. Кроме того, в свитке VI повествуется о победоносном завершении военной кампании против домов Асакура и Адзаи, главы которых были принуждены к *сэппуку*, а также о походе Нобунага на север провинции Исэ с целью приведения к покорности местных самурайских кланов, многие из которых присоединились к силам *Икко:-икки*.

Ключевые слова: «Синтё:-ко: ки», О:та Гю:ити, Ода Нобунага, Асикага Ёсиаки, Адзаи, Асакура, Сэнгоку дзидай.

Для цитирования: Полхов С. А. О:та Гю:ити. «Записи о князе Нобунага». Свиток VI (Перевод и комментарии). Часть II. *Вестник Института востоковедения.* 2020. № 2. С. 334–346. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-334-346

[*] Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-4705-7488

ŌTA GYŪICHI. “SHINCHŌ-KŌ KI”. BOOK VI (COMMENTED RUSSIAN TRANSLATION). PART II

Svyatoslav A. Polkhov

The article provides the second part of the translation into Russian of the Book VI of “Shinchō-kō ki”, a major source on the history of 16th-century Japan. Book VI contains a copy of 17 admonitions addressed by Oda Nobunaga to the shōgun Ashikaga Yoshiaki. In this document, Nobunaga reproaches his master for willfulness, selfishness and injustice; these instructions were a clear sign that the power struggle between the shōgun and Nobunaga had come to a head. Book VI narrates the shōgun’s open war against Nobunaga, who in early 1573 found himself encircled by enemies — Takeda Shingen, the houses of Azai and Asakura, the followers of the True Pure Land School, led by Honganji, and other opponents, all of them seeking to coordinate their actions closely. In this situation, Nobunaga spared no effort to negotiate a peace with Yoshiaki. However, the truce was fragile; the shōgun again challenged his powerful vassal, who then moved the army to the capital, besieged his suzerain in the Makinoshima castle, forced him to surrender, and sent him into exile. For Ōta Gyūichi, the author of the chronicle, the shōgun turned into an “enemy of the realm” after breaking up with Nobunaga, and his sympathy is definitely on the latter’s side. In addition, scroll VI speaks about the victorious end of the military campaign against the houses of Asakura and Azai, whose heads were forced to commit *seppuku*, as well as Nobunaga’s campaign in the north of Ise province with the aim of subjugating the local samurai clans, many of whom cooperated with the forces of *Ikkō-ikki*.

Keywords: “Shinchō-kō ki”, Ōta Gyūichi, Oda Nobunaga, Ashikaga Yoshiaki, Azai, Asakura, Sengoku Jidai.

For citation: Polkhov S. A. Ōta Gyūichi. “Shinchō-kō ki”. Book VI (Commented Russian Translation). Part II. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 334–346. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-334-346

СВИТОК VI (продолжение)

(8). 7-я луна, 16-й день. Нобунага приблизил коня к Макиносима и соизволил расположить [свой] лагерь на [горе] Янагияма выше Гокасё:. [Он] немедленно приказал переправиться через [реку] Удзигава и взять штурмом Макиносима. Поистине прославленная река Удзи была переполнена водой, страшны были широкие речные воды, вздымавшиеся ветром против течения и [казавшиеся] бескрайними. И хотя каждый [из людей князя Нобунага] думал, что опрометчивая переправа была бы опасна, [его милость] не был расположен к снисходительности. Коли задержитесь, князь Нобунага соизволит пойти первым, [объявил он]. [Переправы] было не миновать. Затем [князь Нобунага] приказал [войску] переправиться через реку, разделившись на два отряда. Поэтому, следуя прежнему примеру, вверх по течению реки к северо-востоку от [храма] Бё:до:ин[1], там, где в старину Кадзивара и Сасаки Сиро:, переправляясь, стремились опередить друг друга[2], Инаба Иё, его сыновья Укё:-но сукэ и Хикороку —

[1] Бё:до:ин — храм в Удзи поблизости от Киото. Основан *кампаку* Фудзивара-но Ёримити (992–1074), который в 1052 г. превратил его в храм из усадьбы, унаследованной от отца Фудзивара-но Митинага (966–1027). Бё:до:ин, в частности, известен великолепным «Павильоном феникса», посвященным Будде Амида.
[2] Рассказ об этом состязании содержится в свитке IX «Тайра-монгатари». В начале 1184 г. войско Минамото-но Ёсицунэ, наступавшее на Киото, подошло к реке Удзигава. «Вода в реке поднялась высоко,

впереди, [а следом] Сайто: Синго, Удзииэ Сакё:-но сукэ, Ига Ига-но ками, Фува Кавати, его сын Хикодзо:, Марумо Хё:го-но ками, его сын Сабуро:бё:э, Иинума Кампэй, Итихаси Дэндзаэмон, Оида Сукэ-но дзё: одновременно переправились и поднялись к воротам Бё:доин. Подняв боевой клич, [они] тотчас же пустили дым в окрестностях [храма]. Кроме того, вниз по течению реки у Гокасё: в западном направлении переправились через реку: Сакума Уэмон, Нива Горо:дзаэмон, Сибата Сюри-но сукэ, Хасиба Тикудзэн-но ками, Хатия Хё:го-но ками, Акэти Дзю:бё:э, Араки Сэтцу-но ками, Нагаока Хё:бу-но дайбу, его сын Ёитиро:, Гамо: Ухё:э-но таю:, его сын Тю:дзабуро:, Нагахара Тикудзэн-но ками, Синдо: Ямасиро-но ками, Гото: Кисабуро:, Нагата Гё:бу-но сё:, Ямаока Мимасака-но ками, его сын Маготаро:, Ямаока Гёкурин, Тага Синдзаэмон, Ямадзаки Гэндадзаэмон, Хирано, Огава Магоити, Кю:току Сакон-но хё:э, Аодзи Тиёдзю, Кё:гоку Кобо:си, Икэда Магодзиро:.

7-я луна, 18-й день, час змеи[3]. На обоих направлениях отряды [князя Нобунага], стремясь превзойти друг друга, одновременно переправились [через реку], [направляясь] на запад к острову посередине [реки]. Поистине благодаря могуществу и величию [его милости] и через огромную широкую реку перешли без труда. Дали немного перевести дух людям и коням, после чего, устремившись к Макиносима, [все отряды] поравняли верхи стягов в южном направлении. Обратив в бегство *асигару*, вышедших из Макиносима, отряды Сакума и Хатия добыли больше 50 голов видных [воинов]. С четырех сторон [войско князя Нобунага] прорвалось за внешние укрепления Макиносима, пустило огонь и пошло на штурм [замка]. Его светлость *кубо:*, сочтя, что нет крепости лучше замка [Макиносима], соизволил перебраться туда, но теперь вынужден был вступить в битву сам. Недавно, не имея ни в чем особого недостатка, [сёгун] быстро забыл благодеяния [князя Нобунага], и соблаговолил стать его врагом, оттого [князь Нобунага] хотел уже заставить [его светлость] взрезать живот, но страшна кара Неба[4], и в будущем [все] могло пойти наперекор замыслам [князя Нобунага]. Сохранив [сёгуну] жизнь, [он] соизволил отправить его в изгнание[5]. Сказав, что [доверяет] людям в будущем судить [об этом решении], [князь Нобунага] удержал [в

неслась с громким ревом, едва не выходя из берегов. Устрашающе бурлили на перекатах белопенные волны, образуя водовороты», — говорится в повести. Минамото-но Ёсицунэ уже стал подумывать о переправе в другом месте. Но у храма Бё:доин показались два всадника из его армии, «мчавшиеся во весь опор», — самураи Сасаки Такацуна и Кадзихара Кагэтоки. Каждый из них стремился опередить друг друга и переправиться первым на другой берег, где располагались вражеские силы. Такацуна удалось обогнать своего товарища [Повесть, 1982, с. 386–388].

[3] 9.00–11.00.

[4] Кара неба — *тэммэй* (天命). В китайской политической традиции это слово (*тянь мин;* 天命) означает «небесный мандат» или «небесное предопределение». Во время перехода власти от династии Шан к династии Чжоу в XI в. до н. э. зародилась концепция «небесного мандата», согласно которой Небо лишает власти недостойного правителя и его род, передавая право на верховную власть («небесный мандат») новому своему избраннику. Впоследствии эта доктрина стала краеугольной основой китайской политической идеологии [Духовная культура, 2006, с. 614]. В японском языке бином *тэммэй* имеет несколько смыслов: «небесный мандат»; «участь» или «судьба»; «срок жизни, даруемый Небом», «повеление государя», «наказание Неба» [Нихон, 2001]. В данном случае *тэммэй* — это «кара», ниспосылаемая Небом.

[5] 1573 г., когда Нобунага изгнал Асикага Ёсиаки из Киото, принято считать концом правления династии сёгунов Асикага и Муромати бакуфу. Нередко этим годом датируют завершение периода *Сэнгоку* («воюющих княжеств») и начало периода Адзути–Момояма (1573–1603), приходящегося на время правления Ода Нобунага и его преемника Тоётоми Хидэёси.

заложниках] его светлость молодого господина[6]. Сказав, что отплатит милостью за вражду, [он] отослал [сёгуна] под охраной Хасиба Тикудзэн-но ками Хидэёси в замок Вакасуэ в земле Кавати[7]. Обыкновенно выезжавшие [с сёгуном] в паланкинах и экипажах именитые дамы в великолепных нарядах, пешие и босые удалялись в великой спешке. В прошлый год[8], когда [сёгун] вступил в Киото, князь Нобунага благоволил [его] сопровождать, и могущество и величие [Ёсиаки] было таким, что поистине сгибались деревья и трава, а крыши [домов вассалов] тесными рядами окружали сзади и спереди [его резиденцию]. «Поистине неимоверна удача[9] его светлости *кубо:*», — с почтением [говорили] все.

Напротив, ныне [его светлость] промочил [слезами] рукава [своих] доспехов, и верхи и низы, показывая [на него] пальцами, надсмехались: «Неудачливый *кубо:*»[10]. Хоть и сам навлек на себя погибель, [было то] жалкое зрелище, невыносимое для глаз. В Макиносима Нобунага оставил господина Хосокава Рокуро:, все воинство выступило в южном направлении, сжигая [на своем пути] различные селения и деревни. 7-я луна, 21-й день. [Князь Нобунага] возвратился в Киото. Приняв сторону его светлости *кубо:* и построив опорный форт в [храме] Итидзё:дзи у подножия горы Хиэй, Ватанабэ Кунай-но сё: и Исогаи Синъэмон[11] [там] заперлись. Моля о пощаде и сдавшись, [они] отступили [из крепости]. Хотя Исогаи Синъэмон укрылся в горах в земле Кии, [он] был [найден и] предан смерти [по воле князя Нобунага].

Ямамото Цусима-но ками[12] возвел крепость на [горе] Сидзухараяма, [став] врагом [князя Нобунага], поселился в том замке. [Князь Нобунага] отдал приказания Акэти Дзю:бё:э, [который по воле его милости] осадил [тот замок]. Из-за того что недавно Верхний Киото был сожжен, горожане могут испытывать тяготы, рассудил [князь Нобунага] и соблаговолил освободить [их] от поземельной платы и других

---

[6] Его светлость молодой господин — *вакагими сама* (若公様). Асикага Гидзин (1572–1602), старший сын Асикага Ёсиаки.

[7] Замок Вакасуэ принадлежал Миёси Ёсицугу, противнику Нобунага и стороннику Асикага Ёсиаки. До 1576 г. сёгун оставался в области Кинай. Из Вакасуэ он прибыл в Сакаи, а оттуда — в храм Ко:кокудзи в Юра (провинция Кии). В 1576 г. Ёсиаки перебрался в Томо в провинции Бинго (удел дома Мо:ри, современная префектура Хиросима) [Куно, 2017, с. 180–184]. После своего изгнания сёгун стал вдохновителем дипломатической борьбы против Нобунага.

[8] 1568 г.

[9] Неимоверна удача — *гокахо: имидзики* (御果報いみじき), дословно «неимоверна высочайшая удача».

[10] Неудачливый *кубо:* — *химпо: кубо:* (貧報公方). *Кубо:* — в данном случае сёгун. *Химпо:* (貧報) — согласно буддизму, суровое воздаяние за дурные поступки, совершенные в прошлой жизни. Здесь этот бином означает «отсутствие удачи», «неудачливость». *Кахо:* (果報) — воздаяние за дела в прежнем существовании. В эпоху Муромати слово *кахо:* значило «счастье», «удача», «удачливость», «счастливая судьба» [Дзидай бэцу, 1989, с. 849; Нихон, 2001]. Таким образом, в данном фрагменте «Записей» *химпо:* выступает антонимом *кахо:*. Английский перевод выражения *химпо: кубо:* — “the Beggar Shogun” («нищий сёгун», «сёгун-попрошайка») [The Chronicle, 2011, p. 190] — представляется неверным.

[11] Ватанабэ Маса (?–?) и Исогаи Хисацугу (?–1578), вассалы сёгуна. Ватанабэ Маса был по неизвестной причине пощажен Нобунага, позднее стал одним из вассалов (*умамавари*) Тоётоми Хидэёси [Танигути, 2010, с. 534]. Хисацугу в 1578 г. был убит в горах в Ёсино местными жителями, а его голова доставлена Нобунага [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 240].

[12] Ямамото Цусима-но ками (?–1573), самурай из уезда Отаги провинции Ямасиро, в 1573 г., вероятно, находился в подчинении у Акэти Мицухидэ [Танигути, 2010, с. 521]. Во время противостояния Нобунага и сёгуна принял сторону последнего. В 10-й луне 1573 г. его замок был взят Акэти Мицухидэ, Ямамото Цусима-но ками казнили, а голову прислали Нобунага (см. ниже).

повинностей, [они же] высказали [ему] свою благодарность. Вскоре все кварталы и все дома были отстроены как прежде[13].

[Князь Нобунага] назначил *сёсидай* Поднебесной Мураи Нагато-но ками, и, находясь в столице, отдал распоряжения относительно различных дел Поднебесной.

(9). 7-я луна, 26-й день. Князь Нобунага отбыл [из столицы]. На своем большом корабле сразу же прибыл в район Такасима[14] в провинции О:ми. На суше [его войско], подступив, напало на два вражеских замка — Кидо и Такасима. Со стороны озера, подплыв на большом корабле, князь Нобунага вознамерился было [силами] *оумамавари* штурмовать [замок], [когда] враги, моля о пощаде, сдались и отступили. Тотчас же [он] пожаловал оба замка — Кидо и Танака — Акэти Дзю:бё:э.

В [уезде] Такасима [князь Нобунага] прибыл на [своем] коне во владения, принадлежавшие Адзаи Симоцукэ и Адзаи Бидзэн, изволил расположить ставку в замке Хаяси Ёдзидзаэмон[15] и предал огню все в этом районе.

(10). Тем временем по приказанию его светлости *кубо:* в замке Ёдо укрепились трое: Иванари Тикара-но ками, Бангасира О:и-но ками, Сува Хида-но ками. Хасиба Тикудзэн-но ками Хидэёси с помощью хитрой уловки привлёк [к себе] Бангасира О:и-но ками и Сува Хида-но ками[16], [которые] согласились преданно служить [князю Нобунага]. Меж тем, когда по приказанию [князя Нобунага] Нагаока Хё:бу-но дайбу двинул войско на Ёдо, Иванари Тикара-но ками спешно выступил [ему навстречу] из замка, потому как [Бангасира и Сува] вдвоем выдворили [его оттуда]. [Иванари] бился [яростно], но вассал Нагаока Хё:бу-но дайбу по имени Симодзу Гоннай[17] в схватке, добыл [его] голову. Принеся [ее] в Такасима, представил на обозрение [князя Нобунага]. Беспримерный подвиг, благоволил восхититься [князь Нобунага]. Он милостиво одарил [Симодзу Гоннай накидкой] *до:буку*[18], которую носил [сам]. Наивысшая честь и

---

[13] В 7-й луне 4-го года Гэнки (1573) Нобунага издал «установления» (*дзё:дзё:*; 条々) для Верхнего Киото, призванные обеспечить восстановление этого района после бесчинств и грабежей армии Нобунага, о которых О:та Гю:ити подробно не пишет. Указ, адресованный жителям Верхнего Киото и заверенный красной киноварной печатью Нобунага: 1) разрешал им «вернуться и жить как прежде»; 2) освобождал от постоя войск; 3) запрещал обременять неположенными податями; 4) освобождал от поземельной платы (*дзисисэн*); 5) позволял не нести трудовую повинность (*дзинсоку* 人足) до окончания строительства домов [Окуно, 1988, № 378, с. 651].

[14] Такасима — уезд в провинции О:ми. «Район» («направление») — мой перевод слова *омотэ* (表), которое в «Записях» и источниках периода *Сэнгоку* означает «театр военных действий», «фронт», «место ведения боевых действий». В английском переводе Й. Ламерса и Ю. Элисонаса *омотэ* — “front”. В редких случаях я оставлял это слово без перевода, если перед ним стояло несколько топонимов.

[15] Хаяси Ёдзидзаэмон (?–1575) — землевладелец из Утиороси в уезде Такасима провинции О:ми. Изначально, вероятно, вассал клана Адзаи или Асакура. Примерно в 1572 г. перешел на сторону Нобунага [Танигути, 2010, с. 371]. В 1575 г. был казнен по приказу Нобунага по обвинению в переходе на сторону Адзаи и Асакура во время похода на Сига в 1571 г. [Синтё:-ко: ки, 1996, с. 196].

[16] Бангасира О:и-но ками (?–?), первоначально вассал дома Миёси, участвовавший в нападении на сёгуна Асикага Ёситэру в 1565 г. Сува Хида-но ками (?–1582). Происходил из рода Сува — прямых вассалов сёгунов Асикага (*хо:ко:сю:*). Возможно, был переведен в подчинение к Акэти Мицухидэ. В битве при Ямадзаки в 1582 г. сражался на его стороне и погиб [Танигути, 2010, с. 245, 380].

[17] Симодзу Кадзумити (?–1577), вассал Хосокава Фудзитака.

[18] *До:буку* (道複) — «куртка-плащ», часть повседневной одежды самураев [Хованчук, 2007, с. 213].

[небывалая] удача! И повсюду, исполнив свои замыслы, в 8-ю луну, 4-й день [князь Нобунага] вернулся из похода в Гифу в провинции Мино.

(11). 8-я луна, 8-й день. Ацудзи Авадзи-но ками на севере О:ми открыто встал на сторону [князя Нобунага]. Тотчас же ночью Нобунага направил [туда] коня. Тогда же ночью враг оставил замок Цукигасэ.

8-я луна, 10-й день. [Князь Нобунага] расположил все [войско на горе] Ямадаяма к северу от О:дзуку, перерезав путь в Этидзэн. Асакура Сакё:-но дайбу Ёсикагэ, чтобы напасть с тыла [на силы князя Нобунага], выступил [с армией в] примерно 20 тысяч [человек] и занял позиции на Ёго, Киномото и Табэяма. В недавние годы Адзаи Симоцукэ-но ками, укрепив место ниже О:дзуку, звавшееся Якэо, разместил там Асами Цусима[19]. Он заодно с Ацудзи Авадзи открыто встал на сторону [князя Нобунага], [поклявшись ему] в верности.

8-я луна, 12-й день. [Благодаря] радению Асами Цусима войско [князя Нобунага] впустили в [крепость] Якэо, ниже О:дзуку. В ту ночь, несмотря на необыкновенно [сильный] ветер и дождь, оставив на [горе] Торагодзэяма своего старшего сына, господина Канкуро:, Нобунага, вымокший под дождем, ведя *оумамавари*, [шел] в первых рядах [атакующих] и соизволил, взбираясь вверх, штурмовать большую гору О:дзуку. Вот уже [его воины] должны были ворваться [в крепость], но запершиеся примерно пятьсот [человек] под командованием трех военачальников — Сайто:, Кобаяси и Сайхо:ин[20], [присланные] из Этидзэн в качестве гарнизона, всячески молили о пощаде и сдались. Следовало бы предать [их] смерти, но из-за бури, а также из-за того, что [стояла] ночь, Асакура Сакё:-но дайбу не должен был знать о падении О:дзуку. И потому, сохранив их жизни, [князь Нобунага] замыслил послать [защитников крепости] во вражеский лагерь, чтобы [они] известили вражеские силы о том, что в этом районе не удержаться, и после того напасть на лагерь Асакура Сакё:-но дайбу.

И людей из осаждавшегося замка [князь Нобунага] изволил отослать во вражеский лагерь. Разместив в О:дзуку: Цукамото Кодайдзэн, Фува Кавати и [Фува] Хикодзо:, Марумо Хё:го, [Марумо] Сабуро:бё:э, Нобунага затем тотчас же напал на Ё:нояма. [Там] укрепился и [командовал] гарнизоном Гёкусэмбо: из Хэйсэндзи[21]. Он также, умоляя [его милость о снисхождении], ушел [из крепости].

Меж тем Нобунага молвил, что этой ночью Асакура Сакё:-но дайбу непременно должен отступить. Посланные в передовом отряде: Сакума Уэмон, Сибата Сюри, Такигава Сакон, Хатия Хё:го-но ками, Хасиба Тикудзэн, Нива Горо:дзаэмон, Удзииэ Сакё:-но сукэ, Ига Ига-но ками, Инаба Иё, Инаба Укё:-но сукэ, Инаба Хикороку, Гамо: Ухё:э-но таю:, Гамо: Тю:дзабуро:, Нагахара Тикудзэн, Синдо: Ямасиро-но ками, Нагата Гё:бу-но сё:, Тага Синдзаэмон, Кю:току Сакон, Ацудзи Авадзи, [Ацудзи] Магогоро:, Ямаока Мимасака-но ками, [Ямаока] Маготаро:, Ямаока Гёкурин.

[Этим] и другим именитым воинам [князь Нобунага] снова и снова соизволил передавать [приказ], быть наготове и не упустить [вражескую армию]. После этого,

[19] Асами Цусима-но ками (?–?), вассал Адзаи Нагамаса.

[20] Вассалы дома Асакура, о родах Сайто: и Кобаяси подробнее см. [Асакура, 2003, с. 173–176, 181–182].

[21] Хэйсэндзи — монастырь школы Тэндай в уезде О:но провинции Этидзэн (совр. префектура Фукуи, город Кацуяма), центр *сю:гэндо*. Располагал обширными земельными владениями и отрядами монахов-воинов (*со:хэй*), в 1570–1573 гг. насчитывавшими около 6 тыс. человек. В 1574 г. был почти полностью сожжен силами *Икко:-икки* [Сэкай, 2007].

поторопившись, ночью 13-го дня Нобунага, [находясь] впереди [атакующих], спешно устремился к лагерю людей Этидзэн. Однако посланные в передовом отряде [воины], [которым князь Нобунага] не единожды передавал приказ [не упустить врага], проявили небрежение. Узнав, что Нобунага изволил [выступить] в первых рядах, пошли следом за ним. Когда перешли [гору] Дзидзо:яма, и предстали перед очами [князя Нобунага], [он] молвил: «Хотя передавал приказ несколько раз, [вы] выжидали. Тем самым каждый [из вас проявил] трусость и опозорил [себя]».

Такигава, Сибата, Нива, Хатия, Хасиба, Инаба и другие [военачальники] почтительно сказали, что, пропустив вперед Нобунага, [они] лишились чести. [И лишь] Сакума Уэмон, пролив слезы, самодовольно ответил: «Хоть [вы] и благоволили так сказать, [вам] не обрести вассалов, таких, как мы».

Нобунага был сильно разгневан. «Ты хвастаешь своей мужеской силой? На каком же основании? Твои речи смешны», — промолвил [он]. [Князь Нобунага] был в скверном расположении духа. Согласно замыслу [его милости воины] обрушились на бегущую армию[22] Асакура Сакё:-но дайбу, и один за другим приносили [вражеские] головы. В это время [князь Нобунага], изволил сесть на коня и выехал [вперед]. «[Враги] отступают двумя отрядами в направлении Наканокавати и в направлении Тонэ. Где же следует преследовать?» — заспорили [военачальники], и мнения разделились. «[Они], должно быть, отходят, направляясь к своим замкам[23] Хикида и Цуруга, посему ведите войско в направлении Хикида», — приказал Нобунага. Как и ожидалось, простых воинов отводили к Наканокавати, [сам] Асакура Сакё:-но дайбу, ведя за собой именитых вассалов, отступал в направлении Цуруга. Вскоре на вершине [горы] Тонэяма [воины князя Нобунага] настигли [врагов], стойкие самураи[24] [Асакура], развернувшись, встретили [преследователей], отбивались [от них], но не устояли. В погоне [на протяжении] 11 *ри* до Цуруга добыли больше 3 тысяч голов. Список, часть вражеских голов, опознанных самими [воинами Нобунага]: Асакура Дзибу-но сё:, Асакура Камон-но сукэ, Сандагасаки Рокуро:, Асакура Гон-но ками, Асакура Тоса-но ками, Каваи Аки-но ками, Аоки Хаято-но сукэ, Тории Ёсити, Кубота Сё:гэн, Такуми Этиго, Ямадзаки Синдзаэмон, Тоса Камон-но сукэ, Ямадзаки Ситиро:дзаэмон, Ямадзаки Хидзэн-но ками, Ямадзаки Дзиримбо:, Хосороги Дзибу-но сё:, Ито: Куро:бё:э, Накамура Горо:эмон, Накамура Сабуро:бё:э; Накамура Симбё:э сразил Канэмацу Матасиро:; Нагасима Дайдзё:бо:, Вада Куро:эмон, Вада Сэйдзаэмон, Хикида Рокуро:дзиро:, Коидзуми Сиро:эмон, [Сайто:] Тацуоки из провинции Мино, Канэмаки Ярокудзаэмон.

Помимо того полегло в бою множество виднейших самураев.

Тут человек по имени Харано Гадзаэмон, вассал Фува Кавати-но ками, взяв живым Канэмаки Ярокудзаэмон, и привел [к князю Нобунага]. Когда, [отвечая на] вопросы [его милости], [пленник] доложил о происшедшем от начала до конца, [князь Нобунага] молвил: «Что и говорить, достохвальные свершения, посему, коли [поклянетесь] верно служить Нобунага, соизволю пощадить вашу жизнь». Тогда Канэмаки сказал: «Давняя ненависть [моя] к Асакура глубока. И хотя ныне пали в битве

---

[22] Бегущая армия — дословно *хайгун* (敗軍), «разбитая армия».

[23] Свои замки — *миката-но сиро* (身方城), буквально «дружественные замки», т. е. контролируемые силами дома Асакура.

[24] Стойкие самураи — *кокоробасэ-но сабурай-сю* (心はせの侍衆). *Кокоробасэ* — способность сохранять состояние духа, позволяющее справиться (найти выход) при любых обстоятельствах [Дзидайбэцу, 1989, с. 1092].

именитые [вассалы Асакура], [я], поведав о [своей] обиде, уцелею. [Но] если не сумею явить [должной] преданности, [вы], вспомнив сказанное сейчас, лишите [меня ваших] пожалований. И потому и в действительности и перед людской молвой [это] верно будет позором, посему вспорю живот». Просив об этом, [он] умертвил [себя]. Доселе неслыханная доблесть, что и говорить — [великая] слава!

Число замков, павших в тот же день: О:дзуку, Якэо, Цукигасэ, Ёно:яма, Табэяма, ставка Ёсикагэ на [горе] Тагамияма, Хикида, Цуруга, Сидзугатакэ — вместе с фортом, противостоявшим замку Авая Эттю: из провинции Вакаса, [враги] оставили десять замков.

Меж тем Нобунага издавна изволил привешивать к поясу [сандалии] *асинака*. Ныне у [горы] Танэяма Канэмацу Матасиро:[25] преследовал одного [вражеского] конного воина[26] в горах, наконец, сразил его и принес голову [врага]. Тогда [он] был босым, и пришел со стопами, алыми [от крови]. Увидев это, [князь Нобунага] молвил, что сейчас пригодятся *асинака*, которые он обычно изволил привешивать к поясу, и пожаловал [сандалии] Канэмацу. И верх небывалой удачи, и [высокая] честь.

Князь Нобунага искушен [был на] обоих путях — войны и добродетели[27], и потому, как и [следовало] ожидать, соблаговолил одержать великие победы. 14-й, 15-й и 16-й день провел в Цуруга. Взяв из предосторожности заложников из разных мест, в 17-й день [он] перешел через перевал Киномэ и вторгся в землю [Этидзэн].

8-я луна, 18-й день. [Князь Нобунага] соблаговолил расположить свою ставку в [храме] Рю:мондзи в Футю:. Асакура Сакё:-но дайбу Ёсикагэ покинул свою резиденцию Итидзё:дани[28] и бежал в уезд О:но в место, зовущееся Рокубо:[29] в Ямада-но сё:. И столь знатные дамы в великой спешке, без паланкинов и экипажей, босые, обгоняя друг друга, бежали, следуя за Ёсикагэ.

Надо ли говорить, поистине [то было зрелище] невыносимое для глаз. Тем временем [князь Нобунага] послал войско — прежде всего Сибата Сюри-но сукэ, Инаба Иё, Удзиие Сакё:-но сукэ, Ига Ига-но ками — преследовать Ёсикагэ в направлении [храма] Хэйсэндзи. Кроме того [князь Нобунага] повелел: «Разделите всех воинов на отряды, порознь отправьтесь в горы и разыщите [беглецов]!». Каждый день по сто-двести [участников] *икки* приводили связанными в ставку военачальника в Рю:мондзи, и [князь Нобунага] без конца приказывал [отрокам] *окосё:*, [понуждая] убивать [пленников] — зрелище невыносимое для глаз! Тогда грубые и неотесанные [воины] отыскали даму, выглядевшую как знатная [особа], совсем одну и без прислужниц. После того как этот никчемный сброд продержал [ее в плену] три или пять дней, однажды,

---

[25] Канэмацу Масаёси (1542–1627), *оумамавари* Ода Нобунага.

[26] Один конный воин — *муся икки* (武者一騎). *Ки* (騎) — счетный суффикс для всадников, в «Записях» часто используется для указания численности армии, но при этом часто не подразумевает именно конных воинов.

[27] Дословно был «тем, кто достиг совершенства на обоих путях — войны и добродетели» (*гобутоку рё:до: готасся;* 御武徳両道御達者).

[28] Город, где располагалась резиденция даймё Асакура, крупный политический, экономический и культурный центр периода *Сэнгоку*. Был сожжен и разрушен армией Нобунага.

[29] Рокубо: — храм Кэнсё:дзи. По совету своего высокопоставленного вассала Асакура Кагэакира (?–1574) Ёсикагэ бежал в храм Кэнсё:дзи, расположенный неподалеку от замка Ияма, резиденции Кагэакара. На рассвете 20-го дня 8-й луны отряд воинов Кагэакира окружил храм, и Ёсикагэ был вынужден покончить с собой [Асакура, 2003, с. 89].

раздобыв тушечницу, [она] написала на краю бумажного носового платка предсмертную записку[30], незаметно ускользнула и, бросившись в колодец, сгинула. После этого люди посмотрели [записку], и была [в ней] такая песня:

Коль дальше буду жить,
Нависнут злые тучи!
Ах, уйду же,
Луна
За горным гребнем.

Записала это стихотворение. Вот и все, что оставила [она] в этом мире. Видевших [ту песню] охватывала жалость, и не было тех, кто не проливал бы слез. Монахи Хэйсэндзи [поклялись], что будут преданно служить [князю Нобунага], выставили войско и объединили силы [с его армией], и Асакура Сакё:-но дайбу Ёсикагэ было уже не убежать.

Тут [носивший] то же имя Асакура, некто по имени Сикибу дайбу[31], безжалостно заставил Ёсикагэ вспороть живот. Тории Ёсити и Такахаси Дзиндзабуро: помогли совершить *сэппуку*, [обезглавив его]. И они оба вспороли животы вслед [за господином]. Говорили, что из них Такахаси Дзиндзабуро: [отличился] беспримерными свершениями [на поле брани]. Асакура Сикибу дайбу доставил голову Ёсикагэ в Рю:мондзи в Футю: и [в] 8-ю луну, 24-й день приветствовал [князя Нобунага]. [Но Ёсикагэ] был главой клана[32] [Асакура], да еще и родственником [Сикибу дайбу], — [совершил он] поступок, неслыханный в прежние времена.

Мать Ёсикагэ, а также его старшего сына Акимимару выследили, [князь Нобунага] отдал приказания Нива Горо:дзаэмон, и [их] предали смерти. Затем самураи земли [Этидзэн][33], использовав различные связи, [прибыли], чтобы изъявить покорность [князю Нобунага], и толпились перед воротами [его дома] как на рынке. [Князь Нобунага] отдал приказания Хасэгава Со:нин, [и по воле его милости] голову Ёсикагэ доставили в Киото и выставили [на всеобщее обозрение] у ворот тюрьмы. Вся земля Этидзэн была замирена, и посему [князь Нобунага] ввел установления для [этой] земли, оставив [там] заместителем *сюго* Маэба Харима-но ками.

8-я луна, 26-й день. Князь Нобунага направил коня обратно на север О:ми к [горе] Торагодзэяма.

8-я луна, 27-й день. Ночью Хасиба Тикудзэн-но ками поднялся [вверх] к цитадели Кё:гоку[34]. Перерезав сообщение между Адзаи Симоцукэ и его сыном Бидзэн-

[30] Предсмертная записка — *какиоки* (書置), посмертное письмо, записка.

[31] Асакура Кагэакира, родич Асакура Ёсикагэ, управитель уезда О:но земли Этидзэн. После самоубийства своего господина прибыл в Киото, где Нобунага подтвердил его права на владения. Сменил фамилию с Асакура на Добаси. Во время войны с Икко:-икки в Этидзэн в 1574 г. был осажден в монастыре Хэйсэндзи и обезглавлен вместе с обоими сыновьями [Асакура, 2003, с. 147–148].

[32] Глава клана — *мё:дзи-но со:рё:,* дословно «глава имени [рода]». *Со:рё:* (惣領) — глава самурайского клана, среди других значений — главный наследник в военном доме.

[33] Самураи земли [Этидзэн] — *кунисю* (国衆), дословно «люди земли».

[34] *Кё:гоку цубура* (京極つぶら), одна из цитаделей Одани, горного замка-резиденции дома Адзаи.

но ками, сначала [он] захватил резиденцию Симоцукэ. Здесь Адзаи Фукудзю:ан [35] вспорол [свой] живот.

Меж тем был там [человек] по имени Цурумацу таю:, хорошо исполнявший *маи*[36], [к которому дом Адзаи] давно был благосклонен. [Он] помог Симоцукэ совершить *сэппуку*, [обезглавив его]. И после того Цурумацу таю: вспорол живот вслед [за господином] — что и сказать, [так он обрел] славу. Хасиба Тикудзэн-но ками забрал голову Симоцукэ, и поднявшись на Торагодзэяма, преподнес [ее] на обозрение [князя Нобунага]. На другой день Нобунага взошел к цитадели Кё:гоку и принудил Адзаи Бидзэн и Ако: Мимасака покончить с собой. Головы отца и сына Адзаи отослали в Киото, [и по распоряжению князя Нобунага] так же выставили [на всеобщее обозрение] у ворот тюрьмы. Затем выведали, где находится старший десятилетний сын Адзаи Бидзэн, и в месте, зовущемся Сэкигахара, [по приказанию князя Нобунага] его распяли — [так князь Нобунага] расквитался за давние свои обиды.

Тут, [право] распоряжения владениями, оставшимися на севере О:ми от Адзаи[37], [князь Нобунага] пожаловал в грамоте с киноварной печатью Хасиба Тикудзэн-но ками Хидэёси — замечательная [милость], наивысшая честь.

9-я луна, 4-й день. [Князь Нобунага] изволил отправиться прямо в Саваяма, приказав Сибата взять штурмом замок Намадзуэ. Когда [Сибата] тотчас же подступил к [замку], Сасаки Уэмон-но ками, моля о пощаде, сдался и отступил. Везде все вышло согласно замыслам [его милости].

9-я луна, 4-й день. Князь Нобунага вернулся в Гифу из похода.

Меж тем Сугитани Дзэндзюбо: был умелым стрелком из аркебузы. В прошлый год[38], когда Нобунага переходил через перевал Тигуса, [он] по поручению Роккаку Дзё:тэй в горах зарядил аркебузу двумя пулями и безжалостно выстрелил [в князя Нобунага] с расстояния в 12–13 *кэн*. Но Путь неба [все] видел [и уберег князя Нобунага], [пули] лишь оцарапали его тело, и, избегнув пасти крокодила, [он] благополучно вернулся в замок Гифу. В то время Сугитани Дзэндзюбо:, положившись на Намадзуэ Ко:тику, укрылся в Такасима. Но Исоно Тамба схватил его и в 9-ю луну, 10-й день [привел] в Гифу. Назначив ответственными[39] Сугая Куэмон и Хафури Ясабуро:, [князь Нобунага] соизволил [через них] допросить об обстоятельствах стрельбы из аркебузы в горах [на перевале] Тигуса. [Князь Нобунага] казнил [Сугитани Дзэндзюбо:] так, как [сам] изволил задумать: [его] засыпали [землей по плечи], и пилой отрезали голову — [так князь Нобунага] утолил давний свой гнев. И верхи и низы были несказанно довольны [этой расправой].

---

[35] Адзаи Фукудзю:ан — Адзаи Хисамаса (Адзаи Симоцукэ-но ками, ?–1573). Фукудзю:ан — его монашеское имя. В 1560 г. уступил главенство в клане сыну Адзаи Нагамаса (Адзаи Бидзэн-но ками, 1545–1573), но на деле сохранял большое политическое влияние.

[36] Маи (舞) — «танцы *ко:вака*» (*ко:вакамаи*, 幸若舞), разновидность *кусэмаи* (曲舞), песенно-танцевального искусства второй половины эпохи Муромати.

[37] [Право] распоряжения владениями, оставшимися на севере О:ми от Адзаи — *Го:боку Адзаи ато иссики синтай* (江北浅井跡一職進退). Речь идет об уездах Адзаи, Ика, Саката (провинция О:ми), входивших в княжество Адзаи, а также о части уезда Инуками (провинция О:ми) [Танигути, 2010, с. 349].

[38] 1570 г.

[39] Ответственные — *гобугё:* (御奉行).

9-я луна, 24-й день. Нобунага направил коня на север Исэ[40]. В тот день остановился [на ночлег] в замке О:гаки. В 25-й день расположился лагерем на Коинабаяма у замка О:та. Люди провинции О:ми, перейдя [через перевал] Хаппу и Офудзибата, послали войско в район Кувана. Когда в Ниси Бэссё укрепились [силы] *икки*, Сакума Уэмон, Хасиба Тикудзэн-но ками, Хатия Хё:го-но ками, Нива Горо:дзаэмон вчетвером напали и взяли приступом [укрепления], сразив многих [врагов].

Когда Сибата Сюри и Такигава Сакон, окружив замок Сакаи — крепость человека по имени Катаока, — [собирались] пойти на штурм, [враг], моля о пощаде, сдался и в 6-й день 10-й луны покинул [замок]. Оба вышеупомянутых [военачальника] тотчас же напали на близлежащий замок Кондо: в Фукаябэ, послали рудокопов[41] [для подкопа под стены] и [его] штурмовали. [Защитники] и этого [замка] молили [о снисхождении] и отступили.

10-я луна, 8-й день. Нобунага соблаговолил перенести лагерь в Хигаси Бэссё. По этой причине [воины] Исака, Каё:, Акахори, Танабэ, Кувабэ, Намбэ, Тигуса, Нагафукэ[42], а также Танабэ Куро:дзиро: и Накадзима Кагэюдзаэмон выдали заложников и приветствовали [князя Нобунага]. Но Накадзима Сё:гэн[43] из Хакусан не пришел, чтобы [его] приветствовать. Потому [князь Нобунага] отдал приказания четверым — Сакума, Хатия, Нива и Хасиба, — и, соорудив земляные насыпи[44] и послав рудокопов [делать подкоп под стены], [они] штурмовали [замок]. [Накадзима Сё:гэн], решив, что [ему] не удержаться, после этого умолял [о снисхождении] и отступил [из замка].

Тем временем Акэти Дзю:бё:э при помощи хитрой уловки умертвил Ямамото Цусима, врага, укрепившегося в Сидзухараяма близ Киото, и, доставив его голову в северную часть Исэ в Хигаси Бэссё, преподнес [князю Нобунага]. Со всеми, кто был [его] врагом, [князь Нобунага], поступил по своей воле; не достанет слов, чтобы описать его могущество и величие.

Север Исэ был полностью [покорен], стало известно, что [силы *Икко:-икки*] в Кавацти Нагасима были больше чем наполовину истреблены и оказались в тяжелом положении. [Князь Нобунага] приказал надежно укрепить замок Яда, изволив оставить [там] Такигава Сакон.

10-я луна, 25-й день. Нобунага из северной части Исэ направил коня обратно. Слева [от дороги, которой он следовал] была Тагияма, высокая гора, густо заросшая [лесом]. По правую руку было множество омутов и болот, [покрытых] необычайно густыми зарослями. У подножия горы петляла единственная извилистая дорога, [то была] труднопроходимая местность.

[40] Причиной похода Нобунага стал переход многих самураев севера провинции Исэ на сторону его врагов — приверженцев *Икко:-икки* из Нагасима. Похоже, что первоначально Нобунага намеревался напасть и на Нагасима, однако вынужден был отложить свои планы после того, как совет старейшин О:минато, крупного порта в Исэ, отказался предоставить ему корабли, которые он рассчитывал использовать во время военной кампании [Танигути, 2002, с. 129–130].

[41] Рудокопы — *канэхори* (かねほり, 金掘り), в период *Сэнгоку* часто использовались во время осад замков и крепостей для подкопов под вражеские стены.

[42] Самурайские кланы провинции Исэ.

[43] Владетель замка Хакусан в провинции Исэ, годы рождения и смерти неизвестны.

[44] *Цукияма* (築山), насыпи (горки) из утрамбованной земли, сооружавшиеся перед вражескими укреплениями, с которых можно было их обстреливать. Искусственные холмы в японских садах также назывались *цукияма*.

Увидев, что Нобунага изволит отходить, вслед за ним [двинулся] сброд из Каваути, с луками и аркебузами. Зайдя вперед в горах, [они] преградили путь [войску князя Нобунага] в труднопроходимых местах. Подоспело и много умелых стрелков из Ига и Ко:га. [Они] быстро осыпали [градом] стрел и без конца беспощадно поражали [воинов князя Нобунага]. Шел сильный дождь, и для обеих сторон аркебузы оказались бесполезными. Тогда Кэя Иносукэ из людей Этидзэн здесь сдерживал [врага], а там нападал — многочисленные свершения [его были] беспримерными. Князь Нобунага изволил оставить первого старейшину [своего дома][45] Хаяси Синдзиро: [в арьергарде]. [Тот со своими воинами] не единожды отбрасывал [врага], обороняясь в узкой теснине, бился [так яростно], что сыпались искры [от клинка]. Хаяси Синдзиро:, сыновья дома и служилые люди[46] полегли в битве один подле другого.

Среди *ёрики*[47] Хаяси был человек по имени Като: Дзиро:дзаэмон. За долгое время в битвах в земле Овари, когда наставало время, [в сражении он] умело посылал стрелы и был лучником, [которого] знали все. И на сей раз [Дзиро:дзаэмон] сражал стрелами воинов [врага], наступавших в первых рядах, и пал в бою вместе с Хаяси Синдзиро:. Надо ли говорить, [стяжал он] славу. В тот день с часа лошади до ранних сумерек [продолжалась] необыкновенно сильная буря, и [некоторые] носильщики из черни замерзли насмерть. С наступлением ночи [князь Нобунага] изволил прибыть в замок О:гаки.

10-я луна, 26-й день. Вернулся из похода в замок Гифу.

Морозная луна, 4-й день. Нобунага прибыл в столицу. Поселился в [храме] Мё:какудзи в Нидзё:. Господин Миёси Сакё:-но дайбу предал [князя Нобунага], три старейшины [его] дома — Тарао Укон, Икэда Танго-но ками, Нома Сакитив[48] — замыслили измену. Поскольку все [в доме Миёси] было в ведении одного лишь Канаяма Суруга, [они его] умертвили, впустив [в замок] Сакума Уэмон [и его воинов]. Когда [враги] прорвались к подножию главной башни, [Миёси Сакё:-но дайбу] решил, что не выстоит. Заколов всех [своих] женщин и сыновей, [он] бросился в бой и ранил многих. После этого господин Сакё:-но дайбу вспорол свой живот крест-накрест — беспримерная доблесть, горестное зрелище.

Сопровождавшие его воины: Насу Кю:эмон, Ока Хида-но ками, Эгава.

Эти трое вспороли животы вслед [за господином], в тот же час [обретя] славу. Замок Вакаэ [князь Нобунага] доверил [Тарао Укон, Икэда Танго-но ками и Нома Сакити] из-за [явленной этими] тремя преданности.

12-я луна, 2-й день. Князь Нобунага вернулся в замок Гифу.

---

[45] Первого старейшину [своего дома] — *ити-но отона* (一長).

[46] Служилые люди — *ро:то:* (郎等). Изначально, в эпоху Хэйан, служилые люди в самурайских кланах, занимавшие более высокое положение в иерархии клана, чем другой слой служилых (*дзю:руй* 従類). Сыновья дома — *иэ-но ко* (家子). Первоначально дети и младшие братья главы самурайского дома (*со:рё:*), главы младших ветвей дома, а также *ро:то:,* не связанные узами родства, но приравненные к родичам клана. С эпохи Камакура *иэ-но ко ро:то:* — собирательное название для вассалов и служилых людей того или иного военного дома [Сэкай, 2007].

[47] *Ёрики* (与力) — самурай, переводившийся даймё в подчинение более высокопоставленному вассалу.

[48] Тарао Цунатомо (?–?), заместитель *сюго* провинции Кавати; Икэда Норимаса (?–1595) — один из крестившихся самураев; Нома Нагасаки (?–?). Все трое — вассалы Миёси Ёсицугу, связанные родственными узами. В источниках именуются «трое из замка Вакаэ» (*Вакаэ саннин сю:;* 若江三人衆). После самоубийства Ёсицугу были подчинены Сакума Нобумори [Вада, 2017, с. 200].

Литература / References

Духовная культура Китая: *энциклопедия*. Титаренко М. Л., Кобзев А. И и др. (ред.). Т. 2. М., 2006 [*The Spiritual Culture of China: Encyclopedia*. Titarenko M. L., Kobzev A. I. (eds.). Vol. 2. Moscow, 2006 (in Russian)].

Повесть о доме Тайра. пер. и комм. И. Львовой. М., 1982 [*Heike monogatari*. Transl. and comm. into Russian by I. L'vova (in Russian). Moscow, 1982 (in Russian)].

Хованчук О. А. *История японского костюма с древнейших времен до середины XX в*. Дисс. канд. ист. наук. Владивосток, 2007 [Hovanchuk O. A. *The History of Japanese Costume: From Ancient Times to the Middle of the 20th Century*. PhD Dissertation. Vladivostok, 2006 (in Russian)].

The Chronicle of Lord Nobunaga by Ōta Gyūichi. Transl. and ed. by J. S. A. Elisonas and J. P. Lamers. Boston, Leiden, 2011.

Асакура Ёсикагэ-но субэтэ (朝倉義景のすべて). Под ред. Мацубара Нобуюки 松原信之 編. Токио, 2003.

Вада Ясухиро (和田裕弘). *Ода Нобунага-но касиндан. Хабацу то нингэн канкэй* (織田信長の家臣団. 派閥と人間関係). Токио, 2017.

Дзидай бэцу кокуго дайдзитэн. Муромати дзидай хэн (時代別国語大辞典 室町時代編). Т. 2. Токио, 1989.

Куно Масаси (久野雅司). *Асикага Ёсиаки то Ода Нобунага. Кайрай сэйкэн-но кёдзо:*. (足利義昭と織田信長 傀儡政権の虚像). Токио, 2017.

Окуно Такахиро (奥野高廣). *Дзо:тэй Ода Нобунага мондзё-но кэнкю:* (増訂 織田信長 文書の研究). Т. 1. Токио, 1988.

Синтё:-ко: ки (信長公記). Ивасава Ёсихико, Окуно Такахиро ко:тю: (岩沢愿彦 奥野高広 校注). 9-е изд. Токио, 1996.

Танигути Кацухиро (谷口克広). *Ода Нобунага кассэн дзэнроку* (織田信長合戦全録). Токио, 2002.

Танигути Кацухиро (谷口克広). *Ода Нобунага касин дзиммэй дзитэн* (織田信長家臣人名事典). 2-е изд. Токио, 2010.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Нихон кокуго дайдзитэн (日本国語大辞典). 2-е изд. Сёгакукан, 2001. URL: www.kotobank.co.jp. (дата обращения 05.03.2020).

Сэкай дайхякка дзитэн (世界大百科事典). Под ред. Като: Сюити (加藤周一 編). Изд. на CD ROM. Хэйбонся, 2007.

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-347-357

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК В ПАКИСТАНЕ КАК VIS-A-VIS УРДУ

Л. А. Васильева*

В статье рассматривается функционирование в Пакистане английского языка, имеющего статус официального наряду с национальным языком урду, и дается прогноз относительно его дальнейшего распространения в стране. Анализируются факты, связанные с началом внедрения английского языка в жизнь Британской Индии и появления языка урду в качестве его «соперника» на общественно-политической арене. Престиж английского языка повышался по мере укрепления власти британцев в Индии, поскольку становилось все более очевидной его практическая польза при получении наиболее прибыльных и влиятельных мест службы. После создания Пакистана урду был объявлен национальным языком и объединяющим символом страны. Правительство объявило «курс на урду», но было невозможно сразу изменить унаследованный бюрократический режим и отказаться от английского языка как языка системы правления. Прослеживается непоследовательность языковой политики правительства Пакистана: декларации о продвижении урду и реальная поддержка английского. Английский язык де-факто и де-юре широко используется во многих ветвях власти, в офицерских рядах вооруженных сил Пакистана, в ряде учебных заведений; он остается основным языком англизированной пакистанской элиты и довольно быстро распространяется среди студенческой молодежи. Отдельное внимание уделено конкретным примерам практического применения английского языка в новых сферах социальной коммерции и маркетинга и приобщения молодежи к западной культуре через английский язык. Тем не менее со ссылками на социолингвистические исследования высказывается предположение о невозможности в обозримом будущем замещения английским языком языка урду — основного языка коммуникации в большинстве районов Пакистана, языка, связанного с государственной религией страны — исламом, и символом единства Исламской Республики Пакистан.

Ключевые слова: Пакистан, английский язык, язык урду, языковая политика, область образования, языковый капитал, произношение, коммодификация языка, идентичность.

Для цитирования: Васильева Л. А. Английский язык в Пакистане как vis-a-vis урду. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 347–357. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-347-357

THE ENGLISH LANGUAGE IN PAKISTAN VIS-A-VIS URDU

Ludmila A. Vasilyeva

The paper centers on the functioning of English as the Official language in Pakistan alongside with its National Language, Urdu. It also attempts to predict the further spread of English in the said country. The author highlights some data on the introduction of English to British India and it rivalry

* Людмила Александровна ВАСИЛЬЕВА, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ludvas@yahoo.com; ludvas55@bk.ru

Ludmila A. VASILYEVA, PhD (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ludvas@yahoo.com; ludvas55@bk.ru

ORCID ID: 0000-0002-2466-3832

with Urdu there. The prestige of English grew together with the strengthening of British colonial power in India as its practical usefulness for career promotion became obvious. After the foundation of Pakistan, Urdu was proclaimed official language of the new Muslim state and at the same time proved to be an integrating symbol of the ethnically and linguistically diverse country. The government initiated 'course towards Urdu', but it was impossible to immediately change the bureaucratic regime and abandon English as an administrative medium. The inconsistency of the Pakistani government's language policy is clearly visible: Declarations in support of Urdu go side by side with real support of the English language. Up to nowadays, English is de facto and de jure widely used in administrative spheres, in the army, in a number of educational institutions. It continues to be a primary language of anglicized Pakistani elite and is quickly spreading among students. The paper gives special attention to concrete examples of practical usage of English in new spheres of social commerce and marketing, along with the involvement of young generation to Western culture through English. However, the socio-linguistic evidence allows predicting in the near future the small possibility of English fully replacing Urdu, being a major communication tool in the majority of Pakistani regions, a linguistic symbol of the country's state religion, Islam, and integrity.

Keywords: Pakistan, English, Urdu, language policy, authorities, field of education, linguistic capital, accent, commodification of language, identity.

For citation: Vasilyeva L. A. The English Language in Pakistan as vis-a-vis of Urdu. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 347–357. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-347-357

В 1947 г. в результате раздела территории крупнейшей Британской колонии — Индии — на карте мира появилось новое суверенное государство — Исламская Республика Пакистан. По численности населения Пакистан является шестой страной в мире и второй по количеству проживающих в ней мусульман. Пакистанцы говорят на родных местных языках[1]. Парадоксальным можно назвать тот факт, что национальным языком Пакистана (the National Language) объявлен и закреплен Конституцией язык урду, который, хотя и имеет повсеместное распространение в стране, не является родным ни для кого из ее коренных жителей. Родным языком урду остается лишь для *мухаджиров*[2] — индийских мусульман, переселившихся в Пакистан после раздела страны. Число говорящих на урду составляет 13,3 млн. человек (7,57 % всего населения Пакистана).

Высокий статус «национального» языка не означает, что ему принадлежит лингвистический приоритет в государственном масштабе: в большинстве высоких сфер управленческой и общественной жизни первенство у урду оспаривает английский язык.

В справочных пособиях и энциклопедиях сказано, что английский язык является одним из официальных (*co-official*) языков Пакистана наряду с урду, но в обиходе пакистанцев для английского языка обычно используется местное название *sarkārī* («официальный»), а для языка урду — *qoumī* («национальный»).

Языковая политика в колониальной Индии

Своеобразное «соперничество» двух языков длится не одно столетие. Истоки его лежат в той далекой эпохе, когда урду, хотя и оставался лишь «тенью» персидского —

[1] В пакистанских провинциях население говорит на панджаби, пушту, синдхи, сирайки и белуджи; кроме этих «крупных» языков существуют более пятидесяти языков различных малочисленных племенных групп.

[2] Подробнее о *мухаджирах* см.: [Васильева, 2018, с. 11–18].

официального языка империи Великих Моголов, но функционировал не только в качестве наиболее распространенного в Северной Индии вернакуляра: к середине XVIII в. на урду уже были созданы замечательные образцы поэзии. Английский же язык находился лишь на подступах к Индии.

Эпохальную битву при Плесси 1757 г., в которой защищавшие интересы Ост-Индской компании английские войска победили индийскую армию бенгальского наваба Сираджа уд-Даулы, принято считать точкой отсчета британского владычества в Индии. В то время английский язык не выходил за рамки общения самих служащих Компании. Штатные переводчики-англичане в полной мере владели персидским языком, на котором велись все переговоры с могольской элитой. Средством же коммуникации британцев с местным населением, прежде всего со слугами, долгое время оставался исковерканный, примитивный до крайности урду. Потребовалось время, чтобы по мере укрепления колониального режима английский язык начал постепенно проникать в жизнь индийцев.

В 1835 г. британский Совет Индии принял «Акт об английском образовании» (*English Education Act 1835*), согласно которому львиная доля всех средств Ост-Индской компании, выделявшихся ранее для поддержания традиционного образования и издания книг на местных языках, отныне должны были предназначаться учебным заведениям, обучение в которых предполагалось вести на английском языке и по западным программам.

Лорд Томас Б. Маколей[3], занимавший в то время видные посты в администрации Британской Индии, с начала 1830-х гг. начал активно «проталкивать» идею общедоступного для местного населения обучения английскому языку. Полностью разделяя воззрения генерал-губернатора Индии лорда Бентинка (1828–1835), Т. Б. Маколей считал необходимым полную замену персидского языка английским: настаивал на переводе обучения в индийских школах на английский язык, на подготовке «туземцев», овладевших английским языком, в качестве учителей для местных школ, добивался скорейшего перехода всех государственных структур исключительно на английский язык. Вместе с лордом Бентинком Т. Б. Маколей выступал также за то, чтобы при дворах местных правителей туземных княжеств, формально не входивших в состав колониальных владений, но находившихся под контролем британцев, в качестве дипломатического языка также использовался английский, а не персидский. В глазах руководства Ост-Индской компании английский язык служил фактором сплочения Индии под эгидой Британии.

Руководство Ост-Индской компании считало также необходимым с помощью английского языка «подстраховать» свое господство над Индией. Лорд Маколей вполне открыто высказывался по этому поводу: «Мы должны в настоящее время делать все возможное, чтобы сформировать класс, который сможет быть посредником между нами и миллионами, которыми мы управляем: класс аборигенов по крови и цвету кожи, но

[3] Томас Б. Маколей (1800–1859) был убежденным приверженцем идеи превосходства английской модели общественно-политического устройства над всеми остальными и считал англичан «идеалом цивилизованности». Фактически именно он стоял у истоков создания образовательной системы, которой в странах Южной Азии пользуются до сих пор.

похожим на англичан во вкусах, во мнениях, в понимании морали и по уровню интеллекта»[4].

Однако во времена губернаторства лорда Бентинка масштаб распространения английского языка в Индии еще не мог соответствовать мечтаниям колониальных правителей и стать заменой персидского хотя бы потому, что для осуществления этой задачи у Компании и правительства просто не хватало своих чиновников, а индийцев, в должной мере владевших английским языком, можно было пересчитать по пальцам [King, 1994, p. 54]. Затем против Акта 1835 г. активно выступило местное население во всех провинциях Британской Индии. Создавшаяся ситуация способствовала тому, что в 1837 г. Ост-Индская компания объявила о замене персидского языком урду, который был объявлен официальным языком местных структур власти и нижестоящих судов [McLane, 1970, p. 105]. Одновременно указывалось, что высшие правовые инстанции перейдут с персидского на английский[5]. Понятно, что эти инстанции полностью находились во власти англичан.

По прошествии одного-двух десятилетий усилия лорда Маколея в области образования были вознаграждены: во многих районах Британской Индии в течение 1840-х — 1850-х гг. для детей индийцев были открыты начальные и средние школы, и в некоторых из них практиковалось преподавание отдельных предметов на английском языке. Успех идей Т. Б. Маколея объяснялся во многом тем, что английский язык и образование по западному образцу стали все в большей степени привлекать самих индийцев. Престиж английского языка начал быстро и неуклонно повышаться. По мере укрепления власти британцев в Индии становилась все более очевидным практическая польза английского языка, знание которого открывало путь к получению наиболее прибыльных и влиятельных мест службы. В этом явно просматриваются истоки процесса, получившего в нашем веке название «коммодификации языка» (т. е. превращения его в товар) и наблюдающегося в современном Пакистане, о чем подробнее будет говориться ниже.

Связанная с языковыми проблемами политика британцев, включавшая устранение с общественно-политической арены персидского языка как одной из скреп империи Великих Моголов, утверждение в статусе официального языка «империи» Ост-Индской компании местного языка (в частности, урду), повышение престижа английского языка, которому стали безраздельно принадлежать высшие сферы власти, — все это являет наглядный пример того, как тесно переплетаются устремления

[4] Цит. по: Thomas Babington Macaulay. *Wikipedia.org*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Thomas_Babington_Macaulay (дата обращения 25.04.2020). Это высказывание лорда Маколея, как и другие, свидетельствовали о продуманной стратегии колониальных властей, оказавшейся в дальнейшем весьма успешной. Их эффективные усилия привели впоследствии к формированию целой прослойки проанглийски настроенной местной интеллигенции, получившей название «дети Маколея» (в настоящее время часто употребляется как ироническое)

[5] Существуют также сведения, что английский язык был узаконен Ост-Индской компанией в качестве официального языка вместо персидского в 1935 г., а указ 1937 г. лишь подтверждал прежнее решение британских властей. См.: Persian language in the Indian subcontinent. *Wikipedia.org*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Persian_language_in_the_Indian_subcontinent (дата обращения 25.02.2020). Но столь незначительное расхождение в датах формального подтверждения прерогативы английского языка в сферах высшей власти не имеет принципиального значения.

политических кругов с языковыми проблемами, а вместе с тем — как ярко проявляется в языковой политике взаимоотношение населения и власти.

Функционирование английского языка в Пакистане

Процессы, похожие на вышеописанные, наблюдаются и после освобождения субконтинента от колониальной зависимости, в современном Пакистане.

«Отец-основатель» унитарного мусульманского государства Мухаммад Али Джинна (1876–1948) был убежден в необходимости единого для всего Пакистана языка, способного консолидировать население многонациональной и разноязыкой страны, а также служить объединяющим символом нового государства. Единственно приемлемым кандидатом на эту роль Джинна считал именно урду и приводил в его пользу такие аргументы, как распространение (по меньшей мере, понимание) урду почти на всей территории Пакистана, преподавание на нем в большинстве начальных, средних и в ряде высших учебных заведений, единство арабо-персидской графики для всех местных языков [6], значимость урду как языка религии, поскольку переведенная на него религиозная литература, начиная с Корана, была доступна всем слоям грамотного населения (в отличие от арабского, которым владели лишь служители культа), а также престижность урду как языка культуры и высокой поэзии.

Указанные аргументы вместе с эмоциональностью речей Джинны помогли выбору урду в качестве государственного и национального языка нового мусульманского государства. Такое решение лидеров Пакистана было далеко не единодушным: кроме бенгальцев, ратовавших за свой язык, немало голосов раздавалось также в пользу английского. Однако открытое признание «языка колонизаторов» государственным языком исламского государства, с одной стороны, лишь ущемило бы национальное достоинство народа, только что освободившегося от британской колониальной зависимости, а с другой — не изменило бы сути дела: ведь для пакистанской политической элиты цементирующей языковой основой был английский язык, на котором уже более века велось делопроизводство во всех высоких правительственных сферах. Таким образом, при любом раскладе верховная власть была гарантирована владеющей английским языком верхушке общества как наиболее образованной и опытной в политике. Поэтому борьба за урду в качестве единого национального языка носила в основном политический и популистский характер.

Совершенно очевидно, что в середине XX в. в новообразованном Пакистане, несмотря на заявления правительства о «курсе на общенациональный язык урду», невозможно было в короткие сроки ни изменить унаследованный бюрократический режим, ни отказаться от английского языка, которым продолжала пользоваться вся система правления страной. Для удостоверения легитимности английского языка Центральным правительством принимались директивы и акты, допускавшие использование английского языка в официальных процедурах в том случае, если не было распоряжения о замене его национальным языком. Это «допущение» всегда оставалось и остается повседневной практикой. В ныне действующей Конституции

[6] Исключением стал бенгальский язык (самый распространенный по числу говорящих на нем), претендовавший на статус второго национального языка Пакистана. С протестов бенгальцев против решения языковой проблемы в пользу урду началось национальное движение *Language movement*, приведшее к расколу страны и образованию Бангладеш в 1971 г.

1973 г., пришедшей на смену конституциям 1956 и 1962 г., параграф № 2 статьи 251 «О национальном языке» законодательно подтверждает право использования английского языка в официальных целях «до принятия соответствующих мер по его замещению урду»[7].

Иными словами, английский язык как де-факто, так и де-юре превалирует в исполнительной, законодательной и судебной ветвях власти, в офицерских рядах вооруженных сил Пакистана, на нем ведется преподавание в ряде учебных заведений по усмотрению их руководства. Традиционно, со времен Британского правления, английским языком широко пользуется в быту наиболее образованная, европеизированная прослойка пакистанского общества.

Обсуждая языковую ситуацию в стране, политические аналитики высказывают общее мнение, что ориентация на урду и его повсеместная государственная поддержка существует только на уровне риторики. По мнению видного пакистанского социолингвиста Тарика Рахмана, «существует унаследованное противоречие между официальной политикой Пакистана по продвижению урду как национального языка Пакистана и реальной политикой, где статус-кво намеренно поддерживается, и английский остается языком власти» [Rahman, 1995, p. 17]. Продолжая свою мысль, Т. Рахман называет языковую ситуацию «хаотической» и подчеркивает, что «положения Конституции о национальном языке не могут быть выполнены, поскольку в Пакистане до сих пор не создана единая государственная платформа в области образования» [Rahman, 1995, p. 18].

Однако оставаясь фактором особой важности в образовательной сфере, английский язык всегда играл не менее значимую роль и за ее пределами, прежде всего, в эшелонах власти. Его престиж особенно возрос во времена правления генерала Айюб Хана (1958–1969). Подтверждая «курс на урду», военный режим самым активным образом содействовал укреплению позиции английского языка. Во многом способствовали этому и влиятельные партнеры генерала — чиновники Государственной службы Пакистана (*Civil Service of Pakistan*), многие из которых были выходцами из потомственной англизированной знати, наиболее привилегированной прослойки общества со времен Британского правления, «изъяснявшейся, писавшей и даже мечтавшей на английском», как говорил о ней в своем романе современный пакистанский прозаик Насир Ахмад Фаруки (цит. по: [Rahman, 1997, p. 186]).

Сам генерал Айюб Хан был убежден в приоритете военной элиты над политической и считал, что именно она должна стоять у кормил правления в Пакистане. Английскому языку придавалось особое значение, в частности, в кадетских колледжах и военных академиях, созданных во время правления Айюб Хана, в которых воспитывались офицеры — «будущие кормчие страны». Именно в это время армия безоговорочно взяла курс на английский как на язык внутреннего пользования — в ущерб «узаконенному» урду, о чем свидетельствуют закрытые документы того времени [Rahman, 1997, p. 184–185].

Режиму Айюб Хана английский язык понадобился и в новом качестве: военному диктатору нужен был реальный противовес пропагандистским усилиям заметно активизировавшихся и всячески пытавших усилить свое влияние в стране радикально

[7] "The English Language may be used for official purposes until arrangements are made for its replacement by Urdu" [The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan, 2012, p. 149].

настроенных исламских лидеров. Среди молодежи, владеющей английским языком, наблюдалось явное ослабление религиозного пыла и происламских настроений (конечно, в допустимых для мусульман пределах). Во всяком случае, чем шире распространялся английский язык в студенческой среде, тем менее успешны оказывались настойчивые попытки ортодоксальных служителей культа привлечь молодое поколение на свою сторону, и эту тенденцию учитывал Айюб Хан в своей языковой политике.

Таким образом, принимая указы о повсеместном развитии урду, создавая комиссии по образовательным программам на нем, Айюб Хан негласно способствовал более глубокому внедрению английского языка в широкие слои населения, прежде всего, в армейские круги и в круги студенческой молодежи.

Это лишь один из примеров непоследовательной, с большими или меньшими колебаниями в сторону английского или урду языковой политики пакистанских властей, которая продолжалась в дальнейшем, и каковой она остается в новом тысячелетии. Так, в 2015 г. было объявлено, что правительство намечает планы по быстрому продвижению урду в области официального бизнеса. Однако занимавший в те годы пост министра планирования Ахсан Икбал заявил, что «если даже весь официальный бизнес станет двуязычным, то урду будет вторым языком, а первым по-прежнему останется английский»[8]. В пику авторам проекта «урду — бизнесу», А. Икбал внес предложение ввести во всех без исключения школах страны преподавание английского языка как обязательного, наравне с урду. Это предложение вызвало бурное недовольство прежде всего ортодоксальных мусульманских кругов, со времен Зия ул-Хака вместо или вместе с урду пытавшихся внедрить в школах обязательное преподавание арабского языка и активно выступавших за изгнание «языка иноверцев» с земли Пакистана.

В результате усилий федеральных властей, направленных на повсеместное распространение урду и возвышение его статуса над другими местными языками, и в то же время — на стимулирование использования английского языка в самых разных сферах политической и общественной жизни Пакистана, возникла весьма парадоксальная ситуация: теперь вместе с продвижением урду происходит обесценивание его значимости, а местные языки и вовсе становятся маркерами более низкого общественного статуса. Таким образом, в пакистанском дискурсе языковой политики отчетливо просматривается «иерархическая шкала», на которой «английский язык находится на вершине как язык расширения возможностей посредством трудоустройства, за которым следует урду, а за ним — родной (местный) язык» [Rahman, 2009, p. 246–247].

Любопытно отметить, что и в отношении самого английского языка в менталитете пакистанцев присутствует некая «иерархическая шкала», включающая различные варианты «пакистанского английского», далеко не гомогенного по своим характеристикам [Rahman, 2009, p. 247]. Не вдаваясь в лингвистические подробности, можно условно выделить его основные варианты.

Язык англизированной пакистанской элиты — показатель социального положения, давних семейных традиций, культурной изысканности. Английский язык

---

[8] Pakistan to implement Urdu as official language, says minister. *Pakistan Today. Monitoring report.* 29.07.2015. URL: https://www.pakistantoday.com.pk/2015/07/29/pakistan-to-implement-urdu-as-official-language-says-minister/ (дата обращения 25.04.2020).

представителей элиты грамматически безупречен, а их выговор едва отличается от нормативного произношения жителей туманного Альбиона. Таким английским владеют потомки «детей Маколея» или «коричневых господ» (*Brown Sahibs*), которые получили образование в лучших дорогих школах и колледжах и не один год прожили в Англии или Америке. Их английский дает им чувство уверенности в себе, ощущения своей привилегированности. Как правило, люди этого узкого круга занимают высокие должности в правительственных учреждениях и руководящие посты в крупных корпорациях и компаниях.

Ступенькой ниже на условной «шкале» располагается английский большинства образованных пакистанцев, колоритный местный акцент которых сразу выдает их национальную принадлежность. Но при этом язык их не только грамматически правильный, но и нередко идиоматический и богатый. Такой «пакистанский английский» востребован практически во всех сферах хозяйственно-экономической жизни Пакистана, и чем свободнее человек владеет английским, тем больше шансов у него получить хорошо оплачиваемое место. Кстати, на этом «среднем уровне» общественной жизни распространенный пакистанский выговор приветствуется больше, чем элитарный английский акцент [Rahman, 2009, p. 247]. Вероятной причиной этого может быть его звучание, более близкое к родному языку. Но возможно также, что в данном случае присутствует и извечное классовое чувство неприязни «низших» к «высшим»: ведь хороший английский выговор является признаком элитарности.

И, наконец, в Пакистане бытует своеобразный «пиджин инглиш», к которому по необходимости прибегают малограмотные жители городов. Ввиду отклонений от элементарных грамматических норм, коверкания слов и, главное, сильного акцента, этот язык непонятен англоязычным иностранцам, в то время как все пакистанцы, хотя и выказывают крайнее пренебрежение и даже презрение к такому «английскому», тем не менее его прекрасно понимают[9]. Необразованные или малообразованные пакистанцы, говорящие лишь на урду и на местных языках, не могут воспользоваться своим искаженным английским в качестве «лингвистического капитала», как это делают выходцы из состоятельных семей элиты.

В новом столетии английский язык все глубже внедряется в далекие от обладателей «голубых кровей» прослойки населения. При этом воздействие английского языка, например, на группы молодежи, занятой в сферах социальной коммерции и маркетинга, оказывается столь глубоким, что в результате его подвергается изменению их идентичность. Это относится прежде всего к операторам колл-центров, сеть которых успешно функционирует с 2008 г. в четырех городах Пакистана: Исламабаде, Равальпинди, Лахоре и Карачи [Rahman, 2009, p. 233].

Операторские колл-центры — одна из областей быстро развивающихся в XXI в. инфокоммуникационных систем, интегрирующих Пакистан в мировую систему соответствующих современных технологий. Эти специализированные организации осуществляют связь с зарубежными партнерами по голосовым каналам связи, включая

[9] Здесь речь не идет о своеобразной контаминации урду и английского под названием *урдиш*, получившей в Пакистане широкое распространение в последние два-три десятилетия в самых различных сферах, включая СМИ.

обработку обращений и выполнение запросов заказчика или головной организации[10]. Т. Рахман, посвятивший одно из своих исследований деятельности пакистанских колл-центров в условиях глобализации [Rahman, 2009], рассматривает их как новую тенденцию в развитии экономики и политики страны, непосредственно связанную с дальнейшим распространением английского языка и с продолжением «ментального размежевания» в современном обществе. Операторов колл-центров, несмотря на узость этого круга молодых людей, он называет новой прослойкой пакистанского среднего класса, которая старается дистанцироваться от своих соотечественников ввиду своего особого положения [Rahman, 2009, p. 236].

В чем же выражается «особенность» операторов колл-центров? Она непосредственно связана с таким феноменальным явлением в этой социо-экономической сфере, как коммодификация не самого английского языка (зачатки которой наблюдались еще в колониальные времена), а английское или американское произношение, предполагающее максимально возможное отсутствие пакистанского акцента.

Уже давно замечено, что при ведении дел с иностранными партнерами через колл-центры большое значение имеет голос, манера речи и, главное, — английский язык оператора, фактического посредника коммерческой сделки. Американские и европейские клиенты отдают предпочтение тем, кто вызывает у них ощущение «своего», в то время как пакистанский акцент рождает в их воображении образ «неотесанного азиата», не вызывающего желания совместной деятельности [Rahman, 2009, p. 249]. С целью обучения способных молодых людей и девушек «западному акценту» при колл-центрах открыты специальные курсы английского языка для прошедших самый строгий отбор кандидатов на должность оператора колл-центра. Правильное английское произношение, вернее, «нужный акцент», (чаще всего, американизированный), становится для пакистанских операторов колл-центров «товаром», «лингвистическим капиталом», обеспечивающим его владельцам достойное место работы и высокую зарплату.

Вместе с тем, этот «капитал» является и источником сознания превосходства над своими соотечественниками. Сотрудники колл-центров «приобретают различной степени профессиональные навыки и на основе этого опыта и знания культуры Америки (или Британии) выдают себя за носителей английского языка как родного, создавая таким образом свою “новую идентичность” ... отчужденную от пакистанской культуры» [Rahman, 2009, p. 249–250]. Таким образом, в современном Пакистане английский язык становится конструктом «вторичной» идентичности вышеупомянутой части молодежи. Можно долго рассуждать о положительных и отрицательных сторонах коммодификации английского языка в Пакистане, однако тот факт, что его знание помогает реализовать способности в наиболее выгодных областях занятости, не подлежит сомнению.

Все более широкое приобщение пакистанцев к английскому языку, а через него, в той или иной степени, — к западной культуре, несомненно ведет к определенному ослаблению позиций ортодоксальных мусульманских кругов — тех, для которых урду

---

[10] Имеется в виду только голосовая коммуникация, за скобками остаются электронная почта, факсы, режим интернет-чатов и другие виды общения, также входящие в функции сотрудников колл-центров, но при которых не задействован голос оператора.

является основным «оружием» в борьбе за влияние над «умами и сердцами» большей части населения. Но это отнюдь не означает, что сам язык урду теряет престиж в современном обществе. В процессе экспансии массовой западной культуры в Пакистане, как и во многих восточных странах, усиливается противодействие чуждым культурным нормам и стандартам, и возрастает стремление пакистанцев к утверждению своей идентичности. И даже при том, что в настоящее время «до 70 % и выше пакистанцев ассоциируют себя с общенациональным сообществом, не принимая во внимание ни свой язык, ни язык урду» [Белокреницкий, 2019, с. 89], одним из наиболее действенных способов выражения их обособленности в мировом культурном контексте служит именно национальный язык урду, литература на нем и непосредственно связанные с ним культурные традиции. Этому во многом способствует декларируемая правительством языковая политика и целый ряд практических действий, направленных на развитие урду.

Результаты социолингвистических исследований и опросов свидетельствуют, что в XXI в. английский язык находит более быстрое распространение в средних слоях пакистанцев, чем прежде. Но вместе с тем, исследователи единодушны во мнении, что «для того чтобы английский язык по праву считался вторым национальным языком полиэтнического и многоязычного общества Пакистана, ему необходимо стать средством общения не только в официальной и регулируемой сферах коммуникации, но и в сферах неофициального и неформального общения». Трудно сказать, когда это будет и будет ли когда-либо. Согласно результатам тех же опросов, «проведенные исследования опровергли гипотезу о частом употреблении английского языка в качестве средства коммуникации образованными слоями пакистанского общества. Лишь 41 % опрошенных с различными уровнями образования способны общаться на английском языке на любые темы и лишь 8 % респондентов способны общаться на английском языке на уровне носителя языка»[11].

По всей вероятности, английский язык, сохраняя в Пакистане статус официального наравне с национальным урду, в обозримом будущем не сможет заменить или в значительной мере потеснить его в масштабах всей страны, поскольку урду не только служит языком общения в большинстве районов Пакистана, но неразрывно связан с государственной религией страны — исламом[12] и выступает в роли национального символа Исламской Республики Пакистан.

[12] Цит по: Гурбик Е. А. Использование английского языка в Пакистане в различных коммуникативных сферах. *Academia.edu*. URL: https://www.academia.edu/35064223 (дата обращения 01.04.2020).

[12] В соседней Индии мусульмане горячо отстаивают секулярность урду и, в отличие от пакистанцев, попытки «привязать» язык к исламу называют «политическими происками». Действительно, в Индии XXI в. язык урду (в арабо-персидском варианте алфавита) практически оказался вытеснен почти из всех сфер активной жизни страны, и сегодня он уже не является показателем религиозной идентичности индийских мусульман. Дети большинства мусульманских семей не знают арабо-персидский шрифт и не владеют литературным урду — его заменил хинди с письменностью деванагари.

Литература / References

Белокреницкий В. Я. Формирование и современное состояние пакистанской нации. *Восток (Oriens)*. 2019. № 2. С. 76–91 [Belokrenitsy V. Ya. Formation and Present Condition of Pakistani Nation. *Vostok (Oriens)*. 2019. 2. Pp. 76–91 (in Russian)].

Васильева Л. А. *Поэзия и проза на чужих берегах. Эмигрантская литература урду*. М., 2018 [Vasilyeva L. A. *Poetry and Prose in Strange Lands. Emigrant Urdu Literature*. Moscow, 2018 (in Russian)].

King Ch. R. *One Language, Two Scripts: The Hindi Movement in Nineteenth Century North India*. New Delhi, 1994.

McLane J. R. *The Political Awakening in India*. New Jersey, 1970.

Rahman T. Language Ideology, Identity and the Commodification of Language in the Call centers of Pakistan. *Language in Society*. 2009. 38. Pp. 233–258.

Rahman T. The Urdu-English Controversy in Pakistan. *Modern Asian Studies*. 1997. 31.1. Pp. 177–207.

The Constitution of the Islamic Republic of Pakistan (as modified upto the 28th February, 2012). National Assembly of Pakistan. Islamabad, 2012.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Гурбик Е. А. Использование Английского языка в Пакистане в различных коммуникативных сферах. *Academia.edu*. URL: https://www.academia.edu/35064223 (дата обращения 01.04.2020).

Thomas Babington Macaulay. *Wikipedia.org*. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Thomas_Babington_Macaulay (дата обращения 25.04.2020).

Pakistan to implement Urdu as official language, says minister. *Pakistan Today. Monitoring report*. 29.07.2015. URL: https://www.pakistantoday.com.pk/2015/07/29/pakistan-to-implement-urdu-as-official-language-says-minister/ (дата обращения 25.04.2020).

Persian language in the Indian subcontinent. *Wikipedia.org*. URL.: https://en.wikipedia.org/wiki/Persian_language_in_the_Indian_subcontinent (дата обращения 25.02.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-358-369

НАРЕЧИЯ, ОБОЗНАЧАЮЩИЕ ПРОМЕЖУТОК ВРЕМЕНИ, В ЭВЕНКИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Е. Л. Рудницкая*

В статье рассматривается категориальная принадлежность непроизводных слов, обозначающих период времени, связанный со сменой времен года и времени суток, и функционально являющихся наречиями: *боло-* «настать (об осени), осенью», *дюга-* «настать (о лете), летом», *долбо-* «настать (о ночи), ночью» и др. Эти наречия сравниваются с образованными от них существительными на *-нӣ*, которые с определенным падежным окончанием могут выступать в такой же наречной функции. Морфологическое совпадение наречия и глагольной основы (его можно описывать как конверсию) — типологически уникальное явление. Также типологически уникальна конверсия наречия в глагол. Формы же существительного в функции наречий или конверсия существительного в наречие — типологически частые явления, представленные и в эвенкийском, и в тунгусо-маньчжурских языках, и во многих других языках. Данные словарей эвенкийского языка, материал из других языков, данные словообразования позволяют заключить, что рассматриваемые наречия, кроме наречных и глагольных свойств, также имеют свойства именных основ. Такие основы можно описывать как исторически недифференцированные типа «глагол и имя» — в эвенкийском языке таких основ много (например, *агды* — «гром, греметь (о громе)»). Именное употребление этих основ исчезло в ряде диалектов, в том числе в литературном языке: *боло-* «начинаться (об осени), осенью», но не «осень». Вместо *боло* стало использоваться производное слово *боло-нӣ* «осень». Для словообразования основы типа *боло-* выступают не только как глагольные (*боло-ро-н* ‘настать(об.осени)-NFUT-3SG’ «провел осень»), но и как именные: слово *долбо-гида* «ночная/полуночная сторона, север» образовано с помощью суффикса *-гида*, присоединяющийся только к именным основам.

Ключевые слова: эвенкийский язык, наречие, период времени, категориальная принадлежность, лексика, морфология, словообразование.

Для цитирования: Рудницкая Е. Л. Наречия, обозначающие промежуток времени, в эвенкийском языке. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 358–369. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-358-369

ADVERBS DENOTING A TIME PERIOD IN EVENKI

Elena L. Rudnitskaya

In the paper, we consider the word class of non-derivative words denoting time periods related to changes of seasons and times of day, and functionally used as adverbs: *боло-* “to come [of autumn],

* Елена Леонидовна РУДНИЦКАЯ, доктор филологических наук, ведущий сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; erudnitsksya@gmail.com

Elena L. RUDNITSKAYA, DSc (Philology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; erudnitsksya@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-4455-262X

in autumn", *дюга-* "to come [of summer], in summer", *долбо-* "to come [of night], in the night", etc. These adverbs are compared to nouns derived from such adverbs with the affix *-нӣ*, which can function as adverbials with a certain case marker. The morphological identity of a verb base and an adverb (it can be regarded as a conversion) is a typologically unique phenomenon. Conversion of adverb into verb is also typologically unique. Nominal forms as adverbs, as well as noun-to-adverb conversions, on the other hand, are typologically rather frequent; such phenomena can be found in Evenki, in Tungus and Manchu, and in many other languages. Based on Evenki dictionaries, data from other languages, typology, and word formation we conclude that Evenki adverbs of time period have, besides adverbial and verbal characteristics, certain nominal characteristics. Such adverbs can be best regarded as historically non-differentiated bases of the type "verb and noun" — there are quite a lot of such bases in Evenki (e.g., *агды* — "thunder, to [make] thunder"). The nominal use of such bases has disappeared in certain dialects, including the literary language: *bolo-* "begin [of autumn], in autumn", but not "autumn" per se, whereas the derived word *bolo-nī* "autumn" entered the language replacing *bolo*. In word formation, bases such as *боло-* are not only verbal (*боло-ро-н* 'come [of autumn]-NFUT-3SG' «spent the autumn»), but also nominal: the word *долбо-гида* «the night/midnight side, North» is formed with the affix *-гида* that can only be attached to nominal bases.

Keywords: Evenki, adverb, period of time, word class, lexicon, morphology, word formation.

For citation: Rudnitskaya E. L. Adverbs Denoting a Time Period in Evenki. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 358–369. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-358-369

Эвенкийский язык — это множество говоров, на которых говорят в разных поселках (см. [Василевич, 1958; Мыреева, 2004]). Эти говоры не тождественны литературному эвенкийскому языку, созданному на основе непского, а затем полигусовского говора. В упомянутых эвенкийско-русских словарях в каждой словарной статье есть пометы относительно употребления заглавного слова в том или ином говоре. Между говорами много фонетических и лексических различий (что релевантно для исследуемого материала), есть отдельные морфосинтаксические различия.

Литературный язык, созданный в 1920–1930-х гг., отражает состояние говора сел районов рек Нижней Тунгуски, Подкаменной Тунгуски и Непы на указанный момент. В лексике и морфосинтаксисе современных как устных, так и письменных текстов есть много изменений и нововведений[1].

Наше исследование основано, в первую очередь, на устных текстах, записанных в экспедициях 1999–2019 гг. в разных районах распространения эвенкийского языка, в основном в Эвенкийском муниципальном районе, под руководством О. А. Казакевич. Эти тексты (истории из жизни, сказки) входят в корпус устных рассказов на селькупском, кетском и эвенкийском языках на сайте «Малые языки Сибири: наше культурное наследие»[2]. Большая часть примеров из письменных текстов (тексты из газет начала XXI в., а также некоторые переводные тексты начала XXI в.) и небольшое

[1] Устные рассказы более разнообразны по фонологическим и лексическим характеристикам. Письменные (литературные) тексты более однообразны и строятся в основном по правилам литературного языка, который сейчас упрощается и много заимствует из русского. В устных рассказах встречаются более архаичные лексика и морфосинтаксические конструкции, чем в письменном языке XXI в., но степень их сохранности у авторов рассказов варьируется по разным говорам и по возрастному критерию.

[2] *Малые языки Сибири: наше культурное наследие.* URL: http://minlang.srcc.msu.ru/ (дата обращения 21.03.2020) или http://gisly.net/corpus/ (дата обращения 01.03.2020). Эвенкийская часть корпуса создана Е. Л. Клячко при участии Н. К. Митрофановой.

количество сказок найдены на сайте «Корпусы Института этнографии и антропологии РАН» (КИЭА РАН)[3].

Рассмотрим примеры слов с наречными/ обстоятельственными функциями, которые используются в эвенкийском языке как обстоятельства, обозначающие временной промежуток. Мы подробно рассмотрим слова с основами *боло-* ‘осень’, *дюга-* ‘лето’, *неӈне-* ‘весна’[4], *тугэ-* ‘зима’, *долбо-* ‘ночь’, *тырга-* ‘день/рассвет’. В текстах середины XIX в. используется преимущественно наречие, состоящее из основы [Василевич, 1940, с. 118]. Ср. (1а-в)[5].

(1) *čaŋitib-ďak* ***bolo*** *bira-dū* *wakunajka-du* *bi-čə̄-n*
разбойничать-NMLZ.LOC **осень** река-DAT Вакунайке-DAT быть-PST-3SG
«Разбойничество было осенью на реке Вакунайке» [Лебедева, 1952]

(2) *bu* ***ďuga*** *amin-un* *nulgi-śin-ə-w*
1SG **лето** отец-COM аргишить-INCEP-NFUT-1PL
bira-lā *čiskowoj-dulā*
река-LOCALL Чисковая-LOCALL
«Летом мы с отцом укочевали на реку Чисковую» [Лебедева, 1952]

(3) ***dolbo*** *ďəpti-l* *əmə-čə̄-l* *ďu-la-tin*
ночь людоед-PL прийти-PTCP.ANT-PL чум-LOCALL-PS.3SG
gegəit *i* *gegəit* *hukə-či-l* *bi-nə-l*
с.другой.стороны и с.другой.стороны топор-COM-PL быть-PTCP.PF-PL
«Ночью пришли людоеды в их чум с той и с другой стороны, будучи с топорами»
[Лебедева, 1952]

Вместе с тем, в работе [Василевич, 1940, с. 73–74] отмечается, что от наречий или основ глагола типа *боло-* ‘осенью, настать (об осени)’ образуются имена со значением ‘осень’ на *-нӣ*: *боло* → *боло-нӣ*, и что аффикс *-нӣ* — это вариант причастного аффикса *-рӣ* PTCP.SIM. В имеющихся у нас текстах середины XX в. производное имя на *-нӣ* не используется (Г. М. Василевич отмечает, что имена на *-нӣ* — недавнее даже для XX в. новообразование).

Действительно, в устных рассказах начала XXI в. наречия, совпадающие с основой *боло-*, *дюга-* и т. д., употребляются тоже часто, но уже параллельно с дериватами

[3] *Корпусы Института этнографии и антропологии РАН.* URL: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php (дата обращения 25.02.2020).

[4] *Неӈне-* обозначает позднюю стадию весны, конец апреля и май, а начало весны обозначает другое слово *нэлки-* с аналогичными морфосинтаксическими свойствами и дериватами. В словарях также есть лексема *эвӣлэ-* ‘весна (апрель)’ – это слово в наших материалах не встретилось.

[5] При цитировании примеров из устного языка сохранена латинская транскрипция, принятая в корпусе рассказов, а в примерах из письменных текстов — нормализованное кириллическое написание корпуса (что связано с кириллической основой литературного языка). Глоссирование используется единообразное, разработанное для корпуса устных рассказов и немного измененное для удобства читателя.

на -*нӣ* (в дательном или винительном падеже), причем более молодые рассказчики, хуже владеющие архаичным эвенкийским языком, предпочитают имена на -*нӣ*. Ср. (4)–(6)[6].

(4) а. ***tugə***-*rikta* *ad'il-isi-ŋnə-Ø-m*
зимой-LIM сеть-NMLZ.INST-HAB-NFUT-1SG
«Зимой только рыбачу…» [устный рассказ]

б. ***tuɣə-ńī-dū*** *tar* *ńikə-d'ə-rə-Ø.*
настать(о.зиме)-**NMLZ**-**DAT** тот делать-IPFV-NFUT-3PL
«Это происходит (букв. «так делают») зимой» [устный рассказ]

в. *tarit-ta* *ədū* *bi-d'ə-fkī-l*
поэтому-FOC здесь быть-IPFV-PTCP.HAB-PL
tuɣə-ńī-wə *d'antakī-l* *tawər*
настать(о.зиме)-NMLZ-ACC росомаха-PL тот
«Поэтому здесь находятся всю зиму эти росомахи» [устный рассказ]

(5) а. *a* *toli* ***dolbo*** *libgə̄-rə-n*
а тогда **ночью** идти (о.сильном.снеге)-NFUT-3SG
«А ночью тогда замело» [устный рассказ]

б. *gē-dū* ***tirga-nī-dū***
другой-DAT **настать(о.дне)-NMLZ-DAT**
ə-to-m *əmə-rə*
NEG-FUTCNT-1SG прийти-PTCP.NEG
«На другой день не приду» [устный рассказ]

в. ***dolbo-ńī-wə*** *ətəji-t-čə-Ø-ndə* *oro-r-wo*
настать(о.ночи)-NMLZ-ACC стеречь-DUR-IPFV-NFUT-2SG олень-PL-ACC
«Всю ночь караулишь оленей» (чтоб олени не сбежали) [устный рассказ]

(6) а. ***дюга*** *мун-ду* *би-чэ-н* *автобуснай* *экскурсия*
летом 1PL(EXCL)-DAT быть-PST-3SG автобусный экскурсия
«Летом у нас была автобусная экскурсия» [газетный текст]

б. *эр* *аӈани-ду* *би* *хутэ-л-нун-ми*
этот год-DAT я ребенок-PL-COMIT-PS.1PL
таду *дэрумки-чи-Ø-м* ***дюга-ни-ва***
там отдыхать-IPFV-NFUT-1SG **настать(о.лете)**-NMLZ-ACC
«В этом году я со своими детьми там все лето отдыхаю» [газетный текст]

[6] Так, (4а-в) принадлежат одной рассказчице, В. Ёлдогир, рассказ записан в 2007 г. Имя на -*нӣ* в аккузативе ACC (-*нӣ-ва*) употребляется ((4в) и далее), если подразумевается полный охват временного промежутка. В (5а-б) один и тот же рассказчик – В. Андреев, а в (5в) — В. Сайготина. В (6а-в) приводятся примеры из газетных и образовательных письменных текстов.

в. *умун-ди* *турэн-ди* *гун-ми* ***дюга-ни-ду***
один-INST слово-INST говорить-CVB.COND **настать(о.лете)-NMLZ-DAT**
упкач-ин *дуннэ* *илмакта* *омакта* *о-вки*
весь-PS.3SG земля молодой новый делать-PTCP.HAB
«Одним словом, летом вся земля становится молодая, новая» [газетный текст]

Имена на *-нӣ* также употребляются более широко, чем в функции наречия, причем в этом случае нельзя заменить имя на *-нӣ* просто корнем (√*дюга-нӣ* vs. **дюга*) ср. (7а-д). Подобные употребления встречаются преимущественно в письменной речи или в рассказах тех авторов, которые в повседневной речи используют русский язык, мало употребляют оригинальные эвенкийские конструкции, такие как (8а-д), заменяя их кальками с русского языка[7].

(7) а. *утэлэ* *тауи-ву-ӈки-н* *ӈанмани-л-ла-н*
раньше считать-PASS-PSTITER-3SG период_комаров-INCH-NFUT-3SG
тар *эмэ-рэ-н* ***дюга-ни***
тот приходить-NFUT-3SG **настать(о.лете)-NMLZ**
«Раньше считалось, начался период комаров – это пришло лето» [газетный текст]

б. …*tōlī i taduk* *značit* **bolo-ńī** *mana-w-rə-n.*
тогда и потом значит **настать(об.осени)-NMLZ** кончаться-PASS-NFUT-3SG
«Тогда и потом, значит, осень кончилась» [устный рассказ]

в. ***неӈне-ни*** *эмэ-в-чэ-н*
настать(о.весне)-NMLZ приходить-CAUS-PST-3SG
эвэнки-л-ду *омакта-л-ва* *ову-р-ва*
эвенк-PL-DAT новый-PL-ACC ветер-PL-ACC
«Весна принесла эвенкам новые ветры» [газетный текст]

г. [***Боло-ни*** *бега-л-ва-н*]
настать(об.осени)-NMLZ месяц-PL-ACC-PS.3SG
да *гэрби-чи-ӈки-тын* *онтанэ*
и называть-DUR-RSTITER-3PL так
«Месяцы осени — называли же [их] так..» [газетный текст]

В устной речи регулярно и реже в письменной речи употребляются глагольные дериваты от данных основ: (8а-д)[8].

---

[7] Примеры (7а) из рассказа об эвенкийских обычаях и (7б) из рассказа В. Ивигина (в речи которого много калек с русского языка и кодовых переключений), в сравнении с (8в-г), воспринимаются как калькирование русских инхоативных (и терминативных) конструкций. Примеры (7в-г), особенно (7г), не содержат такого очевидного калькирования: так, в (7г) мы видим *болони* 'осень' в составе посессивной конструкции.

[8] В письменных текстах встречаются только примеры типа (8г) — с формой деепричастия условия/предшествования. Кроме того, только в письменной речи встречаются дериваты от основ *боло-*, *дюга-* и т. д. с аффиксом *-ри/-рӣ* ADJZ, это, вероятно, вариант аффикса *-р* ADJZ, который упоминается Г. М. Василевич и О. А. Константиновой [Константинова, 1964, с. 111] (этот аффикс относится к ядерной части литературного языка), или грамматикализованный аффикс *-ри/-рӣ* PTCP.SIM. Такие дериваты могут служить определениями, а также функционировать как существительные или обстоятельства

(8) а. *tōlī* *bi* ***d’uga-sā-w*** *ədū* *jəkondə-dū*
тогда я **настать(о лете)-PST-1SG** здесь Эконда-DAT
gulə-l-dū *otpuska-t-t’ə-nə*
изба-PL-DAT отпуск-VBLZ-IPFV-CVB.SIM
«Лето я провел (букв. «пролетовал») здесь, в Эконде, в деревне, в отпуске» [устный рассказ]

б. ***tirga-l-la-n*** *ŋinaki-r-wun*
настать(о.дне)-INCH-NFUT-3SG собака-PL-PS.1PL(EXCL)
mōtī-wo *gowo-l-čo-l*
лось-ACC лаять-INCH-PTCP.ANT-PL
«На рассвете наши собаки подняли лаем лося» [устный рассказ]

в. *tōlī=dō* ***bolo-ktowo****-n*
тогда=FOC **настать (об.осени)**-**CVB.ANTCNT**-PS.3SG
ahī-la-Ø-m
женщина-VBLZ.OBJ-NFUT-1SG
«Тогда-то, осень как только настала, я женился» [устный рассказ]

г. *хата* ***боло-роки-н*** *1941* *анңани-ду* *булэ-р*
все.же **настать(об.осени)-CVB.COND.DS** 1941 год-DAT враг-PL
хэгды-вэ *Россия* *дуннэ-вэ-н* *тагды-ра-Ø*
большой-ACC Россия земля-ACC-3SG отобрать-NFUT-3SG
«Все-таки, когда настала осень 1941 года, противник захватил бóльшую часть российской земли» [букв. «большую российскую землю»] [газетный текст]

Г. М. Василевич полагает, что основы данного типа не могут быть существительными, в отличие от основ, которые она относит к «основам недифференцированного типа»: *ургэ* «тяжесть, потяжелеть», *алба* «мель, мелкий, обмелеть» [Василевич, 1940, с. 42–44]. На материале эвенкийского языка практически нельзя доказать, что основы-наречия/ глаголы в примерах выше не могли также относиться к классу существительных на более ранней стадии развития эвенкийского языка. В работах [Константинова, 1964, с. 236; Болдырев, 2007, с. 840] утверждается, что основы рассматриваемых наречий не поддаются этимологизации. Однако О. А. Константинова говорит о литературном эвенкийском языке и признает, что в эвенкийских говорах некоторые из этих наречий также могут употребляться как существительные. Согласно словарям [Василевич, 1958; Мыреева, 2004], в которых учитываются различия между говорами, слова *боло*, *дюга*, *неңне*, *нэлки* (ранняя весна), *тугэ* могут в определенных говорах переводиться не только как наречия, но и как существительные (при этом указывается, для каких говоров перевод как существительное возможен). В словаре же современного литературного эвенкийского языка [Болдырев, 2000] эти слова переводятся только как наречия[9]. Названия дня и ночи (*долбо* и *тырга*) в

(с показателем *-dū* DAT). Дериваты на *-ри/-рū* и на *-р* встречаются только в письменных текстах, последние — довольно редко.

[9] *Нэлкэ* и *долбо* в этом словаре переводятся также и как существительные, однако нам не удалось найти примеры употребления этих слов как существительных (а *нэлкэ* — и как наречия) в письменных текстах.

словарях Г. М. Василевич и А. Н. Мыреевой также переводятся для некоторых говоров как существительные: *долбо* как ‘ночь’, а *тырга* как ‘рассвет’. Таким образом, именное употребление данных основ исчезло только в литературном языке, но сохранилось (или, по крайней мере, сохранялось в XX в.) в отдельных говорах.

Рассмотрим другие аргументы в пользу того, что данные основы все же исторически относились и к категории существительных, а не только глаголов.

Согласно работам [Аврорин, 1961, с. 21; 2000, с. 152–153; Мальчуков, 2008, с. 76], в других тунгусских языках родственные основы (эвен. *боло* ‘*осень*’, *нэлкэ* ‘ранняя весна’, *долба* ‘ночь’; нанай. *туэ* ‘зима’, *дёа* ‘лето’, *боло* ‘осень’) функционируют как имена (в эвенском — наряду с именами на *-ни*). В этимологическом словаре алтайских языков [Starostin et al., 2003, p. 382, 968, 1008, 1467] многие из этих основ (кроме обозначающих времена суток) приводятся как именные или как именные и глагольные (*bolo-*), то есть недеффиренцированные. Эти основы переводятся как имена и на про-тунгусском уровне, например, p. 1467 «PTung. ***tuge-** 1 cloud 2 winter (1 облако 2 зима)», и на уровне отдельных языков тунгусской группы — p. 382 «Evk. *bolo* 1, *bolgo* 2, *bolī-*»[10].

Кроме этих данных о тунгусской группе языков, в пользу гипотезы о существовании в прошлом и утрате существительных, обозначающих время суток, говорят типологические данные. В эвенкийском языке очень многочисленны наречия времени и места, которые морфологически являются формами существительных. Например, согласно [Василевич, 1940, с. 51–53; Константинова, 1964, с. 129–131, 134] падежные формы имен со значением места или расстояния (*горо* «даль», *амар* «зад») функционируют как обстоятельства места или времени в разных падежных формах. В устных рассказах аккузативная форма от *горо/goro* может быть и обстоятельством времени (*goro-wō* даль-ACC «давно»), и, реже, места (*goro-kon-wo* далеко-ATTEN-ACC «далековато»). Формы локативно-аллативного LOCALL, пролативного PROL и аллативного ALL падежей (-(*(du)lā*, *-(du)lī*, *-t(i)ki*)) функционируют как обстоятельства места («далеко»), формы датива и аблатива (*-dū*, *-duk*) в разных контекстах и говорах функционируют как обстоятельства места или времени («далеко», «издалека», «давно», «издавна»[11]). Сами основы типа *горо* тоже могут выступать как обстоятельства, и кроме того могут функционировать как прилагательные (см. сноску 13).

Конверсия имени существительного (в исходной или в определенной (падежной) форме) в наречие — достаточно типологически частое явление, см. примеры индоевропейских и неиндоевропейских языков [Word formation, 2016a, p. 2406; 2016b, p. 3105, 3121, 3136, 3158, 3486, 3504, 3544, 3652, 3653, 3704, 3717; Blazhtek, 2019, p. 184–185, 197]: (русский язык (*прийти* ***вечером***), немецкий *Morgen* ‘утро’ → *morgen* ‘завтра’, албанский *mot* «год» → *mot* «на следующий год»; аналогичные формы есть в литовском, латвийском языке, тюркских языках, монгольских языках, в языках Кавказа).

Отглагольные наречия, если и встречаются в языках мира, то это обычно формы, полученные не путем конверсии, а аффиксации; конкретно — застывшие формы деепричастий, например, в аварском или даргинском языках [Word formation, 2016b, p. 3544, 3653–3654], или формы, полученные аффиксальным способом. О подобных

[10] В этих цитатах приводятся данные из работы [Сравнительный словарь, 1975; 1977].

[11] См. также [Болдырев, 2007, с. 828–840]. В целом, у форм локативных падежей временное значение в литературном языке или нормализованной записи встречается чаще, а в устных рассказах преобладают пространственные употребления.

наречиях упоминает О. А. Константинова [Константинова, 1964, с. 235, 237]: *дюллэ-* «провести два дня» → *дюллэ-нэ* ‘провести.два.дня-CVB.SIM’ «в течение двух дней»; *долбо-лтōно* «вечером» (настать(о.ночи)-ADVZ.PERIOD[12]). Также в грамматиках и словарях [Константинова, 1964, с. 235; Болдырев, 2007, с. 836–837] пишут о наречиях на *-ласа*, которые могут образовываться от неспецифицированных основ: *халгā* «первый снег, выпасть (о первом снеге)» → *халгā-ласа* «в период первого снега».

Конверсия гораздо чаще происходит в направлении «существительное → наречие» и «прилагательное → наречие», это показывает и эвенкийский материал, ср. выше *горо* «даль, далекий», а также «давний, давно»[13]; аффикс *-мāн* может образовывать от существительных и прилагательные, и наречия [Василевич, 1958, с. 771]). Таким образом, конверсия «основа глагола → наречие» не имеет типологических параллелей, в то время как конверсия» «существительное → наречие» — типологически более обоснованный анализ. Если предположить, что, наоборот, глагол типа *дюга-* «настать (о лете)» образован путем конверсии от наречия *дюга* «летом», тут тоже трудно найти типологические параллели: только в отдельных языках от наречий образуются глагольные основы, причем аффиксальным способом, а не путем конверсии.

Как уже говорилось, в эвенкийском языке существует довольно много недифференцированных [Василевич, 1940, с. 42–44], или категориально недоопределенных основ, и одна из групп таких слов обозначает явления природы: *агды* — «гром, греметь (о громе)», *ӯгэ* «волна, колыхаться, плескаться (о волнах)»[14]. Например, (9а-б).

(9) а. *…дэгин-дук-ин* *долды-в-дя-ӈки* ***агды***
левая.сторона-ABL-PS.3SG слышать-PASS-PSTITER[15] **гром**
«…слева слышался гром» [газетный текст]

б. *…уӈкумэ-т* *уӈку-де-ӈки* *со-мама-т*
проливной-ADVZ лить(о.ливне)-IPFV-PSTITER очень-INTS-ADVZ
агды-дя-ӈки *хелкин-ил* *килунэ-де-вки-л*
греметь(о.громе)-IPFV-PSTITER молния-PL мелькать-IPFV-PTCP.HAB-PL
«…лил проливной дождь, сильно гремел гром, сверкали молнии» [газетный текст]

---

12 О. А. Константинова считает, что *долбо-лтō-но* — застывшая форма деепричастия на *-на* CVB.SIM: настать (о.ночи)-ADVZ.ORDER-CVB.SIM. Наш деривационный анализ в основном тексте (*долбо-лтōно*) такой же, как в работах [Василевич, 1958, с. 768; Болдырев, 2007, с. 836]. Интересно, что Б. В. Болдырев относит наречия на *-лтōно* к «адвербиализованным падежным формам имени» (с. 828), но на с. 836 пишет, что эти формы «образованы, по всей видимости, от глагольных основ».

13 Прилагательные и наречия часто совпадают по форме, как в случае *горо*. Это типологически частое явление, представленное в самых разных языках: осетинском, удмуртском, баскском, татарском, калмыцком, рутульском языках, а также в уральских и алтайских языках [Word formation, 2016b, p. 3158, 3272, 3345, 3411, 3482–3483, 3674, etc.].

14 Ср. аналогичные эвенские конструкции в работе [Мальчуков, 2008, с. 46].

15 В языке газет окончание 3SG (*-н*) после показателя прошедшего итеративного времени PSTITER (*-ӈки*) часто опускается, что говорит о контаминации этого показателя с показателем хабитуального причастия PTCP.HAB (*-пки*/*-вки*). Причастия в эвенкийском часто функционируют в качестве главного глагола предложения [Константинова, 1964, с. 140–146; Колесникова, 1966, с. 115–119, Рудницкая, 2015, и др.].

Таким образом, если принять гипотезу об утрате имен *боло*, *дюга* и т. д. в эвенкийском языке, глаголы, обозначающие смену времен года и дня и ночи, можно соотнести с другими глаголами, обозначающими природные явления, и также функционирующими как существительные.

Наконец, у основ *долбо-* и *боло-* в словообразовании есть следы того, что они раньше относились к именной категории. Во-первых, аффикс *-лтā* (ADVZ.ORDER) в *долбо-лтō-но* «вечером» (если выделять *-лтā* в отдельный аффикс, см. сноску 12), образует существительные или наречия от существительных: например, *амар* «зад» → *амар-улта* «вереница (ряд), вереницей (гуськом)». Как нам кажется, приведенное выше в основном тексте глоссирование *долбо-лтōно* (настать(о.ночи)-ADVZ.PERIOD) и глоссирование О. А. Константиновой в сноске 13 оба недостаточно обоснованы, а более правильным было бы следующее: *долбо-лтō-но* настать(о.ночи)-ADVZ.ORDER-ADVZ.MODE. Тем более, что наречная форма *долбо-лто* ночь-ADVZ.ORDER найдена в эвенкийской «Библии для детей»[16], ср. (10):

(10)

…*Нуӈан-дук-ингэлэ̄ни-л-чэ̄-л*		*мун-нӯн,*
Он-ABL-PS.3SG	просить-INCH-PTCP.ANT-PL	1PL(EXCL)-COMIT
эмэ̄н-му-кэл	*инэӈӣ*	
оставить-PASS-IMPER.2SG	день	
долбо-лто	*ō-дя-ра-н*	
ночь-ADVZ.ORDER	делать-IPFV-NFUT-3SG	

(Ученики) «стали просить Его: “Останься с нами, потому что день (уже) склонился к вечеру”» (букв. «к ночи») [переводной текст]

К *боло-* также может (в единичных случаях) присоединяться аффикс *-гида* SIDE, который образует существительные от существительных: ср. *дō(н)* «внутренность» → *до-**гида**(-н)* — внутренняя сторона чего-л; *muruktə-**gida**-tkī* Мурукты-SIDE-ALL «в сторону Мурукты» и (11):

(11)

hawal-ďa-nə-l	*ŋənə-ďə-rə-Ø*	*əduk*
работать-IPFV-CVB.SIM-PL	ехать-IPFV-NFUT-3PL	отсюда
…***bolo-gidā-dū***	*is-sa-l*	
настать(об.осени)-SIDE-DAT	достигнуть-PTCP.ANT-PL	
tar	*tukalan-mə*	
тот	Песочная-ACC	

«Работая, едут отсюда, к осени доехав до Тукалана (Песочной)» [устный рассказ]

Слово *боло-гида-дӯ* «к осени, в начале осени» зафиксировано в словаре [Болдырев, 2000, с. 75], причем Б. В. Болдырев в работе [Болдырев, 2007, с. 101] приводит как пример на отыменной аффикс *-гида* дериват *боло-гидā* «осеннее время», хотя не указывает примеров на употребление этого слова[17]. В словарях А. Н. Мыреевой и Б. В. Болдырева

[16] Издание 2011 г., перевод с русского. Источник — сайт КИЭА РАН. URL: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/search.php (дата обращения 01.04.2020).

[17] В текстах газет вместо *bolo-gidā-dū* нашлось синонимичное слово *боло-р-гида-тки* настать(об.осени)-ADJR-SIDE-ALL; здесь аффикс *-гида* присоединяется к производной основе прилагательного *боло-р-* «осенний», а не к самой основе *боло-*.

[Болдырев, 2000, с. 166; Мыреева, 2004, с. 166] аффикс *-гида* упоминается также при основе *долбо-* (→ *долбо-гида* «ночная/полуночная сторона, север»).

Таким образом, несмотря на единичные примеры (что в словообразовании не редкость) мы видим, что у рассматриваемых основ словообразовательные свойства имени несомненно есть.

Подытожим рассмотренные данные и лингвистическую аргументацию. В современном литературном языке наречия, обозначающие времена года и суток (*боло-*, *тугэ-*, *тырга-* и т. д.), совпадают с основами глаголов, обозначающих наступление того или иного периода. Существительное, обозначающее этот период, образуется от основы наречия/глагола суффиксальным методом. Мы привлекли (1) данные диалектов, а не только литературного языка; (2) данные других языков тунгусо-маньчжурской группы; (3) данные этимологического словаря алтайских языков; (4) более широко данные типологии о словообразовательных моделях образования наречий от глаголов и наречий от существительных (прилагательных); (5) важную характеристику эвенкийского лексикона и грамматики: наличие недифференцированных (категориально недоопределенных) основ, выступающих и как глагольные, и как именные, включая основы, обозначающие природные явления; (6) словообразовательные характеристики изучаемых основ.

Все эти данные говорят о том, что основы глаголов смены времен года и суток имеют следы характеристик недифференцированных основ. Однако к середине XIX в. эти основы перестали употребляться как существительные, по крайней мере они не зафиксированы в литературном языке, и вместо них стали употребляться дериваты от этих основ на *-нū*. Такая трактовка материала ставит эвенкийские конструкции, связанные с временами года и суток, в общетунгусский контекст, преподносит эти конструкции как типичные для эвенкийской грамматики и в типологическом контексте. Нет необходимости утверждать, что данные конструкции типологически уникальны и не имеют аналогов в других языках.

Глоссы / Glosses

1 — 1-е лицо, 2 — 2-е лицо, 3 — 3-е лицо, ACC — аккузатив, ABL — аблатив, ADVZ — показатель адвербализации, ADVZ.MODE — показатель адвербализации, образующий наречия образа действия, ADVZ.ORDER — показатель адвербализации, образующий наречия со значением порядка, ADVZ.PERIOD — показатель адвербализации, образующий наречия со значением периода времени, ALL — аллатив, ANT — (причастие) предшествования, ANTCNT — (причастие) непосредственного предшествования, ATTEN — аттенуатив, CAUS — каузатив, COM показатель обладания чем-либо, COMIT — комитатив, COND — условное (деепричастие), CVB — конверб (деепричастие), DAT — датив, DS — разносубъектный, DUR — дуратив, EXCL — эксклюзивное (множественное число), FOC — энклитика (частица), маркирующая фокус или коммуникативное выделение, FUTCNT — непосредственно будущее (время), HAB — хабитуалис (аспект) или хабитуальное (причастие), IMPER — императив, INCEP — инцептив (смысл начала действия), INCH инхоатив, INST — инструменталис, ITER — итератив, IPFV — имперфектив, LIM лимитатив (ограничительный аффикс), LOCALL — локатив-аллатив, NFUT — небудущее (время), NMLZ — показатель номинализации, NMLZ.INST — показатель номинализации, образующий название инструмента, используемого при действии, NMLZ.LOC — показатель номинализации,

образующий имя со значением места действия, NMLZ.RES — показатель номинализации, образующий имя со значением результата действия, PASS — пассив, PF — перфектное (деепричастие), PL — множественное число, PROL — пролатив, PRS — настоящее (время), PS — посессивный (аффикс), PST — прошедшее (время), PSTITER — прошедшее итеративное (время), PTCP — причастие, RFL — рефлексив, SG — единственное число, SIDE — сторона чего-то (производящей основы), SIM — (причастие) одновременности, VBLZ — показатель вербализации, VBLZ.OBJ — показатель вербализации при образовании глагола от имени, обозначающего предмет, который является объектом действия.

Литература / References

Аврорин В. А. *Грамматика нанайского языка.* Т. 2. М., Л., 1961 [Avrorin V. A. *The grammar of Nanai.* Vol 2. Moscow, 1961 (in Russian)].

Аврорин В. А. *Грамматика маньчжурского письменного языка.* СПб., 2000 [Avrorin V. A. *The grammar of the written Manchu language.* Saint-Petersburg, 2000 (in Russian)].

Болдырев Б. В. *Эвенкийско-русский словарь.* Т. 1. Новосибирск, 2000 [Boldyrev B. V. *The Evenki-Russian dictionary.* Vol. 1. Novosibirsk, 2000 (in Russian)].

Болдырев Б. В. Морфология эвенкийского языка. Ред. В. А. Роббек. Новосибирск, 2007 [Boldyrev B. V. *Evenki morphology.* Ed. V. A. Robbek. Novosibirsk, 2007 (in Russian)].

Василевич Г. М. *Очерки грамматики эвенкийского (тунгусского) языка.* Л., 1940 [Vasilevich G. M. *Essays on Evenki (Tungus) grammar.* Leningrad, 1940 (in Russian)].

Василевич Г. М. *Эвенкийско-русский словарь.* М., 1958 [Vasilevich G. M. *The Evenki-Russian Dictionary.* Moscow, 1958 (in Russian)].

Колесникова В. Д. *Синтаксис эвенкийского языка.* М., 1966 [Kolesnikova V. D. *The syntax of Evenki.* Moscow, 1966 (in Russian)].

Константинова О. А. *Эвенкийский язык. Фонетика. Морфология.* М., 1964 [Konstantinova O. A. *The Evenki language. Phonetics. Morphology.* Moscow, 1964 (in Russian)].

Лебедева Е. П. Тексты на эвенкийском языке, записанные в экспедиции 1952 г. *Архив ИЛИ РАН.* С. 1010707–1010716; с. 1010206–1010562 [Lebedeva E. P. Texts in Evenki recorded in expeditions. *Archive of ILR RAN.* Pp. 1010707–1010716; Pp. 1010206–1010562 (in Russian)].

Мальчуков А. Л. *Синтаксис эвенского языка: структурные, семантические, коммуникативные аспекты.* СПб., 2008 [Mal'chukov A. L. *Syntax of the Even language: structural, semantic, communicative aspects.* Saint-Petersburg, 2008 (in Russian)].

Мыреева А. Н. *Эвенкийско-русский словарь.* Новосибирск, 2004 [Myreeva A. N. *The Evenki-Russian dictionary.* Novosibirsk, 2004 (in Russian)].

Рудницкая Е. Л. Грамматические характеристики устных рассказов 2005–2011 гг. как свидетельство намечающихся тенденций изменения в разговорном эвенкийском языке. *Сибирский филологический журнал.* 2015. № 2. С. 153–163 [Rudnitskaya E. L. Grammatical features of the oral stories of 2005–2011 as evidence for the tendencies of change in the colloquial Evenki language coming up. *Siberian Journal of Philology.* 2015. 2. Pp. 153–163 (in Russian)].

Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: Материалы к этимологическому словарю. В 2-х томах. Отв. ред. Цинциус В. И. Т. I. Л., 1975. Т. II. Л., 1977 [*Comparative dictionary of Tungus and Manchu languages: Materials for an etymological dictionary.* Vol. I–II. Ed. by V. I. Tsintsius. Saint Petersburg, 1975, 1977 (in Russian)].

Blažek V. *Altaic Languages: History of research, survey, classification, and a sketch of comparative grammar.* In collaboration with Schwarz M. and Srba O. Brno, 2019.

Starostin S., Dybo A., Mudrak O. *Etymological dictionary of the Altaic languages*. With assistance of Gruntov I. and Glumov V. Leiden, Boston, 2003.

Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Vol. 4. Ed. by P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer. Berlin, Boston, 2016a.

Word-Formation. An International Handbook of the Languages of Europe. Vol. 5. Ed. by P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer. Berlin, Boston, 2016b.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Корпусы Института этнографии и антропологии РАН (КИЭА РАН). URL: http://corpora.iea.ras.ru/corpora/texts.php (дата обращения 15.09.2019).

Малые языки Сибири: наше культурное наследие. URL: http://minlang.srcc.msu.ru/ (дата обращения 21.03.2020) или http://gisly.net/corpus/ (дата обращения 01.03.2020).

DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-370-373

СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ПОЛИТИЧЕСКОГО И ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ТУРЦИИ

 А. В. Болдырев, Н. Ю. Ульченко[*]

Вниманию читателей предлагается обзор круглого стола «Современные тенденции политического и экономического развития Турции», который был проведен Сектором Турции ЦИСБСВ ИВ РАН в декабре 2019 г. В работе круглого стола приняли участие эксперты ИВ РАН, ИМЭМО РАН, СПбГУ, Южного федерального университета. Доклады участников были посвящены политической, экономической ситуации и состоянию курдского вопроса в Турции, геополитической роли Турции в регионе и мире, состоянию и основным этапам развития двусторонних отношений Турецкой Республики с РФ, США, Ираном, Сирией, Израилем, Китаем. Был проанализирован такой аспект экономической политики периода правления в Турции Партии справедливости и развития, как повышение значимости внешних источников финансирования в качестве фактора экономического роста (ПСР). В ходе выступлений участники отметили также, что в отношениях Турции и Ирана будет сохраняться стратегия балансирования, и что второй «сирийский кризис» не повлияет на военное сотрудничество России и Турции. Обсуждались изменения в политике Р. Т. Эрдогана и особенности взаимоотношений Турции со странами Европейского Союза по миграционной проблеме. Были проанализированы главные положения и основополагающие стратегии, принятые турецким правительством для развития экономики и роста объемов экспорта и рассмотрены перспективы развития двусторонних связей Турции и Китая. Отдельное внимание докладчики уделили рассмотрению позиции военно-политического руководства Израиля в отношении действий Анкары в Восточном Иерусалиме, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа.

Ключевые слова: экономика, политика, тенденции, Турция, ЕС, Иран, Китай, Израиль.

Для цитирования: Болдырев А. В., Ульченко Н. Ю. Современные тенденции политического и экономического развития Турции. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2020. № 2. С. 370–373. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-370-373

[*] Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-3982-2848

Наталия Юрьевна УЛЬЧЕНКО, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ulchenko-n@rambler.ru

Natalia Yu. ULCHENKO, DSc (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; ulchenko-n@rambler.ru

ORCID ID: 0000-0002-0078-1199

CURRENT TRENDS IN POLITICAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT OF TURKEY

Andrey V. Boldyrev, Natalia Yu. Ulchenko

The article is a review of the round table conducted by the Turkey Sector of the Center for the Study of Near and Middle East of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences in December 2019. Experts from the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, IMEMO RAS, Saint Petersburg State University, and the Southern Federal University took part in the round table. Participants gave talks on Turkey's political and economic situation as well as national issues; the geopolitical role of Turkey in regional and world politics; the current state, and the main stages in development, of bilateral relations between the Turkish Republic and the Russian Federation, the USA, Iran, Syria, Israel, and China. In particular, during the speeches the participants noted that a balanced strategy would be maintained in relations between Turkey and Iran, and that the second "Syrian crisis" would not affect the military cooperation between Russia and Turkey. The round table also examined and analysed changes in the policies of R. T. Erdogan; Turkey's interactions with the European Union on the subject of migration; provisions and strategies adopted by the Turkish government to encourage export growth; and prospects for the development of bilateral relations between Turkey and China. Discussions also touched upon issues of national minorities in modern Turkey, as well as the position of Israel's military and political leadership regarding the actions of Ankara in East Jerusalem, on the West Bank and in the Gaza Strip. Participants exchanged views on the situation in and around Turkey itself, and made informed assessments and predictions regarding relevant further developments.

Keywords: economy, politics, trends, Turkey, EU, Iran, China, Israel.

For citation: Boldyrev A. V., Ulchenko N. Yu. Current Trends in Political and Economic Development of Turkey. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2020. 2. Pp. 370–373. DOI: 10.31696/2618-7302-2020-2-370-373

2 декабря 2019 г. Сектор Турции Центра изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН провел круглый стол «Современные тенденции политического и экономического развития Турции». В работе круглого стола приняли участие эксперты Института востоковедения РАН, ИМЭМО РАН, факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, Центра междисциплинарных гуманитарных исследований Южного федерального университета (Ростов-на-Дону). Заседание состоялось в Институте востоковедения РАН.

Сообщения участников были посвящены анализу политической и экономической ситуации, курдской проблематики, геополитической роли Турции в региональной и мировой политике, состоянию и основным этапам развития двусторонних отношений Турецкой Республики с РФ, США, Сирией, Израилем, Китаем.

Руководитель сектора Турции ИВ РАН, ведущий научный сотрудник Н. Ю. Ульченко выступила с сообщением «Экономическая политика ПСР. К вопросу об утраченном исламском элементе», остановившись на таком аспекте экономической политики периода правления в Турции Партии справедливости и развития, как повышение значимости внешних источников финансирования в качестве фактора экономического роста. Несмотря на то, что активная опора на зарубежное

финансирование противоречит канонам школы исламской экономики, 2000-е гг. ознаменовались расширением и углублением связей Турции с глобальным финансовым рынком. В итоге экономика Турции, с одной стороны, смогла выйти на более высокие темпы роста, но с другой — неоднократно оказывалась и, очевидно, будет оказываться впредь заложником возросшей зависимости от притока / оттока средств извне.

Сотрудники Института востоковедения РАН выступили с докладами: И. И. Иванова — «Динамика развития отношений между Турцией и Ираном в XXI в.», А. В. Болдырев — «К вопросу о состоянии турецких ВМС в Черном море в 1991–2019 гг.», Д. Б. Графов — «Политическая трансформация Р. Т. Эрдогана».

По мнению *И. И. Ивановой*, турецко-иранские отношения в период правления Партии справедливости и развития (ПСР) прошли несколько этапов развития, и влияние на эти этапы оказывали как региональная ситуация (события Арабской весны, события в Сирии, Астанинский процесс), так и непосредственное взаимодействие двух стран в политической и экономической сферах. В целом, в отношениях двух стран будет сохраняться стратегия балансирования между общими задачами и целями каждой из сторон: т. е. будет выражена готовность к сотрудничеству там, где интересы двух стран пересекаются.

С точки зрения *А. В. Болдырева*, анализ развития турецких ВМС позволяет сделать вывод о том, что пополнение корабельного состава Турции носит качественный характер. В своей военной политике Турция переориентируется с Черного моря на восточно-средиземноморское направление. Он отметил, что, несмотря на второй «сирийский кризис» в российско-турецких отношениях, взаимодействие российских и турецких ВМС в перспективе будет продолжено.

В докладе *Д. Б. Графова* дан анализ изменений в политике Р. Т. Эрдогана по мере укрепления его власти. Популистская легитимация авторитарной власти Эрдогана происходит через расширение суверенитета, основанного на османском наследии, с которым должен считаться Запад. В стране действует принцип «служение государству — служение Эрдогану». Поэтому следование политике Эрдогана признается единственно возможной официальной линией.

Сотрудники Сектора Турции ИВ РАН осветили вопросы, связанные с подходами к изучению темы турецкого кино в русскоязычном медиапространстве (И. Г. Саетов), взаимоотношениями Турция и ЕС после повторных выборов мэра Стамбула (А. Г. Гаджиев), географической структурой внешней торговли Турции в период правления Партии справедливости и развития в 2002–2013 гг. (С. Л. Волкова).

А. Г. Гаджиев исследовал процесс продолжающейся внутриполитической трансформации Турции. По мнению докладчика, турецкие усилия в решении миграционной проблемы в европейских странах оказали сдерживающее воздействие на лидеров ЕС в плане критики режима Р. Т. Эрдогана.

В сообщении *С. Л. Волковой* выделены и проанализированы главные положения и основополагающие стратегии, принятые турецким правительством для роста объемов экспорта, его диверсификации, сокращения зависимости страны от импорта и выхода на приоритетные торговые рынки. Автор выделила основные направления развития внешней торговли Турции. Так, отмечается, что наряду с сохранением лидирующего сотрудничества Турции с европейскими партнерами, имела место тенденция

сокращения разрыва между странами ЕС и другими регионами за счет их все возрастающей доли во внешней торговле Турции.

Эксперты из других организаций — ИМЭМО РАН, СПбГУ, ЮФУ (Южно-Федеральный Университет) — остановились на основных направлениях современных турецко-китайских отношений (И. А. Свистунова), конкуренции национальных проектов в Турции на примере черкесов и крымских татар (В. В. Цибенко), позиции израильского руководства и экспертного сообщества по вопросам межгосударственных отношений Турции и Израиля на современном этапе (В. В. Корочкина).

В своем сообщении *И. А. Свистунова* (ИМЭМО) отметила, что на современном этапе отношения между Турцией и Китаем активно развиваются, включая в себя различные направления взаимодействия. Ключевым источником разногласий между Анкарой и Пекином по-прежнему остается уйгурский вопрос, однако обе стороны прилагают усилия для снижения влияния этой проблемы на перспективы развития двусторонних связей.

В сообщении *В. В. Цибенко* (ЮФУ) было исследовано взаимодействие доминирующего турецкого национального проекта и национальных проектов этнических меньшинств Турции, представлена вариативность этнонациональных проектов. По мнению докладчика, в Турции наряду с государственным проектом одновременно сосуществуют как узкоэтнические национальные проекты (черкесско-адыгский и крымско-татарский), так и комплементарные турецкому национальному проекту псевдоэтнические проекты (черкесский-общекавказский, крымско-тюркский).

В. В. Корочкина (СПбГУ) рассмотрела позицию военно-политического руководства Израиля в отношении действий Анкары в Восточном Иерусалиме, на Западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Внешнеполитическая линия израильского правительства сопоставляется с оценками в израильском экспертном сообществе, поскольку мнения в этой среде по ключевым вопросам израильской политики, как правило, отличаются разнообразием. Значительная часть авторитетных экспертов в Израиле — это бывшие высокопоставленные военные, выходцы из спецслужб и представители академических кругов, нередко критически относящиеся к политике действующего правительства.

В процессе развернувшейся дискуссии состоялся обмен мнениями о положении в самой Турции и вокруг нее, были высказаны прогнозные оценки относительно дальнейшего развития ситуации.

Подписано в печать 01.06.2020. Формат 60x84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Усл. печ. л. 46,75. Уч.-изд. л. 30,4.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru